

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

49

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2014 Issue 49

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexico

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Constance BLACKWELL
International Society
for Intellectual History

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewicza
w Poznaniu

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Nina A. KHACHATURIAN
Lomonosov Moscow State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2014 Выпуск 49

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный университет
Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

Констанс БЛЭКВЭЛ
Международное общество
интеллектуальной истории

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
Высшая школа экономики
Национальный исследовательский
университет

Дюла СВАК
Будапештский университет
имени Лоранда Этвеша

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ББК 63.3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук
ВЕДЮШКИНА И. В., научный сотрудник
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ЗВЕРЕВА В. В., кандидат исторических наук, доцент
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
МАКАРЕНКОВА Е. М., доктор исторических наук
МАЛОВИЧКО С. И., доктор исторических наук, профессор
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент
(заместитель главного редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
(ответственный секретарь)
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 49

М.: ИВИ, 2014. — 400 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME 49

Moscow: IWN, 2014. — 400 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

ISSN 2073–7564

Эл. № ФС 77-53624

Подписной индекс
в общероссийском каталоге «Роспечать»

36030

© Общество интеллектуальной истории, 2014

© Институт всеобщей истории, 2014

© Журнал «Диалог со временем», 2014

АКВИЛОН

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2014 Выпуск 49

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный университет
Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

Констанс БЛЭКВЭЛ
Международное общество
интеллектуальной истории

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
Высшая школа экономики
Национальный исследовательский
университет

Дюла СВАК
Будапештский университет
имени Лоранда Этвеша

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ББК 63.3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук
ВЕДЮШКИНА И. В., научный сотрудник
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ЗВЕРЕВА В. В., кандидат исторических наук, доцент
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
МАКАРЕНКОВА Е. М., доктор исторических наук
МАЛОВИЧКО С. И., доктор исторических наук, профессор
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент
(заместитель главного редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
(ответственный секретарь)
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 49

М.: ИВИ, 2014. — 400 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME 49

Moscow: IWN, 2014. — 400 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

ISSN 2073–7564

Эл. № ФС 77-53624

Подписной индекс
в общероссийском каталоге «Роспечать»

36030

© Общество интеллектуальной истории, 2014

© Институт всеобщей истории, 2014

© Журнал «Диалог со временем», 2014

АКВИЛОН

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

М. П. ЛАПТЕВА

ИДЕАЛЬНО-ТИПИЧЕСКИЙ МЕТОД МАКСА ВЕБЕРА КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

В статье рассматривается вклад Макса Вебера в теорию цивилизаций. Особое место уделено понятию «картина мира». Значительную часть веберовского социологического наследия можно считать попыткой создания сравнительной истории цивилизаций. В концепциях Макса Вебера в большей степени, чем у Тойнби, осутим учет динамики всемирно-исторического процесса, а, следовательно, и динамики цивилизаций. По объему включенного в анализ материала Макс Вебер уступает Тойнби, но по глубине анализа, скорее, соперничает с ним. Цивилизация у Вебера предстает как способ бытия тех или иных народов и как своеобразная «картина мира», возникающая у них при осмыслении бытия. Он считал, что эмпирические наблюдения и их обобщения недостаточны для объяснения природы цивилизаций, и предложил совершенно новый метод для раскрытия сущности общества, построенного людьми, стремился объяснить мир их мотиваций и ценностей.

Ключевые слова: идеальный тип, Макс Вебер, цивилизации, «картины мира».

В 2014 году исполнилось 150 лет со дня рождения выдающегося немецкого ученого – Макса Вебера. Несмотря на всестороннюю изученность научного творчества этого автора, многие его аспекты вновь и вновь привлекают внимание исследователей. Мне представляется, что ныне – в условиях глобализации некоторые идеи М. Вебера не просто востребованы, но могут быть истолкованы в новом контексте.

Современные философы выделяют в глобализации два взаимосвязанных аспекта: объективный, то есть то, что происходит независимо от воли вовлеченных в этот процесс людей, и субъективный, включающий ценностное принятие либо неприятие идей, влияющих на действия, ведущие к глобализации¹. Именно в этом, субъективном аспекте мне кажется важным то, что было сделано Максом Вебером в теории и практике анализа цивилизаций. Изучая его наследие более двух десятилетий, я убедилась в том, что минувшее столетие не уменьшило теоретическую значимость его трудов.

Уровень любого мыслителя, а особенно политического, определяется степенью живучести его идей. Множество идей Макса Вебера, большое число понятий, введенных, либо уточненных им, находятся в

---

¹ Силантьева. 2014. С. 8.

постоянном обороте на территории гуманитарных наук. У него была какая-то врожденная способность к критическому анализу феноменов, к логике образования понятий, весьма развитая в довольно тесном общении с Г. Риккертом и другими представителями баденской школы, считавшей логику центральной философской дисциплиной.

Макса Вебера не принято называть культурологом или тем более цивилиографом, прежде всего потому, что при его жизни такие понятия еще не употреблялись. Однако его исторические и социологические изыскания дают достаточное количество исследовательских и теоретических результатов, согласно которым можно не только констатировать его глубочайший вклад в эти сферы знания, но и утверждать важность его воззрений для современного анализа.

Еще в 60-е гг. XX века в связи со столетием Макса Вебера началось своеобразное возрождение научного интереса к его творчеству, в Европе появилось желание видеть в нем крупнейшего гуманитарного классика. Среди различных интерпретаций его творчества была заметна тенденция к тому, чтобы сделать акцент на глобальности тем и проблем, поставленных и изученных М. Вебером, что и давало возможность включить его и в число теоретиков цивилизации. В 1980–1990-е гг. эта тенденция проявилась и в работах российских авторов. Так, в реферативном сборнике, составленном в Институте всеобщей истории РАН под редакцией М.М. Наринского, И.Н. Ионов дал основательный историографический обзор цивилизационных представлений М. Вебера, проанализированных в докладах веберовской секции на XVI Международном историческом конгрессе в Штутгарте².

Тем не менее, не все специалисты в области анализа цивилизаций были готовы признать Вебера теоретиком в этой сфере. Так, в теоретическом разделе хрестоматии по сравнительному изучению цивилизаций, составленной философом Б.С. Ерасовым, материалы Вебера отсутствуют. В разделе, посвященном европейской цивилизации, нет веберовских текстов о протестантской этике, хотя без них, на мой взгляд, вообще невозможно понять специфику европейской цивилизации. И лишь небольшой отрывок из работы Вебера об античном и средневековом городе был включен в эту столь нужную в те годы студентам-гуманитариям хрестоматию³.

Если внимательно посмотреть на то, что было сделано Вебером в области цивилиографии, то, на первый взгляд, может показаться, что

---

² Современные теории цивилизаций. 1995. С. 52–69.

³ Сравнительное изучение цивилизаций. 1998. С. 314–315.

его интересы не были сконцентрированы на этом материале в такой степени, как это было, например, у А. Тойнби. Зато в концепциях Макса Вебера в большей степени, чем у Тойнби, ошутим учет динамики всемирно-исторического процесса, а, следовательно, и динамики цивилизаций. Несколько упрощенно можно заметить, что по объему включенного в анализ материала М. Вебер уступает Тойнби, но по глубине анализа, скорее, соперничает с ним.

Поистине уникален вклад Макса Вебера в формулирование типологии цивилизационных процессов, связанный с разработкой понятия «идеального типа». Содержание этого понятия было различно в тех или иных работах Вебера. Германский историк Юрген Кокка обратил внимание на то, что этот термин употреблялся Максом Вебером и в значении мыслительной конструкции, и как реальное явление, дающее материал для подобного конструирования⁴. В соответствии с таким дихотомичным подходом цивилизация у Вебера предстает как способ бытия тех или иных народов и как своеобразная «картина мира», возникающая у них при осмыслении бытия.

Удивительно, что схожесть веберовского понятия «картина мира» с понятием коллективной ментальности у первых поколений школы «Анналов» не отметил такой проницательный исследователь и знаток наследия французских историков, как А.Я. Гуревич. В книге «Категории средневековой культуры» он употребил веберовское понятие без ссылки на неприемлемого для тогдашней советской цензуры автора (Гуревич сравнил «картину мира» с «сеткой координат» того или иного народа). Позднее, в послесловии к книге Л. Февра, Гуревич обратил внимание на трудность однозначного перевода французского слова «менталитет». Перечисляя возможные переводы, среди которых он называл «умонастроение», «мыслительные установки», «коллективные представления» и даже «склад ума», А.Я. Гуревич остановился на понятии «видение мира», поскольку оно ближе передает тот смысл, который вкладывали в понятие менталитета М. Блок и Л. Февр⁵.

Я уделяю такое внимание схожести категориальных установок Вебера и школы «Анналов» по той причине, что в историографии принято всячески подчеркивать принципиальную разницу их позиций, а схожесть акцентируется недостаточно. Большой редкостью бывает упоминание имен Вебера и Броделя в одном контексте, через запятую⁶.

---

⁴ Max Weber, *der Historiker*. 1986. S. 20-21.

⁵ Февр. 1991. С. 518.

⁶ Теория и методология... 2014. С. 251.

На мой взгляд, именно схожесть воззрений авторов из разных национальных школ дает дополнительные аргументы для утверждений о том, насколько назревшими и даже необходимыми были те или иные процессы глобализации.

По мнению Макса Вебера, эмпирические наблюдения и их обобщения недостаточны для объяснения природы цивилизаций. Он раньше французов предложил совершенно новый метод для раскрытия сущности общества, построенного людьми, стремился объяснить мир их мотиваций и ценностей.

Полнокровное и системное изучение роли цивилизаций в историческом процессе, понимание и фиксация их особенностей возможны только на стыке многих наук. И здесь позиция Макса Вебера предпочтительнее по сравнению с теми мыслителями, которые подходили к изучению цивилизаций только в контексте исторического или философского анализа.

Склонность М. Вебера к «пограничной» проблематике проявилась довольно рано. Уже в 1892 г. он защитил диссертацию, в которой анализировались проблемы экономической и юридической истории античности и немецкого средневековья, получив за нее степень доктора римского, немецкого и торгового права. Эта тема была пограничной областью между историей права и экономической историей.

Позже, занимаясь методологией научного познания, Макс Вебер сформулирует принцип его интеграции и дифференциации: «В основе деления наук лежат не “фактические связи вещей”, а “мысленные” связи проблем: там, где с помощью нового метода исследуется новая проблема и тем самым обнаруживаются истины, открывающие новые точки зрения, возникает новая наука»⁷.

Сочетая разносторонность с методической строгостью, оттачивая понятия гуманитарных наук с естественно-научной тщательностью, Вебер приходит к собственному пониманию познавательной деятельности ученого. Процесс познания, по Веберу, это «постоянный процесс преобразования тех понятий, которыми мы пытаемся охватить действительность»⁸. Проблема образования теоретических понятий была в центре методологических исканий и интересов Вебера на протяжении всего творчества. При этом он ни в малейшей степени не претендовал на то, чтобы считать свою типологию и терминологию единственно возможными, так как считал их только средством создания

---

⁷ Вебер. 1990. С. 364.

⁸Weber. 1956. S. 253.

определенных опорных точек для понятийной ориентации в исследовании бесконечного многообразия исторических явлений⁹.

Значительную часть веберовского социологического наследства можно считать попыткой создания сравнительной истории цивилизаций. Вебер сочетал свою идею множественности ценностных ориентаций локальных цивилизаций с представлением об общем эволюционном пути человечества. По словам Йорна Рюзена, он «сводил историческую истину к эмпирическим данным и к логическому единству исторического познания»¹⁰.

Мне представляется уместным предположить, что М. Вебер в какой-то степени предвосхитил современную попытку Й. Рюзена представить пресловутую объективность (сколько столетий продолжают споры историков на ее счет?!) ценностной межсубъектностью. Это мнение Рюзена, во многом основанное на взглядах Вебера, можно расценить как вариант одного из ответов на вызовы глобализации.

Не отвергая плюрализма интерпретаций, М. Вебер требовал глобальности самой интерпретации. Более всего этому требованию отвечало понятие «картины мира», широко используемое им при анализе социологических явлений религии и культуры. Согласно Веберу, над поведением людей господствуют не идеи, а «картины мира», создаваемые идеями: «они, как стрелочники, очень часто определяли пути, по которым динамика интересов продвигала человеческое действие»¹¹.

Понятие «картины мира», как и многие другие термины, предложенные Максом Вебером, вошло в научный оборот, подчинилось «закону экономии», существующему в любом языке (лингвисты уверяют, что согласно этому закону, язык «выплевывает» то, что ему не нужно, оставляя существенное). Это была еще одна удачная попытка Макса Вебера внести порядок в хаос фактов, ибо наличествующий до него мыслительный аппарат гуманитарной науки был недостаточно глубоким и не позволял извлекать из действительности новое знание, не давал возможности оригинально истолковать уже известные проблемы, а тем более отыскать новые взаимосвязи.

«Картина мира» – это объемное понятие, оно включает разные параметры: материальные интересы, отношение к власти, совокупность ценностей. Особую динамичность данному понятию придает то, что М. Вебер исходит не только из взаимосвязи интересов и идеалов,

---

⁹См.: Работы М. Вебера...1991. С. 100.

¹⁰ Рюзен. 2012.

¹¹ Weber. 1986. S.252.

но и из их конфликта. Тонкость новых идей Вебера вытекала из умения обуздать собственную ненасытную жажду фактов, стреножить ее изощренностью мышления.

Рассматривая цивилизацию как «картину мира», Вебер анализирует исторический процесс в его субъективном аспекте. «Картина мира» – это тип культуры, это набор индивидуальных человеческих действий, нацеленных на воплощение тех или иных ценностей. Если эти ценности разделяются обществом, то такие действия принимают массовый характер. Рисуя «картину мира», Вебер истолковывал культурный смысл человеческих действий, что и давало ему возможность понять и объяснить историю.

Процедуру, соединяющую метод понимания и метод объяснения, Макс Вебер называл «объясняющим пониманием». Предложив понятие «картины мира», он дал ключ к пониманию своеобразия каждой цивилизации, истоков и импульсов любого общества. Применительно к европейской цивилизации он проследил, как религиозно окрашенный аскетизм привел к рациональной организации труда, к непрерывному добыванию прибыли как богоугодной деятельности.

Вебер понимал религию как систему ценностей и смыслов, в которой вырабатываются мотивация и нормативные установки деятельности людей. Религия определяет их мировоззрение и поведение. Для протестантского религиозного сознания характерна индивидуализация эсхатологических ожиданий и всей сокровенной духовной жизни человека, равенство шансов на спасение, строго индивидуальный характер долга и ответственности перед Богом.

Понятие «картины мира» позволило Веберу объяснить и выразить взаимоотношения между основополагающими идеями в сфере религии и мировоззрения, с помощью которых осознается смысл мира и человеческого существования в нем, с одной стороны, и жизненными интересами каждого человека – с другой¹². Этот термин подчеркивает целостность цивилизации, ее институтов и моделей поведения.

Вебер показал, как и почему цивилизации различаются по своим «окончательным ценностям», внушающим веру независимо от перспектив и действительных достижений того или иного общества. По М. Веберу, культура любой цивилизации является фрагментом мировой бесконечности, который, с точки зрения представителя этой цивилизации, обладает определенным смыслом и значением.

---

¹² Подробнее об этом: *Давыдов*. 1989.

Веберу довелось жить в такой исторический период, когда в мире происходили серьезные цивилизационные сдвиги. Разделяя озабоченность этими процессами, он испытывал особый интерес к цивилизации, внутри которой находился и смысл которой видел не только в рационализации или «расколдовании» мира, как это принято считать, но и в ее особенной способности к инновациям. Европейская цивилизация, с его точки зрения, это одновременно и завершившаяся, и незавершенная «картина мира», поскольку ее носители способны критично воспринимать собственную историю.

Веберовская оценка сути европейской цивилизации лежала в основе его скептического отношения к шпенглеровскому «Закату Европы», что было отмечено в одном из подробных некрологов в связи со смертью Макса Вебера¹³. Вебер не разделял чрезмерный фатализм Шпенглера. Многие критики обвиняли Шпенглера в пессимизме, не случайно, отвечая на эти обвинения, Шпенглер написал очерк под названием «Пессимизм ли это?» с вопросительным знаком в названии.

В отличие от Шпенглера, Вебер соединял оптимистичные и пессимистичные оценки европейской «картины мира». Так, например, он весьма пессимистично оценивал перспективы техногенной цивилизации, подчеркивая, что этот тип рациональности ведет к дегуманизации общества и социальных отношений в нем, антагонизму между природой и обществом. Общество, по словам Вебера, цепенеет в «механизированной окаменелости» и гибнет в «специалистах без души, в людях наслаждения без сердца».

Но, с другой стороны, определенное разочарование Вебера в европейской «картине мира» начала XX века не исключало его надежду на возможность каких-то новых, неведомых в начале этого века инноваций, способность к которым оставалась, по его мнению, сущностной характеристикой европейской цивилизации. Инновация, по Веберу, есть нечто внезапное и огромное. Он рассматривает инновацию не как результат эволюции, а как творчество, творение.

Не исключено, что много лет спустя утверждение Вебера о некоторой незавершенности европейской цивилизации в силу перманентной способности ее представителей менять какие-то элементы собственной «картины мира» не сумел оценить Ф. Фукуяма, вызвавший лавину критики на свою концепцию «конца истории» и вынужденный довольно серьезно ее скорректировать.

---

¹³ Max Weber zum Gedächtnis. 1985. S.62.

Только суммируя собственно исторические и сугубо социологические воззрения Макса Вебера, мы можем убедиться в том, что его концепция всеобщей истории никак не ограничивалась реконструкцией истории западной цивилизации. Напротив, сравнительная история неевропейских культур (прежде всего в их религиозной форме) создавала ту вариативность идеальных типов цивилизаций, что и была свойственна плюралистическому подходу Вебера к изучению истории и культуры. Если суть европейской цивилизации Вебер понимал как овладение миром, то дальневосточная цивилизация, была приспособлением к нему, а индийская – бегством от мира. Примеры другого национального менталитета или другой политической культуры, связанные с разными «картинами мира» можно наблюдать довольно часто. В апреле 2014 года южнокорейский премьер подал в отставку после крушения парома, где были сотни жертв. Трудно представить подобную отставку в нашем отечестве.

Вебер, конечно, не мог в деталях предвосхитить те проблемы, которые возникали после его ухода из жизни и включить их в круг своего анализа, но для нашего понимания этих проблем им было сделано немало. По словам Ежи Топольского, «концепции Вебера можно не принимать, однако их нельзя игнорировать»¹⁴.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вебер* М. Избранные произведения. М., 1990.
- Давыдов* Ю.Н. «Картины мира» и типы рациональности// Вопросы философии. 1989. №8.
- Работы М.Вебера по социологии религии и культуры. Вып.1. М., 1991.
- Рюзен* Й. Историческая объективность как составляющая вопроса о социальных ценностях// Новая и новейшая история. 2012. №4.
- Силантьева* М.В. Новые принципы «философии границы» в глобальном мире// Полис. 2014. №3. С.8-26.
- Современные теории цивилизаций. М., 1995. 150с.
- Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1998.
- Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576с.
- Топольский* Е. Методология истории и исторический материализм// Вопросы истории. 1990. №5.
- Февр* Л. Бои за историю. М., 1991.
- Max Weber, der Historiker. Von Juergen Kocka. Gottingen, 1986.
- Max Weber zum Gedächtnis. Opladen, 1985.
- Weber* M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Bd.1, Tuebingen, 1986.
- Weber* M. Soziologie. Weltgeschichtliche Analysen. Politik. Stuttgart, 1956.

---

¹⁴ *Топольский*. С.14.

BIBLIOGRAFIJA

- Veber M. Izbrannye proizvedenija. M., 1990.*
Davydov Ju.N. «Kartiny mira» i tipy racional'nosti// Voprosy filosofii. 1989. №8.
Raboty M.Vebersa po sociologii religii i kul'tury. Vyp.1. M., 1991.
Rjuzen J. Istoricheskaja ob#ektivnost' kak sostavljajushhaja voprosa o social'nyh cenostjah// Novaja i novejschaja istorija. 2012. №4.
Silant'eva M.V. Novye principy «filosofii granicy» v global'nom mire// Polis. 2014. №3. S.8-26.
Sovremennye teorii civilizacij. M., 1995. 150s.
Sravnitel'noe izuchenie civilizacij. M., 1998.
Teorija i metodologija istoricheskoy nauki. Terminologicheskij slovar' / Otv. red. A.O. Chubar'jan. M.: Akvilon, 2014. 576s.
Topol'skij E. Metodologija istorii i istoricheskij materializm// Voprosy isto-rii. 1990. №5.
Fevr L. Boi za istoriju. M., 1991.
Max Weber, der Historiker. Von Juergen Kocka. Gottingen, 1986.
Max Weber zum Gedaechnis. Opladen, 1985.
Weber M. Gesammelte Aufsaeetze zur Religionssoziologie. Bd.1, Tuebingen, 1986.
Weber M. Soziologie. Weltgeschichtliche Analysen. Politik. Stuttgart, 1956.

Лаптева Мария Петровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Пермского государственного национального исследовательского университета; modhist@yandex.ru

Max Weber's ideal-type method as a tool for analysis of civilizations

The article analyses the contribution of Max Weber to the theory of civilizations. Special attention is paid to the notion of the 'image of the world'. A considerable part of Weber's sociological legacy can be interpreted as an attempt to develop a comparative history of civilizations. Concepts by Max Weber are more influenced by the dynamics of history, and therefore, the dynamics of civilizations, than those by Toynbee. The volume of historical material included by Weber is less impressive than that in Toynbee's works, but Weber rivals Toynbee in his depth of analysis. According to Weber, a civilization is a way of being of certain nations and an 'image of the world' that they created as an interpretation of existence. Weber has thought empirical observations and generalizations were not enough to explain the nature of civilizations, and offered a new way to reveal an essence of the human, to explain human motivations and values.

Keywords: ideal type, Max Weber, civilizations, "images of the world".

Marija Lapteva, Ph.D., Associate Professor, department of world history, Perm State Research University; modhist@yandex.ru

З. А. ЧЕКАНЦЕВА

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ И ВРЕМЯ В КОНТЕКСТЕ «РИТМИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ»*

В последние десятилетия концепт *ритм* чрезвычайно популярен в науке и искусстве. Известно, что ритм как одно из организующих начал жизни не только порождает вопросы, связанные с темпоральными и пространственными характеристиками происходящего, но и вплетен в проблематику содержания и формы самых разных явлений (ритма звукового/цветового, ритма действия / взаимодействия, ритма порядка/беспорядка и проч.). Научная работа с этим понятием отсылает к характеру социума, его разнородным практикам, властным отношениям, формам мысли и действия, понятийному инструментарию исследователей и многим другим реалиям человеческого и природного существования. Опираясь на современные аналитические и конкретно-исторические исследования ритма, исторического события и времени, автор статьи показывает, что эти трансдисциплинарные поиски вписываются в формирующуюся на рубеже XX–XXI вв. «ритмическую парадигму». При этом характер ее становления и новые способы исследования времени, ритма и события в междисциплинарном пространстве проблематизируют структуралистское понятие парадигмы, введенное в историю науки Т. Куном.

Ключевые слова: проект RHUTHMOS, ритм, время, историческое событие, ритмическая теория.

Давно известно, что ритм как одно из организующих начал жизни не только порождает вопросы, связанные с темпоральными и пространственными характеристиками происходящего, но и вплетен в проблематику содержания и формы самых разных явлений (ритма звукового/цветового, ритма действия/взаимодействия, ритма порядка/беспорядка и проч.). Научная работа с этим понятием отсылает к характеру социума, его разнородным практикам, властным отношениям, формам мысли и действия, понятийному инструментарию исследователей и многим другим реалиям человеческого и природного существования. Понятие ритма присутствует во множестве дисциплин: физике, биологии, географии, антропологии, психологии, эстетике, музыковедении, поэтике, лингвистике, социологии, истории. Велик соблазн видеть в ритме «перекресток», место встречи различных способов познания. Проблема заключается в том, что *ритм* как концепт или понятие не подлежит однозначному определению. Еще Поль Ва-

---

* Статья подготовлена при поддержке фонда РФФИ, проект № 14-01-00357а

лери, рассмотрев это понятие с разных позиций, выявил не менее двадцати разновидностей ритма, но признался, что ни одна из них не является достаточной, чтобы дать исчерпывающую характеристику этому явлению¹. Многие исследователи отмечают туманный характер этого понятия. Причем многозначность присуща не только собственно концепту: даже внутри одной дисциплины существует разное понимание его природы и содержания. Тем не менее, с 1990 г. после длительного перерыва, связанного, отчасти, с безраздельным доминированием *знака* в структурализме, начинается ренессанс ритмических исследований, оформляется ритмическая теория.

В 2010 году французский историк и философ Паскаль Мишон², учитывая растущий интерес к ритмическим явлениям в разных сферах освоения мира, а также к концепту *ритм* как аналитической категории, создал в Интернете международную трансдисциплинарную платформу изучения ритмов в науке, философии и искусстве – RHUTHMOS. Создавая этот сайт, на котором сегодня помещены материалы более 200 авторов, Мишон, помимо прочего, хотел проверить свою гипотезу о том, что на рубеже XX–XXI вв. формируется новая научная парадигма – *ритмическая*³.

Понимая научную парадигму, как «совокупность наблюдений, проблем, методологических указаний и результатов, ориентирующих практику различных наук в определенный период», Мишон, идентифицируя парадигму в истории науки, выделяет принципиальный концепт и дисциплину, являющуюся эпистемологической моделью. При таком подходе во второй половине XX века в мировой науке, по Мишону, существовало четыре основных парадигмы. В 1950–1960 гг. это структурализм (концепт – *структура*, ведущая дисциплина – лингвистика); системная парадигма (концепт – *система*, дисциплина – кибернетика). Начиная с 1970-х и особенно в 1980-е гг. эти две модели постепенно начинают теснить два новых концепта – *различение* и *индивид*, которые вступают в весьма сложные отношения с двумя старыми моделями. При этом в 1990 гг. в первой модели лингвистику в качестве «парадигмального центра» сменяет философия темпоральности, а во второй на смену

---

¹ Bourassa 1992. P. 103.

² Книги и статьи П. Мишона, работающего в русле интеллектуальной истории четверть века, захватывают оригинальностью идей, новизной проблематики, ясностью и глубиной аргументации. По мнению Анри Мешоника, этот ученый – «живое воплощение современной трансдисциплинарности»: он свободно ориентируется не только в истории и философии, но и в других науках, включая естественные.

³ Michon 2011.

кибернетике приходит экономика. В наши дни судьба этих парадигм интенсивно обсуждается. Но, по мнению Мишона, ни одна из них не соответствует больше реалиям стремительно меняющегося мира: «радикальный исторический разрыв (*la coupure*), через который мы только что прошли, сделал эти интеллектуальные модели устаревшими».

В новом глобализованном мире трансформации реальности опережают разработку теоретического инструментария для ее анализа⁴. В условиях тотальной коммерциализации человеческих отношений «десистематизация», «разгосударствление», «раздисциплинирование» присутствуют во всех сферах жизни. Разобраться в этом при помощи традиционных объяснительных схем и привычных концептов «система», «структура», «индивид», «взаимодействие» удастся не всегда. Радикальная критика мирового порядка тридцати-сорокалетней давности определенно утрачивает свой освободительный заряд, превращаясь в опору неолиберализма. Ситуация осложняется тем, что переизбыток информации и ее доступность породили так называемый «академический фагоцитоз», проявляющийся в поверхностном переваривании критической мысли, которая является лишь поводом для получения научных степеней и бесчисленных комментариев⁵. Все это делает задачу обновления концептуального мышления прагматической необходимостью.

На рубеже XX–XXI вв. в научном мире, в том числе в науках о человеке и обществе, происходят существенные изменения, которые едва успевают отслеживать специалисты. В 1996 г. комиссия ученых под руководством И. Валлерстайна выделила несколько главных аспектов порожденного этими изменениями обновления: проблематизация границ между человеком и природой; восстановление в правах времени и пространства как важнейших составляющих аналитического инструментария социальных наук; учет историчности социальных феноменов и перенос акцента на сложность, темпоральность и нестабильность социальных явлений; пересмотр фундаментальных дихотомий социальных наук: единичное – общее, универсальное – особенное, индивидуальное – коллективное, микро – макро и прочее; интернационализация науки: преодоление государствоцентричного характера социальных наук и проблематизация естественности государства, длительное время считавшегося главным распорядителем границ, в рамках которых разворачивается действие и его анализ; смягчение демаркаций, установ-

---

⁴ Michon 2007.

⁵ Ландольт 2009.

ленных в XIX в. между экономическим, политическим и социальным в пользу полидисциплинарных подходов⁶.

Речь идет, по сути, о пересмотре эпистемологических основ социогуманитарного знания, выводящем на первый план двойное требование: плюрализма и открытости. За прошедшее время многое в этом диагнозе подтвердилось, и сегодня можно говорить о развитии социальных наук в духе «плюралистической универсальности», позволяющей учитывать концептуализации, родившиеся в разных национальных традициях и в соответствии с различными методологическими установками. При этом имеется в виду универсальность нового типа, при которой не только «части входят в целое, но и целое в части» (Э. Морен). Стержнем всех без исключения дисциплин является более внимательное отношение к темпоральным и пространственным измерениям исследуемых явлений и процессов. Мир, находящийся «в пункте системной бифуркации»⁷ и новом «режиме историчности»⁸ заново формулирует проблематику социального изменения, отдавая предпочтение не столько генезису, сколько становлению. Более тесными стали отношения между историей и другими социальными и гуманитарными науками. Междисциплинарные исследования уже не только научная мода, но весьма результативный подход к решению исследовательской задачи. Явно уходит в прошлое недооценка связей с философией. В условиях рефлексивного поворота в социальных науках и кризиса нормативной классической эпистемологии интенсивно развивается в последние годы прагматически ориентированная, тесно связанная с историографией историческая эпистемология.

В мировой науке активно идет поиск гибких и динамичных исследовательских подходов, способных объединить эмпирические и рефлексивные аспекты в исследовательской деятельности. В русле таких подходов объект изучения и рефлексия ученого неразрывно взаимосвязаны и переопределяются в терминах «сложного мышления» (Э. Морен). При таком понимании «теория», исследовательский инструментарий ученого предстает как «ящик с инструментами» (метафора Л. Витгенштейна), который создается самим исследователем в каждой конкретной ситуации, по сути, «заново». Как свидетельствуют многочисленные конкретно-исторические исследования последнего десятилетия, такая стратегия позволяет открывать новые исследова-

---

⁶ Ouvrir les sciences sociales. 1996.

⁷ Валлерстайн 1997.

⁸ Hartog 2003.

тельские поля и получать принципиально новое знание. Приоритетное значение при этом приобретают способы производства знания, осмысление роли ученого в этом процессе, анализ того, как он работает, посредством каких процедур, исследовательских стратегий и теоретико-методологических установок достигается научный результат.

Одно из направлений поисков связано с переосмыслением концепта *ритм* и применением в исторической антропологии, исторических и политических исследованиях *ритмической теории*, разработанной в антропологии, социологии и лингвистике. Еще в начале прошлого века М. Мосс сформулировал тезис: «Человек – это ритмическое животное»⁹. Изучение темы ритма, начатое в 1990-е гг. на пересечении философии, социальных наук и поэтики, показало, что она содержит в себе мощный эвристический потенциал. Стало ясно, что на протяжении всего XX века с небольшими перерывами ритм являлся объектом пристального внимания не только в естественных науках и философии, но также в социологии, антропологии, психологии, психоанализе, киноведении, литературоведении, истории¹⁰.

Осмысление полученных результатов позволило реконструировать в духе радикального историзма генеалогию концепта *ритм* и предложить другое его содержательное наполнение. Не отрицая широко распространенного понимания ритма как темпа П. Мишон предлагает вернуться к более широкому, по его мнению, доплатоновскому концепту *rhuthmos*, (букв. *рифма*) который, как показал Э. Бенвенист, означал в Древней Греции «форму движущегося»¹¹. Так понимаемый ритм позволяет помыслить и описать то, что раньше представлялось невидимым: не столько интеракции индивид/индивид или система/индивиды, сколько «манеру течения» (*manière de fluer*), общую организацию этих интеракций. В результате на первом плане оказывается процесс формирования индивидов (*индивидуация*) и выявление темпоральной и пространственной организации этого процесса.

Обычно под индивидуацией понимается формирование единичного индивида, принадлежащего самому себе и отличающегося от других. Эта концепция – основа этики и политики либерального индивидуализма, а также индивидуалистической методологии, которая, по мнению Мишона, во многом себя исчерпала. Считается, что модель «индивиду-собственника» (*individe-possesive*) оформилась в XVII–XVIII вв. Однако

---

⁹ Michon 2010.

¹⁰ Michon 2005.

¹¹ Benveniste 1966.

в эпоху Просвещения существовала также альтернативная модель, хотя и менее заметная. В русле этой модели, сформировавшейся в артистических кругах в практиках производства и обмена не экономического, а художественного рода, индивид осмысливался в терминах «манеры», способа существования. Известно, что эту модель использовал Д. Дидро при анализе художественных практик. Она позволяет критически переосмыслить процесс формирования индивида. В отличие от «притяжательного индивида» или «индивида-посессива» (понятия введенного в науку Гоббсом и Локком), «индивид-манера» не сводим к самому себе, он существует только во взаимодействии с публикой. Среди бесчисленных «способов течения» (*les façons de fluer*) «хорошими» можно назвать те ритмы, которые позволяют единичным и коллективным индивидам найти для себя наилучшую манеру изменения. В идеале это способен сделать творческий человек, художник, поскольку ритмы индивидуации художника не обязательно предполагают состояние борьбы, войны и проч. Один великий мастер не отменяет другого, они сосуществуют.

По Мишону, процесс индивидуации (единичной и коллективной) включает как минимум три аспекта: «телесность», т.е. техники, организующие «течение тел», (Мишон вводит новый термин *течение* – *le fluement*); «дискурсивность», т.е. техники, организующие языковую деятельность (*langage*), то, что принято сегодня называть дискурсом, и «социальность», т.е. техники, определяющие формы интенсивности взаимодействий тел-языковых практик. Мишон называет это «ритмической организацией процесса индивидуации». Важно, что все три аспекта индивидуации неразрывно связаны между собой. И только в результате переплетения телесности, дискурсивности и социальности конституируются «души». «Ритм индивидуации» Мишон представляет как универсальное свойство человека. В каждый исторический период, в каждой рассматриваемой группе такие техники формируют сложный диспозитив – ритм ритмов. Получается, что индивидуация не сводится к интеракциям между нормами и существующими ценностями, с одной стороны, и сознанием уже оформившихся индивидов, с другой.

Все эти любопытные теоретические размышления позволяют переосмыслить понятия индивида и субъекта, индивидуации и субъективации. В социальных науках, да и в философии субъект, по мнению Мишона, остается неясным пятном, несмотря на то, что очень многое уже сделано. Например, историки давно изучают тело во всех его проявлениях: сексуальность, гендер, восприятие, вкус, обоняние, видение; всесторонне исследуются сансибилите, воля, разум, память, а также

эмоции, чувства, воображаемое. Предпринимаются настойчивые, хотя и не всегда успешные попытки понять метаморфозы идентичности. Цельный букет блестящих исследований создан в русле исторической антропологии. Но современная историческая антропология по Мишону, это «букет без вазы». Ибо единственная история, которая могла бы придать смысл этому плодотворному поиску – история субъекта – до сих пор не написана¹². Мишон отмечает два основных препятствия для понимания субъекта. Во-первых, это абсолютизация понятия социального как в холистской перспективе, так и в перспективе методологического индивидуализма, что приводит к смешению концептов субъекта и индивида. Во-вторых, в социальных науках отсутствует лингвистическая теория, которая не сводила бы языковую деятельность к одной из сфер социального. Между тем развитие теории речевой деятельности и поэтики во второй половине прошлого века открыли новые перспективы. Ряд авторов (М. Бахтин, Э. Бенвенист, А. Мешоник) показали, что языковая деятельность (лангаж) – это не просто подсистема социума, но интерпретант социального. Это деятельность, позволяющая конституировать человеческую жизнь, взаимодействовать с миром и другими людьми.

По-новому понятый ритм представляется Мишону хорошим средством уловить индивида в его «текучести». Причем не только в нашей динамичной модерности, но и в каждый исторический момент во всех обществах. Это открывает новые возможности, в том числе в изучении исторического события и тесно связанной с ним проблематики исторического времени. Не удивительно, что в проекте RHUTHMOS активно участвуют историки. Например, Ж.-К. Шмитт, изучив «ментальный инструментарий» медиэвистов, преимущественно французских, работающих с проблематикой исторического времени пришел к выводу, что именно ритмы позволяют лучше понять динамику истории и природу исторического изменения¹³. Шмитт и его коллеги участвуют в научных мероприятиях в рамках проекта RHUTHMOS. Кроме того, Ж.-К. Шмитт уже несколько лет работает над книгой о ритмах в Средние века на Западе. В одном из докладов, размышляя о социальных ритмах в Средние века, ученый показал, что в ту далекую эпоху *rhuthmus* был связан главным образом с дискурсом, с поэтикой и риторикой, с поэзией и ритмической прозой¹⁴. Однако в небольшой книге, опубликованной в начале 2014 г., ритм в Средние века исследуется как «манера течения», как

---

¹² Michon 2011.

¹³ Schmitt 2005. С. 51.

¹⁴ Schmitt 2013.

способ «организации изменения» во многих других сферах жизни¹⁵. Историки осваивают идеи ритмической теории на конкретном материале других эпох. Так, группа французских ученых предложила новое видение истории Пятой республики, в основе которого размышления о ритмах экосистемы Франции за последние пятьдесят лет¹⁶. Это важно, поскольку одна из главных задач проекта RHUTHMOS – не только уточнение интегративных возможностей концепта *ритм*, но прежде всего междисциплинарные конкретно-исторические исследования различных явлений с использованием элементов ритмической теории.

Тема ритма органично сопряжена с проблематикой времени и исторического события. При этом исследование ритма, времени и события явно связано с синергетикой, с теориями самоорганизации и хаоса. Исследование исторического события и времени в науках о человеке и обществе активизировалось лишь в конце 1980-х гг., когда историки одновременно с физиками «переоткрыли» время как особый исследовательский «объект», длительное время остававшийся «немыслимым» в исторической дисциплине (М. де Серто)¹⁷.

Историческое событие, являясь стержнем историописания, до сих пор имеет статус одного из самых трудных для понимания явлений и категорий научного анализа¹⁸. История, оформляясь в социальную науку, конституировала свою научность против события: критика последнего становится важной составляющей вдохновляемой естественными науками прескриптивной эпистемологии, в русле которой познание единичного, сингулярного считалось невозможным. Однако событие всегда возвращалось. Сегодня изучение события имеет трансдисциплинарный характер. При этом в социальных науках в целом, в том числе в истории, все ощутимее влияние философского осмысления события и событийного времени (М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Бодрийар, П. Рикёр, А. Бадью и др.). Например, онтологическую неопределенность и вездесущность события очень точно выразил Фуко: «событие – это всегда рассеивание (*dispertion*), множество. Это то, что происходит здесь и там, это многоголовое чудовище»¹⁹.

Рикёр выделил три возможных уровня толкования события: не-сингнификативное событие²⁰; упорядоченность и торжество смысла,

---

¹⁵ *Formier, Schmitt* 2014.

¹⁶ *Comprendre la V-e République*. 2010.

¹⁷ *Чеканцева* 2011.

¹⁸ *Воробьева* 2014. С. 31-44.

¹⁹ *Фуко* 1996.

²⁰ *Significare lat.* – значить, иметь смысл.

доходящее до бессобытийности; появление сверхсигнификативных, сверхзначимых событий²¹. Первый уровень предполагает простое описание «того, что было» и подразумевает удивление, свежий взгляд на положение вещей. На втором уровне уникальность события растворяется в соответствующем паттерне, вплоть до полного отрицания события. Третий уровень имеет интерпретативный характер, при нем событие исследуется как единичное явление, наделенное сверхсмыслом²².

Ж. Делёз полагал, что событие – это и есть смысл, рождающийся «в развилке времени» (*ligne de partage*). Правильнее, видимо говорить о времени во множественном числе, поскольку, размышляя о темпоральной природе событийности, Делёз пишет о двух видах времени, тесно связанных друг с другом и одновременно плохо совместимых. Это Хронос – вечное настоящее, материальный носитель ризоматической темпоральной среды. И Эон – бестелесное и неопределенное, пребывающее в непрерывном изменении темпоральное образование, в котором нет настоящего, но есть лишь растягивающиеся в сложных коммуникационных связях с другими Эонами прошлое и будущее²³.

Постепенно историки осознали, что ни контекстуализация, ни понимание конструктивистской природы исторического события не освобождает их от загадочных апорий событийности, ускользающей от схватывания в процессе историографической операции. Из повседневного опыта хорошо известно, что в условиях серьезных перемен не всегда удастся адекватно осмыслить происходящее. Смысл его как бы подвешивается, становится неясным. Участник события или наблюдатель попадает в экстраординарную ситуацию неопределенности и непроговариваемости. Кроме того, вслед за Делезом ученые поняли, что событие – это воплощенное становление, которое никогда полностью не принадлежит только завершеному прошлому, ибо постоянно переосмысливается, переопределяется в актуальном настоящем, играя в нем определенную роль. Стало ясно, что историческое событие обладает длительностью, которая не сводима к темпоральности фактических данных, составляющих это событие. Приближающееся событие неизбежно нагружено разного рода восприятиями, которые формировались задолго до того, когда событие произошло. Кроме того, событие имеет собственную темпоральность, плотно связанную с темпоральностью тех, кто его конституировал и проживал. Носителями событийной тем-

---

²¹ Ricoeur 1991. P. 51-52.

²² См. также: Досс 2013. С. 35-36.

²³ Делёз 1998.

поральности являются люди, конкретные индивиды и коллективы, мужчины и женщины, отношения которых к происходящему, как правило, не совпадают, и нередко бывают противоположными. Историки хорошо знают, как сложно согласовать различные свидетельства источников об одном и том же событии. Получается, что «событие совершается в русле очень большой длительности при посредстве структурирующих эффектов социальных и политических отношений. Более того, оно формирует память. Учитывая все это, историк может понять событие только в контексте весьма сложной системы темпоральностей»²⁴.

Погружаясь в темпоральную проблематику, историки стали изучать и осмысливать «время» событий: время бунта, праздника, ритуала, сражения, время политических выборов, переворотов, революций и проч. Линейное время традиционной историографии «приручало» событие, вписывая его в определенные хронологические / пространственные рамки и столь же определенные «порядки» навсегда ушедшего «прошлого». Сегодня историки, используя самые разные приемы, напротив, стремятся показать взрывную силу события, скрытые в нем возможности и выявляют в материале темпоральные особенности событийности. В изучении события все большее место стала занимать неопределенность вовлеченного в действие исторического актора. Анализ такого действия позволяет лучше описать соотношение этой неопределенности и возможностей, скрытых в неизбывной загадочности событийности.

Осознав роль исторической памяти, историки на материале разных эпох показали важность следов события и метаморфозы его смыслов в ходе длительного существования²⁵. Это радикально изменило перспективу исторического исследования. Если раньше очень разные историки стремились объяснить настоящее с помощью прошедшего, то теперь они все чаще отказываются от каузальной объяснительной схемы, в которой событие интерпретируется в свете породивших его причин и обращаются к герменевтике события, фокусируя свое внимание на следах того, что произошло. В этой связи историка интересует уже не только содержание события в момент, когда оно «имело место», но прежде всего тот шлейф трансформирующегося во времени смысла, который и придает такому исследованию открытый характер, ибо в поле зрения исследователя попадают не только лежащие на поверхности «факты», но и нереализованные возможности, не

---

²⁴ Farge 2002.

²⁵ См. напр.: Dupront 1977; Duby 1973; Rouso 1990.

замеченные современниками, но неожиданно актуализированные их потомками. Большое количество исследований написано сегодня именно в такой оптической перспективе.

Для того чтобы понять историческое событие и взаимоотношения людей в разных контекстах, Мишон предлагает сосредоточиться на действии и его организации, т.е. выявить и описать «манеру течения», способы телесной, языковой и социальной активности, в ходе которой единичные и коллективные индивиды появляются, самоопределяются и исчезают. При этом Мишон проблематизирует широко распространенное объяснение происходящего сегодня общим ускорением исторического развития. Время – важная составляющая такой активности, но скорость ее течения, по мнению ученого, не является определяющей. Важнее скорее, то, каким образом организованы «способы течения» основных видов такой активности – телесные, языковые, социальные, т.е. важно показать их ритмы, а также разнообразные качественные характеристики единичных и коллективных индивидов. При этом Мишон обосновывает примат языковой деятельности (лангаж) в этих «способах течения».

В условиях постнеклассического познания, вероятно, следует перестать доверять куновской концепции научной парадигмы, которая является продуктом структуралистской эпохи и никогда без оговорок не принималась социальными и гуманитарными науками²⁶. В историографической и социокультурной ситуации последних десятилетий Мишон предлагает иное понимание парадигмы, становление которой происходит в ритмическом режиме. Она формируется в междисциплинарном исследовательском поле «как единый и многосложный ансамбль специфических способов (манер) течения мысли, каждый из которых сохраняет свою специфику²⁷. Стержень такой «парадигмы» составляет критический плюрализм, позволяющий сосуществовать разным подходам и концепциям, не претендующим на истину в последней инстанции,

---

²⁶ Б. Латур, размышляя о сомнительной полезности этого понятия, считает, что его значение в науке явно преувеличено. Это «слово-чемодан», иронично пишет философ, стало главным багажом ученого, находящемся во внешнем кармане с надписью «философия науки». Но оно означает всего лишь исследовательскую практику, «modus operandi, позволяющий внезапно проявляться новым фактам; это больше похоже на дорогу к экспериментальной площадке, чем на некий фильтр, который бы навсегда приукрасил данные». Куновская «парадигмальная революция», считает Латур, ничего общего не имеет с историей наук, ее ритмами, темпом и составляющими компонентами. *Latour* 2006.

²⁷ *Michon* 2011.

но отслеживающий обоснованность каждой из точек зрения в целях использования возможных результатов в интересах познания и культуры. При этом время, в том числе время событийное, включено в эту «парадигму» со всеми своими свойствами, соединяясь с языковой деятельностью как антропологической основой социального мира.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бауман З.* Текущая модерность: взгляд из 2011 года.
URL: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/>
- Валлерстайн И.* Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменится? // Социологические исследования. 1997. № 1. С. 8-21.
- Воробьева О.В.* О событии и событийности в историческом познании // Диалог со временем. 2014. № 48. С. 31-44.
- Делёз Ж.* Логика смысла. М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
- Досс Ф.* Как сегодня пишется история: взгляд с французской стороны // Как мы пишем историю? М.: РОССПЗН, 2013. С. 9-56.
- Ландольт Э.* В ритме происходящего: Рец.: Pascal Michon. Les rythmes du politique. Democratie et capitalisme mondialise. Paris. Les Prairies Ordinaires, 2007 // Пушкин. 2009. № 1.
- Фуко М.* Ницше, генеалогия и история // Философия эпохи постмодерна: Сборник переводов и рефератов. Мн.: Изд. ООО «Красико-принт», 1996. С. 74-97.
- Чеканцева З.А.* «Нарративное» время историка // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М.: ЛКИ, 2012. С. 55-74.
- Benveniste E.* La notion de “rythme” dans son expression linguistique [1951] // Problèmes de linguistique générale. Paris: Gallimard, 1966.
- Bourassa L.* La forme de mouvement (sur la notion de rythme) // Horizons philosophique. 1992. T. 3. N 1. P. 103-120.
- Comprendre la V-e République. Sous la direction de G. Garrigues, S. Guillaume, J.-F. Sirinelli. Paris. PUF. 2010.
- Hartog F.* Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. Paris; Seuil, 2003.
- Michon P.* Comme un bouquet sans vase. Pour une anthropologie historique du sujet et de l'individu. Les Editions Rhuthmos, 2011.
- Farge A.* Penser et définir l'événement en histoire. Approche des situations et des acteurs sociaux // Terrain. 2002. N 38. P. 69-78.
- Formier M., Schmitt J.-C.* (dir.). Rythmes et croyances au Moyen Age. Bordeaux. Mediævalia. 2014. 152 p.
- Latour B.* Avons nous besoin de «paradigmes»? //Cronique d'un amateur de sciences. Paris. Press des Mines. 2006. URL: <http://books.openedition.org/pressesmines/164>.
- Michon P.* Les Rythmes du politique. Démocratie et capitalisme mondialisé. Paris. Les Prairies ordinaires, 2007.
- Michon P.* Marcel Mauss retrouvé. Origines de l'anthropologie du rythme. Les Editions Rhuthmos, 2010.
- Michon P.* Rythmes, pouvoir, mondialisation. Paris: PUF, 2005.
- Michon P.* Sommes-nous en train d'assister à l'émergence d'un nouveau paradigme scientifique: le paradigme rythmique? // Rhuthmos, 6 décembre 2011.
URL: <http://rhuthmos.eu/spip.php?article342>.

- Ouvrir les sciences sociales. Rapport de la Commission Gulbenkian pour la restructuration des sciences sociales, présidée par I. Wallerstein. 1996.*
URL: <http://www.uqac.ca/jmt-sociologue/>
- Roussou H. Le syndrome de Vichy: de 1944 à nos jours. Paris. Seuil. 1990.*
- Schmitt J.-C. Le Temps. «Impensé» de l'histoire ou double objet de l'historien? // Cahiers de civilisation médiévale. 48e année (n°189). Janvier-mars 2005. P. 31-52.*
- Schmitt J.-C. Pourquoi et comment étudier les rythmes sociaux au Moyen Âge? Rhuthmos, 1er juillet 2013 [en ligne]. URL: <http://rhuthmos.eu/spip.php?article932> (дата обращения: 20.07.2013).*

BIBLIOGRAFIJA

- Bauman Z. Tekuchaja modernost': vzgljad iz 2011 goda.
URL: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/>
- Vallerstajin I. Social'noe izmenenie vечно? Nichto nikogda ne izmenitsja? // Sociologicheskie issledovanija. 1997. № 1. S. 8-21.
- Vorob'eva O.V. O sobytii i sobytijnosti v istoricheskom poznanii // Dialog so vremenem. 2014. № 48. S. 31-44.
- Deljoz Zh. Logika smysla / Per. s fr. M.: Raritet, Ekaterinburg: Delovaja kniga, 1998.
- Doss F. Kak segodnja pishetsja istorija: vzgljad s francuzskoj storony // Kak my pishem istoriju? M.: ROSSPZN, 2013. S. 9-56.
- Landol't Je. V ritme proishodjashhego: Rec.: Pascal Michon. Les rythmes du politique. Democratie et capitalisme mondialise. Paris. Les Prairies Ordinaires, 2007 // Pushkin. 2009. № 1.
- Fuko M. Nische, genealogija i istorija // Filosofija jepohi postmoderna: Sbornik perevodov i referatov. Mn.: Izd. OOO «Krasiko-print», 1996. S. 74-97.
- Chekanceva Z.A. «Narrativnoe» vremja istorika // Istoricheskaja nauka segodnja: Teorii, metody, perspektivy / pod red. L.P. Repinoj. M.: LKI, 2012. S. 55-74.
- Benveniste E. La notion de “rythme” dans son expression linguistique [1951] // Problèmes de linguistique générale. Paris: Gallimard, 1966.*
- Bourassa L. La forme de mouvement (sur la notion de rythme) // Horizons philosophique. 1992. T. 3. N 1. P. 103-120.*
- Comprendre la V-e République. Sous la direction de G. Garrigues, S. Guillaume, J.-F. Sirinelli. Paris. PUF. 2010.
- Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. Paris; Seuil, 2003.*
- Michon P. Comme un bouquet sans vase. Pour une anthropologie historique du sujet et de l'individu. Les Editions Rhuthmos, 2011.*
- Farge A. Penser et définir l'évenement en histoire. Approche des situations et des acteurs sociaux // Terraine. 2002. N 38. P. 69-78.*
- Formier M., Schmitt J.-C. (dir.). Rythmes et croyances au Moyen Age. Bordeaux. Mediaevalia. 2014. 152 p.*
- Latour B. Avons nous besoin de «paradigmes»? //Cronique d'un amateur de sciences. Paris. Press des Mines. 2006. URL: <http://books.openedition.org/pressesmines/164>.*
- Michon P. Les Rythmes du politique. Démocratie et capitalisme mondialisé. Paris. Les Prairies ordinaires, 2007.*
- Michon P. Marcel Mauss retrouvé. Origines de l'anthropologie du rythme. Les Editions Rhuthmos, 2010.*
- Michon P. Rythmes, pouvoir, mondialisation. Paris: PUF, 2005.*
- Michon P. Sommes-nous en train d'assister à l'émergence d'un nouveau paradigme*

scientifique: le paradigme rythmique? // Rhuthmos, 6 décembre 2011. URL: <http://rhuthmos.eu/spip.php?article342>.

Ouvrir les sciences sociales. Rapport de la Commission Gulbenkian pour la restructuration des sciences sociales, présidée par I. Wallerstein. 1996.

URL: <http://www.uqac.ca/jmt-sociologue/>

Rousso H. Le syndrome de Vichy: de 1944 à nos jours. Paris. Seuil. 1990.

Schmitt J.-C. Le Temps. «Impensé» de l'histoire ou double objet de l'historien? // Cahiers de civilisation médiévale. 48e année (n°189). Janvier-mars 2005. P. 31-52.

Schmitt J.-C. Pourquoi et comment étudier les rythmes sociaux au Moyen Âge? Rhuthmos, 1er juillet 2013 [en ligne]. URL: <http://rhuthmos.eu/spip.php?article932> (дата обращения: 20.07.2013).

Чеканцева Зинаида Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; achekantzev@mail.ru

Historical event and time in the context of 'rhythmic paradigm'

The concept of rhythm has become increasingly popular in science and art of the last decades. It is known that rhythm – one of life's organizing forces – does not only generate questions about temporal and spatial characteristics of events but is also intertwined with problems of the contents and forms of various phenomena (rhythm of sound/colour, rhythm of action/interaction, rhythm of order/disorder etc.) The analysis of this concept leads to the character of a society, its practices, the relations of power, forms of thought and action, conceptual tools of scholars and other realities of human and natural life. The author based her work on contemporary analytical and case studies of rhythm, historical event and time; she demonstrates that this trans-disciplinary search fits into the 'rhythmic paradigm' that has been emerging since late 20th – early 21st cc. The character of its development and new ways of studying time, rhythm and an event in interdisciplinary field problematize a structuralist interpretation of paradigm introduced by Thomas Kuhn.

Keywords: *the RHYTHMOS project, rhythm, historical event, rhythmic theory.*

Zinaida Chekantseva, Dr Sc. (in history), Professor, Senior Research Fellow, Institute of World History (RAS); achekantzev@mail.ru

Л. П. РЕПИНА

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ (О ДИНАМИЧЕСКОМ КОМПОНЕНТЕ «ИСТОРИИ ПАМЯТИ»)*

В статье рассматриваются содержание и место понятия «историческое сознание» в междисциплинарном пространстве социально-гуманитарных наук, различные его интерпретации в контексте теории культурной памяти. Автор анализирует важнейшие темпоральные характеристики исторического сознания, которые выявляют способ структурной дифференциации времени («связь времен») и дают основания для типологий форм исторического сознания, разрабатываемых в современной историографии. Подчеркивается роль темпоральных характеристик исторического сознания для статуса истории как особой критической формы памяти о прошлом и для культурной компаративистики. Высоко оценивая проект «межкультурной сравнительной историографии», не имеющий хронологических и пространственных ограничений, автор указывает на трудности его реализации и необходимость как терминологических уточнений, так и совершенствования методик реконструкции и сопоставления темпоральных картин мира и исторических представлений, условий их формирования и развития в разных культурных ареалах.

Ключевые слова: историческое сознание, культурная память, историческая культура, модусы времени, «режимы историчности», историография.

«Культурный поворот» в социально-гуманитарном знании привел к интенсивной разработке различных аспектов проблемы коллективных представлений, включая представления о прошлом и «историю памяти»¹. Сегодня историки активно интересуются тем, как люди воспринимали события, современниками или участниками которых они были, как они хранили и транслировали информацию об этих событиях, так или иначе интерпретируя увиденное или пережитое. В последние десятилетия существенно продвинулись исследования сложного феномена исторической культуры, которая выступает не только как артикуляция исторического сознания общества или совокупность

---

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00357а.

¹ См. об этом: *Репина* 2013. Развитие исследований в этом направлении стимулировало также дискуссии о применимости понятия «память» к коллективным субъектам истории. О терминологических спорах по этому поводу в междисциплинарном пространстве современного знания и о новых теоретических обоснованиях концепта «историческая память» в социально-гуманитарных исследованиях см., в частности: *Репина* 2013.

культурных практик индивидов и групп по отношению к прошлому — «манера думать, читать, писать и говорить о прошлом», но включает в себя все случаи «присутствия» прошлого в повседневной жизни². Разнообразный материал многочисленных исследований красноречиво свидетельствует о самой тесной связи восприятия исторических событий, «образа прошлого» — с социальными явлениями настоящего, и история самых разных культурно-исторических общностей знает множество примеров «актуализации прошлого», обращения к прошлому опыту с целью его переосмысления и переоценки.

Содержание понятия *историческое сознание* в междисциплинарном пространстве социально-гуманитарных наук имеет различные интерпретации. По мнению Ю.А. Левады, высказанному еще на рубеже 1960–70-х гг., этим понятием «охватывается все многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознает (воспроизводит и оценивает) свое прошлое, точнее – в которых общество воспроизводит свое движение во времени. В каждую эпоху историческое сознание представляет собой определенную систему взаимодействия “практических” и “теоретических” форм социальной памяти, народных преданий, мифологических представлений и научных данных (последние, разумеется, лишь с момента появления науки на общественной сцене). Во всяком случае, научное знание об истории выступает лишь одним из моментов (правда – все более важным) в этой системе»³. Ю.А. Левада проводил прямую аналогию между историческим сознанием и памятью, анализировал историческое сознание как один из элементов «памяти» общества, различал («по протяженности») «короткую память общества», охватывающую непосредственное прошлое, и «опосредованную, долговременную социальную память», в структуру исторического сознания включал «все многообразие вариантов “сознательного” и “бессознательного”, “теоретического” и “практического”, “научного” и “мифологического” и т.п. вариантов запоминания обществом своего прошлого» и подчеркивал «наличие строго определенного разнообразия форм исторического сознания на различных этапах его развития»⁴.

---

² Woolf 2003. P. 10; Rüsen 1994. S. 5–7. Это направление исторической науки, возникшее под непосредственным влиянием изучения картин мира в рамках истории ментальностей, постепенно расширило свои методологические основания. Более подробно об этом см.: История и память... 2006.

³ Левада 1969. С. 191.

⁴ Там же. С. 192–193.

Категория исторического сознания была детально теоретически разработана М.А. Баргом в начале 1980-х гг. в рамках его оригинальной концепции становления историзма. Выдающийся историк-методолог неоднократно подчеркивал, что было бы неверно сводить *историческое сознание* к *исторической памяти*, как и ставить знак равенства между историческим и общественным сознанием, поскольку первое – всего лишь измерение, срез второго. Обращенное одной своей стороной к прошлое («погруженное» в историю) историческое сознание, тем не менее, не исчерпывается лишь объяснением прошлого: «Настоящее не может быть до конца познано без обращения к прошлому. Однако в равной мере его нельзя постичь и без обращения к будущему, т.е. без знания элементов будущего в настоящем. ... Историческое сознание – это духовный мост, переброшенный через пропасть времен, – мост, ведущий человека из прошлого в грядущее»⁵.

Другая яркая метафора – «цепь времен» – была акцентирована в связи с анализом темпоральных представлений в известной книге «Шекспир и история». Характеризуя восприятие и истолкование времени гениальным драматургом как «цепи времен», подразумевавшей непрерывную смену исторических эпох, М.А. Барг усматривает в этом видении истории качественный сдвиг, «огромный скачок в миропонимании и самопознании человека – *восстановление модуса “настоящего”*», т.е. современности, которой христианская историческая традиция пренебрегала». В этой концепции *историческое время* мыслится «только как единство всех трех измерений, т.е. только тогда, когда каждое из них – прошедшее, настоящее и в известном смысле будущее – выступает как настоящее, в котором прошедшее и будущее смыкаются в живом сопряжении... “Настоящее” – решающее звено, соединяющее всю цепь времен»⁶. В эпоху Возрождения, в связи с «переворотом» в мировоззрении, обеспечившим трансляцию «статик воспоминания о прошлом и созерцания настоящего в динамику целе-

---

⁵ Барг 1987. С. 24. См. также: Барг 1982. № 12. С. 49–66; «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. 2005.

⁶ Барг 1976. С. 51. Сравним: «Есть три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего – это память, настоящее настоящего – его непосредственное созерцание; настоящее будущего – его ожидание» (Августин Аврелий. Исповедь. XX, 26). Удивительно в унисон звучат размышления о связи времен, представителей, с одной стороны, господствовавшей в Средние века «неисторичной» формы «провиденциального историзма» и, с другой стороны, научного историзма XX столетия.

полагания и предвидения будущего», «было открыто историческое время и тем самым способность одной исторической эпохи *сравнить себя с предшествующими* (курсив мой. – Л. Р.), чтобы отличить себя от них и вместе с тем связать себя с ними». Так появляется не просто новая форма исторического сознания, но «собственно *историзированное общественное сознание*»⁷. «Открытие исторического времени» и «исторического прошлого как проблемы познания» в эпоху Возрождения описывалось как необходимая последовательность двух «шагов»: осознания «исторического настоящего, в рамках которого протекает жизнедеятельность данного поколения», и осознания «прошлого, т.е. условий жизнедеятельности прошлых поколений, – условий, которые исчезли»⁸. Анализ понятия хроноструктуры с позиции отношений следования времен «настоящее – прошедшее – будущее» позволил сделать важное наблюдение: «Прошедшее и будущее “встречаются” в настоящем, выступают его составляющими. Что же остается на долю настоящего? – Переработка, отбор и систематизация опыта прошлого с точки зрения изменившихся условий и *предстоящих задач*, т. е. процесс для каждого настоящего сугубо творческий, поскольку *ориентиром для него служит именно будущее* (курсив мой – Л. Р.)»⁹.

Стоит добавить, что в переработку, отбор и систематизацию опыта прошлого включены не только два взаимосвязанных, комплементарных и неразделимых процесса (две стороны) памяти – “вспоминание” и “забывание”, но и ключевой процесс непосредственного переживания реальной ситуации настоящего. В представлениях о будущем (в «превращенном» виде) находят отражение проблемы, которые волновали изучаемые общества в их настоящем: «Общества мобилизуют свою память и реконструируют собственное прошлое, чтобы обеспечить свое функционирование в настоящем и разрешить актуальные конфликты. Точно так же, когда они в воображении проецируют себя в будущее – голосом своих пророков, мыслителей-утопистов или авторов научной фантастики – они говорят лишь о своем настоящем, о своих устремлениях, надеждах, страхах и противоречиях современности»¹⁰.

При всей противоречивости форм проявления исторического сознания (в книге «Эпохи и идеи» они рассмотрены последовательно в широком континууме между двумя крайностями – антиисторизмом ми-

---

⁷ Барг 1984. С. 83.

⁸ Там же.

⁹ Барг 1984. С. 90.

¹⁰ Шмитт 2008. С. 132.

фологического типа сознания и всеобъемлющим историзмом XIX века), М.А. Барг видел в нем культурную универсалию, определяющую пространственно-временную ориентацию общества, «важнейшую духовную константу», одновременно сохраняющую и продуцирующую «связь времен» – прошлого, настоящего и будущего «в средостении настоящего». М.А. Барг неизменно подчеркивал, что историческое сознание является не только измерением типа культуры и фактом историографии, но главное – фактором самой истории. Важнейший смысл историописания он видел в «дешифровке» и упорядочении опыта прошлого «с целью истолкования его в свете опыта настоящего»¹¹.

В этой связи особую роль играет глубина исторического времени, обнаруженная гуманистами в результате осознания содержательного различия между отдельными его отрезками и значения временной дистанции. Крупные культурно-исторические сдвиги, которые были концептуализированы в получившем столь широкое научное признание определении «эпоха Возрождения», знаменовали рождение историзма Нового времени, осознание социального времени как времени исторического, представление об индивидуальности и неповторимости исторических эпох, обнаружение содержательной «связи времен» за «внешней», чисто хронологической последовательностью событий, открытие избирательной формы исторической ретроспективы и возможности двум историческим эпохам вступить в диалог.

И этому отнюдь не мешало то, что идея циклизма все еще являлась господствующей. По мнению О.Ф. Кудрявцева, один из популярнейших сюжетов античной литературы – миф о «золотом веке», подвергнутый переосмыслению гуманистами Возрождения, «в данном ими истолковании способствовал становлению культурно-исторического самосознания новой эпохи»¹². Заложенное в этом мифе представление о цикличности истории позволило развить идею возвращения «золотого века», наполнив ее новым содержанием (как века возрождения и расцвета искусства и науки). «Приписывая» к «золотому веку» эпоху правления во Флоренции первых Медичи, гуманистическая культура формулировала с помощью этого мифа «идею собственного исторического призвания восстановить утраченную связь времен, служа духовному обновлению человечества, и таким образом приходила к осознанию своеобразия своего времени»¹³.

---

¹¹ Барг 1987. С. 12.

¹² Кудрявцев 2001.

¹³ Кудрявцев 2001. С. 92.

Принципиально важно, что темпоральные представления о связи времен предполагают наличие структурной дифференциации времени, и это в развернутом виде показано в книге И.М. Савельевой и А.В. Полетаева «История и время». Среди поднятых в этом энциклопедическом труде проблем существенное место занимает процесс «темпорализации» исторического сознания, который включал в себя «формирование представлений о разделенности прошлого, настоящего и будущего, более четкие понятия и знание единиц времени и временных интервалов истории, постепенное утверждение историзма как способа понимания общественного развития, установку на будущее и другие специфически временные параметры Нового времени»¹⁴. Становление европейского исторического сознания Нового времени выразилось в создании целостных темпоральных конструкций, в которых прошлое, настоящее и будущее, с одной стороны, рассматриваются и воспринимаются как отдельные самостоятельные модусы, а, с другой стороны, оказываются неразрывно связанными движением человеческого общества от прошлого через настоящее к будущему, определяемому на основе экстраполяции существовавших или существующих тенденций¹⁵.

Франсуа Артог предложил в качестве полезного инструмента анализа исторического сознания типологию «режимов историчности» (пассеизм, презентизм, футуризм), различных форм восприятия времени и отношения к нему, понимаемых как способы сочленения категорий прошлого, настоящего и будущего, различающиеся в зависимости от того, на какой из трех модальностей времени ставится акцент в разных обществах и культурах, на разных социальных уровнях¹⁶. Эта векторность исторического сознания непосредственно связана с существованием разных типов общественного идеала: *ретроспективного* (идеал в утраченном прошлом, «золотом веке») и *перспективного* (идеал в ожидаемом и желанном будущем)¹⁷.

---

¹⁴ Савельева, Полетаев 1997. С. 605. Сложные отношения времен выражены авторами афористически: «Еще несуществующее вторгается в пределы уже несуществующего и видоизменяет его». (Там же. С. 308).

¹⁵ Интересные материалы, связанные с обсуждением вопроса об уникальности новейших культурных представлений, обеспечивших позитивную оценку новизны и ориентацию на будущее, см. в книге: Судьба европейского проекта времени... 2009. О концептуализации времени и событийности см.: Чеканцева 2014.

¹⁶ Hartog 2003; Артог 2002.

¹⁷ Так, по словам Патрика Хаттона, в отличие от исторических представлений предшествовавших эпох, историческое сознание, отражающее ценности современной культуры, «демонстрирует не столь сильное благоговение перед прошлым и возлагает большие надежды на новшества будущего». См.: Хаттон 2003. С. 24.

Идея истории, охватывающей все три модуса времени, стала достоянием европейской исторической мысли XVI века, но лишь к эпохе Просвещения обрела однозначно линейную перспективу. Идея прогресса, характерная для эпохи Просвещения, позволяла принимать в настоящем активное участие в создании будущего, а в России она получила отчетливо-утопическую («футуристическую») окраску. Т.В. Артемьева показала, как утопические архетипы, сформулированные историками эпохи Просвещения, выстраивали избирательную историческую ретроспективу, в которой прошлое и настоящее выступали лишь как приготовление к «славному будущему», «утопическое» являлось предпосылкой «исторического», «исторические сочинения часто представляли собой утопический взгляд в прошлое», а исторические примеры использовались как доказательства утопических предположений¹⁸. Понятие «утопия» в его метафорическом значении помещается в «маргинальный зазор» между желаемым (будущим) и действительным (настоящим). Утопический тип исторического сознания весьма устойчив, но соотношение времен оказывается исторически специфичным и культурно обусловленным. Как было отмечено Ю.М. Лотманом, «формы памяти производны от того, что считается подлежащим запоминанию, а это последнее зависит от структуры и ориентации данной цивилизации»¹⁹.

Особое место в развитии исторического сознания в России занимает XIX век, отмеченный процессами историзации общественного сознания, формирования образов национального и европейского прошлого, становления исторической науки и исторического образования²⁰. Трудности реформ, необходимость принятия решений с учетом исторического опыта способствовали постоянной актуализации исторического знания. Прошлое привлекает как время, в котором заложены причины текущего состояния и которое позволяет понять, объяснить и даже изменить настоящее, привести его в соответствие с прошлым. «Просветительская парадигма определяла не только уверенность в универсальности идеи прогресса, включая тем самым будущее России в общее будущее европейской цивилизации, но и формировала стремление приблизить это будущее для России, диктовала необходимость деятельности, способствующей появлению элементов будущего в настоящем. <...> формируется не пассивно-созерцательное отношение к настоящему, а отношение деятельное, призванное изменить настоящее для изме-

¹⁸ Артемьева 2005. С. 6.

¹⁹ Лотман 1996. С. 344–345.

²⁰ Подробно об этом см.: Сабурова 2010.

нения будущего»²¹. Характеризуя дальнейшую трансформацию темпоральных представлений, Т.А. Сабурова подчеркивает: «От осмысления различия и связи времен, которое началось в XIX в., от чувства времени, ощущения его движения, русская интеллигенция пришла в начале XX в. к осознанию “разрыва времен” (курсив мой. – Л. Р.), чувству безвременья, ощущению остановившегося времени. Незавершенность процесса формирования исторического сознания русской интеллигенции, исторической культуры русского общества, отсутствие устойчивых образов прошлого, как и связи прошлого, настоящего и будущего – все это стало серьезным фактором революционаризации общественного сознания, и, следовательно, социальных потрясений в России»²².

Специалисты по истории разных цивилизаций редко сопоставляют результаты своих исследований, а если это случается, то процедура, как правило, сводится к противопоставлению, поиску контрастов. В таком сравнении доминирует неизбежная предзаданность культурного контекста, вследствие чего исследователь оценивает историческое мышление другой цивилизации сквозь призму идеи истории в собственной культуре, и это имеющееся у него представление о том, что есть история, выступает как скрытый критерий, как норма или, по меньшей мере, как некий фактор, структурирующий его видение иных вариантов исторического мышления (так называемый «культурный империализм»). В случае неотрефлексированности этой ситуации, сравнение превращается в простое измерение дистанции от некритически воспринятой «нормы» в терминах «развитости» («прогрессивности») и «отсталости» («архаичности», «примитивности») и не дает возможности разобраться в особенностях и сходствах различных способов исторического мышления и историописания.

«Историческое сознание» в строгом (нововременном) смысле этого слова разрушилось в период постмодерна. Кризис доверия к историческому метарассказу – это фактически кризис социальной памяти исторического типа, и одновременно кризис линейной темпоральности. В целом для современной историографии характерно разделение пространств настоящего и будущего. Это установление разрыва между настоящим и будущим часто описывается как «презентизм», исчезновение измерения будущего как такового, которое, будучи отделено от настоящего, перестает быть реальным. Последствия данного разрыва проявляются, в частности, в том, что историки отказались от идеи пред-

---

²¹ Там же. С. 322.

²² Там же. С. 331.

сказания будущего и практически полностью исключили тему будущего из круга своих профессиональных интересов, согласившись с тем, что история никогда не повторяется, и даже если знание о том, как были устроены общества прошлого, помогает понять современное общество, оно все же не дает нам никакого точного знания о том, что грядет.

Между тем тема будущего оказывается чрезвычайно востребованной в пространстве истории коллективных темпоральных представлений и «мемориальных исследований»²³. Если желание заранее знать будущее присуще всем человеческим обществам, встречается везде и во все времена, то средства, которые используются, чтобы удовлетворить это желание, и создаваемые воображением картины будущего в коллективном сознании отличаются друг от друга в различных культурах, в зависимости от религиозных верований и форм рациональности, которые для них характерны. Поскольку социальная память «вырастает» из разделяемых или оспариваемых смыслов и ценностей прошлого, которые «вплетаются» в понимание настоящего и в проекции будущего, постольку прошлое оказывается не менее проективным, чем будущее. Содержание коллективной памяти меняется в соответствии с социально-историческим контекстом и практическими приоритетами: для многих групп (как малых, так и больших) переупорядочивание или изменение коллективной памяти в процессе трансмиссии означает постоянное изобретение прошлого, которое бы подходило для настоящего, или, равным образом, изобретение настоящего, которое бы соответствовало прошлому. Неразрывная связь прошлого, настоящего и будущего в историческом сознании имеет последствия не только для образа нашего непредсказуемого *вчера*, но и – через отношение к прошлому – для самоопределения и практической деятельности *сегодня* по «обустройству» грядущего *завтра*.

Темпоральные характеристики исторического сознания имеют еще один важный аспект, который связан со статусом истории как особой *критической* (корректирующей) формы памяти о прошлом. Обращаясь к проблеме содержания и соотношения профессионального исторического сознания и массовых представлений, Поль Вен подчеркивал: «В стихийном сознании нет понятия истории, для появления которого требуется интеллектуальная работа... Все, что известно сознанию об истории, – это узкая полоска прошлого, воспоминание о котором еще живо в коллективной памяти нынешнего поколения...»²⁴.

---

²³ Образы времени... 2010.

²⁴ См.: Вен 2003. С. 87–89.

В разделе с красноречивым названием «История больше, чем прошлое» своей давно уже ставшей классической книги «Прошлое – чужая страна» Дэвид Лоуэнталь решительно констатировал: «Исторические интерпретации формируются под воздействием анахронизмов и ретроспективного знания. Для того, чтобы сделать прошлое понятным, настоящему мало уметь справляться со сдвигами в восприятии, ценностях и языке, необходимо также уметь учитывать те изменения, которые произошли после рассматриваемого периода. <...> За счет того, что историки переформулируют проблемы в современных терминах и опираются на знания, прежде бывшие недоступными, им удастся обнаруживать то, что было ранее забыто или некорректно сведено вместе, а также открывать то, что никому прежде не было известно»²⁵.

Итак, историк «поправляет» социальную память, и ключевой момент в этой историографической процедуре описан очень точно: «То обстоятельство, что историку заранее известен исход сил, действовавших в прошлом, вынуждает его формировать отчет таким образом, чтобы тот соответствовал ходу событий. Темп, угол зрения, временной масштаб его наррации (повествования), – все несет на себе отпечаток подобного ретроспективного знания, потому что он “должен не только знать, чем закончились интересующие его события, но должен использовать эти познания в своем повествовании”»²⁶.

Здесь Д. Лоуэнталь совсем не случайно ссылается на слова Дж. Хекстера, подчеркивающие значение исторической ретроспективы: «если бы писатель не знал итогового результата, он ни за что не смог бы правильно соотносить пропорции своего повествования с реальными темпами событий»²⁷. Большинство представлений о прошлом в памяти социума, как и индивидуальные воспоминания, не отличаются хронологической определенностью и даже не связаны с последовательностью событий. Именно историк организует разрозненные факты прошлого в связное повествование. Историк, будучи включен в пространство исторической памяти, одновременно ее преобразует, руководствуясь профессиональными стандартами и нормами²⁸.

И массовое, и профессиональное историческое сознание строятся, как правило, на основе линейной нарративной логики, которая наиболее адекватна чрезвычайно значимому в XIX–XX вв. и сохраняющему зна-

---

²⁵ Лоуэнталь 2004. С. 343.

²⁶ Там же. С. 344.

²⁷ Hexter 1971. P. 338.

²⁸ Как выразился Антуан Про, память «... черпает силу в тех чувствах, которые она пробуждает. История же требует доводов и доказательств» (Про 2000. С. 319).

чение даже в начале XXI в. национально-государственному типу идентичности. Вместе с тем, одним из результатов программы историзма стало резкое углубление разрыва между «историей историков» («академической историей»), «историей как наукой») и обыденными (массовыми) представлениями о прошлом: в то время как социальная память продолжает создавать интерпретации, удовлетворяющие социально-политическим потребностям, в исторической науке господствует императив «прошлое ценно само по себе», и ученому следует, по возможности, быть выше соображений политической целесообразности.

Значение темпорального компонента культурных представлений в общей картине мира невозможно переоценить. При этом сегодня ставится задача не просто констатировать особенности концепций времени в исторических традициях разных культур и эпох (представления о членении, измерении, движении, ценности времени, о соотношении прошлого, настоящего и будущего, а также образы общезначимого прошлого – эпох, событий, героев и пр.), но и направить усилия на поиск всеобщего, характерного для всего человечества²⁹.

Сегодня речь идет уже о попытке сформировать новое историческое сознание посредством синтеза модернистского и постмодернистского типов исторического мышления – с одновременным признанием идеи существования *множества различных историй* и идеи *единства исторического опыта* и ориентации на сравнительный анализ исторического сознания и традиций историописания, который выходит далеко за пределы европейской культурной традиции и западной цивилизации – на глобальную арену. Позиция И. Рюзена четко определена: «... Нам нужна ведущая система ценностей, *универсальная система ценностей, которая утверждает различие культур* (курсив мой. – Л. Р.)³⁰». Звучит парадоксально, но столь же внешне парадоксальным может показаться и более общий принцип сосуществования разных культур и цивилизаций в современном глобализирующемся мире – принцип «единства в многообразии». Между тем, Рюзен распространил этот принцип на уро-

---

²⁹ В связи с этим необходим новый подход к сравнительному изучению исторического сознания и концепций прошлого. Опыт реконструкции и сопоставления темпоральных картин мира и исторических представлений, условий их формирования и динамики развития в разных культурных ареалах представлен в коллективном труде, в котором были использованы материалы античной, средневековой и новоевропейской (в разных национальных и региональных вариантах), византийской и древнерусской, китайской, арабской, индийской, персидской, монгольской письменных традиций. См.: *Образы времени...* 2010.

³⁰ Рюзен 2001. С. 24–25. См. также: Рюзен 2005.

вень исторического сознания с его множественностью форм (как синхронных, так и стадиальных), прежде всего – в проблемном поле, обозначенном им (не совсем удачно) как «межкультурная компаративная историография»³¹, ориентированная на сравнительный анализ исторического сознания и традиций историописания, который выходит далеко за пределы европейской культурной традиции и западной цивилизации – на глобальную арену. С целью коррекции культурной включенности исследователя предлагается теория «культурных универсалий исторического сознания» (или «общая теория культурной памяти»), т.е. выход за рамки свойственных профессиональной историографии рациональных процедур исторического познания в пространство базовых ментальных операций воспоминания, интерпретации и репрезентации прошлого, присутствующих в любой культуре и обеспечивающих практические потребности ориентации людей в их настоящем.

«Теория культурной памяти, или исторического сознания», объясняющая эту базовую процедуру осмысления прошлого, является отправным пунктом для межкультурного сравнения. Историография как таковая выступает в рамках этой теории как одна из специфических форм универсальной культурной практики³². В такой перспективе оказывается видимым не только все разнообразие вариантов, но и то, как именно оно складывается. Однако этот грандиозный проект «межкультурной сравнительной историографии», не имеющий хронологических и пространственных ограничений, требует множества дополнительных конкретных исследований, способных обеспечить максимально «плотное описание» национальных историографий (и даже локальных историографических традиций), и может быть реализован только коллективными усилиями «невидимого колледжа» историков разных стран и регионов мира. На этом долгом пути будут постоянно возникать дискуссии как вокруг ключевых концептов, так и вокруг методик реконструкции и сопоставления темпоральных картин мира и исторических представлений, условий их формирования и динамики развития в разных культурных ареалах.

---

³¹ Rüsen 1996.

³² Известны различные теоретические подходы к концептуализации понятий «историография» и «история историографии», например, как к дисциплинарной истории или в контексте интеллектуальной истории. Подробнее см.: Попова 2011; Сидорова 2011; Воробьева 2011. Новые перспективы историко-историографического исследования открываются при рассмотрении историописания (и исторического знания) как базового компонента исторической культуры общества (Репина 2011).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Артемова Т.В.* От славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб.: Алетейя, 2005. 496 с.
- Артог Ф.* Время и история // *Анналы на рубеже веков: антология.* М.: ИВИ РАН, 2002. С. 147–168.
- Барг М.А.* Историческое сознание как историографическая проблема // *Вопросы истории.* 1982. № 12. С. 49–66.
- Барг М.А.* Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984. 342 с.
- Барг М.А.* Шекспир и история. М.: Наука, 1976. 200 с.
- Барг М.А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 348 с.
- Вен П.* Как пишут историю. Опыт эпистемологии / Пер. с франц. Л.А. Торчинского. М.: Научный мир, 2003. 394 с.
- Воробьева О.В.* История историографии конца XVIII – начала XXI в. в свете книги Г. Иггерса и Э. Вана «Глобальная история современной историографии» // *Диалог со временем.* 2011. № 37. С. 45–64.
- Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной.* М.: Кругъ, 2008. 800 с.
- Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной.* М.: ЛКИ, 2011. 608 с.
- История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной.* М.: Кругъ, 2006. 768 с.
- Кудрявцев О.Ф.* Миф о «золотом веке» в культуре Возрождения // *Личность – Идея – Текст в культуре Средневековья и Возрождения.* Иваново: Изд. центр «Юнона», 2001. С. 84–92.
- Левада Ю.А.* Историческое сознание и научный метод // *Философские проблемы исторической науки / Отв. ред. А.В. Гулыга, Ю.А. Левада.* М.: Наука, 1969. С. 186–224.
- Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- Лоуэнталь Д.* Прошлое – чужая страна / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Владимир Даль, Русский Остров, 2004. 624 с.
- Образы времени и исторические представления в цивилизационном контексте: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л.П. Репиной.* М.: Кругъ, 2010. 800 с.
- Попова Т.Н.* Историография в контексте дисциплинарной истории // *Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной.* М.: ЛКИ, 2011. С. 474–490.
- Про А.* Двенадцать уроков по истории. М.: РГГУ, 2000. 336 с.
- Репина Л.П.* Историко-историографическое исследование в контексте современной интеллектуальной культуры // *История и истории в пространстве национальной и мировой культуры. Сборник статей / Под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой.* Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 21–35.
- Репина Л.П.* Память о прошлом в пространстве культуры // *Диалог со временем.* 2013. Вып. 43. С. 190–198.
- Рюзен Й.* Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 38–62.
- Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // *Диалог со временем.* 2001. Вып. 7. С. 8–26.

- Сабурова Т.А.* «Связь времен» и «горизонты ожиданий» русских интеллектуалов XIX века // *Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад.* М.: Кругъ, 2010. С. 302-331.
- Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 800 с.
- Сидорова Т.А.* Историография как интеллектуальная история: проблемы междисциплинарности и контекста // *Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы* / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ЛКИ, 2011. С. 586-594.
- Судьба европейского проекта времени. Сборник статей / Отв. ред. О.К. Румянцев. М.: Прогресс–Традиция, 2009. 720 с.
- Хаттон П.* История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2003. 424 с.
- «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2005. 256 с.
- Чеканцева З.А.* Между Сфинксом и Фениксом: историческое событие в контексте рефлексивного поворота по-французски // *Диалог со временем.* 2014. Вып. 48. С. 16-30.
- Шмитт Ж.-К.* Овладение будущим // *Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории* / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 127-148.
- Hartog F.* Regimes d'historicité. Presentisme et expériences du temps. Paris: Seuil, 2003. 262 p.
- Hexter J.H.* Rhetoric of History // *Hexter J.H.* Doing History. Bloomington; L.: Indiana University Press, 1971. P. 15-76.
- Repina, Lorina.* Indywidualne i ponadindywidualne w konceptualizacji pamieci: od dychotomii do syntezy // *Sensus Historiae. Studia interdyscyplinarne.* 2013. Vol. XI. No. 2. S. 43-56.
- Rüsen J.* Some Theoretical Approaches to Intercultural Comparative Historiography // *History and Theory.* 1996. Vol. 35. Theme Issue: Chinese Historiography in Comparative Perspective / Ed. by Axel Schneider and Susanne Weigelin-Schwiedrzik. P. 5–22.
- Rüsen J.* Was ist Geschichtskultur? Überlegungen zu einer neuen Art, über Geschichte nachzudenken // *Historische Faszination: Geschichtskultur heute* / K. Fußmann, H. T. Grütter, J. Rüsen. Köln, 1994. S. 5–7.
- Woolf D.* The Social Circulation of the Past: English Historical Culture 1500–1730. Oxford: University Press, 2003. 440 p.

BIBLIOGRAFIJA

- Artem'eva T.V. Ot slavnogo proshlogo k svetlomu budushhemu: Filosofija istorii i utopija v Rossii jepohi Prosveshhenija. SPb.: Aletejja, 2005. 496 s.
- Artog F. Vremja i istorija // *Annaly na rubezhe vekov: antologija.* M.: IVI RAN, 2002. S. 147–168.
- Barg M.A. Istoricheskoe soznanie kak istoriograficheskaja problema // *Voprosy istorii.* 1982. № 12. S. 49–66.
- Barg M.A. Kategorii i metody istoricheskoi nauki. M.: Nauka, 1984. 342 s.
- Barg M.A. Shekspir i istorija. M.: Nauka, 1976. 200 s.
- Barg M.A. Jepohi i idei. Stanovlenie istorizma. M.: Mysl', 1987. 348 s.
- Ven P. Kak pishut istoriju. Opyt jepistemologii / Per. s franc. L.A. Torchinskogo. M.: Nauchnyj mir, 2003. 394 s.

- Vorob'eva O.V. Istorija istoriografii konca HVSh – nachala HHI v. v svete knigi G. Iggersa i Je. Vana «Global'naja istorija sovremennoj istoriografii» // Dialog so vremenem. 2011. № 37. S. 45-64.
- Dialogi so vremenem: Pamjat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L.P. Repinoj. M.: Krug#, 2008. 800 s.
- Istoricheskaja nauka segodnja: Teorii, metody, perspektivy / Pod red. L.P. Repinoj. M.: LKI, 2011. 608 s.
- Istorija i pamjat': Istoricheskaja kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni / Pod red. L.P. Repinoj. M.: Krug#, 2006. 768 s.
- Kudrjavcev O. F. Mif o «zolotom veke» v kul'ture Vozrozhdenija // Lichnost' – Ideja – Tekst v kul'ture Srednevekov'ja i Vozrozhdenija. Ivanovo: Izd. centr «Junona», 2001. S. 84-92.
- Levada Ju.A. Istoricheskoe soznanie i nauchnyj metod // Filosofskie problemy istoricheskoy nauki / Otv. red. A.V. Gulyga, Ju.A. Levada. M.: Nauka, 1969. C. 186-224.
- Lotman Ju.M. Vnutri mysljashhiih mirov: Chelovek – tekst – semiosfera – istorija. M.: Jazyki russskoj kul'tury, 1996. 464 s.
- Loujental' D. Proshloe – chuzhaja strana / Per. s angl. A.V. Govorunova. SPb.: Vladimir Dal', Russkij Ostrov, 2004. 624 s.
- Obrazy vremeni i istoricheskie predstavlenija v civilizacionnom kontekste: Rossija – Vostok – Zapad / Pod red. L.P. Repinoj. M., 2010. 800 s.
- Popova T.N. Istorigrafija v kontekste disciplinarnoj istorii // Istoricheskaja nauka segodnja: Teo-rii, metody, perspektivy / Pod red. L.P. Repinoj. M.: LKI, 2011. S. 474-490.
- Pro A. Dvenadcat' urokov po istorii. M.: RGGU, 2000. 336 s.
- Repina L.P. Istoriko-istoriograficheskoe issledovanie v kontekste sovremennoj intelektual'noj kul'tury // Istorija i istoriki v prostranstve nacional'noj i mirovoj kul'tury. Sbornik statej / Pod red. N.N. Alevras, N.V. Grishinoj, Ju.V. Krasnoj. Cheljabinsk: Jenciklopedija, 2011. S. 21-35.
- Repina L.P. Pamjat' o proshlom v prostranstve kul'tury // Dialog so vremenem. 2013. Vyp. 43. S. 190-198.
- Rjuzen J. Krizis, trauma i identichnost' // «Cep' vremen»: problemy istoricheskogo soznanija / Pod red. L.P. Repinoj. M.: IVI RAN, 2005. S. 38–62.
- Rjuzen J. Utrachivaja posledovatel'nost' istorii (nekotorye aspekty istoricheskoy nauki na pere-krestke modernizma, postmodernizma i diskussii o pamjati) // Dialog so vremenem. 2001. Vyp. 7. S. 8–26.
- Saburova T.A. «Svjaz' vremen» i «gorizonty ozhidaniij» russkikh intelektualov XIX veka // Obrazy vremeni i istoricheskie predstavlenija: Rossija – Vostok – Zapad. M.: Krug#, 2010. S. 302-331.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Istorija i vremja. V poiskah utrachenogo. M.: Jazyki russskoj kul'tury, 1997. 800 s.
- Sidorova T.A. Istorigrafija kak intelektual'naja istorija: problemy mezhdisciplinarnosti i kon-teksta // Istoricheskaja nauka segodnja: Teorii, metody, perspektivy / Pod red. L.P. Repinoj. M.: LKI, 2011. S. 586-594.
- Sud'ba evropejskogo proekta vremeni. Sbornik statej / Otv. red. O. K. Rumjancev. M.: Progress–Tradicija, 2009. 720 s.
- Hatton P. Istorija kak iskusstvo pamjati. SPb.: Vladimir Dal', 2003. 424 c.
- «Cep' vremen»: problemy istoricheskogo soznanija / Otv. red. L.P. Repina. M.: IVI RAN, 2005. 256 s.

- Chekanceva Z.A. *Mezhdru Sfinksom i Feniksom: istoricheskoe sobytie v kontekste reflektivnogo povo-rota po-francuzski* // *Dialog so vremenem*. 2014. Vyp. 48. S. 16-30.
- Shmitt Zh.-K. *Ovladenie budushhim* // *Dialogi so vremenem: Pamjat' o proshlom v kontekste istorii* / Pod red. L.P. Repinoj. M.: Krug#, 2008. S. 127-148.
- Hartog F. Regimes d'historicit . Presentisme et experiences du temps*. Paris: Seuil, 2003. 262 p.
- Hexter J.H. Rhetoric of History* // *Hexter J.H. Doing History*. Bloomington; L.: Indiana University Press, 1971. P. 15-76.
- Repina, Lorina*. Indyvidualne i ponadyvidualne w konceptualizacji pamieci: od dychotomii do syntezy // *Sensus Historiae. Studia interdyscyplinarne*. 2013. Vol. XI. No. 2. S. 43-56.
- R sen J. Some Theoretical Approaches to Intercultural Comparative Historiography* // *History and Theory*. 1996. Vol. 35. Theme Issue: Chinese Historiography in Comparative Perspective / Ed. by Axel Schneider and Susanne Weigelin-Schwiedrzik. P. 5-22.
- R sen J. Was ist Geschichtskultur?  berlegungen zu einer neuen Art,  ber Geschichte nachzudenken* // *Historische Faszination: Geschichtskultur heute* / K. F ußmann, H. T. Gr tter, J. R sen. K ln, 1994. S. 5-7.
- Woolf D. The Social Circulation of the Past: English Historical Culture 1500-1730*. Oxford: University Press, 2003. 440 p.

Репина Лорина Петровна – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, зам. директора Института всеобщей истории РАН, зав. кафедрой Теории и истории гуманитарного знания РГГУ; lorinarepina@yandex.ru.

Temporal characteristics of historical consciousness: (on the dynamic component of the “history of memory”)

The article is focused on the contents and place of the notion of the ‘history of memory’ in the interdisciplinary field of social studies and humanities, and on its various interpretations in the context of the theory of cultural memory. The author analyses temporal characteristics of historical consciousness, which reveal a way of the structural differentiation of time (the ‘link of times’) and provide grounds for a typology of the forms of historical consciousness studied in contemporary works. The article emphasizes the importance of temporal characteristics of historical consciousness for the status of history as a critical form of the memory of the past and for cultural comparative studies. While appreciating the value of the project of ‘intercultural comparative historiography’, which is not limited chronologically or spatially, the author point out problems of its realization and the need for precise terminology and better methods of reconstruction and comparison of temporal and historical views, and conditions that shaped these in different cultural areas.

Keywords: *historical consciousness, cultural memory, historical culture, modes of time, ‘regimes of historicity’, historiography.*

Lorina Repina – Associate Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (History), Professor, Deputy Director of the Institute of World History of RAS, Head of the Department of Theory and History of the Humanities (Russian State University for the Humanities); lorinarepina@yandex.ru.

А. Г. ВАСИЛЬЕВ

КУЛЬТ ГЕРОЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ИЗУЧЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ В СОЦИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ С. ЧАРНОВСКОГО*

В статье рассматривается вклад Стефана Чарновского в развитие memory studies. Основные объекты анализа – его книга о Святом Патрике как национальном герое Ирландии (1911) и две статьи – «Прошлое и настоящее в культуре» (1936) и «Возникновение и социальные функции истории» (1937). Если книга – это case study, где в ходе исследования конкретно-исторического материала формулируются теоретические положения, то статьи имеют общетеоретический характер. Св. Патрик рассматривается Чарновским как национальный герой, а его культ – как система коммеморативных практик, формирующих национальную идентичность ирландцев. Речь идет о роли культурной памяти в формировании и поддержании национальной идентичности. Наиболее адекватным контекстом современного прочтения статьи «Прошлое и настоящее в культуре» является формирующееся сегодня на стыке с memory studies направление по изучению форм культурной трансмиссии – «традициология», Tradierungsforschung и т.п. Незавершенная статья «Возникновение и социальные функции истории» созвучна дискуссиям об исторической политике и соотношении истории и памяти. Таким образом, статья вносит определенный вклад в реконструкцию истории польской национальной школы memory studies.

Ключевые слова: *memory studies, польская социология, школа Дюркгейма, память, национальная идентичность, коммеморация, Ирландия, Святой Патрик.*

Даже хорошо подготовленному гуманитария за пределами Польши имя Стефана Чарновского говорит немного¹. Наиболее внимательные и терпеливые, те, которые в свое время сумели «список кораблей

---

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00357а.

¹ Стефан Чарновский родился 1 сентября 1879 г. в местечке Крочев в восточной части Польши, тогда входившей в состав Российской империи. С 1898 по 1902 г. учился в Лейпциге и Берлине, затем изучал социологию в Сорбонне и Коллеж де Франс. В 1911 г. окончил Высшую школу практических исследований, и в 1912 г. вернулся в Польшу. Вышедшая в свет в 1919 г. в Париже на французском языке вышла его работа «Культ героев и его социальные основания. Святой Патрик – национальный герой Ирландии» сделала Чарновского известным в мировой науке в первую очередь в качестве специалиста по истории религии. С 1929 г. С. Чарновский – член-корреспондент Польской академии, с 1931 г. действительный член Варшавского научного общества, с 1934 г. профессор социологии и истории культуры Варшавского университета. Скончался в Варшаве 29 декабря 1937 г. (См.: Чарновский 2013. С. 323-324. Наиболее полный очерк жизни и деятельности Чарновского был написан его ученицей Ниной Ассородобрай: Assorodobraj 1956. S. 105-156).

прочсть до середины», могут вспомнить его в длинном перечне имен «представителей школы Дюркгейма», уныло растягивающемся на несколько строчек на страницах общих работ по истории социологии.

Между тем, Стефан Чарновский был выдающимся польским ученым межвоенного периода, одним из создателей и классиков польской профессиональной социологии, автором оригинальной концепции исторической социологии культуры. Благодаря его активности Варшавский университет стал вторым после Познаньского учебным заведением в Польше, которое начало подготовку социологов. Чарновский имел большой международный авторитет. Единственный нефранцузский представитель школы Дюркгейма, в 1924 г. он был приглашен в число основателей Французского института социологии (Institut Français de Sociologie), созданного Марселем Моссом в Сорбонне. В 1928 г. Практическая школа высших исследований (École Pratique des Hautes Études) в Париже пригласила его, своего бывшего выпускника, с циклом лекций. Неоднократно представлял он польскую науку на крупнейших международных исторических и религиоведческих форумах.

Стефан Чарновский всегда занимал активную общественную позицию. До обретения Польшей независимости его арестовывали и высылали как российские, так и немецкие власти. Пожертвовав академической карьерой, отказавшись от предложенного места профессора в Варшавском университете, он в 1915 г. вступил в Легионы и оставался в армии вплоть до 1923 г., много сделав для подготовки польских офицеров. В 1920 г., когда под Варшавой решалась судьба Польши, он был на военной службе.

В своей научной методологии ученый сочетал основные положения Дюркгейма со все более усиливавшимся со временем увлечением марксизмом, создав интересный творческий синтез этих подходов. Его политические взгляды прошли сложный путь от правой национальной демократии через Польскую социалистическую партию ко все более левым взглядам и симпатиям к рабочему движению. Чарновский был активным антифашистом. Резко выступал он против польских профашистских организаций и их попыток влиять на университетскую среду, против антисемитизма польских правых, активно участвовал в созданной польскими интеллектуалами левой ориентации Лиге защиты прав человека, за что он стал объектом травли правонационалистической прессы и внезапно скончался 29 декабря 1937 года в возрасте 58 лет. Хоронили его в Новый год и это были самые грустные праздники для польских социологов...

Трагичны параллели жизненного пути польского социолога и биографии его учителя – Дюркгейма. Как и Дюркгейм, он потерял своего единственного сына и умер, также немного не дожив до своего 60-летия... Но в отличие от Дюркгейма, поздно начавший систематическую научную карьеру Чарновский не создал научной школы. И здесь параллели начинаются уже скорее с Максом Вебером, который тоже не создал школы и был полузабытым социологом вплоть до начала «веберовского ренессанса», сделавшего его через десятилетия после смерти классиком мирового социально-гуманитарного знания.

Собрание сочинений Стефана Чарновского вышло в Польше только в 1956 г., почти через 20 лет после смерти автора. Именно в его четвертом томе впервые была опубликована на польском языке книга «Культ героев и его социальные основания. Святой Патрик – национальный герой Ирландии»², принеся автору мировую известность после парижской публикации 1919 года. Столетие Чарновского вызвало некоторое оживление интереса к нему в конце 1970-х – начале 1980-х гг. В 1989 г. в Польше вышла первая монография о Чарновском³.

Однако активный интерес к наследию ученого начинается в Польше только в последние годы. Знаковым стал выход в 2008 г. сборника статей «Стефан Чарновский с перспективы семидесяти лет»⁴, приуроченный к 70-й годовщине смерти социолога. В статье, помещенной в этом сборнике, один из ведущих современных польских историков, исследователь польско-немецких «мест памяти», Роберт Траба очень точно сказал об удивившем его сочетании актуальности творчества Чарновского для современной науки и его забвения⁵. Ведь традиционно и в Польше, и за рубежом Чарновского, если и упоминали, то определяли скорее как религиоведа, специалиста по «folk religion», чем как социолога, историка и теоретика культуры⁶.

Социологический проект Чарновского был (при всем коренном различии методологий французской социологической школы и немецкой «понимающей социологии»⁷) подобен веберовскому в двух отно-

---

² Czarnowski. Kult bohaterów. 1956.

³ Legiędz-Galuszka 1989.

⁴ Stefan Czarnowski z perspektywy siedemdziesięciolecia. 2008.

⁵ Traba 2008.

⁶ См., например: Isambert 2009. Еще в 1976 г. другой выдающийся польский социолог Флориан Знанецкий писал так: «До этого времени, однако, только религиоведческая его сторона оказалась понята и оценена...» (Znaniecki 1976. S. 177).

⁷ Немецкая социологическая традиция все же не была ему абсолютна чужда: в 1901/02 гг. в Лейпцигском университете студент Чарновский учился у Г. Зиммеля.

нениях. Во-первых, как и великий немецкий социолог, он не мыслил социологию отдельно от истории и признавал только историческую социологию подлинно научной. В основе его подхода лежало положение о том, что исторические факты следует сравнивать и типологизировать, а не рассматривать как уникальные и неповторимые. В 1934 г. Чарновский становится профессором социологии и истории культуры Варшавского университета⁸.

Во-вторых, в центре его научного творчества также стояла культура, что позволяет признать сегодня Чарновского, наравне с автором «Протестантской этики», классиком культурологической мысли. Изучение культуры должно, по его мнению, основываться на понимании систем ценностей, характерных для изучаемого сообщества. В этом он также очень близок к «понимающей социологии». Последняя, изданная посмертно книга Чарновского, которую он писал с 1932 г. и издавал отдельными очерками, называлась «Культура»⁹ и содержала в себе анализ наиболее важных культурологических проблем.

«Поворот к Чарновскому», думается, отнюдь не случаен в современной польской гуманитаристике. Очевидно, что только современный научный контекст создал возможность адекватного прочтения его трудов и оценки его деятельности. Именно «культурный поворот» 1980-х гг., охвативший своим влиянием и социологию, появление «новой культурной истории», развитие *cultural studies* создали новую ситуацию восприятия идей Чарновского. Кроме того, и это для нас особенно важно, взглянуть на него по-новому стало необходимо в перспективе *memory studies*, изучения коллективной/культурной/социальной памяти. С этой точки зрения, Чарновский предстает перед нами как один из главных создателей этой области знания в Польше и один из мировых классиков дисциплины наравне с Морисом Хальбваксом и Аби Варбургом.

К сожалению, дискуссии о Чарновском обычно не выходят за пределы польского академического (и языкового) контекста. Огорчает практически полное незнание Чарновского зарубежными специали-

---

⁸ Чарновский писал, что «соединение... социологии с историей культуры не является лишь формальным, а соответствует самым существенным фактам, а именно тому, что явление культуры, с одной стороны, по сути своей является социальным и для того, чтобы быть вполне понятным оно должно рассматриваться социологически. С другой стороны, каждый социальный факт, в том числе и факт культуры, является историческим и должен изучаться исторически» (*Sprawozdanie z działalności Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Warszawskiego...* S. 82. Цит по: Stefan Czarnowski z perspektywy siedemdziesięciolecia. S. 89).

⁹ *Czarnowski. Kultura. 1956.*

стами в области *memory studies*, *nationalism studies*, *cultural studies*. В то время как чрезвычайно актуальны сегодня его идеи, касающиеся проблем формирования национальной идентичности и роли в этом процессе коммеморативных практик, связанных с образами национальных героев, анализ функционирования прошлого в современности, изучение автором строения и динамики культуры, проблем межкультурного взаимодействия¹⁰.

Наши последующие размышления призваны частично заполнить этот пробел для российского научного контекста. Мы ставим перед собой задачу рассмотрения ключевых идей Чарновского, касающихся *memory studies*, как в контексте школы Дюркгейма, к которой он принадлежал, так и в современной мировой перспективе.

Говоря о вкладе Стефана Чарновского в развитие *memory studies*, следует остановиться в первую очередь на его книге о Святом Патрике, которую мы уже упоминали выше, и некоторых статьях, особое место среди которых, по нашему мнению, занимают две поздние работы автора: «Прошлое и настоящее в культуре» (1936)¹¹ и «Возникновение и социальные функции истории» (1937)¹². Если книга носит характер *case study*, где в ходе исследования конкретно-исторического материала формулируются теоретические положения, то статьи имеют общетеоретический характер.

Чарновский работал над проблемами коллективной памяти параллельно с Дюркгеймом. Исследование культа Святого Патрика было завершено за год до публикации «Элементарных форм религиозной жизни», и лишь вопрос с публикацией исследования растянулся на несколько лет, до 1919 г. Поэтому можно сказать, что Чарновский шел вполне самостоятельным путем, опираясь на общеметодологические положения школы Дюркгейма. Через шесть лет, в 1925 г. выйдет книга Мориса Хальбвакса «Социальные рамки памяти». В ней «парадигма памяти» впервые будет отчетливо артикулирована, и станет очевиден вклад в ее формирование предшественников Хальбвакса – Дюркгейма и Чарновского. Введенное Хальбваксом понятие «коллективной памяти» обозначило предмет их исследовательских интересов.

---

¹⁰ Работа Чарновского о культе Св. Патрика, несмотря на ее очевидную значимость в контексте идей Дюркгейма о социальной обусловленности памяти, оказалась забыта, отмечает американский социолог Б. Шварц. Это произошло потому, что она «была слишком специальной для того, чтобы быть воспринятой вне узкого круга исследователей религии» (*Qualitative Sociology*. 1996. Vol. 19. № 3. P. 275).

¹¹ *Czarnowski*. *Dawność a terażniejszość w kulturze...*

¹² *Czarnowski*. *Powstanie i społeczne funkcje historii...*

Развитие социально-гуманитарного знания в XX в. как бы последовательно «проявляло» сущность и значение многих идей Чарновского. Адекватную концептуальную «рамку» восприятия его идей задали исследования «мест памяти» и их роли в формировании и поддержании национальной идентичности, дискуссии о месте культурной памяти в жизни нации, стимулированные развитием конструктивистской парадигмы изучения нациестроительства.

В основе исследований Чарновского лежат основные положения Дюркгейма о том, что общество представляет собой надындивидуальное моральное единство, о том, что скрепляют это единство коллективные представления, локализующиеся в конкретных образах (персонажах), которые должны стать воплощением общества и как таковые подлежат сакрализации, вокруг них складываются регулярно повторяющиеся коммеморативные ритуалы, одновременно и поддерживающие коллективную солидарность, и черпающие свою священную мощь из морального единства общества. В этом отношении подходы к анализу культа христианского святого у Чарновского и тотемического культа у Дюркгейма принципиально не отличаются.

Отличия заключаются в том, что Чарновский выбирает для исследования не племенные общности, а нации, а точнее – их историко-культурные истоки. Его интересует роль национальных героев как образов коллективной памяти в формировании национальной идентичности. Чарновский исследует сущность этих образов, социальный механизм их формирования и распространения, причины, по которым герои архаического прошлого играют важную роль в жизни современных наций. Здесь Чарновский практически попадает в самую гущу современных дискуссий о «воображаемой», «изобретенной», «сконструированной» природе наций. В этих дискуссиях польский социолог сегодня вряд ли бы встал на сторону радикального конструктивизма, который утверждает, что символы и образы прошлого, запечатленные в коллективной памяти, не имеют значения для формирования наций. Нации произвольно конструируются элитами «здесь и сейчас», в то время как массам можно навязать практически любую национальную идентичность, стоит только приложить достаточно политической воли, организационных усилий, научного и художественного таланта и материальных ресурсов.

Вместе с тем, Чарновский отнюдь не отрицал современного и сконструированного характера наций как явлений, присущих Новому времени и обязанных своим существованием интеллектуальным и политическим элитам. Его позиция, если рассматривать ее с точки зре-

ния сегодняшнего дня, отличается взвешенным синтезом элементов конструктивизма с некоторыми элементами культурно-исторической версии примордиализма.

Конечно, следует иметь в виду конкретные исторические обстоятельства создания этой работы. Политически активного автора «Культура героев», конечно, не могли не занимать типологические параллели между историей Ирландии и Польши. В том и в другом случае речь ведь шла о национальных общностях, лишенных собственной государственности внешними силами и поддерживающих свое национальное единство вопреки внешнему давлению с опорой на память о прошлом, главным носителем которой являлась в обоих случаях католическая религия и связанный с ней культ. Трудно не заметить в следующих словах автора отражения польской ситуации «народа без государства» и связанных с ней дискуссий о сохранении польской идентичности в период разделов: «...Святой Патрик является воплощением национального единства ирландцев вне зависимости от превратностей истории и рассеяния его последователей. Ирландия пользуется его покровительством не как территория или политическое образование, но, прежде всего, как народ. Святой Патрик является гарантом его вечности и символом всех его устремлений»¹³. Он обращает внимание и на актуальную для Польши проблему соединения национальной идентичности с конфессиональной. Связка «ирландец-католик» была столь же мощной, как и «поляк-католик», а церковь и там и там выполняла роль символа национального единства. Вот как описывает автор (не без доли модернизации и анахронизма) период раннесредневековых скандинавских набегов на Ирландию: «Из институтов политической власти остался тогда один Костел. Он был убежищем национальных надежд во время борьбы с варварами-язычниками. Ирландский патриотизм соединился с верой и таким образом культ Святого Патрика усилился для поддержания духа побежденных»¹⁴.

Что касается статьи «Прошлое и настоящее в культуре», то наиболее адекватным контекстом ее современного прочтения является формирующееся сегодня на стыке с *memory studies* направление по изучению традиции, форм культурной трансмиссии – «традициология» (если использовать предложенный некогда Э.С. Маркаряном термин), *Tradierungsforschung* и т.п. Незаконченная же статья польского социолога «Возникновение и социальные функции истории» со-

---

¹³ *Czarnowski. Kult bohaterów...* S. 223.

¹⁴ *Ibid.* S. 219.

звучна в первую очередь дискуссиям об исторической политике и соотношении истории и памяти. Исходя из этих соображений, обратимся сначала к анализу феномена национального героя, представленного в знаменитой книге Чарновского.

Святой Патрик рассматривается Чарновским именно как национальный герой, а его культ, таким образом, выглядит уже как система коммеморативных практик, формирующих не просто религиозную идентичность ирландских католиков, а национальную идентичность ирландцев. Исследование, таким образом, сразу же выходит за рамки историко-религиоведческого и становится историко-социологическим исследованием роли культурной памяти в формировании и поддержании национальной идентичности. Герой для Чарновского – явление социальное. В первую очередь потому, что он воплощает в себе ценности, идеалы и надежды определенной социальной общности (является «воплощением морального идеала»¹⁵). Далее, его признание в качестве героя носит социальный характер, он является покровителем и защитником той группы, которую он представляет, и, наконец, его культ также является публичным. Его образ удостоивается вечной памяти в данной группе: «и, хотя поколения одно за другим падают во мрак забвения, культ героя продолжается дальше в неизменной форме»¹⁶.

Понимание социальной сущности героя у Чарновского близко переключается с тотемизмом в интерпретации Дюркгейма¹⁷. Польский социолог пишет: «Группа видит в них [героях] сама себя (курсив Чарновского); воплощается в героях, а их слава является ее славой»¹⁸. Ирландское общество, подобно австралийскому, опиралось на клановую организацию. Праздник был основным событием, позволявшим регулярно собирать представителей различных кланов вместе и давать им почувствовать свое единство. Поэтому главной объединяющей фигурой становился герой, в честь которого устраивалось регу-

---

¹⁵ *Czarnowski. Kult. bohaterów...* S. 161. Этот аспект работы Чарновского наиболее глубоко проанализирован в давней статье краковского политолога Эвы Ставовы. Вся книга Чарновского она рассматривает как работу о социальном происхождении и функционировании ценностей, воплощенных в образе национального героя (*Stawowy 1975. Z. 57*).

¹⁶ *Czarnowski. Kult bohaterów...* S. 27.

¹⁷ В одном из Дополнений к «Культу героев» он обсуждает вопрос о возможности говорить о существовании тотемизма и пережитков тотемизма у кельтов на основании того, что именно тотемизм очень точно отвечает их клановой социальной организации (*Czarnowski. Kult bohaterów...* S. 235).

¹⁸ *Czarnowski. Kult bohaterów...* S. 160.

лярное празднование. «Праздник есть та единственная минута, в которую общество отдает себе отчет в том, что оно существует как группа, а осознает оно это тем сильнее, чем слабее контакт между его членами в периоды между праздниками»¹⁹.

Чарновский на своем материале, как и Дюркгейм на примере австралийского тотемизма, усматривает взаимосвязь социальной структуры изучаемого общества и культа. Ирландская церковная организация, по мнению польского социолога, являлась отражением родоплеменного строя древней Ирландии и носила поэтому выраженный аристократический характер. «Тип святого плебейского происхождения, столь распространенный в других христианских странах, в Ирландии практически неизвестен»²⁰. Святой Патрик поэтому является нареченным отцом всех ирландцев, прародителем всех кланов и родов. «Выражение «отец веры ирландцев», – пишет Чарновский, – примененное к Патрику, не является обычной риторической фигурой. Святой Патрик действительно связан с ирландскими *túatha* (племенами – *A.B.*) реальным родством. Его культ – культ нареченного отца... Однако в той мере, в какой его связи с кланами и родами менее очевидны, чем у других святых, настолько же сильнее та связь, которая связывает его с Ирландией как целостностью. Он не является героем отдельной провинции, патроном отдельного монастыря. Он – национальный герой»²¹.

Наиболее интересен, с точки зрения *memory studies*, анализ автором социальных механизмов формирования общеирландского культа Святого Патрика и превращения его в национального святого. В этой связи его внимание привлекают социальные общности (братства) общеирландского характера, действовавшие на территории всего острова поверх границ родов, кланов и королевств. Такого рода сообществ в древней Ирландии было два – друиды и филиды. Друиды выполняли религиозные функции, были жрецами языческого культа, оказывали большое влияние на социально-политическую жизнь и имели высокий общественный статус. Филиды занимались магией, предсказаниями, изучением природы. Определенная часть филидов выполняла юридические функции. Но главное заключалось в том, что филиды были хранителями памяти, эпоса, легенд и преданий, историками. Каждый филид был знатоком древности. Филид-знаток древности (*sencha*) был, по словам Чарновского, «живым музеем и архивом ирландской *túath*»²².

---

¹⁹ Ibid. S. 233.

²⁰ Ibid. S. 190.

²¹ Ibid. S. 193.

²² Ibid. S. 202.

При интронизации нового короля он вспоминал обычаи племени, и ему король приносил присягу их соблюдать. Их главная функция заключалась в хранении и реактуализации коллективной памяти. Они были поэтами и рассказчиками. Филид должен был быть в состоянии произнести повествование по любой требуемой теме и восстановить факты мифо-эпического прошлого, связанные с данным случаем. Они были поэтому необходимыми участниками всех религиозных церемоний, обеспечивая разъяснение смысла происходящего при помощи обращения к памяти группы. «На общих собраниях, пока друид занимается жертвоприношением, филид рассказывает и разъясняет смысл самой церемонии, объясняет обряды, рассказывает мифы и легенды, связанные с ее установлением, датой и местом ее совершения»²³. В их повествованиях основной аспект делался на *res gestae* богов и героев. Филиды были хранителями памяти ирландской аристократии. Это была автономная корпорация с высоким чувством солидарности, строгой программой обучения и иерархией учеников и учителей.

Именно они стали опорой распространения христианства в Ирландии, их методам сбора вокруг себя учеников и работы с ними подражал Святой Патрик. В отличие от друидов, филиды не были непосредственно связаны с языческой религиозной традицией. Они видели в христианстве опору в борьбе против конкурирующих с ними за влияние друидов. Филиды, в отличие от друидов, не утратили в ходе христианизации своего положения и функций в обществе. Лишь несколько дисциплин явно языческого характера из их традиционного образовательного канона были заменены на христианские предметы. В ходе христианизации многие филиды стали священниками. Духовная иерархия церкви и ученая иерархия филидов соответствовали друг другу и взаимно обогащали друг друга интеллектуально, создавая канон ирландской национальной культуры. Филиды создали культ общеирландских святых, главное место среди которых занял Святой Патрик.

Филиды и их ученики постоянно перемещались по территории острова. Они пользовались правом неприкосновенности и могли отправляться в любые земли Ирландии, невзирая даже на состояние войны между соседними королевствами. Они переносили вместе с собой знания, обычаи и предания. При дворах верховных филидов собирались члены братства из самых разных уголков Ирландии. Так возникала возможность для взаимного познания различных региональных традиций. «Таким образом, – пишет Чарновский, – формирование об-

---

²³ Ibid. S. 203.

шенациональной ирландской традиции было уже только вопросом времени. Остальное сделали путешествия филидов, способствовавшие проникновению все новых и новых традиций в те или иные местности, а также публичные конкурсы, на которых присутствовали руководители школ. Они привели к возникновению больших мифологических и эпических циклов, в которых локальные элементы переплелись уже до полной неразличимости. Эти циклы – в самом деле национальные мифы и легенды... в результате их деятельности вся Ирландия стала участвовать в сфере общих представлений»²⁴.

Так С. Чарновский показывает роль филидов в формировании надлокальных форм массовой идентификации, которые «возвышаются над формами, ограниченными той реальной территорией, на которой люди проводят большую часть своей жизни»²⁵. Эти формы Э. Хобсбаум позднее, в начале 1980-х гг., назовет одним из видов «протонациональных связей», обобщив их под общим названием «святых икон». Это совокупность общеизвестных и общезначимых для населения определенной территории образов, культовых практик и связанных с ними воспоминаний, которые объединяли его и сделали впоследствии возможным появление на данной территории современных наций²⁶.

Характеризуя день Святого Патрика, Чарновский говорит, что этот национальный праздник, «который раз в году объединяет всех ирландцев мира в одно единое сообщество мысли»²⁷. В отличие от коммеморативных ритуалов Дюркгейма, предполагающих взаимодействие

---

²⁴ Ibid. S. 207.

²⁵ Хобсбаум 1998. С. 75.

²⁶ «Святые иконы» ...представляют собой важнейший компонент как протонациональности, так и современного национализма. Они олицетворяют обряды, ритуалы или общие коллективные действия – единственное средство придать осязаемую реальность той общности, которая в противном случае останется воображаемой... Это могут быть образы, имеющие собственное имя и отождествляемые с территориями, достаточно обширными для того, чтобы образовать нацию... Это могут быть периодические празднества и состязания, соединяющие воедино разрозненные группы... С протонациональной точки зрения самыми влиятельными и действенными являются, бесспорно, те «иконы», которые прямо ассоциируются с государством, – в донациональной фазе его развития...» (Хобсбаум 1998. С. 116-117). Думаю, что излишне комментировать эти высказывания английского исследователя. Их прямое соответствие выводам Чарновского совершенно очевидно.

²⁷ *Scarnowski. Kult bohaterów...* S. 222. Подходы к исследованию праздника у Чарновского являются продолжением и развитием идей Дюркгейма, а также наставника польского социолога – Анри Юбера о социальном конструировании времени и его качественной неоднородности как «социального факта». Подробнее об этом см.: *Kasperek* 2012. S. 225-230.

«лицом к лицу», здесь уже речь идет о «воображаемом сообществе» нации, объединяемой общезначимым образом героя и регулярным его воспоминанием. Однако общий тезис Дюркгейма о необходимости регулярного ритуального оживления коллективной памяти для поддержания коллективной идентичности и тут сохраняет свое значение.

Поскольку филиды монополизировали сферу образования, то через их обучение проходили все представители знатных ирландских родов, получая от них знания в области истории, генеалогии, права и литературы и приобретая низшие степени посвящения. Связь филида-учителя со своими учениками сохранялась на всю жизнь. Таким образом, формировался своеобразный надплеменной «аристократический этнос»²⁸, носитель будущего ирландского национального самосознания. Они ломали локальные границы и действовали как (прото)общенациональный институт. «Единство и привилегии филидов были самой сильной опорой национального единства Ирландии, так как первым идеальным его выражением была их мифопоэтическая деятельность. Так, филиды внесли в гойдельское общество тот зародыш, из которого должно было позднее развиться ирландское национальное сознание»²⁹.

В итоге своего исследования Чарновский приходит к выводам, которые касаются чрезвычайно актуальных и обсуждаемых сегодня проблем сущности нации и национализма, а также роли прошлого, наследия и культурной памяти в формировании и поддержании национальной идентичности. С одной стороны, исследователь культа Святого Патрика соглашается с господствующей сегодня «модернистской» парадигмой в *nationalism studies*. Нация – современное явление, вышедшее на арену истории вместе с Великой французской революцией. Он пишет так: «Создание наций в современном значении этого слова является новым явлением. Только в Новое время в массах возникает понятие, объединяющей их связи, качественно отличной от связи государственной, династической – и даже территориальной и языковой»³⁰. Однако, отмечает автор, результаты проведенного исследования не позволяют отождествить нацию с общностью языка, тер-

---

²⁸ «Горизонтальная» этническая общность-предшественница современной нации, по терминологии современного теоретика исследований национализма Э. Смита. Подобные «горизонтальные» этнические сообщества, как правило, носят аристократический характер и идут к формированию нации путем преобразования «свободной, аристократической этнической общности в территориальную нацию» (Смит 2004. С. 352).

²⁹ *Czarnowski. Kult bohaterów...* S. 209.

³⁰ *Ibid.* S. 232.

ритории, религии или политических институтов. Это только элементы, которые могут привести к формированию нации в результате долгого исторического развития. Начало процесса формирования европейских наций Чарновский относит к концу Средневековья. Эти соображения, а также приведенные выше суждения Чарновского о роли филидов в формировании национального сознания ирландцев, позволяют отнести его, если пользоваться современной терминологией, предложенной Э. Смитом, к числу этносимволистов в понимании генезиса нации³¹.

Этносимволизм признает «современность» феномена нации, отмечая вместе с тем, что для формирования прочного национального единства на определенной территории необходимо наличие объединяющего значимого наследия, образов исторической памяти, сформировавшихся на протяжении длительной истории. В этом смысле нации для этносимволистов – современные явления с глубокими историческими корнями, продукт современной мутации весьма древнего наследия. «“Изобретения” современных националистов, – пишет ведущий современный представитель этносимволизма Э. Смит, – должны вызывать отклик у значительного числа “соотечественников”, иначе проект потерпит провал. Если они не воспринимаются как “подлинные” в смысле значимости и отклика у “народа”, к которому они обращены, они не смогут мобилизовать его для политического действия»³². Думается, что именно к такой позиции тяготеет Чарновский, считавший Ирландию примером очень раннего нациообразования.

В своей книге Чарновский, таким образом, показал то, как формируется образ памяти, который впоследствии будет призван сыграть решающую роль в формировании коллективной (в данном случае – национальной) идентичности. При этом им было продемонстрировано, как прошлое (кельтские кланово-родовая структура и язычество) взаимодействует с современными процессами (христианизацией Ирландии). Прошлое, с одной стороны, оказывало влияние на эти процессы (связь образа Святого Патрика с кельтской мифологией), а с другой стороны, само трансформировалось применительно к новой ситуации (христианизация культурной традиции филидов и вписывание в нее

---

³¹ К похожему выводу относительно концепции С. Чарновского приходит и известный современный польский исследователь Р. Траба. Он пишет: «Чарновский оказывается (sic!) в начале XX века предшественником умеренно конструктивистской теории формирования наций, задолго до того, как, начиная с 1970–80-х гг. мы начали эмоционально обсуждать в числе прочих теории Бенедикта Андерсона или Эрнста Геллнера» (Traba 2008. S. 133).

³² Смит 2004. С. 360.

образа христианского святого). Таким образом, фактически и была поставлена проблема «прошлого в настоящем», взаимодействия прошлого и настоящего, социального функционирования памяти.

Продолжением рефлексии над этой проблемой стала упомянутая уже статья «Прошлое и настоящее в культуре», вошедшая в книгу «Культура», которая стала своеобразным творческим завещанием выдающегося польского ученого. Жизнь любого общества, подчеркивает Чарновский, вся соткана из элементов прошлого (подчас весьма далекого) и в значительной степени определяется ими. Однако он не рассматривает элементы прошлого в настоящем в духе классической эволюционистской теории пережитков³³. В рассуждениях Чарновского о присутствии прошлого в настоящем проявляется свойственная школе Дюркгейма функционалистская тенденция. Для Чарновского, как и для Дюркгейма, дать научное социологическое объяснение социальному явлению означало дать ему именно функциональное объяснение. Как в свое время Э. Тайлор, Чарновский для иллюстрации сохранения архаических элементов культуры в современной жизни приводит в пример игры³⁴. Однако польский социолог дает этим явлениям уже иную, не эволюционистскую, а функционалистскую, интерпретацию. То или иное явление культуры не просто сохраняется и переходит из прошлого в настоящее. Оно меняет свое место, функцию и значение в социальной системе, меняется в самой своей сути, качественно. «То, что сохранилось из прошлого, сохранилось определенным образом. Оно не является вполне тем же самым, чем было когда-то; оно оказывается переработанным, изменило свое место, имеет иной вес, чем во время своего возникновения»³⁵. Настоящее приспособливает прошлое

---

³³ Вот как говорит о пережитках Э. Тайлор: «Когда с течением времени происходит общая перемена в положении народа, то и в изменившейся общественной действительности обыкновенно приходится встречать многое, что, очевидно, имеет свои корни не в новом порядке вещей, а является просто наследием старого. Устойчивость пережитков позволяет утверждать, что культура народа... является продуктом какого-то более древнего состояния, в котором и следует искать объяснение ставших непонятными обычаям и воззрений» (Тайлор 2009. С. 104).

³⁴ «Посмотрим на игры и забавы наши и наших детей. В очень многих из них мы опознаем древние культовые действия или магические обряды» (Czarnowski. Dawność a terażniejszość... S. 101). Для Чарновского, в отличие от Тайлора, это, однако, уже не «просто наследие старого», объяснение которому надо искать в прошлом. Напротив, «прошлое» – всегда новое явление, по-новому функционирующее в новых обстоятельствах.

³⁵ Czarnowski. Dawność a terażniejszość... S. 101. В другом месте он замечает: «Демократическая послереволюционная Франция воспитывает еще свою моло-

для себя. Поэтому польский социолог вряд ли согласился бы с классиком британской антропологии в том, что именно история «должна объяснить нам, почему старые обычаи удерживают свое место в обстановке новой культуры, которая, конечно, никак не могла породить их, а должна была бы, напротив, их вытеснить»³⁶. В функционалистской перспективе тот факт, что эти явления прошлого существуют в современной культуре, как раз и доказывает, что культура отнюдь не стремится их вытеснить, а, напротив, использует в каких-то своих новых целях. Тогда получается, что вовсе не к истории, а к современности надо обращаться за ответом на вопрос о смысле того или иного исторического явления «здесь и сейчас».

Прошлое не является статичным «наследием», транслируемым при помощи традиции в неизменном виде. Прошлое всегда есть функция настоящего. Вот как говорит об этом Чарновский: «...Обремененная прошлым современность переструктурирует прошлое, меняя уклад его элементов, отвергая одни из них и ассимилируя другие применительно к тому, чем является она сама»³⁷. Поколения и социальные классы, группы и институты трансформируют образ одного и того же прошлого, исходя из собственных интересов. Универсальным механизмом функционирования культуры Чарновский считает то, что каждое творение нового является работой с прошлым и его переинтерпретацией в том направлении, которое задано нуждами нынешнего момента. Однако одновременно происходит и своеобразная «отливка» потребностей и задач современной жизни в формы прошлого.

В зависимости от «соотношения сил» между прошлым и настоящим Чарновский выделяет типологию состояний культуры. Экстремумами этой типологии являются состояние стабилизации, с одной стороны, и культурного переворота, с другой. В первом случае прошлое доминирует над настоящим, не допуская перемен. Во втором, напротив, настоящее подчиняет и активно переформатирует прошлое для себя³⁸.

дежь на Расине и Мольере. Советская Россия массово издает классиков царской эпохи. Очевидно, однако, что “Федра” и “Мизантроп”, “Евгений Онегин” и “Ревизор” не являются для современной французской или российской публики тем же самым, чем они были в период правления Короля-Солнце или Романовых» (*Czarnowski. Dawność a terażniejszość... S. 111*).

³⁶ Тайлор 2009. С. 104.

³⁷ Czarnowski S. Dawność a terażniejszość... S. 102.

³⁸ В определенном отношении эта типология напоминает типологию культур М. Мид. Как известно, в ее основе также лежит отношение прошлого и настоящего, мира взрослых и мира детей.

Во всех человеческих обществах, отмечает Чарновский, существуют институты, занимающиеся приобщением молодежи к культурной традиции, иначе говоря, занимающиеся закреплением прошлого в настоящем. Говоря языком современных *memory studies*, здесь речь идет о мемориальной социализации новых поколений, обеспечивающей преемственность в жизни культуры. Таким образом, он переходит к проблеме политики памяти. Обращение с прошлым, по мысли Чарновского, зависит от того, какой социальный класс в своих интересах осуществляет эту политику. Чем выше положение класса в социальной системе и чем дольше этот класс занимает доминирующее положение, тем больший акцент он делает на истории, на прошлом, на том, что было, а не на том, что может быть в будущем. Эти наблюдения очень созвучны описанию «холодной» опции культурной памяти Яном Ассманом³⁹. Как и современный немецкий культуролог, Чарновский отмечает, что господствующие классы общества склонны представлять настоящее как вечное повторение прошлого.

От истории как науки, говорит он, обычно ожидают объяснения настоящего на основе анализа прошлого. Однако все программы обучения истории преследуют на практике совсем иную, моральную цель, заключающуюся в воспитании у молодежи почтения и любви к прошлому. История служит тому, чтобы при помощи аргумента давности усилить обоснованность существующего порядка вещей, поддержать легитимность прошлого, придать прошлому особую эмоциональную ценность. В этой связи Чарновский различает историю «оправдывающую» и «объясняющую». Первая в современной терминологии представляет собой ни что иное, как коллективную память с точки зрения ее функции легитимации существующего порядка: это апология определенной версии исторической истины на службе правящих слоев. От нее следует отличать «объясняющую» историю, которая, выполняет уже критическую, а не апологетическую функцию. Этими своими размышлениями, отмечает Р. Траба, Чарновский точно вписывается «в современные дебаты о функции истории и историка в обществе»⁴⁰.

Современно и интересно звучат рассуждения Чарновского об истории как форме культурной памяти в поздней и незавершенной рабо-

---

³⁹ Ср.: «Здесь речь идет о том, чтобы заморозить изменения. Смысл, который здесь помнится, лежит в повторяющемся, регулярном, а не в уникальном, необычном. Он лежит в преемственности, а не в разрыве, переломе и изменении» (Ассман 2004. С. 74).

⁴⁰ *Traba* 2008. S. 137.

те «Возникновение и социальные функции истории». Польский социолог различает в ней историю «в строгом смысле слова» и то прошлое, которое окружает нас всегда и повсюду, присутствуя во всех формах повседневной культуры. Собственно, именно эта «история» (а скорее – культурная память⁴¹) и интересует его в дальнейшем.

Под «историей» он понимает все формы фиксации представлений о прошлом (устные, письменные, скульптурные и т.п.), характерные для любой культуры, будь то Западная Европа, Африка или Полинезия. Чарновский пишет: «Тут не идет речь просто об “истории” в современном научном понимании этого термина. Речь идет обо всех видах словесного или пластического, схематичного или символического представления событий и вещей, людей и действий, содержащего в сжатой форме собранный поколениями коллективный опыт человеческой группы и выражающего ее главные ценности⁴². В этом широком понимании “историей” будет как эпическая поэма, так и генеалогия. Будет ею также и повествование о переселениях племени, и тотемный столб с вырезанными на нем изображениями духов, с которыми владелец столба связан как наследник...; также “историей” будет тогда и западноевропейский гербовый щит...; символизирующий генеалогию того, кто имеет право его использовать. Причем вопрос о соответствии содержания всех этих “историй” так называемой исторической правде не имеет никакого значения»⁴³. Для общества, по Чарновскому, важна не «истинность» представлений о прошлом, а пригодность этого прошлого для целей выстраивания мемориального нарратива собственной идентичности. Главное, чтобы этот образ прошлого укладывался «в последовательность событий, доходящую до современности, вероят-

---

⁴¹ Понятие «коллективная память» (*ramięc zbiogowa*) используется автором в этой работе. Говоря о первобытных обществах, Стефан Чарновский замечает, что в них большая часть социально значимой информации, передаваемой новым поколениям, является повествованием о прошлом: «...как же могло не быть повествований исторического типа среди этих проявлений *коллективной памяти* (курсив мой – А.В.)?» (*Czarnowski. Powstanie i społeczne funkcje historii...1956. S.101*). Здесь же упоминается и введенное уже к тому времени М. Хальбваксом понятие «социальных рамок» памяти – «память имеет *cadres sociaux* (выделено автором)». (*Ibid. S. 101-102*).

⁴² Ср. понимание культурной памяти у Я. Ассмана как специфической для каждой культуры формы передачи и осовременивания культурных смыслов, знания, управляющего поступками и переживаниями в специфических рамках взаимодействия внутри определенного общества, подлежащего повторяющемуся из поколения в поколение заучиванию.

⁴³ *Czarnowski. Powstanie i społeczne funkcje historii. S. 99-100.*

нее всего до какого-то момента в прошлом, который понимается как конечный пункт в цепи событий»⁴⁴.

Понятая таким образом «история» является основой самоидентификации и как таковая присуща всем социальным общностям, начиная с самой ранней первобытности⁴⁵. Чарновский предлагает в этом незавершенном фрагменте программу исследований того, что в современных историко-культурологических исследованиях определяется как «интеллектуальная история истории» – новая форма историографических исследований, исходящая из того, что для каждого историко-географического типа общества характерен свой тип формирования, репрезентации и использования представлений о прошлом. В этой перспективе, действительно, современная научная историография (т.е. то, что Чарновский определяет как «историю» в строгом смысле слова) есть ни что иное, как один из элементов (хотя и очень важных) исторической культуры определенного общества.

Удивительно созвучны мысли Чарновского следующие слова одного из ведущих современных методологов исторического знания: «История во всех формах ее репрезентации (в виде мифологического, религиозного, художественно-эстетического, научно-рационального знания) и их многообразных актуальных (нередко чрезвычайно причудливых) сочетаний рассматривается как атрибут любой культуры, как важнейший способ самосознания и самопознания общества, определяющего через осмысление прошлого свою идентичность»⁴⁶.

Итак, история для Чарновского – схематичное, пластичное, символическое представление событий, вещей, людей и действий, которое «в сокращенной форме содержит в себе сложившийся за многие поколения опыт группы людей и выражающее их важнейшие ценности»⁴⁷. Фактически перед нами определение не столько истории в ее классическом понимании, сколько мемориального нарратива коллективной идентичности, артикулирующего, если пользоваться вполне уместной здесь терминологией П. Бурдьё, хабитус данной социальной общности.

---

⁴⁴ Ibid. S. 100. Это утверждение, отмечает современная польская исследовательница Иоанна Филиппович, было «первым в польской научной литературе случаем постановки под сомнение социальной потребности в исторической истине». *Filipowicz*. 2002.

⁴⁵ «...каждая человеческая группа, даже самая первобытная, придает своей традиции облик такой широко понимаемой «истории», стоит ей только обрести самосознание как таковое» (*Czarnowski*. *Powstanie i społeczne funkcje historii*... S. 100).

⁴⁶ *Ретина* 2011. С. 393. См. также: *Ретина* 2014.

⁴⁷ *Czarnowski*. *Powstanie i społeczne funkcje historii*... 1956. S. 99.

***

Как отмечают польские исследователи истории и современного состояния *memory studies* в Польше, «отечественная рецепция работ Стефана Чарновского в контексте представлений о прошлом концентрируется на двух аспектах его исследовательских интересов. Во-первых, это рефлексия на тему “прошлого в настоящем”..., а во-вторых, на его работе, касающейся Св. Патрика... Эти два исследовательских направления можно трактовать в качестве своего рода предвосхищения того, что в восьмидесятых годах XX века предложил французский историк Пьер Нора»⁴⁸. Речь здесь идет о двух взаимосвязанных концептах французского исследователя – «история второй степени» («прошлое в настоящем» Чарновского) и «место памяти» (описанный польским социологом культ Св. Патрика).

Однако представляется, что вклад Чарновского в развитие интересующей нас проблематики не исчерпывается раскрытием механизмов формирования, присутствия и использования прошлого настоящим в виде «мест памяти», составляющих содержание «истории второй степени». Мысль автора «Культы героев» богаче и сложнее. На примере анализа культа Св. Патрика он показывает, как прошлое влияет на современность, воздействует на осуществляемые в настоящем социокультурные проекты (в данном случае – на формирование наций).

Таким образом, перед нами диалектическая концепция взаимосвязи активности акторов социокультурного пространства и влияния коллективной памяти. Этот подход вызывает в памяти знаменитые слова К. Маркса о том, что «люди сами делают свою историю, но они делают ее не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого»⁴⁹. В рамках же современной социальной теории это выводит нас на идеи П. Бурдьё и Э. Гидденса, каждый из которых по-своему нащупывает и концептуализирует диалектику структурируемых и структурирующих моментов общественной жизни.

Что же касается *memory studies*, то здесь взгляды Чарновского соответствуют динамически-коммуникативному подходу к коллективной памяти, подчеркивающему одновременно как активность современных социальных акторов, манипулирующих с образами прошлого, так и активность и резистентность к произвольным воздействиям самого прошлого, запечатленного в «образах-воспоминаниях» и «местах» памяти.

---

⁴⁸ Kończal 2011. S. 14.

⁴⁹ Маркс 1955. С. 119.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ассманн Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.
- Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т. 8. М., 1955.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011.
- Репина Л.П. Историческая наука, исследовательские практики российских историков и перспективы «публичной истории» // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов. Чебоксары: Новое время, 2014. С. 7-12.
- Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Практис, 2004.
- Тайлор Э.Б. Первобытная культура: в 2 кн. Кн. 1. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2009.
- Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Издательство «Алетейя», 1998.
- Чарновский, Стефан. Прошлое и настоящее в культуре / Вступ. и перевод с польского А.Г. Васильева // Диалог со временем. 2013. Вып. 45. С. 323-341.
- Assorodobraj N. Życie i dzieło Stefana Czarnowskiego//Czarnowski S. Dzieła. T.V. Warszawa. Państwowe wydawnictwo naukowe, 1956.
- Czarnowski S. Dawność a terażniejszość w kulturze... // Czarnowski S. Kultura...
- Czarnowski S. Kult bohaterów i jego społeczne podłoże. Święty Patryk bohater narodowy Irlandii // Czarnowski S. Dzieła. Tom. IV. Warszawa. Państwowe wydawnictwo naukowe, 1956.
- Czarnowski S. Kultura // Czarnowski S. Dzieła. Tom. I. Warszawa. Państwowe wydawnictwo naukowe, 1956.
- Czarnowski S. Powstanie i społeczne funkcje historii // Czarnowski S. Dzieła. Tom. V. Warszawa. Państwowe wydawnictwo naukowe, 1956.
- Filipowicz J. Pojęcie pamięci społecznej w nauce polskiej / Kultura I Historia. Czasopismo teoretyczno-historyczno-kulturoznawcze, 2002, no. 2. [Электронный ресурс] <http://www.kulturaihistoria.umcs.lublin.pl>.
- Isambert F.A. At the frontier of folklore and sociology: Hubert, Hertz and Czarnowski, fouders of sociology of folk religion. Cambridge, 2009.
- Kasperek A. Durkheimowskie inspiracje w Stefana Czarnowskiego koncepcji przestrzeni i czasu // Emil Durkheim – badacz i inspiratory / Red. naukowa W. Majkowski, U. Bejma. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego, 2012.
- Kończal K., Wawrzyniak J. Polskie badania pamięcioznawcze: tradycje, koncepcje, (nie)ciągłości // Kultura i Społeczeństwo. 2011. T. LV. Nr. 4.
- Legiędz-Galuszka M. Czarnowski. Warszawa. Wiedza Powszechna, 1989.
- Sprawozdanie z działalności Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Warszawskiego za rok 1931/1932. Warszawa 1932.
- Stawowy E. Stefana Czarnowskiego socjologiczna analiza kultu bohatera // Rocznik naukowo-didaktyczny WSP w Krakowie. 1975. Prace Filozoficzne II. S. 51-66.
- Stefan Czarnowski z perspektywy siedemdziesięciolecia / Red. naukowa Marek Jabłonowski. Warszawa: Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, 2008.

- Traba R.* Wkład do badań nad pamięcią zbiorową // Stefan Czarnowski z perspektywy siedemdziesięciolecia / Red. Marek Jabłonowski. Warszawa: Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, 2008.
- Znaniecki F.* Stefan Czarnowski. 1879-1937 // Twórcy socjologii polskiej. Łódź. 1976.

BIBLIOGRAFIJA

- Assmann Ja. Kul'turnaja pamjat'. Pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 363 s.
- Marks K. Vosemnadcatoe brjumera Lui Bonaparta // Marks K. i Jengel's F. Sochinenija. Izdanie vtoroe. T. 8. M., 1955.
- Repina L.P. Istoricheskaja nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaja praktika. M.: Krug#, 2011.
- Repina L.P. Istoricheskaja nauka, issledovatel'skie praktiki rossijskih istorikov i perspektivy «publichnoj istorii» // Rossijskaja intelligencija v uslovijah civilizacionnyh vyzovov. Cheboksary: Novoe vremja, 2014. S. 7-12.
- Smit Je. Nacionalizm i modernizm. Kriticheskij obzor sovremennyh teorij nacij i nacionalizma. M.: Praksis, 2004.
- Tajlor Je.B. Pervobytnaja kul'tura: v 2 kn. Kn. 1. M.: TERRA-Knizhnyj klub, 2009.
- Hobsbaum Je. Nacii i nacionalizm posle 1780 goda. Spb.: Izdatel'stvo «Aletejja», 1998.
- Charnovskij, Stefan. Proshloe i nastojashhee v kul'ture / Vstup. i perevod s pol'skogo A.G. Vasil'eva // Dialog so vremenem. 2013. Vyp. 45. S. 323-341.
- Assorodobraj N.* Życie i dzieło Stefana Czarnowskiego//Czarnowski S. Dzieła. T.V. Warszawa. Państwowe wydawnictwo naukowe, 1956.
- Czarnowski S.* Dawność a terażniejszość w kulturze... // Czarnowski S. Kultura...
- Czarnowski S.* Kult bohaterów i jego społeczne podłoże. Święty Patryk bohater narodowy Irlandii // Czarnowski S. Dzieła. Tom. IV. Warszawa. Państwowe wydawnictwo naukowe, 1956.
- Czarnowski S.* Kultura // Czarnowski S. Dzieła. Tom. I. Warszawa. Państwowe wydawnictwo naukowe, 1956.
- Czarnowski S.* Powstanie i społeczne funkcje historii // Czarnowski S. Dzieła. Tom. V. Warszawa. Państwowe wydawnictwo naukowe, 1956.
- Filipowicz J.* Pojęcie pamięci społecznej w nauce polskiej / Kultura I Historia. Czasopismo teoretyczno-historyczno-kulturoznawcze, 2002, no. 2 (<http://www.kulturaihistoria.umcs.lublin.pl>).
- Isambert F.A.* At the frontier of folklore and sociology: Hubert, Hertz and Czarnowski, fouders of sociology of folk religion. Cambridge, 2009.
- Kasperek A.* Durkheimowskie inspiracje w Stefana Czarnowskiego koncepcji przestrzeni i czasu // Emil Durkheim – badacz i inspiratory / Red. naukowa W. Majkowski, U. Bejma. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego, 2012.
- Kończal K., Wawrzyniak J.* Polskie badania pamięcioznawcze: tradycje, koncepcje, (nie)ciągłości // Kultura i Społeczeństwo. 2011. T. LV. Nr. 4.
- Legiędź-Galuszka M.* Czarnowski. Warszawa. Wiedza Powszechna, 1989.
- Sprawozdanie z działalności Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Warszawskiego za rok 1931/1932. Warszawa 1932.
- Stawowy E.* Stefana Czarnowskiego socjologiczna analiza kultu bohatera // Rocznik naukowo-didaktyczny WSP w Krakowie. 1975. Prace Filozoficzne II. S. 51-66.

Stefan Czarnowski z perspektywy siedemdziesięciolecia / Red. naukowa Marek Jabłonowski. Warszawa: Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, 2008.

Traba R. Wkład do badań nad pamięcią zbiorową // Stefan Czarnowski z perspektywy siedemdziesięciolecia / Red. Marek Jabłonowski. Warszawa: Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, 2008.

Znanięcki F. Stefan Czarnowski. 1879-1937 // Twórcy socjologii polskiej. Łódź. 1976.

Васильев Алексей Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент, зам. директора Института «Русская антропологическая школа» Российского государственного гуманитарного университета; *vasal2006@yandex.ru*

**Cult of hero and national identity:
a study of collective memory in Stefan Czarnowski's sociology of culture**

The article presents an analysis of Stefan Czarnowski's contribution to memory studies. The study is focused on his monograph on St Patrick as a national hero of Ireland (1911) and two articles – 'The past and the present in culture' (1936) and 'Emergence and social functions of history' (1937). The monograph was a case study where theoretical conclusions resulted from the analysis of historical material, the articles dealt with theory. Czarnowski viewed St Patrick as a national hero, and his cult – as system of commemorative practices that shaped the national identity of the Irish. The scholar studied the role of cultural memory in the shaping and preserving of national identity. The adequate context for a contemporary interpretation of the article 'The past and the present in culture' is a newly emerging discipline close to memory studies – the study of the forms of cultural transmission, Tradierungsforschung etc. The unfinished article 'Emergence and social functions of history' is related to the discussions of historical policies and the correlation between history and memory. Thus, the article contributes to the reconstruction of the history of the Polish national school of memory studies.

Keywords: *memory studies, Polish sociology, the Durkheim school, memory, national identity, commemoration, Ireland, St. Patrick.*

Vasilyev Alexey Grigorievich, PhD in history, Associate Professor, the «Russian School of Anthropology» Institute of the Russian State University for the Humanities, Deputy Director, *vasal2006@yandex.ru.*

О. Л. АКОПЯН

АСТРОЛОГИЯ МАРСИЛИО ФИЧИНО И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ТРАДИЦИЯ

В статье анализируются астрологические воззрения флорентийского философа Марсилио Фичино, который был родоначальником специфического восприятия магии и астрологии в эпоху Возрождения. Первая часть исследования базируется на текстах, написанных примерно до 1484 года, когда Фичино опубликовал перевод диалогов Платона. Во второй части речь пойдет о трактатах, в большей степени проникнутых духом неоплатонической философии. Первые астрологические опыты Фичино в целом не испытали сколько-нибудь ощутимого влияния неоплатонизма. Хотя к этому моменту флорентийский мыслитель уже многие годы находился «в плену» платоновской философии и наследия «древних теологов», эти источники нашли отражение лишь в нескольких фрагментах «Рассуждения». Но во второй половине 1480-х и позднее ситуация меняется. Вполне вероятно, что только после публикации диалогов Платона в 1484 г. у Фичино появилась возможность полноценно использовать новое для своего читателя учение в собственных трудах, посвященных астрологии.

Ключевые слова: Марсилио Фичино, Платон, Ренессанс, неоплатонизм, астрология, магия.

Астрология играла важную роль в творчестве Марсилио Фичино, крупнейшего итальянского мыслителя XV века и первого переводчика Платона и Плотина на латинский язык. Его переводы и интерпретации Герметического Свода, трудов Платона и его последователей определили не только пути философии раннего Нового времени, но и открыли ранее неизвестные источники для магических спекуляций. Поэтому фигура Фичино значима не только для интересующего нас периода, но и для более отдаленных эпох: влияние флорентийца затронуло учения таких мыслителей, как Коперник, Бруно¹ и Галилей².

Определенная сложность в работе с трудами Фичино заключается в том, что собственно астрологических сочинений он оставил немного. Те тексты, из которых мы можем черпать необходимую для нас информацию, чаще всего посвящены другим вопросам, а магия в них оказывается тесно связанной с теологией, философией и медициной. Это заставляет нас условно разделить весь корпус сочинений Фичино,

---

¹ Knox 2002; 1999.

² Hankins 2000.

где фигурирует астрология, на три небольшие группы. В первую из них войдут медицинские труды, прежде всего «Совет, как противостоять чуме» и «Три книги о жизни». Вторая группа состоит из неоплатонических сочинений и комментариев Фичино, а третья – из писем и других произведений «малой формы». Несмотря на весьма внушительный объем, к последнему разделу относится «Рассуждение против прорицаний астрологов» – сборник заметок и черновики об астрологии, который при жизни автора так и не был издан.

Разумеется, астрологические мотивы встречаются и в других текстах Фичино, например, в «Платоновском богословии о бессмертии душ»³, трактате «О христианской религии»⁴ и многочисленных комментариях на диалоги Платона, однако, к сожалению, объять весь этот массив не представляется возможным. Поэтому это исследование не может претендовать на полноту, однако способно определить основные направления мысли Марсилио Фичино.

Первым полноценным опытом Фичино в астрологии⁵ следует считать «Рассуждение против прорицаний астрологов». Этот текст, который остался в рукописном виде и не вошел в официальное собрание сочинений Фичино, был открыт Х. Бароном, который указал на него в своей статье 1927 года⁶. Чуть позже латинский оригинал под редакцией Барона⁷ вошел в сборник «*Supplementum Ficinianum*», который в 1937 г. подготовил другой крупнейший исследователь итальянского Возрождения П.О. Кристеллер⁸. Поскольку точной датировки трактата не существует, о ней в историографии существуют определенные споры. Барон и Кристеллер считали, что «Рассуждение» было создано около 1477–1479 гг. На это указывают некоторые косвенные свидетельства: в не-

---

³ Недавно этот труд был дважды издан и переведен на европейские языки. Не стоит также забывать о старом издании Р. Марселя. См.: *Ficino* 1964–1970; 2001–2006; 2011.

⁴ В отличие от «Платоновского богословия» упомянутый трактат издается неохотно. Критического издания до сих пор не существует. Единственный перевод на современный язык – итальянский – см. в: *Ficino* 2005. Латинский текст см. по: *Marsilii Ficini florentini de Christiana religione liber...* 1576. P. 1-77.

⁵ Речь идет о форме трактата. Отдельные упоминания об астрологии встречаются в письмах Фичино, датированных еще концом 1450-х гг. См.: *Clydesdale* 2011.

⁶ *Baron* 1927.

⁷ *Kristeller* 1937. P. 11: «Editionem praeparavit Baron cuius transcriptiones iterum cum codice contuli nonnulla vel adiungens vel omittens quae videlicet in aliis Ficini scriptis repetuntur».

⁸ *Ibid.* P. 11-76. Существует один полный современный перевод этого труда: *Ficino* 1999. P. 49-174.

скольких письмах этого периода он признается своим корреспондентам, что работает над сочинением, посвященным опровержению астрологии⁹. Однако подобная трактовка устроила далеко не всех исследователей. В своей статье, получившей довольно общее название «Фичино и астрология» и опубликованной в 1986 г., Д. Уокер предположил, что «Рассуждение» непосредственным образом повлияло на «Рассуждения против прорицательной астрологии» Джованни Пико делла Мирандола¹⁰. Интересно, что в начале статьи Уокер в лучших традициях средневековых и ренессансных авторов довольно уничижительно высказывается о своей компетентности в данном вопросе¹¹, что, правда, не мешает ему прийти к выводу, что «Рассуждения» Фичино и Пико разделяют всего лишь один-два года, а, следовательно, первый повлиял на второго. Основным доводом Уокера становится сходство названий и общая антиастрологическая направленность обоих трудов. К сожалению, никаких опровержений доказательств, которые ранее привели Барон и Кристеллер, английский исследователь не приводит.

С одной стороны, догадка Уокера, несомненно, позволила бы создать иерархию философов в ренессансной Флоренции, где Фичино явно превосходил бы Пико, а заодно разрешить проблему противоречий, будто бы существующих между трактатом «О жизни» и «Рассуждением», если принять его раннюю датировку. Уокер считает, что если «Рассуждение» было написано в поздний период творчества, то его автор не мог пройти мимо веяний времени¹² (неудивительно, что в соответствующем пассаже он упоминает Савонаролу), и тогда подобный поворот в отношении к астрологии, по его мнению, понятен.

Несмотря на очевидное удобство такой конструкции, она вряд ли соответствует действительности. Кроме весьма умозрительного сходства названий, никаких доказательств в свою пользу Уокер, в отличие от оппонентов, не приводит. Неудивительно, что к его точке зрения современные исследователи относятся скептически и в целом признают датировку Барона и Кристеллера. Хотя справедливости ради надо заметить, что у нас нет никаких доказательств того, что Фичино никогда не показывал свои записи Джованни Пико.

Если мы принимаем традиционную датировку «Рассуждения», то всего через пару лет, в 1481 г., Фичино составил первое самостоятель-

---

⁹ См. *Кудрявцев* 2008. С. 363.

¹⁰ *Walker* 1986. P. 341-349.

¹¹ *Ibid.* P. 341.

¹² *Ibid.* P. 342.

ное медицинское сочинение, которое получило название «Совет, как противостоять чуме»¹³. В это же время Фичино начал работать над другим, более известным трактатом – «Тремя книгами о жизни», поэтому эти труды связывает не только общий предмет, но и история создания.

Но, в отличие от более известного трактата Фичино, «Совет» посвящен частной, а не общей проблеме. Дело в том, что в 1478–79 гг. на Италию обрушилась новая эпидемия чумы, поэтому Фичино, по его собственным словам, решил составить руководство по тому, как надо бороться с заразой; а поскольку эпидемия задела не только богатых и знатных жителей Флоренции, но и бедняков, он написал свой текст на *volgare*, дабы «каждый мог бы его понять и с его помощью лечиться»¹⁴. Более того, при написании «Совета» Фичино руководствовался личным интересом: в начале трактата он указывает, что вдохновляется примером своего отца, а не только писаниями древних и современных медиков¹⁵. По всей видимости, отец Фичино в середине XV в., в пору своей работы врачом при госпитале Санта Мария Нуова, находился «на передовой» борьбы с эпидемией. Упоминая отца, Марсилио, видимо, подчеркивает свое стремление уподобиться отцу¹⁶.

Надо сказать, что жанр, выбранный Фичино, был отнюдь не нов. Он возник в середине XIV в., когда Европа впервые познакомилась со смертельной болезнью. Ряд крупных итальянских медиков, которые руководствовались теми же побуждениями, что и Фичино, создали подобную форму трактата, специально посвященного борьбе с чумой¹⁷. Среди них были Таддео Альдеротти, который считается зачинателем жанра, Джентиле да Фолиньо, Томмазо дель Гарбо и др. В своих интерпретациях возникновения чумы эти мыслители ориентировались на наиболее выдающихся медиков прошлого – Галена и Авиценну, однако не пренебрегали и астрологическими интерпретациями. Как замечает Т. Катинис, поскольку появление «черной смерти» на средневековом Западе в целом хронологически совпало с проникновением арабской астрологии, удивляться стремлению найти не земные, а небесные объяснения возникновению чумы не стоит.

Когда в конце XV в. в Италии вновь разразилась эпидемия, число трактатов подобного жанра резко возросло. Свой «совет» составил

---

¹³ *Katinis* 2007. Издание текста предваряется полноценным монографическим исследованием.

¹⁴ *Consiglio di Marsilio Ficino fiorentino contro la pestilentia* // *Ibid.* P. 159.

¹⁵ *Ibidem.*

¹⁶ *Ibid.* P. 78-79.

¹⁷ Об истории жанра см.: *Ibid.* P. 29-53.

флорентийский врач Антонио Бенивьени, брат более известного философа Джироламо Бенивьени. Интересно, что один из списков его труда «О чуме» был посвящен непосредственно Лоренцо Медичи. В 1479 г. латинскую версию собственного сочинения (тоже, к слову, адресованного Лоренцо) с таким же названием подготовил Джованни Калори¹⁸. Кроме Флоренции, пик интереса к врачеванию чумы был отмечен в Болонье, где свои рецепты борьбы с заразой, правда, не слишком отличавшиеся от уже известных, подготовили Джироламо Манфреди и Якопо Сольди. Наконец, в том же 1479 г. впервые была издана печатная версия «Совета» Джентиле да Фолиньо. Неудивительно, что при таком обилии текстов труд Фичино затерялся. Полностью он увидел свет только в 1481 г., когда чума уже давно сошла на нет, хотя, как предполагает Т. Катинис, отдельные фрагменты могли ходить по Флоренции в рукописях и раньше¹⁹.

Спустя восемь лет Фичино вновь обратился к вопросу о применении астрологии в медицинских целях в трактате «О жизни»²⁰. Правда, в этот раз он отошел от того, чтобы следовать средневековым канонам. Только в данном сочинении Фичино впервые демонстрирует прямое влияние неоплатонизма на его магиико-астрологические взгляды — более ранние труды его были лишены не только по форме, но и по содержанию. Причиной такого поворота следует считать работу Фичино над переводом «Эннеад» Плотина²¹.

Несмотря на то, что издание этого важнейшего философского текста Античности увидело свет только в 1492 г.²², интерес ренессансных мыслителей к нему имеет давнюю историю. Еще в первой половине XV столетия во Флоренции хождение получили сразу два списка «Эннеад»²³. Один из них принадлежал Палла Строцци, к которому рукопись перешла после смерти в 1415 г. его учителя Мануила Хрисолора, в 1397 г. специально приглашенного во Флоренцию Колюччо Салютати преподавать греческий язык. В 1434 г. Строцци был изгнан из Флоренции и обосновался в Падуе, где проживал вплоть до кончи-

¹⁸ Этот рукописный текст до сих пор не опубликован.

¹⁹ Об истории распространения текстов, посвященных чуме в 1478–1479 гг. см.: *Katinis* 2007. P. 94.

²⁰ Этот знаменитый трактат неоднократно публиковался. Наиболее авторитетным изданием считается работа К. Каске и Дж. Кларка: *Ficino* 1998.

²¹ *Marsilii Ficini florentini in Plotini epitomae // Marsilii Ficini opera*. 1576.

²² Об истории издания «Эннеад» см.: *Kristeller* 1937. P. CXXXVI CXXXIX; *Toussaint* 2005; *Кудрявцев* 2008. С. 72–78.

²³ Об истории рукописей см.: *Saffrey* 1996.

ны в 1462 г. Перед этим он успел завещать свое собрание бенедиктинскому монастырю святой Юстины, где оно хранилось до начала XVI в., пока кардинал Ридольфи, племянник папы Льва X, не присвоил его. Известно, что затем библиотека Ридольфи перешла в ведение Пьеро Строцци, погибшего в 1558 г., после чего оказалась в Париже.

Второй же список для Никколо Никколи во Флоренцию доставил Джованни Ауриспа. После смерти Никколи всю его библиотеку приобрел Козимо Медичи. Именно с рукописью из этого собрания, а точнее с копией этой рукописи, ныне хранящейся в Парижской Национальной библиотеке²⁴, работал Марсилио Фичино.

Неизвестно, когда Фичино впервые взялся за перевод «Эннеад»²⁵, но несомненно, что к началу полноценной работы над сочинением Плотина были готовы и «Платоновское богословие о бессмертии душ», и Платоновский корпус. Поэтому традиционно считается, что это произошло не ранее марта 1484 года. В предисловии к «Эннеадам» Фичино заявляет, что перевести труд Плотина его побудил Джованни Пико дела Мирандола²⁶. Судя по его письмам, работа продолжалась около 22-х месяцев, а уже 17 января 1486 года он признавался врачу семейства Медичи Пьер Леоне да Сполето в том, что перевод готов²⁷. Однако в этой эпистоле Фичино замечает, что текст нуждается в тщательной редактуре: из исследования А. Уолтерса следует, что вариант 1486 года и окончательная версия, отданная в печать в 1492 г., довольно сильно различались²⁸. В это же время, кроме составления комментариев к «Эннеадам», Фичино не менее активно работал над трактатом «О жизни».

Это сочинение состоит из трех частей: «О здоровой жизни», «О продолжительной жизни» и наиболее известной «О стяжании жизни к небесам»²⁹. Первый фрагмент был составлен еще около 1480 г., т.е., как было сказано выше, параллельно с «Советом». По словам самого Фичино, на написание текста «О здоровой жизни» его подвигло чтение трак-

---

²⁴ Анализ этой рукописи см. в: *Förstel* 2006.

²⁵ Со слов самого Фичино, мы знаем, что еще в 1460-х гг. Козимо преподнес ему не только рукописи с диалогами Платона, но и манускрипт с «Эннеадами»: *Toussaint* 2005. P. 1.

²⁶ *Marsilii Ficini florentini in Plotini epitomae // Marsilii Ficini opera*. P. 1537. См. также: *Кудрявцев* 2008. С. 72.

²⁷ «Accipe nonnullos quos hic expectabas Plotini libros, heri omnibus transferendis finem posui» (*Ficini Epistolarum liber VIII. 24 // Marsilii Ficini opera*. P. 874). Об процессе перевода см.: *Toussaint* 2005. P. I—II.

²⁸ *Wolters* 1986.

²⁹ Об истории создания этого сочинения см. *Kristeller*. 1937. P. LXXXIII—LXXXIV.

тата «О замедлении старения» знаменитого средневекового медика Арнальда из Виллановы³⁰. Два других датируются 1489 годом; при этом «О стяжании жизни с небес», который Фичино планировал представить в качестве комментария к 11 главе третьей книги четвертой «Эннеады», он составил до фрагмента «О продолжительной жизни». Но к 10 июля 1489 г. флорентиец отделил «О стяжании жизни с небес» от комментария к «Эннеадам» и посвятил эту часть итогового трактата «О жизни» венгерскому королю Матьяшу Корвину. «О продолжительной жизни», готовый к августу 1489 года, предваряется посвящением Филиппо Валори. Почти сразу после этого Фичино опубликовал весь текст трактата.

Уже по истории создания этого текста можно понять, что он неоднороден. Книга «О здоровой жизни» представляется более традиционной и, в целом, менее подверженной новым веяниям, чем «О стяжании жизни с небес». Несмотря на некоторые очевидные платонические коннотации, первая часть вряд ли может считаться новым словом в истории медицины. Примерно то же самое справедливо применительно ко второй книге. Что же касается третьего фрагмента, то, напротив, неоплатонические влияния, в том числе при использовании магических практик, отразились в нем в гораздо большей степени.

Пожалуй, не менее явно неоплатоническое прочтение астрологии просматривается в трактате «О Солнце», написанном в 1492 г.³¹ Его естественным дополнением служит примерно такое же по объему сочинение «О свете»³², которое, в отличие от своего более известного «собрата», до сих ни разу не было опубликовано на современных европейских языках и, видимо, потому по-прежнему остается вне поля зрения многих исследователей. Оба текста посвящены неудачливому сыну Лоренцо Медичи Пьеро, который принял управление городом после смерти знаменитого отца, но вскоре был вынужден покинуть Флоренцию. При этом Фичино ясно дает понять, что трактат «О свете» является прямым и логическим продолжением трактата «О Солнце» и по всей видимости был написан сразу после него³³.

---

³⁰ Кудрявцев 2008. С. 81.

³¹ В современных изданиях трактата нет параллельного латинского текста, поэтому обратимся к: Marsilii Ficini in librum de Sole ad magnanimum Petrum Medicem // Marsilii Ficini opera. P. 965-975. Наиболее комментированный перевод: Ficino. Libro del Sole di Marsilio Ficino, al magnanimo Piero de' Medici. P. 185-215.

³² Marsilii Ficini in librum de Lumine ad magnanimum Petrum Medicem // Marsilii Ficini opera. P. 976-986.

³³ «Cum opusculum de Sole tibi clarissime Petre destinavisses, memini paulo post iamdiu me de lumine libellum composuisse» (Marsilii Ficini in librum de Lumine. P. 976).

Исследователи давно обратили внимание на то, что отношение Фичино к астрологии не было простым. По мнению некоторых ученых, его воззрения отличались двойственностью. Об этом, в частности, заявляет в своей монографии О.Ф. Кудрявцев, цитируя письмо Фичино к Лоренцо Медичи³⁴. Утверждения о непоследовательности Фичино основываются прежде всего на том, что его относительно раннее сочинение «Рассуждение против прорицаний астрологов» было, несомненно, направлено против предсказателей, но уже ближе к закату своего творческого пути Фичино как будто изменил этим взглядам и использовал астрологию в «Трех книгах о жизни», а также создал астрологическую картину мира в трактатах «О Солнце» и «О свете». Однако, на мой взгляд, этот тезис не совсем соответствует действительности. На основе главных трудов Фичино, где говорится о магии и астрологии, я постараюсь показать, что флорентийский философ создал синкретическую теорию, в рамках которой пытался соединить неоплатонические импульсы с христианским учением и средневековой астрологической традицией. Более того, по моему мнению, основа подобного объединения оставалась неизменной, хотя отрицать развитие астрологических представлений Фичино в течение многих лет было бы по меньшей мере наивно.

Кроме того, не стоит забывать о том, что астрологические воззрения Фичино нельзя рассматривать в отрыве от теории о «древней теологии»³⁵. Во введении к трактату «О христианской религии» Фичино замечает, что божественные воля и мудрость отражаются в учениях тех народов, которые к христианству отношения не имеют: он перечисляет еврейских пророков, «персидских жрецов-магов», индийских брахманов, галльских друидов и многих других «древних теологов». При этом Фичино подчеркивает две вещи: во-первых, все те, кому высокое знание о Боге оказалось доступно, были людьми учеными; и, во-вторых, они принимали участие в сакральных церемониях, выполняли функции жрецов, и занимались прочими вещами, простым смертным недоступными³⁶. Под этим Фичино, несомненно, понимает высокое оккультное знание, которое является прерогативой истинных магов. Более того, он полагает, что Платон, переводу и комментирован-

---

³⁴ Кудрявцев 2008. С. 357.

³⁵ О ее формировании, в том числе благодаря переводам теургических и философских текстов Античности см.: Акоюн 2013.

³⁶ Marsilii Ficini Florentini de Christiana religione liber, ad Laurentium Medicem Patriae servatorem. Prooemium // Marsilii Ficini opera. I. P. 1.

нию которого он посвятил многие годы своей жизни, аккумулировал это знание и полноценно раскрыл его в своих диалогах, а позже передал его своим последователям. В знаменитом фрагменте из трактата «О христианской религии», где Фичино перечисляет «древних теологов», он замечает, что настоящий смысл платоновского учения был раскрыт только благодаря христианам, которые обнаружили сходство между ним и своей религией. Это приводит Фичино к предположению, что наиболее важные «мистерии» неоплатоников обнаруживаются еще в Евангелии и у Отцов Церкви³⁷. Но обнаружение всех этих многочисленных связей между «древними теологами», платониками и христианством приводят к радикальному изменению статуса магии: она теперь понимается не как помощница религии (как это было в Средние века), но как ее предтеча. Тот оккультизм, о котором говорит Фичино, не нуждается в согласовании с христианской догматикой, поскольку, по мнению флорентийского мыслителя, у них общие корни и основания. Задача философа – лишь обнаружить их и верно интерпретировать; в случае успеха он сам может стать магом.

Несомненно, такое представление о магии сильно отличалось от средневековых воззрений. Однако, как я постараюсь показать дальше, во многих случаях астрология у Фичино выступает в более традиционном виде. При всей новизне – для средневекового и ренессансного читателя, разумеется, – своего взгляда на проблему Фичино не ограничивается одним подходом и в разных ситуациях прибегает к другим интерпретациям, тем не менее подчеркивая свой главный тезис: астрология и магия не находятся в противоречии с христианством и могут быть полезными как в догматических вопросах, так и в практическом применении, например, медицине.

Следуя хронологии, начнем наш анализ с «Рассуждения против прорицаний астрологов». Согласно мнению, широко распространенному в литературе, Фичино в этом трактате пытается доказать, что астрология противоречит свободе воли и божественным установлениям и потому не может считаться легитимной. Хотя доля истины здесь есть, позиция Фичино представляется мне заметно более сложной.

Действительно, прежде всего Фичино утверждает, что сторонники детерминированности любого частного события допускают три основные ошибки: они сомневаются во всеилии Бога; предполагают, что ангелы движут небесами таким образом, чтобы от этого зависела человеческая жизнь; и предвещают хорошему человеку зло, а плохому

---

³⁷ Ibid. XXII. P. 25.

– добро³⁸. Флорентиец подчеркивает, что магистральная ошибка астрологов заключается в стремлении предсказать частное, то есть любой поступок из жизни человека. В пример таким астрологам он приводит сивилл, которые, по его мнению, всячески избегали этого и ограничивались лишь самыми общими предсказаниями. Фичино не сомневается, что своим стремлением проникнуть в будущее астрологи бросают вызов самому Богу³⁹. По его мнению, Бог как Творец хранит в сердце Своем все Им сотворенное, любит его и желает ему всяческого добра; соответственно, каждая вещь земного мира имеет прообраз в сердце Бога, который по Своей воле создает ее должным образом⁴⁰. Интересно, что в качестве аллегорического объяснения этой мысли Фичино называет Бога Солнцем, как будто предвещая трактат «О Солнце», в котором подобные сравнения будут встречаться неоднократно.

Но свою задачу Фичино не сводит к подробному пересказу уже достаточно хорошо известных топосов. Его волнует не столько ложность астрологических практик или ошибочность астрологии в целом, сколько привязанность прорицаний к «случаю». И именно этот термин раскрывает некоторые философские и даже, можно сказать, личные причины, по которым Фичино решил взяться за работу над «Рассуждением». В одном из фрагментов он с жаром обрушивается на Лукреция, обвиняя автора поэмы «О природе вещей» в желании объяснить рождение мира простым случаем. Весь этот довольно большой пассаж⁴¹, написанный в форме диалога с оппонентом, где Фичино высмеивает абсурдность мысли, будто прекраснейшие здания и скульптуры появляются случайно, без какого-либо предварительного проекта, а природные явления не имеют никаких причин, несомненно, отражает трансформацию самого Фичино как мыслителя. Нам хорошо известно, что в молодости Фичино находился под большим влиянием Лукреция. Результатом этого стал трактат «О наслаждении», который представляет собой довольно поверхностное изложение основных мыслей эпикурейской школы⁴². Однако после знакомства с платонической философией Фичино стал противником эпикуреизма, что неоднократно

---

³⁸ Marsilii Ficini Florentini disputatio contra iudicium Astrologorum // Marsilii Ficini opera. I. P. 781.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Ficinus M. Disputatio contra iudicium Astrologorum // Kristeller. 1937. P. 12-13.

⁴¹ Ficino M. Platonic theology. Vol. 2. P. 200-206.

⁴² Это сочинение, вошедшее в *Opera omnia* Фичино до сих пор не было издано критически. См.: Marsilii Ficini florentini adhuc adolescentis, Liber de Voluptate, ad Anthonium Canisianum, civem Florentinum // Marsilii Ficini opera. I. P. 987-1012.

проявлялось в его крупных философских трудах, в первую очередь в «Платоновском богословии о бессмертии душ»⁴³. Как мы видим, в «Рассуждении» астрология как вера в случай становится тесно связанной с ненавистным для зрелого Фичино увлечением юности. Соответственно, все дальнейшие нападки Фичино на астрологию следует рассматривать сквозь призму подобного отношения не столько даже к самим прорицаниям, сколько к случаю в эпикурейском значении этого слова. Неудивительным в таком контексте кажется то, что говоря о ложности астрологии, Фичино всячески стремится указать на существование некоей полноценной структуры бытия, которая наделена смыслом свыше, хотя ни арабские, ни средневековые астрологи никогда не говорили о бессмысленности или неустроенности мира.

Борьба Фичино со случаем объясняет весь дальнейший ход его мыслей. С одной стороны, ссылаясь на Священное Писание и многочисленные авторитеты, включая Платона, Филона Александрийского и других, он говорит о безграничной свободе воли человека, которая не входит в противоречие с божественным Провидением⁴⁴. Но, с другой – он выступает против тех астрологов, кто пытается по одному лишь признаку, то есть полагаясь на случай, предсказать всю жизнь человека. В подтверждение своих слов он ссылается сразу на несколько произведений Клавдия Птолемея, который неоднократно порицал астрологов, рассчитывающих гороскоп только по положению небесных сфер и не учитывающих все прочие важные факторы. Приводя в качестве дополнительного подтверждения суждения Аль-Фараби, Авиценны и некоторых других мыслителей, Фичино прямо заявляет, что существует несколько видов и уровней причин, каждая из которых непосредственным образом влияет на итоговое явление. Он уверен, что вся эта многообразная причинно-следственная структура, включающая в себя все возможные элементы, восходит к Богу, ведающему в том числе и случайностями. Более того, опять же вслед за разнообразными авторитетами, Фичино заявляет, что указания звезд на какой-либо исход некоего события не считаются обязательными; а из-за множества факторов, влияющих на конечный результат, производимые эффекты практически невозможно предсказать точно⁴⁵. Но все эти рассуждения побуждают поставить вопрос: насколько Фичино от-

---

⁴³ О критике Лукреция см.: *Snyder* 2011. Лучшее исследование о наследии Лукреция в ренессансной Флоренции: *Brown* 2010.

⁴⁴ *Ficinus M. Disputatio contra iudicium Astrologorum*. P. 15-16.

⁴⁵ *Ibid.* P. 19-24.

рицает саму астрологию? Или объектами его критики становятся лишь нерадивые астрологи, которые поверхностно и неумело занимаются предсказаниями?

Ответ кроется во второй части «Рассуждения», которая состоит из коротких глав, специально посвященных практической астрологии. В них встречаются повторения, а сами заметки Фичино довольно сумбурны и кратки, однако они дают представление о том, насколько флорентиец хорошо разбирался в астрологии.

Прежде всего Фичино замечает, что далеко не все астрологи придерживались мысли о небесной детерминированности человеческой жизни. Среди сторонников такого подхода он опять же называет Птолемея, который действительно выступал за то, чтобы не ограничиваться исключительно расположением звезд⁴⁶. Более того, Фичино указывает, что Птолемей, а вслед за ним и его главный комментатор – Хали ибн Ридван (Авенродан – в латинской традиции)⁴⁷, высказывали мнение, согласно которому ученый муж способен подчинять себе небеса⁴⁸. Эта точка зрения, без сомнения, была чрезвычайно близка Фичино.

Повторив в нескольких главах, что христианская религия берет начало не от небес, а только от одного Бога⁴⁹, Фичино обращается к астрологическим техникам. Пожалуй, для тех, кто по-прежнему считает верным предположение Уокера о датировке «Рассуждения», эти фрагменты сослужили бы хорошую службу — многие главы прямо перекликаются с содержанием отдельных фрагментов «Рассуждений против прорицательной астрологии» Пико делла Мирандола. Тем не менее между этими текстами существуют заметные различия. Они касаются как оценки отдельных практик, так и использования разных авторитетов. К тому же нельзя исключать, что поскольку «Рассуждение» Фичино композиционно не едино, а точная дата создания окончательного текста в том виде, в каком он был издан Бароном и Кристеллером, нам неизвестна, вторую часть флорентиец вполне мог дописать уже после появления на свет «Рассуждений» Пико. Впрочем, к подобным предположениям, пусть привлекательным своей новизной, следует относиться с большой осторожностью.

---

⁴⁶ Ibid. P. 30-31.

⁴⁷ Хали ибн Ридван (ок. 998 – ок. 1061) – египетский астролог. Был известен в Европе как Авенродан или Хали Хебен Родан. О нем см.: *Seymore* 2001.

⁴⁸ *Ficinus M. Disputatio contra iudicium Astrologorum*. P. 32-33.

⁴⁹ Соответствующие главы из «Рассуждения» совпадают с эпистолами из *Opera omnia*. См.: *Marsilii Ficini opera*. I. P. 849-851.

Свой анализ практических предсказаний Фичино начинает с того, что принимает одну из астрологических доктрин – об одушевленности звезд. С одной стороны, это неудивительно, учитывая приверженность Фичино неоплатонизму. Однако доводы, которые он приводит в пользу такого мнения, могут показаться интересными. Прежде всего Фичино обращается к двум рассуждавшим на эту тему астрологам – Абу Машару и Сахлю ибн Бишру, в западной традиции известному как Захель или Заель⁵⁰. Пожалуй, Фичино в этой доктрине привлекает то, что астрологи утверждают изначальную благодать мироздания, поскольку рациональная душа, согласно им, несет в себе только положительный заряд и лишена зла. Его даже не смущает приводимая им самим цитата из комментария Иеронима на Книгу Екклесиаста, где Отец Церкви проклинает сторонников представления об одушевленности звезд. Обойти эту преграду Фичино удается при помощи утверждения, что под душой звезд имеется в виду нечто, намного превосходящее человеческую душу, и потому не подверженное греху и движущее человечество в верном направлении⁵¹.

Тем не менее в остальном астрологи, по мнению Фичино, противоречат друг другу. Как замечает флорентийский философ, они расходятся в вопросах о природе планет и об их восхождении в разных знаках Зодиака, а также в других вопросах⁵². При этом Фичино как впоследствии и Пико) противопоставляет Птолемея его последователям и комментаторам из арабского мира, прежде всего Альбумазару. Кроме персидского астролога, в «Рассуждении», а позднее в трактате «О жизни», он упоминает еще некоего астролога Альбиуса, идентифицировать которого пока не представляется возможным. Однако, по словам Фичино, именно этот Альбиус вступил в заочный спор с Птолемеем о наименовании планет; а другой видный астролог, Ал-Кабици, предложил собственную схему восхождения планет в отдельных знаках Зодиака. Примерно такие же расхождения между астрологами Фичино обнаруживает и по другим вопросам, например, по поводу восходящего градуса знака Зодиака; при этом он сам допускает некоторую неточность, связывая понятия срединного неба с восходящим градусом. Также Фичино вопрошает, по какому принципу астро-

---

⁵⁰ Интересно, что этот еврейский астролог (ок. 786–845?) практически не упоминается у Пико. В то же время ссылки на него у Фичино достаточно часты.

⁵¹ *Ficinus M. Disputatio contra iudicium Astrologorum*. P. 33.

⁵² «Astrologi inter se dissentiunt. Dissentiunt astrologi de naturis et terminis planetarum et exaltationibus et hileg» (*Ibid.* P. 36).

логи придают планетам какие-то характеристики или наделяют некоторые из них противоречащими друг другу функциями.

Но, в отличие от Джованни Пико, которого подобные нестыковки в астрологическом учении привели к выводу о ложности предсказательных практик, Фичино оказался более «либеральным». В результате своего анализа он пришел к двум заключениям. Согласно первому из них, астрология не может считаться наукой, поскольку настоящая наука оперирует только четко определенными понятиями и результатами⁵³. Астрология же, напротив, подразумевает множество трактовок и основывается только на частных, не репрезентативных примерах. Кроме того, на основе фрагментов текста можно сделать вывод, что Фичино причислял к науке только те области знания, результат которых подвергается эмпирической верификации – подобное мнение, несомненно, выглядит весьма современно.

Второй вывод сводится к тому, что любое предсказание сделать чрезвычайно сложно. По мнению Фичино, каждое явление и событие сопровождается множеством разнообразных и зачастую противоречащих друг другу знаков, а проследить все из них и дать им верную интерпретацию – задача почти невыполнимая. Особую трудность для предсказателей представляет то, что учесть в гороскопе или иных астрологических практиках все многообразие небесных тел попросту невозможно⁵⁴. Более того, поскольку в мире невозможны полностью совпадающие по всем параметрам события, астрологу необходимо тщательно изучать каждое из них, а это явно находится за гранью простых человеческих способностей; к тому же найти какое-либо эмпирическое подтверждение своих выводов астрологи не способны⁵⁵.

Эта определенная апология астрологических занятий, которые, по мнению Фичино, могут быть зачастую ложны из-за неразрешимых трудностей, приводит нас к выводу, весьма близкому тем заключениям, к которым пришла в одной из своих статей П. Орнелла Фаракови⁵⁶. Судя по «Рассуждению», Фичино не является противником астрологии как таковой, а выступает против астрологов, не способных дать полную, исчерпывающую картину того события, которое они пытаются интерпретировать. Не стоит удивляться, что Фичино неоднократно ссылается на Птолемея, который в «Четверокнижии» высказывал схо-

---

⁵³ Ibid. P. 33-34.

⁵⁴ Ibid. P. 48.

⁵⁵ Ibid. P. 48, 50.

⁵⁶ *Pompeo Faracovi* 2004.

жие воззрения. Кроме того, нигде в «Рассуждении» Фичино прямо не заявляет о ложности именно самой астрологии, всегда оговариваясь, что подразумевает допускающих неточности астрологов.

Однако Фичино предлагает возможный выход из этой ситуации. Чуть выше я уже упоминал об образе покоряющего небеса ученого мужа, который Фичино в данном случае позаимствовал из трудов Птолемея и Хали ибн Ридвана. Только такой мудрец, уже появившийся на страницах трактата «О христианской религии», способен верно использовать богатые возможности астрологии, не исказив их и должным образом интерпретировав. Неудивительно, что в «Рассуждении» Фичино несколько раз упоминает «древних теологов», правда, не вдаваясь в какие-либо подробности.

Таким образом, в «Рассуждении против прорицаний астрологов» Фичино критикует астрологов, указывая на противоречия между ними и на их многочисленные ошибки. По его мнению, астрологические спекуляции страдают от того, что предсказатели обращают внимание только на небесную конфигурацию, полностью игнорируя все прочие важные факторы. Придерживаясь мнения, схожего с позицией Птолемея, флорентийский мыслитель призывает настоящего астролога выйти за границы привычного знания, и образ мага-философа становится для этого путеводной звездой. В данном случае Фичино ничего не говорит о том, что астрология, верно используемая и интерпретируемая, противоречит христианству; наоборот, все обвинения звучат в адрес астрологов, дерзко считающих себя провидцами будущего. Но «настоящие» предсказания, по Фичино, не находятся в конфликте с религией, выполняя роль знаков, подтверждающих ее основные постулаты.

Спустя некоторое время Фичино написал «Совет, как противостоять чуме» – трактат, принадлежащий большой традиции медицинской литературы Средних веков. Стоит заметить, что он не отошел от нее и в использовании астрологии.

В начале сочинения Фичино разъясняет природное происхождение чумы – «ядовитого пара, рассеянного в воздухе и враждебного живительному духу»⁵⁷. После общих рассуждения он, по образцу предшественников, обращается к небесным причинам возникновения этого заболевания. В начале второй главы Фичино объясняет эпидемию при помощи теории «великих конъюнкций» – арабской астрологической практики, которая была широко известна на средневековом Западе. По мнению астрологов, в ходе истории, обычно через большие

---

⁵⁷ *Katinis* 2007. P. 159.

промежутки времени, основные планеты (Юпитер, Сатурн и Марс) сходятся в Луне или Солнце таким образом, что предвещают великие потрясения. И Фичино уверен, что чума 1478–79 гг. может считаться таковым. Он указывает, что в эти годы две наиболее негативные планеты – Марс и Сатурн – приобрели максимальную силу в «человеческих знаках» и распространили свою разрушительную природу на человеческий род⁵⁸. Разумеется, приводя такое объяснение эпидемии, Фичино не мог не соотносить его с «великой конъюнкцией» 1345 года, при помощи которой его предшественники интерпретировали причины «черной смерти», конечно же, уже после ее окончания. Но Фичино, еще совсем недавно работавший над «Рассуждением против прорицаний астрологов» и осуждавший звездочетов за однобокую трактовку любого события, стремится этих ошибок избежать. Поэтому он выражает уверенность, что подобные бедствия были бы невозможны без природных причин, в первую очередь без яда, возникающего из-за действия ветров и вредных паров, постепенно опускающегося из верхних слоев воздуха и от этого получающего дополнительную силу. По мнению Фичино, такие процессы проходят быстрее в том случае, когда небесная конфигурация этому способствует. Кроме того, вслед за античной и средневековой традицией он утверждает, что существуют люди, более подверженные астральным влияниям. Для того, чтобы понять, кто это, астрологу необходимо верно соотнести универсальное предсказание с личным гороскопом⁵⁹.

Из этого Фичино выводит ряд вполне традиционных средневековых заключений о предрасположенности человека к заболеваниям. Он обращается к представлению о четырех видах желчи, которые определяют характер человека⁶⁰. В некоторых случаях свойства желчи зависят от расположения планет: наиболее характерным примером такого подхода служит упоминание об изменении крови в зависимости от положения Солнца⁶¹. Кроме того, Фичино упоминает разные сочетания планет, обычно с Луной и Солнцем (но не имеющие отношение к «великим конъюнкциям»), которые представляются ему положительными или негативными. Особенно он выделяет конфигурации с Луной: Т. Катинис объясняет это тем, что Луна была традиционно связана с холодной и влажной природой, а при сочетании с наиболее

---

⁵⁸ *Ficino M. Consilio di Marsilio Ficino fiorentino contro la pestilentia.* P. 160.

⁵⁹ *Ibid.* P. 162-163.

⁶⁰ *Ibid.* P. 163.

⁶¹ *Ibid.* P. 174-175.

влиятельными светилами – Солнцем, Сатурном и Марсом – эти потенциально негативные качества нивелируются⁶².

Как видно из фрагментов, где речь идет об астрологии, Марсилио Фичино ничем не проявляет своего интереса к «новым» авторитетам — Гермесу, Платону и прочим. Он всецело находится в рамках средневековой астрологической традиции. Более того, позволю себе заметить, что Т. Катинис, написавший прекрасное введение к опубликованному им тексту «Совета», сильно преувеличил платоническое воздействие конкретно на этот трактат Фичино. Не вдаваясь в анализ медицинских аспектов «Совета», в которых, надо признать, с Катинисом невозможно соперничать, замечу лишь, что имя Платона (не говоря уж о других, вновь открытых мыслителях) в самом тексте трактата не упоминается ни разу; в то же время Фичино находит возможность сослаться на нескольких ведущих средневековых итальянских медиков и натурфилософов (особенно выделяя Пьетро д'Абано и Джентиле да Фолиньо) и даже коснуться расхождений в методах врачевания итальянской и испанской школ.

Примерно так же Фичино обходит вниманием возрождаемый им платонизм в другом сочинении, которое появилось год спустя. Небольшой трактат «О звезде волхвов» был написан в 1482 году, и в *Opera omnia* он располагается в разделе «проповедей»⁶³. Существует мнение, что этот текст предназначался для публичного обсуждения в кругу мыслителей, близких к Фичино, однако никаких доказательств для подобного вывода нет. Сторонники такой точки зрения Р. Хатфилд⁶⁴ и С. Бахлер⁶⁵ исходят из того, что Фичино и его современники действительно собирались на «заседаниях» так называемой Платоновской Академии, где проводились некие диспуты. Далее исследователи – в данном случае совершенно справедливо – указывают на тот богатейший изобразительный ряд, который в ренессансной культуре Флоренции оказался связан с символикой волхвов, почему-то забывая, что самое знаменитое изображение процессии к месту Рождества было создано примерно двадцатью годами ранее⁶⁶, когда о возрождении платонизма речи идти не могло.

---

⁶² *Katinis* 2007. P. 120.

⁶³ *Ficinus M. De stella Magorum, cuius ductu pervenerunt ad Christum regem Israelis iam natum // Marsilii Ficini opera. I. P. 489-491.*

⁶⁴ *Hatfield* 1970. P. 128.

⁶⁵ *Buhler* 1990. P. 351.

⁶⁶ Я имею в виду «Поклонение волхвов» Беноццо Гоццолли, на котором, как известно, среди членов процессии был изображен Козимо Старший.

Несомненно, для Фичино как создателя доктрины «древней теологии» образы волхвов, носителей высокого и одновременно скрытого для простых людей знания, были чрезвычайно важны. Правда, неоплатоническое влияние, на которое особенно указывает Бахлер, в этом сочинении кажется опосредованным: в собственных спекуляциях об астрологической составляющей Рождества Фичино опирается на весьма богатую и влиятельную средневековую традицию так называемого «гороскопа Христа»⁶⁷, адептами которой был не только сожженный еретик Чекко д'Асколи, но и крупный теолог и кардинал католической Церкви Петр из Аيي, а уже в XVI веке – Джироламо Кардано.

Фичино открывает текст цитатой из Книги Чисел, в которой Ваалам предвещает будущего Мессию⁶⁸, а в то же самое время над Иудеей должна взойти «удивительная комета», истинное значение которой могли осознать только настоящие знатоки астрономии, т.е. «волхвы, среди которых находились жрецы»⁶⁹. Далее в доказательство связи между Рождеством и особенным магическим характером кометы Фичино приводит слова Оригена, который в свою очередь ссылается на некоего стойка Херемона. Последний будто бы утверждал, что при виде этой кометы язычники осознали слабость собственных демонов и решили отправиться в Иудею, дабы познакомиться с Тем, кто превосходит силой их божества⁷⁰. После этого в числе тех, кто указывает на божественность звезды волхвов Фичино упоминает «нашего платоника» Калхидия и римского историка Гая Светония Транквилла, тем самым намечая своеобразную иерархию аргументов: от Священного Писания и христианского автора Оригена до платоника Калхидия и «обычного» языческого автора Светония. Скорее всего таким образом Фичино пытается показать, что мысль об особенном значении кометы получила распространение во всех возможных источниках.

«Гороскоп Христа», чье рождение, несомненно, считалось значительным событием мировой истории, основывался на известной нам теории «великих конъюнкций». Фичино указывает, что по тому, как в декабре, в начале знака Стрельца, поднимается комета, распространяющая «золотые лучи, согласно природе Солнца, серебряные согласно природе Юпитера и смешанные согласно природе Венеры», волхвы осознали, что это небесное явление обещает что-то особенное. Со-

---

⁶⁷ Главное исследование по этой интересной теме: *Pompeo Faracovi* 1999.

⁶⁸ *Ficinus M. De stella Magorum*. P. 489. Ср.: *Чис.*, 24:17.

⁶⁹ *Ibidem*.

⁷⁰ *Ibidem*. Ср.: *Ориген*. Против Цельса. 1. LX.

гласно теории «великих конъюнкций», свойства этих трех планет имеют наиболее весомое и позитивное влияние, что привело к мысли об исключительности грядущего «справедливейшего и милосерднейшего царя, которого ждет величайшая слава»⁷¹.

Фичино уверен, что подобная комета имеет не природное, а божественное происхождение, и даже предполагает возможное ангельское (или архангельское) участие. По его мнению, эту звезду мог привести в движение и наполнить светом архангел Гавриил, ранее возвестивший Захарии об Иоанне и Марии об Иисусе. Интересно, что Фичино указывает на влияние этого же ангела на прочие события из жизни Христа: на «просвещение умов спящих волхвов» о необходимости бежать в Египет и на затмение, произошедшее при Распятии⁷². Возможно, это доказывает, что он считал архангела Гавриила демоном (в неоплатоническом прочтении, разумеется) Христа, хотя для подобных смелых и достаточно провокационных заявлений у нас нет достаточных оснований.

Кроме того, астрологическими данными Фичино объясняет тот факт, что восточные жрецы узнали о Рождестве Христа от чистой Девы. Надо сказать, что астрологическое объяснение девства Марии встречается еще в средневековой традиции⁷³, поэтому говорить о новизне этого фрагмента сочинения Фичино не приходится. Фичино замечает, что никакой другой знак не соответствует девственным родам более, чем Дева, восходившая в момент рождения Христа. Далее, пользуясь расчетами Абу Машара, Фичино приходит к выводу, что преобладающим при рождении Иисуса был первый «лик» или «декан» Девы: он соответствует образу «прекраснейшей, сидящей девы, которая вскармливает грудью ребенка»⁷⁴.

Как видим, оба основных мотива астрологических спекуляций в трактате «О звезде волхвов» – собственно Рождество и картина неба в тот момент и элементы, доказывающие девство Марии – не несут никакого отпечатка новых, неоплатонических влияний; они всецело находятся в русле средневековой традиции. Найти этому объяснение трудно. Тем не менее обращает на себя внимание подход, который Фичино применяет при астрологической интерпретации Библейской истории. Он не стремится объяснить Рождество исключительно при помощи аст-

---

⁷¹ *Ficinus M. De stella Magorum. P. 489.*

⁷² *Ibid. P. 490.*

⁷³ В частности, такая трактовка встречается у Абу Машара: *Abū Maʿšar al-Balḥī [Albumasar]. VI. Cap. I. P. 260-264.*

⁷⁴ *Ficinus M. De stella Magorum. P. 491.*

рологии; наоборот, для него астрология служит лишь дополнительным свидетельством истинного Мессии, а звезда волхвов – всего лишь знаком вочеловечивания Господа, но никак не его причиной. И в этом отношении он не слишком далеко ушел от своих предшественников (например, того же Петра из Айки), которые воспринимали астрологию сходным образом. Стремление найти непротиворечивые связи между оккультизмом и христианством никуда не исчезло.

Таким образом, первые астрологические опыты Фичино в целом не испытали сколько-нибудь ощутимого влияния неоплатонизма. Хотя к этому моменту флорентийский мыслитель уже многие годы находился «в плену» платоновской философии и наследия «древних теологов», эти источники нашли отражение лишь в нескольких фрагментах «Рассуждения». Но во второй половине 1480-х годов и позднее ситуация меняется. Вполне вероятно, что только после публикации диалогов Платона в 1484 г. у Фичино появилась возможность полноценно использовать новое для своего читателя учение в собственных трудах, посвященных астрологии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Marsilii Ficini florentini de Christiana religione liber // Marsilii Ficini florentini, insignis philosophi platonici, medici atque theologi clarissimi opera. Basileae: ex officina Henricpetrina, 1576. P. 1-77.
- Ficino M.* Disputa contro il giudizio degli astrologi, di Marsilio Ficino, fiorentino // Idem. Scritti sull'astrologia / A cura di O. Pompeo Faracovi. Milano: BUR, 1999. P. 49-174.
- Ficino M.* Libro del Sole di Marsilio Ficino, al magnanimo Piero de' Medici // Idem. Scritti sull'astrologia. Milano: BUR, 1999. P. 185-215.
- Ficino M.* Platonic Theology. 6 Vol. / English transl. by M.J.B. Allen with J. Warden. Latin text ed. by J. Hankins with W. Bowen. Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press, 2001–2006.
- Ficino M.* La religione cristiana. Roma, 2005.
- Ficino M.* Teologia platonica / A cura di E. Vitale. Milano: Bompiani, 2011.
- Ficino M.* Théologie platonicienne de l'immortalité des âmes / Ed. par R. Marcel. Paris: Les belles lettres 1964–1970.
- Ficino M.* Three Books on Life / A Critical Edition and Translation with Introduction and Notes by C.V. Kaske and J.R. Clark. Tempe, Arizona: Medieval and Renaissance Texts and Studies, 1998.
- Abū Ma'Šar al-Balhī [Albumasar].* Liber introductorii maioris ad scientiam judiciorum astrorum / Ed. R. Lemay. 9 vol. Napoli: Istituto universitario Orientale, 1995–1996.
- Baron H.* Willensfreiheit und Astrologie bei Marsilio Ficino und Pico della Mirandola // Kultur und Universalgeschichte. Festschrift für Walter Goetz. Leipzig; Berlin: Teubner, 1927. S. 145-170.
- Brown A.* The Return of Lucretius to Renaissance Florence. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2010. 160 p.
- Buhler S.M.* Marsilio Ficino's *De stella magorum* and Renaissance Views of the Magi // Renaissance Quarterly. Vol. 43. № 2. Summer 1990. P. 348-371.

- Clydesdale R.* Jupiter tames Saturn: Astrology in Ficino's *Epistolae* // *Laus Platonici Philosophi. Marsilio Ficino and His Influence* / Ed. by S. Clucas, P.J. Forshaw and V. Rees. Leiden; Boston: Brill, 2011. P. 117-131.
- Förstel C.* Marsilio Ficino e il Parigino greco 1816 di Plotino // *Marsilio Ficino: fonti, testi, fortuna* / A cura di S. Toussaint e S. Gentile. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 2006. P. 65-88.
- Hankins J.* Galileo, Ficino and Renaissance Platonism // *Humanism and Early Modern Philosophy* / Ed. by J. Kraye and M.W.F. Stone. L.: Routledge, 2000. P. 209-237.
- Hatfield R.* The Compagnia de' Magi // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. Vol. 33. 1970. P. 107-161.
- Katinis T.* Medicina e filosofia in Marsilio Ficino. Il *Consilio contro la pestilentia*. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 2007. 220 p.
- Knox D.* Ficino and Copernicus // *Marsilio Ficino: his Theology, His Philosophy, His Legacy* / Ed. by M. J. B. Allen and V. Rees with M. Davies. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002. P. 399-418.
- Knox D.* Ficino, Copernicus and Bruno on the Motion of the Earth // *Bruniana & Campanelliana*. Vol. 5. 1999. P. 333-366.
- Kristeller P.O.* Supplementum Ficinianum. Vol. II. Firenze: Olschki, 1937.
- Pompeo Faracovi O.* Destino e fato nelle pagine astrologiche di Marsilio Ficino // *Nella luce degli astri: l'astrologia nella cultura del Rinascimento* / A cura di O. Pompeo Faracovi. Sarzana: Agorà, 2004. P. 1-24.
- Pompeo Faracovi O.* Gli oroscopi di Cristo. Venezia: Marsilio, 1999. 190 p.
- Saffrey H.D.* Florence, 1492: The Reappearance of Plotinus // *Renaissance Quarterly*. 1996. Vol. XLIX. № 3. P. 488-508.
- Seymore J. A.* The Life of Ibn Riḍwān and His Commentary on Ptolemy's *Tetrabiblos*. Ph.D. Dissertation, Columbia University, 2001.
- Snyder J.G.* Marsilio Ficino's Critique of the Lucretian Alternative // *Journal of the History of Ideas*. 72. 2011. P. 165-181.
- Toussaint S.* Introduction // *Plotini Opera omnia. Cum latina Marsilii Ficini interpretatione et commentatione. Fac-similé de l'édition de Bâle, Pietro Perna, 1580*. Villiers-sur-Marne: Phénix Éditions, 2005. P. I-XXI.
- Walker D.P.* Ficino and Astrology // *Marsilio Ficino e il ritorno di Platone. Studi e documenti* / A cura di G.C. Garfagnini. Firenze: Olschki, 1986. Vol. 2. P. 341-349.
- Wolters A.M.* The First Draft of Ficino's Translation of Plotinus // *Marsilio Ficino e il ritorno di Platone*. 1986. Vol. I. P. 305-329.
- Акопян О.Л.* Платон и Ренессанс: "древняя теология" и примирение с Аристотелем // *Платоновский сборник (Приложение к Вестнику Русской христианской гуманитарной академии. Т. 14. 2013)*. М.; СПб.: РГГУ-РХГА, 2013. Т. 2. С. 320-340.
- Кудрявцев О.Ф.* Флорентийская Платоновская Академия. Очерк истории духовной жизни ренессансной Италии. М.: Наука, 2008. 479 с.

BIBLIOGRAFIJA

- Marsilii Ficini florentini de Christiana religione liber* // *Marsilii Ficini florentini, insignis philosophi platonici, medici atque theologi clarissimi opera*. Basileae: ex officina Henricpetrina, 1576. P. 1-77.
- Ficino M.* Disputa contro il giudizio degli astrologi, di Marsilio Ficino, fiorentino // *Idem. Scritti sull'astrologia* / A cura di O. Pompeo Faracovi. Milano: BUR, 1999. P. 49-174.

- Ficino M.* Libro del Sole di Marsilio Ficino, al magnanimo Piero de' Medici // Idem. Scritti sull'astrologia. Milano: BUR, 1999. P. 185-215.
- Ficino M.* Platonic Theology. 6 Vol. / English transl. by M.J.B. Allen with J. Warden. Latin text ed. by J. Hankins with W. Bowen. Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press, 2001–2006.
- Ficino M.* La religione cristiana. Roma, 2005.
- Ficino M.* Teologia platonica / A cura di E. Vitale. Milano: Bompiani, 2011.
- Ficino M.* Théologie platonicienne de l'immortalité des âmes / Ed. par R. Marcel. Paris: Les belles lettres 1964–1970.
- Ficino M.* Three Books on Life / A Critical Edition and Translation with Introduction and Notes by C.V. Kaske and J.R. Clark. Tempe, Arizona: Medieval and Renaissance Texts and Studies, 1998.
- Abū Ma' Šar al-Balhī [Albumasar].* Liber introductorii maioris ad scientiam judiciorum astrorum / Ed. R. Lemay. 9 vol. Napoli: Istituto universitario Orientale, 1995–1996.
- Baron H.* Willensfreiheit und Astrologie bei Marsilio Ficino und Pico della Mirandola // Kultur und Universalgeschichte. Festschrift für Walter Goetz. Leipzig; Berlin: Teubner, 1927. S. 145-170.
- Brown A.* The Return of Lucretius to Renaissance Florence. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2010. 160 p.
- Buhler S.M.* Marsilio Ficino's *De stella magorum* and Renaissance Views of the Magi // Renaissance Quarterly. Vol. 43. № 2. Summer 1990. P. 348-371.
- Clydesdale R.* Jupiter tames Saturn: Astrology in Ficino's *Epistolae* // Laus Platonici Philosophi. Marsilio Ficino and His Influence / Ed. by S. Clucas, P.J. Forshaw and V. Rees. Leiden; Boston: Brill, 2011. P. 117-131.
- Förstel C.* Marsilio Ficino e il Parigino greco 1816 di Plotino // Marsilio Ficino: fonti, testi, fortuna / A cura di S. Toussaint e S. Gentile. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 2006. P. 65-88.
- Hankins J.* Galileo, Ficino and Renaissance Platonism // Humanism and Early Modern Philosophy / Ed. by J. Kraye and M.W.F. Stone. L.: Routledge, 2000. P. 209–237.
- Hatfield R.* The Compagnia de' Magi // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. Vol. 33. 1970. P. 107-161.
- Katinis T.* Medicina e filosofia in Marsilio Ficino. II *Consilio contro la pestilentia*. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 2007. 220 p.
- Knox D.* Ficino and Copernicus // Marsilio Ficino: his Theology, His Philosophy, His Legacy / Ed. by M. J. B. Allen and V. Rees with M. Davies. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002. P. 399-418.
- Knox D.* Ficino, Copernicus and Bruno on the Motion of the Earth // Bruniana & Campanelliana. Vol. 5. 1999. P. 333-366.
- Kristeller P.O.* Supplementum Ficinianum. Vol. II. Firenze: Olschki, 1937.
- Pompeo Faracovi O.* Destino e fato nelle pagine astrologiche di Marsilio Ficino // Nella luce degli astri: l'astrologia nella cultura del Rinascimento / A cura di O. Pompeo Faracovi. Sarzana: Agorà, 2004. P. 1-24.
- Pompeo Faracovi O.* Gli oroscopi di Cristo. Venezia: Marsilio, 1999. 190 p.
- Saffrey H.D.* Florence, 1492: The Reappearance of Plotinus // Renaissance Quarterly. 1996. Vol. XLIX. № 3. P. 488-508.
- Seymore J. A.* The Life of Ibn Rīdḡān and His Commentary on Ptolemy's *Tetrabiblos*. Ph.D. Dissertation, Columbia University, 2001.

- Snyder J.G.* Marsilio Ficino's Critique of the Lucretian Alternative // *Journal of the History of Ideas*. 72. 2011. P. 165-181.
- Toussaint S.* Introduction // *Plotini Opera omnia. Cum latina Marsilii Ficini interpretatione et commentatione. Fac-similé de l'édition de Bâle, Pietro Perna, 1580. Villiers-sur-Marne: Phénix Éditions, 2005. P. I–XXI.*
- Walker D.P.* Ficino and Astrology // *Marsilio Ficino e il ritorno di Platone. Studi e documenti / A cura di G.C. Garfagnini. Firenze: Olschki, 1986. Vol. 2. P. 341-349.*
- Wolters A.M.* The First Draft of Ficino's Translation of Plotinus // *Marsilio Ficino e il ritorno di Platone. 1986. Vol. I. P. 305-329.*
- Akopjan O.L.* Platon i Renessans: "drevnjaja teologija" i primirenje s Aristotelem // *Platonovskij sbornik (Prilozhenie k Vestniku Russkoj hristianskoj gumani-tarnoj akademii. T. 14. 2013). M.: SPb.: RGGU–RHGA, 2013. T. 2. C. 320–340.*
- Kudrjavcev O.F.* Florentijskaja Platonovskaja Akademija. Oчерk istorii duhovnoj zhizni renessansnoj Italii. M.: Nauka, 2008. 479 c.

Акопян Ованес Львович, аспирант Центра по изучению Ренессанса, Уорикский Университет, Великобритания; ovanes.akopyan@gmail.com.

Marsilio Ficino's Astrology and medieval tradition

The article is dedicated to astrological views of Marsilio Ficino. In its first part, the analysis is based on Ficino's works, written before 1484, i. e., before the publication of Plato's dialogues in Ficino's translation, while in the second part of the article I shall examine his late treatises, full of Neoplatonic elements. First astrological works by Ficino were not influenced by Neo-Platonism. Although by that time the Florentine philosopher had been 'enslaved' by Platonism and the legacy of 'Ancient theologians', these sources were used only in a few fragments of the 'Discourse'. This situation changed in the late 1480s. It is quite likely that only after the publication of the dialogues by Plato in 1484 Ficino could use his philosophy in the works on astrology.

Keywords: Renaissance, Marsilio Ficino, Plato, Neoplatonism, Astrology, Magic.

Ovanes Akopyan, PhD candidate, Centre for the Study of the Renaissance, University of Warwick, United Kingdom; ovanes.akopyan@gmail.com.

И. Е. АНДРОНОВ

ИСТОРИЗМ И ЛОКАЛЬНЫЙ МЕТОД В ТРУДАХ ТОММАЗО КАМПЕДЖИ 1554-1561 гг.

Межконфессиональный диспут в эпоху Тридентского Собора продемонстрировал недостаточность традиционных механизмов полемики для опровержения позиций оппонентов. Постепенно диспут перешёл в область церковной истории. Работы епископа Томмазо Кампеджи иллюстрируют момент перехода от господства локального метода в богословии к тенденции основывать идеологические тезисы на историческом материале. Высказываясь по ряду острых вопросов церковной жизни, католический теолог стремился предупредить массивный удар протестантской партии с исторических позиций – «Магдебургские Центурии». Доказательство неизбежности римской церкви как руководящей и направляющей силы требовало мобилизации всех ресурсов логики и методологии, однако Кампеджи отошёл от традиционной богословской аргументации и отдал предпочтение историко-церковной. Иными словами, он перестал делать упор на неизбежность церкви с моральных или религиозных позиций, а попытался придать этой неизбежности историческую достоверность. Это важный шаг вперёд по пути создания новой исторической концепции католической церкви – концепции, которая восторжествует в «Церковных анналах» Чезаре Баронио.

Ключевые слова: католическая историография, история церкви, научная революция.

В середине XVI в. учёные-схоласты во главе с Мельчором Кано разработали особый метод, позволявший сопоставлять различные аргументы между собой и всегда чётко определять верный. Это сопоставление основывалось на распределении всех тезисов («локусов») на 10 классов. Таким образом, католическая церковь установила иерархию ценности аргументов для тех случаев, когда их приходилось выстраивать по старшинству или сопоставлять друг с другом. Важнейшим из отправных тезисов было утверждение (уходящее корнями ещё в аристотелеву логику), что любое доказательное положение должно быть основано на определённой базе – рациональном (логически бесспорном) доказательстве или авторитете, также бесспорном, но – с точки зрения христианского учения. Квинтэссенцией нового метода стала революционная работа М. Кано «Об аргументах в теологии» (1562)¹. На вершине иерархической лестницы локусов находилось Священное

---

¹ *Сано* 2006. Книга оказалась настолько востребованной, что последовала серия переизданий (Лувен 1564, Венеция 1567, там же 1569 и т.д.). Всего книга Кано была издана на языке оригинала более 30 раз. О методе см.: *Андронов* 2011.

Писание. За ним следовал авторитет Христа и апостолов, католической церкви, Соборов и так далее. На последнем, десятом месте находилась «история человеков» как источник позитивной информации.

Локальный метод представлялся, особенно на первых порах, универсальным средством ведения научной полемики. В силу ряда особенностей (главным образом, установки на иерархическое превосходство утверждений, содержащихся в Священном Писании, над любыми другими тезисами) он казался особенно эффективным в тех конфликтах, в которых авторитетность собственно Писания не могла быть поставлена под сомнение. Особенности надежды возлагались на него как на мощное идеологическое оружие в деятельности Тридентского Собора. Целый ряд ведущих полемистов католической Церкви взяли его на вооружение и стали активно применять, доказывая на практике его неуязвимость с точки зрения господствовавшей тогда формальной логики. Одним из ярких примеров применения этого метода стали труды епископа Томмазо Кампеджи.

Томмазо Кампеджи (Кампеджо, 1481–1564) был представителем известной династии болонских правоведов. Отец его Джованни Кампеджи (1448–1511) был крупным специалистом по каноническому праву. Томмазо, как и его старший брат Лоренцо (1474–1539), по получении университетского образования предпочёл церковную стезю. Судьбы двух братьев в их служении Святому Престолу были тесно переплетены: Лоренцо вступил на дипломатическую стезю в 1511 г., отправившись с деликатным поручением папы Юлия II к императору Священной Римской империи Максимилиану. За успех миссии он был вознаграждён должностью епископа венецианского города Фельтре, на которой вследствие многочисленных ответственных дипломатических поручений пребывал лишь формально. Наконец, в 1520 г. Лоренцо сумел передать кафедру своему брату Томмазо. Тот к этому времени не только успел поучиться в университетах Падуи и Болоньи, но и приобрёл некоторый опыт, сопровождая старшего брата в зарубежных поездках. На время братья как бы «поменялись» своими поприщами: в какой-то момент Лоренцо был в Риме председателем верховного судебного присутствия (*Signatura Justitiae*), а Томмазо – нунцием в Венеции. На самом деле братья занимались одним и тем же делом – стремились не только вести борьбу с нарождающимся лютеранством, но и сплотить новую антитурецкую коалицию. С 1540 г. Томмазо занял пост регента Апостолической канцелярии и теперь покидал Рим только ради богословских диспутов или общецерковных мероприятий.

В частности, в 1540–1541 гг. он принимал участие в Вормском религиозном диспуте, где его противниками были Иоганн Экк и Филипп Меланхтон. Моментом наибольшего влияния Томмазо Кампеджи стал Тридентский Собор, на котором он был одним из виднейших представителей папской делегации. В конце своей долгой карьеры Томмазо Кампеджи выдвинулся в число «наиболее авторитетных канонистов своего времени»².

Три сочинения, оставленные нам Томмазо Кампеджи, являются довольно типичными для его эпохи и ситуации, в которой они были написаны; тем не менее, они несут отпечаток превосходно организованного специального знания, отточенного многолетними юридическими штудиями. Все они относятся к эпохе Тридентского Собора и являются примечательными памятниками католической системы аргументации, максимально усовершенствованной в условиях острого политического противостояния. Эти работы заслуживают изучения не только как яркие примеры исторической мысли католической партии середины XVI века, но и как блестящие примеры применения локального метода к интерконфессиональной дискуссии.

Первое из них было посвящено проблеме, на определённый момент воплотившей в себе самую примечательную претензию «протестующих» к практике Римской Курии – целибату церковников³. По утверждению самого автора, сочинение уже было готово приблизительно в 1549 году⁴, и его выход в свет задерживался в связи с подготовкой следующей книги – автор планировал издать их вместе.

Локальный метод, доведённый теоретиками Саламанки до совершенства, сам по себе бы неспособен обеспечить победу в споре относительно желательности или нежелательности безбрачия духовенства. В самом деле, установленная и детально обоснованная в трудах Мельчора Кано иерархия авторитетности отдельных аргументов не была способна противодействовать тезису «от обратного». Если высшим авторитетом является Священное Писание, то как исходя из этого можно обсуждать вопрос, о котором в Писании напрямую не говорится? Сущность вопроса (по крайней мере, в изложении самого Лютера) такова, что молчание Писания на сей счёт очень красноречи-

---

² Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. Bd. 1. Sp. 902; Dictionnaire de Théologie Catholique. T. 2, Pt. 2. Col. 1447ss. О династии см. также *Fantuzzi* 1783. V. III. P. 47ss., 77ss.

³ (*Th. Campegii*) De coelibatu sacerdotum non abrogando (далее – *Camp* 1554).

⁴ *Camp* 1554... cit., Epistula dedicatoria (p. n. n.).

во и может быть рассмотрено в качестве «позитивного» аргумента – «этого нет, потому что это не истинно». Вопрос о celibate духовенства особенный – он отличается остротой, обсуждается повсеместно, аргументы противной стороны (то есть лютеран) понятны и просты, а формальный метод, отшлифованный в рамках Второй Схоластики, имеющий универсальное значение, совершенно не годится...

По этой причине от Кампеджи требовалась особенная настойчивость и особенная ловкость в обхождении с механизмами формальной логики. Начальные рассуждения вполне предсказуемы: на протяжении первых 9 страниц Кампеджи доказывает, что девственность и воздержание являются благом. Это было нетрудно, поскольку и Ветхий, и Новый Завет предоставляли на этот счёт множество примеров, среди которых центральными были Иисус Христос и Дева Мария.

Сложнее было доказать, что воздержание и celibate уместны в отношении целого сословия священнослужителей. Первым делом⁵ с помощью простого силлогизма отвергается популярный тезис о том, что брак «священнее» девства, поскольку освящён церковным таинством: мученичество ещё святее, однако никакого таинства не предполагает. Главным оплотом логических построений является тезис о допустимости как одной, так и другой формы сосуществования. Ведь «поскольку мы носим образ того, кто (создан. - ИА) из глины, мы носим и образ того, кто (дан нам. - ИА) с небес. Этот образ и носит девство, носит непорочность, носит святость, носит истина»⁶.

Как же быть с заветом «Плодитесь и размножайтесь», содержащимся, к примеру, в Книге Исхода (гл. 1 и 9)? Кампеджи доказывает, в частности, что поручение, данное всем вместе (*mandatus universitati*), не является заветом каждому в отдельности (*mandatus singulis de universitate*). Этот аргумент сопровождается упоминаниями об известных персонажах античной истории, либо самостоятельно придерживавшихся воздержания, либо положительно о нём отзывавшихся. После ряда цитат из античных и раннехристианских авторов, которые иллюстрируют как допустимость воздержной жизни, так и неудобства при некоторых обстоятельствах жизни в браке, автор кратко описывает в историческом разрезе отношение к этой проблеме в римской церкви. Кампеджи признаёт, что в первые четыре века христианства к служению допускались женатые священники, а затем в Каноны апостольские было включено постановление о том, что священнослужители должны

---

⁵ *Camp* 1554... cit., p. 32-33.

⁶ *Ibid.* P. 32.

придерживаться безбрачия. В поисках мотивов Кампеджи не проявляет ни особенной оригинальности мышления, ни какой-либо эрудиции. Так, отсутствие требования к celibату священников в первые века христианства было объяснено отсутствием достаточного количества безбрачных («равно как в войско набирали и больных в тех случаях, когда сильных воинов было недостаточное количество»⁷). Дальнейшее изложение состоит из перечисления постановлений церковных Соборов, подтверждавших безбрачие духовенства, а также норм, позволяющих вступление в брак «священников греческого обряда».

Аргументация Кампеджи не отличается оригинальностью, однако её не следует требовать от данного произведения. Роль, отводимая ему в интерконфессиональной полемике, подчеркнута «Посвятительным письмом». Оно было обращено знакомому Кампеджи по первой сессии Тридентского Собора кардиналу Реджинальду Поулу и отражало энтузиазм католических интеллектуалов по поводу новой английской королевы. Для нас нынешних Мария «Католичка» – это популярный топос не только английской истории, но и тех культурных сред, которые идут у английской (протестантской) на поводу. Из «Посвятительного письма» Кампеджи следует иная картина – надежда на скорый триумф католичества, несомненным признаком которого стало восшествие на английский престол именно Марии Тюдор. Помимо похвал в адрес королевы, которая «вернула британское королевство в лоно истинной Церкви, являющейся единственной для всех христиан матерью и кормилицей»⁸, упоминания заслуживает и уверенность Кампеджи в том, что приход Марии Тюдор к власти – это, помимо прочего, понятный всей «истинной церкви» сигнал умножить усилия в борьбе с инакомыслящими. Этот сигнал Кампеджи воспринял и на личном уровне: по его собственным словам, актуальность исследований о необходимости celibата священнослужителей и второго – об авторитете Римского папы – после появления в Англии новой королевы резко возросла. Характерно, что, к примеру, хроника Тридентского Собора не играет ни символической, ни непосредственной роли в стимулировании творческих усилий Томмазо Кампеджи. Как такое могло быть? Очевидно, дело не в том, что Тридентский Собор для его непосредственных участников и активных деятелей был менее значимым событием, чем приход к власти на окраине Европы королевы-католички. Тридентский Собор был естественным фоном, на котором развивались

---

⁷ Ibidem, p. B4.

⁸ Ibidem, p.*2 r et v.

события, в рамках которого писались и публиковались церковно-юридические и церковно-исторические сочинения, и для тех представителей римской Церкви, которые жили в условиях Собора, он был общей для всех повседневностью. Иными словами, «изнутри» Собора события видятся несколько в преломлённом изображении; под таким углом зрения приход к власти Марии Тюдор виделся поворотным, знаковым событием.

Вторая из выпущенных Кампеджи книг называлась «Об авторитете и власти Римского Папы»⁹ и была издана в самом престижном издательстве – у Паоло Мануцио, сына знаменитого Альдо. Выпуская эту книгу, епископ Фельтре выполнял волю папы Пия IV. Эта книга была написана быстро, в тот момент, когда дальнейшая судьба Тридентского Собора была не вполне ясна. Проблема соотношения авторитета пап и Вселенских Соборов, как мы знаем, была одной из важнейших как в системе критики римской церкви со стороны лютеран, так и в историческом плане – в рамках протестантской концепции. Тем не менее, исследование Кампеджи пропитано и совершенно новой актуальностью. Каковы полномочия Собора не *ad hoc*, а в более далёкой перспективе? Может ли Папа произвести резкий поворот в политике Церкви, отклоняясь от решений только что созванного Собора? Очевидно, построенное при помощи механизмов Схоластики сочинение видного иерарха католической церкви было направлено на то, чтобы обеспечить Курию доктринальными основаниями любого дальнейшего маневра. Этот маневр в конце концов не был совершён, но возможность для него была подготовлена на случай необходимости; отметим, с одной стороны, отсутствие официозного позиционирования книги с помощью привычных механизмов (типа папской «привилегии»), а с другой – наличие посвяtitельного письма папе, явно свидетельствующего о желательности такой публикации и о поддержке её из Рима. Кроме того, небольшой формат книги (*in 8°*) указывает на то, что она предназначалась для ношения с собой и использования в диспутах в качестве «шпаргалки», а не в учёной дискуссии.

Рассуждения о могуществе Папы, как указывалось выше, не были целью «в себе», а подчинялись более насущной надобности. Этим настоящая книга особенно ценна: она тезисно представляет основные, казавшиеся католической партии бесспорными базисные аргументы, на которых далее возводятся необходимые логические конструкции.

---

⁹ *Campegius Th. De Auctoritate, et Potestate Romani Pontificis, et alia opuscula.* (далее – *Camp* 1555). 225 fol.

Начинается книга с развёрнутой, аргументированной рядом ссылок на Евангелие от Иоанна и его наиболее авторитетных комментаторов, констатации главенства Христа надо всей христианской церковью. Как утверждал когда-то св. Фома Аквинский (*Summa contra gentiles* 4:24), Иисус не был бы подлинным отцом христианской семьи, если бы не оставил кого-нибудь во главе церкви на Земле, дабы справляться с насущными потребностями этой церкви в земной жизни. Заранее решительно отводится возможная инсинуация о том, что Христос, находясь на небесах, не способен сам управлять церковью или нуждается в помощнике. Будучи всемогущим, он тем не менее не должен делать всё сам, как не должен отец семейства лично обрабатывать все поля, строить все дома и сажать все деревья¹⁰. Другим классическим примером схоластической логики является утверждение о том, что использование будущего времени во фразе „*Super hanc petram aedificabo ecclesiam meam, et tibi dabo claves*“ (Мф 16:18-19, так у Кампеджи) является фигурой речи, в целом типичной для языка Библии. В качестве примера приводится 31 книга пророка Иезекииля, в которой предсказание будущего сделано в грамматической форме прошедшего времени. Подобные умозаключения были, конечно, не новы; Кампеджи приводит в пример Августина, Илария Пиктавийского, а также Иоанна Златоуста, Анаклета и некоторых других церковных авторов.

Как бы то ни было, ключевой формулой передачи власти над земной церковью стали слова из Писания *Pasce oves meas* («Паси овец Моих», Иоанн 21:17), сказанные лично Петру, а не всем апостолам. Эта глагольная форма оставляет гораздо меньше возможностей для своевольной интерпретации, поэтому весьма удобна с точки зрения полемики. Таким образом, с помощью прикладной грамматики автору удалось «убрать в тень» гораздо более известную и яркую фразу о Петре-камне, основанную к тому же на запоминающейся игре слов.

Итак, постулаты о верховенстве Христа и принадлежащем ему праве назначить наместника в Церкви были отправными точками логического рассуждения итальянского епископа. Среди оппонентов лютеран был популярен тезис о том, что Иисус, обращаясь к Петру со словами о камне, имел в виду всех Апостолов и использовал Петра лишь как эвфемизм для любого из своих учеников¹¹. С целью отвести

---

¹⁰ *Camp 1555... cit.*, f. 2r-3r.

¹¹ В «Магдебургских Центуриях» это положение будет упомянуто неоднократно. См., напр., *Ecclesiastica historia, integram ecclesiae Christi ideam, quantum ad locum, Propagationem, Persecutionem, Tranquillitatem, Doctrinam, Haereses, Ceremonias, Gubernationem, Schismata, Synodos, Personas, Miracula, Martyria, Religiones extra*

этот аргумент приводятся довольно пространные рассуждения о том, что Пётр существенно выделялся на фоне других учеников Иисуса: он ходил по воде, только к нему были обращены некоторые фразы Иисуса (Лк 5:4, Лк 22:32 и др.). При перечислении Апостолов его также часто называли первым¹². Это и есть пресловутый *Primatum Petri* – тезис о Первенстве Петра среди учеников Иисуса, получивший своё подтверждение в Канонах Анаклета произведениях Кирилла Александрийского, Евсевия, Иеронима, Августина, Иоанна Златоуста и других авторов. Довольно пространно пришлось формулировать выгодную интерпретацию известных пассажей Св. Писания, в которых Иисус обращался подчёркнуто ко всем апостолам (Ин 20:22, Мф 19:27, 23:8). Они, как заключает Кампеджи, никак не ставят под сомнение исключительный авторитет Петра среди Апостолов.

Ещё до начала обсуждения проблемы преемственности между Петром и его наследниками Кампеджи поднимает самый насущный, по его мнению, вопрос – вопрос о «праве ключей». Если протестанты воспринимали «ключи Церкви» как имеющееся у иерархов церкви право допускать верующих до церковных собраний или отказывать им в этом (посредством отлучения), то у Кампеджи мы встречаем гораздо менее конкретную трактовку. Она основывается на двух цитатах – из Евангелия от Луки (11:52 *Vae vobis legis peritis, qui tulistis clavem scientiae...*) и из комментариев Иеронима на 16 главу Евангелия от Матфея. В Евангелии от Луки слово *clavis* употреблено в единственном числе. Кампеджи, как и все современные ему богословы, употребляет его во множественном. В названии этих ключей (а св. Петр часто канонически изображается именно с двумя ключами) противопоставляются понятия «порядка» (*ordinis*) и «юрисдикции» (“*iurisdictionis*”), или же пара «знание» – «власть»¹³. Кампеджи всячески стремится до-

---

Ecclesiam, et statum Imperij politicum attinet, secundum singulas Centurias, perspicuo ordine complectens: singulari diligentia et fide ex uetustissimis et optimis historicis, patribus, et aliis scriptoribus congesta. Per aliquot studiosos et pios uiros in urbe Magdeburgica. Basileae, apud Iohannem Oporinum. Cent. I, 1559, p. 175: «Христос не пожелал ставить Петра во главу или в основу Церкви. Ибо говоря «Ты есть Петр, и на этом камне я построю мою церковь» (Мф 16), он превознёс не человека, а вероисповедание, которое высказал Петр не только от своего имени, но и от имени остальных учеников, и именно это вероисповедание он утвердил в качестве будущего вечного фундамента Церкви».

¹² *Самп* 1555... cit., 5v-7r. Формула-вывод о том, что, обращаясь к Петру, Иисус имел в виду только Петра, разъясняется в 11r et v.

¹³ Понятия «ключи порядка» и «ключи юрисдикции» широко употреблялись в католической догматике, в то время как «ключи знания» упоминаются в Еванге-

казать, что Петр получил ключи для Церкви и что теперь они принадлежат ей и материализуются в лице Папы. Важной является также глава XI книги (26v-28v), в которой доказывается, что Пётр получил свою власть непосредственно от Христа и что другие Апостолы это признали. Кампеджи обращается к авторитету Канона Анаклета, который, как мы знаем, не имел для лютеран никакой доказательной силы. Далее следовало доказать преемственность относительно «права ключей» между Петром и наследниками римского епископского престола. Основанием для доказательств этих суждений являются как мнения некоторых Отцов, так и якобы существующие документы, в которых римские императоры это признавали (39r-46v). В частности, цитируется письмо «Императора Константина VI» папе Агафону; как мы знаем, между понтификатом Агафона и правлением византийского императора Константина VI пришло примерно столетие¹⁴.

В дальнейших довольно пространных рассуждениях о главенстве римской церкви над константинопольской, пап над императорами и прочее можно выделить только один любопытный момент, а именно появление в полемике старого тезиса об «обоюдоостром мече», который некоторое время не был в ходу; протестанты тоже будут редко пользоваться этой интересной категорией, унаследованной из схоластической юриспруденции, и лишь во второй половине XVII века она снова станет исключительно популярной даже среди светских историков. Речь идёт о концепции, согласно которой власть (*gladius*, «меч») имеет двоякую природу – светскую (*temporale*, что имеет также оттенок «временности») и духовную (*spirituale*), что соответствует двум режущим граням этого меча. Только в распоряжении Папы имеется «обоюдоострый меч» (*uterque gladius* – буквально «и тот, и другой»), что, в свою очередь, ставит его и над прочими епископами (имеющими в своём распоряжении лишь духовную власть), и над светскими государями. Это доказывается разнообразными эпизодами из истории,

---

лии (Лк 11:52). Кампеджи опирался на труды Франсиско де Витория (ок. 1486–1546; труды конца 1520-х – начала 1530-х гг.), опубли. в: *Chaves* 1569. P. 177v.; 1571. В свою очередь, де Витория опирался на традицию, укоренившуюся в трудах Торквемады и кардинала Каэтана. Подробно об этом: *Radrizzani Goñi* 1967.

¹⁴ Кстати, довольно характерно обращение именно к императору Константину VI («Слепому»). Это был последний византийский император, признаваемый со стороны лютеран в качестве законного наследника римского престола. Далее коронация Карла Великого папой Львом обеспечила *Translatio Imperii*. Таким образом, выбор Константина должен был предупредить предсказуемые возражения оппонентов-лютеран.

комментируемыми в выгодном для католической стороны ключе. Так, вспоминается, что до того, как «германцам было даровано право избирать императора», каждый император приносил клятву верности римскому первосвященнику (56v). При этом, к слову, даже не делается попытки придать этому явлению обязательный и всеобщий характер: приводятся лишь отдельные «примеры» (Генрих IV, Оттон IV, Фридрих II, Генрих VII, Людовик Баварский), которые, конечно, могут произвести впечатление на несведущего читателя или слушателя, особенно если он не знает, сколько этих императоров было и является ли приводимая информация полностью истинной. То же происходило «с французскими королями», а после смерти Фридриха II даже византийский император обратился к папе – как к равному! – для воссоздания единой империи, но получил отказ.

Учение о соединении верховной духовной и светской власти в руках папы, которое аллегорически представляется образом «обоюдоострого меча», опирается на отсутствие (!) указания в Евангелии на то, что это не так. В самом деле, сказав Петру «Паси моих овец», Иисус не провозгласил особенный статус светских властителей!¹⁵ Кампеджи отклоняет толкование, предложенное Иоанном Златоустом и Феофилактом, согласно которой эти «мечи» интерпретируются иносказательно, как символ крепости духа. Ему ближе более буквальная трактовка Амвросия (также довольно иносказательная), согласно которой один меч служил для защиты в доевангельские времена, а другой – духовный – в послеевангельские; *uterque gladius* находит своё воплощение непосредственно в Евангелии. Кампеджи приводит и другие интересные толкования этого понятия – телесное и бестелесное, Ветхий и Новый Заветы (см. 51r et v). Отзвуком острых диспутов звучат слова Кампеджи о том, что ему смешна и жалка ирония тех, кто в своих речах сомневается, что двумя мечами можно устрашить вооружённое до зубов воинство Сатаны.

Несколько глав сочинения Кампеджи¹⁶ направлены против популярных тезисов о превосходстве авторитета церковных Соборов над авторитетом папы. В качестве объекта для полемики было использовано сравнительно малоизвестное аббата Николо Тедески (Тудески) «О

---

¹⁵ *Camp* 1555... cit., p. 46r. «Так можно заключить из слов Христа. Сказав Петру «Петр, любишь ли ты меня? Паси овец моих», он не исключил из них царей и земных властителей. Значит, цари находятся под (властью) наследников Петра, подобно овцам под (властью) пастыря».

¹⁶ *Camp* 1555... cit., p. 63-90.

власти Собора и Папы»¹⁷. Кампеджи упрекает его и некоторых его единомышленников в излишне буквальном следовании нормам, хотя при этом сам ссылается на десятки Канонов. Отдельно критикуется и опровергается практика Констанцского собора, который избрал папой Мартина V. Дело в том, что этот собор как до, так и после избрания папы поднимал вопрос об «исправлении решений» папы и возможности его низложения. Конечно, признавать серьёзность таких претензий было нельзя по политическим причинам, ибо это могло бы самым губительным образом сказаться на практике текущего Тридентского Собора. По этой причине, во-первых, напоминает, что Мартин не согласился с этим решением, а во-вторых, для убедительности в полемику вплетается самое страшное для католической церкви былых веков воспоминание – Иоанн Гус и его проповеди. Когда-то на Соборах в Констанце и Базеле иерархи позволили себе в борьбе с Гусом некоторые неаккуратные высказывания, которые спустя почти полтора столетия могли быть привлечены для попытки низвергнуть тезис о вселенском могуществе папства. Как мы знаем, в Констанце и Базеле, помимо гуситской ереси, обсуждался вопрос о главенстве решений Соборов над мнением папы. Теперь необходимо было провести чёткие границы применимости этих тезисов, в полном соответствии с локальным методом. С помощью аналогий и подмены понятий Кампеджи защищает высказанную ранее точку зрения, причём имя Гуса, ещё носившее определённый полемический смысл и бывшее одним из ориентиров для оппонентов-лютеран, здесь используется очень осторожно. В конце концов автор книги приходит к утверждениям о том, что именно папа утверждает или отклоняет решения Соборов (113г и далее), имеет право вообще аннулировать (*damnare*, букв. «проклясть») тот или иной Собор, «созванный без необходимости» (110v и далее) и никоим образом не должен чувствовать себя связанным решениями любого, даже самого благочестивого и праведного, Собора (104v и далее).

К сочинению Кампеджи прилагались несколько дополнительных рассуждений о частных вопросах папской юрисдикции. Так, рассматриваются вопросы о возможности для церковников обладать светским имуществом (147 и далее), светской властью (157 и далее), о праве решать различные вопросы светской жизни (последним провозглашается право папы отменить брак, если он заключён еретиком, 213 и далее).

---

¹⁷ (*Tudeschis*) 1539. 160 f. Нормативными для римской церкви по данному вопросу были труды Хуана Торквемады. (*Turrecremata*) 1480. 46 f.

Кампеджи задаётся вопросом: Может ли папа впасть в грех симонии?¹⁸. Конечно, не может! Приведём пример ловкой аргументации Кампеджи. Среди возражений оппонентов-протестантов приводится тезис о том, что коль скоро Иисус изгнал торговцев из Храма (Мф 21, Ио 2), он тем самым наложил божественный запрет на любую продажу или покупку бенефициев (162v). Опровержение (165 r et v) основывается на том, что при совершении сделки купли-продажи от продавца к покупателю переходит не только собственно имущество, но и право обладания им, которое является субстанцией духовной. Второе «сопровождает» первое и без него, строго говоря, не существует. Духовная субстанция вообще, как следует из сочинений св. Фомы, подлежит обладанию лицами духовного звания. Если же имущество само по себе должно быть использовано в церковных целях (он призывает в качестве примера «священные сосуды»), то происходит переподчинение мирской ценности ценности духовной, а значит, что никакого конфликта не возникает, и проблема исчерпана. Аргументация носит сугубо юридический характер: поскольку речь идёт о продаже того, чего в апостольские времена просто не существовало, то оно просто находится в руках правообладателя и, следовательно, может быть им продано (164v). Духовное не может быть продано само по себе, а если оно отождествлено с материальным, то продаётся только материальное. Подобных тезисов и их опровержений всего десять штук, и все они примерно одного качества.

Третье сочинение епископа-юриста называлось «Об авторитете св. Соборов»¹⁹; оно также вышло в Венеции, но в гораздо менее фешенебельном издательстве – у Микеле Трамедзино. Главная идея книги такова: Собор, все прерогативы которого, казалось бы, возвеличиваются и выставляются на всеобщее обозрение читателей, на самом деле находится в полной зависимости от папской воли. По каким причинам может быть созван Собор? Многие из них прямо или косвенно связаны с авторитетом или властью папы. Например, разногласия между христианскими государями (в этом случае папа может не просто ввязаться в конфликт, но и созвать Собор), впадение императора в ересь, необходимость реформирования церкви, для проведения мирных переговоров между христианскими государями и так далее. В каждой отдельной ситуации говорится, что именно Папа может выступать инициатором созыва Собора. В то же время автор сомневается (2v-3r), что папа должен созывать Собор для разрешения своих сомнений в вопросах веры

---

¹⁸ *Camp 1555... cit.*, 162r-169.

¹⁹ *Campegius Th. De auctoritate sacrorum Conciliorum* (далее – *Camp 1561*). 79 ff.

или что Собор должен созываться в случае, если Папа, к примеру, захвачен врагами или сошёл с ума.

Основным источником для этой книги Кампеджо является история церковных Соборов, основанная в первую очередь на постановлениях этих самых Соборов или другой их документации. Во многих случаях (например, в рассуждениях о том, в каком месте следует созывать Собор) автор опирается на собственные рассуждения, но никогда не забывает напомнить, что решения принимает только Папа. Кто председательствует на Соборе? Кто определяет круг участников? Кто определяет кары неявившимся? Кто определяет причины, по которым приглашённому (или вызванному) на Собор можно не явиться? Каждый раз за более или менее аргументированными тезисами просматривается фигура римского понтифика. В каком порядке следует рассаживаться на заседаниях Собора?

На листах 40v-44v подробно рассматривается иерархия авторитетов, и только первое лицо, которого сажают на самое почётное место, не подлежит никакому обсуждению. Следует ли сажать французского короля на более почётное место, чем Императора?²⁰ С одной стороны, *translatio Imperii*, казалось бы, указывает однозначно на превосходство данного светского государя над остальными; с другой, французский король обладает особым титулом «христианнейшего», что также ставит его в привилегированное положение. По большому счёту, вопрос остаётся открытым: хотя история и знает примеры совместного присутствия двух и даже четырёх императоров, Империя всё равно была одна, и императоры-соправители (разумеется, античной эпохи) представляли один политический субъект. Вывод в общих чертах такой: если иное не подразумевается возможной ситуацией с наследованием короны, то «христианнейший государь» должен сидеть на следующем после императора месте, первым среди королей христианского мира.

Из остальных поднятых в книге проблем выделим две. Одна из них (глава 22, 57r-59v) касается того, каким образом Собор получает свою *potestas* (прерогативы власти, право на власть) от Иисуса Христа. Целый ряд соборных документов (в том числе – Констанцкого собора) констатировал получение власти принимать решения от Иисуса Христа; однако, поскольку мы знаем, что право на власть Иисус передал только Петру и никому другому, декрет Констанцкого собора не может отменять данное в Писании.

---

²⁰ *Camp* 1561... cit., 45r и далее

Может ли вообще ошибаться римский Папа или Собор²¹? С помощью многочисленных цитат из свв. Отцов (главную роль играют Кирилл и Ориген) Кампеджи подтверждает, что библейская цитата «Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её» может относиться и к данному случаю. Данная фраза (которая здесь, как и всегда в католических сочинениях, интерпретируется буквально как *assistentia Spiritus Sancti promissa a Domino Iesu Christo*) относится не к личности Папы, а к его должности; рассуждать неверно Папа может, поскольку он рассуждает как личность. Выносит решение, напротив, он «по должности», поэтому готовое решение сомнению и обсуждению не подлежит. Он может ошибаться по отдельным частным вопросам, однако до вынесения окончательного решения, в котором его ведёт святой дух.

Что же касается Собора, то, если он созван должным образом и в соответствии с принятыми процедурами, то отдельные его члены ошибаться в вопросах веры могут, а все – нет. Сила Собора заключается именно в коллегиальности. Ведь даже св. Бернард писал: «Какая гордыня может сравниться с тем, когда один человек ставит своё суждение превыше всего Собрания, будто бы он один обладает Духом Божиим?»²² Однако для того, чтобы это было так, Собор должен протекать законным образом, то есть в обстановке консенсуса с понтификом или даже прямого его одобрения. В истории имеется несколько примеров того, как Соборы, разойдясь во мнениях с Папой, принимали решения, которые впоследствии не выдержали испытания временем. Разумеется, примеры (из практики Халкедонского, Риминского и Аквилейского Соборов) подобраны очень тщательно. Целый ряд свидетельств из св. Отцов указывает на нежелательность постановки всей Церкви в зависимость от мнения одного человека. Однако, если тот или иной случай сомнения не вызывает, разве будет Папа созывать для принятия решения целый Собор? Ведь даже св. Пётр осудил волхва Симона, который собирался купить Святой Дух за деньги!

Далее. Если Папа вдруг замыслит нечто против Божественного или естественного права и встретит в этом сопротивление Собора, то надо следовать решению Собора, а не Папы. В том же, что касается внешнего устройства церкви, то если члены Собора вознамерятся изменить уже существующее постановление и встретят в этом сопротивление Папы, то следует считать правым последнего²³. Подробно пере-

²¹ *Camp* 1561... cit., 69r-73r.

²² Цит. по *Camp* 1561... cit., 73v.

²³ *Camp* 1561... cit., 74r: «В том же, что касается политики, если Отцы пожелают при противодействии Римского понтифика отменить старинное постановле-

числяются принятые ранее (в том числе и на Соборах) критерии, по которым разработка того или иного нового закона признаётся уместной. Их довольно много, и они, по идее, должны служить гарантией того, что новая норма действительно необходима и уместна.

Вообще, эта небольшая книга производит яркое впечатление. По форме она провозглашает разнообразные прерогативы Соборов, по содержанию – верховную власть Папы. Так получается, что практически каждая прерогатива Собора (за исключением, пожалуй, только сделанной выше оговорки относительно божественного или естественного права) оказывается очень обширной, но в конце концов упирается в необходимость подчиниться верховной воле Папы. О ней напоминает только один раз по каждой прерогативе, как правило, к концу её рассмотрения, и общая картина – в соответствии с эстетическими воззрениями той эпохи – получается всеобъемлющей и позитивной. Очевидно, на Тридентском Соборе были люди, которых эта картина полной покорности Папе устроить не могла, но для этого они, следуя нормам царившей тогда формальной логики, должны были отказаться и от исходных положений. Иными словами, они либо признавали всемогущество Собора в пределах, аккуратно указанных епископом Фельтре, либо вообще отказывались от него как от логической категории, на которой можно было бы устно или письменно, сейчас или потом обосновывать собственные тезисы.

Роль сочинений Кампеджи в полемике заключалась, главным образом, в демонстрации недостаточности старых, сугубо богословско-юридических аргументов. Для нас они представляют интерес как образец рассуждений католической партии на определённом этапе, а также как литература *ad hoc*, составленная на случай, если Собор выйдет из-под папского контроля. В то напряжённое время книги играли роль не только места или формы хранения информации, но и средства общения, управления и борьбы. В данной ситуации книги Кампеджи – это памятка для своих и суровое предупреждение для эвентуальных диссидентов, для тех, кто в решающий момент способен проявить колебания.

Книги Кампеджи не были историческими сочинениями и не опирались развёрнуто на исторический материал даже для аргументации. Тем не менее, присутствие исторического материала подспудно прочитывается на каждой странице. Дело здесь не только в том, что критика со стороны как непосредственно Лютера, так и ряда поколений

ние, то следует следовать мнению Римского понтифика, ибо что однажды было принято, не может быть отменено, если Папа не согласен».

его последователей была *rag excellence* исторической, и взятая противоположной стороной установка на аргументацию из истории предполагала, что в ответных сочинениях других жанров опровержения будут так или иначе рассчитаны на возможность применения к этому самому историческому материалу. Дело ещё и в том, что ответом на исторически фундированную критику могло быть либо последовательное опровержение каждого отдельного исторического доказательства одного за другим, либо демонстрация того, что объявляемое греховным положение при определённых условиях вполне допустимо (как, например, в случае с celibатом священников), а значит, не может быть инкриминировано в вину Церкви как институции. Первое в силу своей трудоёмкости было крайне затруднительно, тем более что для опровержения такого рода требовалась прямо-таки колоссальная фактологическая база. Эту попытку, после ряда не слишком удачных опытов, доверяют кардиналу Чезаре Баронио, и в свет выйдут его «Церковные Анналы»²⁴.

Кампеджи стремился решить проблему наиболее простым и рациональным способом, не только приготавливая аргументы для дебатов в Тренто, но и пытаясь предупредить построение масштабных исторически фундированных концепций. Работы Кампеджи были срежиссированным Курией контрударом, призванным предупредить разрушительные идеологические последствия появления масштабного сочинения, основанного на систематическом обращении к достоверному, наиболее добротному с точки зрения уровня тогдашнего источниковедения историческому материалу. Нет никакого сомнения, что сочинения Кампеджи появились не сами по себе и не как результат замысла одного отдельного церковного функционера, а были поручены ему самыми влиятельными силами католической церкви. Практически, перед нами – последняя крупная попытка католической церкви удержать интерконфессиональный диспут вне рамок церковной истории, сугубо на догматике. Избегая аргументации из «истории человека», Курия попыталась сохранить богословский характер диспута. В произведениях Кампеджи мы видим попытки ограничиться обычными аргументами из Писания и авторитетных церковных писателей, использование всех достижений – экзегетики, логики, церковного права – во избежание исторической аргументации.

---

²⁴ Дальнейшей борьбе Курии против лютеранской историко-церковной концепции посвящено исследование Orella y Unzuе Jose L. de. *Respuestas catolicas a las Centurias de Magdeburgo (1559-1588)*. Madrid, 1976. 637 pp.

Тем не менее, эти сочинения следует рассматривать в контексте эволюции церковной историографии XVI в. Несмотря на свой юридический облик, они опираются на данные прошлого. Факты из Писания являются незыблемыми для всех христиан; если противники-лютеране провозглашают Библию единственным источником Истины, то для полемики против них показалось особенно уместным обосновать свои аргументы на цитатах из неё. Как бы то ни было, для деятеля Курии Библия являлась наиболее бесспорным источником данных из истории. В самом деле, принятая католиками на раннем этапе полемики концепция опиралась на представление о незыблемости реального статуса римской церкви в мире, об отсутствии новшеств и фактическом соответствии изначальному положению дел, установленных в евангельскую эпоху. По этой причине исследование перипетий истории Церкви теряло свою актуальность, а максимальное значение придавалось непосредственной связи современности с эпохой Иисуса; Священное Писание как источник вполне удовлетворяло потребности Курии в ведении полемики. Для приближающейся научной революции в области историографии большое значение имел способ применения локального метода.

Цель трудов Кампеджи, по его представлению, далеко превосходила по важности любую историю человеческого общества. Доказательство незыблемости римской церкви как руководящей и направляющей силы требовало мобилизации всех ресурсов логики и методологии, однако Кампеджи отошёл от преимущественно богословской аргументации, традиционной для католической литературы предшествующего периода, и отдал предпочтение историко-церковной. Иными словами, он перестал делать упор на незыблемость церкви с моральных или религиозных позиций, а попытался придать этой незыблемости историческую достоверность. Это важный шаг вперёд по пути создания новой исторической концепции католической церкви – концепции, которая восторжествует в «Церковных анналах» Чезаре Баронио.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. Bd. 1, Hamm, 1975, Sp. 902.
Campegius Th. De coelibatu sacerdotum non abrogando. Venetiae, 1554.
Campegius Th. De Auctoritate, et Potestate Romani Pontificis, et alia opuscula. Venetiis, 1555. 225 fol.
Campegius Th. [Camp 1561]. De auctoritate sacrorum Conciliorum. Venetiae, 1561. 79 ff.
Cano M. De locis theologicis (ed. Belda Plans J.). Madrid, 2006, 546 pp.
Chaves Th. Summa Sacramentorum Ecclesiae cum tractatu de Excommunicatione. Venetiis, 1569. P. 177v.
Chaves Th. Summa sacramentorum ecclesiae ex doctrina fratris Francisci a Victoria, Ordinis Praedicatorum apud Salmanticam olim primarii Cathedratici, per reveren-

- dum patrem Praesentatum Fratrem Thomam à Chaves illius discipulum. Romae, 1571. 386 p.
- Dictionnaire de Théologie Catholique. T. 2, Pt. 2, Paris, 1923. Col. 1447 ss.
- Ecclesiastica historia, integram ecclesiae Christi ideam, quantum ad locum, Propagationem, Persecutionem, Tranquillitatem, Doctrinam, Haereses, Ceremonias, Gubernationem, Schismata, Synodos, Personas, Miracula, Martyria, Religiones extra Ecclesiam, et statum Imperij politicum attinet, secundum singulas Centurias, perspicuo ordine complectens: singulari diligentia et fide ex uetustissimis et optimis historicis, patribus, et aliis scriptoribus congesta. Per aliquot studiosos et pios uiros in urbe Magdeburgica. Cent. I, pars I. Basileae, apud Iohannem Oporinum, 1559. 393 p.
- Fantuzzi G.* Notizie degli scrittori Bolognesi. V. III, Bologna, 1783, p. 47ss., 77ss.
- Orella y Unzue Jose L. de.* Respuestas catolicas a las Centurias de Magdeburgo (1559-1588). Madrid, 1976. 637 pp.
- Radrizzani Goñi J.F.* Papa y obispos en la potestad de jurisdiccion segun el pensamiento de Francisco de Vitoria O.P. Roma, 1967. 289 p. P. 39-47.
- (Tudeschis N. de).* Consilia, Quaestiones et Tractatus Panormitani. S. I., 1539. 160 f.
- (Turcremata J. de).* Tractatus notabilis de potestate Papae et concilij generalis. Coloniae, 1480. 46 f.
- Андронов И.Е.* Учение о локусах и методология истории в XVI столетии. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 5, 2011. С. 205-211.

BIBLIOGRAFIJA

- Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. Bd. 1, Hamm, 1975, Sp. 902.
- Campegius Th.* De coelibatu sacerdotum non abrogando. Venetiae, 1554.
- Campegius Th.* De Auctoritate, et Potestate Romani Pontificis, et alia opuscula. Venetiis, 1555. 225 fol.
- Campegius Th.* [Camp 1561]. De auctoritate sacrorum Conciliorum. Venetiae, 1561. 79 ff.
- Cano M.* De locis theologicis (ed. Belda Plans J.). Madrid, 2006. 546 p.
- Chaves Th.* Summa Sacramentorum Ecclesiae cum tractatu de Excommunicatione. Venetiis, 1569. P. 177v.
- Chaves Th.* Summa sacramentorum ecclesiae ex doctrina fratris Francisci a Victoria, Ordinis Praedicatorum apud Salmanticam olim primarii Cathedralici, per reverendum patrem Praesentatum Fratrem Thomam à Chaves illius discipulum. Romae, 1571. 386 p.
- Dictionnaire de Théologie Catholique. T. 2, Pt. 2, Paris, 1923. Col. 1447ss.
- Ecclesiastica historia, integram ecclesiae Christi ideam, quantum ad locum, Propagationem, Persecutionem, Tranquillitatem, Doctrinam, Haereses, Ceremonias, Gubernationem, Schismata, Synodos, Personas, Miracula, Martyria, Religiones extra Ecclesiam, et statum Imperij politicum attinet, secundum singulas Centurias, perspicuo ordine complectens: singulari diligentia et fide ex uetustissimis et optimis historicis, patribus, et aliis scriptoribus congesta. Per aliquot studiosos et pios uiros in urbe Magdeburgica. Cent. I, pars I. Basileae, apud Iohannem Oporinum, 1559. 393 p.
- Fantuzzi G.* Notizie degli scrittori Bolognesi. V. III, Bologna, 1783, p. 47ss., 77ss.
- Orella y Unzue Jose L. de.* Respuestas catolicas a las Centurias de Magdeburgo (1559-1588). Madrid, 1976. 637 pp.
- Radrizzani Goñi J.F.* Papa y obispos en la potestad de jurisdiccion segun el pensamiento de Francisco de Vitoria O. P. Roma, 1967. 289 pp. P. 39-47.

(*Tudeschis N. de*). Consilia, Quaestiones et Tractatus Panormitani. S. l., 1539. 160 f.
(*Turrecremata J. de*). Tractatus notabilis de potestate Papae et concilij generalis.
Coloniae, 1480. 46 f.

Andronov I.E. Uchenie o lokusah i metodologija istorii v XVI stoletii. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. № 5, 2011. S. 205-211.

Андронов Илья Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент МГУ имени М.В. Ломоносова; *orgizomenos@gmail.com*.

Historicism and local method in Tommaso Campeggi's works of 1554-1561

The inter-confessional dispute in the Confessional age revealed the insufficiency of the traditional polemic methods. Therefore, the debate moved gradually to the Church history matters. The works by Catholic bishop Tommaso Campeggi sign the transition from the dominating local method to the tendency to base ideological theses historically. While discussing a number of topical Church routine issues, the theologian tried to prevent the massive blow of the opposing party made on historical basis – the so-called Centuries of Magdeburg. To prove the unassailability of the Catholic Church was to mobilize all resources of logic and methodology, but Campeggi preferred the arguments of Church history to the traditional theological ones. In other words, he did not attempt to demonstrate moral or doctrinal truth of the Church but chose to show its historical authenticity. This was an important step forward on the way of creating a new historical concept of the Catholic Church – the concept that would emerge victorious in the 'Ecclesiastical Annals' by Cesare Baronio.

Keywords: Catholic historiography, Church history, Scientific Revolution.

Ilya Andronov, Ph.D., Associate professor, Moscow State Lomonosov University;
orgizomenos@gmail.com.

А. Ю. СЕРЕГИНА

**ОБРАЗОВАНИЕ И ПАСТЫРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
КЛИРИКОВ В АНГЛИЙСКОМ КАТОЛИЧЕСКОМ
СООБЩЕСТВЕ XVI – XVII вв.
духовенство в свите виконтов Монтегю***

В статье анализируется персональный состав католических капелланов свиты виконтов Монтегю во второй половине XVI – первой трети XVII в., уровень их образования и пастырской подготовки, а также взаимодействие с мирянами-католиками. Показано, что избранные виконтами Монтегю и их родственниками капелланы отличались хорошим образованием, полученным либо в университете, либо в семинарии, и часто проповедовали. Позиции католического клира укрепились в начале XVII в. несмотря на финансовую зависимость духовенства от патронов, присутствие капелланов в свите, в непосредственной близости к своим подопечным, предоставляло им неограниченную возможность влиять на мирян, порой определяя их религиозные практики, поведение и политические шаги. Даже в отсутствие «нормальной» приходской структуры, в рамках миссионерской церкви сформировалось представление о священнике – пастыре и наставнике, что вполне соответствовало представлениям реформаторов о роли и облике духовенства. В этом отношении английские католики-миссионеры преуспели больше, чем их собратья в континентальной Европе.

Ключевые слова: *Англия XVI–XVII вв., Католическая Реформа, католическое духовенство, религиозное образование, церковный патронат, проповедь, миссионерская церковь, религиозные практики.*

Роли духовенства в религиозных преобразованиях, охвативших Европу в XVI–XVII вв., уделяется огромное значение во всех исследованиях, посвященных религиозной культуре эпохи в целом, и католической культуры в частности. Работы о Тридентской реформе посвящают большие разделы реформированию духовенства в соответствии с новыми требованиями к образовательному и моральному уровню клириков, возникновению и распространению семинарий, предписанных соборными постановлениями, подготовке нового епископата, визитациям, проповеди и пастырской деятельности священников в приходах и миссиях, а также и реформаторской деятельности орденского духовенства (иезуитов, францисканцев, кармелитов и др.)¹. При этом основное внимание уделяется деятельности церковной иерархии, а

---

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 13-01-00217).

¹ См., например, обзоры *Po-Chia Hsia*. 1998. P. 2, 7. P. 26-41, 106-121; *Mullett*. 1999. P. 29-110.

роль патронов-мирян зачастую пренебрегают, а порой она даже рассматривается как препятствие реформированию духовенства.

В статье рассматривается ситуация, которую можно назвать экстремальной в данном отношении, а именно, реформирование духовенства в рамках английского католического сообщества второй половины XVI – первой трети XVII в. Священники-миссионеры и иезуиты, а позднее и представители других орденов – францисканцы и бенедиктинцы – находились в Англии нелегально. Их присутствие и пастырская деятельность финансово и организационно обеспечивалась мирянами, которые укрывали священников в своих домах, спасали от преследований (и смерти). Можно ли в таких условиях говорить о воспроизведении в Англии Тридентского идеала влиятельного и независимого от мирян духовенства, обладающего непререкаемым авторитетом в делах веры? Ведь о независимости английским католическим священникам не приходилось даже мечтать. И можно ли в таком случае считать английский вариант католицизма по-настоящему пост-Тридентским?²

Исследователи, склонные отвечать на эти вопросы положительно (в частности, А. Уолшэм) подчеркивают уникальные возможности, открывавшиеся перед католическими священниками. Ведь гонения превратили их в домашних капелланов, тем самым дав им возможность близко наблюдать и контролировать личные религиозные практики, что редко удавалось приходским священникам в такой же степени. А утрата независимости отчасти компенсировалась тем обстоятельством, что священников-миссионеров, которым в случае ареста грозили пытки и мучительная смерть, их паства зачастую почитала как живых святых; так что утрата финансовой независимости одновременно могла означать и обретение невиданного до той поры морального авторитета³.

Целью статьи является анализ разных сторон взаимодействия католических священников и мирян в свите аристократов-католиков, виконтов Монтегю, во второй половине XVI – первой трети XVII в. В ее задачи входит рассмотреть персональный состав клириков и его изменения с течением времени и выявить, как на практике происходила смена поколений священников, рукоположенных при Марии Тюдор (далее – *Marian priests*) и миссионеров, выявить образовательный уровень священников в свите Монтегю, каналы их проникновения в свиту и критерии отбора. Важной задачей является и определение характера взаимоотношений между клириками и мирянами, для решения которой

---

² Сомнения в этом высказывал, например, Майкл Маллетт. См. *Mullett*. 2009.

³ *Walsham*. 2003; *Walsham*. 2009.

необходимо рассмотреть их различные аспекты: поддержка деятельности духовенства, финансирование обучения клириков в континентальных семинариях, восприятие пастырских наставлений патронами.

Первый виконт Монтегю и католическое духовенство, 1553–1592

Старшее поколение семейства Монтегю встретило елизаветинскую Реформацию, обладая уже сложившимися представлениями о том, каким должен быть католический священник. Эти представления сформировались в предшествовавшие десятилетия в результате личного общения с клириками – реформаторами.

Сэр Энтони Браун (1528–1592, с 1554 – виконт Монтегю)⁴ был тесно связан с кругом католиков-реформаторов начала XVI в., который включал епископа Рочестерского Джона Фишера, ученого клирика, одним из первых начавшего реформировать свой диоцез в соответствии с новыми представлениями о пастырском долге и христианской жизни⁵. Рукописи сочинений Фишера хранились в семье, и годы спустя его сын издаст перевод трактата Фишера о молитве⁶. Другом сэра Энтони, а позднее и его сына, был епископ Винчестерский Стивен Гарднер – ученый гуманист, богослов и полемист⁷. Виконт Монтегю в 1554 г. был одним из душеприказчиков покойного епископа⁸. Его другом был и другой ученый клирик-реформатор, архиепископ Йоркский Николас Хит, лишившийся кафедры в 1559 г. и доживавший свой век под домашним арестом в маноре Чобэм в графстве Сарри, неподалеку от поместий Монтегю⁹. В 1578 г. архиепископ завещал виконту свои книги¹⁰.

Во время путешествия по Италии в 1555 г. Монтегю должен был встречаться с представителями первого, до-Тридентского поколения епископов-реформаторов. Хотя нет прямых свидетельств этих встреч, дипломатический протокол того времени предполагал, что английское посольство, которое направлялось в Рим во главе с епископом, должны были встречать главы диоцезов или, по крайней мере, их администраторы. Соответственно, во Флоренции послов должен был встречать архиепископ-реформатор Антонио Альтовити¹¹, а в Тренто (Триденте) – Ло-

---

⁴ См. *Серегина*. 2010.

⁵ О Джоне Фишере см.: *Humanism*. 1989; *Rex*. 1991; *Dowling*. 1999.

⁶ *Серегина*. 2014. С. 116–118.

⁷ О Гарднере см.: *Redworth*. 1990.

⁸ *Dolman*. 1881. P. 13.

⁹ ODNB online: <http://dx.doi.org/10.1093/ref:odnb/12840>

¹⁰ *Loseley MSS*. P. 632.

¹¹ *D'Addario*. 1972.

довико Мадруццо¹². Таким образом, благодаря общению с этими клириками, у виконта Монтегю вполне могло сформироваться представление о том, каким подобает быть священнику, и этот образ подразумевал соединение в себе богослова (или, по крайней мере, хорошо образованного в этой области человека), пастыря и проповедника.

Приоритеты Монтегю нашли отражение и в выборе священников для принадлежавших ему приходов в середине XVI в. Половина из назначенных виконтом священников в 1559 – начале 1560-х лишилась бенефициев, отказавшись признать королеву главой церкви, что говорит, по крайней мере, об их преданности католическому учению¹³. Капелланы первого виконта Монтегю, оказавшиеся в его свите в 1560-х гг., впервые обрели его покровительство раньше, в годы правления Марии Тюдор. Они были уже ему хорошо известны. Каковы же были критерии, руководствуясь которыми виконт выбирал капелланов для своей семьи из числа «своих» священников? Ответ на этот вопрос требует обращения к биографиям его клириков. Наиболее известным из всех был *Альбан Лэнгдейл*. Уроженец Йоркшира, Лэнгдейл учился в Кэмбридже и сделал блестящую университетскую карьеру. Он был связан с колледжем Св. Иоанна (Сент-Джонс), и возможно, именно это обстоятельство изначально привлекло к нему внимание Монтегю: Сент-Джонс был также и колледжем его друга Гарднера. Университетская карьера Лэнгдейла складывалась удачно. К 1544 г. он был уже бакалавром богословия (степень, требовавшая предварительного получения степени магистра искусств), и готовился к докторату. Его карьера была прервана из-за участия в дебатах о сути евхаристии в 1549 г. Лэнгдейл поддерживал католическое толкование таинства (еще одна связь с Гарднером, тогда же попавшим в тюрьму за то же самое), и был вынужден поэтому покинуть университет. Вернувшись в университет в 1554 г., он продолжил ученые занятия (переехавшись в Оксфорд), одновременно получив ряд бенефициев. Лэнгдейл участвовал в диспутах с арестованными епископами-протестантами – Кранмером, Лэтимером и Ридли (1554), что, видимо, и убедило Монтегю в его достоинствах проповедника. В 1555 г. виконт обеспечил Лэнгдейлу должность каноника Чичестерского собора. В 1557 г. в качестве лорда-лейтенанта Сассекса Монтегю задействовал его в попытках обратить протестанта Ричарда Вудмена, а в 1558 г. отправил проповедовать против еретиков в прибрежных районах графства. Лишившись в 1559 г. бенефициев и

---

¹² *Nubola*. 1993.

¹³ *Серегина*. 2013а.

возможности продолжать ученую карьеру, Лэнгдейл нашел приют в свите Монтегю, который в 1561 г. фактически поручился за него перед властями. С тех пор и до смерти (1587 или 1589 г.) Лэнгдейл оставался в доме Монтегю, официально – в статусе наставника его детей¹⁴. Он и в самом деле был учителем и наставником в вопросах веры, оказавшим влияние на два поколения семьи Монтегю.

Вслед за Лэнгдейлом к свите Монтегю в 1562 г. примкнул и его друг **Энтони Клерк**, бывший каноник Чичестерского собора и бывший монах-картузианец, получивший в 1535 г. степень бакалавра богословия в Оксфорде. В Чичестере он был главой местной школы, а также читал богословские лекции местному духовенству. Он, по всей видимости, был уже довольно стар, и его пребывание в свите Монтегю можно назвать почетной пенсией. Скончался Клерк около 1566 г.¹⁵

Еще один капеллан виконта, **Энтони Гарнетт**, также был университетским выпускником. В 1560–1563 гг. он занимал пост главы колледжа Бейлиол, славившегося своими католическими традициями¹⁶. Смещенный с поста, он некоторое время был капелланом графини Нортумберленд – кузины виконта Монтегю, урожденной Энн Сомерсет, а когда она была вынуждена после разгрома Северного восстания 1569 года покинуть Англию, Гарнетт нашел себе место в Каудрее. Он занимал должность секретаря и управляющего первого виконта; сохранились составленные им по поручению Монтегю письма и счета¹⁷. Но, помимо этого, он также занимался и своей «непосредственной» пастырской деятельностью. Меньше сведений сохранилось о другом клирике из круга Монтегю – **Альбани Долмене**, бывшем преподавателе колледжа Всех Душ (Олл Соулз, Оксфорд). Он, тем не менее, пользовался большим авторитетом среди католического духовенства – его призывали в качестве арбитра для улаживания конфликтов в среде арестованных священников и иезуитов в замке Уисбеч в 1590-х гг. Он же пользовался уважением других католиков, в частности, был другом Уильяма Полета, лорда Сент-Джона (с 1598 г. – маркиза Винчестера), а до появления в свите Монтегю был капелланом лорда Морли¹⁸.

Другими представителями «старшего поколения» Marian priests были некие **Джексон** и **Уилсон**. О первом известно лишь, что он ранее был

---

¹⁴ ODNB online: www.oxforddnb.com/view/article/16008.

¹⁵ *McCann*. 1981. P. 105-111.

¹⁶ *Kenny*. 1982. P. 20.

¹⁷ BL, Add. MS 33503.

¹⁸ *Gillow*. 1885. Vol. 2. P. 85-87; *Questier*. 2006. P. 185-187.

капелланом Майкла Хэйра из Саффолка¹⁹. Вторым может оказаться Роберт Уилсон, священник из Мидхёрста (соседнего с поместьем Монтегю Каудрей), лишившийся прихода в 1560 г. В таком случае виконт оказал ему покровительство, приняв в число своих капелланов, но, вероятно, Уилсон не находился в его свите постоянно. В 1586 г. он был капелланом вдовствующей графини Пемброк (Энн Тэлбот, тетки леди Магделен Монтегю), но после ее смерти (1588), видимо, вернулся к Монтегю. Известно, что он служил мессу в Саутуорке (Монтегю Хаус) в 1592 г.²⁰

«Младшее поколение» Marian priests, т.е. те из них, кто был рукоположен в конце 1550-х гг., а не раньше, также было представлено в свите виконта Монтегю. Они сменили поколение Лэнгдейла, и их пребывание в качестве капелланов Монтегю пришлось на 1580 – начало 1590-х гг. В их числе – **Роберт Грей**, получивший в 1557 г. степень бакалавра богословия²¹. В первые десятилетия царствования Елизаветы Роберт Грей был домашним учителем и капелланом в семьях дворян-католиков – сэра Томаса Фицгерберта, и его друзей Николаса Лэнгфорда и Уильяма Бассетта. Все они входили в состав свиты Джорджа Тэлбота, графа Шрусбери, кузена леди Монтегю, а Фицгерберт короткое время служил и самому виконту²².

Фрэнсис Райделл был в последние годы жизни виконта его управляющим и капелланом. О нем известно немного, однако до появления в свите виконта он долгое время провел на севере Англии, возможно, вместе с Греем, так как пользовался покровительством Николаса Лэнгфорда и Уильяма Бассетта. Помимо них, в число патронов Райделла входили сэр Роберт Дормер и его жена Элизабет (Браун, дочь виконта), сэр Генри Констебл и его жена Маргарет (Дормер, сестра сэра Роберта), сэр Томас Ли, Эдвард Бенгли (муж Кэтрин Роупер, племянницы виконта Монтегю), а также и другие члены свиты Генри, лорда Виндзора²³. Об остальных капелланах почти нет сведений. **Уильям Дэнби**, возможно, продолжал служить второму виконту Монтегю²⁴, а об **Уильяме Парфетте** неизвестно ничего, кроме имени²⁵.

---

¹⁹ *Questier* 2006. P. 185.

²⁰ *Foley*. Vol. I. P. 383.

²¹ Дж. Анструтер отождествлял Роберта Грея со священником-семинаристом [Anstruther. Vol. I. P.135], однако, скорее всего, речь идет не о нем, а Роберте Грее, учившемся в Кембридже и рукоположенном в 1555 г. См. *Peile*. 2010. P. 30.

²² CSP Domestic, 1591-1594. P.379-381.

²³ *Ibid*. P. 372.

²⁴ М. Кестье отождествляет Уильяма Дэнби с конюшим второго виконта (*Questier*. 2006. P. 199), но скорее всего речь идет о родственниках.

²⁵ *Questier*. 2006. P. 185.

Сохранившиеся биографические сведения показывают, что все капелланы, «задержавшиеся» в свите Монтегю надолго – Лэнгдейл, Клерк, Гарнетт, Долман, а позднее и Грей – имели университетское образование, причем именно «профильное», богословское, не ограничившись курсом искусств. Таким образом, виконт предпочитал иметь рядом с собой ученых клириков, способных проповедовать, наставлять, а в случае необходимости и вести полемику с оппонентами. Последний элемент – диспуты о вере – вероятно, для виконта представляли собой своеобразное развлечение, имитацию диспутов, организованных монархами (при Эдуарде, Марии и Елизавете в Англии, во времена регентства Екатерины Медичи во Франции). Неслучайно приближенные к Монтегю клирики-протестанты – капеллан его свиты Томас Модсли и настоятель церкви в Бэттле (рядом с резиденцией Монтегю) Джон Уитенс – также были учеными богословами и постоянно общались с католическими священниками из свиты патрона²⁶. Нетрудно представить их рассуждающими на спорные богословские темы в присутствии виконта.

Все капелланы-католики имели должности в свите. Так, Лэнгдейл был наставником детей и внуков виконта, Гарнетт и Райделл – его управляющими. Это соответствовало обычной практике: в аристократических семьях капелланы зачастую выполняли функции домашних учителей и/или секретарей и управляющих. Но это же обстоятельство позволяло придать капелланам, чья основная функция – служение мессы – была поставлена вне закона, официальный статус, который защитил бы их от преследований. Подобное положение, конечно, ставило капелланов в зависимость от прихотей патрона. Но оно и приближало их к нему, давало возможность влиять на его дела и на формирование личности представителей молодого поколения. Албан Лэнгдейл, в частности, пользовался большим авторитетом не только у виконта, но и у его потомков; его наставления будет вспоминать годы спустя внук, второй виконт Монтегю. Фактически, Лэнгдейл имел уникальную возможность направлять религиозную жизнь членов семьи Монтегю, и его влияние на формирование их личных религиозных предпочтений и практик сказывалось еще долго (не говоря уже об обосновании им практики «церковного папизма», предопределившей поступки целого поколения католиков в семье Монтегю и за ее пределами).

Немалым влиянием пользовался и Альбан Долмен, чья выраженная анти-иезуитская позиция²⁷, вероятно, сыграла свою роль в нежела-

---

²⁶ *Seregina*. 2013a. С. 115-116.

²⁷ *Questier*. 2006. P. 186.

нии первого виконта принимать у себя в доме представителей Общества Иисуса, и стремлением второго виконта поддерживать антииезуитскую партию католического духовенства. Таким образом, положение Marian priests в свите Монтегю не было однозначно подчиненным; личный авторитет высокообразованных клириков порой давал им большие возможности влиять на своих патронов.

Появление того или иного капеллана в свите Монтегю определялось как личными предпочтениями виконта – так, он давно знал и ценил Лэнгдейла, и в 1561 г. воспользовался возможностью, взяв его на поруки и тем самым заполучив себе на службу – так и семейными связями. Многие капелланы появлялись у него в свите после пребывания в домах родственников и, вероятно, по их рекомендации. Примечательно, что в данном случае важным оказывалось влияние женщин-патронесс: так, Гарнетт прибыл в Каудрей из свиты кузины виконта, графини Нортумберленд, Уилсон и Грей были связаны с родственниками леди Монтегю, а Райделл – с кругом дочери виконта, леди Дормер, и его племянницы, Кэтрин Бентли (урожденной Роупер).

Первый виконт Монтегю принимал исключительно священников, рукоположенных в Англии (Marian priests) в качестве домашних капелланов, поскольку клирики, учившиеся в семинариях, и уж тем более иезуиты, были поставлены вне закона статутами 1581 и 1585 гг. Однако правило явным образом распространялось только на капелланов, которые проводили значительное время в его свите. Перемещавшиеся по Англии священники-семинаристы, т.е. выпускники Английских коллегий – семинарий, основанных на континенте для подготовки пастырей для Англии), в том числе и те, кто двигался от портов Сассекса вглубь страны, находили приют в Мидхёрсте и помощь членов свиты Монтегю, а порой и родственников самого виконта.

Согласно сообщению правительственного агента Томаса Додуэлла, в феврале 1584 г. в Каудрее принимали священников-семинаристов Джона Лонга и Роберта Наттера. *Джон Лонг*, как и многие представители первого поколения семинаристов, учился в Оксфорде, а затем отправился в Английскую коллегия Реймса (до 1578 г. – Дуэ), и в начале 1580х гг, после рукоположения, вернулся в Англию. Известно о его пребывании в доме графини Эрендел (племянницы леди Монтегю), откуда он, видимо, и попал в Каудрей. Позднее Лонг уехал из Англии и преподавал в Английских коллегиях Реймса и Рима²⁸.

---

²⁸ Anstruther. Vol. I. P. 213.

Роберт Наттер был моложе Лонга и учился только в Реймсе. Оттуда он в 1581 г. приехал в Англию и до середины 1584 г. занимался миссионерской деятельностью в Хэмпшире и Оксфордшире – в графствах, где жило немало родственников Монтегю. Наттер подвергался аресту дважды – в 1584 и 1585 гг. – и провел 12 лет в заключении в замке Уисбеч, дважды высылался из страны и возвращался вновь. В 1600 г. он был арестован и казнен в Ланкашире²⁹. Неизвестно, кто именно из свиты Монтегю организовал визиты этих священников в Каудрей.

В 1586 г. в Бэттле был арестован еще один священник – **Джон Оуэн**. Он принадлежал к католической семье из Оксфорда, возможно, связанной узами родства с Джоном Шелли – джентльменом из свиты Монтегю. В 1585 г. Оуэн путешествовал из Хэмптон Корт-Парка в Гилфорд в компании слуги Монтегю (возможно, самого Шелли), а год спустя (после ареста, высылки и возвращения в Англию) оказался уже в непосредственной близости от резиденции виконта. Арестованный был отправлен в Тауэр, и в 1588 г. предстал перед судом по обвинению в измене, но предпочел смерти отречение от веры³⁰.

Джон Шелли привечал и другого католического священника – **Саймона Феннелла**. Последний в начале 1570-х гг. учился в Оксфорде, в колледже Бэйлиол, где его наставником был будущий иезуит Роберт Парсонс, а затем поступил на службу в свиту графа Саутхэмптона (зятя Монтегю). Отсюда, вероятно, и его связи с католическими семьями южных графств. После смерти графа (1581) Феннелл уехал учиться в Реймс и был рукоположен в 1583 г., а вскоре вернулся в Англию. Следующие 10 лет его жизни были посвящены миссионерской деятельности на юге Англии. Его принимали в домах Коупли, Шелли, Тичборна, Фортескью и сэра Томаса Трешэма. А в 1593 г. Джон Шелли переправил Феннелла, облаченного в ливрею виконта Монтегю, через территорию Сассекса на запад. Священник направился в Ирландию, вероятно, к графине Килдейр (сестре первого виконта), и вернулся в Англию в 1602 г.³¹

И наконец, преследователь католиков Ричард Топклифф был убежден, что в 1590 г. в Каудрее принимали **Роберта Саутуэлла**³² – знаменитого иезуита, писателя и миссионера. Нет других сведений, подтверждающих это предположение, однако это было вполне возможно, учитывая, что Саутуэлл был капелланом графини Эрендел

²⁹ Ibid. P. 12.

³⁰ Ibid. P. 263.

³¹ Ibid. P. 115.

³² ODNB online: <http://dx.doi.org/10.1093/ref:odnb/26064>; *Delvin*. 1956.

(племянницы виконтессы), основная резиденция которой (замок Эрендел) находилась в Сассексе. Именно Саутуэлл организовал пути переправки священников из портов Сассекса вглубь страны через поместья «надежных» католиков. Одним из таких пунктов стал Каудрей³³.

Такое количество священников-семинаристов вокруг резиденций Монтегю вызывает вопрос: в самом ли деле виконт не знал об их присутствии, или же предпочитал переключать ответственность на слуг?

Родственники первого виконта тоже не были склонны следовать его приоритетам в выборе капелланов. Особенно показателен в этом отношении его младший брат, сэр Фрэнсис Браун. Он входил в число покровителей иезуитов практически с момента появления членов ордена в Англии. Так, в 1580 г. он предоставил свой дом в Саутуорке для работы Синода католических священников, созданного прибывшими в страну иезуитами *Робертом Парсонсом*³⁴ и *Эдмундом Кэмпнионом*³⁵. Потом он предоставил Парсонсу свой дом для развертывания деятельности подпольной типографии, а в 1581 г. принимал Парсонса – которого уже объявили изменником и разыскивали по своей стране – в своем поместье Хенли-парк (Оксфордшир).

Позднее сэр Фрэнсис Браун оказывал покровительство другим иезуитам, прибывшим в Англию – Роберту Саутуэллу и *Генри Гарнетту*³⁶. А его капелланом (посещавшим также и брата – вероятно, Уильяма Брауна из Элсинга) был иезуит *Уильям Уэстон*. Выпускник Оксфорда, как и все первые английские иезуиты, он позднее учился в коллегии Дуэ, а в 1580-х гг. (до ареста в 1586 г.) активно проповедовал среди дворян (за ним числится обращение в католичество графа Эрендела). Уэстон был представлен сэру Фрэнсису в лондонском доме леди Джоан Темпест, которая стала его второй женой. Уэстон также был хорошо знаком с Фрэнсисом Гауэром, слугой виконта Монтегю, и бывал поэтому в Монтегю-Хаусе³⁷. После своего ареста в 1586 г. Уэстон провел много лет в заключении в Уисбече, а после высылки из Англии в 1603 г. преподавал в Английской коллегии в Севилье (немаловажное обстоятельство для капелланов Монтегю, о чем пойдет речь ниже)³⁸.

---

³³ Delvin. 1956. P. 219.

³⁴ ODNB online: <http://dx.doi.org/10.1093/ref:odnb/21474>. См. также: *Parish*. 1966; *Edwards*. 1995; *Houlston*. 2007; *Серегина*. 2013. С. 5-24.

³⁵ ODNB online: <http://dx.doi.org/10.1093/ref:odnb/4539>; *The Reckoned Expense*. 1996.

³⁶ ODNB online: <http://dx.doi.org/10.1093/ref:odnb/10389>

³⁷ PRO/SP 12/188/37. F.118.

³⁸ Dictionary of National Biography. Vol. 60. 1899. P. 378-379.

Сэр Фрэнсис Браун также приглашал в качестве капеллана *Джона Боста* – бывшего преподавателя Оксфорда (колледж Королевы, Квинс) и англиканского священника, который в 1580 г. отправился в Реймс, а после рукоположения в 1581 г. вернулся в Англию. Бост некогда служил в свите Монтегю (до рукоположения), и его там хорошо знали, так что, когда в 1593 г. он был арестован, слуги «молодого виконта», совсем недавно служившие его деду, даже составили небольшой заговор с целью его освобождения³⁹. Из него, впрочем, ничего не вышло – Боста отправили в Тауэр, и в 1594 г. казнили в Тайберне⁴⁰.

Выпускником Оксфорда был и другой капеллан сэра Фрэнсиса – *Джон Корнелиус*, потомок ирландцев из Бодмина (Корнуолл). Он получил образование в Оксфорде благодаря щедрости сэра Джона Эренделла из Трерайса (родственника Эренделлов из Лэнхерна и замка Уордур, связанных с Монтегю брачными узами), а потом, как и многие другие представители его поколения, уехал на континент. Он учился в коллегиях Дуэ и Рима, а в начале 1580-х вернулся в Англию священником-миссионером. В 1580-х Корнелиус был капелланом Эренделлов из Лэнхерна. Он изъявлял желание стать иезуитом и дал соответствующий обет, но так и не успел формально вступить в орден. Его ждала та же судьба, что и Боста, в 1594 г. он был арестован и казнен в Дорчестере⁴¹.

В доме сэра Фрэнсиса бывал также священник *Байард*⁴², о котором ничего не известно (вероятно, это псевдоним). Кроме того, сэр Фрэнсис помогал прибывавшим в страну священникам передвигаться по стране и обулаиваться в Лондоне. Эту работу он разделял с еще одним миссионером, *Ричардом Дэвисом*⁴³.

Капелланом сэра Энтони Брауна, сына и наследника виконта, был иезуит *Джон Карри* – друг упомянутого выше Джона Корнелиуса, и тоже уроженец Бодмина. Карри учился в Дуэ и был рукоположен в священники, однако затем (1583) вступил в орден иезуитов и лишь после этого вернулся в Англию⁴⁴. Помимо резиденции сэра Энтони (Ривер-парк), Карри посещал дома многих сассекских дворян, родственников и слуг Монтегю – Гейджей, Дареллов и Лейнов, а также Роберта Барнса – джентльмена из свиты первого виконта и близкого друга его сына и внука. Карри пользовался расположением и других членов

³⁹ Salisbury MSS. Vol.IV. P. 432.

⁴⁰ *Anstruther*. Vol.I. P. 43-44; *Questier*. 2006. P. 237. N 17.

⁴¹ *Challoner*. 1839. Vol. I. P. 184-186.

⁴² PRO/SP 12/152/54. F. 97.

⁴³ *Anstruther*. Vol.I. P. 98.

⁴⁴ *Ibid*. P. 95-96; *McCoog* 1994. P. 152.

семьи Монтегю, в частности, сэра Джорджа Брауна, младшего брата сэра Энтони, и их сестры, леди Дормер⁴⁵. Сэр Джордж держал и своего капеллана – священника-семинариста **Саймона Твайфорда** (с 1584 г.), обращавшего в католичество дворян Оксфордшира⁴⁶. С его домом был также связан и еще один священник-семинарист – **Томас Симпсон**. Он был рукоположен в начале 1580-х гг. и в течение более чем десяти лет проповедовал в Сассексе. Именно он в 1592 г. произнес проповедь на похоронах сэра Энтони. В 1593 г. он был арестован усилиями преследователя священников Ричарда Топклиффа и предпочел страшной смерти обращение. Симпсон стал приходским священником в Келведоне (Эссекс), однако в убежденного протестанта так и не превратился: уже в новое царствование прихожане жаловались на него церковным властям, так как содержание его проповедей было католическим⁴⁷.

Капелланы женщин из семьи Монтегю сыграли важную роль в организации деятельности Английской миссии, поэтому их следует выделить особо. Выше уже упоминалось, что дочь виконта Элизабет, леди Дормер в 1581 г. присутствовала на мессе, которую служил иезуит Эдмунд Кэмпбелл, а также оказывала ему гостеприимство. Она же принимала у себя и другого иезуита, Джона Карри. Однако среди постоянных капелланов ее семьи иезуитов не было. Почти 20 лет (с начала 1580-х до 1602 г.) капелланом Дормеров был священник-семинарист **Уильям Харрис**. Как и все священники его поколения, он учился в Оксфорде, а затем предпочел перебраться на континент, закончив учебу в университете Лувена (1575). Оттуда до Английской коллегии в Дуэ было уже рукой подать. В конце 1570-х гг. Харрис вернулся в Англию в качестве священника-миссионера; его пастырская деятельность охватывала, в основном, Оксфордшир и Бекингэмшир, однако он появлялся и в Каудрее (1590)⁴⁸.

В XVII столетии Дормеры, прежде всего, сама леди Элизабет, были вовлечены во фракционную борьбу внутри католического духовенства, поддерживая систему архипресвитерства – независимое от вмешательства орденского духовенства управление священниками, и одновременно поддерживая планы восстановления в Англии католического епископата. Выбор домашних капелланов отражает эту позицию. После 1609 г. капелланом Дормеров стал **Уильям Харрисон**. Вы-

---

⁴⁵ CSP Domestic, 1591-1594. P.380.

⁴⁶ *Anstruther*. Vol.I. P.365.

⁴⁷ *Ibid*. P.318.

⁴⁸ *Ibid*. P.150.

пускник Английской коллегии в Дуэ, он провел несколько лет в Англии в качестве миссионера (1581–1587), прежде чем вернуться на континент для продолжения образования. Он изучал гражданское и каноническое право в Париже, в 1597 г. получил степень доктора богословия в университете Дуэ, преподавал в Английской коллегии Реймса, Дуэ и Рима, а также и в университете Дуэ. В 1609 г. Харрисон вернулся в Англию в качестве миссионера, и практически сразу оказался в свите Дормеров. Причиной тому – как репутация ученого клирика, так и узы родства: Харрисон приходился родственником Бентли, а именно с этой семьей породнилась племянница первого виконта (и кузина леди Дормер) Кэтрин Роупер. Совместными усилиями Роуперы и Дормеры способствовали назначению Харрисона в 1609 г. помощником главы католических священников в Англии – архипресвитера Джорджа Бёркхеда (задача, явно облегчавшаяся тем обстоятельством, что постоянными местами пребывания Бёркхеда были резиденции Монтегю; см. ниже). А в 1615 г. Харрисон при помощи тех же патронов неожиданно был назначен преемником Бёркхеда (ум. в 1621 г.)⁴⁹.

Помимо Харрисона, капелланом леди Дормер до самой ее смерти в 1626 г., пользовавшимся почти непререкаемым авторитетом в доме, был **Эдвард Беннетт** – выпускник коллегий Реймса и Рима и яростный противник иезуитов. Беннетт был также помощником Бёркхеда, а в 1615–1621 гг. – его преемника Харрисона⁵⁰. Его имя называли в связи с назначением нового епископа для английских католиков в 1624 г., однако эта должность досталась не ему, а «человеку Монтегю» – Ричарду Смиту (см. ниже). Еще одним капелланом был брат Эдварда **Джон Беннетт**, который в 1621 г. отправился в Рим в качестве представителя английского секулярного духовенства при папе⁵¹. Джон Беннетт был также неофициальным представителем английского короля Якова I, уполномоченным просить папу о предоставлении диспенсации, необходимой для заключения брака принца Уэльского и испанской инфанты в 1621 г.⁵²

Капелланы вдовствующей виконтессы, леди Магдален Монтегю, сыграли не менее важную роль во внутри-церковных конфликтах эпохи. В ее резиденции в Лондоне (Монтегю-Хаус) в начале XVII в. (1603–1606) проживал некий священник **Сантон** или Самптон, о ко-

⁴⁹ Introduction // Newsletters. 1998. P. 214.

⁵⁰ Anstruther. Vol. II. P. 46-47.

⁵¹ Foley. Vol. II. P. 513-514.

⁵² Questier. 2006. P. 391.

тором неизвестно практически ничего, кроме имени, упомянутого правительственными информаторами⁵³. В Бэттле ее капелланом был **Томас Смит**, пожилой священник, отличавшийся ученостью (он был бакалавром богословия), благочестием и неустанными пастырскими трудами⁵⁴. Больше о нем сведений нет; скорее всего, Смит принадлежал к поколению Marian priests.

Два других капеллана леди Монтегю – гораздо более заметные персонажи. **Томас Мор**, правнук знаменитого гуманиста и мученика, присоединился к свите виконтессы в 1594 г. Он учился в коллегии Реймса, а затем – в недавно основанных коллегиях Вальядолида и Севильи. В коллегии Севильи преподавал бывший капеллан сэра Фрэнсиса Брауна Уильям Уэстон. Кроме того, коллегия находилась под покровительством герцогини Фериа, урожденной Джейн Дормер, родственницы Монтегю. Так выстраиваются отчетливые связи между свитой Монтегю и Английской коллегией в Севилье. Благодаря им не один священник будет пользоваться гостеприимством их лондонских и сассекских резиденций. Мор, впрочем, мог обойтись и без этих рекомендаций, ведь он и сам состоял в родстве с Монтегю (через Роуперов), он оставался в Бэттле до самой смерти леди Магдален (1608), а затем его «унаследовал» второй виконт Монтегю. Но уже в 1609 г. Мор отправился в Рим в качестве представителя английского секулярного духовенства (до 1617 г.), потом представлял интересы коллегии Дуэ при испанском дворе (1617–1622); скончался в Риме в 1625 г., так и не вернувшись на родину⁵⁵.

В 1603 г. к Морю присоединился другой капеллан, **Ричард Смит**. В отличие от Мора, он учился в Оксфорде и в Римской коллегии, а в Севилью попал уже в качестве преподавателя (1598–1602). Преподавал он и в других коллегиях – Вальядолиде и Дуэ. Однако проникновением в сферу «притяжения» Монтегю он был явно обязан своим севильским связям. Как и Мор, Ричард Смит оставался капелланом старой виконтессы до ее смерти (именно он произносил в 1608 г. проповедь на ее похоронах), а в 1609 г. отправился в Рим в качестве представителя английского католического духовенства. В 1612–1625 гг. он возглавлял основанный на средства Томаса Сэквила и его родственников коллегию Аррас. На родину он вернулся уже в качестве епископа – главы всего английского духовенства⁵⁶ (см ниже).

---

⁵³ Ibid. P. 212.

⁵⁴ Smith. 1627. P. 28.

⁵⁵ CRS. Vol. 73. 1992. P. 85.

⁵⁶ Ibid. P. 96.

Капелланы второго виконта Монтегю (1590-1620-е гг.)

Молодой виконт Монтегю «унаследовал» капелланов – Симпсона, Райделла и других – от деда. Однако уже в 1593 г. резиденции Монтегю подверглись обыскам и арестам, а священники были арестованы или были вынуждены его покинуть. Затем на виконта обрушились новые неприятности, связанные с крещением его дочери Мэри⁵⁷, вынудившие его временно расстаться с рекузантами – членами свиты. А позднее (1597 г.) он, вероятно, был арестован.

Согласно показаниям самого виконта, данным в 1594 г., тогда в его свите не было постоянных капелланов. Конечно, не в его интересах было бы признаваться в том, что в его резиденциях укрывают тех, кто официально стоял вне закона и становился изменником с момента высадки на английской земле. Но показания виконта косвенно подтверждаются другими источниками. Так, его слуга Генри Лэнмен рассказывал в 1600 г. ректору семинарии в Реймсе об обстоятельствах своего обращения в католичество (обычное правило, распространявшееся на всех будущих студентов). Он сообщил, что стал католиком в 1596 г. благодаря усилиям джентльмена из свиты виконта, однако ему пришлось отправиться в другое место, чтобы там принести покаяние за грех схизмы и причаститься. Это означает, что в доме Монтегю и в самом деле не было постоянных капелланов⁵⁸.

Лэнман назвал и имя совершившего таинства священника – Уинкфилд⁵⁹. Этим псевдонимом пользовался уже известный нам Ричард Дэвис, капеллан сэра Фрэнсиса Брауна. Таким образом, хотя из-за неблагоприятного внимания властей Монтегю в течение некоторого времени не мог держать в свите постоянных капелланов, к его услугам были капелланы его родственников – дяди, а также тетки, леди Дормер (ее капеллан, Уильям Харрис, бывал в Каудрее), и, конечно, же, бабки виконта, леди Магдален Монтегю. А возможно, капелланы все же жили в резиденциях виконта, но были так хорошо «законспирированы», что сумели ускользнуть от внимания правительственных агентов, на сведения которых зачастую вынуждены полагаться историки.

Положение виконта изменилось к лучшему с приходом к власти Якова I. Католики вернулись в его свиту, и имена капелланов Монте-

---

⁵⁷ Виконт Монтегю в 1594 г. сам крестил свою дочь Мэри, чтобы избежать ее крещения по протестантскому обряду, и из-за этого был арестован. Подробнее об этом см.: *Серегина*. 2007.

⁵⁸ CRS. Vol. 54. 1962. P. 84-88.

⁵⁹ Ibid. P. 88.

гю, живших у него после 1603 г., известны. В их числе сразу необходимо выделить группу священников, пребывание которых в резиденциях виконта напрямую связано с его стремлением стать лидером английских католиков. Одним из способов добиться этого было предоставление убежища главе секулярных священников – архипресвитеру, а затем и епископу.

Первый архипресвитер, *Джордж Блэуэлл* (1545–1613) – выпускник Оксфорда, а затем коллегии и университета Дуэ – не был изначально близок кругу Монтегю, хотя бы потому, что он, в отличие от своих преемников, находился под сильным влиянием иезуитов. А от них первый виконт предпочитал держаться подальше. Кроме того, хотя Блэуэлл и был связан с Сассексом – его мать владела там манорами и железоплавильными мастерскими – семья входила в число клиентов графа Нортумберленда, а не Монтегю⁶⁰. Внук не разделял предрассудков деда, и в 1605–1608 гг. Монтегю Хаус стал одним из лондонских убежищ Блэуэлла. Впрочем, гостеприимство ему оказывал не сам виконт, а его управляющий Джон Лоан, возможно, по собственной инициативе⁶¹. Тем не менее, трудно представить, чтобы виконт Монтегю, так интересовавшийся церковными делами, совсем не знал о пребывании главы английских католических священников в стенах его дома.

В 1607 г. Джорджа Блэуэлла сменил на посту архипресвитера *Джордж Бёркхед* (ум. 1614), капеллан Монтегю. Уроженец Дарэма, Бёркхед учился в Дуэ и Риме, и с 1580-х гг. находился в Англии. Его родственником был Ричард Лэмб – еще один северянин, переехавший в 1587 г. на юг и поступивший на службу к первому виконту Монтегю. По всей видимости, именно его стараниями Бёркхед оказался в свите виконта и провел там все оставшиеся ему годы⁶².

Следующий архипресвитер, Уильям Харрисон (1614–1621), был капелланом леди Дормер (см. выше). После его смерти католические священники, поддержанные мирянами – и прежде всего, Монтегю и его родственниками – успешно лоббировали в Риме назначение епископа для Англии. Первым епископом стал человек с весьма уместной фамилией, Уильям Бишоп. И хотя он не был «человеком» Монтегю, виконт после его назначения сделал все возможное, чтобы привлечь Бишопа в свои резиденции. В конце июля 1623 г. Бишоп сошел с корабля в Дувре, и его немедленно проводили в дом кузена Монтегю,

---

⁶⁰ Salisbury MSS. Vol. XIII. P. 109-110.

⁶¹ Ibid. Vol. XV. P. 217; Vol. XVII. P. 500-501.

⁶² Ibid. Vol. XVII. P. 500-501.

сэра Уильяма Роупера (Кентербери). Оттуда он направился в Лондон, а затем избрал своей главной резиденцией дом леди Дормер. Неудивительно, что ее племянник одним из первых в Англии узнал о прибытии епископа. Уже 1 августа он направил Бишопу письмо, поздравляя его с прибытием и приглашая посетить Каудрей. К письму присовокуплялась карета с сопровождающими, и епископ не мог сопротивляться такому давлению. Он провел несколько дней в Каудрее, совершив таинство конфирмации – впервые за 65 лет. Приняло таинство более 400 человек, а позднее – во второй визит Бишопа (за которым виконт Монтегю опять «послал») – еще 500⁶³. Проведение обряда в резиденции Монтегю подчеркивало его статус лидера католического сообщества, покровителя главы католической иерархии в стране.

Уильям Бишоп скончался в 1624 г., и его преемником стал уже известный нам *Ричард Смит*. История повторилась, однако на этот раз виконт явно ждал возвращения «своего» священника в Каудрей, и посылать карет не потребовалось. Впрочем, будучи епископом, Смит не мог постоянно находиться лишь в резиденциях одного католического аристократа, так что он делил свое время между несколькими патронами. Он не любил бывать в Лондоне, обычно перемещаясь между Тёрви (Бедфордшир), манором леди Мордаунт (урожденной Маргарет Комптон, дочери соседа Монтегю в Сассексе, сэра Генри Комптона), Уингом – главной резиденцией леди Дормер в Бакингэмшире и Миссенденом (то же графство), домом сэра Энтони Дормера, младшего сына последней. Из Бакингэмшира Смит отправлялся в Сассекс к Монтегю (в Каудрей), затем в Уордур (Уилтшир) к сэру Томасу Эренделлу (мужу кухни виконта Мэри Ризли), и в Графтон к Джону Тэлботу, графу Шрусбери и его супруге Мэри (Фортескью, уроженки Бакингэмшира, происходившей из семьи, близкой к Монтегю и Дормерам), затем в Мэдли (Шропшир), к сэру Бэзилу Бруку, и оттуда на север, в Ланкашир⁶⁴.

Но каким бы престижным ни было пребывание архипресвитера/епископа в резиденциях Монтегю, практические соображения требовали присутствия в них одного-двух, а то и большего числа постоянных капелланов. Вместе с Бёркхедом в свите Монтегю оказался и один из его помощников, *Эдвард Уэстон*. Выпускник коллегии Дуэ, Уэстон был известным полемистом. Однако в Каудрее он не прижился, по всей видимости, из-за конфликта с другими капелланами Мон-

---

⁶³ CRS. Vol. 10. 1911. P. 401-403.

⁶⁴ Papers Relating to the Personal History. 1853. P. 59-60.

тегю, хотя его причина неясна. Уже в 1610 или 1611г. Уэстон покинул Каудрей, перебравшись к другому патрону – Эдварду Гейджу из Бентли, а в 1612 г. уехал в Дуэ⁶⁵. Его пребывание в Каудрее и в коллегии Дуэ было омрачено сексуальными скандалами, слухи о которых циркулировали в католической среде и дошли до архиепископа Кентерберийского Эббота. Тот в 1613 г. сообщал в письме Уильяму Трембаллу, что Уэстон был «распутным человеком, как я узнал из допроса смазливового мальчика, который жил в том же доме, в каком имел резиденцию доктор. За гнусность этого деяния хозяин дома пожелал его отъезда»⁶⁶. Эббот же сообщал, что в начале 1603 г. Уэстона изгнали из коллегии Дуэ, «обвинив в прелюбодеянии с прачкой»⁶⁷. Архиепископ Эббот – заведомо пристрастный источник, заинтересованный в компрометации католического священника, который был одним из самых непримиримых противников принесения католиками присяги Якову I. К тому же само содержание слухов противоречиво, представляя Уэстона крайне неразборчивым в своих сексуальных пристрастиях. Представляется, что слухи, на которые опирался Эббот, исходили от католических оппонентов Уэстона и должны были очернить его в глазах потенциальных патронов. Примечательно, что сам виконт Монтегю не верил этим слухам и продолжал воспринимать Уэстона в качестве духовного авторитета. В 1620-х гг. он даже консультировался с Уэстоном, тогда проживавшим в Брюгге, по поводу возникших у него вопросов, связанных с моральной теологией и каноническим правом⁶⁸.

Скандал с другим помощником Бёркхеда – его секретарем *Джоном Коупли* – вышел еще более громким. Коупли происходил из известной в Сассексе католической семьи, и даже состоял в отдаленном родстве с Монтегю (через Гейджей). До 1610 г. он был домашним капелланом своих родственников Коттонов, но после какого-то конфликта оказался в свите Монтегю⁶⁹. Там он в 1611 или 1612 г. был рекомендован другим членом свиты виконта – неким мистером Бёрдом – в качестве наставника для новообращенной католички, няни детей виконта по имени Ребекка Мун. Однако наставления привели к любовной

---

⁶⁵ Об Уэстоне см. Allison. 1979. P. 110-112.

⁶⁶ Manuscripts of the Marquess of Downshire. Vol. IV. P. 194: ‘a loose man of life, as I find by my examination of a pretty boy who remained in the house in England where the doctor resided, and for the foulness whereof he was willed by the master of the house to be gone’.

⁶⁷ Ibid. P. 114: ‘fornication with his laundress’.

⁶⁸ Allison. 1979. P. 117.

⁶⁹ The Newsletters. 1998. P. 137, 140, 150.

связи⁷⁰. Другие капелланы винили женщину в соблазнении священника, который, поддавшись страсти, отказался от своей веры⁷¹. Вызванный отступничеством юноши из хорошей католической семьи – да еще из-за женщины явно не его круга – скандал получил огласку. Известный сплетник Джон Чемберлен ехидно информировал своего корреспондента в конце января 1613 г., что Копли «влюбился в старую девучатолкичку, ...ухаживавшую за детьми. Они оба оставили свою веру и поженились»⁷².

Примерно в одно и то же время – в 1610-х гг. – в свите виконта появились и другие капелланы. **Роберт Петт**, по всей видимости, происходил из известной Монтегю местной семьи и приходился родственником Томасу Петту, школьному учителю-католику из Мидхёрста⁷³. Его в середине 1610-х гг. виконт отправил в Брюссель – представлять интересы английского католического духовенства, а заодно и Монтегю, при дворе правителей Нидерландов⁷⁴. Уроженец Сомерсета **Эдвард Кенион** также учился в Дуэ. Он находился в Англии в качестве миссионера с 1599 г., и периодически появлялся в Каудрее с начала XVII в. В 1612 г. он был арестован, отказался принести присягу Якову I и отправился в изгнание. Именно он первым из числа клириков, связанных с Монтегю, перебрался во Францию и заручился там покровительством епископа Люсонского (будущего кардинала Ришелье), а потом переманил Ричарда Смита в свиту епископа. Однако позднее, в начале 1620-х гг., Кенион вернулся в Англию, к Монтегю, и к 1628г. даже стал близким другом его наследника, Фрэнсиса Брауна⁷⁵.

Одновременно с Кенионом в 1612 г. был арестован и выслан из страны **Джозеф Хайнс**, обязанный своим постом капеллана Монтегю родственным связям – он приходился племянником капеллану леди Дормер Эдварду Беннетту. В начале 1620-х гг. он, как и Кенион, вернулся в Англию. Именно он описал упоминавшееся выше прибытие епископа Уильяма Бишопа в Каудрей и толпы католиков, собравшихся там ради таинства конфирмации⁷⁶.

---

⁷⁰ Ibid. P. 137.

⁷¹ Ibid. P. 140.

⁷² The Letters of John Chamberlain. Vol. I. P.331: ‘falling in love with an auncient Catholike maide ... that attended the children, they have both left theyre profession and fallen to marriage’.

⁷³ McCann. 1973–1974. P. 236.

⁷⁴ The Newsletters. 1998. Passim.

⁷⁵ Anstruther. Vol. I. P. 196-197; CRS. Vol. 5. 1908. P. 397.

⁷⁶ Anstruther. Vol. II. P. 153; CRS. Vol. 10. P. 401-403.

В конце 1620-х – начале 1630-х гг. в Каудрее находился еще один священник *Ричард Райт*⁷⁷. Помимо него в резиденциях виконта периодически бывал *Бенджамин Нортон*, покровительство которому оказывал джентльмен из свиты Монтегю Ричард Лэмб⁷⁸, а также *Ричард Брутон* – секретарь епископа Ричарда Смита⁷⁹. В отличие от деда, капелланы второго виконта Монтегю не принадлежали исключительно к секулярному духовенству. Вернее, поначалу внук придерживался семейных традиций. Однако с середины 1610-х гг., когда виконт стал претендовать на лидерство в католическом сообществе, он распространил свое покровительство на представителей монашеских орденов.

Первыми в его свите появились бенедиктинцы. *Эдвард Смит* был уроженцем Ланкашира и учился в коллегиях в Испании (в Вальядолиде и Севилье). Там же он и вступил в орден бенедиктинцев. Он не был лично связан с членами свиты Монтегю, поэтому рекомендация должна была поступить от кого-то из капелланов, некогда там учившихся (возможно, Ричарда Смита). Как бы там ни было, Эдвард Смит с 1616 г. стал капелланом Монтегю и наставником его сына и наследника. Именно Смит сопровождал наследника виконта Фрэнсиса Брауна в его путешествии в Испанию в 1621 г.⁸⁰ В 1627 г. к Смицу в Каудрее присоединился еще один бенедиктинец – *Эдвард Эш*, который, как и Смит, учился в Испании (в Севилье)⁸¹. Второй виконт Монтегю оказывал покровительство не только бенедиктинцам, но и иезуитам, что порой вызывало недовольство других клириков из его свиты. *Лоренс Андертон* жил в новом лондонском доме виконта на Друри-лейн вплоть до 1627 г. и пользовался большим уважением и любовью хозяина⁸². Кроме него, в резиденциях Монтегю в 1620-х гг. регулярно принимали иезуитом *Томаса Фармера* (или *Баркера*)⁸³ и *Генри Оксенбриджа* (или *Уайта*)⁸⁴. А иезуит *Джон Хаддлстон* приходился виконту племянником (сыном его кузины Дороти, урожденной Дормер)⁸⁵.

Сведения о капелланах Монтегю в XVII в. показывают изменения в системе патроната. Если раньше католические священники попадали

---

⁷⁷ *Questier*. 2006. P. 329.

⁷⁸ *The Newsletters*. 1998. P. 232.

⁷⁹ *Questier*. 2006. P. 284 passim.

⁸⁰ *CRS*. Vol. 54. 1962. P. 96.

⁸¹ *Ibid*. P. 50.

⁸² *Questier*. 2006. P. 445.

⁸³ *Anstruther*. Vol. II. P. 98-99.

⁸⁴ *Ibid*. P. 235.

⁸⁵ *Questier*. 2006. P. 333.

в свиту виконтов и их родственников благодаря покровительству и рекомендации светских лиц – друзей и родственников Монтегю, то теперь немаловажным оказывается и мнение клириков из их свиты. Благодаря этому среди капелланов Монтегю появляются не только их дальние родственники и друзья друзей, но и клирики, рекомендованные уважаемыми капелланами самих Монтегю или их родственников Дормеров (их родственники, как в случае с Эдвардом Беннеттом и Джозефом Хайнсом, выпускники испанских семинарий и др.).

Таким образом, применительно к XVII в. можно говорить о возрождении своеобразного «церковного» патроната в рамках католического сообщества. Более того, Ричард Смит пытался в 1630-е гг. реализовать программу реформ, которая позволила бы ему, как главе английского католического духовенства, определять, какого именно священника направить капелланом к тому или иному светскому лицу. И хотя эта программа – по сути, попытка воссоздать систему приходов – провалилась из-за сопротивления светских патронов⁸⁶, влияние духовенства на выбор капелланов мирянами-католиками не стоит недооценивать.

Миряне и организация деятельности католической миссии

Рост влияния духовенства тем более примечателен, что это происходило в обстоятельствах, когда само функционирование католической миссии в Англии зависело от мирян. Аристократы-католики, подобные Монтегю, предоставляли капелланам кров над головой. Но участие их самих и членов их свиты в деятельности миссии не сводилось лишь к этому. Прибывавшим в Англию миссионерам необходимы были безопасные убежища, где они могли укрыться от преследований властей и встретиться при необходимости с другими клириками – руководителями миссии, отвечавшими за «распределение» священников по стране. Последним – зачастую оказывавшимся в незнакомых графствах – нужна была помощь в передвижении по стране и, прежде всего, деньги, и сеть надежных контактов. Все это обеспечивалось католиками-мирянами.

Финансирование миссии осуществлялось на разных уровнях. Виконты Монтегю, как и другие богатые католики, жертвовали деньги на содержание Английской коллегии в Дуэ⁸⁷, а также и коллегии католических священников в Аррасе. Среди патронов последней были сэры Томас Сэвил, и его сестра, супруга второго виконта Монтегю⁸⁸.

---

⁸⁶ Подробнее см. Allison. 1982. P. 111-145; *Questier*. 2006. Ch. 13, 14; обзор см. в: Серегина. 2006. С. 61-63.

⁸⁷ CRS. Vol. 10. 1911. P. 278-279.

⁸⁸ *Questier*. 2006. P.374.

Порой помощь патронов принимала форму финансирования обучения отдельных священников в коллегиях. Эти «студенты» были так или иначе связаны со свитами знатных католиков и попадали в коллегии благодаря их связям (или просто за их счет). Помощью Монтегю воспользовались несколько священников. В 1609 г. овдовевший управляющий виконта *Энтони Флетчер* отправился учиться в Рим. В 1610 г. его рукоположили в священники, а в 1612 г. направили обратно в Англию. Примеру отца последовал и сын, *Томас Флетчер*, родившийся в Каудрее. Он отправился в Рим уже в 1610 г., а в 1617 г. вернулся в Англию священником. Однако ни отец, ни сын не были приняты в число капелланов Монтегю, хотя старший Флетчер поначалу, вероятно, рассчитывал на это. Причиной охлаждения между ним и патроном стало решение Флетчера вступить в орден иезуитов (1613) И, хотя вернувшись на родину, Флетчер привез своему лорду пожалованное папой распятие – знак признания заслуг Монтегю перед церковью, тот все же отказался сделать его семейным капелланом (позиция виконта в отношении иезуитов изменилась только в 1620х гг., см. выше)⁸⁹.

Иезуитом стал и бывший паж виконта *Энтони Лэмб*, сын Ричарда Лэмба (слуги его деда и известного католика). Энтони учился в иезуитской школе в Сент-Омере (так же, как и его старший брат Уильям), а затем учился в Риме. После рукоположения (1617) он был отправлен во Фландрию, где и стал иезуитом. Правда, в отличие от Флетчеров, в Англию он не возвращался. Его полем деятельности стала Шотландия, где он и скончался в 1668 г.⁹⁰

Стал иезуитом и уже упоминавшийся слуга виконта *Генри Лэнмен*. Сначала юноша воспитывался в свите сэра Кристофера Хэттона, но после смерти последнего в 1591 г. отец нашел Генри место в свите Монтегю. Там в 1596 г. состоялось его обращение в католичество. В 1600 г. Лэнмен отправился учиться в Дуэ (возможно, не без влияния своего патрона), однако став в 1606 г. иезуитом, он, как и другие, не вернулся в свиту Монтегю⁹¹.

Второй виконт Монтегю взял на себя расходы по обучению *Энтони Уайтхейра*, сына его слуги и сборщика рент Кристофера Уайтхейра. Его мать была уроженкой Мидхёрста и не раз появлялась в списках рекузантов графства Сассекс. Благодаря щедрости виконта Уайтхейр учился в Сент-Омере, а затем – не без влияния капелланов

---

⁸⁹ *Anstruther*. Vol. II. P. 43, 114.

⁹⁰ *Ibid*. P. 181.

⁹¹ *Ibid*. P. 183.

Монтегю отправился в коллегию Вальядолида (1613г.). В Англию он вернулся после рукоположения в 1620 г.; его пастырская деятельность охватывала Норхэмптоншир⁹².

Таким образом, можно констатировать, что Монтегю не готовил священников «для себя»: ни один из отправившихся из владений на континент студентов не вернулся к нему в свиту. Скорее, здесь виконт – один из многих патронов – вносил свой вклад в общее дело подготовки священников для английских католиков.

Влияние духовенства на светскую элиту католического сообщества

Приведенные выше сведения показывают, что организация деятельности католической миссии в различных своих аспектах зависела от позиции мирян различного социального статуса – от титулованных аристократов, финансировавших семинарии и миссионерскую работу до джентльменов и дам их свит и арендаторов, помогавших священникам и их каждодневной работе и укрывавших их от ареста. Понятно, что в подобной ситуации ни о какой независимости клира от светских патронов, провозглашенной Тридентским собором как идеал, не могли быть и речи. Однако проделанное здесь просопографическое исследование показывает, что для обретения «поста» капеллана важным оказывалось не только покровительство мирян, но и других священников, то есть, духовный патронат не исчез, а видоизменился в соответствии с обстоятельствами. Возникает вопрос: в какой мере финансово зависимые от патронов капелланы оказывали на них свое воздействие?

На протяжении трех десятилетий (1560–1590) капелланы первого виконта Монтегю отличались высоким уровнем богословского образования. Как минимум один из них – Альбан Лэнгдейл – был уже известным проповедником до своего появления в свите Монтегю. Вряд ли он прекратил проповедовать, став капелланом виконта, хотя его аудитория была ограничена домочадцами Монтегю. А будучи домашним учителем, он должен был и наставлять младшее поколение в вере (традиционная роль капеллана в свите аристократа). Лэнгдейл учил основам католической веры два поколения семьи Монтегю – сына и внука первого виконта – причем последний годы спустя приводил его наставления в качестве обоснования своих религиозных практик (крещения дочери Мэри в 1594 г.)⁹³. Стоит также отметить, что именно ученики Лэнгдейла, второе и третье поколение семьи Монтегю, оказались наиболее восприимчивыми к изменениям религиозных

---

⁹² Ibid. P. 355.

⁹³ См.: Серегина. 2007. С. 31.

практик, принесенным Католической реформой. Таким образом, роль старшего поколения священников, рукоположенных до 1558 г., в формировании приоритетов у мирян-католиков очевидна.

Воздействие священников-семинаристов оказалось не менее важным. Отказ леди Магдален Монтегю (а возможно, и ее внука) от практики «церковного папизма» проходил под влиянием нового капеллана виконтессы, Томаса Мора. Он же, вместе с другим капелланом, Ричардом Смитом, принес в дом Монтегю и ряд новых благочестивых практик (вопрошание совести и др., см. ниже), которые обычно связывают уже с пост-Триденским типом религиозности. Почитание виконтессы своих капелланов (из-за их сана) выражалось и в жестах. Так, ее капеллан Ричард Смит писал: «Она выказывала уважение и почтение своим священникам во славу Божию и утром и вечером, смиренно опустившись на колени, просила их благословения. Этот обычай она соблюдала и в отношении других священников, когда они приезжали в ее дом или уезжали из него»⁹⁴. Порой совет священника требовался и во вполне мирских делах. Так, в 1593 г. Ричард Грей, иезуит Джон Карри обсуждали с сэром Генри Брауном вопрос о браке последнего с Констанс Кафолд – дамой из свиты его матери, обрученной с другим джентльменом⁹⁵. Священникам удалось убедить сэра Генри в недопустимости нарушения данного женщиной обета; впоследствии Констанс Кафолд стала женой Ричарда Лэмба⁹⁶, а ее сын Энтони впоследствии также служил в свите Монтегю.

В вопросах церковной политики влияние капелланов также было весьма велико. Выше уже отмечалось, что политическая линия Дормеров – безоговорочная поддержка проектов восстановления католического епископата и лоббирование его в Риме – во многом определялось позицией капеллана леди Дормер, Эдварда Беннетта. Подобное же можно сказать и о свите Монтегю, особенно о воздействии капеллана леди Магдален и ее внука, Ричарда Смита, в начале XVII в. и в 1625–1631 гг. Особенно важной для Ричарда Смита была поддержка виконта в начавшемся вскоре после его приезда в Англию в качестве епископа конфликте вокруг полномочий епископа.

Таким образом, влияние капелланов Монтегю на религиозные практики и порой на их политические действия совершенно очевидно.

---

⁹⁴ *Smith*. 1627. P. 33: ‘She shewed a respective reverence to her Priests, for the honour of God, and did most humbly on her knees, morning and evening aske their benediction, which she did also observe towards other Priests at their comming & going’.

⁹⁵ *CSP Domestic*, 1591–1594. P. 380.

⁹⁶ *Foley*. Vol. VI. P. 329.

С другой стороны, у членов свиты виконта – и клириков, и мирян – явно существовали четкие представления о том, каким должен быть представитель католического духовенства. С появлением английских коллегий на континенте образовательный уровень клириков соответствовал заданным критериям, однако и моральный облик должен был быть высок. Если в начале XVI в. на интрижку капеллана с няней детей виконта еще могли посмотреть сквозь пальцы, то спустя сто лет подобное поведение явно представлялось совершенно недопустимым – и Джон Коупли был вынужден покинуть дом виконта. Эдвард Уэстон также был изгнан из свиты Монтегю, и, хотя его отъезд, видимо, объясняется конфликтом среди духовенства круга Монтегю, примечательно, что для его компрометации были использованы именно слухи о недопустимых сексуальных связях, не соответствовавших требованиям, предъявлявшимся клирикам в пост-Тридентскую эпоху.

В условиях, когда миряне-католики финансировали миссионерскую работу священников в Англии и активно участвовали в ее организации, их голос в церковных делах оказывался весьма звучным. И уж во всяком случае, именно миряне принимали решение по кандидатурам капелланов (хоты и формирование сетей клириков также не стоит сбрасывать со счетов). Тем не менее, присутствие капелланов в свите, в непосредственной близости к своим подопечным, предоставляло им неограниченную возможность влиять на мирян, воздействуя на, а порой даже определяя их религиозные практики, поведение и политические шаги. При этом капелланы не могли опереться на церковные структуры или институты, принадлежность к которым придавала им авторитет в континентальной Европе. Уважение к священникам и несомненное почтение, выказываемое им, определялись не этим обстоятельством, но личным авторитетом конкретных миссионеров, который мог быть значительным. Достигнута эта цель была как благодаря прекрасной «профессиональной» подготовке – неслучайно Английские коллегии на континенте стали одними из первых пост-Тридентских семинарий в Европе. Не стоит забывать и то обстоятельство, что священников в Английских коллегиях специально готовили для работы в условиях миссии, а при отправке миссионеров на родину учитывали их личные качества. Тех, кому было бы трудно завоевать уважение светских патронов, просто оставляли в коллегиях – например, в качестве преподавателей.

Таким образом, можно констатировать, что даже в отсутствие «нормальной» приходской структуры, в рамках миссионерской церкви, всего за несколько десятилетий (к 1620-м годам) сформировалось представление о священнике – пастыре и наставнике, которое вполне

соответствовало представлениям реформаторов о роли и облике духовенства. В этом отношении английские католики-миссионеры преуспели больше (и уж во всяком случае, раньше), чем их собратья в континентальной Европе.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

[BL] British Library, Add. MS 33503.

[PRO]National Archives, Public Record Office, SP 12/152/54. F.97.

[PNational Archives, Public Record Office, SP 12/188/37. F.118.

[CSP Domestic] Calendar of State Papers, Domestic series, 1547–1625 / Ed. by R. Lemon, M.A.E. Green. 12 vols. L., 1856–1872.

[CRS. Vol. 5] Unpublished documents relating to the English Martyrs I, 1584–1603 / Ed. by J.H. Pollen SJ // Catholic Record Society (далее – CRS). Vol. 5. L., 1908.

[CRS. Vol. 10] Douay College Diaries: Third Diary, 1598–1637. Ed. by Canon E.H. Burton and T.L. Williams // CRS. Vol. 10. L., 1911.

[CRS. Vol. 54] The Responsa Scholarum. Part I // CRS. Vol. 54. 1962.

[CRS. Vol. 74] *McCoog T.* English and Welsh Jesuits // CRS. Vol. 74. 1994.

[CRS. Vol. 73] St Gregory's College, Seville, 1592–1767 // CRS. Vol. 73. 1992.

Challoner R. Memoirs of Missionary Priests and Other Catholics of both sexes who suffered Death or Imprisonment in England on Account of their Religion, 1577–1685. Manchester, 1741.

Foley H. The Records of the English Province of the Society of Jesus. 8 Vols. L., 1870–1879.

Historical Manuscripts Commission. Manuscripts of the Marquess of Downshire. Vol. IV. L., 1927.

The Letters of John Chamberlain. 2 Vols / Ed. by N.E. McClure. Philadelphia, 1939.

[Loseley MSS] Loseley Manuscripts. Historical Manuscript Commission, 7th Report, L., 1879.

Newsletters from the Archprebysterate of George Birkhead / Ed. by M.C. Questier // Camden Society Publications. 5th Series, Vol. 12. Cambridge, 1998.

Papers Relating to the Personal History of Richard Smith, Bishop of Chalcedon // Camden Miscellany. Vol. II. L., 1853.

[Salisbury MSS] Calendars of the Manuscripts of the Most Honourable the Marguess of Salisbury. Historical Manuscripts Commission / Ed. by M.S. Guiseppi et al. 24 Vols. L., 1888–1976.

Smith R. Life of the Most Honourable and Virtuous Lady Magdalen Viscountesse Montague. St Omer, 1627.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ И БАЗЫ ДАННЫХ

Anstruther G. The seminary priests: a dictionary of the secular clergy of England and Wales, 1558-1850. 4 Vols. Ware and Great Wakering, 1968–1977.

Gillow J. Biographical and Biobibliographical Dictionary of English Catholics. L., 1885. Dictionary of National Biography. Vol.60. L., 1899.

Peile J. Biographical register of Christ's College, 1505–1905. Cambridge, 2010.

[ODNB online] Oxford Dictionary of national Biography online (<http://www.oxforddnb.com/>)

ЛИТЕРАТУРА

- Серегина А.Ю.* Введение // Р. Парсонс. Рассуждение о наследовании английского престола / Введение, перевод, комм. А.Ю. Серегинной. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013.
- Серегина А.Ю.* Английские католики и светский церковный патронат // Средние века. Вып. 74 (1-2). М., 2013[а]. С. 104-123
- Серегина А.Ю.* Верность королеве и долг католика: крещение Мэри Браун (1594 г.). Приложение // Средние века. Вып. 68 (2). М., 2007. С. 5-32.
- Серегина А.Ю.* Виконты Монтегю: семейная история в контексте конфессионального конфликта // Средние века. Вып. 71 (1-2). М., 2010. С. 223-241.
- Серегина А.Ю.* Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII в. СПб.: Алетейя, 2006.
- Серегина А.Ю.* Книги и чтение в религиозной культуре английских католиков // Идеи и люди. Интеллектуальная культура Европы в Новое время / под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2014. С. 97-150.
- Allison A.F.* A Question of Jurisdiction: Richard Smith, Bishop of Chalcedon and the Catholic Laity, 1625–1631 // *Recusant History*. Vol. 16. 1982. P. 111-145.
- Allison A.F.* The Later Life and Writings of Joseph Creswell, S.J. (1556–1623) // *Recusant History*. Vol. 15. 1979. P. 79-144
- D'Addario A.* *Aspetti della Controriforma a Firenze*. Roma, 1972.
- Delvin C.* *The Life of Robert Southwell*. L., 1956.
- Dolman F.T.* *The Priory of St. Mary Overie, Southwark*. L., 1881.
- Dowling M.* *The Fisher of Men: A Life of John Fisher, 1469–1535*. Basingstoke, 1999.
- Edwards F., S.J.* *Robert Persons: A Biography of an Elizabethan Jesuit*. St Louis, 1995.
- Houlston V.* *Catholic Resistance in Elizabethan England: Robert Persons's Jesuit Polemic, 1580–1610*. Aldershot, 2007.
- Humanism, Reform and the Reformation: the Career of Bishop John Fisher* / Ed. by B. Bradshaw, E. Duffy. Cambridge, 1989.
- Kenny A.* *Reform and Reaction in Elizabethan Balliol* // *Balliol Studies* / Ed. by J. Prest. Oxford, 1982.
- McCann T.J.* *Catholic Schoolmasters in Sussex, 1558–1603* // *Recusant History*. Vol. 12. 1973–1974.
- McCann T.J.* *The Clergy and the Elizabethan Settlement in the Diocese of Chichester at the Accession of Elizabeth I* // *Studies in Sussex Church History* / Ed. by M.J. Kitch. L., 1981. P. 116-123.
- Mullett M.A.* *The Catholic Reformation*. L., 1999.
- Mullett M.A.* "So They Become Contemptible": Clergy and Laity in a Mission Territory // *Catholic Communities in Protestant States*. Manchester, 2009. P. 33-47.
- Nubola C.* *Conoscere per governare. La diocesi di Trento nella visita pastorale di Ludovico Madruzzo, 1579–1581*. Bologna, 1993.
- Parish J.* *Robert Parsons and the English Counter Reformation*. Houston, 1966.
- Po-Chia Hsia R.* *The World of Catholic Renewal*. L., 1998.
- Questier M.C.* *Catholicism and Community in Early Modern England: Politics, Aristocratic patronage and Religion, c. 1550–1640*. Cambridge, 2006.
- The Reckoned Expense: Edmund Campion and the Early English Jesuits* / Ed. by T. McCoog. Campion Hall, Oxford, 1996.

Redworth G. In Defence of the Church Catholic: the Life of Stephen Gardiner. Oxford, 1990.

Rex R. The Theology of John Fisher. Cambridge, 1991.

Walsham A. Miracles and the Counter Reformation Mission to England // *Historical Journal*. Vol. 46. 2003. P. 779-815.

Walsham A. Beads, Books and Bare Ruined Choirs: Transmutations of Catholic Ritual Life in Protestant England // *Catholic Communities in Protestant States*. Manchester, 2009. P. 103-122.

BIBLIOGRAFIJA

ИСТОЧНИКИ

[BL] British Library, Add. MS 33503.

[PRO]National Archives, Public Record Office, SP 12/152/54. F.97.

[PNational Archives, Public Record Office, SP 12/188/37. F.118.

[CSP Domestic] Calendar of State Papers, Domestic series, 1547–1625 / Ed. by R. Lemon, M.A.E. Green. 12 vols. L., 1856–1872.

[CRS. Vol. 5] Unpublished documents relating to the English Martyrs I, 1584–1603 / Ed. by J.H. Pollen SJ // *Catholic Record Society* (далее – CRS). Vol. 5. L., 1908.

[CRS. Vol. 10] Douay College Diaries: Third Diary, 1598–1637. Ed. by Canon E.H. Burton and T.L. Williams // CRS. Vol. 10. L., 1911.

[CRS. Vol.54] The Responsa Scholarum. Part I // CRS. Vol. 54. 1962.

[CRS. Vol.74] *McCoog T.* English and Welsh Jesuits // CRS. Vol. 74. 1994.

[CRS. Vol.73] St Gregory's College, Seville, 1592–1767 // CRS. Vol. 73. 1992.

Challoner R. Memoirs of Missionary Priests and Other Catholics of both sexes who suffered Death or Imprisonment in England on Account of their Religion, 1577–1685. Manchester, 1741.

Foley H. The Records of the English Province of the Society of Jesus. 8 Vols. L., 1870–1879.

Historical Manuscripts Commission. Manuscripts of the Marquess of Downshire. Vol. IV. L., 1927.

The Letters of John Chamberlain. 2 Vols / Ed. by N.E. McClure. Philadelphia, 1939.

[Loseley MSS] Loseley Manuscripts. Historical Manuscript Commission, 7th Report, L., 1879.

Newsletters from the Archprebysterate of George Birkhead / Ed. by M.C. Questier // Camden Society Publications. 5th Series, Vol. 12. Cambridge, 1998.

Papers Relating to the Personal History of Richard Smith, Bishop of Chalcedon // *Camden Miscellany*. Vol. II. L., 1853.

[Salisbury MSS] Calendars of the Manuscripts of the Most Honourable the Marguess of Salisbury. Historical Manuscripts Commission / Ed. by M.S. Guiseppi et al. 24 Vols. L., 1888–1976.

Smith R. Life of the Most Honourable and Virtuous Lady Magdalen Viscountesse Montague. St Omer, 1627.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ И БАЗЫ ДАННЫХ

Anstruther G. The seminary priests: a dictionary of the secular clergy of England and Wales, 1558–1850. 4 Vols. Ware and Great Wakering, 1968–1977.

Gillow J. Biographical and Biobibliographical Dictionary of English Catholics. L., 1885. Dictionary of National Biography. Vol. 60. L., 1899.

Peile J. Biographical register of Christ's College, 1505–1905. Cambridge, 2010.
[ODNB online] Oxford Dictionary of national Biography online
<http://www.oxforddnb.com/>

LITERATURA

- Seregina A.Ju. Vvedenie // R. Parsons. Rassuzhdenie o nasledovanii anglijskogo prestola / Vvedenie, perevod, komm. A.Ju. Sereginoj. M.: Russkij Fond Sodej-stvija Obrazovaniju i Nauke, 2013.
- Seregina A.Ju. Anglijskie katoliki i svetskij cerkovnyj patronat // Srednie veka. Vyp. 74 (1-2). M., 2013[a]. S. 104-123.
- Seregina A.Ju. Vernost' koroleve i dolg katolika: kreshhenie Mjeri Braun (1594 g.). Prilozhenie // Srednie veka. Vyp. 68 (2). M., 2007. S. 5-32.
- Seregina A.Ju. Vikonty Montegju: semejnaja istorija v kontekste konfessional'no-go konflikta // Srednie veka. Vyp. 71 (1-2). M., 2010. S. 223-241.
- Seregina A.Ju. Politicheskaja mysl' anglijskih katolikov vtoroj poloviny XVI – nachala XVII v. SPb.: Aleteja, 2006.
- Seregina A.Ju. Knigi i chtenie v religioznoj kul'ture anglijskih katolikov // Idei i ljudi. Intellektual'naja kul'tura Evropy v Novoe vremja / pod red. L.P. Repinoj. M.: Akvilon, 2014. S. 97-150.
- Allison A.F.* A Question of Jurisdiction: Richard Smith, Bishop of Chalcedon and the Catholic Laity, 1625–1631 // *Recusant History*. Vol. 16. 1982. P. 111-145.
- Allison A.F.* The Later Life and Writings of Joseph Creswell, S.J. (1556–1623) // *Recusant History*. Vol. 15. 1979. P. 79-144
- D'Addario A.* Aspetti della Controriforma a Firenze. Roma, 1972.
- Delvin C.* The Life of Robert Southwell. L., 1956.
- Dolman F.T.* The Priory of St. Mary Overie, Southwark. L., 1881.
- Dowling M.* The Fisher of Men: A Life of John Fisher, 1469–1535. Basingstoke, 1999.
- Edwards F., S.J.* Robert Persons: A Biography of an Elizabethan Jesuit. St Louis, 1995.
- Houlston V.* Catholic Resistance in Elizabethan England: Robert Persons's Jesuit Polemic, 1580–1610. Aldershot, 2007.
- Humanism, Reform and the Reformation: the Career of Bishop John Fisher / Ed. by B. Bradshaw, E. Duffy. Cambridge, 1989.
- Kenny A.* Reform and Reaction in Elizabethan Balliol // *Balliol Studies* / Ed. by J. Prest. Oxford, 1982.
- McCann T.J.* Catholic Schoolmasters in Sussex, 1558–1603 // *Recusant History*. Vol.12. 1973–1974.
- McCann T.J.* The Clergy and the Elizabethan Settlement in the Diocese of Chichester at the Accession of Elizabeth I // *Studies in Sussex Church History* / Ed. by M.J. Kitch. L., 1981. P. 116-123.
- Mullett M.A.* The Catholic Reformation. L., 1999.
- Mullett M.A.* "So They Become Contemptible": Clergy and Laity in a Mission Territory // *Catholic Communities in Protestant States*. Manchester, 2009. P. 33-47.
- Nubola C.* Conoscere per governare. La diocesi di Trento nella visita pastorale di Ludovico Madruzzo, 1579–1581. Bologna, 1993.
- Parish J.* Robert Parsons and the English Counter Reformation. Houston, 1966.
- Po-Chia Hsia R.* The World of Catholic Renewal. L., 1998.
- Questier M.C.* Catholicism and Community in Early Modern England: Politics, Aristocratic patronage and Religion, c. 1550–1640. Cambridge, 2006.

The Reckoned Expense: Edmund Campion and the Early English Jesuits / Ed. by T. McCoog. Campion Hall, Oxford, 1996.

Redworth G. In Defence of the Church Catholic: the Life of Stephen Gardiner. Oxford, 1990.

Rex R. The Theology of John Fisher. Cambridge, 1991.

Walsham A. Miracles and the Counter Reformation Mission to England // Historical Journal. Vol. 46. 2003. P. 779-815

Walsham A. Beads, Books and Bare Ruined Choirs: Transmutations of Catholic Ritual Life in Protestant England // Catholic Communities in Protestant States. Manchester, 2009. P. 103-122.

Серегина Анна Юрьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; aseregina73@yandex.ru

Education and pastoral work of priests within the English Catholic community, 16-17th cc.: the clergy in the entourage of the Viscounts of Montague.

The article presents a prosopographical analysis of Catholic chaplains in the entourage of the Viscounts of Montague in the second half of the 16th – early 17th cc. The author also looks at their level of education and professional training and into their relationship with lay Catholics. It has been demonstrated that the chaplains chosen by the Viscounts of Montague and their relatives were well-educated, either a University, or a seminary graduates, and preached often. The position of Catholic clergy strengthened by the early 17th c., although clerics remained dependent on their patrons financially. The presence of clerics within Catholic households, close to their flock offered them a unique opportunity to influence laity, and often to define their religious practices, behaviour and political actions. Even in the absence of ‘normal’ parochial structure, in the context of missionary church, the idea emerged of a priest as a pastor and instructor, in accordance with the views of church reformers on the role and image of clergy. In this respect Catholic missionaries in England were more successful than priests in continental Europe.

Keywords: 16-17th cc. England, Catholic reform, Catholic clergy, religious education, church patronage, preaching, missionary church, religious practices

Seregina Anna, Dr.Sc. (History), Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; aseregina73@yandex.ru

В. А. ФИЛИМОНОВ

Н. И. КАРЕЕВ и М. С. КОРЕЛИН КОММУНИКАЦИЯ В РАМКАХ ГРЕКО-РИМСКОГО ДИСКУРСА

«Антропологический поворот» и персонализация предмета истории как знаковые тенденции последних десятилетий, вызвали к жизни жанр интеллектуальной биографии, понимаемой научным сообществом как «синтез биографического, текстурального и социокультурного анализа». Такой интегральный подход делает целесобразным развернутое исследование среды, в которой формируется и развивается мировоззрение, а также протекает научная деятельность объекта исследования. Предпринятый в настоящей статье анализ взаимоотношений выдающихся российских историков Н.И. Кареева и М.С. Корелина расширяет представления о вкладе обоих ученых в развитие отечественного антиковедения. Многообразие выявленных коммуникативных практик позволяет воспроизвести социокультурный контекст генезиса, трансмиссии, диффузии и бытования идей.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, М.С. Корелин, научная коммуникация, русская историография античности.

«Антропологический поворот» и персонализация предмета истории как знаковые тенденции последних десятилетий, вызвали к жизни жанр интеллектуальной биографии, понимаемой научным сообществом как «синтез биографического, текстурального и социокультурного анализа»¹. Последний пункт указанной триады предполагает, в том числе, и анализ среды, в рамках которой формируется и развивается мировоззрение, а также протекает научная деятельность объекта исследования². Немаловажную роль играет при этом выявление и фиксация коммуникативного пространства, составными элементами которого являются совокупность субъектов взаимоотношений, коммуникативные практики, ситуация (или ситуации), которую стремятся осмыслить и понять коммуниканты, мотивы и цели, а также результаты коммуникации.

Коммуникативное пространство историков Николая Ивановича Кареева (1850–1931) и Михаила Сергеевича Корелина (1855–1899)³ представляется поистине необозримым как по субъектам, так и по типам связей. При этом линия взаимоотношений этих учеников В.И. Герье

---

¹ Ретина. 2011. С. 313. См. также: Идеи и люди... 2014; Слава и забвение... 2014; В тени великих... 2010.

² См.: Ретина, Мягков. 2014.

³ Из современных работ о нем см.: Сафронов. 1984; Шкуринова. 1986. Скворцова. 1993; Мягков. 2000; Тихомирова О.В. 2004.

не стала предметом специального изучения и нашей скромной задачей является реконструкция некоторых звеньев этой линии, так или иначе связанных с разработкой проблем греко-римской истории.

Известно, что на протяжении долгих лет историки были связаны узами крепкой дружбы. Вспоминая об этом, Кареев писал: «с Корелиным у меня завязалась тесная дружба, не прекращавшаяся до самой его преждевременной смерти»⁴. В другом месте он уточнял время начала коммуникации: «Когда мы виделись в последний раз, всего за полтора месяца до его кончины, мы вспомнили, между прочим, что на предстоявших святках с девяносто восьмого на девяносто девятый год должно было исполниться двадцать пять лет со времени нашей первой встречи, – “наш юбилей”, как мы шутя говорили. <...> С зимы 1873–74 гг. я стал часто видаться с гимназистом Корелиным»⁵. В сохранившихся воспоминаниях вдовы московского историка Н.П. Корелиной⁶ указаны некоторые подробности общения Н.И. Кареева и М.С. Корелина: «Первое знакомство мое с Н.И. произошло весной 1876 г. Обыкновенно с начала мая, как только устанавливалась хорошая погода, фешенебельное общество Москвы начинало свои прогулки по Пречистенскому бульвару. В один из таких вечеров товарищ моих братьев Михаил Сергеевич Корелин (впоследствии мой муж) подвел ко мне своего приятеля Н.И. Кареева, в то время учителя 3-й гимназии. <...> На этих же прогулках с Н.И. и М.С. происходили бесконечные, горячие споры о категорическом императиве. Эти споры продолжались летом в письмах, которые представляли из себя целые тетрадки»⁷.

Как историк М.С. Корелин известен, прежде всего, своими исследованиями по эпохе Возрождения, однако в его интеллектуальной биографии присутствует значительная антиковедческая составляющая, оставшаяся вне сферы интересов отечественных исследователей⁸. В свя-

---

⁴ Кареев. 1990. С. 136. Ср.: «Еще будучи гимназистом, Корелин познакомился с человеком, который не прочь был именоваться его учителем, но на самом деле стал старшим другом, самым внимательным и снисходительным критиком его сочинений и остался верен памяти Михаила Сергеевича до конца своих дней. Это Николай Иванович Кареев, утверждавший, что о значении Ренессанса Корелин, ученик 8-го класса, узнал из его статьи "Что такое Возрождение?"» (Скворцова 2006. [Электронный ресурс]). На самом деле упомянутая в тексте статья Кареева называется по-другому: См.: Кареев. 1875.

⁵ Кареев. 1900б. С. 101.

⁶ См.: Корелина. 1931. Оpubл.: Корелина. 2008.

⁷ Корелина. 2008. С. 427.

⁸ Так, Корелину (в отличие от Кареева) не нашлось места ни в «Русской науке об античности» Э.Д. Фролова, ни в «Историографии античной истории»

зи с этим своевременным представляется составить краткую справку деятельности историка на этом поприще, соединив ее с анализом взаимоотношений с Н.И. Кареевым.

В 1876 г. после окончания 1-й московской гимназии Корелин поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Несмотря на то, что курс, с которым учился будущий историк, был «самый многочисленный и выдающийся по составу в те годы», В.И. Герье отмечает, что «среди товарищей Корелин с первого же года обратил на себя внимание своих преподавателей»⁹. Выбрав в качестве научного поприща историю Корелин понимал задачи этой науки очень широко «и был во всяком случае далек от того, чтобы замыкать ее *теоретически* в какие-либо узкие рамки, но *лично* он более интересовался не политикой, правом или экономией, а религиозными верованиями и моральными мирозерцаниями, литературой и искусством, как свидетельствуют об этом и напечатанные им труды и читанные курсы»¹⁰. На III и IV курсах будущий профессор занимался в семинарии В.И. Герье, тогда же он прослушал единственный московский университетский курс Н.И. Кареева по истории XIX века¹¹. Во время учебы Корелин был непременно участником домашнего семинара Герье, «в работе которого (семинара – В.Ф.) принимали участие как корифеи университетской науки (например, В.О. Ключевский), так и старшие ученики Герье (например, Н.И. Кареев)»¹².

По окончании Московского университета в 1880 г. Корелин был рекомендован своим научным руководителем В.И. Герье к оставлению для приготовления к профессорскому званию¹³. Параллельно с подготовкой к магистерскому экзамену он преподавал историю искусств в высших классах Московской консерватории и всеобщую историю в

В.И. Кузицина. Краткий анализ его трудов по древней (восточной и античной) истории см.: *Мягков*. 2000. С. 140-141.

⁹ Герье. 1900б. С. 468.

¹⁰ Кареев. 1900б. С. 102.

¹¹ «Слушателей у меня было довольно много, – вспоминал Кареев, – в их числе мой приятель Корелин, тогда еще студент...» (*Кареев*. 1990. С. 141.). В другом месте Кареев отмечал: «Первый год его студенчества был первым годом моего преподавания с университетской кафедры, и это еще более нас сблизило» (*Кареев*. 1900б. С. 102).

¹² Письма М.С. Корелина В.И. Герье. 2005. С. 299.

¹³ О взаимоотношениях учителя и ученика элегантно высказался Н.И. Кареев: «Корелина я бы назвал *enfant chéri* Герье, с самого начала при своем счастливом характере сошедшимся с учителем и оставшимся в самых дружеских отношениях к нему до самой своей ранней смерти» (*Кареев*. 1922. С. 161).

гимназических классах Лазаревского института и на Высших Женских Курсах, где, по словам курсистки Софьи Тимоновой (урожд. Коссовской) отличался «огромной эрудицией и несомненной талантливостью»¹⁴. На Курсах в 1881/82 и в 1884/85 ак. г. Корелин читал историю древнего Востока (в осенних семестрах) и Греции (в весенних). По словам Герье, составление полноценного курса по истории Греции представляло для Корелина известную трудность, «так как он такого курса в университете не слушал и должен был выработать для него собственную программу»¹⁵. Корелин в письме к Герье от 27 июля 1881 г. указывал на трудности, возникшие в связи с подготовкой этого курса: «Наиболее времени отнимает у меня, конечно, Греция вообще и курсовая программа, мне никак не удалось построить курс, который по единству и систематичности изложения напоминает Ваш курс о переходе Римской республики в империю...»¹⁶.

Подобные мысли высказывал Корелин и в письме Карееву (который, напомним, тоже в это время был озабочен разработкой курса по греко-римской истории в Варшавском университете) от 9 мая 1881 г.: «Строго говоря, всемирно-историческое значение имеет в греческой истории только ее культурная сторона. Политические и социальные условия погибли вместе с нацией, но разве можно игнорировать их при изложении? Ход цивилизации отдельного народа поучителен не только вследствие так сказать исторического переселения душ; выясняя классические основы нашей цивилизации, мы содействуем только пониманию современности, как законченного процесса; но кроме этого, может быть речь об общих законах развития человеческих обществ и в этом смысле греческая, как и всякая другая цивилизация, заслуживает полного самостоятельного изучения *an und für sich*. Если бы пришлось писать книгу, можно было бы соединить обе цели сочинения; но в курсе две задачи – полнота и стройность, которые по-видимому таже совместимы, как свобода и равенство. Компромисса я до сих пор не нашел; потому что в греческой жизни слишком много разнообразия и слишком трудно найти основную идею, окрашивающую весь строй цивилизации. К каким выводам пришли Вы по этому вопросу?»¹⁷ 13 мая 1881 г. Кареев, сетуя на болезнь, пишет Корелину из Варшавы: «... по греческой

---

¹⁴ Тимонова. 1997. С. 137-138.

¹⁵ Герье. 1900б. С. 475.

¹⁶ Письма М.С. Корелина В.И. Герье. С. 300.

¹⁷ Письмо М.С. Корелина Н.И. Карееву от 9 мая 1881 г. // НИОР РГБ. Ф. 119. К. 16. Ед. хр. 40. Л. 11 об.-12.

истории я ничего не успеваю сделать»¹⁸, а 20 июня того же года просит: «Не вышлите ли Вы мне программы Вашего курса? Я теперь сильно работаю над курсом и уже почти оканчиваю введение, рассчитанное на 10 лекций. Потом приступлю к составлению программы...»¹⁹.

Оценивая этот курс Корелина, Герье отмечал умение автора «вносить в фактическое изложение философско-исторические объяснения и общеобразовательный элемент – напр., замечания о влиянии физических условий, о значении личности, об идеях и верованиях в истории, о значении города, о восточном влиянии на Грецию и т. п.»²⁰. Во введении к лекциям Корелин выясняет физические и этнографические условия, под влиянием которых сложилась греческая национальность; семь лекций посвящены истории Востока для выяснения его влияния на Грецию; затем подробно рассматривается политический, общественный и религиозный строй архаического периода. Далее Корелин повествует о развитии государственности в Греции, рассматривает постепенную эволюцию политических учреждений в Спарте, изменение государственных форм в Афинах, борьбу аристократии и демократии и оканчивает этот раздел Пелопонесской войной. Следующий отдел – упадок греческих учреждений Корелин делит на три части: упадок язычества, кризис греческих учреждений и потеря национальной независимости, включая подробное изучение македонской монархии, и завершает курс изложением эпохи эллинизма²¹.

Сдав в 1885 г. магистерский экзамен, Корелин был командирован для научных занятий за границу, где пробыл два года (1885–1887). Зарубежная командировка прервала его работу на Женских Курсах, а в его отсутствие прием туда новых слушательниц был прекращен. Вернувшись в Москву, Корелин, должен был компенсировать недостаток средств и поэтому был вынужден взять на себя преподавание истории в частной гимназии г-жи Перепелкиной и во Второй Женской гимназии²². Подробности его работы в последней передал М.К. Любавский, бегло упоминая и о занятиях греко-римской историей: «В отделе древней истории, по свидетельству учениц, Корелин преимущественное внимание обращал на успехи восточной культуры и греческое искусство»²³

¹⁸ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Ед. хр. 3. Ч. 2. Л. 137.

¹⁹ Там же. Л. 136.

²⁰ Герье. 1900б. С. 475.

²¹ См.: Корелин. 1899а.

²² Герье. 1900б. С. 477.

²³ Любавский. 1899. С. 129.

После прочтения в марте 1888 г. пробной лекции²⁴ Корелин был допущен историко-филологическим факультетом к преподаванию в Московском университете. Поводом для такого приглашения послужил отказ А.Н. Шварц от лекций по истории искусства, и именно этот предмет был временно поручен магистранту Корелину. Судя по сохранившейся литографии лекций (отметим, что впервые подобное издание было снабжено иллюстрациями), молодого приват-доцента в первую очередь интересовали общие, концептуальные вопросы. Он считал, что в искусстве отражается духовное состояние общества, и рассматривал искусство как важнейший исторический источник. Корелину важно было выяснить степень восточного влияния на Грецию, а также ответить на вопрос: «где мы должны искать колыбель нашей культуры и входят ли восточные нации в семью всемирно-исторических народов?»²⁵. Рассуждая, например, о дорической колонне, о дорическом храме, он всячески отстаивал мнение тех ученых, которые считали такую колонну «продуктом национального духа... эллинского народа», такой храм «национальным памятником эллинского духа, на который дорийцы наложили резкую печать своего племенного характера»²⁶. Корелину важно, к примеру, что «дорийцы выработали только зачатки греческого искусства... Военный лагерь, где беспощадно подавлялось всякое личное чувство гражданина, представлял собою слишком неблагоприятную среду для художественного развития, и задача усовершенствования эллинского искусства выпала на долю иониян»²⁷ и т. д. К сожалению, историку не пришлось в полной мере воспользоваться этим трудом. Кафедру истории искусства занял возвратившийся из заграничной командировки проф.И.В. Цветаев и со следующего года Корелин был избран факультетом на место третьего преподавателя (после Герье и Виноградова) на кафедру всеобщей истории.

С 1886 г. (когда был прекращен прием на курсы Герье) в Политехническом музее началось чтение «общедоступных лекций» для женщин, организованное систематически по десяти отдельным циклам (по десять

---

²⁴ См.: *Корелин*. 1889. Ю.М. Каган указывает, что пробная лекция Корелина называлась «Значение религиозного элемента в истории Греции». (См.: *Каган*. 1987. С. 88).

²⁵ *Корелин*. 1899б. С. 86.

²⁶ Там же. С. 184, 191. Ср.: «Афинский Парфенон, кроме аттического духа Перикловой эпохи, отражает на себе и общеэллинский дух, одинаково свойственный и утонченным афинянам, и какому-нибудь полудикому эпироту» (*Корелин*. 1889. С. 69).

²⁷ *Корелин*. 1899б. С. 206, 207.

лекций в каждом). В основном лекции читали те же профессора, что работали перед тем на курсах и проходили они в тех же помещениях. Курс «Культурный кризис в Римской империи», прочитанный Корелиным в 1891/92 ак. г., был напечатан сначала в «Русской мысли»²⁸, а затем дважды переиздавался отдельной книгой, с изменением заглавия²⁹. Остановимся на этом главном антиковедческом труде Корелина чуть подробнее. Замысел такого исследования родился у историка еще в пору поиска темы для диссертационного исследования. В письме к Герье от 25 ноября 1882 г. он, перебирая возможные варианты, указывал, что «думал изучить отношение христианства к античной культуре»³⁰.

В философско-историческом введении автор формулирует главную задачу книги: «показать бессилие языческой реформы и выяснить причины победы новой религии, поскольку они заключались в психологических условиях эпохи»³¹. На эту особенность труда М.С. Корелина обратил внимание П.А. Конский: «В страшной схватке одряхлевшего язычества и христианства, Корелина интересуют не социальные, политические и экономические причины торжества христианства, а психологические условия эпохи»³². Спустя многие годы, сходную оценку дает В.П. Бузескул: «Социальные, политические и экономические причины остаются и здесь вне задачи, так как по мнению Корелина, они действовали лишь косвенно, и новая религия принималась не из-за материальных побуждений»³³.

В первой главе Корелин выявляет отличительные черты римской национальной религии (символизм в представлениях о богах, формализм в культе, и неразрывная связь с государственным строем и политической жизнью) и причины ее упадка в конце республики, объясняя религиозный кризис с одной стороны тем, что «религиозное чувство и сознание переросли мифологию и культ»³⁴, а с другой – тем, что художественная мифология греков и таинственные мистические культы Востока, проникнув в среду римского общества, подорвали традиционный культ. Политические смуты, считает автор, только усилили этот про-

---

²⁸ Корелин. 1892а.

²⁹ Корелин. 1895а; Корелин. 1901б. В 2005 г. петербургское издательство «Коло» осуществило переиздание книги в серии «Александрйская библиотека» (Корелин. 2005).

³⁰ Письма М.С. Корелина В.И. Герье. С. 318.

³¹ Корелин. 1901б. С. 6.

³² Конский. 1899. С. 118.

³³ Бузескул. 1931. С. 45.

³⁴ Корелин. 1901б. С. 17.

цесс, а установившаяся императорская власть, отобрав у граждан возможность заниматься общественными делами, еще более сосредоточила их интересы на религиозных и философских вопросах.

Вторая глава посвящена попытке Августа восстановить римскую национальную религию и старинные нравственные начала. Его неудачу Корелин объясняет тем, что римляне уже не находили в старом культе ни руководящих нравственных начал, ни успокоения относительно загробной жизни. Они стали искать этого в таинственных и аскетических религиях Востока, следствием чего стал религиозный синкретизм. Однако римляне хотели поклоняться «единому богу, который любил бы человека, но был бы бесконечно выше его, который стоял бы по своим свойствам недостижимо высоко, но был бы доступен в таинственном сближении путем веры и молитвы»³⁵. Этому идеалу не соответствовали ни старые языческие боги, ни распространившиеся в это время восточные культы Изиды и Митры.

В третьей главе М.С. Корелин разбирает проявления неудовлетворенности старой религией: простой римлянин желал лично совершенствоваться, борясь со страстями, а языческие культы напротив способствовали их разнудыванию. Живым отображением такого настроения умов является у Корелина характеристика императора Адриана, биография которого «показывает, что одряхлевшее язычество не давало своим адептам необходимых условий ни для счастливой жизни, ни для спокойной смерти»³⁶.

Отдельным морально-философским движениям – стоицизму, эпикурейству, неоплатонизму и неопифагореизму, представляющим собой попытки возродить старое язычество – частью путем рационалистической очистки традиционных представлений, частью при помощи внесения в них новых этических элементов, Корелин посвящает пять следующих глав. Историк рассматривает влияние стоицизма на язычество и затем сопоставляет его с христианством. Сравнение не в пользу стоицизма, даже по отношению к его лучшим этическим идеалам: «какой смысл, – спрашивает автор, – имело стоическое учение о братстве людей, когда запрещалось любить ближнего, т. е. страдать его горем, радоваться его радостям? Братство без любви – *contraditio in adjecto*, абсурд, фраза без смысла»³⁷. В связи с этим Корелин предьявляет другой упрек стоицизму: по этому учению, надо содействовать

---

³⁵ Там же. С. 35.

³⁶ Там же. С. 52.

³⁷ Там же. С. 72.

людскому счастью не потому, что это благо для людей (стоики не считали счастье за благо) а потому, что этого требует личное совершенство. На первом плане в этике стоицизма «сам мудрец, а не его ближний»³⁸. И другой этический принцип стоицизма, общий ему с христианством – борьба с человеческой природой и страстями историк также подвергает критике. Он находит, что в этом отношении «стоицизм оказывал плохую услугу личности и обществу, и в том случае, когда одерживал победу и в том, когда терпел поражение»³⁹. Победа вела к высокомерию, поражение к лицемерию, особенно характерному у циников, представлявших, по мнению Корелина, большую аналогию с монашеством в эпоху его упадка. Однако в отличие от стоицизма, монашество не только обещало загробное блаженство, но и давало счастье в этом мире. Иллюстрацией этой мысли служит в пятой главе характеристика императора Марка Аврелия, «настоящего праведника умиравшего язычества, которому стоицизм отравил жизнь, но не дал душевного равновесия»⁴⁰.

Еще легче было автору доказать несостоятельность эпикуреизма (представителем которого выбран Лукиан Самосатский) в деле нравственной реформы. Таким отрицателям, заключает Корелин характеристику этого эпикурейца, «нечего проповедовать; их историческая заслуга заключается только в отрицании отжившего: общественными вождями они быть не могут потому, что общество не может жить одним отрицанием»⁴¹.

Рассмотрев учение различных неоплатоников (Плотина, Порфирия и Ямблиха), Корелин приходит к выводу, что эта школа и своей исходной точкой – необходимостью откровения, и своей конечной целью – «сблизить несовершенного человека с совершенным богом»⁴², казалась надежным основанием религиозной реформы и совпадала с христианством, но заменить новую религию была бессильна. Стоило неоплатоникам приступить к религиозной реформе, их доктрина вошла в противоречие с духовными потребностями современного ему общества.

Неопифагорейство в своем практическом направлении было, по словам Корелина, последним словом язычества в сфере моральной

---

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 73

⁴⁰ Там же. С. 86.

⁴¹ Там же. С. 103.

⁴² Там же. С. 118.

проповеди. Ее типом выставлен идеальный образ Аполлония Тианского, как он представлен в книге Филострата. «Мораль тианского мудреца выгодно отличалась от стоической и эпикурейской и неоплатонической; она чужда эгоистической окраски и от нее веет евангельским духом»⁴³. Последний и наивысший моральный идеал заимствован язычниками из Нового Завета, что, по мнению историка, показывает «полную неспособность язычества выйти из культурного кризиса без посторонней помощи»⁴⁴.

То, чего не могли дать античному обществу ни религиозная реформа язычества, ни философия, дало ему христианство. «Евангельская мораль, – утверждает историк, – имела прочные психологические основы, потому что опиралась на лучшие стороны человеческой природы и усиливала нравственные стимулы учением о загробном возмездии»⁴⁵. Тем не менее, учение, которое установило на земле мир, было встречено всеобщей враждой. Последние две главы Корелин посвятил объяснению причин этой вражды и ее последствий – гонений на христиан. В ненависти к христианам, поясняет историк, соединились и чернь, и власть, и интеллектуальная элита, но по разным мотивам. «Источником ненависти толпы было, как выражается автор, то суеверное невежество, которое всегда составляет главнейшую причину и ее преступлений и ее страданий»⁴⁶.

Императорская власть преследовала новую религию, руководствуясь, конечно, не народными предрассудками, а политическим расчетом. В основе гонений лежало, по словам историка, крупное недоразумение, ибо христианство было враждебно не государству, как думали гонители, а только старым языческим культам; но для римских политиков государство и религия казались «связанными неразрывно, даже сливались в одно нераздельное целое» и «торжество христианства должно повлечь за собой полное падение той религии, которую они считали основой государства»⁴⁷.

Что касается предрассудков образованной части общества по отношению к христианам, то они, утверждает Корелин, были обусловлены ее страхом за судьбу своей высокой культуры. Постепенное изменение враждебного отношения вождей христианского движения к

---

⁴³ Там же. С. 128.

⁴⁴ Там же. С. 137.

⁴⁵ Там же. С. 139.

⁴⁶ Там же. С. 140.

⁴⁷ Там же. С. 142, 143.

античному культурному наследию привело к тому, что в итоге новое учение осветило своим авторитетом все, что было жизненного в язычестве. «Таким образом, – подводит итог своему исследованию ученый, – устранялось последнее и самое важное препятствие для окончательной победы христианства, которое не только вывело язычников из культурного кризиса, но и сохранило от варварского истребления наилучшие результаты их культурной работы»⁴⁸.

В краткой заметке о первом издании этой книги Кареев отмечал: «Содержание этого труда проф. Корелина, рассчитанного на большую публику, – упадок древнеримской религии, новые религиозные движения в язычестве первых веков нашей эры, отношение философии к религиозным верованиям в эту эпоху с попытками реформирования последних, вражда языческого общества к христианству. <...> Книжка написана легко и читается с большим интересом, а потому нельзя не рекомендовать ее всякому, кто желает ознакомиться с историей столь важного культурного кризиса, каким представляется падение античного миросозерцания и торжество христианства. Сознательная борьба между язычеством и новой религией совершалась, как справедливо замечает автор, в культурных классах общества, где трудна была победа христианства над высокой классической культурой, бывшей результатом многовекового развития науки, искусства, философии и литературы. Поэтому г. Корелин и останавливается главным образом на истории этих классов, так как вопрос об успехах христианства среди "труждающихся и обремененных" решается, в общем, гораздо проще»⁴⁹.

В предисловии ко 2-му изданию указанного труда Корелина, вышедшего в рамках коллекции «История Европы по эпохам и странам в средние века и новое время», Кареев писал: «Самую компетентную оценку этого курса, вообще с сочувствием в свое время отмеченного в периодической прессе, дал проф. В.И. Герье»⁵⁰. Т.Н. Скворцова обратила внимание на то, что «в отличие от большинства историографов Герье считал лучшим трудом младшего коллеги не "Ранний итальянский гуманизм", а "Падение античного миросозерцания"»⁵¹.

Здесь следует уточнить: на самом деле В.И. Герье писал, что «курс о падении античного миросозерцания нужно признать образцовым по внешнему плану и построению. Хорошо выбранный материал,

---

⁴⁸ Там же. С. 169.

⁴⁹ Кареев. 1896а С. 19-20.

⁵⁰ Кареев. 1901. С. VI-VII.

⁵¹ Скворцова. 2006

симметрично расположенный в 10 лекциях и уже своим внешним расположением, и логической связью отдельных выводов отлично подготавливает читателя к пониманию и восприятию главной идеи»⁵². В другом месте В.И. Герье говорит о том, что «“Культурный кризис в Римской империи” превосходит “Историю папства” и стройностью построения, и серьезностью вложенной автором мысли – это вообще можно сказать *самое зрелое произведение* (везде курсив наш. – В. Ф.) Корелина»⁵³.

«Падение античного мирозерцания» писалось параллельно с главным трудом Корелина – магистерской диссертацией «Ранний итальянский гуманизм и его историография»⁵⁴. Сама по себе содержащая значительную антиковедческую составляющую, она, по верному замечанию Герье, в немалой степени связана с курсом о культурном кризисе Римской империи: «Он перешел к культуре римской империи от эпохи гуманизма. Идеалами этой эпохи было светское просвещение, возрождение языческой древности и освобождение человека от господства церковной власти; результатом культурного кризиса римской империи было падение античного просвещения и торжество церкви, то есть эти две исторические эпохи были противоположны по духу, целям и результатам. И, несмотря на это Корелин, как истинный историк культуры, сумел каждую из этих эпох понять в ее исторической особенности и оценить по универсальному значению ее результатов. Он понял, что торжество христианства в римской империи было не только необходимым завершением всего исторического процесса, но и благотворным разрешением тогдашнего культурного кризиса»⁵⁵.

На это же обратил внимание и Кареев: «Михаил Сергеевич был историком-психологом. Совершенно так же, как к развитию гуманизма, отнесся он и к распространению христианства в своей книжке «Падение античного мирозерцания»⁵⁶. Большой двухтомный труд, скромно представленный Корелиным в качестве магистерской диссертации, был удостоен прямо докторской степени (первый такой случай

---

⁵² Герье. 1900а. С. 310.

⁵³ Герье. 1900б. С. 499.

⁵⁴ Корелин. 1892в.

⁵⁵ Герье. 1900б. С. 500.

⁵⁶ Кареев. 1900б. С. 108. На связь этих трудов Корелина указывал Б.Г. Софронов: «В основе обеих работ лежит одна и та же идея, одна и та же формула. И в том, и в другом произведениях на первом плане стоят не социальные катаклизмы, а идейный, культурный кризис. Обе работы связаны единством социального замысла». (Софронов. 1984. С. 91).

в истории Московского университета), что позволило занять «место на славной кафедре Грановского»⁵⁷, а Академия Наук присудила ему престижную премию митрополита Макария⁵⁸.

В 1892 г. Корелин осуществил еще один антиковедческий проект – редактирование перевода книги Гастона Буассье «Падение язычества». Эту работу московского профессора В.П. Бузескул прямо связывает с интересом к этой эпохе⁵⁹. По своей тематике книга французского историка перекликается с «Культурным кризисом в Римской империи» и не исключено, что изменение названия последнего на «Падение античного миросозерцания» следует объяснять ее влиянием.

В обширном предисловии, написанном в формате рецензии, Корелин отмечал: «Прежде всего, с первого взгляда поражает несоответствие заглавия книги с ее содержанием. Мы не находим в ней не только истории падения язычества, но и вообще на первом плане исследования новая религия, а не старый культ: из 18 глав сочинения 13 посвящены христианству. Но такое несоответствие обуславливается сущностью дела: в IV веке язычество уже переживало последнюю агонию, не представляющую важного исторического интереса. Падение римской национальной религии началось и прошло все стадии раньше Константина»⁶⁰. Книга, названная Корелиным «весьма желательной для русской публики» подвергнута тщательному разбору, причем редактор перевода попутно излагает и собственное видение эпохи, посредством тезисов, заявленных в «Культурном кризисе...». Не вдаваясь в подробности, которые легко узнать из самого текста предисловия, отметим только одно место: «Французские историки обладают одной особенностью, которая, к сожалению, гораздо реже встречается у исследователей других наций. Отличаясь обширной ученостью, затрагивая часто узкоспециальные вопросы, они умеют так просто и изящно обрабатывать свои темы, что делают свои произведения доступными и интересными не только для специалистов, но и для всякого образованного читателя»⁶¹. Корелин стремился придать своему труду такие же качества, что не ускользнуло от внимания одного из биографов историка: «Ряд увлекательно написанных страниц языческого религиозного движения I и II столетия, пси-

---

⁵⁷ Соловьев. 1913. С. 418. Описание диспута Корелина см.: Беркут. 1892. С. 191-198. Подробный разбор этой работы Корелина см.: Кареев. 1892.

⁵⁸ См.: Кареев. 1896б. С. 97-126.

⁵⁹ См.: Бузескул. 1901. С. 27.

⁶⁰ Корелин. 1892б. С. III.

⁶¹ Там же. С. XX.

хология культов, великолепные портреты Адриана, стоиков, эпикурейцев и неоплатоников делают его небольшую книжку в высшей степени поучительную, а свойственный Корелину изящный, картинный язык придают ей ту особенную прелесть, какою отличаются, например, сочинения Буасье»⁶².

Поводом для еще одной публикации по античной проблематике стало участие Корелина в работе IX Археологического съезда в Вильно в 1893 г. Значимость коммуникативного потенциала этих научных форумов для Корелина подчеркивал Герье: «особенно симпатичны были для его живой природы перемещения съездов по главным русским городам, что давало возможность знакомства с новыми местами и людьми»⁶³. На упомянутом съезде ученый прочитал реферат о первые шаги классической археологии. Отметив важность и значение истории классической археологии, референт охарактеризовал ее направления за первое столетие ее существования, начиная с первой половины XIV в., в связи с господствовавшими тогда общественными течениями.

Главный тезис, который Корелин отстаивал в своем докладе состоял в том, что из отношения к древности в эпоху Возрождения вытек самый ранний взгляд на монументальные памятники античной старины, как на средство патриотического одушевления и политической пропаганды. Представителями этого направления историк называет Петрарку и Кола ди Риенцо, автора самого раннего описания римских достопримечательностей и первого собирателя надписей в новое время. Под влиянием взгляда на науку, как на средство морального воспитания, такое же значение гуманисты начинают приписывать памятникам античной старины. Эти воззрения Корелин обнаруживает прежде всего в трактате Поджио Браччолини «*De varietate fortunae*». С XV в. на почве всеобщего увлечения классической древностью появляются и первые научные труды в этой области. Известный собиратель Чириако де Пицциколи д'Анкона, отметил Корелин, впервые воспользовался монументальными памятниками, как историческим источником, в своей работе о знатных римских фамилиях, а Пьетро Кандидо Дечембрио в неизданной трилогии «*Peregrina historia*» составил первое сочинение по римским государственным древностям («*De muniribus reipublicae*») и сделал попытку поставить в связь науку о классических древностях с другими науками⁶⁴.

---

⁶² Конский. 1899. С. 118.

⁶³ Герье. 1900б. С. 491.

⁶⁴ Корелин. 1895б. С. 116-130.

На кафедре всеобщей истории, куда, напомним, был переведен Корелин в качестве третьего преподавателя, ему пришлось «взять на себя дополнительные предметы на старших или специальных курсах»⁶⁵ исторического отделения. Среди них – курс истории Римской империи, который он читал в 1892–1898 гг. 6 раз, доведя политическую историю до Марка Аврелия включительно⁶⁶. Оценивая его, Герье обращал внимание на то, что Корелин «видел в истории Римской Империи эпоху культурного кризиса, борьбу двух мировоззрений, аналогическую той, которую представляла эпоха гуманизма – только в противоположном направлении. Как там его сочувствие было на стороне гуманизма, так здесь оно было на стороне христианства. Особенно тщательно отделано влияние христианства на семью»⁶⁷.

Корелин не ограничивался в университете чтением лекций, ведя еще и семинарские занятия. «В его живой личности, – пояснял Герье, – коренилось желание сблизиться со студентами, повлиять на их занятия и развитие»⁶⁸. Предметом семинария выбиралась какая-то одна, требующая продолжительного изучения, тема.

Один из участников сохранил воспоминание о семинарии по римской истории: «мы целое полугодие занимались изучением истории принципата императора Тиберия. Момент чрезвычайно любопытный и поучительный. Тогда уже окончательно определилось, что создание принципата или власти императорской не было случайностью, не было произведением личной воли одного лица, а явилось следствием современных общественных условий; эти же особенные условия самым характерным образом отразились на внутреннем воспитании и развитии такой любопытной и в психологическом, и в историческом отношении, можно сказать, трагической личности, как сам император Тиберий. (М.С. прямо говорил, что на эту тему поэтически-талантливый человек мог бы написать прекрасную историко-психологическую драму, в духе Шекспира.) В качестве пособия при изучении, нам указаны были два сочинения о Тиберии: француза Бёле и немца Штара, – сочинения во многих отношениях разнохарактерные, смотрящие на предмет с различных точек зрения. Чтобы разобраться в спорных вопросах, приходи-

---

⁶⁵ Герье. 1900б. С. 478. Герье указывает, что на I и II курсах читались общие курсы всеобщей истории (8 часов неделю), не поясняя при этом, что они были заняты Виноградовым (Греция и средние века) и самим Герье (Рим и новое время).

⁶⁶ См.: Корелин. 1896.

⁶⁷ Герье. 1900б. С. 479.

⁶⁸ Там же. С. 480.

лось обратиться к первоисточникам, без чего собственно и невозможна самостоятельная работа. Насколько позволяло время, в связи с разработкой главной темы, мы проштудировали текст важнейших римских писателей-историков эпохи империи: Тацита, Светония, Веллея Патеркула, Диона Кассия»⁶⁹.

Из всего вышесказанного становится понятным, что привлечение Корелина для работы в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона не выглядит случайным. В процессе формирования команды редактор исторического отдела Кареев исходил не только из личной симпатии, каковая, конечно, имела место, но и из специализации будущих авторов. В «Словаре» Корелин выступил как автор, по меньшей мере, 60 статей (в «Списке сотрудников...» его фамилия фигурирует с 10 по 52 полумом), не только по истории Ренессанса (первая публикация «Валла, Лоренцо» в 9-м полумоме – именно с него начал Кареев подбор авторов и редактирование статей по истории), но и по той части античной истории, где он был особенно сведущ. Мы насчитали 12 биографий римских императоров: Грациана (в 18 полумоме), Домициана (в 20-м), Максенция, Максимиана, Максимиана, Максима (все в 35-м), Нервы, Нерона (обе в 40-м), Отона (в 43-м), Пертинакса, Песценния (обе в 45-м) и Проба (в 49-м). В этих кратких, но емких заметках Корелин дает оценку императорам прежде всего с точки зрения вклада в культурное развитие, а также указывает на отношение к христианской религии. Показательна в этом смысле характеристика Грациана: «Набожный без ханжества, он понимал искусство, любил светские удовольствия, особенно охоту. <...> Он определил, какое жалование города должны уплачивать своим учителям грамматики и риторики, и вновь разрешил в Африке раньше запрещенные состязания атлетов»⁷⁰.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет биография Домициана, в которой Корелин отходит от традиции изображения своего героя исключительно в негативных тонах и отмечает, что тот «заботился также о постройках, реставрировал уничтоженные пожаром здания и воздвигал новые храмы. К науке и литературе, если она не заключала в себе оппозиционного духа, <...> относился благосклонно; <...> сам сочинял стихи, покровительствовал Стацию и Марциалу, устраивал на Капитолии состязания между писателями, на манер

---

⁶⁹ *Иванцов*. 1899. С. 143. В отрывке упоминаются книги историков Шарля-Эрнеста Бёле (1826–1874) и Адольфа Штара (1805–1876). См.: Beulé Ch.-E. Tibère et l'héritage d'Auguste. Paris, 1868; Stahr A. Tiberius. Berlin, 1863.

⁷⁰ ЭСБЕ. Пт. 18. С. 578.

Олимпийских игр, восстановил сгоревшую библиотеку и пополнял ее копиями с находившихся в Александрии рукописей»⁷¹.

Последняя по времени коммуникация историков по поводу античной истории связана с обсуждением возможного участия Корелина в написании книг для коллекции «История Европы по эпохам и странам в средние века и новое время», редактируемой Кареевым. Отвечая Карееву на предложение поучаствовать в проекте, Корелин, ощущавший к этому времени симптомы серьезной болезни, писал о возможности включения в план книги о римских папах, впоследствии о Возрождении. «В крайнем случае, – отмечал он далее, – я мог бы составить историю Римской империи, но без большой охоты»⁷². Уже после смерти Корелина Кареев, в память о своем московском приятеле и коллеге, переиздал в рамках указанной серии «Падение античного мирозерцания» (об этом уже говорилось) и «Важнейшие моменты в истории средневекового папства»⁷³ (СПб., 1901).

Преждевременная смерть московского коллеги, последовавшая 4 января 1899 г. («получил огорчившую меня весть о смерти Корелина, с которым я был так тесно связан в течение целой четверти века»⁷⁴), стала для Кареева, только-только оправившегося от последствий серьезной болезни тяжелым ударом. 29 января 1900 г. Кареев принял участие в публичном заседании Исторического Общества при Московском университете, посвященном памяти покойного и выступил с речью о трудах Корелина по гуманизму. Обозреватель «Исторического вестника» так обозначил главный тезис его доклада: «Сам истинный гуманист в душе, М.С. живо увлекался лучшими стремлениями итальянских гуманистов, придавал большое значение их индивидуальной деятельности на защиту свободы мысли и личности <...> видел в гуманистах предшественников современных интеллигенции, которая однако выработала себе два новых начала: служения народу и признания прогресса культуры»⁷⁵.

---

⁷¹ ЭСБЕ. Пт. 20. С. 960. На эту особенность восприятия античности Корелиным обратил внимание Кареев: «Культурному элементу К[орелин] отводит много места и в своем университетском преподавании» (ЭСБЕ. Пт. 31. С. 226).

⁷² Письмо М.С. Корелина Н.И. Карееву от 22 сентября [1898 г. по почтовому штемпелю] // НИОР РГБ. Ф. 119. Ед. хр. 44. Л. 20. Напомним, что к этому времени Корелин имел опыт преподавания римской истории в Московском университете и издал литографированные лекции, которые при желании могли бы лечь в основу обсуждаемой книги.

⁷³ Корелин. 1901.

⁷⁴ Кареев. 1990. С. 203.

⁷⁵ См.: Московское историческое общество. С. 1228.

После смерти Корелина его творчество несколько раз становилось предметом рефлексии Кареева. О памятной речи «М.С. Корелин как историк гуманизма» и предисловии к «Падению античного мирозерцания» мы уже говорили. В одном из типологических курсов Кареев, поясняя, что не может, в силу характера книги, дать общего очерка «истории религиозного сознания в Римской империи во всех его важнейших проявлениях, с психологическими основами происходивших в нем перемен и с культурными результатами последних», и поэтому касается «лишь тех сторон этого <...> вопроса, которые имеют отношение к <...> значению религии в Римской империи с чисто политической точки зрения»⁷⁶, отсылает читателя для выяснения подробностей к корелинскому «Падению античного мирозерцания». Ко второму изданию «Раннего итальянского гуманизма» Кареев написал предисловие, снабдив его библиографическим указателем⁷⁷.

В нескольких теоретических трудах Н.И. Кареева содержатся ссылки на работы покойного московского профессора⁷⁸. Статья Кареева о Корелине в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона⁷⁹ представляет собой расширенную версию публикации в «старом» «Словаре». Краткая характеристика Корелина как ученика Герье приведена в некрологе последнего: «Я знал Корелина еще в бытность его гимназистом, увлекавшимся историей духовной культуры, которой и посвящена капитальная его работа "Ранний итальянский гуманизм". И Герье, с своей стороны, вероятно, считал его наиболее близким к себе учеником. По кончине Корелина он устроил в память его торжественное заседание, на котором очень и очень тепло говорил о нем, и на котором и мне предложил помянуть покойного оценкой его труда о гуманизме. Корелин преподавал и на женских курсах и был профессором университета, все более и более делаясь в своей работе духовным культурником»⁸⁰. Упомянут Корелин и в «Отчете о русской исторической науке», подготовленного Кареевым по заданию редакции «Revue historique»⁸¹.

---

⁷⁶ Кареев. 1904. С. 334.

⁷⁷ Корелин. 1914. С. XXIX-XXXI.

⁷⁸ См.: Кареев. 1900а. № 12. С. 4–5; Кареев. 1903. С. 150; Кареев. 1913. С. 310; Кареев. 1915. С. 261-262.

⁷⁹ НЭС. Т. 22. С. 750-751.

⁸⁰ Кареев. 1921. С. 161.

⁸¹ Кареев. 1994. С. 151. Здесь московский историк упомянут как ученик Герье и как автор книги по истории гуманизма, уникальной «по своему охвату всей литературе, посвященной итальянскому Ренессансу»

В переписке с Н.П. Корелиной, Кареев неоднократно вспоминал о дружбе с московским коллегой. Так, 1 сентября 1923 г. он сообщал: «Пишу свои мемуары, где найдут свое место и воспоминания о Корелиных. В прошлом году я нашел у себя письма ко мне от Мих. Серг. Сохранились ли мои письма к нему?»⁸² Через пять лет, когда мемуары уже были написаны, Кареев в письме от 21 сентября 1928 г. вновь поднимает эту же тему: «Я предпринял пересмотр накопившихся у меня рукописей, писем и всякой бумаги и наткнулся на письма ко мне от Мих. Серг., которые я и отложил в сторону. Пока, конечно, храню их у себя, а потом что с ними делать? У Вас нет собрания писем М.С. к разным лицам? С интересом пробежал бы некоторые из этих писем»⁸³. Не исключено, что он собирался писать книгу или статью о Корелине.

Наконец, в письме от 31 декабря 1930 г., Кареев, повествуя о несправедливой критике «буржуазных историков Запада в СССР», прозвучавшей в обществе историков-марксистов⁸⁴ и вспомнив при этом Корелина, еще раз попытался воспроизвести в памяти в московский период жизни: «Точно когда я с ним познакомился, не помню; должно быть в 1874 или 1875, когда он был еще гимназистом чуть ли не шестого класса» и далее: «будь он (Корелин – В.Ф.) жив, Лукин (историк-марксист, выступавший с докладом о «буржуазных историках» – В.Ф.) и его записал бы во вредители»⁸⁵.

Предпринятый анализ коммуникации двух учеников Герье, в известной мере расширяет представления о вкладе обоих ученых в развитие отечественного антиковедения. Кроме того, многообразие выявленных коммуникативных практик: вербальной (межличностный диалог и эпистолярная), когнитивно-рефлексивной (рецензирование и цитирование), ретроспективной (некрологи и мемуары) позволяет воспроизвести социокультурный контекст генезиса, трансмиссии, диффузии и бытования идей как в рассматриваемый, так и последующие периоды.

---

⁸² ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 113 об.-114. В «Прожитом и пережитом» Корелины упоминаются неоднократно. См.: Кареев. 1990. С. 136, 137, 138, 141, 143, 172, 202, 248.

⁸³ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 107 об. Переписка Кареева с Корелиным, продолжалась с 1876 по 1899 гг. См.: ЦИАМ. Ф. 2202 (М.С. Корелин). Оп. 1. Ед. хр. 48-122; Оп. 2. Ед. хр. 10-18; Оп. 3. Ед. хр. 3; НИОР РГБ. Ф. 119 (Н.И. Кареев). Оп. 16. Ед. хр. 35-44. Заметим, что мемуары «Прожитое и пережитое» к этому времени уже были написаны, и переписка могла понадобиться Карееву для написания работы о Корелине.

⁸⁴ Подробнее см.: Буржуазные историки Запада в СССР. 1931.

⁸⁵ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 117 об.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Беркут В.Н.* [Диспут М.С. Корелина] // Историческое Обозрение. Т. V. СПб., 1892. С. 191–198.
- Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века (Материалы). Ч. II. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. 223 с.
- Бузескул В.П.* Профессор-гуманист (Памяти М.С. Корелина) // Помощь евреям, пострадавшим от неурожая. Литературно-художественный сборник. СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1901. С. 23–29.
- Буржуазные историки Запада в СССР (Тарле, Петрушевский, Кареев, Бузескул и др.). Открытое заседание методологической секции от 18 декабря 1930 г. // Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 44–86.
- В тени великих: образы и судьбы / Отв. ред. Л.П. Репина. СПб.: «Алетейя», 2010. 400 с.
- Герье В.И.* М.С. Корелин. Биографический очерк // Вестник Европы. 1900. № 9. С. 307–315.
- Герье В.И.* Михаил Сергеевич Корелин // Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12-го января 1900 года. М.: Университетская тип., 1900. С. 467–511.
- Иванцов М.А.* М.С. Корелин как профессор и руководитель студенческих занятий // Русская мысль. 1899. Кн. X. С. 137–148.
- Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / Под ред. Л.П. Репинойю М.: Аквилон, 2014. 848 с.
- Каган Ю.М.* И.В. Цветаев. Жизнь. Деятельность. Личность. М.: Наука, 1987. 192 с.
- Кареев Н.И.* [Рец. на кн.:] Корелин М.С. Падение античного мирозерцания (Культурный кризис в Римской империи). СПб., 1895 // Новое слово. 1896. № 4. С. 19–20.
- Кареев Н.И.* Историология. Пг.: тип. М.М. Стасюлевича, 1915. 320 с.
- Кареев Н.И.* Итальянский гуманизм и новый его исследователь // Вестник Европы. 1892. № 8. С. 441–466, № 9. С. 5–31, № 10. С. 541–565.
- Кареев Н.И.* Книга г. Гревса о римском землевладении // Русское богатство. 1900. № 11. С. 1–27, № 12. С. 1–20.
- Кареев Н.И.* М.С. Корелин как историк гуманизма // Русская мысль. 1900. Кн. V. С. 100–112.
- Кареев Н.И.* Монархии древнего Востока и греко-римского мира. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. 395 с.
- Кареев Н.И.* Общий ход всемирной истории. СПб.: Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1903. 303 с.
- Кареев Н.И.* Отзыв о сочинении проф. Корелина «Ранний итальянский гуманизм и его историография» // Отчет о VI присуждении Академией Наук премий митрополита Макария в 1895 г. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1896. С. 97–126.
- Кареев Н.И.* Отчет о русской исторической науке за 50 лет (1876–1926) // Отечественная история. 1994. № 2. С. 136–154.
- Кареев Н.И.* Очерки Возрождения (Renaissance) // Филологические записки. 1875. Вып. VI. С. 1–38.
- Кареев Н.И.* Памяти двух историков // Анналы. № 1. С. 155–174.
- Кареев Н.И.* Предисловие // Корелин М.С. Падение античного мирозерцания. СПб.: Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1901. С. III–VIII.

- Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое / Подг. текста, вступ. ст. и комм. В.П. Золотарева. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. 384 с.
- Кареев Н.И.* Теория исторического знания (Историка). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. 320 с.
- Конский П.А.* М.С. Корелин (Некролог) // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1899. № III. С. 115–125.
- Корелин М.С.* Важнейшие моменты в истории средневекового папства. СПб.: Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1901. 169 с.
- Корелин М.С.* Искусство и действительность (Исторические замечания) // Русская мысль. 1889. № 4. С. 62–73.
- Корелин М.С.* Культурный кризис в Римской империи // Русская мысль. 1892. № 6. С. 57–68; № 7. С. 1–12; № 9. С. 62–85; № 10; С. 37–61; № 11. С. 1–24; № 12. С. 1–23.
- Корелин М.С.* Лекции по истории Греции за 1884/5 год. Sine loco et anno [М., 1899]. 399 с. Литогр.
- Корелин М.С.* Лекции по истории искусств на Востоке и в Греции, читанные в 1888/9 г. Т. 2. Весеннее полугодие 1889 г. Искусство в Греции. М.: Лит. А.Е. Тяжелова, [1899]. 553 с.+102 л. илл.
- Корелин М.С.* Лекции по истории Римской империи, читанные в 1895/96 acad. г. М.: Лит. О-ва распротр. пол. кн., [1896]. 258 с.
- Корелин М.С.* Падение античного мирозерцания (Культурный кризис в Римской империи). СПб.: О.Н. Попова, 1895. 161 с.
- Корелин М.С.* Падение античного мирозерцания (Культурный кризис в Римской империи). Изд. 2-е. СПб.: Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1901. 169 с.
- Корелин М.С.* Падение античного мирозерцания (Культурный кризис в Римской империи). СПб.: Коло, 2005. 190 с.
- Корелин М.С.* Первые шаги классической археологии // Труды IX Археологического съезда. Т. I. М., 1895. С. 116–130.
- Корелин М.С.* Предисловие редактора перевода // Буасье Г. Падение язычества. Исследование последней религиозной борьбы на Западе в четвертом веке / Пер. с фр. под ред. и с предисл. М.С. Корелина. М.: К.Т. Солдатенков, 1892. С. I–XXII.
- Корелин М.С.* Ранний итальянский гуманизм и его историография. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1892. Вып. 1–2. 1087 с.
- Корелин М.С.* Ранний итальянский гуманизм и его историография. Т. I. 2-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1914. 270 с.
- Корелина Н.П.* Моя полувековая дружба с Николаем Ивановичем Кареевым [1931] // ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 4. Ед. хр. 3. Лл. 1–6 об.
- Корелина Н.П.* Моя полувековая дружба с Николаем Ивановичем Кареевым / Публ. и комм. В.А. Филимонова // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 10. 2008. С. 427–433.
- Любавский М.К.* М.С. Корелин как преподаватель средней школы (По воспоминаниям его учениц) // Русская мысль. 1899. Кн. X. С. 124–136.
- Московское историческое общество // Исторический вестник. 1900. № 3. С. 1228.
- Мягков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке. Казань: Изд. Казанского ун-та, 2000. 298 с.

- Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной Библиотеки (в тексте – НИОР РГБ).
- Новый энциклопедический Словарь. СПб.-Пг.: Тип. Акц. О-ва Издательское дело б. Брокгауз-Ефрон. [1911–1916]. Т. 1–29 (в тексте – НЭС).
- Письма М.С. Корелина В.И. Герье / Вступ. ст., публ. и коммент. Д.А. Цыганкова // История и историки: историографический вестник. М.: Наука, 2005. С. 298–361.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
- Репина Л.П., Мягков Г.П. Интеллектуальная культура и научные коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Серия 5: История и филология. 2014. Выпуск 3. С. 137-142.
- Сафронов Б.Г. Вопросы исторической теории в работах М.С. Корелина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 152 с.
- Скворцова Т.Н. В.И. Герье и М.С. Корелин // Средневековый город. Саратов, 2006. Вып. 17. [Электронный ресурс] URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/9644/15.pdf>.
- Скворцова Т.Н. М.С. Корелин: путь к ренессансу // Биография как вид исторического исследования. Тверь: Твер. ун-т, 1993. С. 166–172.
- Слава и забвение: парадоксы биографики / Под ред. Л.П. Репиной. М.: «Алетейя», 2014. 544 с.
- Соловьев В.С. М.С. Корелин († 3 января 1899 г.) // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. 2-е изд. Т. IX. СПб.: Книгоизд товарищество «Просвещение», 1913. С. 418–419.
- Тимонова С.К. Из «Воспоминаний курсистки» // Владимир Иванович Герье и Московские Высшие женские курсы: мемуары и документы. М.: Московский педагог. гос. ун-т, 1997. С. 135–144.
- Тихомирова О.В. Михаил Сергеевич Корелин (1855–1899) // Портреты историков. М.: Наука, 2004. Т. 3: Древний мир и Средние века. С. 513–531.
- Центральный исторический архив Москвы (в тексте – ЦИАМ).
- Шкуринова Ю.П. Эстетические взгляды Михаила Сергеевича Корелина. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1986.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 82 тт. и 4 доп. тт. СПб.: АО «Ф.А. Брокгауз–И.А. Ефрон», 1890–1907 (в тексте – ЭСБЕ).

BIBLIOGRAFIJA

- Berkut V.N. [Disput M.S. Korelina] // Istoricheskoe Obozrenie. T. V. SPb., 1892. S. 191–198.
- Buzeskul V.P. Vseobshhaja istorija i ee predstaviteli v Rossii v XIX i nachale XX veka (Materialy). Ch. II. L.: Izd-vo AN SSSR, 1931. 223 s.
- Buzeskul V.P. Professor-gumanist (Pamjati M.S. Korelina) // Pomoshh' evrejam, postradavshim ot neurozhaja. Literaturno-hudozhestvennyj sbornik. SPb.: Tip. Isidora Gol'dberga, 1901. S. 23–29.
- Burzhuznyje istoriki Zapada v SSSR (Tarle, Petrushevskij, Kareev, Buzeskul i dr.). Otkrytoe zasedanie metodologicheskoi sekcii ot 18 dekabrja 1930 g. // Is-torik-marksist. 1931. T. 21. S. 44–86.
- V teni velikih: obrazy i sud'by / Otv. red. L.P. Repina. SPb.: «Aletejja», 2010. 400 s.
- Ger'e V.I. M.S. Korelin. Biograficheskij ocherk // Vestnik Evropy. 1900. № 9. S. 307–315.

- Ger'e V.I. Mihail Sergeevich Korelin // Rech' i otchet, chitannyye v torzhestvennom sobranii Imperatorskogo Moskovskogo universiteta 12-go janvarja 1900 goda. M.: Universitetskaja tip., 1900. S. 467–511.
- Ivancov M.A. M.S. Korelin kak professor i rukovoditel' studencheskih zanjatij // Russkaja mysl'. 1899. Kn. X. S. 137–148.
- Idei i ljudi: intellektual'naja kul'tura Evropy v Novoe vremja / Pod red. L.P. Repinojju M.: Akvilon, 2014. 848 s.
- Kagan Ju.M. I.V. Cvetaev. Zhizn'. Dejatel'nost'. Lichnost'. M.: Nauka, 1987. 192 s.
- Kareev N.I. [Rec. na kn.:] Korelin M.S. Padenie antichnogo mirosozercanija (Kul'turnyj krizis v Rimskoj imperii). SPb., 1895 // Novoe slovo. 1896. № 4. S. 19–20.
- Kareev N.I. Istorilogija. Pg.: tip. M.M. Stasjulevicha, 1915. 320 s.
- Kareev N.I. Ital'janskij gumanizm i novyj ego issledovatel' // Vestnik Evropy. 1892. № 8. C. 441–466, № 9. C. 5–31, № 10. C. 541–565.
- Kareev N.I. Kniga g. Grevsa o rimskom zemlevladienii // Russkoe bogatstvo. 1900. № 11. S. 1–27, № 12. S. 1–20.
- Kareev N.I. M.S. Korelin kak istorik gumanizma // Russkaja mysl'. 1900. Kn. V. S. 100–112.
- Kareev N.I. Monarhii drevnego Vostoka i greko-rimskogo mira. SPb.: Tip. M.M. Stasjulevicha, 1904. 395 s.
- Kareev N.I. Obshhij hod vseмирnoj istorii. SPb.: Tip. Akc. Obshh. Brokgauz-Efron, 1903. 303 s.
- Kareev N.I. Otvzvy o sochinenii prof. Korelina «Rannij ital'janskij gumanizm i ego istoriografija» // Otchet o VI prisuzhdenii Akademiej Nauk premij mitro-polita Makarija v 1895 g. SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1896. S. 97–126.
- Kareev N.I. Otchet o russkoj istoricheskoj nauke za 50 let (1876–1926) // Otechestvennaja istorija. 1994. № 2. S. 136–154.
- Kareev N.I. Oчерki Vozrozhdenija (Renaissance) // Filologicheskie zapiski. 1875. Vyp. VI. S. 1–38.
- Kareev N.I. Pamjati dvuh istorikov // Annaly. № 1. S. 155–174.
- Kareev N.I. Predislovie // Korelin M.S. Padenie antichnogo mirosozercanija. SPb.: Tip. Akc. Obshh. Brokgauz-Efron, 1901. S. III–VIII.
- Kareev N.I. Prozhitoe i perezhitoe / Podg. teksta, vstup. st. i komm. V.P. Zolotareva. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1990. 384 s.
- Kareev N.I. Teorija istoricheskogo znanija (Istorika). CPb.: Tip. M.M. Stasjulevicha, 1913. 320 s.
- Konskij P.A. M.S. Korelin (Nekrolog) // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija (ZhMNP). 1899. № III. S. 115–125.
- Korelin M.S. Vazhnejšie momenty v istorii srednevekovogo papstva. SPb.: Tip. Akc. Obshh. Brokgauz-Efron, 1901. 169 s.
- Korelin M.S. Iskusstvo i dejstvitel'nost' (Istoricheskie zamechanija) // Russkaja mysl'. 1889. № 4. S. 62–73.
- Korelin M.S. Kul'turnyj krizis v Rimskoj imperii // Russkaja mysl'. 1892. № 6. S. 57–68; № 7. S. 1–12; № 9. S. 62–85; № 10; S. 37–61; № 11. S. 1–24; № 12. S. 1–23.
- Korelin M.S. Lekcii po istorii Grecii za 1884/5 god. Sine loco et anno [M., 1899]. 399 s. Litogr.

- Korelin M.S. Lekcii po istorii iskusstv na Vostoke i v Grecii, chitannye v 1888/9 g. T. 2. Vesennee polugodie 1889 g. Iskusstvo v Grecii. M.: Lit. A.E. Tjazhelova, [1899]. 553 s.+102 l. ill.
- Korelin M.S. Lekcii po istorii Rimskoj imperii, chitannye v 1895/96 akad. g. M.: Lit. O-va rasprostr. pol. kn., [1896]. 258 s.
- Korelin M.S. Padenie antichnogo mirosozercanija (Kul'turnyj krizis v Rimskoj imperii). SPb.: O.N. Popova, 1895. 161 s.
- Korelin M.S. Padenie antichnogo mirosozercanija (Kul'turnyj krizis v Rimskoj imperii). Izd. 2-e. SPb.: Tip. Akc. Obshh. Brokgauz-Efron, 1901. 169 s.
- Korelin M.S. Padenie antichnogo mirosozercanija (Kul'turnyj krizis v Rimskoj imperii). SPb.: Kolo, 2005. 190 s.
- Korelin M.S. Pervye shagi klassicheskoi arheologii // Trudy IX Arheologicheskogo s#ezda. T. I. M., 1895. S. 116–130.
- Korelin M.S. Predislovie redaktora perevoda // Buas'e G. Padenie jazychestva. Issledovanie poslednej religioznoj bor'by na Zapade v chetvertom veke / Per. s fr. pod red. i s predisl. M.S. Korelina. M.: K.T. Soldatenkov, 1892. S. I–XXII.
- Korelin M.S. Rannij ital'janskij gumanizm i ego istoriografija. M.: Tip. Je. Lissnera i Ju. Romana, 1892. Vyp. 1–2. 1087 s.
- Korelin M.S. Rannij ital'janskij gumanizm i ego istoriografija. T. I. 2-e izd. SPb.: Tip. M.M. Stasjulevicha, 1914. 270 s.
- Korelina N.P. Moja poluvekovaja družba s Nikolaem Ivanovichem Kareevym [1931] // CIAM. F. 2202. Op. 4. Ed. hr. 3. Ll. 1-6 ob.
- Korelina N.P. Moja poluvekovaja družba s Nikolaem Ivanovichem Kareevym / Publ. i komm. V.A. Filimova // Stavropol'skij al'manah Rossijskogo ob-shhestva intelektual'noj istorii. Vyp. 10. 2008. S. 427–433.
- Ljubavskij M.K. M.S. Korelin kak prepodavatel' srednej shkoly (Po vospomina-nijam ego uchenic) // Russkaja mysl'. 1899. Kn. X. S. 124–136.
- Moskovskoe istoricheskoe obshhestvo // Istoricheskij vestnik. 1900. № 3. S. 1228.
- Mjagkov G.P. Nauchnoe soobshhestvo v istoricheskoi nauke. Kazan': Izd. Kazanskogo un-ta, 2000. 298 s.
- Nauchno-issledovatel'skij otdel rukopisej Rossijskoj Gosudarstvennoj Biblio-teki (v tekste – NIOR RGB).
- Novyj jenciklopedicheskij Slovar'. SPb.-Pg.: Tip. Akc. O-va Izdatel'skoe delo b. Brokgauz-Efron. [1911–1916]. T. 1–29 (v tekste – NJeS).
- Pis'ma M.S. Korelina V.I. Ger'e / Vstup. st., publ. i komment. D.A. Cygankova // Istorija i istoriki: istoriograficheskij vestnik. M.: Nauka, 2005. S. 298–361.
- Repina L.P. Istoricheskaja nauka na rubezhe XX-XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaja praktika. M.: Krug#, 2011. 560 s.
- Repina L.P., Mjagkov G.P. Intellektual'naja kul'tura i nauchnye kommunikacii // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija 5: Istorija i filologija. 2014. Vy-pusk 3. S. 137–142.
- Safronov B.G. Voprosy istoricheskoi teorii v rabotah M.S. Korelina. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984. 152 s.
- Skvorcova T.N. V.I. Ger'e i M.S. Korelin // Srednevekovyj gorod. Saratov, 2006. Vyp. 17. [Jelektronnyj resurs] URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/9644/15.pdf>.
- Skvorcova T.N. M.S. Korelin: put' k renessansu // Biografija kak vid istoricheskogo issledovanija. Tver': Tver. un-t, 1993. S. 166–172.

- Slava i zabvenie: paradoksy biografiki / Pod red. L.P. Repinoj. M.: «Aletejja», 2014. 544 s.
- Solov'ev V.S. M.S. Korelin († 3 janvarja 1899 g.) // Sobranie sochinenij Vladimira Sergeevicha Solov'eva. 2-e izd. T. IX. SPb.: Knigoizd tovarishhestvo «Prosvе-shhenie», 1913. S. 418–419.
- Timonova S.K. Iz «Vospominanij kursistki» // Vladimir Ivanovich Ger'e i Moskovskie Vysshie zhenske kursy: memuary i dokumenty. M.: Moskovskij peda-gog. gos. un-t, 1997. S. 135–144.
- Tihomirova O.V. Mihail Sergeevich Korelin (1855–1899) // Portrety istorikov. M.: Nauka, 2004. T. 3: Drevnij mir i Srednie veka. S. 513–531.
- Central'nyj istoricheskij arhiv Moskvy (v tekste – CIAM).
- Shkurinova Ju.P. Jesteticheskie vzgljady Mihaila Sergeevicha Korelina. Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. M., 1986.
- Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona v 82 tt. i 4 dop. tt. SPb.: AO «F.A. Brokgauz–I.A. Efron», 1890–1907 (v tekste – JeSBE). Znaniecki F. Stefan Czarnowski. 1879–1937 // Twórcy socjologii polskiej. Łódź. 1976.

Филимонов Владимир Альбертович, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой связей с общественностью и рекламы Сыктывкарского государственного университета; klub-nica@yandex.ru

N. Kareev and M. Korelin: communication in the context of Greek-Roman discourse

‘Anthropological turn’ and the personalization of the subject of history – key trends of last decades – created a genre of intellectual biography interpreted by academic community as a ‘synthesis of biographical, textual and socio-cultural analysis’. This integral approach makes it important to analyse a wide context that shaped and developed a worldview, and where academic activities of a subject of a study took place. The article examines the relationships between two outstanding Russian historians – N. Kareev and M. Korelin and broadens our ideas about both historians’ contributions into Russian study of antiquity. A variety of discovered communicative practices allows us to reproduce sociocultural context of genesis, transmission, diffusion and the existence of ideas.

Keywords: *N. Kareev, M. Korelin, scientific communication, Russian historiography of study of antiquity.*

Vladimir Filimonov, PhD in History, Associate Professor; Syktvykar State University, Institute for Human Sciences, Head of the Department of Public relations and Advertising; klub-nica@yandex.ru

Е. А. ВОРОНЦОВА

МУЗЕЙ КАК БАЗОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Статья посвящена важному аспекту проблемы информационного обеспечения исторической науки – музею как базовому элементу ее информационной инфраструктуры. Содействуя увеличению объема и разнообразия информации, совершенствованию ее качественных параметров, и музей, и историческая наука играют существенную роль в увеличении хронологической глубины социальной памяти, противостоят информационной энтропии, но добиваются этого разными способами. Механизмы их взаимодействия во многом определяются тем, что оба эти социальных института являются сложно организованными развивающимися системами, каждая со своей структурой и инфраструктурой. В статье анализируются черты сходства и отличия их инфраструктур, то, как регулируются взаимодействия этих систем друг с другом, а также элементов внутри каждой из них. Постановка вопроса об информационной инфраструктуре потребовала рассмотреть историческую науку и музей как информационные системы; при этом оказалось возможным взглянуть на них и как на базовые элементы информационной инфраструктуры друг друга. Было установлено, что в качестве базового элемента инфраструктуры исторической науки музей выполняет функции информационного ресурса, места репрезентации исторического знания и коммуникации носителя знания (историка, автора музейной экспозиции) с познающим субъектом (учащимся, неспециалистом в области истории).

Ключевые слова: историческая наука, музей, информационная инфраструктура, социальная (историческая) память, музееведение/музеология, исторический источник/музейный предмет, информационные стратегии, репрезентация исторического знания, коммуникация, технологические аспекты.

В развитии исторической науки вторая половина XX – начало XXI века. были ознаменованы существенными трансформациями, порожденными прежде всего натиском новых информационных технологий, возрастанием скорости протекания информационных процессов, обретением информационным пространством новой конфигурации и с формированием, в итоге, информационного общества. В этих условиях особое значение получило ее информационное обеспечение, осознанное, наконец, и как научная проблема, в том числе в связи музеем¹.

В статье речь пойдет об одном из важных аспектов проблемы информационного обеспечения исторической науки – о музее как базовом элементе ее информационной инфраструктуры. Для доказательства того, что такая посылка верна, мы прежде всего рассмотрим му-

---

¹ Бородкин, Воронцова, Мироненко 2013; Воронцова 2014 (а); Воронцова, Гарскова 2013; Воронцова 2014 (б).

зей и историческую науку как социальные институты, их функции и структуру, сосредоточив внимание на точках пересечения – на тех потребностях, для удовлетворения которых они нужны друг другу. Массив исследований, посвященных музею и исторической науке, насчитывает множество работ (монографий, отдельных статей, сборников) и содержит достаточный объем информации для постановки и исследования вопроса. По ходу рассмотрения конкретных сюжетов на них будут даны ссылки (в силу ограниченности объема статьи – таким образом, чтобы библиографии этих работ дополнили ее библиографию). Отметим, что проблема взаимосвязей исторической науки и музея привлекала внимание исследователей в меньшей степени.

Констатируя ограничения такого подхода, большинство музееведов все же сходятся на том, что музей – социокультурный институт, предназначение которого – сохранение культурного наследия (в форме музейных предметов и их совокупностей – музейных коллекций и музейных собраний)², а также трансляция культурного опыта от поколения к поколению и, тем самым, сохранение единого культурного пространства³. В Уставе Международного совета музеев (ИКОМ) музей характеризуется как постоянное некоммерческое учреждение, находящееся на службе общества, открытое для людей, приобретающее, сохраняющее, изучающее, популяризирующее и экспонирующее в образовательных, просветительных и развлекательных целях «материальные свидетельства человека и окружающей среды». Емкое и точное определение музея дано в «Российской музейной энциклопедии»: «Музей – исторически обусловленный многофункциональный институт социальной памяти, посредством которого реализуется общественная потребность в отборе, сохранении и репрезентации специфической группы культурных и природных объектов, осознаваемых обществом как ценность, подлежащая изъятию из среды бытования и передаче из поколения в поколение, – музейных предметов»⁴. Изучение музея через призму категории памяти – одно из самых перспективных направлений в современном музееведении⁵.

В контексте нашей проблематики особенно значимо осмысление исследователями миссии музея. Нам созвучны мысли Н.Ф. Федорова –

---

² Воронцова, Сундиева, Каулен, Кузина, Дьячков, Чистотинова 1997; Каулен 2009; Музееведение и историко-культурное наследие... 2006–2012, и др.

³ Газалова 1995. С. 10–12; Музейное дело России... 2003, 2006, 2010; Пономарев 2002; Сапанжа 2011.

⁴ Российская музейная энциклопедия... 2001. Т. 1. С. 395.

⁵ Божченко 2012; Грусман 2007; Шнирельман 2010; и др.

о том, что в музее мы имеем единство «исследования, учительства и деятельности», что «истинный музей есть музей всех трех способностей души, объединенных в памяти», и «только память делает благо всеобщим»; Л.С. Именновой – о том, что в музее должны производиться мировоззренческие смыслы, что музей должен быть посредником в процессе восприятия человеком опыта истории, учить человека смотреть на мир в культурно-исторической перспективе, помогать ему в его культурной идентификации; А.А. Сундиевой – об обретении музеем статуса культурной нормы⁶.

Из сказанного вытекает вполне определенный набор традиционно выделяемых социальных функций музея⁷: документирование и образовательно-воспитательная. В конце XX в. были добавлены функции рекреационная и коммуникативная, репрезентативная, информационная, эстетическая и некоторые другие. Хранение и изучение музейных предметов одни исследователи включают в документирование (нам ближе эта позиция), другие считают самостоятельными функциями. Наиболее значима для рассматриваемой проблемы функция документирования, а также репрезентативная и информационная. В понимании документирования мы придерживаемся посылок, четко сформулированных в музееведении: это – «извлечение из окружающей среды (в том числе из внемузейных хранилищ) предметов, свидетельствующих, т.е. заключающих в себе информацию, об истории и современном состоянии природы и общества»⁸; выявление и отбор объектов природы и созданных человеком предметов, которые могут выступать подлинными (аутентичными) свидетельствами объективной реальности и после включения их в музейное собрание становятся знаком и символом конкретного события и явления, это свойство музейного предмета отражать действительность раскрывается в процессе его изучения и научного описания. Таким образом, процесс документирования предполагает: выявление, отбор и извлечение из среды бытования объектов, являющихся аутентичными свидетельствами об объективной реальности и становящихся в результате этой процедуры музейными предметами (комплектование музейных фондов); хранение таких свидетельств; их изучение, и на этой основе – систематизацию и формирование музейных коллекций⁹.

---

⁶ Федоров 1995; Именнова 2011; Сундиева 2001. С. 210–215.

⁷ Артемов 2001; Социальные функции музея... 1989. С. 186–204; Равикович 1987; Юренева 2003; и др.

⁸ Закс 1991. С. 52.

⁹ Сборники НИИ культуры... 1979, 1980, 1981; Изучение музейных коллекций... 1974; Музей и современность... 1982; Финягина 1974; и др.

Одним из следствий реализации музеем своих функций стало формирование специальной отрасли знаний – науки о музее (музееведения, музеологии), имеющей собственную систему вспомогательных дисциплин (музейные источниковедение, информатика, педагогика и др.)¹⁰. Развитие этой науки, в свою очередь, стало существенным фактором полноценного развития музея как социального института и как сложноорганизованной системы, необходимой человеку для удовлетворения его базовых потребностей; фактором, часто задающим вектор коммуникации музея с другими институтами (и наукой в том числе).

Некоторые аспекты проблемы взаимосвязи и взаимодействия исторической науки и музея уже привлекали внимание исследователей¹¹. Остановимся на тех, которые наиболее значимы с нашей точки зрения.

Историческая наука, как и музей, в большей степени обращена к прошлому, чем к настоящему: музей хранит его подлинные свидетельства, историческая наука с помощью таких свидетельств – исторических источников – собирает и накапливает знания о нем. Однако оба социальных института при этом работают на будущее – на сохранение и развитие в человеке человеческого. Объект исторического познания не существует в современной исследователю реальности, отсюда – необходимость обращаться к хранимым музеем (а также архивом и библиотекой) свидетельствам прошлого (выступающим тут в роли исторических источников). В этом контексте безусловно остаются актуальными высказывания Н.Ф. Федорова о связи музея и науки: «Музей есть не собрание вещей, а собор лиц; деятельность его заключается не в накоплении мертвых вещей, а в возвращении жизни останкам отжившего... Знание отвлеченное не может быть всеобщою обязанностью, знание же причин, делающих нас врагами, не может не быть долгом для всех, так как оно не может остаться только знанием, а станет делом, религиею, примиренною с наукою... Исследование же, т.е. наука, не может уже оставаться только отвлеченным знанием; она должна сделаться исследованием причин, препятствующих всем нам быть членами музея, исследователями, и соединиться воедино для отеческого дела»¹².

---

¹⁰ Музееведение в России первой трети XX века... 1997; Музееведение: Вопросы теории и методики... 1987; Музееведческая мысль в России... 2010; Основы советского музееведения... 1955; Очерки истории музейного дела в СССР... 1960–1971; *Сапанжа* 2008; Терминологические проблемы музееведения... 1986; *Томилов* 1998; *Шляхтина* 2013; и др.

¹¹ Современная отечественная история... 2000; *Дукельский* 1997; *Лаптева* 2006; *Мастеница* 2010; Научные основы работы музеев... 1980; *Тишков* 1979.

¹² *Федоров* 1995. С. 370.

Деятельностный аспект присущ исторической науке, как и музею, только это – познавательная деятельность, имеющая целью выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний об окружающем человека мире, о социальных общностях людей и результатах их деятельности, – знаний, обладающих качеством научных (истинных, рациональных) ценностей, являющихся «институциональными регулятивами познавательной деятельности».

Как и музей, историческая наука может быть определена как институт социальной (исторической) памяти, посредством которого реализуется потребность человека в познании самого себя и своего социального бытия во времени и пространстве¹³. Происходит это путем выявления, отбора, накопления, систематизации, сохранения, актуализации (воспроизводства) и передачи субъекту исторического процесса (индивиду и обществу в целом) осмысленной и определенным образом интерпретированной информации о прошлом. Содействуя увеличению объема и разнообразия информации, совершенствованию ее качественных параметров, и музей, и историческая наука играют чрезвычайно важную роль в увеличении хронологической глубины социальной памяти, противостоят информационной энтропии¹⁴ и, тем самым, работают на благо общества. Однако нужного результата они достигают разными способами. Главное предназначение музея – аккумуляция подлинных свидетельств прошлого и их репрезентация членам социума, а предназначение исторической науки – извлечение информации из этих свидетельств (обретающих в данной ситуации статус исторического источника) и приращение знания. При этом происходит переход информации потенциальной, скрытой в источнике, в актуальную научную информацию, обладающую качествами достоверности, репрезентативности, системности и выраженную почти исключительно в вербальной форме. А поскольку все это осуществляется ради человека и общества в целом, оказывается необходимой трансляция знания, его передача специалистами-историками членам общества (в идеале – всем) и его освоение (усвоение) этими последними. И тут вновь вступает в дело музей.

Для исторической науки музей более всего важен в двух отношениях – как социальный институт, аккумулирующий отобранные на основе достаточно четкой системы принципов (и потому репрезентативные) совокупности исторических источников, а также репрезенти-

---

¹³ Булдаков 2013 (а); 2013 (б); Нестеренко 2012. Т. 82. № 3. С. 284–288; Никифоров 2013; Релина 2010; 2004; Ростовцев, Сосницкий 2014; и др.

¹⁴ Воронцова 2014 (в). С. 9–15.

рующей (транслирующей) научное историческое знание в такой специфической форме публикации, как музейная экспозиция и музейная выставка. В свою очередь, историческая наука для музея является источником знания (информации), необходимого для изучения музейных предметов и их коллекций, с одной стороны, и для разработки концепций музейных экспозиций и музейных выставок – с другой.

Механизмы взаимодействия исторической науки и музея во многом предопределяются тем, что оба названных социальных института являются сложно организованными развивающимися системами, каждая со своей структурой и инфраструктурой, которые претерпели существенные трансформации в информационном обществе. Точную характеристику процессов, происходящих ныне в науке, дала Н.П. Лукина, в свою очередь апеллирующая к В.С. Степину: «Исследовательский интерес смещается от собственно логико-методологического анализа науки к ее социальным и культурным основаниям. По-новому формулируется сама проблема оснований науки, которые, по мнению В.С. Степина, “выступают, с одной стороны, компонентом внутренней структуры науки, а с другой – ее инфраструктуры, которая опосредует влияние на научное познание социокультурных факторов и включение научных знаний в культуру соответствующей исторической эпохи” (Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М., 1992, с. 11). Следовательно, анализу подлежат не только внутренние для философии науки проблемы, но и мировоззренческие вопросы, связанные с переосмыслением динамики и трансформаций современной науки. Это предполагает рефлекссию по поводу того, как меняется роль науки в жизни общества, как выстраиваются ее отношения с экономикой, культурой, идеологией, властью и другими социальными сферами»¹⁵.

В самом сжатом, систематизированном виде представления о структуре, т.е. совокупности устойчивых связей, упорядоченности и способах взаимодействия элементов системы (институтов, ролей, статусов) и исторической науки, и музея выражены в их классификациях. При всем их разнообразии применительно к исторической науке речь идет о ряде частных наук, специальных и вспомогательных исторических дисциплин, истории определенных периодов и регионов, а применительно к музею – о профильных и иных группах, типах и видах музеев¹⁶, выполняющих различный набор по-разному сочетающихся

---

¹⁵ Лукина 2007.

¹⁶ Воронцова 2003 (эта классификация охватила весь спектр музеев, стала общепринятой; при ссылках автора указывают редко); Чувилова 2009; и др.

функций. В контексте рассматриваемой проблемы наиболее значима профильная группа исторических музеев, многочисленная и имеющая достаточно сложную структуру¹⁷, а также музеи, существующие в системе науки¹⁸. «Ядро данной группы составляют музеи Российской академии наук (многие из них являются старейшими и крупнейшими музеями, пользуются мировой известностью), отраслевых академий (Академии медицинских наук, Академии педагогических наук), отраслевых научно-исследовательских учреждений, ряда университетов. Особое их качество определяют, на наш взгляд, доминирующая социальная функция, по которой они могут быть определены как научно-исследовательские, а также ведомственная принадлежность научно-исследовательскому учреждению»¹⁹. Эта последняя группа помимо музеев, по профилю непосредственно относящихся к историческим музеям, интересна тем, что одна из основных ее функций – документирование истории развития различных отраслей науки.

Инфраструктура и исторической науки, и музея как институтов социальной (исторической) памяти представляет собой комплекс ресурсов и материально-технических средств, необходимых для обеспечения их нормальной жизнедеятельности и реализации социального предназначения – воспроизводства, хранения (и в итоге – сохранения) этой памяти в форме знания о прошлом (ретроспективной информации), памятника истории, музейного предмета. Она выполняет функцию регулятора взаимодействий как элементов внутри каждой из двух систем, так и самих этих систем друг с другом (и с другими системами тоже), отсюда – важное значение процесса коммуникации и организации управления объектами инфраструктуры. От того, насколько она адекватна потребностям конкретного социума в конкретный момент, и от того, насколько индивиды и их группы готовы следовать выработанным для достижения целей правилам, зависят возможность и эффективность взаимодействий и достигаемый результат.

Важную роль в структуре и инфраструктуре (и в процессе социализации) играют сосуществующие и сменяющие друг друга сообщества (научные, музейные), которые подразделяются на сообщества

---

¹⁷ См.: Балакирев 2008; Каспаринская 1973; Музееведение. Музеи исторического профиля... 1988; Разгон 1993; Станюкович 1978; Сундиева 2003; Шмит 1919; и др.

¹⁸ Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга... 2003; Музеи Российской академии наук... 1998–2012; Чумакова 2005; и др.

¹⁹ Воронцова 2001. С. 221.

формальные (институт, научный или образовательный центр и т.п.) и неформальные (научные школы, объединения по интересам и т.п.)²⁰.

Инфраструктуры музея и исторической науки наряду с чертами сходства имеют и отличия, вытекающие из специфики функций этих социальных институтов. Инфраструктура музея ориентирована на обслуживание музейного посетителя, который «потребляет» информацию, репрезентируемую по преимуществу в форме музейных экспозиций и выставок. Главная задача – обеспечить ему доступность этих последних и максимально комфортные условия для его возможно более длительного нахождения в музее. Из этого логично вытекают доминанты – меры доступности музея и музейных услуг для различных категорий посетителей, площадки и помещения для проведения мероприятий, инфраструктура информационная (сайты, каталоги, путеводители, аудиогиды), транспортная (подъезды к музею, стоянки для транспорта и проч.), сервисная (гостиницы, кафе, сувенирные лавки и т.п.). Инфраструктура же исторической науки должна обеспечивать полноценное удовлетворение потребностей исследователя, главная задача которого – производство нового знания, а главный результат его деятельности – переход потенциальной информации, до времени сокрытой в историческом источнике, в актуальную. По этой причине музей интересуется его в первую очередь как хранилище исторических источников (в форме музейных предметов), и в музее для него наиболее привлекательны фонды.

Постановка вопроса об информационной инфраструктуре напрямую связана с подходом к объекту исследования (в нашем случае – к исторической науке и музею) как к информационным системам, т.е. системам, предназначенным для сбора, обработки, хранения и репрезентации информации, применяющим адекватные этим задачам организационные формы и информационные технологии и, в итоге, работающим на сохранение исторической памяти и преодоление информационной энтропии. В этом своем качестве и историческая наука, и музей имеют собственные информационные инфраструктуры, т.е. комплексы материально-технических средств и средств информационного взаимодействия (информационных центров, баз и банков данных, систем коммуникации и т.д.), необходимых для выполнения ими своих функций, в том числе для обеспечения контакта «поставщиков» и «потребителей» информации и доступа «потребителей» к информационным ресурсам.

В настоящее время в повестке дня стоит уже вопрос о распределенной инфраструктуре информационных технологий и ресурсов: «За-

---

²⁰ Корзун 2003; Мягков 2000; и др.

дача e-Science... – создание организационных и технологических структур, разработка соответствующего программного обеспечения для функционирования новой информационной среды с распределенными ресурсами (информационными и вычислительными), обеспечивающими доступ к ним индивидуальных пользователей, исследовательских групп, лабораторий и институтов (эти сообщества называют виртуальными организациями, *collaboratories*). Основное русло реализации задач e-Science прокладывают грид-технологии. Эта концепция (нередко ее называют *Grid Computing* – распределенные сети, или “решетки” вычислительных ресурсов) соответствует одному из ведущих и перспективных направлений развития ИКТ. Одна из наиболее сильных сторон Грид-технологий – новые возможности эффективного распространения информации и обучение с доступом к обширным ресурсам... специфика термина “e-Social Sciences” заключается не только в предметной области используемых распределенных информационных ресурсов, но и в акценте на взаимодействие ученых-обществоведов со специалистами по ИКТ... Что касается гуманитарных наук, то перспективы использования грид-технологий связываются здесь во многом с расширяющимися возможностями онлайн-доступа к огромным массивам оцифрованных книг, журналов, изобразительных материалов и т.д. Эффективность использования этих ресурсов резко возрастает, когда исследователь может связывать не только различные тексты, но и тексты с изобразительными источниками, историческими картами, записями интервью, видеоматериалами и т.д., размещенными на различных сайтах»²¹.

При том, что историческая наука и музей являются самостоятельными информационными системами, их можно рассмотреть и как базовые элементы информационной инфраструктуры друг друга. В истории «инфраструктурных» взаимодействий исторической науки и музея много позитивного опыта, успешно реализованных проектов, значимых конференций. Тем не менее, с сожалением приходится констатировать, что для большинства музеев исследователь – персонаж не слишком желанный. Здесь есть и объективная, и субъективная составляющие. Вольно или невольно он несет угрозу сохранности музейного предмета (или воспринимается так музейными сотрудниками); создание комфортных для него условий требует существенных материальных и организационных затрат (выделение места для работы, его техническое оснащение, трансформация музейных описей и каталогов под исследовательские нужды, стандартизация процедур доступа в фонды и многое другое), а

---

²¹ *Бородкин* 2009. С. 25–26.

отдача от него в контексте социокультурных задач музея не так очевидна. Однако в информационном обществе огромные массивы информации, таящиеся под спудом, – непозволительная роскошь, поэтому ускорение движения музея и исторической науки навстречу друг другу неизбежно. Сделать его осмысленным, системным, работающим на общественное благо – в интересах всего общества.

Рассматривать музей как базовый элемент инфраструктуры исторической науки необходимо в контексте проблемы информационного обеспечения исторической науки. «Под информационным обеспечением исторической науки мы понимаем деятельность по поиску, сбору, обработке, накоплению и хранению, распространению и использованию репрезентативной и достоверной информации, необходимой для решения исследовательских задач в области изучения истории, а также саму такую информацию, определенным образом структурированную (организованную) и представленную в удобном для исследователя виде»²². Результат этой деятельности – пополнение существующих и формирование новых информационных ресурсов, а необходимое условие – технологии, оптимальные для решения поставленных научным сообществом задач. В этой связи отмечу, что наш подход отличается от подхода большинства исследователей: мы исходим из того, что технологии – форма, а на первом плане в деятельности по приращению научного знания все же стоит содержание (мысль, гипотеза, концепция исследователя, его анализ информации), и что информационное обеспечение – фактор, определяющий развитие науки, управление ею и «ее самоорганизацию и саморегуляцию на основе саморефлексии».

Реалии информационного общества (глобальный характер информационных сетей и информационного поля, принципиально иные возможности коммуникации) ставят в повестку дня выработку информационных стратегий, отвечающих на вызовы времени, адекватных современной ситуации, обладающих прогностическим потенциалом, нацеленных на эффективное удовлетворение потребностей науки в целом и исторической науки в частности. «Формирование новой информационной среды (масштабных информационных ресурсов и информационной инфраструктуры) привело к появлению принципиально новых возможностей работы с информацией в архивном, музейном и библиотечном деле и к существенным трансформациям функций архивов, музеев и библиотек. Функция хранения информации остается одной из основных функций этих институций, однако в информацион-

---

²² Воронцова, Гарскова 2013. С. 488, сноска 6.

ном обществе чрезвычайно возрастает роль коммуникации и репрезентации информации»²³. Из этого вытекает и значение музея для исторической науки: он – приемник, накопитель информации и канал репрезентации исторического знания, его передачи широкому кругу потребителей-неспециалистов.

Как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки музей выполняет следующие основные функции: информационного ресурса, места репрезентации исторического знания, места коммуникации носителя знания (историка, автора музейной экспозиции) с познающим субъектом (учащимся, неспециалистом в области истории). Информационным ресурсом является музейное собрание, состоящее из музейных предметов, объединенных в коллекции, и с точки зрения историка представляющее собой упорядоченную целенаправленно, на основе определенных принципов, совокупность исторических источников, их выборку. Однако эти источники сверх всего обладают еще и качеством музейного предмета²⁴, поэтому здесь возникает уже упомянутое нами противоречие между сохраненной миссией музея и потребностью исследователя в использовании источника (предмета) для извлечения из него информации, что чревато нанесением ему ущерба и даже его разрушением. Другая сторона этой коллизии (позитивная) заключается в том, что в музейных собраниях помимо прочего происходит специфическое взаимодействие источников в их качестве музейных предметов, дающее исследователю материал для умозаключений, которые без этого вообще не были бы возможны: музейные предметы группируются в коллекции, выставляются в экспозициях и на выставках.

Полноценное функционирование музея в качестве информационной системы и его собрания – как информационного ресурса требует эффективных стратегий пополнения музейных собраний, формального описания, а также типологического и сравнительно-исторического изучения исторических источников/музейных предметов, что происходит в процессе комплектования и научно-фондовой работы²⁵, осуществляемых с применением методов, которые для исторических источников разрабатывает источниковедение, а для музейных предметов – музейное источниковедение²⁶. Реалии информационной эпохи настоятельно под-

---

²³ Там же. С. 492.

²⁴ Голоса истории... 1990; Иванова 2006; Кнабе 1991; Разгон 1984; Черкаева 2009.

²⁵ Герасимов 2013; Музей и современность... 1982; Финягина 1975; и др.

²⁶ Проблемы теории... 2004; Самарина 2006; и др.

талкивают музейное сообщество к поиску решений, инновационных не только в технологическом, но и в содержательном отношении. Для повышения информационной отдачи необходимы оптимизация структуры музейных собраний, совершенствование принципов их комплектования, систематизации и каталогизации – с учетом таких факторов, как нарастание скорости поступления и объема информации, разнообразие интер- и полидисциплинарных связей и взаимодействий, качественное изменение субъекта информационного процесса – «потребителя» информации. Очевидно, что здесь, как и во многих других отношениях, музею и исторической науке не обойтись друг без друга, о чем свидетельствуют успешно реализуемые совместные проекты.

Основная форма репрезентации исторического знания в музее – это постоянные экспозиции и сменные выставки. Комплексу вопросов, связанных с музейной экспозицией (разработка принципов экспонирования, проектирование и функционирование экспозиций, их содержательное наполнение, художественные аспекты и т.д.), в музееведении уделялось и уделяется достаточное внимание²⁷; сказанное в полной мере относится и историческим экспозициям²⁸. В этой последней группе особого упоминания заслуживают издания, в которых получили отражение дискуссии историков и музееведов по проблемам, возникшим в постперестроечный период в связи с утратой монополии одной концепцией истории (формационной), появлением альтернативных концепций и, соответственно, – возможности выбора и экспериментальной проверки различных подходов (в том числе и на базе музейных экспозиций)²⁹.

Значительным эвристическим потенциалом обладает идея М.Ф. Румянцевой о разграничении репрезентации и позиционирования исторического знания («...репрезентация – это, в данном случае, представление исследователем-историком – и шире, субъектом исторического познания – своего видения истории, в более строгом смысле – видения исторического процесса как результата научного исследования; позиционирование – внедрение в сознание адресата определен-

---

²⁷ *Закс* 1970; *Искусство музейной экспозиции...* 1977, 1982, 1985; *Каулен* 2005; *Михайловская* 1964; *Музейная экспозиция...* 1996, 1997; *Поляков* 1996; *Пчеланская* 2005; и др.

²⁸ *Крылова* 2005; *Левыкин, Разгон* 1984; *Проблемы совершенствования экспозиций...* 1975; *Сыченкова* 2010; и др.

²⁹ *По хронологии: История XX века в музейных экспозициях...* 1995; *Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев...* 2002; *Исторические экспозиции региональных музеев...* 2009; *Роль музеев в формировании исторического сознания...* 2011.

ных исторических конструкций/«мест памяти»³⁰. Она предлагает взглянуть на экспозицию как на особую форму создания исторического текста – историописание, что выводит нас на задачу гораздо более существенного, системного использования при создании экспозиций достижений истории исторической мысли (историографии).

С идеями М.Ф. Румянцевой сопрягается интенсивно разрабатываемая в музееведении и культурологии в рамках семиотического подхода идея экспозиции как текста культуры, целенаправленно структурированного, определенным образом организованного, обладающего глубиной и системой смыслов, не сводимого к составляющим его музейным предметам, имеющего автора(ов) и адресата(ов) (каждого со своими ожиданиями и интеллектуальными предпочтениями), предполагающего умение «читать» его, интерпретируя историко-культурные коды. В итоге экспозиция предстает завершенным «синтетическим научно-художественным произведением»³¹ и представляет собой особый тип публикации³².

В таком контексте логична характеристика музейной экспозиции как «разговора предметами», в котором сначала ее создатели, а затем и музейная аудитория осмысливают вещь как посредника (знака) в коммуникативных процессах³³, причем одновременно в рамках прошлой и современной культур. Экспозиция организована так, что в процессе трансляции знаний к силе слова (вербальная составляющая) добавляются сила изображения (визуальная составляющая), сила звука (аудиосоставляющая), сила соприкосновения с трехмерным предметным рядом (тактильная и пространственная составляющие). Здесь музейное время и пространство накладываются на время и пространство историческое, создавая совершенно особое пространственно-временное единство, базирующееся на подлинных свидетельствах ушедшей в небытие реальности (экспонатах / исторических источниках / музейных предметах / памятниках истории и культуры) и позволяющее потомкам соприкоснуться со своими предками, с их ментальностью, и идентифицировать самих себя. В итоге, по верному замечанию Л.С. Именновой, достигается аутентичность как научная, образная, символическая точность.

В рамках рассмотрения музея как базового элемента информационной инфраструктуры важен взгляд на экспозицию как на «информа-

---

³⁰ Румянцева 2012. С. 17.

³¹ Словарь актуальных музейных терминов... 2009.

³² Данный аспект авторского права практически не разработан.

³³ Дукельский 1987; Никишин 1988.

ционную систему, отражающую явления исторического процесса через музейные предметы-экспонаты как знаковые компоненты и строящуюся через их осмысление автором экспозиции в расчете на определенное понимание ее воспринимающим субъектом»³⁴, т.е. представляющую собой особый способ актуализации информации.

Выполнение музеем описанных выше функций (информационно-го ресурса, места репрезентации исторического знания) невозможно без взаимосвязи и взаимодействия участников информационного процесса, т.е. их коммуникации. Взгляд на экспозицию как на центральное звено музейной коммуникации³⁵ делает главными взаимодействующими фигурами носителя знания (историка, автора музейной экспозиции) и его «потребителя» – познающего субъекта (учащегося, неспециалиста в области истории). Они в равной мере необходимы друг другу: настоятельная потребность подталкивает носителя знания поделиться им, высказаться и быть услышанным, а адресат (сторона, принимающая информацию) в идеале жаждет получить знание, нужное ему для самореализации. Диалог дает им шанс к развитию, самосовершенствованию, интеллектуальному взаимообогащению. Здесь могут быть выделены два уровня: коммуникация музейных сотрудников с историками в процессе создания экспозиции и опосредованная экспозицией коммуникация музейных посетителей с теми и другими как авторами этого специфического текста.

Однако, когда речь идет об отношениях музея и исторической науки, не менее значимой становится и другая пара контактеров – хранитель информации и ее потребитель-профессионал. Коммуникация имеет в данном случае иную цель, иные формы и иной результат, а именно – приращение научного исторического знания в результате актуализации информации, ее извлечения историком из исторических источников/музейных предметов. Ключевой момент для достижения этой основной для исторической науки цели – обеспечение доступа исследователей к носителям информации. И тут мы сталкиваемся с оппозицией науки и музея и противодействием со стороны хранителей (музейных работников) устремляющимся в фонды исследователям. Напомним, что данная оппозиция имеет объективную составляющую, ведь одна из главных функций музея – обеспечение сохранности подлинных, аутентичных, свидетельств. Но при ее абсолютизации из поля зрения выпадает факт, многократно подтвержденный на практике: ак-

---

³⁴ Арзамасцев 1989. С. 48.

³⁵ См.: Гнедовский 2006; Именнова 2010; Музейная коммуникация... 2010.

туальная информация сохраняется лучше потенциальной, остающейся пока невостребованной; риски ее утраты, нарастания в этом месте информационного поля информационной энтропии существенно выше. По этой причине более перспективным во всех отношениях нам представляется другой путь: так организовать процесс коммуникации, использование историками носителей информации (аккумулируемых и хранимых музеем источников), чтобы свести к минимуму риски их повреждения и утраты. Специфика коммуникации в случае исторической науки и музея определяется тем, что первая выступает в роли поставщика информации, добываемой из исторических источников, и, одновременно, «потребителя» информации, хранимой музеем, а второй – в роли распорядителя необходимого исторической науке информационного ресурса и институции, не только аккумулирующей информацию, но и актуализирующей культурное наследие (в форме музейного предмета, коллекции, музейного собрания).

Основное условие на сегодня (помимо достаточного количества оборудованных под нужды исследователей рабочих мест) – правильно выстроенная деятельность по оцифровке коллекций, результатом которой является система баз и банков данных, тематических интернет-ресурсов, отвечающих требованиям репрезентативности и научности. Интересные результаты может дать создание в стенах музея библиотек, являющихся, с одной стороны, коллекцией раритетных изданий, а с другой – специализированным книжным собранием (соответственно, для исследователя это источник одновременно и исторический, и историографический).

К сожалению, пока приходится констатировать: такие примеры скорее исключение, чем правило. А ведь от эффективности коммуникации, от полноценной кооперации усилий производителей, хранителей и потребителей научной информации напрямую зависит и вектор развития исторической науки (по восходящей или по нисходящей линиям), и востребованность музея обществом, что на современном этапе является вопросом его выживания.

В разговоре о музее как о базовом элементе информационной инфраструктуры исторической науки невозможно обойти стороной технологические аспекты, потому что они затрагивают все функции музея в данном его качестве – функции информационного ресурса, места репрезентации исторического знания, места коммуникации носителя и потребителя (приемника) знания. И в исторической науке, и в музееведении, и в музейной деятельности этим аспектам уделяется

настолько большое внимание, что сформировались специальные научные дисциплины – историческая информатика³⁶ и музейная информатика³⁷. При том, что толчок развитию той и другой дали процессы компьютеризации соответствующих институций (исторической науки, музея), что технологическая (техническая, программная) сторона в них имеет много общего, что обе дисциплины решают задачи извлечения информации часто из одних и тех же носителей (исторических источников/музейных предметов), с применением одних и тех же технологий, векторы их развития во многом не совпадают, а получаемые на выходе информационные продукты служат удовлетворению разных потребностей разных же категорий потребителей информации. Адресатом в первом случае является исследователь-историк, во втором – с одной стороны, музейный посетитель (и, шире, музейная аудитория), с другой – музейный сотрудник; первая «обслуживает» познавательную (научную) деятельность, для второй важнее прикладные аспекты, о чем свидетельствуют проблематика в целом и интенсивность исследования конкретных проблем: музеи как информационные центры³⁸; компьютеризация музеев³⁹; информационные технологии в музейной деятельности в целом⁴⁰; музейные сайты, представительство музеев в «сетях»⁴¹; электронные (виртуальные) музеи и проекты⁴²; источниковедческие аспекты применения современных информационных технологий, цифровые источники, проблема доступа к источникам⁴³; применение современных информационных технологий в экспозиционной деятельности⁴⁴. Исследователи отмечают противоречивость взаимодействия технологий сетевой коммуникации с традиционными формами музейной коммуникации, их неоднозначного влияния друг на друга, и даже угрозу утраты музеем своей идентичности.

Вместе с тем нельзя не отметить и того факта, что точки соприкосновения здесь есть. Выше уже говорилось о том, в чем историческая наука и музей (и как социальные институты, и как информационные системы) необходимы друг другу в плане содержательного наполнения.

---

³⁶ Библиографию см.: *Воронцова, Гарскова* 2013. С. 504–505.

³⁷ См.: *Ноль* 2007. № 1. С. 36–39.

³⁸ *Музей будущего...* 2001.

³⁹ *Компьютер в музее, музей в компьютере...* 1991; *Ноль* 1999; и др.

⁴⁰ *Борисова* [2006]; *Заславец* 2007; и др.

⁴¹ *Валетов* 2003; *Лебедев* 2002; и др.

⁴² *Лещенко* 2011; *Селиванов* 1997; и др.

⁴³ *Борисова, Каулен, Черкаева, Чувилова и др.* 2009; *Ноль* 1991; и др.

⁴⁴ *Черненко* 2011.

Не меньше пользы может принести соединение усилий и в области информационных и коммуникационных технологий (особенно – их разработка для музеев с учетом потребностей исторической науки), реализация совместных проектов по созданию баз и банков данных, тематических сетевых и иных информационных ресурсов, более активное привлечение историков к информатизации тех сторон деятельности музеев, которые нацелены на обеспечение доступа к хранимым в них носителям информации, учет интересов исследователей при разработке стратегий оцифровки музейных сокровищ. Очевидным результатом такой кооперации станет повышение информационной отдачи и конкретных источников, и их совокупностей, переход значительных массивов потенциальной информации в информацию актуальную, лучшее информационное обеспечение исторической науки. Передовым отрядом в решении этой задачи могут и должны стать специалисты в области исторической и музейной информатики.

Рассмотрение спектра вопросов, дающих представление о роли музея как базового фактора информационной инфраструктуры исторической науки, подводит к выводу, что этот аспект взаимодействия музея и исторической науки заслуживает внимательного, взвешенного, программного подхода. Его изучение нужно вести и в теоретико-методологическом, и в конкретно-историческом, и в прикладном (научно-методическом) отношениях, координируя деятельность исследователей, принадлежащих к широкому кругу научных дисциплин. Немаловажное значение здесь имеет преодоление издержек узковедомственного подхода (к музеям – только как к учреждениям культуры, к научным институтам – только как к учреждениям науки; добавим еще: к школам и вузам – только как к учреждениям образования). В итоге на выходе и профессиональные сообщества историков и музейных сотрудников, и общество в целом, и конкретные индивиды могут получить разнообразные информационные ресурсы, жизненно необходимые им для развития по восходящей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Актуальные проблемы фондовой работы музеев. М., 1979, 1980, 1981.
- Артемов Е. Г.* Социальные функции современного музея исторического профиля // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX–XXI вв. М., 2001. С. 99–105. (Труды ГИМ; вып. 127).
- Балакирев А. С.* Музеи исторического профиля. Культурная миссия / ГЦМСР. М., 2008. 174 с.
- Божченко О. А.* Историческая память как форма музейной рефлексии // Вестн. СПбГУКИ. 2012. № 3 (12). С. 112–116.

- Борисова М.В., Каулен М.Е., Черкаева О.Е., Чувилова И.В. и др.* Культурное наследие в контексте инновационных гуманитарных технологий // Музееведение и историко-культурное наследие. Кемерово, 2009. Вып. III. С. 5–90.
- Борисова Н.А.* Инфокоммуникационные технологии в музейной деятельности // Почтовые музеи: взгляд из прошлого в будущее. [2006]. С. 23–36.
- Бородкин Л.И.* Сетевые структуры гуманитарной информатики: технологии e-humanities // Гуманитарная информатика. 2009. Вып. 5. С. 25–26.
- Бородкин Л.И., Воронцова Е.А., Мироненко С.В.* Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 6. С. 572–577. DOI: 10.7256/2222–1972.2013.6.11513
- Булдаков В.П.* (а) Историк и иллюзии исторической памяти // Россия и современный мир. 2013. № 2. С. 34–47.
- Булдаков В.П.* (б) Историк и миф. Перверсии современного исторического воображения // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 54–65
- Валетов Т.Я.* Музеи в Интернете: обзор глобальной сети // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики. Труды VIII конференции Ассоциации «История и компьютер». М.; Барнаул, 2003. С. 328–358
- Воронцова Е.А.* (а) Информационное обеспечение исторической науки: к постановке проблемы // 150 лет на службе науки и просвещения: сборник материалов междунар. науч. конф., посвященной 150-летию открытия для публики Чертковской библиотеки, 75-летию бренда «Государственная публичная историческая библиотека» и 130-летию открытия Государственного исторического музея, состоявшейся 5–6 декабря 2013 г. М.: ГПИБ России, 2014.
- Воронцова Е.А.* (б) Музей как элемент системы информационного обеспечения исторической науки: теоретико-методологические аспекты проблемы // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. «История». 2014. № 3. С. 82–85.
- Воронцова Е.А.* (в) Очерки по теории и истории культуры. М.: Летний сад, 2014. 171 с.
- Воронцова Е.А.* Музеи в системе науки // Культурные миры: Материалы науч. конф. «Типология и типы культур: разнообразие подходов (20–22 марта 2000 г., Москва)». М.: Рос. ин-т культурологии, 2001.
- Воронцова Е.А.* Классификация музеев // Музейное дело России. М., 2003. С. 235–251.
- Воронцова Е.А., Гарскова И.М.* Информационное обеспечение российской исторической науки в информационном обществе: современное состояние и перспективы // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 5. С. 487–505. DOI: 10.7256/2222-1972.2013.5.9811.
- Воронцова Е.А., Сундиева А.А., Каулен М.Е., Кузина Г.А., Дьячков А.Н., Чистотинова С.Л.* Музеи – особо ценные объекты культурного наследия. Аналитические материалы. Методы ранжирования. Деп. в ИНИОН РАН (№ 52996 от 20.10.1997)
- Газалова К.М.* Музей как социальный институт в России XX столетия // Проблемы теории, истории и методики музейной работы. М.: ГЦМСИР, 1995. С. 10–12.
- Герасимов Ю.В.* Информационно-методическое обеспечение научно-фондовой работы в музее: коллекции археологии // Вестн. Томского гос. ун-та. История. 2013. № 2 (22). С. 158–161.
- Гнедовский М.Б.* Музейная коммуникация и музейный сценарий. М.: Литера, 2006. 380 с.
- Голоса истории: музейные материалы как источник познания прошлого. М., 1990. Кн. 1. 240 с. (Сб. науч. тр. / Центр. музей Революции; вып. 22)

- Грусман В. М. Музей как институт формирования исторической памяти // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2007. Т. 8, № 35. С. 92–98.
- Дукельский В. В поисках музейной концепции истории // Музейная экспозиция: Теория и практика, искусство экспозиции, новые сценарии и концепции / Под ред. М.Т. Майстровской. М.: Рос. ин-т культурологии, 1997. С. 33–41 (На пути к музею XXI века.)
- Дукельский В.Ю. Музейные коллекции и предметный мир культуры // Некоторые проблемы исследований современной культуры. М., 1987. С. 26–34.
- Закс А.Б. Из истории экспозиционной мысли советских музеев (1917–1936) // Труды НИИ музееведения. Вып. 22. М., 1970. С. 128–165.
- Заславец Н.Н. Информационные технологии в музейной практике // Диалог со временем. Вып. 20. М., 2007. С. 299–303.
- Сбор лиц: сб. ст. / Под ред. М.Б. Пиотровского и А.А. Никоновой. СПб., 2006.
- Изучение музейных коллекций / Сост. и науч. ред. У.М. Полякова. М., 1974 (Сб. научн. тр. / НИИ культуры)
- Именнова Л.С. Музей в глобальном мире // Вестн. МГУКИ. 2011. № 1. С. 138–143.
- Именнова Л.С. Музейная коммуникация как пространство символического // Культура глобального информационного общества: противоречия развития: сб. науч. ст. М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2010. С. 522–534.
- Искусство музейной экспозиции. М., 1977, 1982, 1985 (Сб. науч. тр. / НИИ культуры).
- Исторические экспозиции региональных музеев в постсоциалистический период: сб. материалов / Отв. ред. И.В. Чувилова. СПб.: Алетейя, 2009. 304 с.
- История XX века в музейных экспозициях. М., 1995. 205 с. (Музейное дело, вып. 22; Центр. музей Революции)
- Каспаринская С.А. Мемориальные музеи исторического профиля // Историко-революционные и литературные мемориальные музеи. М., 1973. С. 3–87 (Труды НИИ культуры).
- Каулен М. Музей и наследие // Музей. 2009. № 5. С. 10–19.
- Каулен М.Е. Экспозиция и экспозиционер // Хранители наследия. Альманах ассоциации муниципальных музеев. Вып. 2. Барнаул, 2005. С. 140–168.
- Российская музейная энциклопедия / А.А. Сундиева, Е.А. Воронцова, Т.Н. Кадаурова и др.: В 2 т. М.: Прогресс, «РИПОЛ КЛАССИК», 2001.
- Корзун В.П. Научные сообщества в исторической науке как исследовательская проблема // Исторический ежегодник за 2002–2003. Омск, 2003. С. 36–46.
- Лаптева М.А. Соотношение истории как науки и музейного дела в культуре XX века (к постановке проблемы) // Вестн. Красноярского гос. технического ун-та. Вып. 41. Красноярск, 2006. С. 66–70.
- Лебедев А.В. Пространство музея в Интернете // Справочник руководителя учреждения культуры. Вып. 4. 2002. С. 85–92.
- Левыкин К.Г., Раззон А.М. Экспозиция музея и историческая наука // История СССР. 1984. № 3. С. 66–76.
- Лещенко А. Эволюция и революция в мире виртуальных музеев // Музей. 2011. № 7. С. 12–15.
- Лукина Н.П. Образ науки информационного общества: опыт философской рефлексии // Гуманитарная информатика. Вып. 4. Томск, 2007. [Электронный ресурс]. URL: huminf.tsu.ru/journal.
- Мастеница Е.Н. Музейная интерпретация истории: подходы и методы // Музей. 2010. № 10. С. 8–12.

- Михайловская А.И. Музейная экспозиция: организация и техника. М.: Советская Россия, 1964. 517 с.
- Музееведение в России первой трети XX века / Сост. Е.Н. Вакулина. М., 1997. 283 с. (Сб. науч. тр. / Центр. музей Революции)
- Музееведение и историко-культурное наследие: сб. ст. Вып. I–IV. Кемерово: КемГУКИ, 2006–2012.
- Музееведение. Музеи исторического профиля / Под ред. К.Г. Левыкина, В. Хербста. М.: Высш. шк., 1988. 431 с.
- Музееведение. Музеи мира / Отв. ред. Е.Е. Кузьмина. М., 1991. 378 с. (Сб. науч. тр. / НИИ культуры)
- Музееведение. Вопросы теории и методики / Под ред. В.Ю. Дукельского. М., 1987. 167 с.
- Музееведческая мысль в России XVIII – XX веков: Сб. документов и материалов / Под ред. Э.А. Шулеповой. М.: Этерна, 2010
- Музей будущего: информационный менеджмент / Сост. А.В. Лебедев. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 315 с.
- Компьютер в музее, музей в компьютере. Труды Всесоюзного семинара по проблемам компьютеризации музеев за 1990 г. М.: ГТГ, 1991. 128 с.
- Музей и современность. Комплектование музейных коллекций. М., 1982. 140 с. (Сб. научн. тр. / НИИ культуры)
- Музеи Российской академии наук: альманах. М.: Научный мир, 1998–2012.
- Музейная коммуникация: модели, технологии, практики / Отв. ред. В.Ю. Дукельский. М., 2010. 199 с. (Сб. ст. / Рос. ин-т культурологии)
- Музейная экспозиция / Рос. ин-т культурологии. М., 1996, 1997 (На пути к музею XXI века)
- Музейное дело России / Под ред. М.Е. Каулен, И.М. Коссовой, А.А. Сундиевой. М.: ВК, 2003, 2006, 2010
- Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2000. 298 с.
- Научные основы работы музеев исторического профиля. М., 1980. 184 с. (Сб. науч. тр. / Центр. музей Революции)
- Нестеренко А.Н. Историческая память и современность // Вестник РАН. 2012. Т. 82. № 3. С. 284–288.
- Никифоров А.Л. Историческая память и общество // Личность. Культура. Общество. 2013. Т. 15, № 2. С. 90–102.
- Никишин Н.А. Язык музея как универсальная моделирующая система музейной деятельности // Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности. М., 1988. С. 7–15 (Сб. науч. тр. / НИИ культуры).
- Ноль Л.Я. 30 лет информатики в российских музеях // Музей. 2007. № 1. С. 36–39.
- Ноль Л.Я. Автоматизированные базы данных по памятникам истории и культуры: проблемы и решения // Музеи мира. М., 1991. С. 232–248.
- Ноль Л.Я. Компьютерные технологии в музее. М.: Рос. ин-т переподготовки работников культуры, искусства и туризма, 1999. 114 с.
- Основы советского музееведения. М.: Гос. изд-во культурно-просветительной литературы, 1955. 373 с.
- Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. 2–7. М., 1960–1971.
- Поляков Т.П. Как делать музей? (О методах проектирования музейной экспозиции) / Рос. ин-т культурологии. М., 1996. 253 с.

- Пономарев Б.Б.* Несовершенный музей в несовершенном мире. М.: ИПК Робин, 2002. 168 с.
- Проблемы совершенствования экспозиций по истории советского общества. М., 1975. 234 с. (Сб. науч. тр. / НИИ культуры)
- Проблемы теории, истории и методики музейной работы (источниковая база музеев): сб. ст. М.: ГЦМСИР, 2004. 216 с.
- Равикович Д.А.* Социальные функции и типология музеев // Музееведение. Вопросы теории и методики. М., 1987. С. 10–24 (Сб. науч. тр. / НИИ культуры).
- Разгон А.М.* Исторические музеи в России (с начала 18-го века до 1861 г.). М.: Гнозис, 1993. 231 с.
- Разгон А.М.* Музейный предмет как исторический источник // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин: статьи и материалы. М.: Наука, 1984. С. 174–183.
- Репина Л.П.* Историческая память и история историков // Исторические записки. 2010. №13 (131). С. 154–164.
- Репина Л.П.* Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 33–45.
- Роль музеев в формировании исторического сознания: Междунар. науч.-практическая конф. Рязань, 25–28 апр. 2011 г.: материалы и доклады. М.: ООО «НБ-Медиа», 2011. 188 с.
- Ростовцев Е.А., Соснинский Д.А.* Направления исследований исторической памяти в России // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2. Вып. 2. 2014. С. 106–126.
- Румянцева М.Ф.* Музейная экспозиция как форма репрезентации / позиционирования актуального исторического знания: от постмодерна к постпостмодерну // Роль музеев в формировании исторического сознания. М., 2012.
- Самарина Н.Г.* Проблемы музейной источниковедения в историографии второй половины XX – начала XXI века // Собор лиц. СПб., 2006. С. 349–360.
- Сапанжа О.С.* Методология теоретического музееведения. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. 115 с.
- Сапанжа О.С.* Теория музея и музейности: исторический обзор и историческая типология. СПб.: Экспресс, 2011. 98 с.
- Селиванов Н.Л.* Субъективный взгляд на музей из виртуальной реальности // Музеи Москвы и музеелогия XX века: Тезисы науч. конф. 25–26 ноября 1997 г. М.: РГТУ, 1997. С. 35–38.
- Словарь актуальных музейных терминов // Музей. 2009. № 5.
- Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев. По материалам «круглого стола», состоявшегося 18 мая 2001 г. в Орле / [сост. Е.А. Воронцова, Л.И. Скрипкина]. М.: ГИМ, 2002. 295 с.
- Современная отечественная история в музеях: материалы конференций музейных работников, состоявшихся в гг. Москве и Иваново в 1999 г. М., 2000.
- Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга: альбом / Сост. Ю.А. Петросян, Е.А. Иванова. СПб.: Наука, 2003. 520 с.
- На пути к музею XXI века. М., 1989. 224 с. (Сб. науч. тр. / НИИ культуры)
- Станюкович Т.В.* Этнографическая наука и музеи. Л.: Наука, 1978. 288 с.
- Сундиева А.А.* Исторические музеи в современной России // Ориентиры культурной политики. Вып. 8. М., 2003. С. 55–62.
- Сундиева А.А.* Музей как культурная форма // Культурные миры: Материалы научной конференции. М.: РИК, 2001. С. 210–215.

- Сыченкова Л.А. О способах представления истории в музейных экспозициях // Вопросы музеологии. 2010. № 2. С. 124–135.
- Терминологические проблемы музееведения. М., 1986 (Сб. науч. трудов / Центр. музей Революции). 230 с.
- Тишиков В.А. О сотрудничестве с музеями исторического профиля // Вестник АН СССР, 1979, № 8, С. 100–104.
- Томилов Н.А. Музееведение. Его периодизация и основные понятия // Известия Омского гос. историко-краеведческого музея. Омск, 1998. Т. 6. С. 52–64.
- Триумф музея?: сб. ст. / Отв. ред. А.А. Никонов. СПб.: «Осипов», 2005. 458 с.
- Федоров Н.Ф. Из философского наследия: Музей и культура. М., 1995. 318 с.
- Финягина Н.П. Состав и структура музейных фондов, содержание фондовой работы // Музейное дело в СССР / Центр. музей Революции. М.: Советская Россия, 1975. С. 19–38.
- Финягина Н.П. Фондовые коллекции в музее // Вопросы музейной работы. М., 1974. С. 104–118 (Труды НИИ культуры, вып. 11)
- Черкаева О. От предмета к музейному собранию // Музей. 2009. № 5. С. 26–30.
- Черненко В.В. Информационные технологии в экспозиционной и выставочной деятельности // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения. Новосибирск, 2011. С. 330–335.
- Чувилова И. Классификация музеев и проблемы наследия // Музей. 2009. № 5. С. 20–25.
- Шляхтина Л.М. Современная музеология: горизонты теоретизирования // Вопросы музеологии. 2013. № 1 (7).
- Шмит Ф.И. Исторические, этнографические, художественные музеи. Очерк истории и теории музейного дела. Харьков: Союз, 1919. 104 с.
- Шницерльман В.А. Музей и конструирование социальной памяти: культурологический подход // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 8–26.
- Юренева Т.Ю. Музееведение: учебник для высшей школы. М.: Академический проект, 2003. 560 с.

BIBLIOGRAFIJA

- Aktual'nye problemy fondovoj raboty muzeev. М., 1979, 1980, 1981.
- Artemov E G. Social'nye funkcii sovremennogo muzeja istoricheskogo profilja // Teorija i praktika muzejnogo dela v Rossii na rubezhe XX–XXI vv. М., 2001. С. 99–105. (Trudy GIM; vyp. 127).
- Balakirev A.S. Muzei istoricheskogo profilja. Kul'turnaja missija / GCMSR. М., 2008. 174 s.
- Bozhchenko O.A. Istoricheskaja pamjat' kak forma muzejnoj refleksii // Vestn. SPbGUKI. 2012. № 3 (12). S. 112–116.
- Borisova M.V., Kaulen M.E., Cherkaeva O.E., Chuvilova I.V. i dr. Kul'turnoe nasledie v kontekste innovacionnyh gumanitarnyh tehnologij // Muzevedenie i is-toriko-kul'turnoe nasledie. Kemerovo, 2009. Vyp. III. S. 5–90.
- Borisova N.A. Infokommunikacionnye tehnologii v muzejnoj dejatel'nosti // Pochtovye muzei: vzgljad iz proshlogo v budushhee. [2006]. S. 23–36.
- Borodkin L.I. Setevye struktury gumanitarnoj informatiki: tehnologii e-humanities // Gumanitarnaja informatika. 2009. Vyp. 5. S. 25–26.
- Borodkin L.I., Voroncova E.A., Mironenko S.V. Rol' bibliotek v informacion-nom obespechenii istoricheskij nauki // Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovanija. 2013. № 6. S. 572–577. DOI: 10.7256/2222–1972.2013.6.11513

- Buldakov V.P. (a) Istorik i illjuzii istoricheskoy pamjati // Rossija i sovremennyy mir. 2013. № 2. S. 34–47.
- Buldakov V.P. (b) Istorik i mif. Perversii sovremenno go istoricheskogo voobra-zhenija // Voprosy filosofii. 2013. № 8. S. 54–65
- Valetov T.Ja. Muzei v Internetе: obzor global'noj seti // Krug idej: jelektronnye resursy istoricheskoy informatiki. Trudy VIII konferencii Associacii «Is-torija i komp'juter». M.; Barnaul, 2003. S. 328–358
- Voroncova E.A. (a) Informacionnoe obespechenie istoricheskoy nauki: k postanovke problemy // 150 let na sluzhbe nauki i prosveshhenija: sbornik materialov mezhdunar. nauch. konf., posvjashhennoj 150-letiju otkrytija dlja publiki Chertkovskoj biblioteki, 75-letiju brenda «Gosudarstvennaja publichnaja istoricheskaja biblioteka» i 130-letiju otkrytija Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja, sostojavshejsja 5–6 dekabrja 2013 g. M.: GPIB Rossii, 2014.
- Voroncova E.A. (b) Muzej kak jelement sistemy informacionnogo obespechenija istoricheskoy nauki: teoretiko-metodologicheskie aspekty problemy // Gumanitarnye nauki v Sibiri. Ser. «Istorija». 2014. № 3. S. 82–85.
- Voroncova E.A. (v) Oчерki po teorii i istorii kul'tury. M.: Letnij sad, 2014. 171 s.
- Voroncova E.A. Muzei v sisteme nauki // Kul'turnye miry: Materialy nauch. konf. «Tipologija i tipy kul'tur: raznoobrazie podhodov (20–22 marta 2000 g., Moskva)». M.: Ros. in-t kul'turologii, 2001.
- Voroncova E.A. Klassifikacija muzeev // Muzejnoe delo Rossii. M., 2003. S. 235–251.
- Voroncova E.A., Garskova I.M. Informacionnoe obespechenie rossijskoj istoricheskoy nauki v informacionnom obshhestve: sovremennoe sostojanie i perspektivy // Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovanija. 2013. № 5. S. 487–505. DOI: 10.7256/2222-1972.2013.5.9811.
- Voroncova E.A., Sundieva A.A., Kaulen M.E., Kuzina G.A., D'jachkov A.N., Chistotina S.L. Muzei – osobo cenne ob#ekty kul'turnogo nasledija. Analiticheskie materialy. Metody ranzhirovanija. Dep. v INION RAN (№ 52996 ot 20.10.1997)
- Gazalova K.M. Muzej kak social'nyj institut v Rossii XX stoletija // Problemy teorii, istorii i metodiki muzejnoj raboty. M.: GCMSIR, 1995. S. 10–12.
- Gerasimov Ju.V. Informacionno-metodicheskoe obespechenie nauchno-fondovoj raboty v muzee: kolekcii arheologii // Vestn. Tomskogo gos. un-ta. Istorija. 2013. № 2 (22). S. 158–161.
- Gnedovskij M.B. Muzejnaja kommunikacija i muzejnyj scenarij. M.: Litera, 2006. 380 s.
- Golosa istorii: muzejnye materialy kak istochnik poznanija proshlogo. M., 1990. Kn. 1. 240 s. (Sb. nauch. tr. / Centr. muzej Revoljucii; vyp. 22)
- Grusman V. M. Muzej kak institut formirovanija istoricheskoy pamjati // Izvestija Ros. gos. ped. un-ta im. A. I. Gercena. 2007. T. 8, № 35. S. 92–98.
- Dukel'skij V. V poiskah muzejnoj koncepcii istorii // Muzejnaja jekspozicija: Teo-rija i praktika, iskusstvo jekspozicii, novye scenarii i koncepcii / Pod red. M.T. Majstrovskoj. M.: Ros. in-t kul'turologii, 1997. S. 33–41 (Na puti k mu-zeju XXI veka.)
- Dukel'skij V.Ju. Muzejnye kolekcii i predmetnyj mir kul'tury // Nekotorye problemy issledovanij sovremennoj kul'tury. M., 1987. S. 26–34 (Sb. nauch. tr. / NII kul'tury)
- Zaks A.B. Iz istorii jekspozicionnoj mysli sovetskih muzeev (1917–1936) // Trudy NII muzevedenija. Vyp. 22. M., 1970. S. 128–165.
- Zaslavec H.H. Informacionnye tehnologii v muzejnoj praktike // Dialog so vre-menem. Vyp. 20. M., 2007. S. 299–303.
- Sobor lic: sb. st. / Pod red. M.B. Piotrovskogo i A.A. Nikonovoj. SPb., 2006.

- Izuchenie muzejnyh kolekcij / Sost. i nauch. red. U.M. Poljakova. M., 1974 (Sb. nauchn. tr. / NII kul'tury)
- Imennova L.S. Muzej v global'nom mire // Vestn. MGUKI. 2011. № 1. S. 138–143.
- Imennova L.S. Muzejnaja komunikacija kak prostranstvo simvolicheskogo // Kul'tura global'nogo informacionnogo obshhestva: protivorechija razvitiya: sb. nauch. st. M.: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 2010. S. 522–534.
- Iskusstvo muzejnoj jekspozicii. M., 1977, 1982, 1985 (Sb. nauch. tr. / NII kul'tu-ry).
- Istoricheskie jekspozicii regional'nyh muzeev v postsocialisticheskij period: sb. materialov / Otv. red. I.V. Chuvilova. SPb.: Aletejja, 2009. 304 s.
- Istorija XX veka v muzejnyh jekspozicijah. M., 1995. 205 s. (Muzejnoe delo, vyp. 22; Centr. muzej Revoljucii)
- Kasparinskaja S.A. Memorial'nye muzei istoricheskogo profilja // Istoriko-revoljucionnye i literaturnye memorial'nye muzei. M., 1973. S. 3–87.
- Kaulen M. Muzej i nasledie // Muzej. 2009. № 5. S. 10–19.
- Kaulen M.E. Jekspozicija i jekspozicioner // Hraniteli nasledija. Al'manah asoci-acii municipal'nyh muzeev. Vyp. 2. Barnaul, 2005. S. 140–168.
- Rossijskaja muzejnaja jenciklopedija / A.A. Sundieva, E.A. Voroncova, T.N. Kadaurova i dr.: V 2 t. M.: Progress, «RIPOL KLASSIK», 2001.
- Korzun V.P. Nauchnye soobshhestva v istoricheskij nauke kak issledovatel'skaja problema // Istoricheskij ezhegodnik za 2002–2003. Omsk, 2003. S. 36–46.
- Lapteva M.A. Sootnoshenie istorii kak nauki i muzejnogo dela v kul'ture XX veka (k postanovke problemy) // Vestn. Krasnojarskogo gos. tehničeskogo un-ta. Vyp. 41. Krasnojarsk, 2006. S. 66–70.
- Lebedev A.V. Prostranstvo muzeja v Internete // Spravochnik rukovoditelja uchrezhdenija kul'tury. Vyp. 4. 2002. S. 85–92.
- Levykin K.G., Razgon A.M. Jekspozicija muzeja i istoričeskaja nauka // Istorija SSSR. 1984. № 3. S. 66–76.
- Leshhenko A. Jevoljucija i revoljucija v mire virtual'nyh muzeev // Muzej. 2011. № 7. S. 12–15.
- Lukina N.P. Obraz nauki informacionnogo obshhestva: opyt filosofskoj reflek-sii // Gumanitarnaja informatika. Vyp. 4. Tomsk, 2007. [Jelektronnyj resurs]. URL: huminf.tsu.ru/journal.
- Mastenica E.N. Muzejnaja interpretacija istorii: podhody i metody // Muzej. 2010. № 10. S. 8–12.
- Mihajlovskaja A.I. Muzejnaja jekspozicija: organizacija i tehnika. M.: Sovetskaja Rossiya, 1964. 517 s.
- Muzeevedenie v Rossii pervoj treti XX veka / Sost. E.N. Vakulina. M., 1997. 283 s. (Sb. nauch. tr. / Centr. muzej Revoljucii)
- Muzeevedenie i istoriko-kul'turnoe nasledie: sb. st. Vyp. I–IV. Kemerovo: Kem-GUKI, 2006–2012.
- Muzeevedenie. Muzei istoricheskogo profilja / Pod red. K.G. Levykina, V. Herbsta. M.: Vyssh. shk., 1988. 431 s.
- Muzeevedenie. Muzei mira / Otv. red. E.E. Kuz'mina. M., 1991. 378 s.
- Muzeevedenie. Voprosy teorii i metodiki / Pod red. V.Ju. Dukel'skogo. M., 1987. 167 s.
- Muzevedčeskaja mysl' v Rossii XVIII – XX vekov: Sb. dokumentov i materialov / Pod red. Je.A. Shulepovoj. M.: Jeterna, 2010
- Muzej budushhego: informacionnyj menedzhment / Sost. A.V. Lebedev. M.: Pro-gress-Tradicija, 2001. 315 s.

- Komp'juter v muzee, muzej v komp'jutere. Trudy Vsesojuznogo seminaru po problemam komp'juterizacii muzeev za 1990 g. M.: GTG, 1991. 128 s.
- Muzej i sovremennost'. Komplektovanie muzejnyh kolekcij. M., 1982. 140 s. (Sb. nauchn. tr. / NII kul'tury)
- Muzei Rossijskoj akademii nauk: al'manah. M.: Nauchnyj mir, 1998–2012.
- Muzejnaja kommunikacija: modeli, tehnologii, praktiki / Otv. red. V.Ju. Dukel'-skij. M., 2010. 199 s. (Sb. st. / Ros. in-t kul'turologii)
- Muzejnaja jekspozicija / Ros. in-t kul'turologii. M., 1996, 1997 (Na puti k muzeju XXI veka)
- Muzejnoe delo Rossii / Pod red. M.E. Kaulen, I.M. Kossovoj, A.A. Sundievoj. M.: VK, 2003, 2006, 2010
- Mjagkov G.P. Nauchnoe soobshhestvo v istoricheskoj nauke: opyt «rosskoj istoricheskoj shkoly». Kazan': Izd-vo Kazanskogo un-ta, 2000. 298 s.
- Nauchnye osnovy raboty muzeev istoricheskogo profilja. M., 1980. 184 s. (Sb. nauch. tr. / Centr. muzej Revoljucii)
- Nesterenko A.N. Istoricheskaja pamjat' i sovremennost' // Vestnik RAN. 2012. T. 82. № 3. S. 284–288.
- Nikiforov A.L. Istoricheskaja pamjat' i obshhestvo // Lichnost'. Kul'tura. Obshhe-stvo. 2013. T. 15, № 2. S. 90–102.
- Nikishin N.A. Jazyk muzeja kak universal'naja modelirujushhaja sistema muzejnoj dejatel'nosti // Problemy kul'turnoj kommunikacii v muzejnoj dejatel'nosti. M., 1988. S. 7–15 (Sb. nauch. tr. / NII kul'tury).
- Nol' L.Ja. 30 let informatiki v rossijskih muzejah // Muzej. 2007. № 1. S. 36–39.
- Nol' L.Ja. Avtomatizirovannye bazy dannyh po pamjatnikam istorii i kul'tury: problemy i reshenija // Muzei mira. M., 1991. S. 232–248.
- Nol' L.Ja. Komp'juternye tehnologii v muzee. M.: Ros. in-t perepodgotovki rabotnikov kul'tury, iskusstva i turizma, 1999. 114 s.
- Osnovy sovetskogo muzeevedenija. M.: Gos. izd-vo kul'turno-prosvetitel'noj li-teratury, 1955. 373 s.
- Očerki istorii muzejnogo dela v SSSR. Vyp. 2–7. M., 1960–1971.
- Poljakov T.P. Kak delat' muzej? (O metodah proektirovanija muzejnoj jekspozicii) / Ros. in-t kul'turologii. M., 1996. 253 s.
- Ponomarev B.B. Nesovershennyj muzej v nesovershennom mire. M.: IPK Robin, 2002. 168 s.
- Problemy sovershenstvovanija jekspozicij po istorii sovetskogo obshhestva. M., 1975. 234 s. (Sb. nauch. tr. / NII kul'tury)
- Problemy teorii, istorii i metodiki muzejnoj raboty (istochnikovaja baza muze-ev): sb. st. M.: GCMSIR, 2004. 216 s.
- Ravikovich D.A. Social'nye funkcii i tipologija muzeev // Muzeevedenie. Voprosy teorii i metodiki. M., 1987. S. 10–24 (Sb. nauch. tr. / NII kul'tury).
- Razgon A.M. Istoricheskie muzei v Rossii (s nachala 18-go veka do 1861 g.). M.: Gnozis, 1993. 231 s.
- Razgon A.M. Muzejnyj predmet kak istoricheskij istochnik // Problemy istochnikovedenija istorii SSSR i special'nyh istoricheskikh disciplin: stat'i i ma-terialy. M.: Nauka, 1984. S. 174–183.
- Repina L.P. Istoricheskaja pamjat' i istorija istorikov // Istoricheskie zapiski. 2010. №13 (131). S. 154–164.

- Repina L.P. Istoricheskaja pamjat' i sovremennaja istoriografija // Novaja i novej-shaja istorija. 2004. № 5. S. 33–45.
- Rol' muzeev v formirovanii istoricheskogo soznanija: Mezhdunar. nauch.-prakticheskaja konf. Rjazan', 25–28 apr. 2011 g.: materialy i doklady. M.: OOO «NB-Media», 2011. 188 s.
- Rostovcev E.A., Sosnickij D.A. Napravlenija issledovanij istoricheskoi pamjati v Rossii // Vestn. Sankt-Peterburgskogo un-ta. Ser. 2. Vyp. 2. 2014. S. 106–126.
- Rumjanceva M.F. Muzejnaja jekspozicija kak forma reprezentacii / pozicionirovanija aktual'nogo istoricheskogo znanija: ot postmoderna k postpostmodernu // Rol' muzeev v formirovanii istoricheskogo soznanija. M., 2012.
- Samarina N.G. Problemy muzejnogo istochnikovedenija v istoriografii vtoroj poloviny XX – nachala XXI veka // Sobor lic. SPb., 2006. S. 349–360.
- Sapanzha O.S. Metodologija teoreticheskogo muzeevedenija. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2008. 115 s.
- Sapanzha O.S. Teorija muzeja i muzejnosti: istoricheskij obzor i istoricheskaja tipologija. SPb.: Jekspress, 2011. 98 s.
- Selivanov H.L. Sub#ektivnyj vzgljad na muzej iz virtual'noj real'nosti // Muzei Moskvy i muzeologija XX veka: Tezisy nauch. konf. 25–26 nojabrja 1997 g. M.: RGGU, 1997. S. 35–38.
- Slovar' aktual'nyh muzejnyh terminov // Muzej. 2009. № 5.
- Sovremennaja istoriografija i problemy soderzhanija istoricheskikh jekspozicij muzeev. Po materialam «kruglogo stola», sostojavshegosja 18 maja 2001 g. v Orle / [sost. E.A. Voroncova, L.I. Skripkina]. M.: GIM, 2002. 295 s.
- Sovremennaja otechestvennaja istorija v muzejah: materialy konferencij muzejnyh rabotnikov, sostojavshihsj v gg. Moskve i Ivanovo v 1999 g. M., 2000.
- Sokrovishha akademicheskikh sobranij Sankt-Peterburga: al'bom / Sost. Ju.A. Pet-rosjan, E.A. Ivanova. SPb.: Nauka, 2003. 520 s.
- Na puti k muzeju XXI veka. M., 1989. 224 s. (Sb. nauch. tr. / NII kul'tury)
- Stanjukovich T.V. Jetnograficheskaja nauka i muzei. L.: Nauka, 1978. 288 s.
- Sundieva A.A. Istoricheskie muzei v sovremennoj Rossii // Orientiry kul'turnoj politiki. Vyp. 8. M., 2003. S. 55–62.
- Sundieva A.A. Muzej kak kul'turnaja forma // Kul'turnye miry: Materialy nauch-noj konferencii. M.: RIK, 2001. S. 210–215.
- Syченkova L.A. O sposobah predstavljenija istorii v muzejnyh jekspozicijah // Voprosy muzeologii. 2010. № 2. S. 124–135.
- Terminologicheskie problemy muzeevedenija. M., 1986 (Sb. nauch. trudov / Centr. muzej Revoljucii). 230 s.
- Tishkov V.A. O sotrudnichestve s muzejami istoricheskogo profilja // Vestnik AN SSSR, 1979, № 8, S. 100–104.
- Tomilov N.A. Muzeevedenie. Ego periodizacija i osnovnye ponjatija // Izvestija Omskogo gos. istoriko-kraevedcheskogo muzeja. Omsk, 1998. T. 6. S. 52–64.
- Triumf muzeja?: sb. st. / Otv. red. A.A. Nikonov. SPb.: «Osipov», 2005. 458 s.
- Fedorov N.F. Iz filosofskogo nasledija: Muzej i kul'tura. M., 1995. 318 s.
- Finjagina N.P. Sostav i struktura muzejnyh fondov, soderzhanie fondovoj raboty // Muzejnoe delo v SSSR / Centr. muzej Revoljucii. M.: Sovetskaja Rossija, 1975. S. 19–38.
- Finjagina N.P. Fondovye kolekcii v muzee // Voprosy muzejnoj raboty. M., 1974. S. 104–118 (Trudy NII kul'tury, vyp. 11)

- Cherkaeva O. Ot predmeta k muzejnomu sobraniju // Muzej. 2009. № 5. S. 26–30.
- Chernenko V.V. Informacionnye tehnologii v jekspozicionnoj i vystavočnoj dejatel'nosti // Sovremennye tendencii v razvitii muzeev i muzevedenija. Novo-sibirsk, 2011. S. 330–335.
- Chuvilova I. Klassifikacija muzeev i problemy nasledija // Muzej. 2009. № 5. S. 20–25.
- Shljahtina L.M. Sovremennaja muzeologija: gorizonty teoretizirovanija // Voprosy muzeologii. 2013. № 1 (7).
- Shmit F.I. Istoricheskie, jetnograficheskie, hudozhestvennye muzei. Oчерk isto-rii i teorii muzejnogo dela. Har'kov: Sojuz, 1919. 104 s.
- Shnirel'man V.A. Muzej i konstruirovanie social'noj pamjati: kul'turologičeskij podhod // Jetnograficheskoe obozrenie. 2010. № 4. S. 8–26.
- Jureneva T.Ju. Muzeevedenie: uchebnik dlja vysshej shkoly. M.: Akademicheskij projekt, 2003. 560 s.

Воронцова Евгения Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (ученое звание), Государственный литературный музей, научный редактор; eworonzowa@mail.ru

A museum as a basic element of informational infrastructure of historical discipline

The article is dedicated to an important aspect of informational support of historical discipline – to a museum as a basic element of its informational infrastructure. By helping increase volume and variety of information and perfect its quality, both a museum and historical discipline play an important role in the deepening of historical memory, fights informational entropy, but do in different ways. Mechanisms of their co-operation are defined by the fact that both social institutions are complex and developing systems, each with its own structure and infrastructure. The article analyses similarities and differences of their infrastructures, the way the co-operation of the systems is regulated, and elements within each of these. The question about informational infrastructure required to interpret historical discipline and a museum as informational systems; thus it becomes possible to view these as basic elements of each other's informational infrastructure. It has been concluded that, being a basic element of the infrastructure of historical discipline, a museum functions as an informational resource, a place of the representation of historical knowledge and of the communication of a bearer of knowledge (a historian, a curator) with a perceiving subject (a student, a visitor who is not an expert on history).

Keywords: historical discipline, museum, informational infrastructure, social (historical) memory, museum studies / museology, historical source / museum object, informational strategies, representation of historical knowledge, communication, technological aspects.

Vorontsova Evgeniya Aleksandrovna, Ph.D. in History, Senior Research Fellow, State Literary Museum, scientific editor; eworonzowa@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ ИДЕЙ

А. А. ИСЭРОВ

СРАВНЕНИЕ ДЕКЛАРАЦИЙ НЕЗАВИСИМОСТИ США И СТРАН ИСПАНСКОЙ АМЕРИКИ К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ*

Статья посвящена сравнению деклараций независимости США и стран Испанской Америки. Впервые в историографии составлен полный список деклараций независимости стран Испанской Америки. Поднимаемые вопросы выводят нас на основные проблемы движений за независимость в Новом Свете (а в конечном итоге – на рассуждения о природе британского и испанского колониальных обществ в Америке), а соответственно – не имеют четких и окончательных ответов.

Ключевые слова: декларация независимости, народный суверенитет, США, Латинская Америка, атлантические революции, межамериканские отношения.

Известный англо-американский историк, гарвардский профессор Дэвид Армитедж верно заметил, что Декларация независимости США от 4 июля 1776 г. стала основоположником нового жанра в международном праве¹. У нее было, по сути, лишь два полноценных предшественника – Акт о клятвенном отречении (Plakkaat van Verlatinge) от 26 июля 1581 г., в котором представители Нидерландов провозгласили независимость от испанских Габсбургов, и корсиканский Регламент от 30 января 1735 г., объявивший о независимости от Генуи². Декларации

---

*Первоначальный набросок этой темы был представлен мною на конференции «Конституционализм в Европе и Америке: наследие прошлого и перспективы (к 200-летию Кадисской конституции 1812 г.)» в Ибероамериканском центре РГГУ (руководитель И.Ю. Медников) 23 октября 2012 г. статья обсуждалась на заседании Центра североамериканских исследований ИВИ РАН 19 февраля 2014 г. Выражаю благодарность А.Ю. Щелчкову (ИВИ РАН) и С.Б. Вольфсону (ИВИ РАН) за высказанные замечания.

¹ *Armitage*. 2007. Замечу, что в этой серьезной плодотворной попытке создать всеобъемлющую историю жанра «деклараций независимости» слабо, даже с фактическими ошибками, представлена история Восточной Европы, включая Российскую империю и Советский Союз. Изложение испаноамериканского материала тоже не свободно от неточностей, на чем я подробнее остановлюсь в приложении.

О создании Декларации независимости США см.: *Maier* 1997. Глубокий анализ содержания см.: *Wills* 1978.

² В Акте о клятвенном отречении признается исходящий от Бога суверенитет монарха, утрачиваемый им при нарушении естественных прав народа. Эти представления восходят к Ветхому Завету: Втор. 17: 14–20 (Господь ограничивает власть

независимости стали по-настоящему возможны тогда, когда понятие государственного суверенитета, разрабатывавшееся на протяжении XVI–XVII столетий, окончательно стало фундаментом международного права, что было зафиксировано, в частности, в чрезвычайно влиятельном трактате «Право народов, или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов» (1758) женевского профессора Эмерика де Ваттеля (1714–1767).

Обычная логика деклараций независимости – утверждение естественного права (впоследствии – права на самоопределение в соответствии с позитивистским международным правом)³, народного суверени-

---

царей Моисеевым законом); 1 Царств 8: 11–18 (пророк Самуил по просьбе народа просит Господа дать Израилю царя, а Господь описывает ужасы самовластия). Кстати, агент революционеров Пернамбуку в США, купец Антониу Гонсалвеш да Круш (ок. 1775–1833) в своем памфлете перепутал эти два сюжета, приписав разговор Самуила с Господом Второзаконию: [Gonçalves da Cruz] 1817. P. 8. К сожалению, в своей книге я ограничился пересказом революционной аргументации и не нашел ошибки автора, к тому же почему-то назвав последнего из судей израильских Самуила царем – Исэров 2011. С. 130 (сн.).

Идеи Акта о клятвенном отречении вписываются в «монархомахию» времен ожесточенной борьбы католиков и протестантов последней трети XVI в. Среди теоретиков «монархомахии» особенно выделяются кальвинисты и иезуиты. См.: *Treumann* 1895; *Gierke* 1880; *Skinner* 1978. P. 189–348; *Friedeburg*. 1999. О монархомахакхугенотах: “Et de sa bouche sortait un glaive”: Les Monarchomaques au XVIe siècle. 2006.

В контрреформационной богословско-юридической мысли представление о праве подданных на восстание против утратившего суверенитет монарха содержится, в частности, в работе испанского иезуита Хуана де Марианы (1536–1624) “De rege et regis institutione” («О королях и королевских установлениях», 1598/1599). Близкие мысли высказывал английский иезуит Роберт Парсонс (1546–1610). См.: *Долман (Парсонс)* 2013. На вклад иезуитов в складывание представлений о народном суверенитете обратил внимание еще Леопольд фон Ранке: *Ranke*. 1833. S. 606–616.

В целом о зарождении и эволюции представлений о естественном праве см. не потерявшую своего значения работу: *Gierke* 1868–1913. Bd. 4. S. 276–541. Среди недавних исследований см.: *Tuck* 1979.

Корсиканский Регламент просто объявляет о независимости (и публичном сожжении генуэзских законов и статутов), но не приводит никаких причин, которые оправдывают это решение.

³ Примечательно, что во второй половине XVIII в. в философии и правоведении на смену утверждавшемуся Гуго Гроцием и Эмериком де Ваттелем естественному праву приходит право позитивное. Таким образом, самый известный текст, провозглашающий приоритет естественного права над существующими человеческими установлениями, появился на свет как раз тогда, когда просветители отвернулись от него в пользу позитивного права как не подверженного чересчур вольным трактовкам. См.: *Armitage* 2002. P. 54–62. Напрашивается интересное сравнение: летом 1917 года, как раз в канун Октябрьской революции, русский юрист и правовед П.И. Новгородцев (1866–1924) выпустил труд «Об общественном идеале», в основ-

тета и, как следствие, право законных представителей народа объявить независимость. Затем следует объяснение причин провозглашения независимости не только перед соотечественниками, но и перед всем мировым сообществом. Так мятеж становился в глазах современников законной войной за независимость – войной между двумя государствами.

Первыми последователями Декларации независимости США в этом жанре считаются принятый в ходе Брабантского восстания Манифест провинции Фландрии о независимости от власти австрийских Габсбургов 4 января 1790 года (восстание, впрочем, было подавлено в том же году, а независимость Фландрия вместе с Валлонией получают только в 1830 г., составив королевство Бельгия), а также два документа, которые, впрочем, можно отнести к жанру деклараций лишь с определенным допущением: никак не озаглавленное гаитянское воззвание от 1 января 1804 года и сербское Проглашение Карагеоргия (21 февраля / 5 марта 1809 года)⁴. Однако настоящий вал деклараций независимости

ном посвященный кризису марксизма: «...для современного научного взгляда марксизм в своем конкретном и целостном выражении, марксизм подлинный, а не исправленный есть не более как достояние прошлого... За марксизмом остается, конечно, слава великой и классической доктрины, имеющей огромное историческое значение; но говорить о его незыблемости могут в наши дни только очень преданные поклонники. И философские предпосылки, и социологические построения, и экономические учения Маркса, – все это теперь расшатано критикой... мы имеем все основания утверждать, что кризис марксизма есть вместе с тем и кризис социализма в его самом глубоком, чистом и безусловном выражении». *Новгородцев* 1991. С. 227–228.

⁴ Два единственных дошедших до нас оригинала «декларации независимости» Гаити были найдены совсем недавно, в феврале 2010 г. и марте 2011 г., в британских Национальных архивах аспиранткой Duke University Джулией Гаффилд (Julia Gaffield). См.: *Cave*. 2010. Гаитянская декларация выделяется из общего ряда не только своей отсутствием названия: в ее тексте нет обычной логики таких документов (утверждение естественного права, народного суверенитета и, как следствие, право законных представителей народа объявить независимость). Здесь независимость провозглашает высшее военное командование гаитянских повстанцев. Вообще текст документа выглядит скорее как манифест – обращение к народу Гаити, а не как объяснение причин отделения как перед соотечественниками, так и перед всем миром. На эти обстоятельства не обращает внимания научный руководитель Джулии Гаффилд: *Jenson* 2009. P. 72–102. Гаитянская декларация близка скорее не Декларации независимости США, а Проглашению Карагеоргия, в котором вождь восстания призывает сербский народ бороться за свободу против турок (Белград, 21 февраля / 5 марта 1809 г.). См.: *Савић*. 1988. Т. I. С. 468–469. Гаитянский и сербский тексты можно сравнить с провозглашением корсиканскими повстанцами независимости от Генуи 30 января 1735 г. Рядом стоит «клич Долорес» (el grito de Dolores) от 16 сентября 1810 г. – призыв мексиканского священника и революционера Мигеля Идальго к свержению правительства Новой Испании, состоявший всего из одного

(причем именно под таким названием) породила борьба за независимость Испанской Америки 1810–1826 гг. К сожалению, до сих пор не существует единого комментированного издания всех деклараций независимости, порожденных революцией 1810–1826 гг. в Новом Свете.

Несмотря на кажущуюся очевидность сопоставления Декларации независимости США и деклараций независимости стран Испанской Америки и, данная тема почти не изучена в литературе. Так, в материалы круглого стола в журнале “*Journal of American History*”, посвященного рецепции Декларации независимости США, вошли статьи Жоакина Олтры об Испании и Хосефины Сорайды Васкес о Мексике⁵. Олтра сосредотачивает свой взгляд исключительно на Испании в ее современных границах и, обходя стороной исследования Марио Родригеса⁶, подчеркивает, что до революции 1868 г. и принятия «первой демократической конституции в испанской истории» в 1869 г. политический опыт и политическая культура Соединенных Штатов практически не интересовали испанское общество. Статья Васкес начинается с утверждения, что сравнивать декларации независимости США и Мексики «трудно» и что мексиканские повстанцы не читали Декларацию независимости США⁷. Если «движению к независимости в Английской Америке предшествовало внимание к настоящему (*present-mindedness*), которое переизобретало (*re-imagined*) будущее, то в Испанской Америке ему предшествовало новое переосмысление прошлого», а именно – интерес к до-Габсбургскому политико-правовому наследию средневековой Испании («свободам», украденным позднее абсолютизмом) и неотомизму в духе Второй схоластики доминиканцев Саламанкской школы Франсиско де Витории (1483–1546), Доминго де Сото (1494–1560), Франсиско Суареса (1548–1617), – к этим именам следует, кстати, добавить уже упоминавшегося в статье иезуи-

---

или нескольких предложений, точное содержание которого (или которых) до нас не дошло. См.: *Herrejón Peredo* 2009. P. 38–53.

⁵ *Vásquez* 1999. P. 1362–1369; *Oltra* 1999. P. 1370–1379. В качестве образца раннего перевода Декларации независимости на испанский язык, в электронной версии круглого стола на сайте <http://chnm.gmu.edu/declaration/> приведен текст мексиканца Хосе Марии Луиса Мора в либеральной газете “*Semanario Político, Económico y Literario*” (12 декабря 1821 г.), тогда как первыми известными переводами этого документа на испанский стали публикации в Филадельфии и Боготе венесуэльца Мануэля Гарсиа де Сены и колумбийца Мигеля де Помбо 1811 г, о которых речь пойдет ниже.

⁶ *Rodríguez* 1976.

⁷ Утверждение спорное и требующее доказательства. Так, купцы Ричард Кливленд и Уильям Шэйлер распространяли в Мексике текст Декларации независимости США на испанском языке еще в начале 1803 года (об этом подробнее ниже).

та Хуана де Мариану и юриста-мирянина Фернандо Васкеса де Менчаку (1512–1569). Речь здесь идет, прежде всего, о креольском понимании народного суверенитета и общественного договора (*rustum translationis*) с монархом: вице-королевства Нового Света связаны договором не с Испанией, а с королем Испании, а в случае отсутствия законного короля, что и произошло в мае 1808 г. в итоге Байоннских отречений (Карл IV и его сын Фердинанд VII отреклись в пользу Наполеона от испанского престола), суверенитет возвращается народу.

В Акте независимости Мексиканской империи 28 сентября 1821 года, чьи «слова были либеральными, но смысл часто традиционным», Васкес видит выражение креольского патриотизма, замечая, впрочем, что универсалистский смысл Декларации независимости США был знаком испаноамериканцам еще со времен неотомистского осмысления Конкисты. В целом, она подчеркивает «конкретные цели социальной реформы» мексиканского движения за независимость в противовес «абстрактным правам» и «языку абстрактных принципов» Декларации независимости США. Создается впечатление, что автор видит идеологию Войны за независимость США исключительно как воплощение идей Локка, хотя в американских колониях Великобритании, как показал Бернард Бейлин, большим влиянием пользовались вигские идеи об узурпированных монархией исконных правах и свободах англичан⁸ – взгляды очень близкие приведенным Васкес мыслям испанских просветителей Мельчиора Гаспара де Ховельяноса (1744–1811) и Франсиско Мартинеса Марины (1754–1833).

Известный североамериканский исследователь войны за независимость Испанской Америки Хайме Родригес О. эмоционально подчеркивает роль испанского философско-правового наследия в идеологии испаноамериканских революционеров. Он понимает, что революционеры были знакомы с документами североамериканской независимости, но считает, что влияние этих документов могло быть только внешним, неглубоким, а основной смысл революции – именно в преемственности испанской традиции. Родригес О. видит в войне за независимость Испанской Америки не антиколониальное движение, а часть общего процесса распада Испанской империи и появления на ее месте ряда новых государств, включая собственно Испанию⁹.

---

⁸ *Bailyn* 1967, 1992 (рус. пер. К.А. Осповата и Д.М. Хитровой: *Бейлин* 2010).

⁹ *Rodríguez O.* 2010¹. P. 25–43; *Rodríguez O.* 2010². P. 691–714. Родригес О. спорит, в частности, с подробным исследованием влияния североамериканской революции на движение за независимость в Испанской Америке: *Simmons.* 1992. Привычную линию Марио Родригеса и Мерля Симмонса, подчеркивавших влияние

В свежем сборнике исследований американских деклараций независимости задача сопоставления текстов деклараций Нового Света не ставится ни одним из авторов, в т.ч. Армитеджем, который, впрочем, в своей статье подробнее, чем в монографии, останавливается на испаноамериканских документах¹⁰. В целом же сборник стал действительно новой вехой в изучении, в первую очередь, деклараций независимости стран Испанской Америки, которые, однако, трактуются в основном изолированно друг от друга.

В своей монографии я кратко рассматриваю различные документы испаноамериканских революционеров, включая Тукуманский манифест от 1 августа 1816 г., который разъяснял причины Акта о независимости Объединенных провинций Рио-де-Ла-Платы (9 июля 1816 г.), и прихожу к следующему выводу: «В Декларации независимости США виновником бедствий объявлен правящий английский король, но не британская нация в целом. Известно, что отцы-основатели не только не стремились порвать с английским наследием, напротив, подчас хотели подчеркнуть свою, так сказать, “английскость”. В Испанской Америке дела обстояли ровно наоборот: креолы обвиняли не только короля Фердинанда VII (1808, 1813–1833) или систему власти метрополии, но и вообще “испанцев” или “Испанию»»¹¹. Теперь такое общее заключение меня в полной мере не удовлетворяет, и мне хотелось бы наметить пути к сравнению Декларации независимости США со всеми декларациями независимости стран Испанской Америки, а

североамериканской революции (и в целом англо-саксонского политического опыта) на взгляды революционеров Испанской Америки, продолжает аргентинская исследовательница Беатрис Давило: *Dávila* 2009. P. 371–404. Давило пишет, что поскольку «сопротивление было укоренено в испанской юридической и политической традиции, после революции эта [креольская] элита обратила свой взор вовне на большой Атлантический мир в поиске теорий, институциональных моделей и образцов социального поведения, которые могли бы противостоять бремени испанского наследия» – *Ibid.* P. 379.

О созданном креолами и восходящем к «черной легенде» образе «бремени» испанского наследия см.: *Исэров* 2011. С. 73–80. Об испаноамериканцах, апеллирующих к родству революций Нового Света, см.: *Исэров* 2011. С. 129–131, 143–144, 149–150, 391. Об испаноамериканцах, сомневающих в таком родстве, см.: *Исэров* 2011. С. 352–353, 366.

¹⁰ *Armitage* 2013. Сборник основан на материалах коллоквиума “*Declarando independencias. Textos fundamentales*” (Мехико, 22–24 сентября 2010 г), частично доступных в сети: <http://www.skidmore.edu/~jdym/IndependenciasProgram/>. Статья Армитеджа на англ. языке: <http://scholar.harvard.edu/armitage/publications/declaraci%C3%B3n-de-independencia-1776-2011-del-derecho-natural-al-derecho-intern>

¹¹ *Исэров* 2011. С. 74–75.

также некоторыми сопутствующими документами, такими как, в частности, Прокламация представительной хунты защиты прав народа (*Proclama de la Junta Representativa Tuitiva de los Derechos del Pueblo*) в Ла-Пасе (16 июля 1809 г.), Акт о создании хунты провинции Сокорро (11 июля 1810 г.) и Мемориал кабильдо Сокорро вице-королю (16 июля 1810 г.), сопровождающий Декларацию независимости Венесуэлы манифест от 30 июля 1811 г., Манифест о независимости Мексики (6 ноября 1813 г.), упоминавшийся Тукуманский манифест от 1 августа 1816 г., Акт об унии Провинций Центральной Америки с Мексиканской империей (*Acta de la Union de las Provincias de Centroamérica al Imperio Mexicano*, 5 января 1822 г.), а также Декларация независимости Бразилии от Португальской империи (7 сентября 1822 г.).

Декларацию независимости США можно условно разделить на пять частей: ее первый абзац провозглашает необходимость объяснить причины, которые могут заставить один народ расторгнуть политические связи, которые соединяют его с другим. Во втором абзаце объявляются принципы естественного права, на которых основывается легитимная власть, причем нарушение ею этих принципов ведет к утрате легитимности и оправдывает ее свержение. Затем перечисляются 28 обвинений против британского короля Георга III, чьи «злоупотребления» (*injuries and usurpations*) как раз оправдывают отделение американских колоний. В четвертой части рассказано о неудовлетворительном ответе на выраженные в «самом сдержанном тоне» (*most humble terms*) обращения американцев к британскому правительству. Как следствие, в пятой заключительной части «Объединенные колонии» объявляются по праву «свободными и независимыми государствами» (*these United Colonies are, and of Right ought to be Free and Independent States*)¹².

Для целей нашего сопоставления мне хотелось бы обратить внимание на одно место Декларации независимости США: после перечисления обвинения против Георга III говорится: «В ответ на наши повторные петиции следовали лишь новые несправедливости. Государь, характеру которого присущи все черты, свойственные тирану, не может быть правителем свободного народа (*Our repeated Petitions have been answered only by repeated injury. A Prince whose character is thus marked by every act which may define a Tyrant* [«тиран» – явное указа-

---

¹² *Armitage* 2002. P. 43–44; 2007. P. 26–30. Русский текст Декларации независимости США приведен в основном по переводу О.А. Жидкова: Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство. 1993. С. 25–28.

ние на нелегитимность правления!], is unfit to be the ruler of a free people”)). Но вот в следующем абзаце текст расширяет поле критики: «В равной степени не оставляли мы без внимания и наших британских братьев. Время от времени мы предостерегали их от попыток парламента незаконным образом подчинить нас своей юрисдикции. Мы напоминали им о причинах, в силу которых мы эмигрировали и поселились здесь. Мы взывали к их прирожденному чувству справедливости и великодушию и заклинали их, ради наших общих кровных уз, осудить эти притеснения, которые с неизбежностью должны были привести к разрыву наших связей и общения. Они также оставались глухими к голосу справедливости и общей крови. Поэтому мы вынуждены признать неотвратимость нашего разделения и рассматривать их, как мы рассматриваем и остальную часть человечества, в качестве врагов во время войны, друзей в мирное время¹³.

Итак, виновником бедствий поначалу объявлен правящий британский король, но затем вспоминаются и действия парламента, и равнодушное молчание единокровных «британских братьев» в целом. Ровно так же, как Декларация эклектически сочетает естественно- и позитивистски-правовую аргументацию, призывая «законы природы и ее Творца» (Laws of Nature, and of Nature’s God) наделить Соединенные Штаты правом «совершать все то, на что имеют право независимые государства» (to do all other acts and things which independent states may of right do), в ней наряду с обвинениями против лично короля Георга III содержатся упреки против всего британского народа¹⁴. Весь этот обвинительный ряд увенчивается, по сути, объявлением о создании новой нации¹⁵. Тем не менее, Георгу III и его злоупотреблениям по-

---

¹³ Nor have We been wanting in attentions to our Brittish brethren. We have warned them from time to time of attempts by their legislature to extend an unwarrantable jurisdiction over us. We have reminded them of the circumstances of our emigration and settlement here. We have appealed to their native justice and magnanimity, and we have conjured them by the ties of our common kindred to disavow these usurpations, which, would inevitably interrupt our connections and correspondence. They too have been deaf to the voice of justice and of consanguinity. We must, therefore, acquiesce in the necessity, which denounces our Separation, and hold them, as we hold the rest of mankind, Enemies in War, in Peace friends.

¹⁴ См.: *Armitage* 2002. P. 62.

¹⁵ Жак Деррида здесь замечает: «Подпись измышляет подписывающего» – *Деррида* 1994. С. 179.

Между прочим, в годы перед Войной за независимость чувство родства с метрополией в Новом Свете даже усилилось. См.: *Zuckerman* 1987. P. 115–157. О становлении североамериканского национального самосознания см., например, послед-

священо намного больше места, чем не оправдавшим родственные надежды «британским братьям».

Как была воспринята Декларация независимости США в Испанской и, шире, Латинской Америке? Верно ли утверждение Васкес и Родригеса О., что опыт Соединенных Штатов мало интересовал южных соседей и мало влиял на них, что движение за независимость питалось идеями испанской Второй схоластики, а не британской и североамериканской традиции в духе Локка¹⁶.

Была ли Декларация независимости США известна в Испанской и – шире – Латинской Америке? Еще в 1786 г. революционно настроенный студент-медик Жозе Жоаким да Майя э Барбалью (José Joaquim da Maia e Barbalho, Vendec, 1751–1787) тайно познакомился с Джефферсоном и получил от него экземпляр Декларации независимости¹⁷. Тем не менее, ее текст был переведен на португальский только в 1821 г.¹⁸

Несомненно, что текст Декларации независимости был знаком многим образованным людям не только в Испании, но и Испанской Америке¹⁹. По крайней мере, нам известно, что бостонский купец Ричард Кливленд (1773–1860) совместно со своим напарником, будущим «особым агентом» (Special Agent) США на Кубе и в Мексике в 1810–1811 гг. и участником «флибустьерского» рейда Гутьерреса-Маги на Техас 1812–1813 гг. Уильямом Шэйлером (1773–1833) распространял переводы Декларации независимости и Конституции США среди креолов чилийского Вальпараисо и Сан-Бласа на северо-западе Новой Испании, где они были соответственно с 24 февраля по 6 мая 1802 г. и в июле 1802 г. и с 26 января по 14 февраля 1803 г.²⁰ В августе

ную литературоведческую работу: Yokota 2011. О перемене в восприятии американских колонистов в самой Британии см.: Conway 2002.

¹⁶ В поддержку этой точки зрения см. тж.: Carlos Stoetzer 1979; Chiaramonte 2004¹; Chiaramonte 2004². P. 563–586; 2010; Rodríguez O. 1998; 2006; 2012; Breña. 2006; Las revoluciones hispánicas: Independencias americanas y liberalismo español. 1995; The Divine Charter: Constitutionalism and Liberalism in Nineteenth-Century Mexico. 2005; Doceañismos, constituciones e independencias: La Constitución de 1812 y América 2006; Dawyd 2010. P. 99–128.

¹⁷ Томас Джефферсон – Джону Джею, 4 мая 1787 г. – Papers of Thomas Jefferson. 1950 – to date. Vol. XI. P. 339–341.

¹⁸ Maxwell. 2003. P. 109–110. Цит. по: Armitage 2007. P. 117.

¹⁹ Такое впечатление складывается по прочтении Марио Родригеса: Rodríguez 1976. P. 17–43, esp. p. 35.

²⁰ Cleveland 1850. P. 174, 194. О Шэйлере см.: Nichols 1936. P. 71–96; 1956. P. 50–156; Stagg 2002. Распространение Декларации независимости Кливлендом и Шэйлером в 1802–1803 гг. – самое раннее известие о переводе документа на испанский язык, на что ранее не обращали внимания исследователи.

1810 г. секретарь Временной хунты Буэнос-Айреса Мариано Морено (1778–1811) использовал первую фразу Декларации независимости США в тексте декларации хунты, впрочем, со смыслом, как раз противоположным первоначальному: говорится о стремлении Буэнос-Айреса использовать «все законные средства» (*todos los medios legítimos*) во имя тесного единства с Монтевидео²¹.

Первые сохранившиеся переводы Декларации независимости США на испанский язык относятся к 1811 г. В этом году в Филадельфии (наряду с Лондоном, крупнейшем издательском центре латиноамериканской революции) венесуэлец Мануэль Гарсиа де Сена (1780–1816) выпустил книгу под названием «Независимость Материка [*Costa Firme* – т.е. севера Южной Америки], оправданная Томасом Пэйном – 30 лет назад – Выдержки из его сочинений...», в которую, помимо переводов «Здравого смысла» (1776), «Рассуждений о первых принципах правления» (1795), «Рассуждений о правлении, делах банка и бумажных банкнотах» (1786) Томаса Пэйна, включены перевод Декларации независимости США, Статей Конфедерации (1777/1781), Конституции США с поправками, а также конституций Массачусетса (1780), Нью-Джерси (1776), Пенсильвании (1790), Виргинии (1776) и очерка конституции Коннектикута²². В Буэнос-Айресе эту книгу распространял капер из Нью-Хэйвена Дэвид Кертис Дефорест (1774–1825)²³.

В том же 1811 г. Мигель де Помбо (1779–1816) выпустил в Боготе свои переводы Декларации независимости и конституций США, снабдив эти документы обширным рассуждением о федерализме²⁴. Через 10 лет уроженец Гуаякиля и будущий президент Эквадора в 1834–1839 гг. Висенте Рокафуэрте (1783–1847) под заголовком «Идеи, необходимые всему независимому американскому народу, который хочет стать сво-

²¹ *Simmons P.* 191–192; *Rodríguez O.* 2010². P. 704–705.

²² *La Independencia de la Costa Firme Justificada por Thomas Paine – Treinta Años Ha – Extracto de Sus Obras...* 1811. До 1818 г. у Коннектикута не было писаной Конституции. Приведенный Гарсиа де Сеной «Очерк конституции Коннектикута» впервые появился в печати еще в 1781 г. в: *The constitutions of the several independent states of America...* 1781. Вероятный источник для переводов Гарсиа де Сены: *The American's guide: the constitutions of the United States of America, with the latest amendments...* 1810.

Кстати, годом ранее в Филадельфии был выпущен перевод Конституции США венесуэльца Хосе Мануэля Вильявисенсио, перепечатанный в 1811 г. в Боготе и в Кадисе (во время обсуждения Кадисской конституции): *Constitución de los Estados Unidos de América...* 1810.

²³ *Gaceta de Buenos Aires.* Marzo 31, 1816. Цит. в: *Keen B.* 1947. P. 101–102.

²⁴ *Constitución de los Estados Unidos de América...* 1811.

бодным» переиздал перевод Декларации независимости – «подлинных десяти заповедей политики» (*verdadero decálogo político*), которые разбивают «ложные и темные догмы *легитимизма*» (*falsos y oscuros dogmas de la legitimidad*), вместе с пэйновскими «Здравым смыслом» и «Рассуждениями о первых принципах правления», а также конституциями США (1795). Крайне интересно, что текст Декларации независимости США вставлен Рокафуэрте в известную юбилейную речь государственного секретаря Джона Куинси Адамса от 4 июля 1821 г.²⁵ В этой речи Адамс, всегда сдержанно смотревший на революцию в Испанской Америке, в частности, косвенно дал слушателям понять, что Соединенные Штаты готовы признать независимость испанских колоний, но не будут связывать себя какими-либо обязательствами по отношению к ним. Утверждая право народов самостоятельно решать свою судьбу, дипломат отстаивал политику невмешательства, предупреждая против соблазна участвовать в «политической реформации» Европы или Южной Америки и насаждать республику: «Благословения, молитвы и сердце [США] – с теми, кто развернул стяг свободы и Независимости. Но она не стремится в другие страны в поиске чудовищ (*But she goes not abroad, in search of monsters to destroy*). Она всем желает свободы и независимости, но отстаивает лишь свою»²⁶.

Секретарь дипломатической комиссии Родни–Грэхема–Блэнда в Бразилии, Ла Плате и Чили (1817–1818) Генри Брэкенридж (1786–1871) отмечал, что и федералисты, и централисты Буэнос-Айреса активно ссылаются на североамериканский пример и стараются усвоить урок «Революции 1776 года». С радостью он видел в литературе революционеров Ла Платы переводы как Декларации независимости и федеральной Конституции, так и Бенджамина Франклина, Томаса Пэйна, «Федералиста», а также цитаты из Джона Адамса и Джона Маршалла²⁷.

---

²⁵ *Rocafuerte* 1821. P. i, 85–127, 103–111. В одной из своих статей Армитедж неверно обозначил место издания этой книги как Мехико. См.: *Armitage*. 2005. P. 12n (исправлено в: *Armitage* 2007. P. 278–279).

Кстати, в 1812 г. Рокафуэрте был избран в Кадисские кортесы, где, в частности, сблизился с мексиканским представителем, священником Мигелем Рамосом Ариспе (1775–1843), в будущем – одним из творцов федеральной (по образцу США!) конституции Мексики 1824 г.

²⁶ См.: *Whitaker* 1941. P. 344–369; *Bemis*. 1949. P. 356–358; *Исэров* 2011. С. 186–188. Приведенные слова Адамса в наши дни часто цитируют критики активной внешней политики США.

²⁷ *Brackenridge* 1819. Vol. II. P. 210, 214–215, 267–268, 272–273. О комиссии см.: *Исэров* 2011. С. 132–151.

Сами испаноамериканские революционеры часто апеллировали к Декларации независимости США, пытаясь добиться поддержки северных соседей. Возможно, наиболее ярким примером такого рода риторики служит протест выходца из рода касиков аймара, участника революционного движения в Ла Плате Висенте Пасоса Канки (1779 – ок. 1852) против подавления 23 декабря 1817 г. эскадрой США пиратской республики на флоридском острове Амелия, которая, по замыслу некоторых революционеров, должна была служить антииспанским оплотом в Карибском море²⁸. Эпиграфом к памфлету Пасоса стоят цитаты из Декларации Независимости США. Именно Соединенные Штаты, пишет Пасос, «подготовили путь к освобождению (emancipation and liberty) Нового Света». Южная Америка, продолжал он, «разбила ярмо угнетателей», руководствуясь «примером и заповедями» северного соседа. Значит, конфликт из-за Амелии есть только лишь «несчастливое непонимание» «братские раздоры»²⁹. Будущий участник Амелийской авантюры, а впоследствии первый министр иностранных дел Великой Колумбии Педро Гуаль (1783–1862) замечал в письме главе Патентного ведомства США (и романтическому стороннику создания единой республики Западного полушария со столицей на Панамском перешейке) Уильяму Торнтону (1759–1828): «Крайне жаль, что Соединенные Штаты смогли так легко забыть невзгоды собственной революции»³⁰.

Впрочем, подчас и североамериканские власти вспоминали о «духе 1776 года», когда говорили об испаноамериканской революции. 15 марта 1826 г. президент США Джон Куинси Адамс выступил с довольно пространным и высокопарным посланием, где обосновывал необходимость участия США в работе задуманного Симоном Боливаром Панамского конгресса американских государств³¹. Президент заключил свое послание настоящим гимном Панамскому конгрессу, заметив в частности, что «[о]н направлен на улучшение состояния человека. Он близок тому духу, которым проникнута декларация нашей независимости, который... заполнил сердца и зажег души бессмертных основателей нашей Революции»³². Географ Джедидия Морзе (1761–1826) в своем

---

²⁸ Подробнее о существовавшей во второй половине 1817 г. «республике» на Амелии см.: Исэров 2011. С. 123–129.

²⁹ *Pazos [Kanki]* 1818. P. 4, 25.

³⁰ Педро Гуаль – Уильяму Торнтону, 2 ноября 1816 г. – Library of Congress. William Thornton Papers. Reel 2.

³¹ Подробнее см.: Исэров 2011. 254–281.

³² A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789–1897. 1896–1899. Vol. II. P. 340.

популярном учебнике напоминал, что Декларация независимости Венесуэлы была провозглашена Венесуэлой ровно через 35 лет и один день после Соединенных Штатов³³. Сравнение с собственной революцией порождало веру во всемирное значение латиноамериканской освободительной войны: «Мы полагаем, что независимость Мексики будет событием, следующим по важности для всего цивилизованного мира после Декларации независимости Соединенных Штатов 4 июля 1776 г., и способствовать этому любимыми честными и достойными путями – значит соответствовать желаниям и интересам всех классов наших сограждан», – писал купец-авантюрист, поставщик оружия испаноамериканским революционерам Уильям Робинсон (1774–1824)³⁴.

***

Хорошо известно, что именно отречение династии Бурбонов от испанского престола 6 мая 1808 г. в Байонне и воцарение Жозефа Бонапарта послужило спусковым механизмом войны за независимость и революции Испанской Америки: заключенный с законной династией общественный договор (в его неотомистском понимании де Витории, де Сото, Суареса и де Марианы) оказывался расторгнутым и подданные получали право самостоятельно решать свою судьбу. В испанских муниципалитетах и провинциях создаются хунты (временные правительства, формировавшиеся представительными органами – кабильдо и аюнтаменто), которые 25 сентября 1808 г. в Аранхуэсе образуют на своей основе Центральную верховную хунту (Junta Suprema Central)³⁵. 22 января 1809 г. хунта подтвердила, что американские владения Испании – не колонии и не фактории (как у других наций!), а «неотъемлемая (integral) часть монархии» и впервые в истории провозгласила представительство американцев в кортесах. 15 октября 1811 г. кадисские кортесы издали декрет о равенстве прав жителей американских владений и метрополии. Именно выдвинутый Центральной верховной хунтой Совет регентства организовал выборы в кадисские кортесы, разработавшие Конституцию 1812 г., которая признавала народный суверенитет за лично свободными «испанцами обеих полушарий».

Когда летом 1808 г. новость об отречении Бурбонов и создании хунт дошла до Нового Света, провинции, следуя примеру метрополии, стали образовывать собственные хунты, которые затем провозглашали

---

³³ *Morse* 1819. Vol. I. P. 779.

³⁴ *Robinson* 1820. P. 373.

³⁵ С 16 декабря 1808 г. по 23 января 1810 г. хунта находилась в Севилье, поэтому ее часто называют Севильской хунтой.

временное самостоятельное правление от имени законного короля Фердинанда VII³⁶. Первый мятеж происходит в мае и июле 1809 г. в Чукисаке и Ла-Пасе³⁷, с мая 1810 г. восстания прокатываются по всей Испанской Америке – а еще через год хунты повсеместно начинают объявлять о независимости. Кадисская конституция уже не смогла примирить креолов-революционеров и власти метрополии.

Соответственно, если взглянуть на список деклараций независимости Испанской Америки, то сразу бросается в глаза одно важное различие, связанное с ходом развертывания революционных движений в Новом Свете: если ни, скажем, Виргиния, Массачусетс или Пенсильвания или тем более округа (counties) этих колоний не объявляли самостоятельно о своей независимости от Британской империи, то в Испанской Америке независимость провозглашали хунты провинций, которые не обладали ранее автономией, входя в генерал-капитанства и вице-королевства. Среди провинций вице-королевства Новая Гранада независимость провозглашали Картахена (1811), Кундинамарка, Антиокия и Тунха (1813), Нейва (1814) и Панама (1821), среди провинций генерал-капитанства Венесуэла – Сулия (1821), среди провинций президентии (аудиенсии) Кито – Гуаякиль (1820); среди провинций генерал-капитанства Гватемала – Комаягуа и Коста-Рика (1821).

По своей форме структура Декларации независимости США обычно повторялась, но подчас делилась на два документа: собственно короткую Декларацию и подчас очень длинный Манифест, в котором объясняются причины независимости: так было в Венесуэле в 1811 г., Мексике в 1813 г., Объединенных провинциях Рио-де-ла-Платы в 1816 г.

Важно отметить, что испаноамериканские декларации признают сложный состав колониальных обществ, с чем, как мне кажется, связано и упоминание в этих документах церкви, на которую, по мысли революционеров, выпадала задача сохранить социально-политическое единство в пору тяжелейших революционных испытаний. В декларациях независимости Нейвы (1814), Объединенных провинций Рио-де-ла-Платы (1816), Чили (1818), Гватемалы (1821), Уругвая (1825) говорится об «общинах»/«народах» (pueblos), проживающих в этих странах. В перуанской декларации (1821) такой формулы нет, но Хосе де

---

³⁶ См., например, документы о создании хунт: *Actas de Independencia. Mérida. Trujillo y Táchira en 1810. 1910* (2007); *Actas de formación de juntas y declaraciones de independencia (1809–1822)*. 2007. Тулио Фебрес Кордеро не совсем точно назвал акты об учреждении хунт «актами о независимости».

³⁷ См.: *Щелчков* 2009. С. 42–58.

Сан-Мартин, провозглашая независимость в субботу 28 июля 1821 г., объявил: «С этой минуты Перу свободно и независимо по общей воле ее общин/народов (pueblos) и по справедливости ее дела, которое защищает Бог»³⁸. Известно, что первоначально было издано три тысячи экземпляров Декларации независимости Рио-де-Ла-Платы: 1500 на испанском и 1500 в двуязычном варианте – 1000 на испанском/кечуа и 500 на испанском/аймара³⁹. Висенте Пасос Канки также опубликовал перевод на аймара в своей газете “La Crónica Argentina”⁴⁰. Первый перевод Декларации независимости США на немецкий язык появился уже 6 июля 1776 г. в виде памфлета и 9 июля в филаделфийской газете “Henrich Millers Pennsylvanischer Staatsbote”, однако этот перевод был, разумеется, выполнен не по решению Континентального конгресса, а как частная инициатива издателей и типографов Генриха Миллера, Мельхиора Штейнера и Карла Циста⁴¹.

Как мы видим, идейные предпосылки будущей «космической расы» (*raza cósmica*, 1925) Нового Света мексиканского философа и политика Хосе Васконселоса (1882–1959) и североамериканского «плавильного котла» (*melting pot*) закладывались в самом начале

³⁸ *Hall* 1824. P. 258–259. Многозначность термина *pueblo/pueblos* восходит к испанской правовой традиции, согласно которой *pueblo* означает и обладающий суверенитетом муниципалитет (город, деревня), и суверенную общность, объединенную происхождением, например – коренное население (*pueblo de indios*), но также и народ в значении всех жителей королевства (такое определение содержится уже в «Семи партидах» (1256–1265) кастильского короля Альфонса X, на что мне указал А.В. Марей, НИУ ВШЭ).

В 1808–1810 гг. современный, восходящий к Великой французской революции смысл понятия «народ» (равноправные граждане государства, представляющие все его население) буквально срывается в ибероамериканское идейное поле – для сравнения можно привести заголовок упомянутой выше книге Висенте Рокафуэрте (1821). Тем не менее, в годы Войны за независимость в равной степени используются все указанные выше значения слова в единственном и множественном числах (в т.ч. «народ» – как все население, «народ» – как низы, и «народ» – как собственники), а современное представление окончательно укореняется к середине XIX в.

О соотношении терминов «нация», «народ», «народы»/«общины» (*pueblo/pueblos*), «суверенитет» в государствах, возникших на руинах Испанской империи, см.: *Restrepo Mejía*. 2005. P. 101–123; *Quijada*. 2008. P. 19–52. *Дум*. 2006; *Pueblo/Pueblos // Diccionario político y social del mundo iberoamericano [Iberconceptos-I]*. 2009. P. 1115–1250.

³⁹ *Armitage*. 2013. P. 17; *Ternavacio*. 2013. P. 227.

⁴⁰ *Щелчков*. 2010. С. 344.

⁴¹ *Arndt*. 1985. P. 138–142; *Arndt*. 1986. P. 98–107.

политического существования стран Испанской (и шире – Латинской) Америки и США.

Декларация независимости США, как и последовавшие за ней декларации независимости стран Нового Света, провозглашалась в конкретно-исторических условиях, которые могли повлиять на ее содержание. Гений отцов-основателей США и, прежде всего, Томаса Джефферсона состоял в том, что они смогли наделить декларацию универсалистским содержанием, которое и объясняет ее место в пантеоне «гражданской религии» (civil religion) Соединенных Штатов Америки и всего демократизирующегося на протяжении последних двух столетий мира⁴². Ключевые вопросы сопоставления систем аргументации деклараций независимости США и Испанской Америки состоят в следующем: 1) как условия провозглашения деклараций влияли на их содержание и соответственно – 2) каково соотношение в них универсалистского и конкретного; 3) каково сочетание в декларациях независимости Испанской Америки испанского схоластического наследия и испанского Просвещения с идеями, заимствованными из Просвещения британского (включая североамериканское) и французского, и следовательно – 4) можно ли говорить о существенном влиянии Декларации независимости США на декларации независимости Испанской Америки; 5) каково соотношение использования испанского политико-правового наследия, с одной стороны, и идейного арсенала «черной легенды», с другой, в декларациях независимости Испанской Америки; можно ли это сравнить с опытом США и Великобритании. Такие вопросы выводят нас на основные проблемы движений за независимость в Новом Свете (а в конечном итоге – на рассуждения о природе британского и испанского колониальных обществ в Америке), а соответственно – не имеют четких и окончательных ответов.

---

⁴² Подчас Декларация независимости смешивается с Конституцией США. Например, председатель российского Конституционного суда В. Г. Зорькин пишет: «В последнее время некоторые российские оппозиционные политики договорились до того, что в случае избрания президента России уже в первом туре выборов страну очень скоро ждет неизбежная “демократическая революция”. А сторонники этих политиков заявляют о предрешенности такого исхода со ссылками на конституцию США, в которой зафиксировано “право народа на восстание”. И при этом как-то забывают объяснить те условия, для которых в конституции США было продекларировано это право». (См.: *Зорькин*. 2012).

В российском общественном сознании распространено представление, что право на «стремление к счастью» декларировано именно в Конституции США. Ср.: <http://otvet.mail.ru/question/45205174>; <http://otvet.mail.ru/question/45203879>.

Приложение. Декларации и акты независимости стран Испанской Америки революционной эпохи (1809–1825)⁴³

Прокламация представительной Хунты защиты прав народа о независимости «Ла-Паса и всей империи Перу» (27 июля 1809 г.)

Торжественный акт независимости Американской конфедерации Венесуэлы (5 июля 1811 г.)

Акт о независимости Новой Гранады (21 июля 1811 г.)

Акт о независимости Картахены (11 ноября 1811 г.)

Декларация независимости провинции Техас (6 апреля 1813 г.)⁴⁴

Декларация независимости Кундинамарки (16 июля 1813 г.)

---

⁴³ Список включает лишь те акты, в которых провозглашается полная независимость, а не самоуправление вплоть до возвращения к власти законного правителя Фердинанда VII. Отмечу неточности в сводной таблице деклараций независимости Армитаджа (*Armitage*. 2007. P. 147–149). В ней первой декларацией независимости указана колумбийская (20 июля 1810 г.), тогда как данный документ (Акт чрезвычайного кабильдо Санта-Фе) объявляет о самостоятельности вплоть до восстановления законной власти «августейшего несчастного монарха Фердинанда VII». Его можно сопоставить, с другими документами об учреждении хунт (см. сн. 37), в т.ч. Конституцией Правительственной хунты провинции Парагвай (14–15 мая 1811 г.), которые в список деклараций не включаются. Декларацией названы Акт о вступлении Никарагуа в состав Объединенных провинций Центральной Америки (1 июля 1823 г.) после распада мексиканской империи Агустина Итурбиде, частью которой оно было, а также Акт от 21 сентября 1821 г., в котором аюнтамьенто Сальвадора объявляло о присоединении к Декларации независимости Гватемалы от 15 сентября 1821 г. Зато пропущен Декрет о независимости Центральной Америки от 29 марта 1823 г., а Декрет Объединенных провинций Центральной Америки неверно датирован 11 июля 1823 г. Акт о независимости Картахены от 11 ноября 1811 г. назван новогранадским. В список не включены декларации независимости Верхнего Перу, Новой Гранады, Кито (1811 и 1822 гг.), Кундинамарки, Антиокии, Нейвы, Гуаякиля, Сулии, а также первый официальный документ, в котором звучит призыв к независимости Испанской Америки, – Прокламация представительной хунты защиты прав народа (Ла-Пас).

⁴⁴ Цель этой декларации, порожденной флибустьерским рейдом Гутьерреса-Маги, состояла не в поддержке независимости провинции от Испании, а в ее дальнейшем вхождении в состав США. Этот документ можно сравнить с декларациями независимости Западной Флориды (26 сентября 1810 г.) и тexasской Республики Фредония (21 декабря 1826 г.), а также – если вспомнить текущие события – с ирредентистской Декларацией о независимости Автономной Республики Крым и города Севастополя (11 марта 2014 г.) и, возможно, декларациями о государственном суверенитете Донецкой народной республики (7 апреля 2014 г.) и Луганской народной республики (12 мая 2014 г.). См.: *Stagg*. 2007. P. 269–296; *Stagg*. 2002. P. 449–480; *Guedea*. 2001. P. 135–183. Кстати, одним из участников рейда Гутьерреса-Маги был Уильям Шэйлер, распространявший Декларацию независимости США в Чили и Мексике в 1802–1803 гг.

Декларация независимости государства (Estado) Антиокия (11 августа 1813 г.)

Торжественный акт о Декларации независимости Северной Америки (6 ноября 1813 г.)⁴⁵

Декларации независимости провинции Тунха (10 декабря 1813 г.)

Акт независимости провинции Нейва (8 февраля 1814 г.)

Акт декларации независимости Объединенных провинций Рио-де-ла-Платы (9 июля 1816 г.)

Прокламация независимости Чили (1 января 1818 г.)⁴⁶

Акт о независимости Гуаякиля (12 октября 1820 г.)

Акт о независимости государства Сулия (28 января 1821 г.)

Акт провозглашения независимости Перу (15 июля 1821 г.)

Акт о независимости Гватемалы (15 сентября 1821 г.)⁴⁷

Акт о независимости Мексиканской империи (28 сентября 1821 г.)

Акт о независимости провинции Комаягуа (28 сентября 1821 г.)

Акт о независимости Коста-Рики (29 октября 1821 г.)

Акт о независимости города Панамы (28 ноября 1821 г.)

Акт о независимости города Кито (29 мая 1822 г.)⁴⁸

Декрет временного правительства Объединенных провинций Центральной Америки (29 марта 1823 г.)

Декрет Национального учредительного собрания Объединенных провинций Центральной Америки (1 октября 1823 г.)⁴⁹

Декларация независимости Боливии (6 августа 1825 г.)

Декларация (Declaratoria) независимости Уругвая (25 августа 1825 г.)⁵⁰

Источники: Interesting Official Documents Relating to the United Provinces of Venezuela, viz. Preliminary Remarks, The Act of Independence, Proclamation, Manifesto to the World of the Causes which have impelled the said provinces to separate from the

---

⁴⁵ Под «Северной Америкой» подразумевается Мексика.

⁴⁶ Прокламация была одобрена верховным директором Чили Бернардо О'Хиггинсом 2 февраля, а торжественное провозглашение Прокламации независимости состоялось 12 февраля 1818 г., в годовщину битвы при Чакабуко.

⁴⁷ Под «Гватемалой» подразумевается генерал-капитанство Гватемала, включающая также Сальвадор, Гондурас, Никарагуа и Коста-Рику.

⁴⁸ В этом документе город Кито, выступая от имени всего «древнего королевства Кито», провозглашает объединение с Великой Колумбией. Эквадор объявит о своей независимости 13 мая 1830 г.

⁴⁹ Декрет Учредительной национальной ассамблеи Объединенных провинций Центральной Америки от 1 октября 1823 г. объявил о независимости с 1 июля 1823 г., поэтому в справочниках можно встретить различные даты.

⁵⁰ В этом документе Уругвай, провозгласив независимость от Бразилии, объявляет о присоединении к Рио-де-ла-Плате.

Mother Country; together with the Constitution framed for the Administration of their Government. In Spanish and English. L.: Longman, 1812⁵¹; Las actas de independencia de América / Ed. y nota preliminar de Javier Malagón. Estudio de Charles C. Griffin. Wash., D.C., 1955 (2nd ed. – 1973); Proclama de la Junta Tuitiva de 1809: esclarecimiento para la historia / Supervisión y dirección de Carlos Urquiza Sossa. La Paz, 1976; *Arciniegas G.* Colombia: itinerario y espíritu de la independencia, según los documentos principales de la revolución. Bogotá, 1969; Independence Documents of the World / Comp. by Albert P. Blaustein, Jan Sigler, Benjamin B. Beede. Dobbs Ferry (N.Y.), 1977; La Independencia de Hispanoamérica: Declaraciones y Actas / Investigación, selección y notas Haydeé Miranda Bastidas y Hasdrúbal Becerra. Presentación David Ruiz Chataing. Caracas, 2005; Actas de formación de juntas y declaraciones de independencia (1809–1822). Reales Audiencias de Quito, Caracas y Santa Fe / Editores Armando Martínez Garnica, Inés Quintero Montiel. 2 vols. Bucaramanga, 2007.

БИБЛИОГРАФИЯ

Library of Congress (Washington, D.C.). William Thornton Papers.

Деррида Ж. Отобиографии. I. Декларации независимости / Пер. с фр. В. Лапицкого // *Ad Marginem*'93. Ежегодник Лаборатории постклассических исследований Института философии Российской академии наук. М., 1994. С. 174–183.

Долеман Р. (Парсонс Р.) Рассуждение о наследовании английского престола. 1594 г. / Пер. с англ., вступ. статья и комм. А. Ю. Серёгиной. М., 2013. 456 с.

Зорькин В.Г. Россия: движение к праву или хаосу? Социально-государственный кризис и правовая система // *Российская газета*. 26.01.2012.

Исэров А.А. США и борьба Латинской Америки за независимость, 1815–1830. М., 2011. 480 с.

Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991 (1-е изд. – М., 1917). 640 с.

Савић В.Б. Карађорђе. Документи. I–III. Горњи Милановац, 1988. 2023 с.

Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство / Под ред. О. А. Жидкова. М., 1993. 766 с.

Щелчков А.А. Боливийская общественная и историческая мысль в XIX веке // *История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI–XIX вв.* / Отв. ред. Е. А. Ларин. М., 2010. С. 340–377.

Щелчков А.А. Восстания в Верхнем Перу в 1809 году. К 200-летию начала войны за независимость в Испанской Америке // *Новая и новейшая история*. 2009. № 4. С. 42–58.

---

⁵¹ Именно это двуязычное издание считалось единственным авторитетным источником венесуэльских текстов Декларации независимости и сопровождающего ее Манифеста, пока в 1907 г. два тома оригинальных рукописей Декларации и всей указанной книги не были найдены Франсиско Гонсалесом Гинандом (Guinand) в домах двух уважаемых семейств в венесуэльской Валенсии, где они использовались в т.ч. вместо подушки для стула, чтобы детям было легче доставать до клавиш фортепиано. См.: *Brewer-Carias*. 2011. P. 10–11. Такое чудесное открытие можно сравнить с обнаружением Уильямом Робертсоном в 1922 г. считавшегося потерянным огромного архива Франсиско де Миранды в поместье Батхерстов Сайренсестер (Cirencester). В 2012 г. было предпринято комментированное факсимильное издание книги: *Documentos constitucionales de la independencia*. 2012.

***

- Actas de Independencia. Mérida. Trujillo y Táchira en 1810 / Halladas y publicadas por Tulio Febres Cordero. Mérida, 1910 (2do ed. – 2007). 61 p.
- Actas de formación de juntas y declaraciones de independencia (1809–1822). Reales Audiencias de Quito, Caracas y Santa Fe / Editores Armando Martínez Garnica, Inés Quintero Montiel. 2 vols. Bucaramanga, 2007. 312, 315 p.
- The American's guide: the constitutions of the United States of America, with the latest amendments; also the Declaration of Independence, Articles of Confederation, with the Federal Constitution, acts for the government of the territories, Washington's farewell address, and the inaugural speeches of the several presidents. Philadelphia: Joshua Fletcher, 1810. 292 p.
- Armitage D.* Declaraciones de independencia, 1776–2011. Del derecho natural al derecho internacional // Las declaraciones de Independencia: Los textos fundamentales de las independencias americanas / Alfredo Ávila, Jordana Dym, Erika Pani, coord. México, 2013. P. 19–40.
- Armitage D.* The Declaration of Independence: A Global History. Cambridge (Ma.), 2007. 320 p.
- Armitage D.* The Declaration of Independence and International Law // William and Mary Quarterly. 3rd ser. Vol. 59. № 1 (Jan. 2002). P. 54–62.
- Armitage D.* The Contagion of Sovereignty: Declarations of Independence since 1776 // South African Historical Journal. Vol. 52. № 1 (2005). P. 1–18.
- Arndt K. J. R.* The First Translation and Printing in German of the American Declaration of Independence // Monatshefte. Vol. 77. № 2 (Summer 1985). P. 138–142.
- Arndt K. J. R.* The First German Broadside and Newspaper Printing of the American Declaration of Independence // Pennsylvania Folklife. Vol. 35. № 3 (Spring 1986). P. 98–107.
- Bailyn B.* The Ideological Origins of the American Revolution. Cambridge (Ma.), 1967, 1992 (рус. перевод К. А. Осповата и Д. М. Хитровой: *Бейлин Б.* Идеологические истоки Американской революции. М., 2010). 416 p.
- Bemis S.F.* John Quincy Adams and the Foundations of American Foreign Policy. N.Y., 1949. 622 p.
- Brackenridge H.M.* Voyage to South America, performed by order of the American Government in the Years 1817 and 1818, in the frigate Congress. 2 vols. Baltimore, 1819. 353, 381 p.
- Breña R.* El primer liberalismo español y los procesos de emancipación de América, 1808–1824. Una revisión historiográfica del liberalismo hispánico México, 2006. 580 p.
- Brewer-Carías A.R.* The Connection between the United States Independence and the Hispanic American Independence Movement, and the Role Played by Some Key Books Published at the Beginning of the XIX Century [Library of Congress, Mumford Room, November 22, 2011]. 33 p.
- Carlos Stoezter O.* The Scholastic Roots of the Spanish American Revolution. N.Y., 1979. x, 300 p.
- Cave D.* Haiti's Founding Document Found in London // New York Times. 1.04.2010.
- Cleveland R. J.* A Narrative of Voyages and Commercial Enterprises. 3rd ed. Boston, 1850 (1st ed. – 2 vols., Cambridge, Ma., 1842). 407 p.
- A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789–1897. 10 vols. Wash., D.C., 1896–1899. 8187 p.

- Constitución de los Estados Unidos de América / Traducida del inglés al español por don Jph. Manuel Villavicencio. Filadelfia: Smith & McKenzie, 1810. 28 p.
- Constitución de los Estados Unidos de América, según se propuso por la Convención tenida en Filadelfia el 17 de septiembre de 1787 y ratificada después por los diferentes Estados con las últimas adiciones presididas de las Actas de independencia y federación, traducidas del inglés al español por el ciudadano Miguel de Pombo, e ilustradas por él mismo con notas y un discurso preliminar sobre el sistema federativo. Santafé de Bogotá: Imprenta Patriótica de D. Nicholas Calvo, 1811. 120, 1, 79 p.
- The constitutions of the several independent states of America; the Declaration of independence; the Articles of confederation between the said states; the treaties between His Most Christian Majesty and the United States of America. Philladelphia (sic!): Francis Bailey, 1781. 226 p.
- Conway S. From Fellow-Nationals to Foreigners: British Perceptions of the Americans, circa 1739–1783 // William and Mary Quarterly. 3rd series. Vol. 59. № 1 (Jan. 2002). P. 65–100.
- Chiaramonte J.C. Fundamentos intelectuales y políticos de las independencias. Notas para una nueva historia intelectual de Iberoamérica. Buenos Aires, 2010. 200 p.
- Chiaramonte J.C. Nación y estado en Iberoamérica: El lenguaje político en tiempos de las independencias. Buenos Aires, 2004. 218 p.
- Chiaramonte J.C. The Principle of Consent in Latin and Anglo-American Independence // Journal of Latin American Studies. Vol. 36. № 3 (Aug. 2004). P. 563–586.
- Dávila B. The Río de la Plata and Anglo-American Political and Social Models 1810–1827 // Soundings in Atlantic History: Latent Structures and Intellectual Currents, 1500–1830 / Ed. by Bernard Bailyn, Patricia L. Denault. Cambridge (Ma.), 2009. P. 371–404.
- Dawyd D. Las independencias hispanoamericanas y la tesis de la influencia de las doctrinas populistas // Temas de historia argentina y americana. № 16 (2010). P. 99–128.
- The Divine Charter: Constitutionalism and Liberalism in Nineteenth-Century Mexico / Ed. by Jaime E. Rodríguez O. Lanham (Md.), 2005. 416 p.
- Las declaraciones de Independencia: Los textos fundamentales de las independencias americanas / Alfredo Ávila, Jordana Dym, Erika Pani, coord. México, 2013. 620 p.
- Diccionario político y social del mundo iberoamericano [Iberconceptos-I] / Dir. Javier Fernández Sebastián. Madrid, 2009. 1422 p.
- Doceañismos, constituciones e independencias: La Constitución de 1812 y América / Coord. par Manuel Chust. Madrid, 2006. 260 p.
- Documentos constitucionales de la independencia / Constitutional documents of the independence / Introducción general y edición a cargo de Allan P. Brewer-Carías. Caracas, 2012. 644 p.
- Dym J. From Sovereign Villages to National States: City, State and Federation in Central America, 1759–1839. Albuquerque (N.M.), 2006. 422 p.
- “Et de sa bouche sortait un glaive”: Les Monarchomaques au XVIIe siècle. Actes de la journée d'étude tenue à Tours en mai 2003 / Éd. par Paul-Alexis Mellet. Genève, 2006. 188 p.
- Friedeburg R., von. Widerstandsrecht und Konfessionskonflikt: Notwehr und Gemeiner Mann im deutsch-britischen Vergleich, 1530–1669. Berlin, 1999. 190 S.
- Gierke O., von. Das deutsche Genossenschaftsrecht. 4 Bd. Berlin, 1868–1913. Bd. 4. LIV, 567 S.

- Gierke O., von.* Johannes Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorie. Zugleich ein Beitrag Zur Geschichte der Rechtssystematik. Breslau, 1880 (2. durch Zusätze vermehrte Ausgabe – Breslau, 1903; 3. durch Zusätze vermehrte Ausgabe – Breslau 1913; 7. Ausgabe – Aalen, 1981). 386 S.
- [*Gonçalves da Cruz A.*] Reply to the Author of the Letter on the South America and Mexico, by an American, addressed to Mr. James Munroe (sic!), President of the United States, Printed at Washington, in this present year, 1817. Philadelphia, 1817. 16 p.
- Guedea V.* Autonomía e independencia en la provincia de Texas // La independencia de México y el proceso autonomista novohispano, 1808–1824 / Coord. de Virginia Guedea. México, 2001. P. 135–183.
- Hall B.* Extracts from a Journal written on the coasts of Chili, Peru and Mexico in the years 1820, 1821, 1822. 2 vols. 3rd ed. Edinburgh, 1824. 304, 71 p.
- Herrejón Peredo C.* Versiones del grito de Dolores y algo más // 20/10. Memoria de las revoluciones en México. Vol. 5 (Otoño, 2009). P. 38–53.
- La Independencia de la Costa Firme Justificada por Thomas Paine – Treinta Años Ha – Extracto de Sus Obras. Traducido del inglés al español por don Manuel García de Sena Philadelphia: T. & J. Palmer, 1811. 255 p.
- Jenson D.* Dessaline's American Proclamations of the Haitian Independence // The Journal of Haitian Studies. Vol. 15. № 1–2 (2009). P. 72–102.
- Keen B.* David Curtis DeForest and the Revolution of Buenos Aires. New Haven (Ct.), 1947. 186 p.
- Maier P.* American Scripture: Making the Declaration of Independence. N.Y., 1997. 336 p.
- Maxwell K.* Naked Tropics: Essays on Empire and Other Rogues. L., 2003. 320 p.
- Morse J.* The American Universal Geography. 7th ed. 2 vols. Charlestown (Ma.), 1819. 898, 859 p.
- Nichols R.F.* William Shaler: New England Apostle of Rational Liberty // New England Quarterly. Vol. 9. № 1 (Mar. 1936). P. 71–96.
- Nichols R.F.* Advance Agents of American Destiny. Philadelphia, 1956. 262 p.
- Oltra J.* Jefferson's Declaration of Independence in the Spanish Political Tradition // Journal of American History. Vol. 85. № 4 (March 1999). P. 1370–1379.
- Papers of Thomas Jefferson / Ed. by Julian P. Boyd, et al. 40 vols. to date. Princeton (N.J.), 1950–2014. Vol. XI. 740 p.
- Pazos [Kanki] V.* The Exposition, Remonstrance and Protest of Don Vincente Pazos, Commissioner on Behalf of the Republican Agents established at Amelia Island, in Florida, under the Authority and in behalf of the Independent States of South America. Philadelphia, 1818. 32 p.
- Quijada M.* Sobre 'nación', 'pueblo', 'soberanía' y otros ejes de la modernidad en el mundo hispánico // Las nuevas naciones: España y México 1800–1850 / Coord. par Jaime E. Rodríguez O. Madrid, 2008. P. 19–52.
- Ranke L., von.* Die Idee der Volkssouveränität in den Schriften der Jesuiten // Historisch-Politische Zeitschrift. Bd. II (1833). S. 606–616.
- Restrepo Mejía I.* La soberanía del 'pueblo' durante la época de la Independencia, 1810–1815 // Historica Crítica. № 29 (Enero-Junio de 2005). P. 101–123.
- Las revoluciones hispánicas: Independencias americanas y liberalismo español / Coord. par François-Xavier Guerra. Madrid, 1995. 292 p.
- Robinson W.D.* Memoirs of the Mexican Revolution: including a Narrative of the Expedition of General Xavier Mina. With some observations on the practicability of opening a commerce between the Pacific and Atlantic oceans, through the Mexican

- Isthmus in the province of Oaxaca, and at the Lake of Nicaragua; and on the future importance of such commerce to the civilized world, and more especially to the United States. Philadelphia, 1820. 396 p.
- Rocafuerte V.* Ideas necesarias a todo pueblo americano independiente, que quiera ser libre. Philadelphia: D. Huntington, T. & W. Mercein, printers, 1821. 180 p.
- Rodriguez M.* La revolución americana de 1776 y el mundo hispánico: ensayos y documentos. Madrid, 1976.
- Rodriguez O., J.E.* La influencia de la emancipación de Estados Unidos en la independencia de Hispanoamérica // Procesos. Revista Ecuatoriana de Historia. № 31 (1 semestre de 2010). P. 25–43.
- Rodriguez O., J.E.* Sobre la supuesta influencia de la independencia de los Estados Unidos en las independencias hispanoamericanas // Revista de Indias. Vol. LXX. № 250 (2010). P. 691–714.
- Rodriguez O., J.E.* The Independence of Spanish America. Cambridge, 1998. 296 p.
- Rodriguez O., J.E.* La revolución política durante la época de la independencia: El reino de Quito, 1808–1822. Quito, 2006. 242 p.
- Rodriguez O., J.E.* “We Are Now the True Spaniards”: Sovereignty, Revolution, Independence, and the Emergence of the Federal Republic of Mexico, 1808–1824. Stanford (Ca.), 2012. 520 p.
- Simmons M.E.* La revolución norteamericana en la independencia de Hispanoamérica. Madrid, 1992.
- Skinner Q.* The Foundations of Modern Political Thought. Vol. II. Reformation. Cambridge, 1978. 410 p.
- Stagg J.C.A.* George Mathews and John McKee: Revolutionizing East Florida, Pensacola, and Mobile in 1812 // Florida Historical Quarterly. Vol. 85. № 3 (Winter 2007). P. 269–296.
- Stagg J.C.A.* The Madison Administration and Mexico: Reinterpreting the Gutiérrez-Magee Raid of 1812-1813 // William and Mary Quarterly. 3rd ser. 2002. Vol. 59. № 2. P. 449–480.
- Stagg J.C.A.* The Political Essays of William Shaler // William and Mary Quarterly. 3rd ser. 2002. Vol. 59. № 2. Web suppl. (<http://oieahc.wm.edu/wmq/Apr02/Stagg.pdf>).
- Ternavacio M.P.* Los laberintos de la libertad. Revolución e independencias // Las declaraciones de Independencia: Los textos fundamentales de las independencias americanas / Alfredo Ávila, Jordana Dym, Erika Pani, coord. México, 2013. P. 213–240.
- Treumann R.* Die Monarchomachen. Eine Darstellung der revolutionären Staatslehren des XVI. Jahrhunderts. Leipzig, 1895. 88 S.
- Tuck R.* Natural Rights Theories: Their Origin and Development. Cambridge, 1979.
- Vásquez J.Z.* The Mexican Declaration of Independence // Journal of American History. Vol. 85. № 4 (March 1999). P. 1362–1369.
- Whitaker A.P.* The United States and the Independence of Latin America, 1800–1830. Baltimore (Md.), 1941. 632 p.
- Wills G.* Inventing America: Jefferson’s Declaration of Independence. N.Y., 1978. 432 p.
- Yokota K. A.* Unbecoming British: How Revolutionary America Became a Postcolonial Nation. N.Y., 2011. 368 p.
- Zuckerman M.* Identity in British America: Unease in Eden // Colonial Identity in the Atlantic World, 1500–1800 / Ed. by Nicholas Canny, Anthony Pagden. Princeton (N.J.), 1987. P. 115–157.

BIBLIOGRAFIJA

- Library of Congress (Washington, D.C.). William Thornton Papers.
- Derrida Zh. Otobiografii. I. Deklaracii nezavisimosti / Per. s fr. V. Lapickogo // Ad Marginem'93. Ezhegodnik Laboratorii postklassicheskikh issledovanij In-stituta filosofii Rossijskoj akademii nauk. M., 1994. S. 174–183.
- Doleman R. (Parsons R.) Rassuzhdenie o nasledovanii anglijskogo prestola. 1594 g. / Per. s angl., vstup. stat'ja i komm. A. Ju. Serjoginoy. M., 2013. 456 c.
- Zor'kin V.G. Rossija: dvizhenie k pravu ili haosu? Social'no-gosudarstvennyj krizis i pravovaja sistema // Rossijskaja gazeta. 26.01.2012.
- Isjerov A.A. SShA i bor'ba Latinskoj Ameriki za nezavisimost', 1815–1830. M., 2011. 480 s.
- Novgorodcev P.I. Ob obshhestvennom ideale. M., 1991 (1-e izd. – M., 1917). 640 s.
- Savih V.B. Karaňorđe. Dokumenti. I–III. Gorњи Milanovac, 1988. 2023 c.
- Soedinennye Shtaty Ameriki: Konstitucija i zakonodatel'stvo / Pod red. O. A. Zhidkova. M., 1993. 766 c.
- Shhelchkov A.A. Bolivijskaja obshhestvennaja i istoricheskaja mysl' v XIX veke // Istoriya Latinskoj Ameriki v mirovoj istoricheskoy i obshhestvennoj mysli XVI–XIX vv. / Otv. red. E. A. Larin. M., 2010. S. 340–377.
- Shhelchkov A.A. Vosstanija v Verhnem Peru v 1809 godu. K 200-letiju nachala vojny za nezavisimost' v Ispanskoj Amerike // Novaja i novejšhaja istorija. 2009. № 4. C. 42–58.
- ***
- Actas de Independencia. Mérida. Trujillo y Táchira en 1810 / Halladas y publicadas por Tulio Febres Cordero. Mérida, 1910 (2do ed. – 2007). 61 p.
- Actas de formación de juntas y declaraciones de independencia (1809–1822). Reales Audiencias de Quito, Caracas y Santa Fe / Editores Armando Martínez Garnica, Inés Quintero Montiel. 2 vols. Bucaramanga, 2007. 312, 315 p.
- The American's guide: the constitutions of the United States of America, with the latest amendments; also the Declaration of Independence, Articles of Confederation, with the Federal Constitution, acts for the government of the territories, Washington's farewell address, and the inaugural speeches of the several presidents. Philadelphia: Joshua Fletcher, 1810. 292 p.
- Armitage D. Declaraciones de independencia, 1776–2011. Del derecho natural al derecho internacional // Las declaraciones de Independencia: Los textos fundamentales de las independencias americanas / Alfredo Ávila, Jordana Dym, Erika Pani, coord. México, 2013. P. 19–40.
- Armitage D. The Declaration of Independence: A Global History. Cambridge (Ma.), 2007. 320 p.
- Armitage D. The Declaration of Independence and International Law // William and Mary Quarterly. 3rd ser. Vol. 59. № 1 (Jan. 2002). P. 54–62.
- Armitage D. The Contagion of Sovereignty: Declarations of Independence since 1776 // South African Historical Journal. Vol. 52. № 1 (2005). P. 1–18.
- Arndt K. J. R. The First Translation and Printing in German of the American Declaration of Independence // Monatshefte. Vol. 77. № 2 (Summer 1985). P. 138–142.
- Arndt K. J. R. The First German Broadside and Newspaper Printing of the American Declaration of Independence // Pennsylvania Folklife. Vol. 35. № 3 (Spring 1986). P. 98–107.

- Bailyn B.* The Ideological Origins of the American Revolution. Cambridge (Ma.), 1967, 1992 (рус. перевод К. А. Осповата и Д. М. Хитровой: *Бейлин Б.* Идеологические истоки Американской революции. М., 2010). 416 p.
- Bemis S.F.* John Quincy Adams and the Foundations of American Foreign Policy. N.Y., 1949. 622 p.
- Brackenridge H.M.* Voyage to South America, performed by order of the American Government in the Years 1817 and 1818, in the frigate Congress. 2 vols. Baltimore, 1819. 353, 381 p.
- Breña R.* El primer liberalismo español y los procesos de emancipación de América, 1808–1824. Una revisión historiográfica del liberalismo hispánico México, 2006. 580 p.
- Brewer-Carias A.R.* The Connection between the United States Independence and the Hispanic American Independence Movement, and the Role Played by Some Key Books Published at the Beginning of the XIX Century [Library of Congress, Mumford Room, November 22, 2011]. 33 p.
- Carlos Stoezter O.* The Scholastic Roots of the Spanish American Revolution. N.Y., 1979. x, 300 p.
- Cave D.* Haiti's Founding Document Found in London // New York Times. 1.04.2010.
- Cleveland R. J.* A Narrative of Voyages and Commercial Enterprises. 3rd ed. Boston, 1850 (1st ed. – 2 vols., Cambridge, Ma., 1842). 407 p.
- A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789–1897. 10 vols. Wash., D.C., 1896–1899. 8187 p.
- Constitución de los Estados Unidos de América / Traducida del inglés al español por don Jph. Manuel Villavicencio. Filadelfia: Smith & McKenzie, 1810. 28 p.
- Constitución de los Estados Unidos de América, según se propuso por la Convención tenida en Filadelfia el 17 de septiembre de 1787 y ratificada después por los diferentes Estados con las últimas adiciones presididas de las Actas de independencia y federación, traducidas del inglés al español por el ciudadano Miguel de Pombo, e ilustradas por él mismo con notas y un discurso preliminar sobre el sistema federativo. Santafé de Bogotá: Imprenta Patriótica de D. Nicholas Calvo, 1811. 120, 1, 79 p.
- The constitutions of the several independent states of America; the Declaration of independence; the Articles of confederation between the said states; the treaties between His Most Christian Majesty and the United States of America. Philladelphia (sic!): Francis Bailey, 1781. 226 p.
- Conway S.* From Fellow-Nationals to Foreigners: British Perceptions of the Americans, circa 1739–1783 // William and Mary Quarterly. 3rd series. Vol. 59. № 1 (Jan. 2002). P. 65–100.
- Chiaramonte J.C.* Fundamentos intelectuales y políticos de las independencias. Notas para una nueva historia intelectual de Iberoamérica. Buenos Aires, 2010. 200 p.
- Chiaramonte J.C.* Nación y estado en Iberoamérica: El lenguaje político en tiempos de las independencias. Buenos Aires, 2004. 218 p.
- Chiaramonte J.C.* The Principle of Consent in Latin and Anglo-American Independence // Journal of Latin American Studies. Vol. 36. № 3 (Aug. 2004). P. 563–586.
- Dávila B.* The Río de la Plata and Anglo-American Political and Social Models 1810–1827 // Soundings in Atlantic History: Latent Structures and Intellectual Currents, 1500-1830 / Ed. by Bernard Bailyn, Patricia L. Denault. Cambridge (Ma.), 2009. P. 371–404.

- Dawyd D.* Las independencias hispanoamericanas y la tesis de la influencia de las doctrinas populistas // Temas de historia argentina y americana. № 16 (2010). P. 99–128.
- The Divine Charter: Constitutionalism and Liberalism in Nineteenth-Century Mexico / Ed. by Jaime E. Rodríguez O. Lanham (Md.), 2005. 416 p.
- Las declaraciones de Independencia: Los textos fundamentales de las independencias americanas / Alfredo Ávila, Jordana Dym, Erika Pani, coord. México, 2013. 620 p.
- Diccionario político y social del mundo iberoamericano [Iberconceptos-I] / Dir. Javier Fernández Sebastián. Madrid, 2009. 1422 p.
- Doceañismos, constituciones e independencias: La Constitución de 1812 y América / Coord. par Manuel Chust. Madrid, 2006. 260 p.
- Documentos constitucionales de la independencia / Constitutional documents of the independence / Introducción general y edición a cargo de Allan P. Brewer-Carías. Caracas, 2012. 644 p.
- Dym J.* From Sovereign Villages to National States: City, State and Federation in Central America, 1759–1839. Albuquerque (N.M.), 2006. 422 p.
- “Et de sa bouche sortait un glaive”: Les Monarchomaques au XVIe siècle. Actes de la journée d'étude tenue à Tours en mai 2003 / Éd. par Paul-Alexis Mellet. Genève, 2006. 188 p.
- Friedeburg R., von.* Widerstandsrecht und Konfessionskonflikt: Notwehr und Gemeiner Mann im deutsch-britischen Vergleich, 1530–1669. Berlin, 1999. 190 S.
- Gierke O., von.* Das deutsche Genossenschaftsrecht. 4 Bd. Berlin, 1868–1913. Bd. 4. LIV, 567 S.
- Gierke O., von.* Johannes Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorie. Zugleich ein Beitrag Zur Geschichte der Rechtssystematik. Breslau, 1880 (2. durch Zusätze vermehrte Ausgabe – Breslau, 1903; 3. durch Zusätze vermehrte Ausgabe – Breslau 1913; 7. Ausgabe – Aalen, 1981). 386 S.
- [*Gonçalves da Cruz A.*] Reply to the Author of the Letter on the South America and Mexico, by an American, addressed to Mr. James Munroe (sic!), President of the United States, Printed at Washington, in this present year, 1817. Philadelphia, 1817. 16 p.
- Guedea V.* Autonomía e independencia en la provincia de Texas // La independencia de México y el proceso autonomista novohispano, 1808–1824 / Coord. de Virginia Guedea. México, 2001. P. 135–183.
- Hall B.* Extracts from a Journal written on the coasts of Chili, Peru and Mexico in the years 1820, 1821, 1822. 2 vols. 3rd ed. Edinburgh, 1824. 304, 71 p.
- Herrejón Peredo C.* Versiones del grito de Dolores y algo más // 20/10. Memoria de las revoluciones en México. Vol. 5 (Otoño, 2009). P. 38–53.
- La Independencia de la Costa Firme Justificada por Thomas Paine – Trenta Años Ha – Extracto de Sus Obras. Traducido del inglés al español por don Manuel García de Sena Philadelphia: T. & J. Palmer, 1811. 255 p.
- Jenson D.* Dessaline's American Proclamations of the Haitian Independence // The Journal of Haitian Studies. Vol. 15. № 1–2 (2009). P. 72–102.
- Keen B.* David Curtis DeForest and the Revolution of Buenos Aires. New Haven (Ct.), 1947. 186 p.
- Maier P.* American Scripture: Making the Declaration of Independence. N.Y., 1997. 336 p.
- Maxwell K.* Naked Tropics: Essays on Empire and Other Rogues. L., 2003. 320 p.
- Morse J.* The American Universal Geography. 7th ed. 2 vols. Charlestown (Ma.), 1819. 898, 859 p.

- Nichols R.F.* William Shaler: New England Apostle of Rational Liberty // *New England Quarterly*. Vol. 9. № 1 (Mar. 1936). P. 71–96.
- Nichols R.F.* *Advance Agents of American Destiny*. Philadelphia, 1956. 262 p.
- Oltra J.* Jefferson's Declaration of Independence in the Spanish Political Tradition // *Journal of American History*. Vol. 85. № 4 (March 1999). P. 1370–1379.
- Papers of Thomas Jefferson* / Ed. by Julian P. Boyd, et al. 40 vols. to date. Princeton (N.J.), 1950–2014. Vol. XI. 740 p.
- Pazos [Kanki] V.* The Exposition, Remonstrance and Protest of Don Vincente Pazos, Commissioner on Behalf of the Republican Agents established at Amelia Island, in Florida, under the Authority and in behalf of the Independent States of South America. Philadelphia, 1818. 32 p.
- Quijada M.* Sobre 'nación', 'pueblo', 'soberanía' y otros ejes de la modernidad en el mundo hispánico // *Las nuevas naciones: España y México 1800–1850* / Coord. par Jaime E. Rodríguez O. Madrid, 2008. P. 19–52.
- Ranke L., von.* Die Idee der Volkssouveränität in den Schriften der Jesuiten // *Historisch-Politische Zeitschrift*. Bd. II (1833). S. 606–616.
- Restrepo Mejía I.* La soberanía del 'pueblo' durante la época de la Independencia, 1810–1815 // *Historica Crítica*. № 29 (Enero-Junio de 2005). P. 101–123.
- Las revoluciones hispánicas: Independencias americanas y liberalismo español* / Coord. par François-Xavier Guerra. Madrid, 1995. 292 p.
- Robinson W.D.* *Memoirs of the Mexican Revolution: including a Narrative of the Expedition of General Xavier Mina. With some observations on the practicability of opening a commerce between the Pacific and Atlantic oceans, through the Mexican Isthmus in the province of Oaxaca, and at the Lake of Nicaragua; and on the future importance of such commerce to the civilized world, and more especially to the United States*. Philadelphia, 1820. 396 p.
- Rocafuerte V.* Ideas necesarias a todo pueblo americano independiente, que quiera ser libre. Philadelphia: D. Huntington, T. & W. Mercein, printers, 1821. 180 p.
- Rodríguez M.* La revolución americana de 1776 y el mundo hispánico: ensayos y documentos. Madrid, 1976.
- Rodríguez O., J.E.* La influencia de la emancipación de Estados Unidos en la independencia de Hispanoamérica // *Procesos*. *Revista Ecuatoriana de Historia*. № 31 (I semestre de 2010). P. 25–43.
- Rodríguez O., J.E.* Sobre la supuesta influencia de la independencia de los Estados Unidos en las independencias hispanoamericanas // *Revista de Indias*. Vol. LXX. № 250 (2010). P. 691–714.
- Rodríguez O., J.E.* *The Independence of Spanish America*. Cambridge, 1998. 296 p.
- Rodríguez O., J.E.* La revolución política durante la época de la independencia: El reino de Quito, 1808–1822. Quito, 2006. 242 p.
- Rodríguez O., J.E.* "We Are Now the True Spaniards": Sovereignty, Revolution, Independence, and the Emergence of the Federal Republic of Mexico, 1808–1824. Stanford (Ca.), 2012. 520 p.
- Simmons M.E.* La revolución norteamericana en la independencia de Hispanoamérica. Madrid, 1992.
- Skinner Q.* *The Foundations of Modern Political Thought*. Vol. II. Reformation. Cambridge, 1978. 410 p.

- Stagg J.C.A. George Mathews and John McKee: Revolutionizing East Florida, Pensacola, and Mobile in 1812 // Florida Historical Quarterly. Vol. 85. № 3 (Winter 2007). P. 269–296.
- Stagg J.C.A. The Madison Administration and Mexico: Reinterpreting the Gutiérrez-Magee Raid of 1812-1813 // William and Mary Quarterly. 3rd ser. 2002. Vol. 59. № 2. P. 449–480.
- Stagg J.C.A. The Political Essays of William Shaler // William and Mary Quarterly. 3rd ser. 2002. Vol. 59. № 2. Web suppl. (<http://oieahc.wm.edu/wmq/Apr02/Stagg.pdf>).
- Ternavacio M.P. Los laberintos de la libertad. Revolución e independencias // Las declaraciones de Independencia: Los textos fundamentales de las independencias americanas / Alfredo Ávila, Jordana Dym, Erika Pani, coord. México, 2013. P. 213–240.
- Treumann R. Die Monarchomachen. Eine Darstellung der revolutionären Staatslehren des XVI. Jahrhunderts. Leipzig, 1895. 88 S.
- Tuck R. Natural Rights Theories: Their Origin and Development. Cambridge, 1979.
- Vásquez J.Z. The Mexican Declaration of Independence // Journal of American History. Vol. 85. № 4 (March 1999). P. 1362–1369.
- Whitaker A.P. The United States and the Independence of Latin America, 1800–1830. Baltimore (Md.), 1941. 632 p.
- Wills G. Inventing America: Jefferson's Declaration of Independence. N.Y., 1978. 432 p.
- Yokota K. A. Unbecoming British: How Revolutionary America Became a Postcolonial Nation. N.Y., 2011. 368 p.
- Zuckerman M. Identity in British America: Unease in Eden // Colonial Identity in the Atlantic World, 1500–1800 / Ed. by Nicholas Canny, Anthony Pagden. Princeton (N.J.), 1987. P. 115–157.

Исэров Андрей Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, доцент кафедры социальной истории факультета истории НИУ ВШЭ, isserov@gmail.com.

A comparison of the declarations of independence in the USA and the countries of Spanish America: a formulation of a problem

The article is devoted to the comparison between the declarations of independence of the United States and of Spanish American nations. The full list of Spanish American declarations of independence is compiled for the first time in historiography. The questions raised in this proposed comparison bring a scholar to the major issues of the independence movements in the New World (and in the end, to the discussion of the nature of British and Spanish colonial societies in America) and thus – do not have clear and final answers.

Keywords: declarations of independence, popular sovereignty, United States of America, Latin America, Atlantic revolutions, inter-American relations.

Isserov Andrey Aleksandrovich, PhD in History, senior research fellow, Centre for North-American Studies, Institute of World History (RAS), Associate Professor, Department of Social History, Faculty of History, the Higher School of Economics, isserov@gmail.com.

Р. Ю. БЕЛЬКОВИЧ

ДВЕ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ АВРААМ ЛИНКОЛЬН И ПРОБЛЕМА СЕЦЕССИИ

В основе государственности США лежит акт сецессии – одностороннего отделения североамериканских колоний от Британской империи посредством принятия Декларации независимости. Последовавшая война с метрополией заложила фундамент республиканского героического дискурса. В то же время, попытка сецессии южных штатов век спустя была подавлена войсками Севера, апологеты независимости Юга были объявлены предателями. Существенную роль в изменении восприятия идеи сецессии в интеллектуальном пространстве США сыграл Авраам Линкольн. В статье рассматриваются аргументы Линкольна в пользу территориальной целостности США. Автор делает вывод о том, что Гражданская война в США обнажает принципиальные противоречия, свойственные государственности в Новое время. Важное последствие войны – интеллектуальный переворот, осуществлённый Линкольном, в отношении понимания природы государства в США. Государство из политической формы социальных отношений, основанных на самоуправлении, превратилось в самостоятельного субъекта, осуществляющего власть вне согласия управляемых.

Ключевые слова: *сецессия, Линкольн, рабство, революция, суверенитет.*

Одним из важнейших аспектов современной государственности, возникшей в Новое время и существующей в относительно неизменной форме и поныне, является территориальный характер её реализации. Именно территориальная определённость границ осуществления государственной власти наделяет эту власть специфическими чертами, позволяющими вести речь о качественно ином её характере по сравнению как с исторически предшествующими формами политической организации общества, так и с иными типами властных отношений, существующих параллельно государству¹.

Процесс становления этого типа «политического тела» сам по себе носил болезненный характер и предполагал значительные трансформации социального порядка в рамках всей европейской цивилизации. Вестфальская система создала подходящие условия для невиданной концентрации власти в руках новых европейских Левиафанов, всё менее ограничиваемых остатками феодальной «системы сдержек и противовесов». Монополизация функции правотворчества государством посред-

---

¹ Данное научное исследование №14-01-0084 выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014/2015 гг.

ством вытеснения из нормативной сферы иных субъектов, претендовавших на лояльность населения, означала принципиальный разрыв власти и общества («гражданского» в терминологии Гегеля).

Произошедшее отделение государства от общества одновременно являло собой разрушение устойчивых социальных связей, а отсюда – и де-легитимацию властных институтов, более не являвшихся естественным продолжением повседневной жизни европейца. Новый порядок требовал новых концепций. В частности, важнейшую легитимационную функцию начинает играть теория общественного договора. Выход властных институтов из-под контроля общества требовал одновременной «фетишизации» общества как самостоятельной, вне- и дополитической сферы взаимодействия обособленных индивидов². Общество лишалось контроля над властью именно в силу того, что власть отныне объявлялась результатом почти механического процесса (столь же добровольного, сколь и неизбежного) порождения государства через таинство договора разумных индивидов.

Эффективность такого обоснования коренилась в интеллектуальной уловке, которую обнаруживает любой исследователь проблемы контракционизма³. Заключается она в том, что всё необходимое и достаточное для заключения подобного договора приписывается иным, воображаемым, исторически неактуальным абстрактным индивидам, в то время как следствие этого договора (фактически существующая система политических и правовых институтов, подкреплённая принуждением) распространяется на данных, конкретных и существующих в настоящее время индивидов.

Таким образом, вместо обоснования легитимности власти через традицию и реальную повседневную практику политических отношений, логика контракционизма предлагает интуитивно понятное и расчётливое объяснение, опасность которого, однако, состоит в том, что оно остаётся за пределами реальной человеческой жизни⁴.

---

² «Современное гражданское общество есть последовательно проведённый принцип индивидуализма, индивидуальное существование есть последняя цель; деятельность, труд, содержание и т.д. суть *только* средства». Маркс. 2010. С. 169.

³ Т.е. договорных теорий государства.

⁴ В сфере политического контракционизм производит операцию сходную той, которую, с точки зрения К. Маркса, производит в экономической сфере буржуазная политэкономия, а именно – вместо реальных людей и человеческих отношений оба эти подхода рассматривают абстракции. Если политэкономия за «рабочей силой» и трудочасами отказывалась видеть живого рабочего, то контракционизм объясняет реальные отношения власти и подчинения воображаемым договором, который заключили абстрактные индивиды.

Контракционизм стремится к одной из двух крайностей. В первом случае он воплощается в действительность как политическая практика, которая с неизбежностью приводит к разрушению наличных социальных институтов в процессе «перезаключения» общественного договора. Однако индивиды, возвращающие себе заявленное право на самоопределение, оказываются в мире абсолютных возможностей, никак не связанных социальной действительностью, традицией, ожиданиями окружающих. Оказавшийся в естественном состоянии индивид может оказаться «недостаточно разумным» по меркам контракционизма – он вообще может отказаться заключать подобный договор. Во всяком случае, эта «частноправовая» система взаимоотношений прямо враждебна самой конструкции национального государства и в качестве логического своего завершения имеет т.н. «философский анархизм», отрицающий возможность рационального обоснования государственной власти⁵.

Во втором случае контракционизм превращается исключительно в инструмент риторики – когда реальные договорные механизмы отсутствуют, а то, что являлось средством достижения социальных целей (государство), само становится целью. Договорная теория в таком случае парадоксальным образом отрицает свою собственную механику – результат соглашения заменяет сам процесс выражения согласия и делает новый подобный процесс невозможным.

Мы имеем возможность наблюдать этот переход от последовательной теории к договорной риторике на примере буржуазных революций XVIII века. Возникнув как способ обоснования «борьбы с тиранией» посредством установления справедливого (буржуазного) порядка, договорная теория как чистая идея ложится в основу революционных процессов, создавших на обломках старого режима структуры новых республик. Так, в 1776 г. 13 колониальных территорий Великобритании в Северной Америке объявили свою независимость, породив важнейший для контракционизма в частности и политической теории в целом прецедент сепарации – одностороннего (т.е. реализованного без согласия на то государства) отделения части территории государства и проживающего на ней населения и создания новой политической структуры.

---

⁵ В связи с этим см. критику использования договорных конструкций применительно к публичным отношениям в «Философии права» Гегеля – национальное государство как “сверх-порядок”, самостоятельная сущность, не может в каждый момент времени зависеть от индивидуальных волеизъявлений своих граждан, понятых как автономные субъекты. Государство требует трансценденции из мира реального (договоров) в мир абстрактный (чистой власти).

Возможность этого отделения была продиктована договорной интерпретацией природы государства как такового, независимо от конкретно-исторических особенностей конкретного государства. Ибо контракционизм предполагает не одно из возможных объяснений возникновения и функционирования государства, но единственное, исключающее все остальные объяснения. В рамках договорной логики государство в любом ином виде просто бессмысленно – точно так же, как бессмыслен любой иной договор для той стороны, которая не видит своего интереса в его заключении. Поэтому государство, исторически возникшее не из согласия, но из насилия и принуждения, может продолжить своё существование только в том случае, если фактически существующие «условия договора» удовлетворяют население.

Именно эта идея была со всей ясностью отражена в тексте Декларации независимости 1776 года: «Для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых. В случае, если какая-либо форма правительства становится губительной для самих этих целей, народ имеет право изменить или упразднить её и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье»⁶.

Тем не менее, несмотря на свой эмансипирующий посыл, договорная теория в условиях нового политического пространства стала стремительно утрачивать либертарные черты, что отчётливо проявилось в ситуации противостояния Севера и Юга. На примере этого столкновения мы можем проследить трансформацию договорных отношений власти в отношения авторитарные при сохранении риторики контракционизма. В случае США эта тенденция обнаруживает себя наиболее ярко именно в силу специфики истории североамериканской республики, возникшей в результате акта сепарации и основанной непосредственно на идее неотъемлемого права индивидов на самоуправление.

Значение проблемы сепарации для анализа природы современной государственности до сих пор не в достаточной степени оценено в науке. Рассмотрение теоретических оснований претензии Юга на независимость остаётся в тени вопроса о рабовладении⁷. Тем не менее,

---

⁶ Декларация независимости. 1993. С. 25.

⁷ Следует обратить внимание на тот факт, что в составе США в период войны оставались рабовладельческие штаты Делавэр, Миссури, Мэриленд и Кентукки, на которые не распространялась Прокламация об освобождении рабов. Таким образом, немедленная отмена рабовладения вовсе не являлась целью Линкольна.

как для сторонников независимости Юга, так и для администрации Линкольна, вопрос состоял исключительно в том, может ли часть территории национального государства отделиться и стать самостоятельной. Кровопролитная война 1861–1865 гг. есть свидетельство того, что ответ на этот вопрос вовсе не является очевидным⁸.

Противостояние Севера и Юга интересно тем, что оно в сжатой форме содержит в себе все те противоречия, которые являются «врождёнными болезнями» государств Нового времени. Несмотря на то, что в период гражданской войны в США в международном праве отсутствовала современная система защиты территориальной целостности государств, уже в 60-х годах XIX века Авраам Линкольн фактически сформулировал её теоретическую основу в своих программных высказываниях о будущем Союза.

В историографии принято разграничивать два явления – Американскую революцию и войну за независимость. Как писал в своём письме к Томасу Джефферсону Джон Адамс, война за независимость «...не была частью революции; она была лишь её эффектом и следствием. Революция свершилась в умах людей»⁹. Если война за независимость в XVIII в. в действительности являлась лишь внешней формой политической революции, победа которой означала торжество права на самоуправление (*self-government*), то война Севера и Юга в XIX в. тоже была лишь внешним проявлением контрреволюционного интеллектуального переворота, совершённого Линкольном¹⁰.

Итак, в чём же состояло идеологическое обоснование принуждения Юга к нахождению в составе Союза с точки зрения инициатора войны, президента США Авраама Линкольна. Прежде всего следует обратить внимание на то, что аргументация Линкольна не основана на необходимости освобождения чернокожего населения. Это и неудивительно, так как вопрос о рабовладении сам по себе никак не связан с вопросом о наличии или отсутствии права у территории на выход из

---

⁸ Современных работ, посвящённых теоретическим аспектам сецессии Юга, не так много. Среди них следует отметить, прежде всего, коллективную монографию *Secession, State & Liberty*. 1998, а также диссертацию Синтии Николетти: *Nicoletti C.* 2010. Позиция Линкольна также анализируется в таких общетеоретических работах о сецессии как *Wellman*. 2005 и *Buchanan*. 1991.

⁹ Adams J. To Thomas Jefferson, 24 August, 1815. 1856. P. 172.

¹⁰ Необходимо обратить внимание на тот факт, что война Севера и Юга не являлась, по сути, гражданской войной, так как представители восставшего Юга вовсе не планировали захватывать власть в том государстве, от которого они пытались отделиться. Для Юга северные штаты представляли собой уже самостоятельное государство, агрессия которого повлекла за собой военные действия.

состава государства. Линкольн вполне определённо высказывался на этот счёт: «...я заявляю, что у меня нет никаких намерений прямо или косвенно вмешиваться в функционирование института рабства в тех штатах, где он существует. Я считаю, что не имею законного права делать это, и я не склонен делать это»¹¹. Истинной задачей Линкольна являлось сохранение США в пределах современных ему границ: «Если бы я мог спасти Союз, не освободив ни одного раба, я бы это сделал, и если бы я мог спасти его, освободив всех рабов, я бы это сделал; если бы я мог спасти Союз, освободив некоторых и не трогая остальных, я бы сделал и это. То, что я делаю в отношении рабства и цветного населения, я делаю потому, что верю в то, что это поможет сохранить Союз»¹².

Свою позицию в отношении проблемы сепарации Линкольн отчётливо сформулировал в двух известных речах. Первая – послание 4 марта 1861 года, произнесённое Линкольном в Вашингтоне в рамках процедуры инаугурации после избрания его Президентом 6 ноября 1860 года. К моменту инаугурации семь южных штатов уже объявили о выходе из состава США. В связи с этим речь Линкольна практически полностью посвящена вопросу сохранения территориальной целостности Союза. Вторая речь – послание Конгрессу 4 июля 1861 года, в котором Линкольн убеждает Конгресс выделить финансирование на ведение войны с Югом. Несмотря на свой формальный и практический характер оба эти послания, тем не менее, содержат важнейшие теоретические постулаты, совокупность которых в достаточно полной мере раскрывает суть идейного переворота, осуществлённого Линкольном.

Ещё в 1825 г. Уильям Роуль, президент общества аболиционистов Пенсильвании (старейшей аболиционистской организации в США) и один из ведущих американских конституционалистов, писал, что отрицание права сепарации «несовместимо с принципом, на котором основаны наши политические режимы, а именно, что у людей всегда есть право решать, как ими следует управлять»¹³. Однако уже в 1861 г. Линкольн заявляет: «...Ни один из штатов не вправе сугубо по собственной прихоти выйти из Союза... принимаемые с этой целью решения и постановления не имеют юридической силы и акты насилия в пределах любого штата или штатов, направленные против власти Соединённых Штатов, носят, в зависимости от обстоятельств, повстанческий или революционный характер»¹⁴.

---

¹¹ *Lincoln A.* 1908. P. 309.

¹² *Lincoln A.* 1953. P. 388.

¹³ Цит. по *Secession, State & Liberty.* 1998. P. 166.

¹⁴ *Lincoln.* 1908. P. 312.

Если Линкольн полагал, что сам по себе акт сепарации носит противоправный характер и вследствие этого должен быть запрещён, то он с необходимостью должен был бы распространить этот тезис и на саму Американскую революцию, породившую в конце концов США. Это приводит к абсурдному выводу о том, что Линкольн защищал территориальную целостность государственного образования, легитимность которого он одновременно отрицал. Возможный тезис Линкольна, конечно, может звучать так – нельзя нарушать территориальную целостность фактически существующих государств независимо от легитимности их исторического возникновения. Однако это означало бы, прежде всего, что Линкольн вообще принципиально отказывается от всех тех идей, которые лежат в основе американской государственности и, прежде всего, отражённых в Декларации независимости. Ибо если фактически существующее государство является неприкосновенным, а его территориальные границы – незыблемыми, то вести речь о правительствах, черпающих свои законные полномочия *из согласия управляемых*, совершенно невозможно. Однако Линкольн никогда не заявлял о своём отрицании ценностей, отражённых в Декларации независимости. Таким образом, проблема заключается в том, что аргументы, приводимые Линкольном, могли быть адресованы и отцам-основателям.

Парадоксальным образом позиция Линкольна в то же время приводит к необходимому выводу о том, что действия южан в 1861 г. абсолютно равноценны действиям борцов за независимость в 1776 г., так как само возникновение устойчивой государственности есть в любом случае вопрос успеха или поражения действий, направленных на её создание. Если в случае европейских государств сама их относительная древность может быть использована как аргумент в пользу незыблемости государств и их границ (что само по себе, конечно, абсурдно в свете непрерывных трансформаций, которые они претерпевали), то применительно к США волонтаристский характер образования государства является очевидным фактом.

Линкольн говорит: «Я считаю, что с точки зрения универсального права и Конституции Союз этих штатов вечен. Вечность, даже если она не выражена прямо, подразумевается в основных законах всех государственных форм правления. Можно с уверенностью утверждать, что никакая истинная система правления никогда не имела в своих основных законах положения о прекращении собственного существования»¹⁵.

---

¹⁵ *Lincoln*. 1908. P. 311.

Прежде всего, с юридической точки зрения, Линкольн либо утверждает не имеющую никакого значения банальность, либо невероятно преувеличивает роль и функции нормативно-правовых актов. Так, слова Линкольна можно понять просто в том смысле, что в тексте Конституции США не содержится указание на срочный характер Союза. Но этой чертой (бессрочностью действия) Конституция США мало отличается от подавляющего большинства нормативных актов. Однако отсутствие указания в акте на временный характер его действия не означает, что его содержание составляют *вечные нормы*, порождающие *вечные институты*. Это лишь означает, что нормы не утрачивают своей силы вследствие истечения определённого срока. Но сторонники сессии, естественно, оправдывали выход из состава США вовсе не истечением срока действия Конституции. Наоборот – если Линкольн обращается к юридической стороне вопроса, то проблема как раз и состоит в том, что с точки зрения Юга право на сессию носит конституционный характер, и в таком случае действие Конституции никак не может ему противоречить.

С другой стороны, утверждение Линкольна можно истолковать в том смысле, что составители Конституции США, не указав на возможность прекращения Союза, связали тем самым и себя, и все последующие поколения нормативным пространством конституции. Однако в таком прочтении высказывание Линкольна ещё более абсурдно. Во-первых, сама идея о том, что с помощью нормативного акта можно в такой мере ограничить политическую волю населения, вряд ли может быть принята всерьёз. Следуя логике Линкольна до конца, необходимо было бы допустить, например, такую ситуацию, когда отцы-основатели внесли бы в текст конституции положение, прямо запрещающее её изменение. Подобного рода *plenitudo potestatis* ранее приписывали лишь наместнику Бога на земле Папе Римскому.

Следует также вспомнить почти пророческие слова Томаса Джефферсона, писавшего: «...Ни одно общество не может создать вечную конституцию или вечный закон. Земля всегда принадлежит живущему на ней поколению. <...> Каждая конституция, следовательно, и каждый закон естественным образом утрачивают свою силу по истечении 19 лет. Дальнейшее их действие будет основано не на праве, но на принуждении»¹⁶. Удивительно, что почти то же самое говорит и сам Линкольн в своей речи: «Эта страна, со всеми ее учреждениями, принадлежит тем людям, которые ее населяют. Всякий раз, когда

---

¹⁶ Jefferson to James Madison, September 6, 1789. 1895. P. 121.

их начинает раздражать существующее правительство, они могут использовать свое конституционное право внести поправки в его деятельность либо свое революционное право разогнать или свергнуть его»¹⁷. Однако Линкольн искажает либертарный смысл высказывания Джефферсона, наделяя государство и его территорию самостоятельным бытием и допуская осуществление самоуправления только *в рамках* существующей государственности Союза. У Линкольна речь идёт исключительно о возможности ликвидации существующей власти, но не об уничтожении самой конструкции «страны со всеми её учреждениями». Линкольн отказывается от понятной и прозрачной логики отцов-основателей, для которых государство и его территория являются *следствием* самоуправления и договора, и превращает территорию государства в мистическое тело, неприкосновенное и живущее самостоятельной жизнью.

Любопытно также то, что Линкольн в другом месте своего послания описывает историю «развития» Союза следующим образом: «Исходя из этих общих принципов, мы приходим к выводу о том, что утверждение о вечности Союза в юридическом смысле подтверждается самой историей Союза. Союз значительно старше Конституции. Фактически он был сформирован Статьями Ассоциации в 1774 г. Закреплён и развит Декларацией независимости в 1776 г. В дальнейшем он был подкреплён Статьями Конфедерации 1778 года, в которых все тогдашние тринадцать штатов наглядно подтвердили свою веру в него, пообещав, что он будет вечным. И наконец, в 1787 г. одной из объявленных целей составления и принятия Конституции было “образовать более совершенный Союз”»¹⁸.

Очевидно, что Линкольн считает все перечисленные акты законными и легитимными, поскольку именно их непрерывная цепь составляет историю одного и того же Союза. Однако если читатель обратится к тексту Статей Конфедерации 1778 года, то он обнаружит, что Союз, о котором идёт именно в них речь, трижды назван *вечным*. Кроме того, представители штатов ругаются в тексте в том, что «статьи Конфедерации будут ненарушимо соблюдаемы теми Штатами», от которых они состояли представителями. Тем не менее, принятие Конституции США вне процедур, предусмотренных Статьями Конфедерации, прекратило действие этого акта, вовсе не предусматривавшего возможности подобного развития событий.

---

¹⁷ *Lincoln*. 1908. P. 317.

¹⁸ *Ibid*. P. 312.

Если бы всё то, что Линкольн говорит о Конституции США, было верным, то она просто не могла бы существовать, или во всяком случае не являлась бы легитимным документом, так как таковым продолжали бы *вечно* являться Статьи Конфедерации.

Заметим, что в тексте Статей Конфедерации содержится прямое указание на вечный характер союза, тогда как составители Конституции США, зачастую практически копировавшие текст Статей Конфедерации, от этой формулировки тем не менее отказались. Это неудивительно – предыдущий «вечный» основной закон был окончательно ратифицирован штатами лишь в 1781 г., то есть за 6 лет до созыва Конвента, принявшего новую конституцию. Кроме того, сама конституция 1787 года представляла собой весьма неустойчивый компромисс, надеяться на вечный характер которого участникам Конвента никак не приходилось¹⁹.

Именно как компромисс, временно позволяющий совместно существовать северным и южным штатам, рассматривали Союз и союзную конституцию представители Юга. На это Линкольн возражал следующим образом: «И опять, если Соединенные Штаты являются не самостоятельным государством, а ассоциацией штатов, основанной исключительно на договоре, может ли она, как договор, быть мирно расторгнута меньшим количеством сторон, чем было при ее создании? Может ли одна сторона договора нарушить его – разорвать, не требуется ли согласия всех для законной отмены его действия?»²⁰.

Здесь Линкольн намеренно подменяет понятия – допустив договорную природу Союза, он приравнивает разрыв договора к его нарушению. Однако единственным свидетельством наличия этого договора является сама Конституция США, которая ни в одном из своих положений не содержит запрет на выход штата из состава федерации. В то же время, десятая поправка к Конституции США гласит: «Полномочия, которые не делегированы Соединенным Штатам настоящей Конституцией и пользование которыми ею не запрещено отдельным штатам, сохраняются за штатами либо за народом». Конституция США приобрела свою юридическую силу после ратификации её штатами, из чего следует, что именно штатам на тот момент принадлежали полномочия по определению своего политико-правового статуса²¹. Поскольку эти пол-

---

¹⁹ См. об этом подробнее *McDonald*. 1985.

²⁰ *Lincoln*. 1908. P. 312.

²¹ Даже несмотря на то, что действовавшие в тот момент Статьи Конфедерации допускали внесение в них изменений исключительно «по желанию конгресса

номочия не были «делегированы Соединённым Штатам», и пользование ими не было «запрещено отдельным штатам», штаты не могли утратить эти полномочия с принятием Конституции, даже если допустить, что такая утрата теоретически была возможна.

Кроме того, в природе договоров нет ничего, что в любом случае запрещало бы одной из сторон его расторгнуть. Линкольн произвольно приравнивает понятие договора вообще к договору неисполненному. Однако применительно к такому договору, каким можно считать государство, сама идея исполнения договора приобретает совершенно иной смысл, нежели тот, которым оперировал Линкольн. Конституцию, рассматриваемую как договор, можно сравнить с договором о создании клуба, исполнением которого является соблюдение правил клуба, а не исполнение какой-то конкретной обязанности в отношении других его членов. Существование подобного клуба имеет смысл ровно в той мере, в которой все его участники заинтересованы в совместной деятельности. Отсутствие подобного интереса означает как раз *необходимость выхода* из такого клуба, но никак не потребность в принуждении к нахождению в нём.

Даже если допустить, что стороны договора не могут выйти из него добровольно, тезис Линкольна сталкивается с другой проблемой – если воспринимать договорную теорию всерьёз, то следует рассматривать в качестве договаривающихся сторон реальных, а не воображаемых субъектов. Так, в качестве договаривающихся сторон в 1787 г. выступали члены конвентов штатов, ратифицировавшие Конституцию. Однако совершенно очевидно, что к 1861 г. и население этих штатов, и тем более состав их законодательных органов, представляли собой уже совершенно иной набор индивидов. Следовательно, требование о расторжении договора исключительно договаривающимися сторонами является абсолютно невыполнимым. Оно имеет смысл только в контексте нового для США мифологического типа мышления, для которого политические структуры (штаты, США) имеют самостоятельное существование, не связанное с реальными индивидами.

Линкольн затрагивает здесь значительно более серьёзную проблему, на которую вскоре после войны прямо указал бостонский юрист Лисандер Спунер в своей работе «Нет измены», посвящённой обоснованию права Юга на выход из состава США. Спунер подверг

Соединенных Штатов и с одобрения законодательных собраний каждого Штата», коих насчитывалось 13. Текст же конституции связывал вступление её в действие после ратификации конвентами 9-ти штатов.

сомнению самую юридическую силу Конституции, опираясь на договорное понимание природы «свободных государств». Спунер писал: «Вся юридическая сила Конституции основывается исключительно на нём (согласии – *Р.Б.*). В отсутствие согласия этот документ является недействительным. И, конечно же, он не распространяет своё действие ни на кого, кроме тех, кто своё согласие выразил»²².

Спунер указывал на то, что все те, кто подписывали в своё время Конституцию США, уже давно мертвы, следовательно, и договор, выражением которого является этот документ, уже не действует. У людей, его заключавших, не было какой-либо особой власти, позволявшей распространять обязательства, вытекающие из этого договора, на своих потомков. Конституция США гласит: «Мы, народ Соединённых Штатов, с целью образовать более совершенный Союз, установить правосудие, гарантировать внутреннее спокойствие, обеспечить совместную оборону, содействовать всеобщему благоденствию и закрепить блага свободы за нами и потомством нашим, провозглашаем и устанавливаем настоящую Конституцию для Соединённых Штатов Америки». Спунер по этому поводу писал: «Данный текст не содержит указаний на то, что потомство будет следовать этой Конституции, что ему стоило бы ей следовать или что оно должно ей следовать. Этот текст свидетельствует лишь о том, что авторы Конституции руководствовались надеждой на то, что этот документ окажется полезным для их потомков в деле укрепления их союза, обеспечения спокойствия, безопасности, свободы и пр. ... Так, например, когда человек говорит, что он сажает дерево для себя и своего потомства, не следует его понимать в том смысле, что он собирается принуждать своих потомков к чему-либо, и не следует считать, что он настолько наивен, что полагает, будто у него есть власть или право заставить их есть плоды этого дерева. Он лишь имеет в виду, что, сажая это дерево, надеется на возможную пользу, которую потомки могут извлечь из его плодов»²³.

Таким образом, взгляды Линкольна на сепарацию продиктованы совершенно иным, авторитарным пониманием самой природы государственности, не имеющим ничего общего с идеями 1776 года. Это ярко проявляется в следующем его тезисе: «Ясно, что центральная идея сторонников сепарации – это, в сущности, анархия. Единственным истинным сувереном свободного народа является большинство, которое удерживается в определенных рамках посредством конституционных

---

²² Spooner. 1992. P. 59.

²³ Spooner. 1870. Pp. 4–5.

сдержек и ограничений и всегда легко и взвешенно меняется вместе с изменениями мнений и чувств народа. Всякий, кто отвергает это, неизбежно скатывается к анархии или деспотизму. Единодушие невозможно. Правление меньшинства, как перманентное устройство, совершенно недопустимо, так что, если отклонить принцип большинства, ничего, не остается, кроме анархии или деспотизма в той или иной форме»²⁴.

Линкольн здесь затрагивает сразу несколько важных тем. Прежде всего, он постулирует теорию правления большинства как единственно возможную. Однако, с точки зрения Юга, категория «большинство», понимаемая как большинство населения США, имела смысл до тех пор, пока население Юга желало быть частью населения США. Акт сепарации как раз и демонстрирует отсутствие такого желания, а значит и бессмысленность самой категории большинства в этом контексте. В соответствии с логикой Линкольна американские колонисты должны были в 1776 г. выяснить мнение большинства населения Великобритании прежде чем объявлять независимость от метрополии. Таким образом, Линкольн создаёт ещё одну воображаемую структуру – это народ Соединённых Штатов, существующий вне воли составляющих его индивидов. Искусственность этой структуры была доказана результатами войны – если она унесла примерно столько же жизней (около одного миллиона человек, примерно 3% населения), сколько все остальные войны США вместе взятые, трудно сделать вывод о братском единстве народов Севера и Юга.

Цицерон определял государство (республику) как «достояние народа», под которым он понимал «не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов»²⁵. Американская республика, чьи отцы-основатели в значительной степени опирались на взгляды римского философа, к 1861 г., безусловно, уже не отвечала этим требованиям²⁶.

Далее, Линкольн приравнивает последовательный взгляд на договорную природу государства к анархизму, что, как отмечалось нами ранее, концептуально является верным. Однако Линкольн формулирует это утверждение как обвинение, фактически адресуя его не только

---

²⁴ *Lincoln*. 1908. P. 315.

²⁵ *Цицерон*. 1966. С. 20.

²⁶ О влиянии античных авторов на поколение 1776 года см. напр. *Wood*. 1969; *McDonald*. 1985. О влиянии флорентийской республиканской традиции см. *Роскок*. 1975.

Югу, но и отцам-основателям, считавшим сецессию вполне допустимой формой выражения несогласия. Таким образом, он превращает фактическое утверждение в оценочное, искажая при этом систему констант, на которую опиралась Американская революция. То же самое можно сказать и о следующем его утверждении: «Если меньшинство в таком случае прибегнет к сецессии... оно создаст прецедент, который, в свою очередь, расколется и погубит его, поскольку всякое возникающее в его собственной среде меньшинство будет откалываться от него всякий раз, когда большинство откажется быть контролируемым меньшинством. Почему, например, через два или три года какая угодно часть новой конфедерации не может произвольно прибегнуть к сецессии снова, точно так же, как части существующего Союза намереваются выйти из его состава?»²⁷.

Проблема этого аргумента состоит в том, что он никоим образом не обосновывает необходимость запрета сецессии, но лишь описывает логически возможные её последствия. Действительно, если допустить, что Конфедерация может отделиться от США, то и часть Конфедерации впоследствии может отделиться от неё самой. Проблема здесь существует только в сознании самого Линкольна, для которого территориальная целостность государства приобрела священный характер, а идея о возможности её нарушения настолько ужасна, что Линкольн не считает нужным объяснить, почему наступление описанных им последствий должно быть предотвращено любой ценой. Линкольну сначала следовало бы обосновать, почему описанные им последствия являются чем-то нежелательным, так как в данном виде налицо обоснование через повторение тезиса – сецессию следует запретить потому, что она может произойти, что нежелательно; а нежелательно это потому, что она может произойти.

Линкольн считает, что «у наших штатов не больше и не меньше власти, чем Союз предоставил им в Конституции, и ни один из них никогда не был государством вне Союза»²⁸. Однако Декларация независимости была принята представителями 13-ти колоний, а не какого-либо Союза. В самом тексте Декларации эти колонии объявляются «свободными и независимыми штатами»²⁹. Именно эти свободные и независимые штаты (государства) и ратифицировали впоследствии Статью Конфедерации, что, очевидно, означало возможность отказа от такой

---

²⁷ *Lincoln*. 1908. P. 315.

²⁸ *Ibid*. P. 331.

²⁹ Термин *state* обозначает, естественно, не только штат, но и государство.

ратификации и, следовательно, от нахождения в союзе с другими штатами. Иначе говоря, сам факт принятия и ратификации Статей Конфедерации, а впоследствии (опять же, в результате новой сессии) и Конституции США штатами³⁰ свидетельствует об их самостоятельном существовании в качестве независимых политических образований.

Завершим рассмотрение аргументов Линкольна его утверждением: «Конституция гласит, и все штаты приняли это положение, что «Соединенные Штаты гарантируют каждому штату в настоящем Союзе республиканскую форму правления. Но если штат имеет право законно выйти из Союза, он также может впоследствии упразднить республиканскую форму правления; таким образом, запрет на его выход есть необходимое средство, цель которого – обеспечить упомянутую гарантию; и когда цель является законной и обязательной, тогда и необходимые средства её достижения тоже являются законными и обязательными»³¹.

Это, возможно, наиболее удивительное с юридической точки зрения высказывание Линкольна. В целях аргументации Линкольн допускает ситуацию наличия у штата права выхода из состава Союза. Это, с его точки зрения (и вполне справедливо), порождает возможность ликвидации республиканского устройства и, по-видимому, установления монархии. Текст конституции абсолютно недвусмысленно распространяет гарантию республиканской формы правления на штаты, *находящиеся в Союзе*. Понятно, что конституция, ратифицируемая штатами, распространяется только на эти штаты и не распространяется, например, на территорию Великобритании. Однако из этого конституционного положения Линкольн делает совершенно невероятный вывод – допустив возможность самостоятельной государственности штата (ведь именно эта потенциальная самостоятельность порождает возможность упразднения республиканского режима), он одновременно рассматривает его политическое устройство как сферу, на которую каким-то образом продолжит распространять своё действие конституция другого государства – США.

Чтобы абсурдность этой конструкции стала очевидной, мы можем заменить положение о республиканской форме правления на лю-

---

³⁰ Следует также отметить, что конституция США вступала в действие после её ратификации 9-ю штатами. Таким образом, с момента ратификации её штатом Нью Хэмпшир 21 июня 1781 года конституция начала действовать, в то время как четыре штата ещё не вошли в состав Союза и, по сути, существовали в правовом пространстве Статей Конфедерации.

³¹ *Lincoln A.* 1908. P. 338.

бое другое нормативное положение – например, на положение раздела 10 статьи I Конституции США о том, что ни один штат не может уплачивать долги чем-либо, кроме золотой или серебряной монеты (с юридической точки зрения эти нормы обладают одинаковой юридической силой). Это положение (как и положение о республиканской форме правления) распространяется на все штаты США в равной мере. Следовательно, по логике Линкольна, оно должно быть реализовано в их отношении в любом случае. Однако реализацию этого положения невозможно будет проконтролировать в том случае, если штат выйдет из состава Союза. Значит сецессию необходимо запретить, так как новое самостоятельное государство может начать выплачивать долги чем-либо, кроме золотой или серебряной монеты.

Для Американской революции война за независимость XVIII века создала материальные условия для реализации идей свободы, равенства, самоопределения. Война Севера и Юга, в свою очередь, создала материальные условия для совершенно иных трансформаций. К числу последствий победы Севера в войне относится не только сохранение территориальной целостности США – посредством обвинения Юга в измене официальная пропаганда приобрела возможность объявить преступными все те ценности, на стороне которых выступал Юг, и прежде всего идею минимального вмешательства государственной власти в жизнь общества. Именно эта война повлекла за собой беспрецедентное разрастание влияния федерального правительства на штаты.

Но самое важное последствие войны – интеллектуальный переворот, осуществлённый Линкольном, в отношении понимания природы государства в США. Государство из политической формы социальных отношений, основанных на самоуправлении, превратилось в самостоятельного субъекта, осуществляющего власть вне согласия управляемых. Американский философ Альберт Джей Нок писал: «На самом деле, можно сделать вывод о том, что действия Линкольна повлекли за собой радикальные изменения всей системы конституционного «толкования» – с этого времени «толкованию» подвергалась не Конституция, а действия государственной власти»³². Значение этой трансформации выходит далеко за пределы политической истории США – идейная контрреволюция Линкольна демонстрирует глубокое противоречие между ценностями самоопределения и историческими попытками реализовать их с помощью института национального государства.

---

³² *Nock A.J.* 1950. P. 171.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Декларация независимости // Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство / Под ред. О.А. Жидкова. М., 1993.
- Маркс К. К критике гегелевской философии права / Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М., 2010.
- Цицерон. О государстве / Цицерон. Диалоги. М., 1966.
- Adams J. To Thomas Jefferson, 24 August, 1815 // The Works of John Adams. Vol. X. Boston, 1856.
- Buchanan A. Secession. The Morality of Political Divorce from Fort Sumter to Lithuania and Quebec. Oxford, 1991.
- Jefferson to James Madison, September 6, 1789 // The Writings of Thomas Jefferson. Vol. V. N.Y., 1895.
- Lincoln A. A Letter from the President / The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. V. New Brunswick, 1953.
- Lincoln A. First Inaugural at Washington, D.C. // The Speeches of Abraham Lincoln. N.Y., 1908.
- Lincoln A. Message to Congress in Special Session // The Speeches of Abraham Lincoln. N.Y., 1908.
- McDonald F. Novus Ordo Seclorum: The Intellectual Origins of the Constitution. Lawrence, 1985.
- Nicoletti C. The Great Question of the War: The Legal Status of Secession in the Aftermath of the American Civil War, 1865–1869. Unpublished diss. thesis. University of Virginia, 2010.
- Nock A.J. Our Enemy, the State. Caldwell, 1950.
- Pocock J.G.A. The Machiavellian Moment. Princeton, 1975.
- Secession, State & Liberty / Ed. by David Gordon. New Brunswick, 1998.
- Spooner L. No Treason. No. I, II // The Lysander Spooner Reader. San Francisco, 1992.
- Spooner L. No Treason. No. VI. Boston, 1870.
- Wellman C.H. A Theory of Secession. N.Y., 2005.
- Wood G.S. The Creation of the American Republic, 1776–1787. Chapel Hill, 1969.

BIBLIOGRAFIJA

- Deklaracija nezavisnosti // Soedinennye Shtaty Ameriki: Konstitucija i zakonodatel'stvo / Pod red. O.A. Zhidkova. M., 1993.
- Marks K. K kritike gegelevskoj filosofii prava / Marks K. Jekonomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 goda i druge rannie filosofskie raboty. M., 2010.
- Ciceron. O gosudarstve / Ciceron. Dialogi. M., 1966.
- Adams J. To Thomas Jefferson, 24 August, 1815 // The Works of John Adams. Vol. X. Boston, 1856.
- Buchanan A. Secession. The Morality of Political Divorce from Fort Sumter to Lithuania and Quebec. Oxford, 1991.
- Jefferson to James Madison, September 6, 1789 // The Writings of Thomas Jefferson. Vol. V. N.Y., 1895.
- Lincoln A. A Letter from the President / The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. V. New Brunswick, 1953.

- Lincoln A.* First Inaugural at Washington, D.C. // *The Speeches of Abraham Lincoln.* N.Y., 1908.
- Lincoln A.* Message to Congress in Special Session // *The Speeches of Abraham Lincoln.* N.Y., 1908.
- McDonald F.* *Novus Ordo Seclorum: The Intellectual Origins of the Constitution.* Lawrence, 1985.
- Nicoletti C.* *The Great Question of the War: The Legal Status of Secession in the Aftermath of the American Civil War, 1865–1869.* Unpublished diss. thesis. University of Virginia, 2010.
- Nock A.J.* *Our Enemy, the State.* Caldwell, 1950.
- Pocock J.G.A.* *The Machiavellian Moment.* Princeton, 1975.
- Secession, State & Liberty* / Ed. by David Gordon. New Brunswick, 1998.
- Spooner L.* *No Treason. No. I, II* // *The Lysander Spooner Reader.* San Francisco, 1992.
- Spooner L.* *No Treason. No. VI.* Boston, 1870.
- Wellman C.H.* *A Theory of Secession.* N.Y., 2005.
- Wood G.S.* *The Creation of the American Republic, 1776–1787.* Chapel Hill, 1969.

Белькович Родион Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; rbelkovich@hse.ru

Two Wars for Independence: Abraham Lincoln and the Secession Problem

The independent statehood of the USA is based on the act of secession – the unilateral separation of American colonies from the British Empire through the formal Declaration of Independence. The war against the metropolitan rule has become the foundation of the republican heroic discourse. On the other hand, the secession attempt of the Southern states a century later has been suppressed by the Northern army and the Southern independence theorists have been accused of treason. Abraham Lincoln played an essential role in changing the perception of the secession idea in American intellectual landscape. The author analyses Lincoln's arguments in favor of the territorial integrity of the USA and comes to the conclusion that American Civil War reveals fundamental contradictions inherent in the modern statehood. An important consequence of the war was an intellectual revolution provoked by Lincoln; this changed the understanding of the nature of state in the USA. From a political form of social relations based on self-governance state turned into an independent subject that rules without an accent of the ruled.

Key words: secession, Lincoln, slavery, revolution, sovereignty

Belkovich Rodion Yurievich, PhD (in Law), Associate Professor, Department of theory of law and comparative law studies, Higher School of Economics; rbelkovich@hse.ru

М. Ц. АРЗАКАНЯН

ИДЕЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ АРМИИ ФРАНЦИЯ И СССР

Автор рассматривает идею европейской армии, выдвинутую западноевропейскими лидерами в самом начале 50-х гг. XX в. и создание на ее основе проекта об учреждении Европейского оборонительного сообщества (ЕОС). Попытки воплотить ЕОС в жизнь, на чем настаивали главным образом Соединенные Штаты, натолкнулись на серьезное противодействие политических кругов Франции и СССР, что в итоге привело к их провалу. Несмотря на то, что под нажимом американцев и англичан проект о ЕОС был разработан председателем правительства Франции Рене Плевеном (названный по его имени планом Плевена), во французском парламенте дебаты по его ратификации раскололи правящие круги страны надвое. Это дало повод сравнить создавшееся положение со знаменитым «делом Дрейфуса». Советский Союз, заинтересованный в фиаско плана Плевена, внимательно следил за ситуацией и через свое посольство в Париже собирал сведения о ней. Статья написана на основе документов Архива внешней политики Российской Федерации и новейших отечественных и зарубежных исследований.

Ключевые слова: *Европейское оборонительное сообщество, европейская армия, Франция, СССР, план Плевена, перевооружение.*

Главной отличительной чертой международных отношений конца 1940-х – начала 1950-х гг. стало развитие «холодной войны» между державами Запада и недавно образованной социалистической системой государств во главе с СССР, обладающим с 1946 г. ядерным оружием. В 1949 г. была создана Организация североатлантического договора (НАТО), военно-политический союз, в который первоначально вошли 12 государств, в том числе США, Канада и крупнейшие европейские державы – Великобритания, Франция, Италия. НАТО объявила своей задачей поддержку стабильности и безопасности в вошедших в нее странах, а также намерение отразить любую возможную агрессию против них.

Однако обстановка на Европейском континенте оставалась сложной. Прежде всего это было связано с существованием образованных в 1949 г. двух германских государств – Федеративной республики Германии (ФРГ), входящей в орбиту Запада и просоветской Германской демократической республики (ГДР). ФРГ не была членом НАТО и не имела собственной армии. США и Великобританию, задававших тон в Организации североатлантического договора такая ситуация беспокоила. В их правящих кругах полагали, что Западногерманское государ-

ство, не имеющее средств самообороны, являет собой некое большое пустое пространство, которое в случае агрессии будет сразу поглощено неприятелем. Опасения Соединенных Штатов усилились после начала в 1950 г. войны в Корею, разделенной на две страны, когда Северная Корея напала на Южную с целью создания единого коммунистического государства. Как отмечает российский историк Е.О. Обичкина именно «конфликт на Дальнем Востоке создал новые рамки для размышлений о западноевропейской безопасности»¹. Теперь западноевропейские политические деятели, прежде всего англосаксонские, стали вынашивать планы о перевооружении Западной Германии. Вопрос об этом ее первый канцлер Конрад Аденауэр поставил еще в 1948 г. Конечно, идея создания армии ФРГ крайне обеспокоила правительственные круги Советского Союза. Не понравилась она и во Франции.

В СССР, больше остальных союзников пострадавшем во Второй мировой войне, разумеется, не хотели видеть недавнего противника, восстанавливающим свои военные ресурсы. У Франции с Германией были «особые счеты». В коллективной памяти французов из поколения в поколение сохранялись представления о Германии как о главном соседе – враге и сопернике.

Самые мрачные воспоминания нация хранила о Франко-прусской войне 1870–1871 гг. Тогда Франция потерпела от «бошей» (пренебрежительно-вульгарное французское название немцев) сокрушительное поражение. Французы были разбиты наголову, и на их крови, да не где-нибудь, а в Версальском дворце канцлер Бисмарк провозгласил создание Германской империи. Чтобы смыть позор разгрома, Франция несколько десятилетий готовилась к реваншу. Вступление страны в Первую мировую войну было воспринято нацией совершенно естественным. Французы взяли на себя основной удар на Западном фронте. Победа досталась им дорогой ценой – полтора миллиона погибших и три миллиона искалеченных. И вот чуть более чем через двадцать лет – новая, Вторая мировая война. И в 1940 г. – новое страшное поражение, понесенное от немцев. Маршал Петэн подписал с Гитлером перемирие и превратил Францию в марионеточное профашистское государство. Невероятными усилиями генерала де Голля, не смирившегося с перемирием и основавшим в Лондоне в 1940 г. организацию «Свободная Франция», призванную на стороне сначала Великобритании, а затем всех союзников продолжать сопротивление врагу, страна оказалась в лагере победителей, державой с мировой ответственностью.

---

¹ Обичкина 2012. С. 52.

Де Голль возглавлял Временное правительство Франции в 1944–1946 гг. Он добровольно покинул свой пост, когда в стране возродилась «система партий», т.е. классическая французская многопартийность. Сам генерал был сторонником сильной президентской власти. После отставки де Голля во Франции была установлена Четвертая республика. Правление осуществляла трехпартийная коалиция, состоявшая из коммунистов, социалистов и правоцентристской партии Народно-республиканское движение (МРП). Когда в 1947 г. с началом «холодной войны» коммунистов вывели из правительства, к власти пришел партийный блок под названием «Третья сила». В нее вошли социалисты, радикалы и МРП.

В 1950 г. проблемы европейской безопасности и перевооружения Западной Германии стали приобретать более конкретные очертания. Они обсуждались на Совете Европы в августе 1950 г. Тогда бывший и будущий премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль выдвинул идею о создании европейской армии, в которую бы входили шесть стран – Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург. Такую «задумку» сразу одобрили известный французский европеист Жан Монне и министр иностранных дел ФРГ Генрих фон Брентано. В политических кругах Франции она была воспринята неоднозначно. Власти страны совсем не желали перевооружения ФРГ и вступления ее в НАТО, но включение воссозданных западногерманских вооруженных сил в единую европейскую армию поначалу казалось более мягким вариантом решения проблемы. Англичане, ссылаясь на то, что они не являются континентальной европейской державой, сразу отклонились от участия в проекте. Поэтому его разработка была предложена Франции. Под нажимом США, обеспечивающим по «плану Маршалла» восстановление французской экономики, правящие круги страны вынуждены были согласиться. Нелегкая конкретная задача по подготовке проекта легла на председателя правительства Франции Рене Плевена, занимавшего этот пост с июля 1950 по февраль 1951 и с августа 1951 по январь 1952 гг. и представлявшего небольшую партию левого толка Демократический и социалистический союз Сопротивления.

К концу 1950 года проект плана Плевена был готов и в конце октября представлен Национальному собранию (нижняя палата французского парламента). Он учреждал Европейское оборонительное сообщество (ЕОС), представлявшего собой единую европейскую армию Франции, Италии, ФРГ, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. Эти шесть государств должны были договориться между собой о фактиче-

ском слиянии своих армий, флотов и воздушных сил для образования общей системы обороны с едиными структурой, бюджетом, военной формой и стандартным вооружением. Их предполагалось объединить в сорок многонациональных дивизий (примерно 100 тыс. чел.), включая немецкие. Руководящим органом организации стало бы Правление, состоящее из граждан шести стран-участниц. Тем не менее представители государств не имели право согласовывать свои действия с их национальными правительствами. Девять членов правления должны были выбирать председателя сроком на четыре года.

По существу, это был бы пост европейского министра обороны, который бы подчинялся и принимал решения совместно с командованием НАТО. За таким планом угадывались два момента. Во-первых, создание европейской армии предоставляло возможность Германии провести перевооружение. Во-вторых, за военным европейским объединением совершенно явно прослеживалось объединение политическое. Трудно не согласиться с немецким историком Францем Книппингом, утверждающим, что так как «целью ЕОС было установление наднациональной структуры для регулирования такой серьезной сферы как оборона... в случае успеха это смелое начинание могло сделать возможным создание не больше не меньше как политического союза Европы... Создание европейской армии без соответствующего общеевропейского внешнеполитического курса было бы весьма нелогичным».² Казалось бы, план Плевена ущемлял национальные интересы Франции. И тем не менее проект был одобрен Национальным собранием большинством в 349 голосов против 235. В феврале 1951 г. проект договора обсуждался на конференции в Париже, в которой участвовали все шесть предполагаемых членов будущей организации. Конференция была призвана окончательно подготовить договор об учреждении ЕОС. Она работала долго, поэтому пространный доклад о работе форума по проекту о ЕОС был распространен в политических кругах Франции только летом.

Такое событие сразу очень заинтересовало и взволновало правительство СССР. В цели проекта о ЕОС сразу усмотрели начало подготовки войны против СССР и других социалистических стран и даже увидели в нем «классовый союз империалистических стран», созданный «для подавления демократических сил Западной Европы, борющихся против социального гнета»³. Но не будем разбирать чисто про-

---

² Книппинг 1995. С. 119.

³ Размеров. 1995. С. 136.

пагандистские заявления и лозунги СССР, которыми в свое время изобиловала отечественная пресса. Остановимся на более значимых архивных материалах.

27 июля 1951 г. заместитель заведующего 1-м европейским отделом МИД А. Абрамов пишет послу Союза ССР во Франции А.П. Павлову: «21 июля агентство Франс-пресс сообщило об опубликовании предварительного доклада, принятого парижской конференцией по вопросу о создании европейской армии. Прошу с очередной почтой выслать текст этого доклада»⁴. Сотрудникам посольства в Париже пришлось немало потрудиться в поисках текста, но сделать этого они так и не смогли. Поэтому из сводных источников была срочно составлена «Справка о так называемой Европейской армии» и 25 августа отправлена в Москву. Приведем некоторые выдержки из нее:

«Плевен предложил создать единую армию Объединенной Европы, сформированную из солдат различных европейских государств, а также осуществить полное слияние людских и материальных резервов, объединенных под единой европейской политической и военной властью. Плевен в своем выступлении приветствовал участие Германии в организации обороны Западной Европы... В докладе предусматривается заключение сроком на 50 лет договора о создании европейской армии. Существующие или вновь созданные вооруженные силы европейских стран должны быть слиты под управлением наднационального органа. Договор не будет предусматривать никакой дискриминации в отношении какого-либо государства. Следует отметить, что предварительный доклад сразу же после его опубликования получил полное одобрение со стороны Госдепартамента США»⁵.

На наш взгляд, суть плана Плевена была правильно схвачена работающими в разгар «холодной войны» сотрудниками посольства СССР во Франции, что говорит об их высокой квалификации.

Пока в Москве размышляли над тем, как противостоять перевооружению Западной Германии, во Франции после выборов в Национальное собрание в июне 1951 года изменилась расстановка политических сил. Новое собрание сразу окрестили шестигранным, потому что шесть основных политических партий страны – коммунисты, социалисты, радикалы, МРП, образованное генералом де Голлем Объединение французского народа (РПФ) и только что созданная правая партия «Национальный центр независимых и крестьян» («независимые») по-

---

⁴ АВПРФ. Ф. 136. Оп. 43. Д. 9. П. 254.

⁵ Там же.

лучили примерно одинаковое количество голосов. На некоторое время проблема ЕОС отошла на задний план. Политики занялись дележом министерских портфелей. О том, чтобы в кабинет в условиях «холодной войны» опять вошли коммунисты, не было и речи. Они составили левую оппозицию режиму. Де Голль, сторонник сильной власти, объявивший войну «системе партий» сразу заявил, что не позволит входить в министерские кабинеты депутатам РПФ. Остальные четыре партии долго не могли договориться между собой. В результате «Третьей силе» удалось продержаться у власти менее года. Ее в начале марта 1952 года сменил Правозентристский блок, в который вошли «независимые», МРП и радикалы. Первый кабинет нового блока возглавил «независимый» Антуан Пине.

Договор о ЕОС вновь был поставлен на повестку дня. И здесь сразу разгорелись нешуточные страсти. Быстро выяснилось, что единодушную поддержку договору готова оказать только МРП, самая европейская партия Франции. Категорически против него сразу выступили коммунисты, увидевшие в ЕОС попытку перевооружить ФРГ и создание прямой угрозы Москве. Лидер Французской коммунистической партии (ФКП) Жак Дюкло решительно объявил: «Сейчас необходимо быстро разворачивать по всей стране действия против... «европейской армии». Сознывая это мы, коммунисты, заявляем о своей готовности сотрудничать в борьбе против создания нового вермахта со всеми французами, кто бы они ни были, – подчеркиваем: кто бы они ни были. Мы готовы участвовать во всех политических выступлениях, которые могут и должны вылиться в мощное национальное движение»⁶.

В унисон с коммунистами выступила правая оппозиция в лице голлистского РПФ. Его председатель, генерал де Голль на пресс-конференции 25 февраля 1952 года сказал: «Договор подчиняет нас американской стратегии, совершенно не обеспечивая при этом защиты Франции... «европейская армия» - это лживый термин. Для того, чтобы она стала европейской армией, т.е. армией Европы, нужно для начала, чтобы эта Европа существовала как политическая, экономическая, финансовая, административная и даже моральная общность, чтобы она была действенной, стабильной, признанной... чтобы она вела собственную политику... и чтобы, если понадобится, миллионы людей готовы были умереть за нее. Разве это тот самый случай? <...> Хочу также подчеркнуть, что договор вручает в руки главы атлантического союза судьбу Франции. Это почти дискриминация страны. Такие полномочия ни-

---

⁶ Дюкло 1985. С.427.

когда, ни в одном государстве, ни одно правительство не отдавало даже собственному военачальнику»⁷.

Таким образом единственный раз в политической истории Франции «в одном ключе» выступила правая и левая оппозиция. Однако, заметим, что причины отрицательного отношения к договору у голлистов и коммунистов были разные. Первые считали, что вступление его в силу приведет к потере Францией своего суверенитета, самостоятельности при разработке внешнеполитического курса страны. Вторые же полагали, что ЕОС сильно навредит СССР. В партиях «независимых», радикалов и социалистов по вопросу о договоре произошел раскол. Одна половина внутри них выступала за ЕОС, другая – против.

И все же, несмотря на такую сложную обстановку, глава кабинета Антуан Пине 27 мая 1952 года подписал от лица Франции в Париже с остальными пятью европейскими странами договор о ЕОС. Теперь стоял вопрос о его ратификации Национальным собранием. И тогда борьба вспыхнула с новой силой. Она буквально раздирала политические круги страны, ослабляла и без того нестабильный режим Четвертой республики, отравляла ее жизнь. Франция переживала «дело Дрейфуса» XX века.

Весь 1953 и первые восемь месяцев 1954 года общественное мнение Франции буквально лихорадило. Все известные издания французской прессы, как и политики, разделились на еосовцев и антиеосовцев. В кулуарах Бурбонского дворца (место заседаний Национального собрания) страсти по поводу ЕОС не утихали. А правительства страны занимали просто трусливую позицию. Председатели кабинетов попусту боялись быть опрокинутыми из-за зловещей проблемы европейской армии и поэтому не ставили вопрос не только на голосование, но даже на обсуждение. Так поступил глава кабинета правый радикал Рене Мейер (январь – май 1953). Такую же позицию занял и его преемник «независимый» Жозеф Ланьель (май 1953 – июнь 1954).

В Москве в 1953 г. произошло знаковое событие. В марте умер Сталин. Появились надежды на то, что настанут и перемены в политике СССР. Правда, внешнеполитический курс страны остался прежним. Между тем в советское посольство в Париж в июле был направлен новый посол – Сергей Александрович Виноградов, один из самых ярких дипломатов послевоенной эпохи. Посол сразу взял под свой личный контроль досье о европейской армии, понимая, как болезненно на договор о ЕОС реагирует Москва. Виноградов не стал ездить в Нацио-

---

⁷ *Gaullé, de.* 1970. P. 565, 567.

нальное собрание и слушать дебаты. Он предпочел разговаривать с французскими политиками у себя в посольстве и таким образом быть в курсе событий. Его беседы записывались и отправлялись в Москву.

Первым посол СССР принял своего коллегу, посла Франции в Советском Союзе, близкого к голлистским кругам Луи Жокса. 1 августа французский дипломат поставил в известность Виноградова о том, что многие во Франции считают идею о создании ЕОС «абсурдной». Тем не менее он поспешил заверить посла СССР, что Москве не надо опасаться ратификации договора, потому что «на практике германская армия так или иначе будет поставлена под контроль»⁸. Подобные мысли Жокс высказал Виноградову и при их следующей встрече 18 августа: «Создание германской армии, – отметил посол Франции, – не дает гарантий от возрождения германского империализма... лучшие гарантии дает европейское оборонительное сообщество, которое позволяет контролировать перевооружение Германии и дает возможность ограничивать ее в военном отношении». Далее Жокс добавил: «Вы, конечно, будете утверждать, что контроль будут осуществлять американцы, но все же это будет означать ограничение германского милитаризма»⁹.

22 августа Виноградов беседовал с самим автором проекта договора Рене Плевеном, в то время занимавшим пост министра обороны. Тот тоже взялся успокаивать посла такими словами: «Франция, одна из главных участниц ЕОС не имеет никаких агрессивных намерений в отношении СССР... основной заботой Франции является сделать все возможное для того, чтобы установить длительный мир в Европе и не дать Германии возможности снова повторить агрессию»¹⁰.

Завсегдатаем посольства СССР в Париже был секретарь ЦК ФКП Жак Дюкло. 25 октября он доложил Виноградову о развернутой коммунистами кампании против ЕОС, отметив, что враждебную позицию к договору занимают голлисты, и что в лагере социалистов по поводу ЕОС произошел раскол¹¹.

Очень интересный гость появился в посольстве 22 ноября (прямо в день рождения де Голля!). Это был Гастон Палевски, один из самых преданных сторонников генерала, видный деятель РПФ, заместитель председателя Национального собрания. Напомним: сторонники де Голля никогда ничего не делали без его согласия, поэтому совершенно оче-

---

⁸ АВПРФ. Ф. 136. Оп. 43. Д. 9. П. 254.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

видно, что Палевски прибыл в советское посольство с определенной целью. Он решительно заявил послу: «Мы, голлисты, выступаем против европейской армии. Эта концепция для Франции неприемлема. Германскую проблему следует решать путем переговоров между Францией, СССР, Англией и США. Де Голль считает очень важным для решения германской проблемы сближение Франции и СССР»¹².

Такие слова явно свидетельствовали о том, что стоящий за своими сторонниками, депутатами РПФ, де Голль, решил во что бы то ни стало провалить ратификацию договора о ЕОС в Национальном собрании. Для этого он был готов в разгар «холодной войны» не только выступить единым фронтом с коммунистами, которых он сам называл «сепаратистами», но и воспользоваться крайне негативным мнением о ЕОС в СССР.

В 1954 г. отрицательное мнение о договоре стало постепенно превалировать. Тому свидетельствовали и беседы французских политиков с советским послом. Виноградов, записавший свой очередной разговор с Жоксом, побывавшим у него 8 февраля, указал: «Жокс подчеркнул, что французское общественное мнение настроено против европейской армии. В Национальном собрании имеется оппозиция: депутаты голлистской партии и коммунисты будут голосовать против европейской армии, имеются ее противники среди депутатов всех партий. Однако противники европейской армии не смогут составить новое правительственное большинство. Поэтому не приходится рассчитывать на смену политики правительства»¹³.

Собеседники Виноградова интересовались и позицией СССР по вопросу о ЕОС. Возможное подписание договора Францией рассматривалось ими в более широком русле, охватывающим важные проблемы международных отношений. Виноградов написал о своей беседе с Жоксом 1 марта следующее: «В ходе беседы Жокс настойчиво пытался выяснить, какое влияние на характер франко-советских отношений может оказать ратификация Францией договора о ЕОС. Я ограничился общим замечанием, что ратификация договора будет означать, что Франция пошла по пути возрождения германского милитаризма и создания военного блока, направленного против СССР, что советское правительство не может не учитывать»¹⁴.

---

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

Бывший глава кабинета министров правый радикал Эдгар Фор встречался в Виноградовым 31 марта и сказал, что «ему не нравятся варианты немецкого перевооружения путем создания ЕОС... и он не верит в то, что договор о ЕОС может быть ратифицирован»¹⁵. 2 апреля другой бывший председатель правительства, также правый радикал Рене Мейер тоже побывал у Виноградова и дал понять послу, что «очевидно, что «военный вакуум» в Германии не может существовать долгое время»¹⁶.

В июне 1954 г. главой правительства Франции стал известный политик-радикал Пьер Мендес-Франс. Он нашел в себе мужество не «прятаться» от проблемы ЕОС, а, наконец, разрешить ее. Выступая в Национальном собрании со своей правительственной программой, Мендес-Франс прямо дал понять, что ЕОС – это настоящее испытание для страны¹⁷.

Франция вступила в последнюю фазу подготовки к ратификации договора. К этому времени его уже ратифицировали страны Бенилюкса и ФРГ. Италия же ждала французских результатов. Больше других во Франции опять усердствовали коммунисты и голлисты. Жак Дюкло объявил: «Мы – коммунисты... всей своей парламентской деятельностью готовы способствовать поражению организаторов и защитников “европейской армии”»¹⁸. Голлистские активисты образовывали целые комитеты борьбы против ЕОС, выпускали листовки и афиши, порочащие договор, способствующий немецкому перевооружению¹⁹.

В конце лета, накануне обсуждения договора о ЕОС в Национальном собрании, политики Франции опять появились в советском посольстве. 31 июля туда приехал Палевски. О своей беседе с ним Виноградов известил в Москву: «Палевски настаивал на том, что «в борьбе против ратификации договора о ЕОС наступил решающий период и поэтому было бы весьма желательно, если бы СССР предпринял новые шаги, которые были бы использованы во Франции для того, чтобы вначале отложить рассмотрение вопроса о ратификации Парижского договора в Национальном собрании, а затем, возможно, и сорвать эту ратификацию. По словам Палевски, необходимый эффект произвели бы новые предложения СССР в области разоружений, атомного оружия, а также о созыве четырехсторонней конференции по германскому вопросу»²⁰.

---

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Цит по: *Berstein, Milza*. 1999. P.178.

¹⁸ Дюкло 1985. С.427.

¹⁹ См.: *Наумова* 1991. С.169.

²⁰ АВПРФ. Ф.136. Оп.43. Д.9. П.254.

Как видим, Палевски четко продолжал намеченную голлистами линию, которая заключалась в «привлечении» СССР к срыву ратификации договора о ЕОС. Он как бы подсказывал Москве, какие действия она должна предпринять. Интересно, что с договором о ЕОС увязывали определенные внешнеполитические шаги Советского Союза и известные французские социалисты. Так, 11 августа Виноградова посетил генеральный секретарь Социалистической партии (СФИО), будущий глава кабинета министров Франции Ги Молле. Он выдвинул следующие доводы: «Если советское правительство действительно хочет, чтобы не было создано ЕОС, то оно должно сделать шаг к сближению французской и советской точек зрения в вопросе разоружения. В этом случае, – отметил Молле, – Социалистическая партия и я первый, хотя я и являюсь сторонником ЕОС, будем выступать за отложение ратификации договора... и за переговоры о разоружении и об организации системы коллективной безопасности»²¹. Другой известный социалист Жюль Мок приезжал к Виноградову 11 августа. Посол отписал в Москву: «Мок и ряд других его единомышленников считают, что создание ЕОС не только не облегчит переговоры с СССР в отношении будущего Германии, а, наоборот, затруднит их и создаст неблагоприятные условия для дальнейшего развития франко-советских отношений, улучшение которых, по мнению многих французских политических деятелей, для Франции является сейчас необходимым»²².

Накануне решающего голосования по вопросу о ЕОС в Национальном собрании правительство Мендес-Франса объявило, что оно само вообще не станет принимать в нем участия. Председатель же кабинета 26 августа пожелал встретиться с советским послом. Он поделился с ним своими мыслями: «Какой бы ни был исход голосования, пора покончить с неопределенным положением. Возможно ЕОС провалиться... пожелайте мне удачи, я сейчас в этом очень нуждаюсь»²³.

30 августа 1954 года страсти вокруг ЕОС, наконец, улеглись. Депутаты Национального собрания приняли решение 319 голосами против 264-х вообще навсегда снять вопрос о договоре с повестки дня. Таким образом ЕОС было похоронено. Как указал известный франковед М.М. Наринский, «это была победа здравого смысла и национальных интересов Франции»²⁴. Ее праздновали в первую очередь комму-

---

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ *Наринский 1983. С.211.*

нисты и голлисты. Посол СССР Виноградов встретился 9 ноября 1954 года в отеле «Лаперуз» с самим генералом де Голлем и тот ему поведал: «Я выступал против ЕОС, потому что считал, что ЕОС наносит ущерб национальной независимости Франции. В свое время я заключил со Сталиным франко-советский договор. Это я сделал для того, чтобы с одной стороны, восстановить независимость Франции и, с другой, чтобы предусмотреть совместное решение германской проблемы, которая, в соответствии с этим договором, не должна была решаться без Франции»²⁵.

В «Мемуарах надежд» де Голль еще раз вернулся к теме ЕОС, показывая тем самым, какой важной она была для его страны. Он писал: «Был заключен – и был бы проведен в жизнь, если бы от этого в последний момент не спасло пробуждение национального сознания, – договор о создании Европейского оборонительного сообщества, который должен был лишить победоносную Францию права иметь собственную армию, слить ее вооруженные силы, которые она тем не менее обязана была предоставлять, с вооруженными силами побежденных Италии и Германии»²⁶.

Между тем, очень быстро выяснилось, что столько «копьев» было сломано напрасно. Провал во Франции договора о ЕОС стал небольшим и недолговечным теплым островком в широком потоке «холодной войны», быстро захлестнувшим его. Уже в 1955 г. был денонсирован Советско-французский договор 1944 года о союзе и взаимной помощи, которым так гордился де Голль, а ФРГ приняли в НАТО.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ)
Голль Ш. де. Мемуары надежд. 1958-1962. М., Прогресс, 2000, 340 с.
Дюкло Ж. Мемуары. Том четвертый 1945-1952 гг. На боевом посту. От начала IV республики до «заговора с голубями». М.: Изд-во политической литературы, 1985, 446 с.
Книппинг Ф. Проект европейского оборонительного сообщества // История европейской интеграции. М., ИВИ РАН, 1995. 308 с.
Наринский М.М. Борьба классов и партий во Франции 1944–1958 гг. М.: Наука, 1983. 365 с.
Наумова Н.Н. Голлизм в оппозиции. Партия Объединение французского народа в политической жизни IV республики. 1947–1955. М.: Изд-во Московского университета, 1991. 190 с.
Обичкина Е.О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940–2012). М.: Аспект-пресс, 2012. 382 с.

²⁵ АВПРФ. Ф.136. Оп.43. Д.9. А.254.

²⁶ *Голль, де.* 2000. С. 16.

Размеров В. Брюссельский пакт и план Плевена в советской внешнеполитической пропаганде / История европейской интеграции. М.: ИВИ РАН, 1995. 308 с.
Berstein S. et Milza P. Histoire de la France au XX-e siècle 1945–1958. P.: Edition complexe, 1999. 338 p.
Gaulle Ch. de. Discours et messages. T. II. Dans l'attente 1946–1958. P.: Plon, 1970. 662 p.

Арзакания Марина Цолаковна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН: arzakanian@mail.ru

BIBLIOGRAFIJA

Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (AVPRF)
 Goll' Sh. de. Memuary nadezhd. 1958-1962. M., Progress, 2000, 340 s.
 Djuklo Zh. Memuary. Tom chetvertyj 1945-1952 gg. Na boevom postu.
 Ot nachala IV respubliki do «zagovora s golubjami». M.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1985, 446 s.
 Knipping F. Proekt evropejskogo oboronitel'nogo soobshhestva // Istorija evro-pejskoj integracii. M., IVI RAN, 1995. 308 s.
 Narinskij M.M. Bor'ba klassov i partij vo Francii 1944–1958 gg. M.: Nauka, 1983. 365 s.
 Naumova N.N. Gollizm v oppozicii. Partija Ob#edinenie francuzskogo naroda v politicheskoy zhizni IV respubliki. 1947–1955. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1991. 190 s.
 Obichkina E.O. Vneshnjaja politika Francii ot de Gollja do Sarkozi (1940–2012). M.: Aspekt-press, 2012. 382 s.
 Razmerov V. Brjussel'skij pakt i plan Plevena v sovetskoj vneshnepoliticheskoy propande / Istorija evropejskoj integracii. M.: IVI RAN, 1995. 308 s.
Berstein S. et Milza P. Histoire de la France au XX-e siècle 1945–1958. P.: Edition complexe, 1999. 338 p.
Gaulle Ch. de. Discours et messages. T. II. Dans l'attente 1946–1958. P.: Plon, 1970. 662 p.

The idea of European Army. France and USSR

The author analysed the idea of European Army proposed by the leaders of Western Europe in the early 1950s and the creation of the project of the European Defense Community (EDC). Attempts to implement the EDC project, on which the USA insisted, faced serious opposition of the USSR and French politicians and failed at the end. Although under American and British pressure, the French Prime Minister Rene Plevan (the Plevan plan) made the EDC project, the French parliamentary debates concerning its ratification divided French elites. The situation was compared to the famous Dreyfus affair. The Soviet government wanted the Plevan plan to fail; it followed the situation closely and collected information through its embassy at Paris. The article is based on the documents from the Archive of Foreign Affairs of Russian Federation and on the latest studies by Russian and Western scholars.

Keywords: *European Defence Community, European Army, France, USSR, the Plevan plan, re-armament.*

Arzakania Marina Tsolakovna, Dr. Sc. (History), Professor, senior research fellow, Institute of World History (RAS): arzakanian@mail.ru

И. Г. КОНОВАЛОВА

АНТИЧНЫЙ ЭТНОТОПОНИМ НА СРЕДНЕВЕКОВОЙ КАРТЕ «СКИФИЯ» АЛ-ИДРИСИ*

В статье ставится вопрос о роли традиции в формировании представлений о географическом пространстве. Этот вопрос рассматривается на материале средневековой арабской географии и картографии, представители которой широко использовали в своих трудах античную этнотопонимическую номенклатуру, в частности, этнотопоним «Скифия». Заимствовав топоним «Скифия» из античных землеописаний, арабские географы поместили его в новый смысловой и этногеографический контекст, что, с одной стороны, позволило им ввести сведения греко-римских авторов о Скифии и скифах в круг своей культуры, а с другой – трансформировало античный образ как в пространственном, так и в этническом отношении. Образ Скифии, унаследованный исламской традицией от античности, был в существенной степени лишен тех политических, этнических, культурных, религиозных и этических коннотаций, которые были связаны с понятием «Скифия» в греко-римской литературе. Скифия рассматривалась исламскими географами лишь в самом общем виде – как одна из частей света, этническим маркером которой являются населяющие ее тюркские народы. Попытку «заземлить» данные о Скифии, показав не только ее место на карте мира, но и лежащие на ее территории населенные пункты, предпринял арабский ученый XII в. ал-Идриси. На примере его сочинения хорошо видно, как античный этнотопоним вытесняется арабским автором на малоизвестные ему окраины ойкумены. Если арабские географы IX – начала X в. использовали термин «Скифия» для обозначения огромной территории, охватывавшей как места расселения тюркских народов степной полосы Евразии, так и земли Армении и Хорасана, то ал-Идриси, располагавший значительным объемом современной ему информации об этих областях и населявших их народах, поместил «Скифию» у северных границ известного ему тюркского народа башкиров, сузив ее размеры до небольшой области.

Ключевые слова: *Скифия, ал-Идриси, этнонимия, топонимия, традиция, арабская география, арабская картография.*

В историко-географической литературе двух последних десятилетий уделяется большое внимание изучению представлений о географическом пространстве у тех или иных сообществ в разные исторические периоды. В результате проблематизируются ключевые пространственные понятия и представления, которые традиционно воспринимаются как обозначения реально существующих физико-географических, историко-культурных и политико-административных объектов. «Регионы», «территории» и «границы» в современной историографии рассматри-

---

*Работа выполнена при финансовом содействии РНФ (проект № 14-18-02121).

ваются как социально-ментальные конструкты, вызванные к жизни впоопределенными общественно-политическими причинами и культурными традициями¹. Одновременно менялись и подходы к изучению карт – одного из важнейших источников для историко-географических исследований. Начиная с середины 1980-х гг., во многом под влиянием работ Дж.Б. Харли о картографии Раннего Нового времени², был подвергнут кардинальному пересмотру статус карты как «объективного» научного продукта, единственной целью которого является максимально точное отображение поверхности земли, и тем самым был поставлен под сомнение взгляд на историю картографии как на поступательное движение ко все большей и большей точности карт³. Сейчас признано, что не существует «картографии вообще» как единого научного предприятия; есть лишь различные способы картографирования, каждый из которых является частью более широкого национально-культурного контекста, в рамках которого формируется определенный способ ментального и технологического освоения пространства⁴. Поэтому акцент делается не на изучении карты как продукта, а на картографировании как процессе, посредством которого знание не столько репрезентируется, сколько создается, причем создается всякий раз заново, под новую задачу.

Если в рамках данного подхода смысл и методы геокартографического конструирования рассмотрены достаточно полно и на множестве примеров (главным образом относящихся к Новому и Новейшему времени), то вопрос о роли традиции и ее трансформациях в процессе такого конструирования остается все еще слабо артикулированным. В настоящей статье этот вопрос анализируется на материале средневековой арабской географии и картографии, представители которой широко использовали в своих трудах античную этнотопонимическую номенклатуру, в частности, этнотопоним «Скифия», возникший в античности и доживший до наших дней⁵.

---

¹ Можно назвать целый ряд монографий, где история того или иного региона рассматривается как его «изобретение» или «конструирование»: *Said* 1978 (пер.: *Саид* 2006); *Inden* 1990; *Wolff* 1994 (пер.: *Вульф* 2003); *Todorova* 1997; *Neumann* 1998 (пер.: *Нойманн* 2004); *Davidson* 2005; *Locating Southeast Asia*. 2005; *Howarth* 2007; *Gerber* 2008; *Cox* 2011; *Fleet, Wilkes, Withers* 2011.

² *Harley* 1989; 1990.

³ *Edney* 1993.

⁴ *Kitchin, Dodge* 2007.

⁵ В сегодняшней России этноним «скиф» воспринимается в том числе как актуальный и используется для самоидентификации, что, в частности, продемонстрировала последняя Всероссийская перепись населения 2010 г., в ходе которой некоторые лица, отвечая на вопрос о своей национальной принадлежности, опре-

В исламский мир сведения о Скифии проникли в результате знакомства мусульманских авторов с произведениями античной географии. Рецепция античных представлений об ойкумене стала возможной благодаря тому, что на территории Халифата продолжал существовать ряд научных центров, известных еще с доисламских времен: Александрия, Антиохия, Эдесса, Харран, Гундишапур и др. Благодаря арабскому завоеванию греко-эллинистических центров Сирии, Палестины, Ирана и Египта в Халифате появился весьма многочисленный слой образованных лиц, основной сферой деятельности которых были интеллектуальные занятия. Населявшие эти города греки, сирийцы и сабии становились придворными астрологами и врачами у мусульманских владык, занимали различные должности в государственном аппарате.

Еще в доисламские времена сирийские монахи-несториане заложили основы перевода сочинений греческих авторов. Свою переводческую деятельность сирийские христиане продолжали и после образования Халифата, дополнив ее еще одним звеном: переводом с сирийского на арабский язык. В конце VII – первой половине VIII в. появились первые собственно арабские библиотеки – придворные и частные, но сведения о них очень скудны. Книжное собрание при дворе халифов-Аббасидов начало складываться в середине VIII в. при халифе ал-Мансуре (754–775) и впоследствии пополнялось другими халифами, в особенности Харуном ар-Рашидом (786–809). По распоряжению халифа ал-Ма'муна (813–833) в Багдаде был учрежден «Дом мудрости», в основу деятельности которого был положен принцип изучения и перевода трудов греческих философов и ученых. За сравнительно короткое время на арабский язык были переведены произведения почти всех основоположников греческой науки – Гиппократа, Аристотеля, Эвклида, Архимеда, Клавдия Птолемея и многих других. Переведенные сочинения исчислялись сотнями названий⁶. Переводы осуществлялись не только с греческого, но и с других языков – сирийского, пехлеви (официального языка сасанидского Ирана, или среднеперсидского), латинского.

Исламские ученые, выбирая сочинения для перевода, интересовались, в основном, работами античных авторов по естественным и точным наукам, а также прикладным отраслям знания – астрономии, математике, географии, агрономии, медицине и др. Художественные

делили себя как «скифы». См. также «Манифест новых скифов», принятый на учредительной конференции Скифского движения 7 ноября 2011 г. в Санкт-Петербурге (электронный ресурс: <http://newskif.su/2011/souz-skifskih-respublik/>, книгу П.В. Зарифулина «Новые скифы» (СПб., 2013) и др.

⁶ См.: Klein-Franke 1980; Gutas 1998.

произведения античных авторов остались за пределами их внимания. Соответственно, образ Скифии, унаследованный исламской традицией от античности, был неполон и в существенной степени лишен политических, этнических, культурных, религиозных и этических коннотаций, связанных с понятием «Скифия» («скифы», «скифский») в греко-римской литературе. Практически все сведения о Скифии в исламских источниках сохранились в произведениях географического жанра.

Географическая литература, созданная в странах Халифата, занимает особое место в истории географии как по богатству материала, так и по разнообразию дошедших до нас произведений арабо-персидских авторов. По словам выдающегося знатока арабской географической литературы академика И.Ю. Крачковского, «кругозор арабов обнимал, в сущности, всю Европу за исключением крайнего севера, южную половину Азии, Северную Африку до 10⁰ северной широты и берега восточной Африки до мыса Кирриентес около южного тропика»⁷. Халифат непосредственно граничил либо находился в близком соседстве с народами, о которых еще не было данных ни в античной, ни в библейской, ни в иранской традиции (или они были чрезвычайно скудны и неопределенны). Поэтому исламские географы сумели собрать колоссальный объем *новой* информации о населявших землю народах.

Знакомство с термином «Скифия» проявляется уже в самых ранних географических сочинениях на арабском языке, которые относятся к жанру астрономической географии, сформировавшемуся в IX–X вв. в результате переработок мусульманскими учеными сочинений Клавдия Птолемея, а также к возникшему тогда же жанру «Книг путей и государств», основанных главным образом на маршрутных данных. В этих сочинениях Скифия рассматривается как одна из частей света, этническим маркером которой являются населяющие ее тюркские народы.

Представление о трех частях света – Европе, Азии, Африке (Ливии) – исламские географы унаследовали от античных ученых. По словам одного из крупнейших арабских астрономов и географов ал-Баттани (ок. 858–929), «Земля делится на три части. Первая из них [простирается] от Зеленого моря⁸ со стороны севера и пролива⁹, который выходит

---

⁷ Крачковский 1957. С. 21.

⁸ «Зеленое море» — одно из наименований северной части Атлантического океана в средневековой мусульманской географии.

⁹ Араб. *халидж* («пролив», «залив», «канал»). Пролив Босфор, Мраморное море и пролив Дарданеллы представлялись арабо-персидским географам в виде единого «пролива» или «канала». Кстати, сходное представление бытовало в Западной Европе, где Босфор и Дарданеллы вместе с Мраморным морем со времен первого Кресто-

из Понтоса в Великое море¹⁰, и от местности, что между озером Меотис к Понтосу. Границы этой области с запада и севера – Западное море¹¹, оно же Океан¹²; с южной стороны – море Египта и Рума¹³; с восточной – Танаис и озеро Меотис. Эта земля похожа на остров; ее название – Европа. Вторая часть [земли расположена] со стороны юга, от моря Египта до моря ал-Хабаша¹⁴. Границы этой области с запада – Зеленое море, с севера – море Египта и Рума, с востока – ал-Ариш¹⁵, с юга – море ал-Хабаша. Называется эта часть Ливия. Третья часть – все, что остается из обитаемой [части] земли до ее конечных пределов. Ее границы с запада – Танаис, река¹⁶, пролив, ал-Ариш и Айла¹⁷; с юга – море Йемена¹⁸ и Индии, с востока – конечные обитаемые пределы Китая в сторону востока и сам Китай. Называется эта часть [земли] Великая Азия¹⁹.

В ряде случаев исламские ученые заменяли трехчастную схему деления земли на четырехчастную, согласно которой Азия, в свою очередь, подразделялась на две самостоятельные части – Скифию (*Аскутийя*) и Эфиопию (*Итйуфийя*). Так, основоположник жанра «книг о путях и государствах» ученый IX в. Ибн Хордадбех писал: «Обитаемая часть земли разделена на четыре части. В их числе Европа, в которой

вого похода назывались «Рукавом Св. Георгия» (по монастырю Св. Георгия в константинопольском предместье Манганах, либо по арсеналу в крепости Константинополя, господствовавшей над Босфором) или просто «Рукавом» (*Виллардуэн* 1993. С.33, 52, 56, 58, 61, 66, 68, 77–80, 88, 93, 98, 115, 116, 121–123, 251; *Робер де Клару* 1986. С. 31, 57, 78, 141), а также «Романским проливом» (*Клавихо* 1990. С. 31–32).

¹⁰ «Великое море» – одно из наименований Средиземного моря в средневековой мусульманской географии.

¹¹ «Западное море» – одно из наименований северной части Атлантического океана в средневековой мусульманской географии.

¹² Как и многие другие арабские географы, ал-Баттани разделял воспринятое от греков представление о том, что землю окружал Мировой океан, называвшийся «Окружающим морем». Разные части этого «Окружающего моря», его «заливы», считались отдельными морями, соединенными друг с другом.

¹³ *Рум* – арабское название Византии. «Море Египта и Рума» – одно из наименований Средиземного моря в средневековой мусульманской географии.

¹⁴ *Ал-Хабаша* – обозначение темнокожего населения Северо-Восточной Африки в средневековой мусульманской географии. «Море ал-Хабаша» – одно из наименований Индийского океана.

¹⁵ *Ал-Ариш* – город в Египте на побережье Средиземного моря.

¹⁶ Под «рекой» в данном случае, по всей вероятности, имеется в виду Керченский пролив, который средневековые моряки нередко принимали за устье Дона.

¹⁷ *Айла* – город на побережье Акабского залива Красного моря.

¹⁸ «Море Йемена» – наименование Аравийского моря в средневековой мусульманской географии.

¹⁹ *Калинина* 1988. С. 144–145.

расположены ал-Андалус²⁰, [земли] ас-сакалиба²¹, ар-Рум, Фиранджа²², Танджа²³, [и] так до рубежей Египта. Затем [идет] Ливия: в ней Египет, ал-Кулзум²⁴, ал-Хабаша, ал-Барбар²⁵ и то, что прилегает к ним, и Южное море²⁶; в этих странах нет ни кабанов, ни оленей, ни диких ослов, ни козлов; Эфиопия: Тихама²⁷, Йемен, ас-Синд²⁸, ал-Хинд²⁹, ас-Син³⁰. Скифия: в ней Армения, Хорасан, земли тюрок и хазар»³¹.

Необходимость дать описание каждой из частей света с той или иной степенью подробности побуждала мусульманских авторов обращаться к другим принципам землеописания, в частности, к этногенеологиям. Они существенно усложняли картину мира, делая границы между Европой, Азией и Африкой не столь четкими, как это предполагала трехчастная схема мироустройства.

В наиболее общем виде библейская идея о разделении Земли между сыновьями Ноя отражена на двуязычной (с арабскими и латинскими легендами) андалузской карте VIII–IX вв., где обозначены Европа, Азия и Ливия, которыми владеют – соответственно – Иафет, Сим и Хам³². В таком виде трехчастная картина мира еще не теряла своей стройности, поскольку число сыновей Ноя и количество частей света в ней совпадали, но по мере уточнения, кто именно из потомков Иафета, Сима и Хама населял соответствующую часть света, в данной схеме мироустройства появлялись противоречия. В попытках упорядочить информацию о новых народах, с которыми вступали в контакт жители Халифата, и включить ее в систему представлений об этнополитической географии мира, мусульманские авторы столкнулись с необходимостью самостоятельно решать, к кому из сыновей Ноя следует возводить тот или иной этнос.

²⁰ *Ал-Андалус* – арабское наименование мусульманской Испании.

²¹ *Ас-сакалиба* – арабское наименование славянских народов.

²² *Фиранджа* – арабское наименование франков и их государства.

²³ *Танджа* – г. Танжер, порт на территории совр. Марокко.

²⁴ *Ал-Кулзум* – город и крупный торговый порт на африканском берегу Красного моря, в 1,5 км от совр. Суэца.

²⁵ *Ал-Барбар* – арабское наименование автохтонного населения Северной Африки и африканского побережья совр. Аденского залива.

²⁶ «Южное море» – арабское наименование Индийского океана.

²⁷ *Тихама* – прибрежная равнина вдоль красноморского побережья Аравии.

²⁸ *Ас-Синд* – арабское наименование Пенджаба.

²⁹ *Ал-Хинд* – арабское наименование Индии.

³⁰ *Ас-Син* – арабское наименование Китая.

³¹ Ибн Хордадбех. 1986. С. 124–125. Практически без изменений это описание воспроизводит географ начала X в. Ибн ал-Факих ал-Хамадани, см.: *Compendium*. 1885. P. 6–7.

³² *Kononova* 2006. P. 59–61.

От внимания исламских авторов не укрылось известное противоречие между традиционным делением Иафетовой и Симовой части ойкумены на Европу и Азию соответственно и господствовавшими тогда представлениями о географическом размещении народов Евразии (включая мифологические, в реальном существовании которых, впрочем, никто не сомневался). В частности, апокалиптические Гог и Магог в средневековой христианской традиции считались обитателями северной части Азии³³, несмотря на то, что Магог, согласно Библии, был сыном Иафета³⁴ и потому должен был бы находиться, скорее, в Европе. Поэтому связываемая с Магогом Скифия имела весьма неопределенную локализацию, будучи помещаема и в Европе, и в Азии³⁵. Попытка преодолеть противоречия такого рода, по-видимому, побудила ученых Халифата отнестись к этногенеалогическим построениям с большей последовательностью, чем это делали европейские книжники.

Уже в первых исламских этногенеалогиях VIII в. (у Са'ида ибн Мусейяба, Ибн ал-Мукаффа', Ибн Исхака, известных по ссылкам на них у более поздних авторов), обитателями Иафетовой части мира называются народы Йаджудж и Маджудж (библейские Гог и Магог), тюрки и славяне (*сакалиба*)³⁶. Если славяне упоминались в числе потомков Иафета в силу того, что проживали в Европе, а Йаджудж и Маджудж могли быть присоединены к последним по формальному признаку (Магог — сын Иафета), то уверенное причисление тюрков к яфетидам, вероятно, являлось результатом умозаключений самих арабских авторов.

Коранические персонажи Йаджудж и Маджудж, образы которых вошли в исламскую культуру через сиро-христианские легенды, где они оказались тесно связаны с мотивами «Романа об Александре», — занимали видное место в этногеографических представлениях мусульманского мира³⁷. Локализация этих враждебных людям народов и сдерживающей их напор стены расценивалась в Халифате как практическая проблема, для решения которой при аббасидском халифе ал-Васике (842–847), будто бы видевшем страшный сон о разрушении преграды, была даже снаряжена специальная экспедиция. Судя по ее маршруту, описанному в ряде арабских источников и ведущему, по мнению многих исследователей, в Среднюю Азию³⁸, убежденность в

---

³³ Райт 1988. С. 73–74, 256–257.

³⁴ Быт. 10, 2.

³⁵ Чекин 1999. С. 219–221.

³⁶ Annales. 1879. P. 211; Известия. 1878. С. 18; Бартольд 1973. С. 25.

³⁷ См.: Gog and Magog. 2007; Doufikar-Aerts. 2010.; 2010.

³⁸ Историографию см.: Ибн Хордадбех 1986. С. 43–46; Donzel, Schmidt 2010.

реальном существовании такой стены в значительной степени основывалась на сведениях мусульманских купцов и путешественников о Великой Китайской стене, которая укрывала империю от набегов кочевников-тюрок. Все это должно было способствовать формированию в ученых кругах Халифата представлений о родстве Йаджуджа и Маджуджа с тюркскими племенами.

К возведению родословной тюрок к Иафету могли подталкивать и унаследованные мусульманской наукой из античной географии сведения о Скифии, двойственность локализации которой (в Европе и Азии) позволяла априорно отнести населявшие ее народы к потомкам Иафета. Уже у мусульманских географов IX в. значительная часть жителей Скифии ассоциировалось с тюркскими племенами.

Так, арабский географ IX в. ал-Хорезми упоминал о двух Скифиях (*Аскусийа*), населенных соответственно тюрками и токуз-огузами³⁹. В сочинении ал-Хорезми данные о Скифии появляются в разделе, озаглавленном «Места на карте, где описаны пределы стран». Там приведены координаты Азербайджана, Шаша, Дербенда, Германии, Сарматии, Крыма, а также двух «Скифий»: «Страна Аскусийа – это земля тюрок (*ат-турк*), координаты ее центра – около 114 градусов ноля минут долготы и 57 градусов 30 минут широты. Страна Аскусийа – это земля токуз-огузов (*ат-тугузгуз*), координаты ее центра – около 143 градусов ноля минут долготы и 59 градусов 30 минут широты»⁴⁰.

Первая из указанных ал-Хорезми Скифий по своим координатам соответствует «Внутренней Скифии» (точнее – «Скифии внутри, или по сю сторону гор Имаус») Птолемея; вторая – «Внешней Скифии» («Скифии вне горы Имаус») александрийского ученого. Ал-Хорезми не выделяет разные виды из массы тюркских народов, за исключением токуз-огузов, которых он помещает, судя по его координатным данным, к востоку от тюрок. По всей вероятности, под токуз-огузами ал-Хорезми подразумевал уйгуров Восточного Туркестана, сменивших на этой территории тюрок-шато, или же использовал этот этноним в качестве собирательного обозначения народов Центральной Азии.

Как мы видим, сведения исламских географов IX–X вв. о Скифии имели слишком общий характер: считалось, что это одна из частей света, населенная главным образом тюрками. Попытку «заземлить» данные о Скифии, показав не только ее место на карте мира, но и лежащие на ее территории населенные пункты, предпринял арабский

³⁹ Das Kitab Surat al-Ard. 1926. S. 104–105; Калинина 1988. С. 30, 48, 96–98.

⁴⁰ Das Kitab Surat al-Ard. 1926. S. 104–105; Калинина 1988. С. 48.

ученый XII в. ал-Идриси, автор географического сочинения *Нуххат ал-муштак фи ихтирак ал-афак* («Отрада страстно желающего пересечь мир», 1154 г.)⁴¹. Пользуясь покровительством норманнского короля Сицилии Рожера II (1130–1154), при дворе которого в Палермо географ жил и работал, он сумел собрать обширный и в ряде случаев уникальный материал о разных странах и народах Восточной Европы и Средней Азии. Для описания этих регионов ал-Идриси использовал разнообразные источники – как книжные данные, собранные арабскими географами IX–XI вв., так и сведения, полученные от своих современников, купцов и путешественников, которые либо сами посещали Восточную Европу и Среднюю Азию, либо общались с лицами, ездившими туда с торговыми целями⁴².

Сочинение ал-Идриси представляет собой описание всех известных автору областей ойкумены, сопровождающееся подробной картой мира. Ал-Идриси знал о четырехчастном принципе членения ойкумены, но, не сделал его системообразующим, предпочтя ему описание Земли по «климатам» (*иклим*)⁴³. Согласно традиции, идущей от античных географов, ал-Идриси разделил всю обитаемую землю на семь широтных зон-климатов. Климаты у ал-Идриси превратились в зоны одинаковой широты, для выделения которых он не опирался на какие бы то ни было астрономические принципы⁴⁴. Несмотря на то, что, по мнению некоторых исследователей, на карте ал-Идриси можно обнаружить следы градусной сетки⁴⁵, в описательной части сочинения нет никаких признаков ее использования. Каждый климат ал-Идриси – и это явилось его нововведением, – в свою очередь, механически разбил на десять поперечных частей-секций (*джуз*'), равных по длине и ширине. Описание стран и народов в сочинении ал-Идриси ведется по климатам, с юга на север, а внутри климатов – по секциям, с запада на восток. Описанию каждой секции соответствует подробная карта. Таким образом, 70 секционных карт, будучи сложены вместе, образуют прямоугольную карту мира с изображением морей, озер, рек, гор, городов и политических образова-

---

⁴¹ *Al-Idrisi* 1970–1984. Об ал-Идриси и его сочинении см.: *Крачковский* 1957. С. 281–299.

⁴² Разбор сведений ал-Идриси о Восточной Европе: *Коновалова*. 1999; 2006.

⁴³ Термин *иклим* является арабской передачей греч. κλίμα («наклонение»). В арабской географической литературе этим термином обычно обозначались широтные зоны, на которые арабы разделяли земную поверхность. С IX в. термином *иклим* арабские географы стали называть не только греческие «климаты», но и персидские *кишвары* — географические области (*Tibbets* 1992. P. 93).

⁴⁴ *Honigmann* 1929. S. 181.

⁴⁵ *Dunlop* 1947. P. 115; *Kennedy* 1986. P. 268.

ний. Карта ал-Идриси не знает себе равных в средневековой мусульманской картографии по топонимической насыщенности. По подсчетам К. Миллера, на секционных картах нанесено около 2500 наименований, а в тексте их в два с половиной раза больше⁴⁶.

Ал-Идриси упоминает о Скифии в тексте седьмой секции шестого климата в связи с рассказом о Заволжье и Приуралье: «Эта седьмая секция шестого климата содержит [описание] части Хазарского моря⁴⁷, территории стран внутренних и внешних басджиртов⁴⁸ вместе с теми [землями] страны Скифия (*Аскутийя*), что примыкают к ним с севера»⁴⁹. На соответствующих секционных картах к сочинению ал-Идриси надпись *Аскутийя* нанесена в полном соответствии с текстом, то есть к северу от страны басджиртов (см. илл. 1), только она присутствует на карте седьмой секции не шестого климата (как можно было бы ожидать по тексту), а более северного, седьмого климата (см. илл. 2).

Помещая «Скифию» в пределы тюркских народов, ал-Идриси следовал традиции исламской географии. Написание хоронима «Скифия» у ал-Идриси свидетельствует о том, что он воспринял его, скорее всего, из известного ему сочинения Ибн Хордадбега, который, в свою очередь, использовал арабские переработки географического сочинения Птолемея. В частности, практически идентичная форма написания термина имеется в сочинении ал-Хорезми (*Аскусийя*)⁵⁰.

Характер сведений о Скифии, приводимых ал-Идриси в текстовой части его сочинения, не оставляет сомнений в том, что в картине мира самого географа хороним «Скифия» был, безусловно, актуальным. Судя по описанию населенных пунктов, относящихся к седьмой секции шестого климата, ал-Идриси опирался на информацию купцов

⁴⁶ Miller 1926. S. 165.

⁴⁷ *Хазарское море* — одно из наименований Каспийского моря в арабской географической традиции.

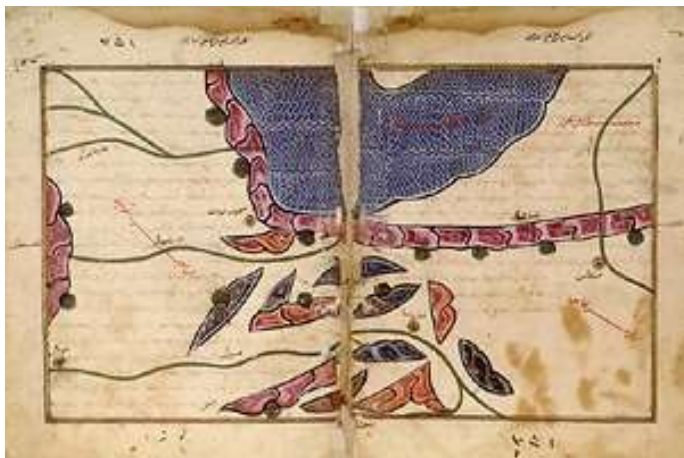
⁴⁸ *Басджирт* — арабское наименование двух народов — башкир и мадьяр (венгров). О басджиртах арабские авторы упоминают, начиная с X в. (сводку известных см.: *Бартольд* 1968. С. 494–495). Написание этнонима у ал-Идриси отличается от принятого у авторов X–XI вв., где встречаются варианты *башджирт*, *башгирд*, *башкирд*, *башкурд*. Об использовании ал-Идриси неизвестного более ранним писателям источника информации об этих народах говорит помещение им истоков *Аттила* в стране *басджиртов*, а также упоминание о городах *басджиртов* в седьмой секции шестого климата и в седьмой секции седьмого климата.

⁴⁹ Al-Idrisi. 1970–1984. P. 922. Русский перевод см.: Коновалова. 2006. С. 122.

⁵⁰ Формы написания хоронима — *Аскутийя* (اسقوتيا) у ал-Идриси и *Аскусийя* (اسقوثيا) у ал-Хорезми — отличаются лишь разным числом надстрочных точек при пятой графеме.

и путешественников, которая, однако, не была столь детальной, чтобы позволить географу составить полное и непротиворечивое повествование об этих областях. Об отрывочном характере информации, имевшейся в распоряжении ал-Идриси, свидетельствуют и данные о населенном пункте, который географ относил как к земле басджиртов, так и к территории «Скифии», — о городе Гурхане.

Так, говоря о городах страны внешних басджиртов во вводной части седьмой секции шестого климата, ал-Идриси отмечает: «Что же до страны внешних басджиртов, то к ней относятся [города] Карукийя, Намджан и Гурхан. Это населенные города, жители которых живут своим трудом, занимаясь торговлей и ремеслами лишь с тем, чтобы обеспечить себя. Эти народы постоянно вторгаются во владения других и забирают [себе] их добро. Эти страны плодородны, с обильной растительностью и стадами скота»⁵¹.

Илл. 1.

Карта седьмой секции шестого климата «Нузхат ал-муштак» (Bibliothèque Nationale, Arab. 2221/Suppl. ar. 892) с изображением страны басджиртов. Ориентация южная.

Воспроизведено по: La Géographie d'Idrīsī, un atlas du monde au XIIe siècle: CD-ROM, Bibliothèque nationale de France, Montparnasse multimédia

⁵¹ Al-Idrisi. 1970–1984. P. 922; Русский перевод: Коновалова. 2006. С. 122.

Илл. 2.

Карта седьмой секции седьмого климата «Нузхат ал-муштак» (Bibliothèque Nationale, Arab. 2221/Suppl. ar. 892). Ориентация южная. Надпись *Аскутия* нанесена красными чернилами в южной части карты.

Воспроизведено по: La Géographie d'Idrīsi, un atlas du monde au XIIe siècle: CD-ROM, Bibliothèque nationale de France, Montparnasse multimédia

Однако причисленные во вводной части секции к городам внешних басджиртов *Карукийя*, *Намджан* и *Гурхан* в основном тексте секции описаны как населенные пункты, лежавшие за пределами территории басджиртов⁵². Судя по описанию, все эти города, в особенности, *Намджан* и *Гурхан*, являлись торговыми центрами, включенными в систему международных путей, связывавших Среднюю Азию и Прикаспье с Восточной Европой. В этой связи в литературе справедливо отмечалось, что данные ал-Идриси о территории башкир отражают «южное, среднеазиатское восприятие арабской географической традицией Урало-Поволжья, в которой фиксировались только те народы

⁵² Al-Idrisi. 1970–1984. P. 923–924; Русский перевод см.: Коновалова. 2006. С. 123–124.

региона, которые попадали в поле зрения путешественников, следовавших из Хорезма в Волжскую Булгарию и на Русь»⁵³.

В дальнейшем описании города *Гурхан* ал-Идриси говорит о нем не как о пункте внешних басджиртов, а как о тюркском городе на территории «Скифии»: по словам ал-Идриси, город Гурхан — «большой, населенный город тюрков из земли Аскунийя. Он стоит к северу от реки Исил⁵⁴, впадающей в море Табаристана⁵⁵. Город хорошо обустроен, с возделанной округой, туда по указанной реке иногда приезжают купцы и путешественники. Там живет правитель тюрков Аскунийя, в распоряжении которого многочисленные воины, снаряжение и оружие, множество крепостей, протяженные возделанные земли. В этой стране из ремесленных изделий и предметов искусства делают [не только] то, что требуется для повседневных нужд, но также производят седла и оружие — такие великолепные и совершенные, какие не делают ни в одной [другой] стране тюрков»⁵⁶.

Таким образом, согласно ал-Идриси, город Гурхан стоял к северу от реки *Атил*, но добраться до него можно было по воде. Географ утверждает, что купцы и путешественники прибывали в *Гурхан* по реке *Атил*, но учитывая то, что сам город он располагал к северу от *Атила*, можно заключить, что речь должна идти о каком-то его притоке. Этим притоком могла быть река *Анхадара*, на берегу которой стоял город *Карукийя*, связанный с *Гурханом* прямым водным путем: «От города Гурхан до города Карукийя по реке Анхадара⁵⁷ восемь дней, а по суше — шестнадцать переходов на запад»⁵⁸.

Двойственность локализации *Гурхана*, относимого ал-Идриси то к городам басджиртов, то к населенным пунктам «Скифии», может свидетельствовать не только о недостатке информации у арабского автора, но и о его стремлении совместить современные ему маршрутные данные о городах тюрков с этнотопонимической номенклатурой

---

⁵³ Иванов, Сиротин 2003. С. 59–85.

⁵⁴ *Исил* (*Атил*) — один из вариантов арабского наименования р. Волги в ее нижнем и среднем течении, включая р. Каму.

⁵⁵ *Море Табаристана* — одно из наименований Каспийского моря в исламской литературе.

⁵⁶ *Al-Idrisi* 1970–1984. P. 924. Русский перевод: Коновалова 2006. С. 123.

⁵⁷ Из сообщения ал-Идриси о том, что город *Карукийя* был связан речным путем с городом *Гурхан*, стоявшим на *Атиле* (либо одном из его притоков), следует, что река *Анхадара* также относилась к бассейну Нижней Волги. Возможно, речь идет о р. Ашкадар, правом притоке р. Белой, хотя следует признать, что пока единственным аргументом в пользу такого отождествления является схожесть названий.

⁵⁸ *Al-Idrisi* 1970–1984. P. 924. Русский перевод: Коновалова 2006. С. 123.

той картой, которую он использовал в качестве основы при составлении своей. В том, что такая карта-основа была, сомневаться не приходится. Поскольку собственных картографических методов у ал-Идриси не было, он взял за образец какую-то восходящую к Птолемию карту, возможно, в арабской переработке ал-Хорезми. Эту карту ал-Идриси положил в основу своей и по ходу работы дополнял ее новым материалом⁵⁹. На примере этнопонима «Скифия» хорошо видно, как античный термин вытесняется — под напором новой информации — на окраину ойкумены. Если географы IX – начала X в. (Ибн Хордадбех и Ибн ал-Факих) использовали термин «Скифия» для обозначения огромной территории, охватывавшей как места расселения тюркских народов степной полосы Евразии, так и земли Армении и Хорасана, то ал-Идриси, располагавший значительным объемом современной ему информации об этих областях и населявших их народах, поместил «Скифию» у северных границ известного ему тюркского народа башкиров, тем самым сузив ее размеры до небольшой области.

Таким образом, заимствовав этнопоним «Скифия» из античных землеописаний, арабские географы поместили его в новый смысловой и этногеографический контекст, что, с одной стороны, позволило им ввести сведения греко-римских авторов о Скифии и скифах в круг своей культуры, а с другой — трансформировало античный образ как в пространственном, так и в этническом отношении.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бартольд В.В.* Басджирт // *Бартольд В.В.* Соч. М.: Наука, 1968. Т. V. С. 494–495.
- Бартольд В.В.* <Извлечение из сочинения Гардизи *Зайн ал-ахбар*>: Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг.» // *Бартольд В.В.* Сочинения. М.: Наука, 1973. Т. VIII. С. 23–62.
- Виллардуэн Ж.* Завоевание Константинополя / Пер., статья и коммент. М.А. Заборова. М.: Наука, 1993.
- Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: НЛЮ, 2003.
- Зарифуллин П.В.* Новые скифы. СПб.: Лимбус-пресс, 2013.
- Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент., исслед., указат. и карты Н. Велихановой. Баку, 1986.
- Иванов В.А., Сиротин С.В.* Южный Урал в освещении античной и средневековой историко-географических традиций // В центре Евразии: Сб. Науч. трудов. Стерлитамак, 2003. Вып. II. С. 59–85.
- Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах: Статьи и разыскания А. Куника и В. Розена. СПб., 1878. Ч. I.
- Калинина Т.М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата: Тексты, перевод, комментарий. М., 1988.

⁵⁹ Об источниках карты ал-Идриси см.: *Коновалова.* 2006. С. 26.

- Клавихо Р.* Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406) / Пер., предисл. и коммент. С.И. Мироковой. М.: Восточная литература, 1990.
- Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М.: Восточная литература, 1999.
- Коновалова И.Г.* Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: Текст, перевод, комментарий. М.: Восточная литература, 2006.
- Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. IV.
- Нойманн И.Б.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004.
- Райт Дж.К.* Географические представления в эпоху Крестовых походов: Исследование средневековой науки и традиции в Западной Европе. М.: Восточная литература, 1988.
- Робер де Кларн.* Завоевание Константинополя / Пер., статья и коммент. М.А. Заброва. М.: Наука, 1986.
- Саид Э.В.* Ориентализм: Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский мир, 2006.
- Чекин Л.С.* Картография христианского средневековья VIII–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М.: Восточная литература, 1999.
- Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at Tabari* / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1879. Ser. I. T. I.
- Compendium libri Kitab al-Boldan auctore Ibn al-Fakih al-Hamadhani quod edidit, indicibus et glossario instruxit M.J. de Goeje.* Lugduni-Batavorum, 1885.
- Cox K.L.* Dreaming of Dixie: How the South was Created in American Popular Culture. Chapel Hill, NC: The Univ. of North Carolina Press, 2011.
- Davidson P.* The Idea of North. London: Reaktion, 2005.
- Donzel E. van, Schmidt A.* Gog and Magog in early Eastern Christian and Islamic Sources: Sallam's quest for Alexander's wall / With a contribution by C. Ott. Leiden; Boston: Brill, 2010 (Brill's Inner Asian library, vol. 22).
- Doufikaer-Aerts F.* Alexander Arabicus: A Survey of the Alexander Tradition through Seven Centuries: from pseudo-Callisthenes to Suri. Paris, Leuven and Walpole, Mass.: Peeters, 2010.
- Dunlop D.M.* Scotland according to al-Idrisi, c. A.D. 1154 // *Scottish Historical Review*. 1947. Vol. 26. P. 114–118.
- Edney M.H.* Cartography without “progress”: Reinterpreting the nature and historical development of mapmaking // *Cartographica*. 1993. Vol. 30 (2–3). P. 54–68.
- Fleet Ch.J., Wilkes M., Withers Ch.W.J.* Scotland: Mapping the Nation. Edinburgh: Birlinn, 2011.
- Gerber H.* Remembering and Imagining Palestine: Identity and Nationalism from the Crusades to the Present. New York: Palgrave Macmillan, 2008.
- Gog and Magog: The Clans of Chaos in World Literature* / Ed. by A.A. Seyed-Gohrab, F.C.W. Doufikaer-Aerts, A. McGlinn. Amsterdam, 2007
- Gutas D.* Greek Thought, Arabic Culture. The Graeco-Arabic Translation Movement in Baghdad and Early Abbasid Society (2nd–4th/8th–10th centuries). London, 1998.
- Harley J.B.* Deconstructing the map // *Cartographica*. 1989. Vol. 26. N. 2. P. 1–20.
- Harley J.B.* Cartography, Ethics and Social Theory // *Cartographica*. 1990. Vol. 27. № 2. P. 1–23.
- Honigmann E.* Die Sieben Klimata und die *πολεις ἐπίσημοι*. Heidelberg, 1929.

- Howarth D.* The Invention of Spain: Cultural Relations between Britain and Spain, 1770–1870. Manchester; New York: Manchester Univ. Press, 2007.
- Al-Idrisi.* Opus geographicum sive “Liber ad eorum delectationem qui terras peragrare studeant” / Consilio et auctoritate E. Cerulli et al. Una cum aliis ed. A. Bombaci et al. Neapoli; Romae: Brill, 1970–1984. Fasc. I–IX.
- Inden R.* Imagining India. Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1990.
- Kennedy E.S.* Geographical Latitudes in al-Idrisi’s World Map // Zeitschrift für Geschichte der arabisch-islamischen Wissenschaften. 1986. Bd. 3. P. 265–268.
- Das Kitab Surat al-Ard des Abu Ga‘far Muhammed Ibn Musa al-Huwarizmi / Hrsg. H. v. Mžik. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1926.
- Kitchin R., Dodge M.* Rethinking maps // Progress in Human Geography. 2007. Vol. 32 (3). P. 331–344.
- Klein-Franke F.* Die klassische Antike in der Tradition des Islam. Darmstadt, 1980.
- Konovalova I.* Andalusian Map // *Chekin L.* Northern Eurasia in Medieval Cartography: Inventory, Text, Translation and Commentary (Terrarum orbis). Turnhout, 2006. P. 59–61.
- Locating Southeast Asia: Geographies of Knowledge and Politics of Space / Ed. by Paul H. Kratoska, Remco Raben, and Henk Schulte Nordholt. Singapore: Singapore Univ. Press, 2005.
- Miller K.* Mappae arabicae: Arabische Welt- und Länderkarten. Stuttgart: Selbstverlag des Herausgebers, 1926. Bd. V.
- Neumann I.B.* Uses of the Other: “The East” in European Identity Formation. Minnesota: Univ. of Minnesota Press, 1998.
- Said E.W.* Orientalism: Western Conceptions of the Orient. N.Y.: Pantheon Books, 1978.
- Tibbets G.R.* The Beginnings of a Cartographic Tradition // History of Cartography / Ed. J.B. Harley, D. Woodward. Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 1992. Vol. II. Book 1: Cartography in the traditional Islamic and South Asian societies. P. 90–107.
- Todorova M.* Imagining the Balkans. New York: Oxford Univ. Press, 1997.
- Wolff L.* Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford: Stanford Univ. Press, 1994.

BIBLIOGRAFIJA

- Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at Tabari / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1879. Ser. I. T. I.
- Bartol'd V.V.* Basdzhirt // Bartol'd V.V. Sochinenija. M.: Nauka, 1968. T. V. S. 494–495.
- Bartol'd V.V.* <Izvlечение iz sochinenija Gardizi Zajn al-ahbar>: Prilozhenie k «Otchetu o poezdke v Srednjuju Aziju s nauchnoju cel'ju. 1893–1894 gg.» // Bartol'd V.V. Sochinenija. M.: Nauka, 1973. T. VIII. S. 23–62.
- Chekin L.S.* Kartografija hristianskogo srednevekov'ja VIII–XIII vv.: Teksty, perevod, komentarii. M.: Vostochnaja literatura, 1999.
- Compendium libri Kitab al-Boldan auctore Ibn al-Fakih al-Hamadhani quod edidit, indicibus et glossario instruxit M.J. de Goeje. Lugduni-Batavorum, 1885.
- Cox K.L.* Dreaming of Dixie: How the South was Created in American Popular Culture. Chapel Hill, NC: The Univ. of North Carolina Press, 2011.
- Davidson P.* The Idea of North. London: Reaktion, 2005.
- Donzel E. van, Schmidt A.* Gog and Magog in early Eastern Christian and Islamic Sources: Sallam’s quest for Alexander’s wall / With a contribution by C. Ott. Leiden; Boston: Brill, 2010 (Brill’s Inner Asian library, vol. 22).

- Doufikaar-Aerts F.* Alexander Magnus Arabicus: A Survey of the Alexander Tradition through Seven Centuries: from pseudo-Callisthenes to Suri. Paris, Leuven and Walpole, Mass.: Peeters, 2010.
- Dunlop D.M.* Scotland according to al-Idrisi, c. A.D. 1154 // *Scottish Historical Review*. 1947. Vol. 26. P. 114–118.
- Edney M.H.* Cartography without “progress”: Reinterpreting the nature and historical development of mapmaking // *Cartographica*. 1993. Vol. 30 (2–3). P. 54–68.
- Fleet Ch.J., Wilkes M., Withers Ch.W.J.* Scotland: Mapping the Nation. Edinburgh: Birlinn, 2011.
- Gerber H.* Remembering and Imagining Palestine: Identity and Nationalism from the Crusades to the Present. New York: Palgrave Macmillan, 2008.
- Gog and Magog: The Clans of Chaos in World Literature / Ed. by A.A. Seyed-Gohrab, F.C.W. Doufikaar-Aerts, A. McGlinn. Amsterdam, 2007
- Gutas D.* Greek Thought, Arabic Culture. The Graeco-Arabic Translation Movement in Baghdad and Early Abbāsīd Society (2nd–4th/8th–10th centuries). London, 1998.
- Harley J.B.* Deconstructing the map // *Cartographica*. 1989. Vol. 26. N. 2. P. 1–20.
- Harley J.B.* Cartography, Ethics and Social Theory // *Cartographica*. 1990. Vol. 27. № 2. P. 1–23.
- Honigsmann E.* Die Sieben Klimata und die *πολεις ἐπίσημοι*. Heidelberg, 1929.
- Howarth D.* The Invention of Spain: Cultural Relations between Britain and Spain, 1770–1870. Manchester; New York: Manchester Univ. Press, 2007.
- Ibn Hordadbeh.* Kniga putej i stran / Per. s arab., komment., issled., ukazat. i karty N. Velihanovoj. Baku, 1986.
- Al-Idrisi.* Opus geographicum sive “Liber ad eorum delectationem qui terras peragrate studeant” / Consilio et auctoritate E. Cerulli et al. Una cum aliis ed. A. Bombaci et al. Neapoli; Romae: Brill, 1970–1984. Fasc. I–IX.
- Inden R.* Imagining India. Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1990.
- Ivanov V.A., Sirotin S.V.* Juzhnyj Ural v osveshhenii antichnoj i srednevekovoj istoriko-geograficheskij tradicij // V centre Evrazii: Sb. Nauch. trudov. Sterilitamak, 2003. Vyp. II. S. 59–85.
- Izvestija al-Bekri i drugih avtorov o rusi i slavjanah: Stat'i i razyskanija A. Kunika i V. Rozena. SPb., 1878. Ch. I.
- Kalinina T.M.* Svedenija rannih uchenyh Arabskogo halifata: Teksty, perevod, kommentarij. M., 1988.
- Kemedy E.S.* Geographical Latitudes in al-Idrisi's World Map // *Zeitschrift für Geschichte der arabisch-islamischen Wissenschaften*. 1986. Bd. 3. P. 265–268.
- Das Kitab Surat al-Ard des Abu Ga'far Muhammed Ibn Musa al-Huwarizmi / Hrsg. H. v. Mžik. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1926.
- Kitchin R., Dodge M.* Rethinking maps // *Progress in Human Geography*. 2007. Vol. 32 (3). P. 331–344.
- Klavijo R.* Dnevnik puteshestvija v Samarkand ko dvoru Timura (1403–1406) / Per., predisl. i komment. S.I. Mirokovoj. M.: Vostochnaja literatura, 1990.
- Klein-Franke F.* Die klassische Antike in der Tradition des Islam. Darmstadt, 1980.
- Konovallava I.* Andalusian Map // *Chekin L.* Northern Eurasia in Medieval Cartography: Inventory, Text, Translation and Commentary (Terrarum orbis). Turnhout, 2006. P. 9–61.

- Konovalova I.G.* Al-Idrisi o stranah i narodah Vostochnoj Evropy: Tekst, perevod, kommentarij. M.: Vostochnaja literatura, 2006.
- Konovalova I.G.* Vostochnaja Evropa v sochinenii al-Idrisi. M.: Vostochnaja literatura, 1999.
- Krachkovskij I.Ju.* Izbrannye sochinenija. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1957. T. IV.
- Locating Southeast Asia: Geographies of Knowledge and Politics of Space / Ed. by Paul H. Kratoska, Remco Raben, and Henk Schulte Nordholt. Singapore: Singapore Univ. Press, 2005.
- Miller K.* Mappae arabicae: Arabische Welt- und Länderkarten. Stuttgart: Selbstverlag des Herausgebers, 1926. Bd. V.
- Neumann I.B.* Uses of the Other: "The East" in European Identity Formation. Minnesota: Univ. of Minnesota Press, 1998.
- Nojmann I.B.* Ispol'zovanie "Drugogo": Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskih identichnostej. M.: Novoe izdatel'stvo, 2004.
- Rajt Dzh.K.* Geograficheskie predstavlenija v jepohu Krestovyh pohodov: Issledovanie srednevekovoj nauki i tradicii v Zapadnoj Evrope. M.: Vostochnaja literatura, 1988.
- Rober de Klari.* Zavoevanie Konstatinopolja / Per., stat'ja i komment. M.A. Zaborova. M.: Nauka, 1986.
- Said E.W.* Orientalism: Western Conceptions of the Orient. N.Y.: Pantheon Books, 1978.
- Said Je.V.* Orientalizm: Zapadnye koncepcii Vostoka / Per. s angl. A.V. Govorunova. SPb.: Russkij mir, 2006.
- Tibbets G.R.* The Beginnings of a Cartographic Tradition // History of Cartography / Ed. J.B. Harley, D. Woodward. Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 1992. Vol. II. Book 1: Cartography in the traditional Islamic and South Asian societies. P. 90–107.
- Todorova M.* Imagining the Balkans. New York: Oxford Univ. Press, 1997.
- Villardujen Zh.* Zavoevanie Konstantinopolja / Per., stat'ja i komment. M.A. Zaborova. M.: Nauka, 1993.
- Vul'f L.* Izobretaja Vostochnuju Evropu: Karta civilizacii v soznanii jepohi Prosveshhenija. M.: NLO, 2003.
- Wolff L.* Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford: Stanford Univ. Press, 1994.
- Zarifullin P.V.* Novye skify. SPb.: Limbus-press, 2013.

Коновалова Ирина Геннадиевна — доктор исторических наук, заместитель директора Института всеобщей истории РАН, konovalova@igh.ru

An ancient ethnotoponym on medieval map:

"Scythia" by al-Idrisi

The article raises the question of the role of tradition in the formation of geographical concepts. The author focuses her study on the material of medieval Arab geography and cartography that widely used Classical ethnotoponymical nomenclature, in particular, ethnotoponym "Scythia". Having borrowed the name of "Scythia" from ancient literature, Arab geographers placed it in a new semantic and ethnogeographical context that, on the one hand, allowed them to interpret the Greco-Roman knowledge about Scythia and Scythians in terms of Islamic culture and on the other — transformed ancient image both spatially and ethnically. Image of Scythia, inherited by Islamic authors from antiquity, was substantially deprived of the political, ethnic, cultural, religious and ethical

connotations that had been associated with the concept of “Scythia” in Greco-Roman literature. Islamic geographers wrote about Scythia only in very general terms — as one of the parts of the world, the ethnic marker of which were Turkic peoples. Geographer of the 12th century al-Idrisi tried to add some detailed information about Scythia, showing not only its place on the world map, but also Scythian settlements. His work demonstrates how this ancient ethnotoponym was supplanted by al-Idrisi on the outskirts of the ecumene. If the Arab geographers of the 9th – early 10th centuries used the term “Scythia” to designate the vast territory populated by the Turkic peoples of the steppe zone of Eurasia, as well as the land of Armenia and Khorasan, al-Idrisi who possessed significant contemporary information on these areas and their peoples, put “Scythia” to the northern borders of Bashkirs, narrowing its size to a small area.

Keywords: Scythia, al-Idrisi, ethnonymy, toponymy, tradition, Arab geography, Arab cartography.

Irina Konovalova, *Dr.Sc. (History)*, Deputy Director of the Institute of World History of RAS; konovalova@igh.ru

Е. Н. КИРИЛЛОВА

**ВОЗРАСТ – ВЕЛИЧИНА ОТНОСИТЕЛЬНАЯ:
ЛЮДИ РАЗНОГО ВОЗРАСТА
В «КНИГЕ РЕМЕСЕЛ» ПАРИЖА**

На основе ремесленных и торговых регламентов парижской «Книги ремесел» (XIII в.) в статье анализируются абсолютные и относительные определения возраста и социальная составляющая возрастных характеристик мастеров, учеников и подмастерьев. Анализ относительных и абсолютных определений возраста потребовал называть множество чисел, из которых «Книге ремесел» принадлежит только одно — «60 лет», в итоге оказавшееся мнимым возрастом. Парижские ремесленники и торговцы XIII в. не нуждались в этих числах, в отличие от своих потомков, впрочем, тоже далеко не всегда испытывавших такую потребность, полагавших женатого человека взрослым и состоятельным, независимо от того, сколько лет ему исполнилось.

Ключевые слова: *возраст как социальная категория, социальный статус, мастер – подмастерье – ученик, «Книга ремесел» Парижа.*

Жизнь человека можно разделить на несколько этапов, что будет одновременно и биологическим делением, свойственным всем живым существам, и, что особенно важно для историка, – делением социальным. Люди разного возраста – это не просто юные, взрослые или старые организмы; количество прожитых лет – один из множества критериев, определяющих положение человека в обществе, его возможности, права и обязанности. Можно оценивать социальное положение, зная возраст¹, и можно устанавливать возраст по социальным характеристикам, если источники не называют количественных его параметров.

Отменно скупы в упоминаниях о количестве прожитых лет ремесленные и торговые регламенты, вошедшие в парижскую «Книгу ремесел» – сборник, составленный в начале 1260-х гг. по распоряжению прево Парижа Этьена Буало. Уставы «Книги ремесел» практически не используют числа для обозначения возраста, но относительных его определений в источнике довольно много.

Простейшее и очевидное для средневековых ремесленных и торговых корпораций деление: ученики – это дети, лица несамостоятельные; мастера – безусловно взрослые и самостоятельные во всех отно-

---

¹ Кириллова 2007.

шениях люди; промежуточное место занимают подмастерья, скорее уже взрослые, а не дети. Однако уточню эти позиции.

Ученики. Исследования, обоснованно называющие конкретные возрастные критерии, немногочисленны в силу нехватки документальных свидетельств (которые в данном случае много предпочтительнее нарративных источников). «Книга ремесел» вообще не содержит никаких сведений о том, в каком возрасте дети поступали в обучение. Более поздние ремесленные и торговые регламенты определяли этот возраст лишь в исключительных случаях. Среди нескольких десятков ремесленных и торговых регламентов Реймса с XIII по конец XVIII в. он был отмечен лишь в двух текстах. 15 лет названы как нижняя граница у стригальщиков сукна в Реймсе (1603 г.), но этот критерий мог и не соблюдаться, если ученик был достаточно силен и крепок, чтобы управляться с ножницами (“fort et robuste pour manier des forces dudit métier”)². Реймские булочники (1743 г.) не могли принимать учеников, не достигших полных 14 лет³. Возможно, эти ограничения именно потому и оказались зафиксированы в уставах, что относились к исключительным случаям, связанным со спецификой профессиональной деятельности, требовавшей силы и ловкости и не подходившей для детей, полагавшихся физически слабыми.

Списки мастеров, подмастерьев и учеников, составлявшиеся в Средние века и раннее Новое время при утверждении регламентов, в виде отдельных документов, в книгах корпораций, далеко не всегда содержат сведения об их возрасте, фиксируя преимущественно имена и очередность вступления в корпорацию. Списки парижских мастеров конца XIII — начала XIV в., которые встречаются в заключительных статьях некоторых уставов «Книги ремесел» или были приписаны к ним позднее, содержат лишь имена мастеров, иногда с указанием места их проживания⁴. Списков должностных лиц (прюдомов, присяжных) в «Книге ремесел» много больше (они есть для 38 корпораций), но они также не называют возраст. Среди опубликованных Ж. Рейно шести списков марсельских мастеров-канатчиков XVII — конца XVIII в., лишь в одном указан возраст всех работавших в мастерских, в том

² Archives législatives. P. 400. I ст.

³ Archives législatives. P. 159. XXXIII ст.

⁴ Изготовители четок из кораллов и раковин (XXVIII устав «Книги ремесел»; Le Livre des métiers. 1879. P. 60. XV и XVIII ст.), изготовители штанов (XXXIX; Ibid. P. 76. X ст.), изготовители гамаш (LV; Ibid. P. 115. X ст.), торговцы холстом (LIX; Ibid. P. 123), повара (LXIX; Ibid. P. 147), некоторые новые мастера у горшечников (LXXIV; Ibid. P. 157).

числе учеников: в 1693 г. для 12-ти учеников, учившихся в 11-ти из 29 мастерских, средний возраст составлял 15,6 лет, наименьший – 12 лет (таких учеников было двое), самый взрослый ученик – 20 лет, и такой был всего один⁵.

Возраст ученика потенциально мог быть обозначен в контракте об обучении⁶, но это также отсылает нас к более поздним эпохам, как в силу сохранности документов, так и в силу более позднего формирования такой традиции. Среди 101 регламента «Книги ремесел» о заключении договора или соглашения при приеме ученика говорится в нескольких уставах — у сукноделов (L устав), ковровщиков сарацинских ковров (LI), булавочников (LX), но лишь прядильщицы шелка на малых веретенах (XXXVI) требовали записи договора о приеме ученицы, объясняя необходимость этого тем, что сохраненный договор поможет установить истину, если возникнет спор⁷.

С. Эпштейн, один из немногих исследователей, указавших на социальное содержание возрастных границ в ремесленных корпорациях, пришел к заключению, что всех учеников можно разделить на две большие группы, исходя из возраста, с которого они начинали обучение: около 10–13(14) лет и с 14–20(21) года. Возраст, по мнению Эпштейна, отражал более глубокое деление – на тех учеников, кто шел по стопам родителей, и всех остальных⁸. Полагаю, что обучение могло начинаться и ранее 10 лет. Крестьянские дети (во Франции VIII–XI вв.) уже в 7–10 лет были способны прокормить себя⁹. Для Западной Европы XV в. называют в качестве возраста поступления в обучение от 6 до 16–18 лет — для тех профессиональных сфер, где требовалось обладать некоторыми навыками и знаниями¹⁰, прежде чем приступать к усвоению специальности. Нижняя граница также во многом определялась составом семьи ученика или ученицы – для сирот она оказывалась ниже, чем для детей из полных семей¹¹.

---

⁵ Списки мастеров опубликованы в: *Reynaud* 1929. P. 94–101. Еще в одном списке, 1790 г., указан возраст купцов, торговавших канатами: *Ibid.* P. 100–101.

⁶ Но не обязательно, см. контракт 1588 г.: *Reynaud* 1929. P. 93–94.

⁷ *Le Livre des métiers*. 1879. P. 70. V ст.

⁸ *Epstein* 1991. P. 104–105.

⁹ *Габдрахманов*. 1996. С. 176.

¹⁰ Например, книгопечатники, переплетчики и книготорговцы Парижа (1618: *Les métiers et corporations*. 1886. P. 712. 3 ст.) и Реймса (1623: *Archives législatives*. P. 471. III ст.) требовали, чтобы поступающий в обучение умел читать и писать.

¹¹ *Bellavitis*. 2014. P. 104–105. Об обучении ремеслу сирот, как мальчиков, так и девочек, в Париже XVI–XVIII вв. см.: *Robin-Romero*. 2007. P. 199–217.

Кроме того, среди фактически обучавшихся ремеслу или торговому делу значительную часть составляли собственные дети мастеров¹², которые учитывались не всеми документами (для них не составлялись контракты об обучении, они не входили в списки учеников), в большинстве случаев сконцентрированными на «посторонних» учениках, как не фиксировалось документально и время фактического начала обучения детей мастера, что было частью их повседневной жизни. Ребенок приобретал профессиональные знания и «в тесном ежедневном контакте со старшими», через участие в жизни взрослых в то же время «учился жизни»¹³.

Суммируя все вышесказанное, отмечу значительный разброс в определении возраста учеников: от самого раннего (не на уровне младенчества, но на уровне сознательности) – для собственных детей мастера и детей-сирот, с одной стороны, до 18–20 лет, что гораздо более соответствует мастеру¹⁴ и взрослому человеку, с другой.

Принимая в качестве общей нормы представление об учениках как о детях, в «Книге ремесел» Парижа можно обнаружить и иные свидетельства. Кошелечники (LXXVII) упоминают о договоренности между мастером и учеником, и соглашение касается главных вопросов — срока обучения и платы за него¹⁵. Можно ли предполагать, что регламент называет не участников переговоров и не стороны соглашения, а дей-

---

¹² Или, как известно по данным «Книги ремесел», дети их жен от предыдущего брака – либо же дети мужей мастериц, если это было женское ремесло. На них обычно распространялись те же привилегии, какими обладали собственные дети мастера или мастерицы (например, устав резчиков-скульпторов: «Chascun mestre du mestier devant dit puet, avec l'aprentiz priz, prendre... ses enfanz et les enfanz sa feme, nez de loiau mariage tant seulement» (LXI, *Le Livre des métiers*. 1879. P. 127. IV ст.)). Изготовители пряжек из меди и латуни (XXII) допускали, что сын жены мог попасть в число таких учеников, лишь если первый ее муж был из того же ремесла (Ibid. P. 51. V ст.), а изготовители крепа из ниток и шелка (XXXVII) — только если жена сама была мастерицей и входила в корпорацию (Ibid. P. 72. II ст., эта статья была впоследствии вычеркнута).

¹³ *Аръес* 1999. С. 365, 367–368, 370 и др. В списке марсельских канатчиков конца XVII в. указаны имена их собственных детей, учившихся ремеслу, но учитывавшихся отдельно от «посторонних» для семьи мастера учеников: их было 9 человек в 6-ти из 29-ти мастерских, от 12 до 28 лет, средний возраст сыновей мастеров — 17,6 лет: *Reynaud* 1929. P. 94–97.

¹⁴ В Реймсе в раннее Новое время минимальный возраст, когда сын мастера мог быть признан мастером – 12 лет (XVIII в.), обычно это 16–22 года (для сына) и 18–22 года для других учеников: *Кириллова* 2007. С. 349, 353.

¹⁵ «Et si doit nus mestre de ce mestier ne tascheur avoir c'un aprantiz: et le puet prendre a tant d'anz comme il voudra et pour tant d'argent comme entre le mestre et l'apprentiz voudront on s'acorderont»: *Le Livre des métiers*. 1879. P. 167. VIII ст.

ствующих на основе достигнутого соглашения лиц? В других случаях в качестве стороны, платившей за обучение, в уставах «Книги ремесел» фигурируют родители будущего ученика (отец): у изготовителей железных пряжек (XXI), сукноделов (L) и ремешников (LXXXVII)¹⁶, и для средневековых корпораций это стандартная процедура. «Книга ремесел» насыщена множеством разнообразных исключений для самых разных правил¹⁷, хотя пример кошелечников более похож не на исключение из правил, а на возможность обучения взрослого ученика.

Более очевидно, что ученик – не всегда ребенок, но может быть и взрослым, когда говорится о том, что ученики могли быть женаты¹⁸: сукноделы (L); сукновалы (LIII), упомянувшие о вдове мастера, вышедшей замуж за ученика¹⁹; кожевники (LXXXIII), причем последние допускали, что женатый ученик не захочет более есть в доме мастера, и признавали за ним такое право, требуя, чтобы мастер давал ему на еду 4 денье в рабочий день²⁰.

Не столько о возрасте, сколько об уровне и продолжительности жизни в средние века говорят нередкие в «Книге ремесел» упоминания о смерти учеников²¹: уставы гранильщиков хрусталя и драгоценных камней (XXX), прядильщиц шелка на больших веретенах (XXXV), изготовителей крепа из ниток и шелка (XXXVII), изготовителей четок и застежек (XLIII), сукноделов (L)²².

¹⁶ Например, в уставе сукноделов: «Li mestre et li dui juré ou li iii ou li iiiii, se il sont a l'aprentiz prendre, il doivent regarder se li mestres est soufisant d'avoir et de sens pour aprentiz prendre. Et se li mestre et li juré voient que li mestres qui prent aprentiz n'est bien soufisant d'avoir l'aprentiz et tenir, il puent prendre bon plegerie et soufisant d'enterinner les couvenances envers l'aprentiz, si que li aprentiz ne perdent leur tans et son pere ne perde son argent» (Le Livre des métiers. 1879. P. 95. XVII ст.).

¹⁷ Кириллова. 1997; 2013.

¹⁸ В раннее Новое время ученику скорее не полагалось иметь свою семью; его брак мог означать прекращение обучения и запрет на профессию. Печатникам, переплетчикам и книготорговцам Реймса (1623) запрещалось держать женатых учеников, как и реймским купцам (1639). Подробнее см.: Кириллова 2008. С. 217–218.

¹⁹ Le Livre des métiers. 1879. P. 107. VI ст.

²⁰ «Se aucun aprentis se marie dedens le terme que il a promis a servir son mestre, et il ne vueille mangier au disner ne a souper chiés son mestre, il doit avoir chascun jour ouvtable iiiii den. pour sa peuture»: Le Livre des métiers. 1879. P. 181. VII ст.

²¹ Детская смертность составляла более 50%: *Бессмертный* 1991. С. 223. См. также: *Габдрахманов* 1996. С. 159–167. О продолжительности жизни см. далее.

²² У изготовителей крепа: «Nus qui a prins aprantis ne puet ne ne doit prendre autre, devant que li vii an soient acompli, se li aprantis ne muert...»: Le Livre des métiers. 1879. P. 72. VI ст. Разумеется, регламенты «Книги ремесел» упоминают и о смерти мастеров и торговцев. Сделанные позднее отметки о смерти торговцев есть в одном из списков, записанном после устава торговцев холстом (LIX; *Ibid.* P. 123).

Особое положение и исключительные привилегии детей мастера – хорошо известный и изученный на многих примерах феномен истории средневековых ремесленных и торговых корпораций. Распространение же подобных привилегий на другие категории родственников мастера или торговца встречается много реже и заслуживает особого внимания. Среди таких исключений, известных «Книге ремесел», хотелось бы особо выделить **братьев** мастера.

Мастеру-сукновалу (LIII) было разрешено принимать в обучение не более двух учеников, не учитывая его сыновей и братьев, рожденных в законном браке²³. Братья, которых мастер имел право учить, в принципе принадлежали к тому же поколению, что и сам мастер, однако они были очевидно младше его, им надо было учиться ремеслу как раз в силу их молодости и неустроенности в жизни. Они оказывались в зависимости от своего родного брата – видимо потому, что родители (скорее всего, здесь подразумевается отец) уже не могли оказать им свое покровительство, следовательно (и наиболее вероятно), родители (отец) уже умерли.

Именно на примере братьев очевидно, что блага и привилегии в средневековых корпорациях могли наследоваться и передаваться не только от отца к сыну, но и от брата к брату. Или на примере из устава сукновалов следует предполагать, что традиция различала младших и старших детей? Что старший мог ранее получить свои привилегии именно от отца (этот момент не уточняется в уставе), но что лишь он один имел такое преимущество? Обычное право средневековых корпораций, как и записанные в регламентах нормы, никогда не разделяли детей мастера, нередко определяя их всех как «дети» (порой — без различия пола). Подобного рода ограничения известны для более позднего времени, но они исключают из числа пользовавшихся корпоративными привилегиями детей мастера никак не младших детей, а тех, кто родился до момента получения их отцом звания мастера, то есть старших²⁴. Если бы такие ограничения для младших детей существовали, они были бы зафиксированы в этом регламенте «Книги ремесел», как должно было быть указано, что «истинное» (и правомерное) наследование привилегий должно было бы выглядеть только как передача их от отца к сыну. Однако в уставе сукновалов ничего не сказано о том, что отец нынешнего мастера и его братьев тоже был мастером, хотя по другим уставам «Книги ремесел» известно о той

---

²³ Le Livre des métiers. 1879. P. 107. II и IV ст.

²⁴ Кириллова 2008. С. 219–220.

заботе, которую корпорации проявляли к осиротевшим детям мастера, обязуясь доучить их ремеслу²⁵.

Передача корпоративных привилегий в рамках большой семьи²⁶ известна и для других профессиональных сообществ Парижа. У тех же сукновалов (LIII), а также у плотников, токарей, кровельщиков, сундучников, бочаров (XLVII) и плотников, изготавливавших седла (LXXIX), в круг родственников включались племянники. Ткачихи шелковых головных повязок (XLIV) говорили об «одной из своей семьи» («une de sa char») ²⁷; ювелиры (XI) также не ограничивали степень родства мастера с учеником²⁸, который считался «своим», а не посторонним, что позволяло обойти установленное в регламенте ограничение числа учеников.

Можно ли рассматривать **подмастерьев** как категорию людей, еще не совсем взрослых? Скорее нет, и вот по каким причинам. Во-первых, большие сроки обучения ремеслу в Париже XIII в.: чаще всего это 6, 8, 12 лет. Тот, кто проучился столько времени, очевидно начав не в младенчестве, уже не ребенок. И если общественное мнение будет еще не готово видеть в нем взрослого и самостоятельного во всех отношениях человека, то проблема не в его возрасте, а в его статусе, в том, что он еще не стал мастером. Но этот аргумент более или менее очевиден, как и упоминания о женатых подмастерьях (в уставах изготовителей гвоздей для пряжек и застежек (XXV)²⁹ и сукновалов (LIII)³⁰).

Другой не менее очевидный аргумент – подмастерье был помощником мастера и мог заменить его в разных сферах его деятельности, в том числе, и об этом специально говорится, подмастерье мог заменить мастера в ночном карауле³¹. Ножовщики–изготовители черенков к

---

²⁵ Если осиротевший сын мастера ремешника (LXXXVII) был беден, но хотел выучиться ремеслу, корпорация устраивала ему обучение и содержание за счет вступительных взносов: *Le Livre des métiers*. 1879. P. 189. VII ст.

²⁶ О сохранении большой семьи во Франции XII–XIII вв. см. *Бессмертный* 1991. С. 120–121. *Архив* 1999. С. 353.

²⁷ *Le Livre des métiers*. 1879. P. 83. IV ст.

²⁸ «...Из своей дальней и близкой родни и из дальней и близкой родни своей жены» – «...De son linage ou de lignage sa fame, soit de loing soi de pres»: *Le Livre des métiers*. 1879. P. 33. IV ст.

²⁹ *Le Livre des métiers*. 1879. P. 55. XII ст. Эта статья была приписана к уставу позднее: *Ibid.* P. 55. Not. c.

³⁰ *Le Livre des métiers*. 1879. P. 107. VI ст.

³¹ Париж был большим городом, и для несения караульной службы требовалось много людей. Каждый цех караулил одну ночь в три недели. Караульщики должны были являться к Шатле летом к 7 часам, зимой – с наступлением сумерек (*Грацианский* 1911. С. 263). В уставе сукноделов (L) сказано, что каждую ночь, когда они несли караул, они выставляли 60 человек, не считая тех, кто нес караул у

ножам и гребней из слоновой кости (XVII) утверждали, что поступали так во времена Филиппа II Августа, сапожники (LXXXIV) – при королеве Бланке³², обе корпорации просили о возвращении им этой привилегии. Учеников или детей мастера, независимо от их возраста, в караул не посылали и не предлагали так поступать.

В «Книге ремесел» часто упоминаются клятвы подмастерьев, что подтверждает их возраст – дети не приносят клятв, не отвечая за свои слова и поступки³³. Подмастерья наравне с мастерами могли выступать свидетелями при заключении договоров об обучении: у волочильщиков проволоки из меди (XXIV), изготовителей гвоздей для пряжек и застежек (XXV)³⁴.

Наконец, о том, что подмастерья – взрослые люди – говорит их участие в управлении корпорациями. Подмастерьями были два из пяти должностных лиц у изготовителей пряжек из бронзы, меди и латуни (XXII) и два из четырех – у сукновалов (LIII)³⁵. Регламент парижских булавочников (LX) ничего не говорит об участии подмастерьев в управлении этим профессиональным сообществом³⁶, однако в списках присяжных конца XIII–XIV в. они присутствуют наравне с мастерами³⁷.

Единственный зафиксированный «Книгой ремесел» возраст – **60 лет**. Именно он назван во множестве регламентов, точнее, в 44-х текстах (из 101)³⁸, как основание для безусловного и бесспорного освобождения от обязательной караульной службы. Освободить от караула могли и тех, у кого рожала жена, – это законная причина, которая назы-

---

Малого и Большого мостов (Le Livre des métiers. 1879. P. 100. XLVIII ст.). С несением караульной службы были проблемы, что из текстов «Книги ремесел» совершенно очевидно. Поэтому в двух уставах – у изготовителей шнурков из ниток и шелка (XXXIV, Ibid. P. 68. XIII ст.) и рыбаков пресных вод (XCIX, Ibid. P. 217. XVIII ст.) – упоминают о том, что следует верить ремесленникам по их клятве, когда они говорят о своем освобождении от караула.

³² Мать Людовика IX, королева Бланка Кастильская, регентша во время Седьмого крестового похода (1248–1252).

³³ Клятвы подмастерьев упоминаются в 9 уставах «Книги ремесел». О разнообразных клятвах в средние века см. Право. 2009.

³⁴ Le Livre des métiers. 1879. P. 53. VI ст. P. 55. XI ст. (статья записана позднее).

³⁵ Ibid. P. 52. XIV ст. P. 110. XVIII ст.

³⁶ Ibid. P. 125. VIII ст.

³⁷ Ibid. P. 127. В списках указано, кто является мастером, а кто подмастерьем.

³⁸ Многие профессиональные сообщества были освобождены от ночного караула, несколько корпораций (гранильщики хрусталя (XXX), изготовители золотых и серебряных листочков (XXXIII), ковровщики сарацинских ковров (LI)) просили короля о даровании им такой привилегии, указывая, что прежде они не обязаны были нести караул и лишь недавно их заставили это делать.

валась практически столь же часто, как и возраст³⁹. Также законным основанием были: кровопускание, если мастеру пустили кровь до того, как он был вызван на караул; болезнь или отсутствие мастера в городе (у пивоваров (VIII), замочников (XVIII) и старьевщиков (LXXVI)). Об любых обстоятельствах следовало предупредить тех, кто заведовал караульной службой от имени короля.

Как 60 лет соотносились со средней продолжительностью жизни? Для Франции XII–XIII вв. средняя продолжительность жизни принимается исследователями равной 43–48 годам⁴⁰. Однако уже 40 лет рассматривались как грань, за которой начинался возраст повышенного риска⁴¹. На этом фоне 60 лет выглядят довольно отвлеченным числом, далеким от реальности, что подкрепляется и знанием об ответственности мастера за своих младших братьев, наступившей вследствие того, что их родители умерли, и знанием других обстоятельств. Таким образом, единственный названный «Книгой ремесел» возраст оказывается фикцией. Мастер 59 лет обязан был нести караульную службу, но многие ли из них доживали до этого возраста?

Представляя 60 лет как законную слабость, позволяющую не участвовать в ночном карауле, «Книга ремесел» не дает текстологических оснований сопрягать этот возраст со старостью. В целом старость оценивается по-разному. О важной роли «самых мудрых, самых честных и самых старых» людей — но не ремесленников и торговцев, а уважаемых горожан — говорится в преамбуле «Книги ремесел»⁴². Именно такие люди были созваны прево Парижа, чтобы все записанное (ремесленные и торговые уставы, а также статуты о городских торговых пошлинах) было прочитано в их присутствии. И их одобрение было крайне важным для признания законности всего предприятия.

«Старость» может оказаться синонимом к «бедности» — повара (LXIX) говорят о том, что треть штрафов предназначена «на поддержку бедных старых мастеров этого ремесла, которые разорились из-за торговли или из-за старости»⁴³.

---

³⁹ Например, у сапожников (LXXXIV): «Li houme du mestier desus dit qui ont passé lx anz d'aage sont quite du guiet, et cil a qui leur fames gisent d'anfant; mès il sont tenuz a fere le savoir, tant comme elle gisent, a celui qui garde le guiet de par le Roy»: *Le Livre des métiers*. 1879. P. 185. XIX ст.

⁴⁰ *Бессмертный* 1991. С. 224.

⁴¹ *Бессмертный* 1991. С. 117; *Габдрахманов* 1996. С. 170, 181.

⁴² «...grant plenté des plus sages, des plus leauz et des plus anciens homes le Paris»: *Le Livre des métiers*. 1879. P. 2.

⁴³ «Item, que le tiers des amendes qui seront levées, afferans a la porcion des maistres dudit mestier pour la causes desus dictes, soient pour soustenir les povres

Заболевший мастер, как и мастер, оставивший ремесло насовсем или ушедший «за море» (в крестовый поход), мог продать своего ученика⁴⁴, а его ученик мог выкупиться. Но нигде таким правом не наделялись пожилые мастера, а определение «больной» не означало «старый».

Когда уставы фиксируют требования, которым должен был соответствовать мастер, чтобы учить учеников, возрастные ограничения почти всегда связаны с «излишней» молодостью. Старость сама по себе таким основанием не являлась. Каковы признаки излишней молодости учителя?

Мастер или мастерица должны были проучиться полный срок, так как меньший срок представлялся корпорациям недостаточным, чтобы знать ремесло и обучать другого, какова бы ни была причина незавершенности обучения (изготовители четок из кораллов и раковин (XXVIII), гранильщики хрусталя и драгоценных камней (XXX), прядильщицы шелка на малых веретенах (XXXVI), резчики-скульпторы (LXI)). Некоторые профессиональные сообщества требовали, чтобы и после завершения собственного обучения мастер или мастерица поработали в ремесле, обычно – 1 год и 1 день (волочишьчики проволоки (XXIV), ткачихи шелка (XXXVIII), мастерицы, изготавливавшие вышитые шляпы (XCV)). Изготовители меховых шляп (XCIV) запрещали брать ученика, если мастер был недостаточно опытен⁴⁵. Не об опыте, но знании ремесла, о достаточном благоразумии и достатке мастера беспокоились изготовители железных пряжек (XXI), изготовители четок из кораллов и раковин (XXVIII), изготовители крепа (XXXVII), сукноделы (L) и ременьщики (LXXXVII), и это скорее универсальные характеристики, которые могут быть отнесены к людям любого возраста.

В целом молодости свойственны незнание, неразумие, легкомыслие и глупость, такой она представлена в регламентах. «Из-за неразумия людей молодых и несведущих» могут происходить распри – гласит преамбула «Книги ремесел»⁴⁶. Безумие, легкомыслие, нечестность и глупость учеников называются мастерами в качестве главной причины их побегов. Так считали ножовщики–изготовители черенков для

---

vielles gens du dit mestier qui seront dechez par fait de marchandise ou de vellece»: Le Livre des métiers. 1879. P. 146. XIV ст.

⁴⁴ То есть уступить другому мастеру ученика, не доучившегося положенный срок. Выгодно для мастера–покупателя, получавшего таким образом скорее квалифицированного работника, чем недоучку. О примерах из истории немецких ремесел XIV–XV вв. см.: *Стоклицкая-Терешкович*. 1933. С. 7.

⁴⁵ Le Livre des métiers. 1879. P. 206. V ст.

⁴⁶ Le Livre des métiers. 1879. P. 1.

ножей (XVII), изготовители ящиков и замков (XIX), железных пряжек (XXI), игральные кости (LXXI), ременники (LXXXVII). Хотя «заносчивость» (или упрямство) и «дерзость» не обязательно присущи именно молодым. Так могли себя вести и мастера, и подмастерья, если не желали слушать старшину, повиноваться ему, платить штрафы⁴⁷. Это не возрастные характеристики.

Единственное в «Книге ремесел» упоминание о пожилых женщинах выглядит скорее риторической фигурой: в уставе старьевщиков (LXXVI) была зафиксирована коллективная жалоба на тех, кто ведал в Париже ночным караулом. В последние годы те отказывались давать мастерам освобождение, если просьбу передавали через подмастерьев, слуг или соседей, требуя, чтобы приходили жены мастеров — «красивые, некрасивые, старые или молодые, слабые или беременные». Очень дурно и очень плохо, говорили старьевщики, чтобы женщина сидела в Шатле дотемна, пока не назначат караул, а затем шла в такой час по такому городу, как Париж, одна, со слугой или со служанкой, или без того или без другой по чужим улицам до своего дома, из-за этого бывали несчастья, грехи и бесчестья⁴⁸.

При этом само по себе присутствие в документах свидетельств о возможной старости человека выступает, по мнению исследователей, отличительным признаком эпохи, когда люди стали доживать до такого возраста⁴⁹.

Возраст человека — факт биологический, однако он, как и гендер, является «биологическим фактом, влекущим за собой социальные последствия»⁵⁰.

Анализ относительных и абсолютных определений возраста потребовал называть множество чисел, из которых «Книге ремесел» принадлежит только одно — «60 лет», в итоге оказавшиеся мнимым возрастом. Парижские ремесленники и торговцы XIII века не нуждались в этих числах, в отличие от своих потомков, впрочем, тоже далеко не всегда испытывавших такую потребность, полагавших женатого человека взрослым и состоятельным, независимо от того, сколько лет ему исполнилось⁵¹.

---

⁴⁷ Уставы булочников (I, *Le Livre des métiers*. 1879. P. 12. XLVI и XLVIII ст.), каменщиков (XLVIII, *Ibid.* P. 57. XIX ст.).

⁴⁸ «...leur fames en propre parsons, soient beles soient ledes, soient vielles ou jeunes, ou foibles ou grosses...»: *Le Livre des métiers*. 1879. P. 166. XXXIV ст.

⁴⁹ *Бессмертный* 1991. С. 112–113; *Габдрахманов* 1996. С. 181.

⁵⁰ *Клатиш-Зубер* 2009. С. 13.

⁵¹ *Кириллова* 2007. С. 349–350.

БИБЛИОГРАФИЯ**Источники**

- Archives législatives de la ville de Reims / Publ. par Varin P. P., 1847. Pt. 2. Statuts. Vol. 2.
- Le Livre des métiers / Publ. par R. de Lespinasse et Fr. Bonnardot. P., 1879. Réimp. Genève, 1980.
- Les métiers et corporations de la ville de Paris, XIV-XVIIIe siècles / Publ. par R. de Lespinasse. P., 1886. T. III: Tussus, étoffes, vêtements, cuirs et peaux, métiers divers.

Исследования

- Ар'ес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999.
- Грацианский Н.П. Парижские ремесленные цехи в XIII–XIV столетиях. Казань, 1911.
- Кириллова Е.Н. Структура ремесленных уставов по «Книге ремесел» Этьена Буало // СВ. Вып. 60. М., 1997. С. 89–106.
- Кириллова Е.Н. Мастера и ученики: возрастные ограничения в ремесленных корпорациях Реймса // Мир Клио. Сборник статей в честь Лорины Петровны Репиной. Т. 1. Под ред. А.Г. Суприянович. М., 2007. С. 349–356.
- Кириллова Е.Н. Влияние регламентации на семейное положение и благосостояние ремесленников // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / Гл. ред. Л.П. Репина. 23. Специальный выпуск: Брак и семья в контексте гендерной истории. М., 2008. С. 212–225.
- Кириллова Е.Н. «Пошлины» и «обычаи»: о термине «кутюмы» в парижской «Книги ремесел» // СВ. Вып. 74 (1–2). М., 2013. С. 199–235.
- Клатиш-Зубер К. Появление женщин // История женщина на Западе. Т. II : Молчание средних веков / Под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро. СПб., 2009. С. 11–20.
- Право в средневековом мире / Под ред. И.И. Варьяш, Г.А. Поповой. М., 2009.
- Столцикая-Терешкович В.В. Немецкий подмастерье XIV–XV веков. М., 1933.
- Bellavitis A. Education // A Cultural History of Childhood and Family in the Early Modern Age / Ed. by S. Cavallo and S. Evangelisti. L., N.Y., 2014. P. 95–111.
- Epstein S.A. Wage Labor and Guilds in Medieval Europe. Chapel Hill; L., 1991.
- Reynaud J. Un vieux corps de métier marseillais: les auffiers. Marseille, 1929.
- Robin-Romero I. Les orphelins de Paris. Enfants et assistance aux XVIe–XVIIIe siècles. P., 2007.

BIBLIOGRAFIJA**Istochniki**

- Archives législatives de la ville de Reims / Publ. par Varin P. P., 1847. Pt. 2. Statuts. Vol. 2.
- Le Livre des métiers / Publ. par R. de Lespinasse et Fr. Bonnardot. P., 1879. Réimp. Genève, 1980.
- Les métiers et corporations de la ville de Paris, XIV-XVIIIe siècles / Publ. par R. de Lespinasse. P., 1886. T. III: Tussus, étoffes, vêtements, cuirs et peaux, métiers divers.

Issledovanija

- Ар'ес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999.
- Грацианский Н.П. Парижские ремесленные цехи в XIII–XIV столетиях. Казань, 1911.

- Kirillova E.N. Struktura remeslennykh ustavov po «Knige remesel» Jet'ena Bualo // SV. Vyp. 60. M., 1997. S. 89–106.
- Kirillova E.N. Mastera i ucheniki: vozrastnye ogranichenija v remeslennykh korporacijah Rejmsa // Mir Klio. Sbornik statej v chest' Loriny Petrovny Repinoj. T. 1. Pod red. A.G. Suprijanovich. M., 2007. S. 349–356.
- Kirillova E.N. Vlijanie reglamentacii na semejnoe polozhenie i blagosostojanie remeslennikov // Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii / Gl. red. L.P. Repina. 23. Special'nyj vypusk: Brak i sem'ja v kontekste gen-dernoj istorii. M., 2008. S. 212–225.
- Kirillova E.N. «Poshliny» i «obychai»: o termine «kutjumy» v parizhskoj «Knigi remjoesel» // SV. Vyp. 74 (1–2). M., 2013. S. 199–235.
- Klapish-Zuber K. Pojavlenie zhenshhin // Istorija zhenshhina na Zapade. T. II : Molchanie srednih vekov / Pod obshh. red. Zh. Djubi i M. Perro. SPb., 2009. S. 11–20.
- Pravo v srednevekovom mire / Pod red. I.I. Var'jash, G.A. Popovoj. M., 2009.
- Stoklickaja-Tereshkovich V.V. Nemeckij podmaster'e XIV–XV vekov. M., 1933.
- Bellavitis A. Education // A Cultural History of Childhood and Family in the Early Modern Age / Ed. by S. Cavallo and S. Evangelisti. L., N.Y., 2014. P. 95–111.
- Epstein S.A. Wage Labor and Guilds in Medieval Europe. Chapel Hill; L., 1991.
- Reynaud J. Un vieux corps de m tier marseillais: les auffiers. Marseille, 1929.
- Robin-Romero I. Les orphelins de Paris. Enfants et assistance aux XVIe–XVIIIe si cles. P., 2007.

Кириллова Екатерина Николаевна, доктор исторических наук, ученый секретарь Института всеобщей истории РАН; kkirillova@mail.ru

Age as a relative number: People of different ages in the “Book of the Trades” of Paris

This article, based on the guilds' statutes (the «Book of the Trades» of Paris, 13th c.) is dedicated to the absolute and relative definitions of age, and the social component of masters', journeymen' and apprentices' ages. The analysis of absolute and relative definitions of age produced a god deal of numbers, and only one of these – ‘60 years’ – belonged to the ‘Book of the Trades’; and this number was an imaginary one. The 13th century Parisian artisans and merchants did not need these numbers, unlike their descendants, who did not always feel this need as well, since they thought a married man to be adult and financially independent, regardless of how old he was.

Keywords: age as a social category, social status, master — journeyman — apprentice, «Book of the Trades» of Paris.

Ekaterina Kirillova, Dr.Sc. (History), Academic Secretary of the Institute of World History; kkirillova@mail.ru

Н. А. СЕЛУНСКАЯ

ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА НЕРАВНЫХ: СВИДЕТЕЛИ, ВЕДЬМЫ И ИНКВИЗИТОРЫ В ВЕНЕЦИИ XVI ВЕКА

Процессы и разбирательства, которые нас интересуют, шли с середины XVI в. по 1580-е гг. в Венеции. Историография ведовских инквизиционных процессов обширна, но наименее изученным аспектом является именно выяснение того, как осуществляется коммуникация. В данной статье фокусируется проблема взаимодействия заведомо неравных сторон: неравных по социальному или гендерному статусу, а также противопоставленных ситуативно (*ad hoc*). Тактики защиты при схожести обвинения могли быть разными: от прямого физического уклонения от встречи с дознавателями, или хотя бы отрицания наиболее тяжелой и трудно доказуемой вины, до полного сотрудничества со следствием, с сообщением большого объема информации по делу, чем это была испрошено инквизиторами, саморазоблачения и доноса на ближних и товарок. Истории ведьм и знахарок Венеции, правовые казусы интересны помимо прочего тем, что показывают особые возможности построения поля коммуникативных связей, пространство диалога неравных. Преступление (ведовство, знахарство, магические практики) и наказание за них – как бы два зеркальных мира, имеющих нечто общее – возможность осуществления коммуникации, невзирая на различие статусов и дискурсов.

Ключевые слова: *ведовство, Венеция, вольгаре, volgare, гендер, inquisitio, история права, история повседневности, коммуникация, народная религиозность, XVI век.*

В данном исследовании фокусируется проблема особенностей коммуникации заведомо неравных сторон: неравных по социальному и гендерному статусу, а также противопоставленных ситуативно, т.е. исполняющих роли обвинителей (дознавателей) и обвиняемых (или свидетелей, но, возможно, одновременно и подозреваемых).

Речь идет о сложных, составных казусах: случаях дознания относительно ведовских и магических практик, а именно: гаданий, предсказаний, знахарства с обращением к потусторонним нечистым силам. Процессы и разбирательства, которые нас интересуют, шли с середины XVI в. по 1680-е гг. в Венеции, одном из самых примечательных центров городской культуры эпохи.

Историография ведовских инквизиционных процессов обширна, но, безусловно, наиболее острым и наименее изученным аспектом является то, как функционирует принцип *inquisitio*, как осуществляется коммуникация, как вообще может строиться диалог и некоторое взаимное понимание следователя и подследственного в стрессовой ситу-

ации дознания. Далеко не все исследователи задаются этими вопросами и пытаются на них ответить. В прекрасном и подробном историографическом очерке Микелы Валенте, отражающем современное состояние литературы и методов исследования, этим темам уделено должное внимание, не снимающее остроты изучаемой проблемы¹.

Я выделяю для себя в данном случае работы по инквизиционным ведовским процессам в Сиене как близкие по хронологии и по некоторым постановкам вопросов, в связи с проблемами ведовства и медицинский знаний под прицелом инквизиции², а также исследования магических практик и поклонения дьяволу³.

Среди русскоязычных исследовательских трудов по этой проблеме можно выделить работы О.И. Тогоевой, однако в них (на французском материале) педалируется особая ситуация буквального «выпытывания» правды, применения насилия, болевого воздействия на подозреваемых, находящихся под угрозой смертной казни⁴.

Меня же занимает состояние более свободной во всех смыслах коммуникации, при которой диалог поддерживается без угрозы физического насилия и пытки, где на кону не стоит жизнь или смерть на костре. При этом существовали случаи разбирательств, при которых главное подозреваемое лицо так и не обнаруживается до конца следствия или выявляется в самом его конце, а также случаи, когда установленная на основе множества свидетельских показаний главная подозреваемая не участвует в процессе лично, скрывается или ссылается на болезнь, приковавшую к постели. Свидетели, даже рискующие стать соответчиками, не испытывают такого страха и стресса, как уже обвиненные и пытаемые. Есть случаи, когда отправным моментом служит исповедь, переходящая затем в дознание, а признание сохраняет, по крайней мере, видимость добровольности, поскольку подозреваемая (в ереси или колдовстве) является добровольно для дачи показаний и свидетельства в пользу своей невинности.

Основной задачей данной работы является исследование дискурсов и режима диалога, которые структурируются в ходе процессов. В то же время юридические особенности, гендерные стереотипы и история церкви – три кита, на которых стоит современная историография ведовского процесса, – включаются в данное исследование как бы

---

¹ Valente 1998.

² Di Simplicio 2000.

³ Ceppari 1999; 2003.

⁴ Тогоева 2006.

в фоновом режиме, не становясь приоритетными вопросами. Это не отменяет того обстоятельства, что в материалах процессов отражена как буква закона и логика инквизиторов (с особой структурой и дискурсом дознания), так и множество разнородных дискурсов самозащиты или простонародных обвинений: свидетельских показаний, указывающих на практики ведовства или случаи одержимости, где в качестве свидетелей выступают не столько уважаемые и компетентные граждане, сколько женщины низкого звания и статуса, товарки и клиентки главных ответчиц и подозреваемых. Такие свидетели могли участвовать на стороне обвинения, но чаще сами были вовлечены в осуждаемые магические действия и в любой момент рисковали оказаться соотвечниками и обвиняемыми.

Различия дискурсов ответчиков (свидетелей) и обвинителей здесь проявляются самым ярким образом. Кроме того, сторона обвинения и, условно говоря, сторона, призванная к ответу или даче показаний, используют разные языки: латынь для выстраивания пунктов допроса и обвинения и простонародную форму нарождающегося итальянского языка вольгаре (притом в особом варианте венецианского диалекта). Заметим, однако, что вопреки общей практике судебного процесса, именно в Венеции нотариус и дознаватель задают вопросы на народном языке и записывают показания так, как их произнес свидетель.

Латынь, основной язык права, разумеется, не исключается полностью. В случае необходимости обвиняемые могли обращаться с прошением о помиловании к властям Светлейшей Республики и лично к Патриарху Венеции через посредника-знатока, который составлял необходимую бумагу на латыни или на вольгаре, но в особой стилистике, близкой языку гуманистов, т.е. письменному ученому языку, а не собственно народному наречию. Латинизированный беловой вариант показаний фрагментарно появляется в заключительной части дела и его записи в виде судебного решения, однако, очевидно, что по ходу развития дела у подозреваемого и свидетеля сохранялась возможность понять и признать подлинность записанного с его/ее слов, так как объем зафиксированных на вольгаре данных превосходит латинизированные записи. Еще раз подчеркнем, что такое движение навстречу «слабой» стороне обычно в средневековой судебной и нотариальной практике не проявляется, ни в случае церковного, ни в случае светского суда.

Любопытно, насколько интернациональным городом была Светлейшая и как много международных связей пересекалось здесь. Весьма показательными являются материалы дознаний и преследования некоей

умудренной опытом женщины, имевшей познания в астрологии и медицине, уроженки Милана, но обитавшей многие годы в Венеции. Имя подозреваемой передается различным образом в разных свидетельствах. Поскольку в официальном инквизиторском дискурсе господствовала латынь, то оно фигурировало в форме Иоанна (Ioanna), в показаниях же, записанных со слов соседей и других знавших женщину жителей Светлейшей республики, встречаются различные формы простонародного произношения имени, от близкого современному итальянскому Джованна, до диалектного (*Astrologa Zuana*). Я предполагаю именовать обвиняемую Иоанной, дабы подчеркнуть официальный характер обвинения и специфику правового свидетельства (в рассказе о повседневной жизни Венеции XVI века было бы предпочтительнее сохранить диалектную форму именования).

На этом случае обвинения и расследования мы остановимся наиболее подробно, поскольку дело Иоанны сложное, давнее, объединяющее ряд смежных проблем и проявляющее ряд особенностей, как собственно дознания и дачи свидетельских показаний, так и примечательных аспектов городской жизни, статусных отношений, гендерной специфики. Иоанна была подозреваемой, неоднократно обвиняемой и ходатайствовавшей о помиловании с раскаянием и обещанием не нарушать предписаний благочестия. Именно такое прошение о помиловании было составлено в 1554 г., явно, судя по стилистике народного, но все же внятного и строгого языка, не самой обвиняемой в колдовстве, но по ее личной просьбе каким-то местным специалистом по ходатайствам, когда встал вопрос об изгнании оной из Венеции⁵. Отметим, однако, что и самой опасной, по мнению властей города, особой, давались некие показания перед трибуналом (или должны были даваться, а также должен был протоколироваться сам факт явки подозрительной особы в трибунал в определенные дни года).

Интерес различных городских властей к судьбе предполагаемой колдуньи, вероятно, затухал и возникал вновь неоднократно. Возобновившееся в очередной раз дознание примечательно тем, что дело Иоанны разбиралось в присутствии самого патриарха Венеции (и Далмации), что указывает на серьезность и сложность казуса. Патриарх не только воплощал своей особой высшую духовную власть Свет-

---

⁵ *Streghe e diavoli nei processi del S Ufficio p.19-20 ...povera et infelice Zuana Milanese ditta astrologa. ...prostrate a piedi di V S himilmente le supplico voglino esser contente per le viscera del Nostro Signor Jesu Christo, qual mediante la sua misricordia mi perdonera ditto peccato.*

лейшей, но и предстал в качестве специалиста в области обоих видов права, что специально отмечалось в записи дела⁶.

Обвинение в сентябре 1556 г. выдвинул секретарь венецианского агента Максимилиана II Габсбурга, императора Священной Римской империи (как указано в источнике, *re de' Romani* – римский король⁷). Самого поверенного в делах императора звали *Domenico Gaztelo*, у него имелся в Венеции дом, обитатели которого – женщины и некоторые слуги – стали свидетелями обвинения, выдвинутого против Иоанны⁸. Подобное свидетельство со стороны слуг и зависимых женщин-приживалок не типично при соблюдении буквы закона, но и не уникально для процессов в Венеции. В числе свидетелей упомянут также ряд лиц высокого ранга, например, капитан Валерьян Фортунат из Терни. Кроме того, обвинение в качестве свидетеля поддержал некий медик, практикующий в Венеции (что также стоит взять на заметку, ибо, кроме познаний в астрологии, Иоанна обвинялась как травница-знахарка, возможно, составлявшая невольную конкуренцию признанным специалистам-мужчинам).

Примечательно имя обвинителя, того самого секретаря имперского агента-поверенного: Томазо Джуринович (*Thomaso Jurinovich*). В такой форме имя выдвигавшего обвинения лица было зафиксировано при его обращении в Трибунал⁹. В начале составленной жалобы с намерением возбудить процесс и преследование Иоанны указывается ее точное (разумеется, точное по понятиям эпохи) место жительства – квартал с указанием главной церкви и лавки района (*San Stefano in calle del Pistrin*). В этой манере до сих пор обозначаются венецианские адреса.

В феврале 1557 или же 1558 г. (дата точно не указана, сохранилось упоминание месяца и дня недели, по которым можно предположить год) последовало повторное ходатайство, составленное от имени Иоанны неким Паоло Дандоло¹⁰. В данном документе Иоанна из Милана названа оставленной женой некоего человека из города Комо. На этот раз мольбы о прощении сопровождались указанием на слабость и плохое самочувствие обвиняемой, которую посетил медик, чья помощь, впрочем, ограничилась тем, что он нашупал пульс больной и не нашел опасности, а также констатировал отсутствие жара. Явно, медик не был беспристрастен, и, возможно, желал осуждения потенциальной

---

⁶ Ibid. P.25.

⁷ *Streghe e diavoli nei processi del S Ufficio*, p. 21.

⁸ Ibid. P. 22.

⁹ Ibid. P. 21.

¹⁰ Ibid. P. 22-23.

конкурентки. Из этого свидетельства мы узнаем, что Иоанна помещалась в доме подле церкви Св. Иоанна Крестителя (Сан Джованни Де-колато), которая существует и сейчас.

В 1564 г. тучи над Иоанной сгустились окончательно: свидетельские показания стали приниматься самим патриархом венецианским. Свидетель, житель контрады Сан Салватор, называет обвиняемую своей соседкой и показывает, что Иоанна предсказывала будущее, т.е. гадала. Судя по тому, что все указанные локации в городе не являются смежными, я предполагаю, что, чувствуя опасность, знахарка-гадалка меняла место жительства, в результате чего некоторое время ей удавалось избегать как преследования центральной власти, так и недоброй молвы и обвинений соседей. Тем не менее, подозреваемая была связана необходимостью являться перед трибуналом два раза в год – в начале сентября и начале марта. Однако, ссылаясь на боль в ноге, она перестала это делать. Вероятно, что стареющая гадалка не могла более скрываться и почти перестала выходить из дому. Даже во время финального процесса, как мы помним, после нескольких попыток уловить и изобличить ведьму, для обвинителей остаются вопросы о ее внешнем виде и особых повадках: у свидетеля пытаются вызнать приметы женщины, ее возраст, манеру одеваться и вести себя. Таким образом, следствию эти точные приметы не были известны. Далее, у инквизиторов возник вопрос, как часто и куда выходит подозреваемая из дома и посещает ли церковь. Свидетель описывает примерный возраст – 57 лет и приметные детали костюма соседки, но не может точно сказать, бывает ли Иоанна в церкви.

Важно отметить, что в этом допросе обвинение максимально идет свидетелю навстречу в смысле языка общения: вопросы задаются на просторечном языке, местном диалекте и таким же образом фиксируются. Вот, например, очень важный пункт: вопрос о посещении церкви предполагаемой колдуньей. Можно констатировать, что не только ответ венецианского горожанина-простолюдина, соседа Иоанны, но и вопрос к нему прозвучал на народном языке вольгаре, поскольку содержал не слово «ecclesia» («экклесия»), и даже не вольгаризированный его вариант «Chiesa», характерный для нарождающегося итальянского языка и зафиксированный в нотариальных актах, а, следовательно, известный даже простолюдинам, но именно типично венецианский диалектный вариант произношения: *gesia*, наиболее понятный свидетелю¹¹.

---

¹¹ Вопрос дознавателей задан и утрирован в диалектной форме: P. 26 *Vala fuora de casa? Vala in gesia?*

Этот пункт о посещении церкви (какой-либо приходской или собора, или монастырской мессы) был весьма важен как для определения того, остается ли подозреваемая в ведовстве христианкой, так и для решения вопроса о том, насколько худо здоровье обвиняемой и может ли она выходить из дому. Видимо, поэтому вопрос был задан в максимально доступной форме. Свидетель, тем не менее, отговаривается незнанием, как и вообще не дает развернутых ответов на большинство вопросов о его личном знакомстве с ведьмой, хотя и признает, что обращался к ее услугам, надеясь с помощью ведовства найти случившуюся у него пропажу. Иоанна, однако, не указала грабителей, а посоветовала соседу искать пропажу у себя же в лавке-мастерской (*botega*).

Свидетель дополнительно показал, что не платил Иоанне, но та принимает мзду за свои предсказания от других, готовых расплатиться за ее советы¹². Кроме того, сосед предполагаемой ведьмы видел, кто посещал ее дом и щедро поделился этой информацией со следствием, назвав имена и статус клиентов Иоанны¹³, вплоть до описания примет: например, чернобородый, полный, носит одежду чужеземного покроя и т.п. В том числе, таким подробным образом были описаны и названы по имени двое: Юлиус (Джулио) Сала и Бартоломео, вице-капитан Совета Десяти, весьма могущественного органа Светлейшей Республики¹⁴. Можно было бы счесть такую смелость, как показания против лиц высокого социального статуса, признаком вольнолюбивого духа венецианцев, однако не меньше оснований полагать, что дело здесь не только в нем, но и в известном противостоянии светской и церковной власти в Венеции, благодаря чему подобные обвинительные свидетельские показания были не только произнесены, но и зафиксированы письменно и официально. Как видно, клиенты из числа состоятельных граждан не подвергались никаким репрессиям и даже могли от щедрот своих внести денежный залог-штраф за томящуюся в карцере знахарку. Возможно, однако, что столь компрометирующий материал в отношении конкретных высокопоставленных лиц мог быть использован выборочно, в удобный момент, их возможными противниками. Записи, в любом случае, остались и сохранялись.

Несколько нарочитым выглядит то, что два опрошенных друг за другом свидетеля по делу Иоанны немедленно показали на одно и то

---

¹² Ibid. 26: “mi non ghe ho dato cosa alcuna, ma chi ghe da, la tuol”.

¹³ P. 27: un seignor Julio Sala bressan, el qual continuamente pratica in casa di questa dona

¹⁴ Ibid.: ...et anche un vicecapitano di Cai, un Bartolomeo ...che veste alla forestiera

же достаточное известное в Венеции лицо. В принципе, не так уж странно, что новый свидетель первым делом отметил в кругу близких друзей и покровителей обвиняемой того самого человека, которого только что описал его предшественник – люди, жившие по соседству, должны были равно замечать постоянного клиента подозреваемой ведьмы. Однако в их показаниях есть почти дословные совпадения, как бы запись под копирку, чего обычно не встречается в аналогичных случаях: серийные показания свидетелей по одному делу, как правило, содержат гораздо меньше повторов. В данном случае, в обоих свидетельских ответах подчеркивается, что этот господин не просто посещает Иоанну, но имеет к ней особый доступ, и что даже из дома Иоанна выходит без сопровождения служанки, но исключительно с этим лицом. Статус покровителя ведьмы оказался весьма примечательным: то был вице-капитан Совета Десяти. Такой согласованный донос двух свидетелей на столь примечательного человека, занимавшего ответственный государственный пост, как мне кажется, стоит отметить.

Своеобразный, не похожий ни на кого стиль рассказа продемонстрировал свидетель по имени Марко Каравелла, который не отличался высоким статусом, но держал себя в присутствии высокопоставленных дознавателей вызывающе свободно. Свидетель сообщил, что к гадалкам, по его мнению, ходят многие горожане, даже благородные господа и священники¹⁵. Свидетель утверждал, что в самом начале общения гадалка (Иоанна) не испрашивала плату, но в итоге зарабатывает за день больше, чем он за неделю в своей мастерской-лавке (ботеге)¹⁶. Свидетель уточнил и то, какой взнос, в конце концов, он сам сделал гадалке в местной монете – одну мелкую монету (*una gazeta*)¹⁷. Возможно, предположения об огромных заработках Иоанны не имели особых оснований, но важно отметить, что вопрос этот интересовал равным образом и соседей обвиняемых в ведовстве, и инквизиторов, причем и те, и другие, вероятно, совпадали в старании приписать мнимым ведьмам корысть и стяжание в огромных размерах через предосудительное ремесло.

---

¹⁵ P. 29: “...la fa struologie, che vien tante persone, et preti, et frari, et zentil-homenia domandarme d’ essa”.

¹⁶ P. 30: et la vadagna tanti danari per questo che magari vadagnasse in una settimana nela mia botega quell che la vadagna in un zorno.

¹⁷ P. 28: la prima volta ghe ho dato una gazeta et poi non ghe ho dato altro (т.е. свидетель показал, что уплатил в первый раз самую мелкую монету, и более никаких приношений не делал).

Если вернуться к частностям расследования вины Иоанны, то весьма важное практическое значение имел вопрос, выходит ли гадалка из дому. Дело в том, что согласно особому указанию 1560 года гадалка должна была являться дважды в год – в первые дни марта и сентября перед особым Трибуналом и свидетельствовать о своем послушании и примирении с церковью и властями Светлейшей. В 1561-63 гг. женщина исполняла эту явку аккуратно, правда, не в первый день месяца, а во второй или третий за одним исключением: 3 марта 1562 года возможная ведьма не явилась, послав предупредить о своей болезни и слабости. С сентября 1562 г. и по 1564 г. обвиняемая демонстрировала покорность и приходила в Трибунал. За это время поменялся писец, делавший записи о вызове и явке ведьмы: в начале документа имя значится в латинизированной форме: Ioanna, затем везде идет диалектная форма (Zuana).

Так продолжалось вплоть до марта 1564 г., когда в третий день месяца было зафиксировано, что провинившаяся Иоанна/Джованна не может ходить и даже двигаться по дому, она лежит и не встает. Аналогичные записи следуют до 1568 года¹⁸. Подозреваемая постоянно манкирует долгом повиноваться Трибуналу и являться лично, Трибунал присылает доверенных лиц для освидетельствования больной или мнимой больной. В это время, по различным показаниям, ведьме было от 50 до 60 лет, причем ближе к рубежу 60-ти лет.

Опрос свидетелей, знавших гадалку, продолжался. Самое любопытное об Иоанне сообщает ее близкий знакомый, «иностранец» из Брешии, которого упоминали многие свидетели как постоянно общающегося с ведьмой. Это был довольно молодой человек по имени Julius Sala, на высокий статус которого указывает форма обращения к нему дознавателей: Signoria Vostra (недопустимая в случаях опроса предыдущих лиц – купцов или мастеровых). Благородный господин признается, что встречал Иоанну практикующей в других городах Севера Италии: Пьяченце, Милане и Брешии. Их первая встреча произошла в Пьяченце в доме местного графа¹⁹. Из этих показаний следует, что еще, как минимум, 14-15 лет назад Иоанна практиковала то же самое умение предсказывать будущее, гадая по руке.

В момент допроса свидетеля – представителя элиты происходит или должно было произойти очередное видоизменение формы диало-

---

¹⁸ P. 40-44.

¹⁹ P. 31 La conosco credo che'l sia da 14 in 15 anni, in Piacenza in casa del conte Villachiarà...

га. Опрашиваемый стоит не ниже, а может быть, и выше ряда дознавателей на ступенях социальной лестницы. Упомянутые в данных свидетельских показаниях люди, например, граф из Пьяченцы, также принадлежат нобилитету. Высокий статус замешанных в это дело лиц несколько не гарантирует их неподсудности, однако он важен для возможности понять особый статус гадалки, подозреваемой в ведовстве: ее клиенты – знатные иноземцы и венецианцы, следовательно, сама Иоанна принадлежит не к тому же кругу, что ее соседи – лавочники и мастеровые. Собственно, уместен вопрос, является ли решающим фактором в определении статуса (и участи) женщины обвинение в колдовстве (или самооговор как предсказательницы и ворожей), либо статус предполагаемой ведьмы определяется кругом знакомств, уровнем покровителей.

С точки зрения внутренней драматургии сюжета о ведьме кульминационный момент наступил тогда, когда показания против Иоанны должен был дать ближайший и многолетний ее спутник Бартоломео, вице-капитан Совета Десяти. Его допросили в мае 1564 г., одновременно с молодым другом гадалки Сала. В выбранном нами ракурсе исследования данный момент развития диалогового пространства весьма важен. В это пространство призван не просто человек повышенного статуса, но лицо, имеющее власть, исполняющее важную для государства должность. Никаких отговорок от участия в дознании опрашиваемый не изобретает и ведет себя перед трибуналом так же, как и его предшественники-простолюдины. Более того, свидетель пытается рассказать больше, чем этого требует простой ответ на вопрос.

С первых же слов свидетель заявляет, что подозреваемая в ведовстве женщина была его подругой долгое время²⁰, вплоть до Пасхи текущего года, когда любовники решили расстаться и исповедоваться²¹. Что это? Волевое решение и покаяние, которое, однако, повлекло за собой новый виток разбирательств и дознаний, или же трезвый план, осуществленный тогда, когда тучи окончательно сгустились над обоими? Даже отвечая на вопрос, одержима ли духами его бывшая любовница, пылкий вице-капитан успевает показать, что гадалка – самая привлекательная женщина во всем христианском мире. Правда,

---

²⁰ P. 33 Interrogatus: Cognosseu una donna Zuana Milanese...? Respondit: La conosco come fano li homeni

²¹ P 34 Fuit sibi dictum: Ela vostra femena

Respondit: La e stata fino questa Pasqua.. et mi ho confessado et communicado, et cosi anche essa se ha confessa

даже по мнению Бартоломео, это свидетельство того, что миланка все же была одержима. Возраст женщины указан так: примерно 50-54 года²². Это признание вместо свидетельских показаний занимает две страницы с небольшим в публикации, но история любовников и их совместная жизнь развивалась многие годы, мужчина удалялся только на время составления гороскопа или ночного гадания по звездам²³.

Дискурс, носителем которого был свидетель (а, фактически, сожигатель и соучастник ведьмы), весьма примечателен. Это не речь простолюдина, но и не вполне язык представителя элиты, по крайней мере, элиты интеллектуальной: характер службы свидетеля не предполагал ни покорения высот схоластики, ни упражнений светского гуманистического начала. Язык показаний более чем живой и неформальный, это почти разговор по душам с дознавателями, в котором сожигатель и вероятный пособник ведьмы не скрывает своих чувств к обвиняемой.

Еще более странным для читателя, настроившегося на историю противоборства «инквизитор – допрашиваемый», выглядит язык показаний вызванного вслед за незадачливым любовником стороннего свидетеля – торговца вином и зерном, иностранца (происходившего из Бергамо), поселившегося в Венеции по соседству с гадалкой. На вопрос о вовлеченности соседки в ведовство и колдовство добрый сосед отвечает: «Люди говорят о ней так-то, она сведуща в Астрологии». Однако сознательно и от своего лица свидетель не обвиняет подозреваемую, несмотря на все наводящие вопросы. На вопрос, часто ли выходит Иоанна из дома, со двора, свидетель отвечает более чем невежливо и заносчиво, совсем не так, как отвечают представителям власти. Буквально реплика свидетеля звучит следующим образом: «Да как же вы хотите, чтобы эта женщина выходила из дома? Ведь она и вовсе ступать не может, у нее же нога больная!»²⁴. Такая стилистика речи, отметим, характеризует статус купца, торговца прибыльным товаром, который в Италии изучаемого периода входил в городскую элиту, т.е. вызванный на допрос был далеко не последним человеком. Нарочитая простота и даже грубость ответа демонстративна, в нем проскальзывает желание защитить соседку от обвинений.

Как указывалось выше, автору данной работы важен не только и не столько порядок ведения дел дознания и обвинения, не только их формальное начало и разрешение ситуации – наказанием или проще-

---

²² P. 35.

²³ Ibidem.

²⁴ P. 37: «Interrogatus: vala spesso fuora la casa?

Respondit: Ma se la no puol caminar, come voleu che la vada fuora de casa?».

нием, но сам стиль и характер общения, который сохранили письменные свидетельства. Однако некоторые обстоятельства правовых казусов, формальные причины возобновления дел или начала дознания важны именно тем, что в них отражаются дискурсивно важные моменты, особенности менталитета участников взаимодействия.

Поэтому мое внимание не может не привлекать то обстоятельство, что основные события по делу Иоанны стали происходить по нарастающей именно после того, как предполагаемая ведьма и ее любовник прибегли к исповеди. Этот аспект также достоин быть вписанным в изображение пространства диалогов неравных. На этом мы оставим на время столь примечательный и богатый казус Иоанны и перейдем к делам других подозреваемых в ведовстве.

Следующее дело по обвинению в ведовстве, на котором мне хочется сконцентрировать исследовательские усилия, хотя и велось гораздо позже – в июне 1587 года, перекликается с казусом гадалки тем, что формально началось с исповеди. Оно также обращает на себя внимание рядом своеобразных черт.

Главная обвиняемая по имени Изабелла не ждет пассивно своего часа, пока собираются свидетельские показания за и против нее, а сама, от первого лица дает показания, при этом дознание является прямым продолжением исповеди²⁵.

Услышав рассказ своей духовной дочери, духовник посылает ее прямо к инквизиторам, поскольку именно и исключительно инквизиторы имеют право отпускать некоторые особые виды прегрешения и проступков. Все участники и свидетели этой ситуации не находят в данной практике ничего странного и исключительного, по крайней мере, никак не проявляют своего изумления. Возможно, бдительные духовники приходского уровня получали поощрение и новую ступень в карьере, а нерадивые, не вступившие в переговоры с вышестоящими относительно своих духовных чад исключались из карьерного резерва и отрезали себе возможности, пусть в такой неприглядной роли, войти в пространства диалога неравных.

Дело Изабеллы, которое мы начинаем анализировать, обращает на себя внимание и тем, что некоторые свидетельства являются, по сути, кратким или пространным, но точным пошаговым руководством по колдовству и призыванию нечистых сил (на свою сторону).

Изабелла курьезным образом берет на себя инициативу развития собственного дела и пускается в подробности, о которых ее не успели

---

²⁵ P. 217: ...sponte venit et comparuit missa a suo confessario...

спросить инквизиторы. В частности, важным рецептом исполнения желаний, которому в свое время научили теперешнюю колдунью другие, опытные в магических практиках, является совет прочесть 33 раза “Отче наш” за самую бедную несчастную душу осужденного преступника. Затем уже колдунья вправе потребовать от этого духа исполнения своих прихотей²⁶. Кроме того, Изабеллу обучили специальной дьявольской просительной молитве, которую можно творить исключительно под Рождество. Изабелла рассказывает, что ведьма, раздевшись, должна обратиться к собственной тени и вступить с ней в сложные переговоры, ласково именуя тень сестрой²⁷. На протяжении нескольких страниц идет запись рассказа Изабеллы о тех магических практиках, которым ее учили другие товарки, чьи имена Изабелла не скрывает. Не шадит она и собственную мать, заверяя, что та привержена именно таким началам магии. В новой перспективе предстает описываемое нами пространство диалога: донос, которым по сути можно назвать рассказ ответчицы, необыкновенно расширяет познания и компетенцию дознавателей, а, кроме того, и круг заочных участников. Получается, что целый ряд, если не большинство знакомых Изабелле женщин, ее товарок и кровной родни – причастны к миру гаданий и магических практик, более того, постоянно проводят нечто вроде интерактивных занятий по совершенствованию в магии.

В записи нет никакого намека, никаких следов применения физического принуждения или хотя бы наводящих вопросов, спонтанная квази-исповедь продолжается как бы сама по себе. В заключительной части своих признаний Изабелла сообщает, что сама пожелала оставить магические практики во время Великого Поста, надеясь приступить к исповеди на Пасху²⁸. В сущности, тема этого признания – самооправдание и помощь в выявлении других ведьм, т.е. свидетельские показания Изабелла произносит не столько в свою пользу, сколько против других знакомых ей женщин.

Это не единственное дело, в котором основную роль играют признания и показания женщин: например, в октябре 1582 г. группа соседей, состоящая из четырех женщин и двух мужчин, обвиняют в ведовстве некоего Руджеро (Ruggiero) специалиста в изготовлении

---

²⁶ P. 218: “et me faceva dire 33 pater nostril per la piu povera anima che se stata giustitiata...”

²⁷ P. 220: “Buona sera, ombria mia, sorelaa mia”.

²⁸ P. 226: “Io ho buttato via ogni cosa, tutto tutto, questa Quaresima, perche mi voleva confessare questa pasca”.

миниатюр²⁹. Примитивные схемы описания гендерного неравенства и распределения активной и пассивной роли между женщинами и мужчинами применительно к Венеции XVI века не работают.

Естественно, обвинители и ответчики обладали неравным уровнем образования, разной логикой мышления и руководствовались разными жизненными ориентирами. Но интересно, что при этом заведомо подчиненная сторона – свидетель или возможный соответчик – имеет определенную свободу самовыражения, может поправить формулировку вопроса, отвергнуть ее вовсе или уточнить детали, о которых не знал или не догадывался инквизитор. Разумеется, некоторые воззрения у дознавателей и свидетелей или же обвиняемых были общими. И те, и другие верили в одержимость людей духами, в духов, заключенных в объекты: кольца, ампулы, сосуды (упоминался даже бокал мурановского стекла), так сказать, локальная специфика наживки для улавливания нечистых духов.

Инквизиторы и опрашиваемые имели сходные представления о признаках ведьм, а также их умениях и магических практиках: например, распущенные по плечам волосы или особый цвет свечи, зажженной женщиной, подозреваемой в знахарстве или гаданиях, свидетельствовали, безусловно, против нее и даже взятые отдельно, сами по себе, без дополнительных обстоятельств или подозрений, эти особенности поведения годились для обвинений в ведовстве.

При этом по логике обвинителей в круг предосудительных и караемых включались не только действия, но и умения или способности: в том числе: лечить инфекции (прежде всего, «французскую болезнь»), снимать боли и вправлять вывихи. Такие навыки, например, демонстрировала другая Иоанна (Джованна) по прозвищу Семолина, которая, в отличие от первой нашей героини, подверглась гонениям и содержанию в карцере в 1584 г.³⁰ Иоанна была дочерью ремесленника-красильщика, уже покойного к моменту начала ее преследования (на что указывает, по обыкновению, словосочетание: *quondam magistri Dominici tintoris*), а также оставленной (*relicta*) женой Лазаря³¹. Эта обвиняемая, делом которой вновь заинтересовался лично патриарх, в отличие от некоторых других подозреваемых, не шла первоначально

---

²⁹ Р. 53.

³⁰ Материалы процесса обширны (Р. 63-86). Самые подробные сведения о врачебной практике этой ведуньи и знахарки дал монах Иоанн Доминик из ордена доминиканцев (см разбор ниже). В источнике показания занимают всего страницу (р. 69), но они весьма примечательны.

³¹ Р. 64.

на контакт с дознавателями и отвечала на вопрос, знает ли, почему подверглась преследованию, отрицательно: т.е. буквально, «знать не знаю и ведать не ведаю, не могу представить, в чем меня обвиняют»³². На вопрос же о том, правда ли, что в ее доме бывают нобили Венеции, а также знатные и другие особы, чужестранцы, в том числе благородные женщины, подозреваемая отвечает, что подобные люди бывают не иначе как с целью получить медицинский совет, ибо она занимается врачеванием уже 16 лет (употреблены термины «профессия» и «искусство» – *professione, arte*), чем и объясняется ее известность. В данном казусе также подмечена и отражена возможность коммуникации неравных по статусу.

В то же время Иоанна Семолина категорически отрицала то, что занималась гаданиями и предсказаниями. Сам строй подробных вопросов, которые более не задавались ни одной из подозреваемых в ведовстве женщин, наводит на мысль о том, что основания для расспросов и некоторые конкретные косвенные улики или устные наветы были, а подобная практика гаданий, в том числе в связи с вопросами выборов и внутренней политики светлейшей Республики, была знакома Семолине. Однако избранная для защиты тактика оставалась прежней: никаких признаний, кроме факта оказания медицинской помощи. Вообще же о подобных ведуньях шла особая слава и вера в их способности разыскивать пропавшие предметы (строить предположения о местонахождении потерянного или украденного).

В материалах дела есть одно свидетельство о том, что подозреваемая оказывала помощь в качестве ворожеи, но не с целью заставить законопослушного гражданина оставить свой долг и дом, а напротив, вернуть под супружескую сень и в семейный круг человека, вступившего в связь с известной проституткой. Показания свидетеля достаточно расплывчаты и не позволяют четко приписать это деяние Иоанне, тем более не позволяют установить, что женщина приняла плату за такую «помощь». Показания дал брат того самого посещавшего дурную женщину жителя Венеции, а за помощью к знахарке и ворожее предположительно обращалась жена³³. Правда, весьма авторитетный свидетель брат-доминиканец по имени также Доминик под присягой свидетельствовал, что Иоанна не только умеет прорицать и ворожить, но и учит этому пагубному искусству других женщин округа, а также помогает узнать женам, как и где живет отсутствующий в Венеции муж или

---

³² Ibidem: “io non lo so e ne me lo posso pensare”.

³³ P.71-73.

любимый, жив он или мертв³⁴. Однако свидетельство дается со ссылкой на тех самых женщин, а не от первого лица. Товарки же не выступили с обвинениями по вполне понятным причинам. Показания монаха даются на вольгаре, а не на латыни и, в сущности, нет сомнений, что нищенствующий брат действительно передает реальные разговоры со знакомыми ему мирянками, прибегавшими к помощи ведуньи.

Очевидно, что «слава» среди соседей и заметный статус знатока, ведуньи, были отягчающим обстоятельством при обвинениях, хотя только такая молва могла гарантировать знахарке клиентов и заработок, а, возможно, и влиятельных покровителей. Думается, что свое ремесло эта Иоанна знала хорошо, выполняла исправно и действительно обладала некоторым особым искусством. Нареканий от клиентов ее мастерство не вызывало, иначе за 16 лет кто-нибудь непременно потребовал бы женщину к ответу за причиненный вред и ущерб. Самоидентификацию, имя профессионалки, Иоанна заслужила.

Что касается лиц, выступавших со стороны обвинения, и необходимых им компетенций, то здесь требовалось быть знатоком обоих видов права – римского и церковного, каким являлся, например, патриарх Венеции, перед лицом которого производились дознания и выслушивались показания. Остается открытым вопрос о том, нужен ли был для обвинения высокий статус или статус доверенного лица персоны высокого статуса.

Несомненно, что и для посредничества между обвиненными и властями с целью буквального выкупа вины, т.е. выплаты штрафа и прекращения наказания (например, заключения), если оно было наложено, требовался «приличный», подходящий по статусу поручитель – из достаточно известной семьи и почитаемого ранга. Весьма важной была и роль посредника иного свойства, того, кто делал запись речи – показаний или прошений обвиняемого, или же свидетеля. Конечно, и в этом случае требовалась высокая компетенция, но формальные познания этого посредника не должны были превратить его из переводчика в предателя одинокого голоса человека. И, как мы видим из приведенных выше красноречивых примеров, знание формуляра и юридических тонкостей не заставляло похоронить под грузом формул смысл и оттенок прозвучавшей речи, даже если этот оттенок был недостаточно изящен или просто груб и неприличен в обращении к высокородным

---

³⁴ P. 67: "...et l'occasione con che la connobi fu che haveva inteso dire da diverse donne che lei faceva l arte del' indovinare come stave il marito di questa o di quella absente, come sta, et se e vivo o morto..."

инквизиторам. Диалог неравных, происходивший в области правового поля дознания, был многосоставным, сложным, но все же ни один, самый низший по статусу заявленный участник этого диалога, не терял своего голоса и лица.

Таким образом, пространство диалога неравных нередко выстраивалось вокруг особого центра – самого низшего в иерархии участника и ответчика. С другой стороны, низшие имели возможность помочь вышестоящим, например, медицинским советом или же «сигналом с места», маленький человек с талантом, возжелавший поделиться своими умениями и эзотерическими познаниями, мог быть принят высшими, и тот же низший мог свидетельствовать против высших или же поставлять материалы показаний, на основе которых принимались решения и выносились вердикты обвинителями.

Тактика защиты при схожести обвинения могла быть разной: от прямого физического уклонения от встречи с дознавателями или хотя бы отрицания наиболее тяжкой и трудно доказуемой вины до полного сотрудничества со следствием, саморазоблачения и доноса на ближних и товарок.

Казусы ведьм и знахарок Венеции интересны, помимо прочего, тем, что показывают особые возможности построения поля коммуникативных связей, пространство диалога, многоголосия и общения неравных. Это происходит в момент обращения к ведунье и знахарке достаточно низкого происхождения и неопределенного статуса особ разного положения, включая знатных и влиятельных. Подобное же отмечается при расследовании казусов ведовства через призму правовых методов: в дознание были вовлечены лица различного социального положения и уровня культуры. Преступление и наказание здесь как бы два зеркальных мира, имеющих нечто общее – возможность и необходимость осуществления коммуникации, невзирая на различие статусов и дискурсов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ceppari M.A.* Maghi, streghe e alchimisti a Siena e nel suo territorio (1458–1571). Siena, 1999.
- Ceppari Ridolfi M.A.* Siena e i figli del segreto incantesimo. Diavoli, streghe e inquisitoriali all'ombra del Mangia (con un saggio di Vinicio Serino). Siena, 2003.
- Di Simplicio O.* Inquisizione, stregoneria, medicina. Siena e il suo Stato (1580–1721), Siena, 2000.
- Valente M.* Caccia alle streghe: storiografia e questioni di metodo // Dimensioni e problemi della ricerca storica, 1998. P. 99-118.
http://dprs.uniroma1.it/sites/default/files/valente_0.pdf
- Тогова О.И.* «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М.: Наука, 2006. 334 с.

BIBLIOGRAFIA

- Ceppari M.A.* Maghi, streghe e alchimisti a Siena e nel suo territorio (1458–1571). Siena, 1999.
- Ceppari Ridolfi M.A.* Siena e i figli del segreto incantesimo. Diavoli, streghe e inquisitoriali l'ombra del Mangia (con un saggio di Vinicio Serino). Siena, 2003.
- Di Simplicio O.* Inquisizione, stregoneria, medicina. Siena e il suo Stato (1580–1721), Siena, 2000.
- Valente M.* Caccia alle streghe: storiografia e questioni di metodo // Dimensioni e problemi della ricerca storica, 1998. P. 99-118.
http://dprs.uniroma1.it/sites/default/files/valente_0.pdf
- Togoeva O.I. «Istinnaja pravda». Jazyki srednevekovogo pravosudija. M.: Nauka, 2006. 334 s.

Селунская Надежда Андреевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; liquidmodernity@gmail.com

**The Space of Unequal Dialogue:
witnesses, witches and inquisitors in the 16th-century Venice**

The author of the article has studied the documents related to the accusations of witchcraft made in Renaissance Venice in the 16th c. (1550-80). The article deals with the research in the field of the communication of the unequal participants, unequal thanks to social or gender status and ad hoc interpreting the different roles of the inquisitors, the accused, and witnesses. The accused had employed various ways of defense: 1) they tried to avoid the contacts with authorities, and to escape from interrogation; 2) they admitted to some accusations and denied the gravest of these; 3) they collaborated actively with the inquisitors, supplying the latter with more information than was actually asked of them, and provided material for the future accusations of the others. Looking from this perspective of the study of the communications, the crime and the punishment could be seen as reflections in the mirror: there are two opposite worlds, where the communication of unequal actors with the different discourses and statuses was unescapable.

Keywords: witchcraft, Venice, inquisition, communication, XVI c., everyday life history, religiosity, church history, history of law, gender.

Nadezhda Selounskaya, PhD in History, senior research fellow, Centre for Intellectual History, Institute of World History (RAS)
liquidmodernity@gmail.com, spesbona@mail.ru

В. В. ЧУБАРОВА

МЕСТО И РОЛЬ ПОЛЬШИ В ЕВРОПЕ ГЛАЗАМИ ПОЛЯКОВ

В XVI-XVII вв. в среде шляхты возник миф о Польше как форпосте Европы, защищающем её от угрозы с востока. Разделы Польши способствовали трансформации представления о ее роли: появился образ «Христа народов» – нации, от чьего воскресения зависит будущее Европы. Впрочем, была и противоположная идея – об отсталости страны, необходимости догнать в развитии западные страны. Обретение независимости во многом актуализировало давние мифы – Польша снова виделась многим страной с особой для всей Европы ролью. Соответственно, события Второй мировой были восприняты как новая «священная жертва» Польши. Позднее можно видеть преодоление старых стереотипов – страна, отрезанная от Западной Европы политически, всё больше осознаёт культурное единство с ней.

Ключевые слова: Польша, идентичность, Европа, Центральная Европа, национальные мифы, европейская идентичность, история Польши.

Как и для других стран Центральной и Восточной Европы, для Польши вопрос о принадлежности к Европе как таковой и о собственной роли в ней всегда стоял очень остро и был одним из ключевых в формировании национальной идентичности. В этой статье мы вкратце представим историю трансформации представлений об этом в Новое и Новейшее время – до 1989 года. Более поздний период заслуживает отдельного рассмотрения, здесь мы коснёмся его лишь вкратце. Подчеркнём, что нас интересуют не некие «объективные» критерии принадлежности к Европе и соответствующие выводы о «европейскости» поляков, а их собственные взгляды, роль и содержание понятия «Европа» как ментальной категории. Речь пойдет в основном о видении проблемы политической и интеллектуальной элитой, поскольку достоверных данных о представлениях основной массы населения нет.

В Средние века понятие «Европа» было в принципе тождественно понятию «христианский мир»; в таком ключе понимали его и представители польской элиты. По мнению российской исследовательницы М.В. Лескинен, в Польше такое представление сохранялось по крайней мере до XVI–XVII вв.¹ В этом смысле страна воспринималась безусловно европейской с X в., ведь христианство укрепилось там сравнительно быстро и глубоко. Немаловажно, что это изначально был именно католицизм, поэтому даже после схизмы, когда на Западе стали возникать

---

¹ Лескинен. 2002. С. 71.

концепции, ограничивающие Европу территорией юрисдикции Римской церкви, Польша без сомнения могла считаться Европой².

Вместе с тем, для стран Западной Европы, где уже тогда возникали первые версии т.н. «европейской идеи», существовали и другие водоразделы. Мы не будем вдаваться в неохватную тему истории формирования понятий «Западная Европа» и «Восточная Европа», которая хорошо освещена в литературе, отметим лишь, что уже на этом этапе разница между ними осознавалась. Иногда она формулировалась в виде глобальной этнолингвистической границы между немцами и славянами, хотя, разумеется, и тогда уже реальная картина была намного сложнее. В концепциях европейского объединения того времени (неслучайно возникавших лишь на Западе) странам востока континента, если они вообще упоминались, отводилась второстепенная роль, они не рассматривались в качестве полноценных игроков на геополитической арене³. Это была периферия, вроде бы безусловно европейская, но вместе с тем – не очень существенная и даже немного опасная своей близостью к краю христианского мира. К Польше, граничившей со схизматиками-православными и долгое время – с язычниками, это относилось в полной мере. Говоря о том, что могло препятствовать формированию «европейской идентичности» у поляков (насколько вообще этот термин применим к Средневековью), интересно привести мнение польского публициста Яна Прокопа. Он обращает внимание на то, что Пясты (за единственным исключением) не принимали участия в крестовых походах, которые он называет «европообразующим котлом»⁴.

Можно сказать, что в Средние века роль Польши в Европе и представления о ней не обладали особенной спецификой в сравнении с другими странами Центрально-Восточной Европы.

Более интересная ситуация сложилась в Новое время. Для Польши переход к нему связан со сменой правящей династии – в XV в. на смену Пястам пришли представители Анжуйской династии, а вскоре на троне укрепились Ягеллоны. Литовский князь Ягелло (Ягайло), впрочем, не только положил начало новой династии, но и стал первым королём объединённой Речи Посполитой, крупнейшего европейского государства, включавшего земли современной Польши, Литвы и Беларуси, а в период наивысшего могущества также часть территории со-

---

² Фалькович 2004. С. 55.

³ См.: Чубарьян 1987; Борко 2003; Историко-культурные основы. 1992; Миллер 1996; Роксандич 1996; Сюч 1996.

⁴ Prokop 2004. С. 131.

временной Украины и России. XVI–XVII вв. – период наивысшего расцвета Польши (заметим в скобках, что возникшая конфедерация и на западе, и на востоке воспринималась именно как Польша!), и главной её особенностью являлась уникальная в своём роде шляхетская демократия. Подчеркнем, что в этот период сместились на восток и фактические границы страны⁵, и её геополитическая ориентация. Всё это, разумеется, повлияло на положение Польши в Европе и, что особенно важно, представление самих поляков об этом положении.

Рассуждая о специфике развития Польши в сравнении с общеевропейскими тенденциями, немецкий историк Якоб Юхлер пишет, что «в ходе кризисных изменений позднего Средневековья Польша оказалась на значимом месте среди европейских стран, но на таких принципах, которые в значительной степени были устаревшими и делали дальнейшие успехи возможными только в специфических геополитических условиях»⁶. Как подчёркивает Лескинен, «принадлежность к европейскому миру в геополитическом и религиозном смысле не подвергалась сомнению»⁷. При этом, несмотря на то, что Польша перестала быть по-средневековому моноконфессиональной страной (на территории Речи Посполитой проживали и православные, и впоследствии – униаты, и протестанты, а также мусульмане и иудеи), католицизм продолжал играть особую роль в собственно польском самосознании. Важность этого аспекта поддерживалась соседством с мусульманской Турцией⁸. Януш Тазбир, проводя аналогию между «разделением обязанностей» между сословиями и «специализацией» отдельных народов Европы, пишет, что полякам досталась роль воинов, защитников западной цивилизации. С этой ролью связан знаменитый образ форпоста (по-польски — *przedmurze*) Европы⁹. Как пишет польско-американская исследовательница Эва Доманьска, для шляхты была важна идея преемственности с Римской империей, при этом «Польша понималась как *antemurale christianitatis* (форпост христианства). Она была щитом Европы, и поляки воспринимали себя как избранную нацию, чьей миссией была защита Европы от еретиков,

---

⁵ Впрочем, этот процесс начался раньше: так, Любушская земля отошла к немецким князьям ещё в XIII в., тогда же Пясты начали терять контроль над Поморьем, которое в итоге было утрачено в XVII в. Эти территории снова вошли в состав Польши только в 1945 г. (Тымовский 2004).

⁶ Juchler 1990. С. 56.

⁷ Лескинен 2002. С. 76.

⁸ Тымовский 2004. С. 180; Лескинен 2002. С. 74.

⁹ Tazbir 1986. С. 98-99; Ле Гофф 2008. С. 227; Лескинен 2002. С. 74.

язычников и варваров»¹⁰. Как обосновывает Тазбир, они «полагали, что Польша веками принадлежит общеевропейскому культурному единству, которое ей многим обязано – начиная от военной защиты и кончая литературой, искусством и наукой. <...> так было изначально, с XVI века мы чувствовали себя «европейцами» <...> Хотя фактическое положение на карте континента заставляло нас считаться ещё центрально-восточной частью, цивилизационно мы считали себя соседями Италии и Франции»¹¹. Он также обращает внимание на то, что первое польское наименование жителя Европы («европейане», польск. «Eurorianie») появляется в 1597 г. в стихотворении Себастьяна Клоновича, имеющем антитурецкую направленность¹². Большое значение в польском историческом сознании имеет также победа над турками под Веной в 1683 г., в которой ключевую роль сыграл польский король Ян Собеский. Эта битва считается концом османского наступления в Европе, что позволило полякам видеть себя спасителями Запада. Помимо образа форпоста был и другой – образ «житницы Европы», ведь страна имела огромный аграрный ресурс, и вместе эти два элемента самосознания придавали полякам уверенность в том, что они не просто относятся к Европе, но и играют в ней особую роль¹³.

Разумеется, ключевым элементом польского самосознания в этот период была знаменитая Сарматская теория, или идеология сарматизма, подробно описанная и в отечественной литературе¹⁴. Речь идёт о якобы научно доказанном происхождении польской шляхты от сарматов, при этом такое «благородное» происхождение противопоставлялось грубым корням основного населения и подчёркивалось модой на ориентальный стиль в быту, в одежде, изобразительном искусстве и т.п.

С одной стороны, в теории Польша–Сарматия мыслилась именно как регион Европы. Так, в знаменитом трактате М. Меховского «О двух Сарматиях», написанном в начале XVI века, говорится, что древние выделяли две Сарматии: Азиатскую (на восток от Дона) и Европейскую – от Дона до Вислы¹⁵. По мнению польского исследователя Т. Маньковского, идеология сарматизма «в генетическом и генеалогическом аспектах родилась в результате поисков польским народом

---

¹⁰ Domańska 2000. С. 254.

¹¹ Tazbir 1998. С. 22.

¹² Tazbir 1998. С. 8-9.

¹³ Там же. .С. 6; Domańska 2000. С. 254.

¹⁴ Лескинен 2002.

¹⁵ Меховский 1936. С. 47.

своего места в европейской культуре»¹⁶. С другой стороны, однако, в реальности такая форма самосознания утверждала в первую очередь исключительность польского народа и отодвигала на второй план представление о европейском единстве.

Вообще период шляхетской демократии в Польше связан именно с подчёркиванием отличий от всех окружающих стран – в первую очередь, в области политического устройства¹⁷. Причём для самих представителей шляхты, как и для патриотической польской историографии, речь идёт именно о преимуществе польского способа государственного устройства. Интересно, что преемственность с Римской республикой, о котором говорилось выше, понималась едва ли не в первую очередь в смысле сохранения демократических принципов¹⁸.

И хотя по сути своей и польская шляхта, и созданная ею система управления имели общеевропейские корни, да и в культурном отношении, как говорилось выше, Польша сохраняла единство с остальной Европой (не говоря уже об экономических связях), носители этих идей подчёркивали именно свою специфику и самобытность.

Периферийность Польши, о которой мы говорили применительно к Средним векам, претерпела двоякие изменения. С одной стороны, она усугубилась за счёт того, что границы польско-литовского государства, а также его геополитические интересы сместились на восток. С другой же стороны, статус Польши в Европе стал выше хотя бы за счёт военной мощи (особенную роль здесь сыграла победа в Грюнвальдской битве в 1410 г. и уже упоминавшаяся победа под Веной) и размера территории. То есть в какой-то мере эта периферийность не воспринималась как недостаток, как проблема. Напротив, Польша пыталась сформировать новый культурно-политический центр континента, и гегемония на востоке Европы была теперь куда важнее, чем «вливание» в западное единство. В глазах Запада «европейскость» Польши была сомнительной ещё и потому, что «правильным» христианским королям был предпочтён Ягайло, недавний язычник¹⁹. Пока на Западе (да и в соседней Чехии) разрабатывались многочисленные проекты европейского объединения, польскую элиту намного больше занимало идеологическое обоснование своего обособления от соседей. Конечно, шляхетская «манья величия» вовсе не исключала европейскую идентичность в форме европоцен-

---

¹⁶ Цит. по: *Лескинен* 2002. С. 50.

¹⁷ *Лескинен* 2002. С. 54-56.

¹⁸ Там же. С. 74.

¹⁹ *Goliński* 2004. С. 35.

тризма – при таком подходе поляки (точнее – польская элита) оказывалась как бы избранным среди народов лучшего континента²⁰. В таком контексте противопоставления «цивилизованной», «прекрасной» Европы и «дикой» Азии, европейская идентичность сохраняла своё значение для поляков – об этом свидетельствуют высказывания о Европе польских деятелей того времени²¹. Рассматривая деятельность польских литераторов и их известность в общеевропейских культурных кругах, а также их оценку собственную достижений, Тазбир приходит к выводу, что польская «интеллектуальная элита XVI века была убеждена не только в том, что её родина является неотъемлемой частью Европы, но и в том, что у неё есть “собственный облик, своя специфика, которую не надо стыдливо прятать”»²².

Впрочем, в некотором противоречии между европейской идентичностью польской элиты и её изоляционизмом есть и момент исторической динамики: «переход к замкнутости и враждебности по отношению к другим народам, живущим вне Польского государства, произошёл в первой трети XVII века, а в период экономической и политической стабильности Речи Посполитой польское общество было открытым»²³. Такое обособление страны изнутри вызывало и ответную реакцию в Европе, порождая (в сочетании с пограничным статусом, близостью к Востоку) образ Польши как страны варварской и необразованной, что, безусловно, сыграло позднее свою роль в обосновании разделов страны.

В XVIII в. нетипичность для Европы польского государственного устройства и разделы Речи Посполитой (в 1772, 1793 и 1795 гг.) привели некоторых польских деятелей к интересным аналогиям с завоеваниями европейцев в Новом свете. Если в XVI в., во время триумфальных походов польских войск на Москву их участники ассоциировались с воинами Кортеса, а жители Московского царства – с варварскими народами, которым несут свет цивилизации, то теперь картина поменялась: завоевателями (на сей раз в отрицательном смысле) были разделившие Польшу государства, а сами поляки идентифицировались с храбрыми индейцами, боровшимися за свою свободу²⁴. В каком-то смысле это свидетельствует о переосмыслении собственной принад-

---

²⁰ *Tazbir* 1998. С. 5.

²¹ Там же. С. 12.

²² Там же. С. 15.

²³ *Лескинен* 2002. С. 74.

²⁴ *Tazbir*. 1998. С. 15.

лежности к Европе: если сперва польские интеллектуалы, как об этом пишет Тазбир, с восторгом принимали испанские, португальские, британские завоевания Новом свете, воспринимая их как общеевропейские достижения, то теперь эта европейская солидарность была нарушена тем, что в роли жертв оказались сами поляки. Ведь ещё недавно представители польской элиты были уверены в том, что «раздела Польши Европа не допустит; а вот же и допустила, и утвердила»²⁵. Сделав Польшу объектом, а не субъектом международной политики, Европа как бы исключила её из числа полноценных европейских стран, какой поляки считали свою родину едва ли не со времён первых Пястов. Обида их была тем острее, что в польском национальном самосознании, как мы говорили, существовало представление не просто о принадлежности Польши к Европе, но и об особом вкладе в её культуру и экономику, а также общеевропейские военные успехи.

Вероятно, особенно болезненным было то, что большая часть территории Речи Посполитой оказалась в составе России, которая по всем «традиционным» критериям, указанным выше, имела куда меньше оснований относиться к Европе, чем сама Польша. Впоследствии именно Россия станет главным символическим врагом Польши: «хотя соучастниками польской национальной драмы были три державы, принципы европейской самоидентификации предполагали особую противопоставленность некоей иной, внеевропейской – и здесь ближайшим антагонистом выступает Россия»²⁶. Это наблюдение тем более интересно, что в действительности национальное угнетение поляков в прусском разделе было по крайней мере не меньшим, чем в российском.

В последующие десятилетия произошедшая с Польшей геополитическая трагедия была переосмыслена и способствовала новой трактовке роли страны в Европе. Большую роль в этом сыграл Наполеон, вернувший полякам хотя бы номинальную государственность (Великое Княжество Варшавское, созданное в 1807 г.) и, так сказать, чувство собственной значимости и «оценённости» – вернувший их самих в Европу²⁷. Стоит также подчеркнуть активное участие польских частей в императорской армии, которая была едва ли не главным воплощением единства наполеоновской Европы.

«В этот короткий период, полный бодрости и оптимизма, польская интеллектуальная элита чувствовала себя, как никогда после, ча-

---

²⁵ Там же. С. 22.

²⁶ Мочалова 2004. С. 138.

²⁷ *Kalembka* 2004. С. 53-54; *Фалькович* 2004. С. 58.

стицей Европы, включённой в ритм её политической и идейной жизни»²⁸. Вот как писал Адам Мицкевич – знаменитый поэт, бывший также и политическим философом: «Чем сильнее Польша чувствовала и разделяла чувство родства с Европой, тем она была счастливее и славнее; чем больше отделялась от Европы, чем очевиднее слабела, а нынешняя её слава свидетельствует о том, что Польша снова сильнейшим образом прониклась европейским духом»²⁹. Впрочем, сам этот «европейский дух» приобрёл специфическое содержание под влиянием философии Просвещения и Французской революции. Сущностью Европы были провозглашены секулярные ценности: свобода личности, равенство сословий, либеральная доктрина государства, богатство страны. Исходя из этого зачастую оценивали место своей страны в Европе и польские мыслители³⁰, однако во многом, как мы увидим ниже, новые идеи вступали в противоречие со столь важными для поляков христианскими идеалами.

Впрочем, анализируя то, как видели место Польши в Европе Мицкевич и другие польские романтики, необходимо учитывать, что значительная их часть жила в эмиграции (особенно после Ноябрьского восстания 1830–1831 гг.). Это привело к несколько парадоксальной ситуации, когда «демифологизация Европы в известной степени осуществляется за счёт усиления идеализации Польши не только как отчизны, но и как жертвы (в политическом, а также – что ещё более существенно – мистическом смысле), и как утраченного рая. Романтики пытаются сохранить в себе Польшу как свою духовную победу над окружающей их Европой»³¹.

В эту эпоху (и сразу после разделов, и после наполеоновских войн) важным образом для польского самосознания, в каком-то смысле, пришедшим на смену национальным мифам эпохи шляхетских вольностей, стал образ «Христа народов»³² – нации, безвинно пострадавшей за других, преданной и растерзанной «своими». Хотя это не всегда говорилось буквально, под «своими», ради которых страдает Польша, подразумевалась именно Европа³³. Возрождение польской государственности, которого так чаяли многие поляки, так или иначе трактовалось как «воскресение» этой жертвы, необходимое не только

---

²⁸ *Jedlicki* 2002. С. 45.

²⁹ *Polska refleksja* 2007. С. 139.

³⁰ *Филатова* 2004. С. 147.

³¹ *Мочалова* 2004. С. 135.

³² *Domańska* 2000. С. 255.

³³ *Jedlicki* 2002. С. 91; *Мочалова* 2004. С. 135.

ей, но и её мучителям. Вот как, например, пишет об этом участник Ноябрьского восстания Мауриций Мохначки: «...одно только воскрешение всей Польши способно изменить современное политическое устройство Европы, противное природе и противоречащее благу человечества»³⁴. Не менее ярко высказывается и Мицкевич: «Народные массы по всей Европе инстинктивно чувствовали, что польский вопрос – это вопрос европейский. <...> воскресение Польши было бы ознаменованием нового политического порядка, как воскресение Христа»³⁵.

Польский мессианизм, особая роль Польши для Европы, какой её видели многие польские патриоты, выражается отчасти и знаменитым лозунгом повстанцев: «За вашу и нашу свободу!» (формально, впрочем, адресованном не Западу, а России). Вот ещё одна яркая цитата из Мицкевича: «Воскресшая Польша должна заново сплотить народы [Европы] свободой. <...> Польша говорит народам: “Бросьте все местные интересы и идите за свободой. Палаты и бюджеты, торговля и сельское хозяйство – всё придёт само, а наперёд только о свободе надо думать”»³⁶.

Другой аспект роли Польши в Европе, актуальный и в предшествующие века, органично «вписывается» в новый образ — речь идёт о функции «форпоста», т.е. о защите Европы от «варварского востока» (под которым с определённого момента понимается в первую очередь Россия)³⁷. Так, например, ещё в 1807 г. Епископ Я.П. Воронич писал, что «Польша за Европу тонула в крови, а Европа за её спиной в безопасности совершенствовала свой свет и выгоду»³⁸. Один из лидеров Ноябрьского восстания, Людвик Мирославски, пишет о том, что и покорённая Россией Польша остаётся щитом для Европы, но Западу стоит помнить, что в перспективе Польша может, напротив, стать невольным орудием для завоевания Европы Романовыми³⁹. Не случайно, что во многих из этих высказываний Европа является не только предметом обсуждения, но и адресатом: формирование европейского общественного мнения было одной из осознанных целей польского национального движения⁴⁰. Таким образом, образ Европы в Польше был своего рода «побочным эффектом» целенаправленного формирования образа Польши в Европе.

---

³⁴ Цит. по: *Kalembka* 2004. С. 51.

³⁵ *Polska refleksja*. 2007. С. 140.

³⁶ Там же. С. 140.

³⁷ *Domańska* 2000; *Хорев* 2004.

³⁸ Цит. по: *Jedlicki* 2002. С. 75.

³⁹ *Kalembka* 2004. С. 51-52.

⁴⁰ *Фалькович* 2004. С. 58-59.

Очень эмоционален в своих рассуждениях был философ Бронислав Трентовский, писавший в 1840-х гг.: «Польша, хотя и остаётся в кровавых когтях царя и двух его достойных союзников, хотя страдает, стонет и умирает, ещё остаётся крепостью Европы против Азии, борющейся с ней, но уже не железным, а моральным мечом <...> Европа оставила Польшу, использовала Польшу; Польша между тем умирает, под кнутами и в самых ужасных муках, всё ещё за Европу!»⁴¹. У него же можно увидеть, как идея избранничества, особой роли Польши в Европе приводит к мысли о превосходстве, причём в первую очередь – в контексте религиозности. «Со временем между Европой и Польшей возникло большое различие. Цели Европы – блага земные, посюсторонние; Польши – вземные, потусторонние. Европейский дух светский, польский – религиозный. Европейская мудрость смотрит на желудок, польская мудрость – на Бога, человечность, всеобщее благо. <...> Европейский разум погряз в материализме, польский разум имеет характер моральный, богочеловеческий. Польша, и давняя, и нынешняя, это, на самом деле, алтарь Европы... где пребывает Бог»⁴². Идея превосходства Польши над странами Запада, представление об её особой миссии и великом будущем (в религиозной и даже мистической форме) звучит и у З. Красиньского⁴³, и у А. Мицкевича⁴⁴.

Впрочем, многим, напротив, Польша казалась не вполне полноценной частью Европы. По словам историка Е. Едлицкого, в XIX в. польская интеллигенция, которая естественным образом была больше других социальных групп заинтересована в тесных контактах с Западом, «видела свою родную страну бедным и недооценённым пригородом Европы, который испытывает по отношению к хозяйственной и надменной метрополии противоречивые чувства зависти, изумления и недоверия»⁴⁵. «Образованный польский либерал, таким образом, без сомнения относит себя и свою страну к одному из младших классов в европейской школе»⁴⁶. Вот как писал об этом вскоре после восстания польский учёный Д. Крысинский: «Европа смотрит на нас. Именно так. Европа будет нам изумляться, но и судить нас <...>, европейская критика будет обращать внимание на каждый наш шаг, следить за нами и оценивать»⁴⁷. Мысль о

---

⁴¹ Polska refleksja. 2007. С. 145.

⁴² Там же. С. 146.

⁴³ Мочалова 2004. С. 141.

⁴⁴ Филатова 2004. С. 151-152.

⁴⁵ Jedlicki 2002. С. 19.

⁴⁶ Там же. С. 46.

⁴⁷ Там же. С. 46-47.

недооценённости Польши в Европе, необходимости показать себя, присутствует и у литераторов – например, у Ц. Норвида⁴⁸. Впрочем, этот комплекс, вероятно, уходит корнями в более раннюю эпоху⁴⁹. Своего рода гиперболой этого «комплекса недоевропы» можно считать отнесение Польши к Азии – очевидно, риторический приём: так, например, поэт-эмигрант З. Красинский в 1836 г. называет сведения, приходящие из Польши, «вестями из Азии»⁵⁰. Принятие Европы за идеал и точку отсчёта, стремление догнать её и доказать ей свою полноценность – с одной стороны и острая критика Европы, представление о моральном превосходстве Польши и её особой роли – с другой сосуществуют не просто в одну и ту же эпоху, но и зачастую у одних и тех же деятелей. Это мнимое противоречие, глубокая амбивалентность, сочетание «мании величия» с «комплексом неполноценности» – типичнейшая черта отношения поляков к Европе. Разумеется, не их одних и не только в XIX в.

С другой стороны, необходимо отметить, что в XIX в. сами споры о Европе, сути европейской идеи приняли вид в первую очередь идеологического противостояния, в котором переплелись социальные и национальные мотивы. Рефлексии поляков об их роли в Европе и о будущем государстве отражают эту тенденцию. Союзниками поляков в борьбе с разделившими их страну государствами (а по сути – с политическим устройством Европы, которое было по нраву всем монархиям) были другие борцы за независимость и национальное воссоединение – участники германского и итальянского национально-демократических движений⁵¹. В каком-то смысле движение «Молодая Польша», созданное в 1834 г. и входившее в состав ассоциации «Молодая Европа», можно считать первым моментом, когда они оказались не объектом, а субъектом развития европейской идеи. Что интересно, лидер «Молодой Италии» Джузеппе Мадзини, рассуждая о миссии отдельных народов в Европе, отводил полякам роль «распространителей» идей свободы и демократии на востоке континента⁵², что вполне перекликалось с известными нам элементами польского национального мифа. Это было противостояние внутри Европы, которую деятели польского восстания, а впоследствии — эмиграции хотели устроить по своему порядку. В каком-то смысле именно национальные движения XIX века, пиком которых стала Весна народов, сделали национальную идентичность

---

⁴⁸ Мочалова 2004. С. 132-133.

⁴⁹ Хорев 2004. С. 42.

⁵⁰ Мочалова 2004. С. 137.

⁵¹ Kalembka 2004. С. 55-56.

⁵² Там же. С. 56.

сферой сознательной деятельности не только государственных мужей, но и более широкой общественности. Существенно, что идеи национального возрождения и патриотизма не только не противоречат идее европейской общности, но и имеют с ней, по мнению Едлицкого, общие корни⁵³. Интересно, что среди достижений Польши, которые имеют ценность для всей Европы, зачастую назывались не только военные победы и духовная сила, но и опыт мирного сосуществования народов в рамках Польско-Литовской Унии, уникальный пример добровольного объединения государств, который, по мысли некоторых авторов, мог бы стать прообразом общеевропейского объединения⁵⁴.

В польской публицистике XIX в. заметную роль играли рассуждения об общеевропейском укладе, проблемах Европы и возможных путях их решения, причём не обязательно в связи с Польшей и «польским вопросом». Конечно, не обошла польских деятелей стороной и давняя мечта о «европейской федерации»⁵⁵. Несколько иронично описывая восторги польских интеллектуалов, открывавших для себя в первой трети XIX в. произведения французского просвещения, Едлицкий пишет об образе «нового восхитительного мира, открытого мира, без границ и таможенных застав, Европы от Филадельфии до Вильна, с единой конституцией свободы и независимости народа»⁵⁶. Была, разумеется, и противоположная тенденция – тревога о сохранении культурной самобытности перед лицом универсализации, которая иногда принимала радикально-изоляционистские формы. Самым ярким примером здесь является книга «Голос польского шляхтича», изданная анонимным автором в 1880 г. Само название говорит о консерватизме автора, и чуждое западное влияние (позитивизм, материализм, Дарвин, демократия и т.п.) в его изложении являются не меньшей угрозой для исконной (шляхетской, католической) «польскости», чем московское славянофильство и зарождающиеся марксистские течения⁵⁷. Впрочем, нельзя говорить о том, что в этой работе Запад отождествляется с Европой в целом – и нуждающаяся в защите от тлетворного влияния, Польша остаётся европейской страной, даже если этому факту не придаётся большого значения. В Польше острота вопроса о противопоставлении своей культуры западной была несопоставима с таковой для

---

⁵³ *Jedlicki. 2002. С. 48.*

⁵⁴ *Филатова. 2004. С. 152.*

⁵⁵ *Polska refleksja. 2007. С. 129-135 и др.*

⁵⁶ *Jedlicki. 2002. С. 46.*

⁵⁷ *Там же. С. 236-328.*

русских, турок и др., поскольку здесь «общность с европейским западом составляла неотъемлемую часть родной традиции»⁵⁸.

Необходимо, впрочем, избегать обобщений и иметь в виду, что разделённость Польши в XIX в. – это не только предмет рефлексий интеллектуалов и политических деятелей, но и всё более значимый фактор размежевания. Едлицкий, анализируя дискуссии о европейском прогрессе в польской общественной мысли, особенно после 1848–1849 гг., обращает внимание на то, как различаются интонации деятелей прусского и австрийского раздела, с одной стороны, и российского – с другой. Жители Познани и Кракова, как бы критично они ни были настроены по отношению к своим правителям и Европе в целом, были так тесно связаны с метрополиями – и политически (особенно после реформ), и экономически, и социально, и, что особенно важно, интеллектуально, – что неизбежно говорили о Европе *изнутри*, черпая аргументы и контраргументы в западных работах. Так, например, краковская газета «Час» («Время») в 1870-х гг., пророча гибель европейской цивилизации, говорит не только о традиционной угрозе с Востока (которой, конечно, сами поляки, как неотъемлемая часть Европы, исторически противостоят в первую очередь!), но и о внутренних проблемах, которые представляют опасность для общеевропейского уклада⁵⁹. То есть в основном речь идёт лишь об относительном противопоставлении, «бунте части против целого», который можно было найти и в других странах континента.

В Варшаве же общественная мысль была тесно связана с российской, и, безотносительно оценки, намного чаще о Европе говорилось *извне*, в чём отражались (разумеется, со своей спецификой) классические противоречия западников со славянофилами⁶⁰. Можно предположить, что для поляков российского раздела в их осмыслении своей принадлежности к Европе большее, нежели в Пруссии и Австрии, значение имела эмиграция: в первую очередь политическая (не будем забывать, что два самых масштабных восстания XIX века происходили именно в российском разделе), а позднее также студенты, которые впоследствии оставались на Западе (Мария Скłodовская-Кюри – самый яркий, но далеко не единственный пример). Общее число польских студентов в Западной Европе в период с 1890 по 1914 г., напри-

---

⁵⁸ Там же. С. 53-59

⁵⁹ Jedlicki. 2002. С. 323-324.

⁶⁰ Там же. С. 195.

мер, оценивают в 25-30 тыс. чел.⁶¹ Вообще значение польской эмиграции как «передового польского отряда, выдвинутого на запад»⁶², в течение всего периода разделов сложно переоценить.

Ближе к началу XX века проблема статуса Польши в Европе приобрела и научное измерение. Так, например, в канун Первой мировой войны историки – представители «оптимистичного направления» развивали подход, фактической целью которого было «доказать общественному мнению Европы, что польский народ способен к государствообразованию и наделён большими дарованиями»⁶³. Подчёркивалось и исторически существующее стратегическое положение Польши как «форпоста западноевропейской цивилизации» и одновременно – посредника между Западом и Востоком⁶⁴.

В целом, в годы, предшествующие Первой мировой войне и во время самой войны, польская общественная мысль (вкуче с дипломатическими усилиями) всё больше сосредотачивалась на конкретных проектах восстановления польской государственности, отодвинув общеполитические рассуждения на второй план. Собственно говоря, именно предчувствие большой европейской войны делало эти проекты реалистичными⁶⁵. «Польский вопрос» приобретал в Европе все большее значение⁶⁶, тем более что в надвигающейся войне поляки оказывались по обе стороны фронта. В идеях послевоенного устройства Европы, как и веком раньше, судьба Польши была одним из центральных вопросов, но в этот раз среди победителей, создававших новую карту, большую роль играли США: важнейшей отправной точкой для воссоздания польского государства (после поражения и распада стран-завоевателей) стал один из «14 пунктов» президента В. Вильсона.

Помимо необходимости воссоздания Польши как таковой, важнейшим вопросом, который обсуждался уже в годы войны, были её границы. Интересно, что польские деятели, настаивавшие на восстановлении государства в границах Первой Речи Посполитой (и даже шире – с включением земель, утраченных ещё в Средневековье), аргументировали это в том числе и общеевропейскими интересами, с классической апелляцией к защите свободы: «Польша без Пруссии, Поморья, Силезии, Подолья, Волыни, Литвы, Латвии, Украины, Беларуси,

---

⁶¹ Ziejka 1998. С. 24.

⁶² Фалькович 2004. С. 59.

⁶³ Wierzbicki 1978. С. 31.

⁶⁴ Polska refleksja. 2007. С. 154-155.

⁶⁵ Фалькович 2004. С. 60.

⁶⁶ Подробнее см.: Kulak 2004.

которые были исторически связаны с Польшей на протяжении веков, была бы чем-то искусственным. <...> Восстановление исторической Польши принесло бы Европе большую пользу. Такая Польша, площадью 834 280 квадратных километров (с населением 60 миллионов человек на 1914 год) могла бы предоставить девять миллионов солдат для защиты европейской свободы»⁶⁷.

В результате Парижской мирной конференции Вторая Речь Посполита получила, строго говоря, большую территорию, в том числе некоторые спорные земли, на которые претендовали другие государства (не только потерпевшая поражение Германия, но также новоявленные Чехословакия и Литва). Восточная граница, установленная Рижским мирным договором с Советской Россией, тоже знаменовала скорее победу Польши. Однако геополитические амбиции польского руководства (и, вероятно, немалой части общества) по восстановлению былого величия были не вполне удовлетворены. К. Гжибовский пишет, что потерпела неудачу концепция Ю. Пилсудского «Польши от верховья Одера до Двины и Днепра – гегемона Европы между Германией и Россией»⁶⁸. Такая формулировка хорошо отражает тот факт, что европейская идентичность польской политической элиты (по крайней мере, её части) требовала не просто государственности, бытия в качестве полноценной европейской страны, но и одной из ведущих ролей, отсылала к былому величию (и влиянию в Европе – реальному или преувеличенному) шляхетской Речи Посполитой. Впрочем, объяснялось это не только исторической ностальгией, но и более прагматичными причинами: как говорил в 1920 г. М. Здзеховский, «маленькая и скромная Польша» могла бы спокойно существовать в других условиях, но никак не на основном пути с востока на запад, между Россией и Германией⁶⁹.

В реальности Польша, тем не менее, оказалась шестой в Европе (считая и СССР) страной по площади и по численности населения и не избежала обвинений в имперских амбициях. Кроме того, польские политики, в том числе Пилсудский, пытались реализовать различные проекты федерации Центрально-Восточной Европы, из которых самым известным был проект «Междуморья» – блока государств от Финляндии до Румынии, объединённых опасным положением между Германией и СССР⁷⁰. Другие проекты, хотя и имели, как принято счи-

---

⁶⁷ Polska refleksja. 2007. С. 162-163.

⁶⁸ Цит. по: Hauser. 2004. С. 77.

⁶⁹ Там же. С. 77.

⁷⁰ Hauser 2004. С. 78-83; Polska refleksja. 2007. С. 23.

тать, тактический характер, прямо апеллировали к общему наследию I Речи Посполитой и охватывали соответствующие территории (т.е. меньшее число стран, чем Междуморье)⁷¹. Рассуждения о необходимости политической консолидации народов региона, который начинают обозначать как Центрально-Восточная Европа, можно встретить и позднее в годы Второй мировой войны – например, у экономистов и общественных деятелей В. Старчака и А. Прагера⁷². Эти несколько утопичные проекты критиковались теми, кто осознавал глубину расхождений и конфликтов между странами и подчёркивал, что механистически примириться и объединиться невозможно⁷³. Несмотря на неудачу всех этих начинаний, они важны как попытка реализации Польшей регионального лидерства, на которое она претендовала.

Возможно, отчасти именно эти амбиции помешали Польше активно участвовать в общеевропейских интегративных процессах, которые стали особенно интенсивными после Первой мировой войны⁷⁴. Самым известным проектом того времени стал Панъевропейский союз Р. Куденхове-Калерги, основанный в 1923 г. Сам автор проекта отводил Польше традиционную роль защитника Европы от угрозы с востока (на сей раз – коммунистической), его же польские сторонники (А. Ледницкий, Б. Губерман и др.) акцентировали внимание на экономическом аспекте интеграции⁷⁵. Польская секция при союзе была создана при поддержке правительства, однако скоро ликвидирована: проект был сочтён угрожающим миру в Европе⁷⁶.

Если межвоенное двадцатилетие по самовосприятию польской элиты и её риторике зачастую отсылало к «Золотому веку» Польши, эпохе шляхетских вольностей, то Вторая мировая война и последующий период актуализировали мифы времён разделов и существования народа без государства. Определение немецкой оккупации Польши, с которой началась война как таковая, и последовавшего за ней вторжения советской армии как «четвёртого раздела Польши» стало общим местом. В новой ситуации оказались востребованы два основных образа эпохи разделов и восстаний. Во-первых, это героический и трагический образ самой Польши, снова сражающейся «за вашу и нашу свободу». Изображение страны в качестве мирной и невинной жертвы

---

⁷¹ Polska refleksja. 2007. С. 21.

⁷² Там же. С. 202-224.

⁷³ Там же. С. 223-235.

⁷⁴ Чубарьян 1987; Борко.2003.

⁷⁵ Polska refleksja. 2007. С. 185-195.

⁷⁶ Там же. С. 20-21.

(при этом – исключение из массового сознания таких нелицеприятных страниц недавней истории, как жестокая пацификация в отношении украинского населения Польши и участие в фактическом разделе Чехословакии) сочетается с идеей польского героизма, непримиримости (ещё и сейчас можно услышать от старшего поколения противопоставление польского мужества, порой безрассудного, прагматичному терпению чехов, интерпретируемому как недостаточная храбрость⁷⁷). Важно, что храбрость эта относится не только к борьбе за собственную страну, но и к активному участию в освобождении Европы в целом – здесь в первую очередь нужно упомянуть битву при Монте-Кассино, занимающую важное место в польской национальной памяти. Эти события «стали важной предпосылкой для поддержания в сознании поляков, а также жителей Западной Европы, памяти о постоянном участии Польши в важнейших для Европы вопросах»⁷⁸.

Во-вторых, военные годы вернули к жизни образ «предательской Европы», которая сперва не предотвратила уничтожение Польского государства, а впоследствии на Ялтинской конференции, не оценив вклада поляков в войну (и пренебрегши довоенными связями, номинально равноправными), согласилась целиком отдать Польшу в зону советского влияния. Само слово «Ялта» является в Польше своего рода синонимом «предательства».

Вскоре после войны Европа, как известно, оказалась разделена «железным занавесом» однако, в отличие от ситуации по итогам разделов, Польша целиком оказалась в сфере влияния восточного соседа. Эта ситуация, связанная с развитием и, так сказать, «материализацией» понятий «Западная Европа» и «Восточная Европа», стала мощным толчком для рефлексий о сущности Европы вообще и роли в ней Польши. Отметим также другой аспект – изменение границ. Земли, оккупированные СССР в 1939 г., были оставлены в его составе (за исключением Белостокской области, большая часть которой была возвращена Польше) – в итоге страна потеряла свыше 50% своей довоенной территории⁷⁹. Зато «взамен» Польша получила земли, в течение долгого времени населённые немцами – север и запад современной территории страны. При этом, как известно, в ходе операции «Висла» немецкое население было полностью выслано из Польши, а на его место приехали поляки с востока. Результатом этого механистического и

---

⁷⁷ ПМА. 2010.

⁷⁸ *Ziejka* 1998. С. 24.

⁷⁹ *Wrzesiński* 2004. С. 123.

во многом трагического «восстановления исторической справедливости» стало не только то, что Польское государство впервые за долгое время стало практически однородно по своему этническому и религиозному составу, но и то, что границы его заметно сдвинулись на запад. «Ягеллонский вектор» развития Польши был окончательно утрачен и она оказалась на территории, в значительной степени совпадающей с Пястовской эпохой (как уже говорилось выше, отдельные земли из присоединённых в 1945 г. были утрачены Польшей ещё в XIII в., а другие, по мнению некоторых авторов, вообще с большой натяжкой можно считать возвращёнными, поскольку они никогда прежде не были действительно польскими⁸⁰). Парадоксальным образом Польша, оказавшись геополитически отнесённой к востоку, тем не менее, географически «сместилась» на запад, получив в своё распоряжение территории, сохранившие материальные достижения немецкой культуры и экономически более развитые.

Стремления польской элиты, по крайней мере, той её части, которая сохранила преемственность с довоенным устройством, были выражены в довольно идеалистичном заявлении Совета Министров эмигрантского правительства, выпущенного им на исходе войны, в преддверии учреждения ООН: «Польша, которая является неотъемлемой частью Европы, должна получить принадлежащее ей место в новом европейском устройстве, а вопросы, связанные с будущим Польши, должны быть рассмотрены без давления военных обстоятельств в рамках нового мирного устройства Европы»⁸¹. При этом под выражением о «неотъемлемой части Европы» понималась культурная близость именно со странами Западной Европы и идеальным сценарием виделась максимальная интеграция в нее⁸², однако сами понятия «Восточная Европа» и «Западная Европа» были, очевидно, нежелательны для такого дискурса. Зато для противоположного идеологического лагеря, коммунистов, «Восточная Европа» стала удачным решением «проклятого вопроса» о принадлежности к Европе и одновременно – культурным обоснованием политического разделения.

Обусловленная внешнеполитическими и экономическими причинами, а во многом просто насильственная «советизация» Польши и её изоляция от Запада были для прозападной части польского общества, более многочисленной, чем просоветская, тем более драматичной, что

---

⁸⁰ Polska refleksja. 2007. С. 362.

⁸¹ Wrzesiński 2004. С. 116.

⁸² Там же. С. 117.

именно в это время на Западе Европы началась долгожданная политическая и экономическая интеграция, реализация давней мечты о европейском единстве. Публицист-эмигрант Юлиуш Мерошевский с горечью писал, что процесс интеграции стран, находящихся на запад от железного занавеса, вернее было бы называть не объединением, а разделом Европы⁸³. Оторванная от этих процессов, Польша не только лишалась возможности выстраивать новые связи, но и утрачивала старые. Попытки осуществить сближение стран Восточной Европы между собой в противовес СССР – логическое продолжение проектов довоенного и военного времени (а в таком союзе Польша, несомненно, претендовала на ведущую роль) – также потерпели неудачу⁸⁴.

Тем временем, интеграции Западной Европы сопутствовало отождествление её с «Европой вообще»⁸⁵ – в первую очередь, конечно, в глазах самих западноевропейцев и американцев, но неизбежно в какой-то мере также и для жителей Восточной Европы, в т.ч. поляков. Впрочем, изоляция Польши от Запада, столь успешная в политической и экономической сферах, была, несмотря на усилия цензуры, далеко не тотальной в сфере культуры, науки, религии и т.п.⁸⁶ Это во многом и обусловило противоречивое самоощущение поляков: оказавшись политически и экономически за пределами «настоящей», Западной Европы, они продолжали чувствовать себя европейцами⁸⁷.

Помимо попыток добиться либерализации и усиления контактов с Европой официальным путём, в Польше стали возникать подпольные организации, стремящиеся к освобождению от советского контроля и декларирующие европейскую ориентацию страны. Так, в программном документе конспиративного «Польского соглашения о независимости» в 1976 году говорилось: «Польский народ и государство исторически принадлежат к большой семье стран Западной и Центральной Европы, наследников греко-латинской и христианской цивилизации. Мы обязаны продолжать эти бесценные традиции, укрепляя связи с духовно близкими нам странами»⁸⁸. Помимо содержания европейской идеи (историко-культурного и духовного) нам здесь интересно то, что понятие «Центральная Европа», особенно популярное в 1980-е гг.⁸⁹, помогало

---

⁸³ Polska refleksja. 2007. С. 242.

⁸⁴ Wrzesiński 2004. С. 124-125.

⁸⁵ Там же. С. 124.

⁸⁶ Там же. С. 125, 127.

⁸⁷ Кии 2003. С. 12.

⁸⁸ Цит. по: Wrzesiński 2004. С. 136.

⁸⁹ Кии 2003. С. 12-13; Миллер 1996.

декларировать приверженность к Европе Западной, одновременно отделяя себя от Советского Союза. Однако доминирующим всё-таки оставалось деление Европы на Восточную и Западную, которое использовалось и противниками Советской власти – тем более что, несмотря на условия холодной войны, эти понятия всё-таки имели общую «европейскую» составляющую, неизбежно наводившую на мысли не только о различиях, но и об общности. Этого не даёт, например, дихотомия «восток-запад» или «социалистический/капиталистический лагерь». Так, одна из радикальных группировок, близких «Солидарности», говорила о «солидарности с остальными угнетёнными странами Восточной Европы, но вместе с тем – о поиске общности с демократическими странами Западной Европы»⁹⁰. О единстве разделённой Европы много говорил Папа Римский Иоанн Павел II (поляк Кароль Войтыла), и, хотя в своей знаменитой цитате о равно необходимых «двух лёгких Европы» он имел в виду религиозное разделение, этот образ и идея, очевидно, приобрели в 1980-е годы и политическое содержание.

Говоря о теме Европы в польской общественной мысли в период ПНР, следует отметить, что ведущую роль в ней сыграли, пожалуй, не подцензурные публикации в самой Польше, а эмигрантская публицистика, особенно знаменитая парижская «Культура» Ежи Гедройца. В ней преобладают рассуждения о сущности, проблемах, судьбе Европы безотносительно Польши – так сказать, космополитичный взгляд, не ориентированный на национальные интересы. В этом же ключе происходит и глубокое осмысление описанных выше исторических стереотипов, касающихся роли Польши в Европе. Вот, например, как писал в 1952 г. Ю. Мерошевский: «...мы должны начать рассматривать польскую историю как фрагмент истории Европы, потому что до сих пор было наоборот – мы всегда рассматривали историю Европы с точки зрения партикулярных польских интересов. Наша историческая литература кишит утверждениями и детальными аргументами в пользу того, что Польша – краеугольный камень Европы, что Европа не может существовать без сильной Польши, что мы столп и условие “*sine qua non*” европейского порядка. В действительности это лишь провинциальное wishful-thinking, “слоновья болезнь” регионального самоощущения. Восхитительная Европа XIX века... существовала без независимой Польши. Не только существовала, но и процветала. Пора наконец покончить с анахронизмом “краеугольного камня и форпоста Европы”»⁹¹.

⁹⁰ Цит. по: *Wrzesiński* 2004. С. 138.

⁹¹ *Polska refleksja*. 2007. С. 342.

Однако представление о безусловной принадлежности к Европе, общности европейских интересов и избавление от национальной «мании величия» совсем не отменяло представления о Восточной Европе как об особом историческом регионе, обладающем своей спецификой, а не просто «отстающем». Наверное, одним из ярчайших примеров развития этой темы в польской общественной мысли стало автобиографическое эссе Чеслава Милоша «Родная Европа»⁹². Его можно считать в каком-то смысле полемическим: глубоко привязанный к родным местам и при этом считающий себя европейцем, Милош ставит одной из своих задач показать западноевропейцам восточную часть их собственного континента, которая является для них *terra incognita*⁹³. Не повторяя стереотипы эпохи романтизма о «Христе народов» и «форпосте Европы», он, тем не менее, подчеркивает значимость восточноевропейского опыта для Европы в целом. Этот опыт не лучше западноевропейского, но он своеобразен и не является лишь признаком отставания, как это иногда считается. И этот опыт является в той же мере «настоящим европейским», что и история Франции, Великобритании и др., а значит – западноевропейцам стоит знать и понимать Восточную Европу так же хорошо, как восточноевропейцы знают западную – такова идея Милоша. В некоторой двойственности его взглядов, внутреннем конфликте между желанием быть (и считаться) полноценным европейцем, восхищением культурой Запада и приверженностью к своему региону, подчёркиванием его значимости для всей Европы, можно (при всех глубоких различиях идеологии, риторики и аргументации) увидеть переключку с Мицкевичем – недаром сам автор во введении называет его своим «духовным покровителем»⁹⁴. Неудивительно и то, что оба они – политические эмигранты, однако если эпоха разделов, как писалось выше, способствовала вливанию Польши в европейское единство, то в годы после Второй мировой войны тенденция была обратная. Именно поэтому Милош столько внимания уделяет подчёркиванию связей Восточной Европы с Западной, в том числе – через свой личный опыт межвоенного двадцатилетия. Ему важно показать, что существование «железного занавеса» – противоестественная ситуация, разрезание «по живому» пространства, единого в истории и в его личной памяти. Подчёркнём, что, в отличие от Мицкевича и многих других, Милош пишет о Восточной Европе в целом – Польша находится в центре повествования в первую

---

⁹² Милош 2011.

⁹³ Там же. С. 12.

⁹⁴ Там же. С. 5.

очередь в силу его автобиографического характера, но не наделяется сама по себе никакой особой ролью.

Новую страницу в истории – в том числе истории отношений Польши с Европой – открыло в 1980-е гг. движение «Солидарность». Его деятельность сделала Польшу первой страной, покинувшей соцлагерь, и способствовала аналогичным переменам в других странах Восточной Европы. Это стало восприниматься поляками не просто как собственное «возвращение в Европу», но и как ключевой вклад в процесс объединения двух частей континента и становление его нового устройства. Такое видение хорошо сочеталось с известным нам историческим представлением об особой роли Польши в Европе, о борьбе «за вашу и нашу свободу» и даже о том, что судьба Европы в целом зависит от участи Польши. Поэтому, конечно, переосмысление исторических стереотипов национальной, тем более эмигрантской элитой ни в коем случае нельзя считать полным их исчезновением.

В конце 1980-х гг., по словам знаменитого американского политолога польского происхождения Збигнева Бжезинского, «понятие «Европа» обрело более широкое значение, охватило более широкую реальность»⁹⁵. В этой новой реальности политическое положение Польши начало, наконец, приходить в соответствие с её культурной идентификацией. «Объединение Германии ускорило процесс сближения Польши с Западной Европой, определив польский государственный интерес и присутствие Польши в рамках интегрированной, демократической, свободной Европы. <...> В видении польских политиков Евросоюз как политико-экономико-культурное единство стал общностью объединённых народов и государств, строящих демократический порядок... Признавая единство происхождения европейских идеалов, в их многочисленности видели, однако, место для польской традиции, без доминирования одной группы над другой»⁹⁶.

В этот период, с его повсеместным представлением о биполярном мире, стремление Польши «в Европу» не просто было следствием желания освободиться от доминирования СССР – оно было его синонимом. «Для нас, европейцев за “железным занавесом”, идея Европы была просто противоположностью коммунистическому проекту», – писал позднее знаменитый польский диссидент Адам Михник⁹⁷. Содержанием понятия «Европа» была не только культурная, в узком

⁹⁵ Цит. по: *Wrzesiński* 2004. С. 139.

⁹⁶ *Wrzesiński* 2004. С. 139.

⁹⁷ *Михник* 2003. С. 50.

смысле, общность, и не столько собственно экономическое или политическое устройство, сколько базовые ценности: «правда, справедливость, достоинство. При этом предполагалось, что с Европой связана гарантия свободы человека в реализации этих ценностей»⁹⁸. Эта идеалистичная картина, разумеется, имела глубокие корни в польском сознании, однако именно в этот момент приобрела особую актуальность.

Однако уже тогда многие стали понимать, что долгожданное «возвращение Польши в Европу», разумеется, не может быть быстрым и определённым процессом. «В сознании поляков существует комплекс распространённых, хотя и не всегда ясных, взглядов относительно принадлежности Польши к Европе... Принадлежит ли на самом деле Польша к Европе...? По политическому устройству – нет, по сути своих традиций – да; по сути общественных отношений – только частично; по стремлению большинства её жителей – в намного большей степени; по своим институтам – за исключением Католической церкви и некоторых объединений деятелей культуры – почти вовсе нет; по повседневной интеллектуальной деятельности учёных, художников, писателей, священников – в большей степени», – так оценивали положение вещей в 1989 г. деятели «Польского соглашения о независимости»⁹⁹.

Таким образом, если в предшествующие годы доминировало упрощённое представление о том, что Польша – сугубо европейская по культуре страна, полноценному существованию которой мешают лишь навязанные извне условия биполярного мира, то теперь оказалось, что реальный разрыв с «настоящей» Европой, возникший/усугубившийся за время коммунистического правления, слишком велик. Принадлежность Польши к Европе из абстракции, идеала превратилась в ряд конкретных параметров, по которым ещё только предстояло нагнать «старших товарищей», а результатом этого процесса должно было стать включение в реальные политические структуры¹⁰⁰, которое знаменовало бы признание полноценной «европейскости». Такая ситуация, смешивающая надежды и национальные комплексы, породила бурные дискуссии о Европе и европейскости в польской общественной мысли.

В независимой Польше мы можем наблюдать две тенденции. Во-первых, это естественное в подобной ситуации развитие евроскептицизма, пришедшее на смену почти всеобщей эйфории. Хотя для многих «теперь ещё раз оказалось, что Европа с её богатым культурным насле-

---

⁹⁸ *Wrzesiński* 2004. С. 140.

⁹⁹ Цит. по: *Wrzesiński*. 2004. С. 140.

¹⁰⁰ Там же. С. 141.

дием – вторая Родина поляков»¹⁰¹, не для всех это «возвращение» стало таким долгожданным. По словам Ф. Жейки, в послекоммунистические годы заявили о себе «плохие стороны сарматской традиции», под которыми он понимает крайне правые настроения, представление о национальной исключительности поляков и изоляционизм в отношении не только постсоветского пространства, но и стран Запада. Носители этих идей «не скрывают возрастающей в них едва ли не с каждой минутой неприязни по отношению к иностранцам и к Европе»¹⁰².

Впрочем, не только среди идейных правых, но в среде обывателей стал формироваться евроскептицизм. Он стал естественным следствием знакомства с «реальной» Европой, которая неизбежно отличалась от идеала, укрепившегося за время советской власти. Кроме того, не стоит забывать о знаменитом польском патриотизме, который является одной из самых популярных черт автостереотипа¹⁰³ и до некоторой степени препятствует развитию мощных наднациональных идентичностей.

По мнению Жейки, из идеи о крестьянском, исконно-славянском наследии, восходящем к работам классика польской этнографии З. Доленги-Ходаковского, «происходит чётко выражаемая народными политиками неприязнь к Европе и ценностям, которые она выражает. Под предлогом заботы о состоянии польского крестьянства эти политики, а также близкие им публицисты и журналисты создают у своих избирателей чёрный образ Европы. Возможная экономическая и культурная интеграция Польши со странами Западной Европы должна обозначать – в их интерпретации – окончательную катастрофу польской деревни»¹⁰⁴.

Вторая тенденция состоит в том, что после глобальной геополитической переориентации на Запад представление о Европе в Польше стало переходить в более практическую плоскость, обрастая конкретными деталями, подлежащими предметному обсуждению. В первую очередь, разумеется, речь идёт о социально-экономических вопросах, а также о политике. Безусловно, и сторонники, и противники евроинтеграции (подчеркнём условность этого деления) апеллируют и к абстрактным идеальным категориям историко-культурного характера, однако всё большее значение стали приобретать её конкретные формы и возможные последствия. Из утопического конструкта Европа превращается в конкретную политическую категорию – спорную и многогранную.

---

¹⁰¹ Ziejka 1998. С. 25.

¹⁰² Там же. С. 29.

¹⁰³ См., например: Чубарова 2008.

¹⁰⁴ Ziejka 1998. С. 31.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники:

- Polska refleksja nad Europą. Wybór tekstów / Red. J. Nowak, R. Owadowska, K. Wrześnińska. Poznań; Warszawa: Instytut Sławiastyki PAN, 2007. 425 s.
- Меховский М. Трактат о двух Сарматиях / Введ., пер. с польского и комментарии С.А. Аннинского. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. 288 с.
- Милов Ч. Родная Европа / Пер. с польского К. Старосельская. М.: Летний сад, 2011. 287 с.
- Полевые материалы автора (ПМА) по результатам социо-антропологического исследования в Польше в феврале-марте и июне-июле 2010 года (личный архив).

Литература:

- Domańska E. [Re]creative myths and constructed history. (The case of Poland) // Myth and memory in the Construction of Community. Historical Patterns in Europe and beyond / Ed. by Bo Strath. Brussels: P.I.E./Peter Lang, 2000. P. 249-262.
- Goliński M. Polska a Europa w dobie Jagellonów i pierwszych królów elekcyjnych // Polska a Europa (X–XX wiek) / Red. W. Wrześniński. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2004. S. 33-42.
- Hauser P. Polska odrodzona w Europie // Polska a Europa (X–XX wiek) / Red. W. Wrześniński. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2004. S. 75-86.
- Jedlicki J. Jakiej cywilizacji Polacy potrzebują. Warszawa: PWN, 2002. 378 s.
- Juchler J. Swoistość historii Polski – próba podsumowania z zewnątrz // Obicza polkości / Red. Antonina Kłoskowska. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 1990. S. 53-71.
- Kalembka S. Polska a Europa w okresie Świętego Przymierza // Polska a Europa (X–XX wiek) / Red. W. Wrześniński. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2004. S. 51-58.
- Kulak T. Europa wobec polskich dążeń niepodległościowych na przełomie XIX i XX wieku // Polska a Europa (X–XX wiek) / Red. W. Wrześniński. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2004. S. 59-74.
- Prokop J. Polak jaki jest nie(ch) każdy widzi. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2004. 204 s.
- Rojek W. Europa i stany zjednoczone wobec polskich dążeń niepodległościowych // Polska a Europa (X–XX wiek) / Red. W. Wrześniński. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2004. S. 87-114.
- Tazbir J. W pogoni za Europą. Warszawa: Sic!, 1998. 294 s.
- Wierzbiński A. Naród – państwo w polskiej myśli historycznej dwudzieściolecia międzywojennego. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1978. 173 s.
- Wrześniński W. Polska "zniewolona" a Europa // Polska a Europa (X–XX wiek) / red. W. Wrześniński. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2004. S. 115-142.
- Ziejka F. Ojczyzna Polaków // Słowianie wobec integracji Europy / Red. Maria Bobrownicka. Kraków: Tow. Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas, 1998. S. 23-44.
- Борко Ю.А. От европейской идеи к единой Европе. М.: «Деловая литература», 2003. 464 с.
- Историко-культурные основы европейской цивилизации / Ред. Т.М. Фатеева. М.: ИНИОН РАН, Институт всеобщей истории. Центр по изучению европейской цивилизации, 1992. 180 с.

- Киш И.* Новое открытие Центральной Европы // Центрально-европейский ежегодник. Сборник статей и документов. Вып. 1. Международные отношения и безопасность / Сост. И. Киш, науч. ред. Т.А. Шаклеина / М.: Логос, 2003. С. 12-18.
- Ле Гофф Ж.* Рождение Европы / Пер.с франц. А. Поповой. СПб.: Александрия, 2008. 400 с.
- Лескинен М.В.* Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М.: Институт славяноведения РАН, 2002. 178 с.
- Миллер А.И.* Об истории концепции «Центральная Европа» // Центральная Европа как исторический регион / Отв. ред. А.И. Миллер. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1996. С. 4-25.
- Михник А.* Исповедь покаянного диссидента // Центрально-европейский ежегодник. Сборник статей и документов. Вып. 1. Международные отношения и безопасность / Сост. И. Киш, науч. ред. Т.А. Шаклеина / М.: Логос, 2003. С. 44-53.
- Мочалова В.В.* Миф Европы у польских романтиков // Миф Европы в литературе и культуре Польше и России. М.: Индрик, 2004. 304 с.
- Роксандич Д.* «Европа граждан», Средняя Европа и границы Европы // Центральная Европа как исторический регион / Отв. ред. А.И. Миллер. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1996. С. 128-136.
- Сюч Е.* Три исторических региона Европы // Центральная Европа как исторический регион / Отв. ред. А.И. Миллер. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1996. С. 147-265.
- Тымовский М., Кеневич Я, Хольцер Е.* История Польши / Пер. с польского В.Н. Ковалёв, М.А. Корзо, М.В. Лескинен. М.: «Весь мир», 2004. 554 с.
- Фалькович С.М.* Значение фактора Европы для истории, культуры, общественного сознания и менталитета поляков // Миф Европы в литературе и культуре Польше и России. М.: Индрик, 2004. 304 с.
- Филатова Н.* Европа в историософии А. Мицкевича и К. Бродзиньского // Миф Европы в литературе и культуре Польше и России. М.: Индрик, 2004. 304 с.
- Хорев В.А.* Русский европеизм и Польша // Миф Европы в литературе и культуре Польше и России. М.: Индрик, 2004. 304 с.
- Чубарова В.В.* Поляки собственными глазами и глазами русских // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 206. М.: ИЭА РАН, 2008. 30 с.
- Чубарьян А.О.* Европейская идея в истории. М.: «Международные отношения», 1987. 352 с.

BIBLIOGRAFIJA

- Domańska E.* [Re]creative myths and constructed history. (The case of Poland) // Myth and memory in the Construction of Community. Historical Patterns in Europe and beyond / Ed. by Bo Strath. Brussels: P.I.E./Peter Lang, 2000. P. 249-262.
- Goliński M.* Polska a Europa w dobie Jagellonów i pierwszych królów elekcyjnych // Polska a Europa (X–XX wiek) / Red. W. Wrześniński. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2004. S. 33-42.
- Hauser P.* Polska odrodzona w Europie // Polska a Europa (X–XX wiek) / Red. W. Wrześniński. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2004. S. 75-86.
- Jedlicki J.* Jakiej cywilizacji Polacy potrzebują. Warszawa: PWN, 2002. 378 s.
- Juchler J.* Swoistość historii Polski – próba podsumowania z zewnątrz // Obicza polkości / Red. Antonina Kłoskowska. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 1990. S. 53-71.

- Kalemka S.* Polska a Europa w okresie Świętego Przymierza // Polska a Europa (X–XX wiek) / Red. W. Wrzesiński. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2004. S. 51–58.
- Kulak T.* Europa wobec polskich dążeń niepodległościowych na przełomie XIX i XX wieku // Polska a Europa (X–XX wiek) / Red. W. Wrzesiński. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2004. S. 59–74.
- Prokop J.* Polak jaki jest nie(ch) każdy widzi. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2004. 204 s.
- Rojek W.* Europa i stany zjednoczone wobec polskich dążeń niepodległościowych // Polska a Europa (X–XX wiek) / Red. W. Wrzesiński. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2004. S. 87–114.
- Tazbir J.* W pogoni za Europą. Warszawa: Sic!, 1998. 294 s.
- Wierzbicki A.* Naród – państwo w polskiej myśli historycznej dwudzieściolecia międzywojennego. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1978. 173 s.
- Wrzesiński W.* Polska "zniewolona" a Europa // Polska a Europa (X–XX wiek) / red. W. Wrzesiński. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2004. S. 115–142.
- Ziejka F.* Ojczyzna Polaków // Słowianie wobec integracji Europy / Red. Maria Bobrownicka. Kraków: Tow. Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas, 1998. S. 23–44.
- Borko Ju.A.* Ot evropejskoj idei k edinoj Evrope. M.: «Delovaja literatura», 2003. 464 s.
- Istoriko-kul'turnye osnovy evropejskoj civilizacii* / Red. T.M. Fateeva. M.: INION RAN, Institut vseobshhej istorii. Centr po izucheniju evropejskoj civilizacii, 1992. 180 s.
- Kish I.* Novoe otkrytie Central'noj Evropy // Central'no-evropejskij ezhegodnik. Sbornik statej i dokumentov. Vyp. 1. Mezhdunarodnye otnoshenija i bezopasnost' / Sost. I. Kish, nauch. red. T.A. Shakleina / M.: Logos, 2003. S. 12–18.
- Le Goff Zh.* Rozhdenie Evropy / Per.s franc. A. Popovoj. SPb.: Aleksandrija, 2008. 400 s.
- Leskinen M.V.* Mify i obrazy sarmatizma. Istoki nacional'noj ideologii Rechi Pospolitoj. M.: Institut slavjanovedenija RAN, 2002. 178 s.
- Miller A.I.* Ob istorii koncepcii «Central'naja Evropa» // Central'naja Evropa kak istoricheskij region / Otv. red. A.I. Miller. M.: Institut slavjanovedenija i balkanistiki, 1996. S. 4–25.
- Mihnik A.* Ispoved' pokajannogo dissidenta // Central'no-evropejskij ezhegodnik. Sbornik statej i dokumentov. Vyp. 1. Mezhdunarodnye otnoshenija i bezopasnost' / Sost. I. Kish, nauch. red. T.A. Shakleina / M.: Logos, 2003. S. 44–53.
- Mochalova V.V.* Mif Evropy u pol'skih romantikov // Mif Evropy v literature i kul'ture Pol'she i Rossii. M.: Indrik, 2004. 304 s.
- Roksandich D.* «Evropa grazhdan», Srednjaja Evropa i granicy Evropy // Central'naja Evropa kak istoricheskij region / Otv. red. A.I. Miller. M.: Institut slavjanovedenija i balkanistiki, 1996. S. 128–136.
- Sjuch E.* Tri istoricheskikh regiona Evropy // Central'naja Evropa kak istoricheskij region / Otv. red. A.I. Miller. M.: Institut slavjanovedenija i balkanistiki, 1996. S. 147–265.
- Tymovskij M., Kenevich Ja, Hol'cer E.* Istorija Pol'shi / Per. s pol'skogo V.N. Kovaljov, M.A. Korzo, M.V. Leskinen. M.: «Ves' mir», 2004. 554 s.
- Fal'kovich S.M.* Znachenie faktora Evropy dlja istorii, kul'tury, obshhestvennogo soznaniya i mentaliteta poljakov // Mif Evropy v literature i kul'ture Pol'she i Rossii. M.: Indrik, 2004. 304 s.

- Filatova N. Evropa v istoriosofii A. Mickevicha i K. Brodzin'skogo // Mif Evropy v literature i kul'ture Pol'she i Rossii. M.: Indrik, 2004. 304 s.
- Horev V.A. Russkij evropeizm i Pol'sha // Mif Evropy v literature i kul'ture Pol'she i Rossii. M.: Indrik, 2004. 304 s.
- Chubarova V.V. Poljaki sobstvennymi glazami i glazami russskih // Issledovanija po prikladnoj i neotlozhnoj jetnologii. Vyp. 206. M.: IJeA RAN, 2008. 30 s.
- Chubar'jan A.O. Evropejskaja ideja v istorii. M.: «Mezhdunarodnye otnoshenija», 1987. 352 s.

Чубарова Валентина Викторовна, научный сотрудник Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета (ВНЦСА РГГУ); valiko86@gmail.com

The place and role of Poland in Europe as seen by the Poles

In XVI-XVII centuries in the szlachta environment the specific myth about Poland appeared. According to it, Poland was a bulwark of Europe protecting it from danger from the East. After the partitions of Poland, the image of “The Christ of nations” arose: the nation on whose resurrection the future of the whole Europe depends. However, there was the opposite idea either: it was about the backwardness of the country, the necessity to develop to the western level. The obtainment of independence largely actualized the old myths – Poland seemed again to be the country that had the special role for the whole Europe. The events of WWII were respectively perceived as the Poland’s new sacred victim. Later the overcoming of the old stereotypes strengthened. The country that was politically separated from the Western Europe recognized its cultural solidarity with it: the farther the more, it did not claim any special role anymore.

Keywords: *Poland, identity, Europe, Central Europe, national myths, European identity, history of Poland.*

Chubarova Valentina Viktorovna, Center of Social Anthropology, Russian State University for the Humanities, researcher valiko86@gmail.com

А. В. ШАМАНАЕВ

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ХИЩЕНИЯМ НАХОДОК И ВАНДАЛИЗМУ НА ХЕРСОНЕССКОМ ГОРОДИЩЕ деятельность Одесского общества истории и древностей (1840–1880-е гг.)

В статье рассматривается организация мер по предотвращению случаев уничтожения и кражи археологических находок на Херсонесском городище в 1840–1880-х годов. Исследование основано на делопроизводственных материалах монастыря св. Владимира в Херсонесе и Одесского общества истории и древностей, личной корреспонденции из архивных фондов. Автор рассматривает примеры хищений артефактов и случаев вандализма, а также формы противодействия со стороны организаторов раскопок памятника, анализирует причины неэффективности принятых мер. Показано, что проблема заключалась в низком культурном уровне посетителей городища, несовершенстве законодательства, но, прежде всего, в отсутствии постоянного надзора за памятником со стороны специализированной охранной службы.

Ключевые слова: *охрана историко-культурного наследия, история археологии, Херсонесское городище, Крым.*

В последние годы исследования по истории археологии выделились в самостоятельное направление, что позволило углубленно изучать отдельные аспекты развития этой научной дисциплины. Специфической областью разработок стало обращение к проблемам становления, развития и функционирования системы охраны археологического наследия в Российской империи. Материалы, связанные с Херсонесским городищем, дают возможность проследить основные этапы и выявить детали этих процессов. Стоит отметить, что проблема пресечения актов вандализма и хищения артефактов на местах раскопок археологических памятников не была исключительно «крымским» явлением. Как минимум с середины XIX в. она остро осознавалась специалистами, исследовавшими памятники по всему миру¹.

В Государственном архиве города Севастополя сохранились документы об участии в изучении и сохранении этого памятника служителей монастыря св. Владимира, существовавшего на территории городища во второй половине XIX – начале XX века (фонд 19)². Среди них можно выделить материалы, иллюстрирующие попытки монастырского

---

¹ См. напр.: *Reid*. 2002. P. 182-184.

² Государственный архив города Севастополя (ГАГС). 2000. С. 14; *Шаманаев*. 2004. Историю создания и функционирования монастыря см.: *Тур*. 2006. С. 92-100.

руководства, членов Одесского общества истории и древностей, представителей местной власти обеспечить сохранение археологических находок, а также пресечь случаи намеренного уничтожения археологизированных остатков построек на территории Херсонесского городища.

После вхождения Крыма в состав Российской империи территория древнего Херсонеса-Херсона оказалась за окраиной активно строившегося Севастополя. Однако городище стало источником дешевого строительного материала, использовавшегося для возведения зданий нового города³. Вполне естественно, что при разборе руин из земли извлекались различные артефакты. Судя по всему, большая часть случайных находок из Херсонеса, как и других памятников Северного Причерноморья, оседала в частных коллекциях. Некоторые херсонесские вещи оказались в собрании Кабинета редкостей Черноморского депо карт в Николаеве. Он был создан по распоряжению главного командира Черноморского флота и портов маркиза И.И. де Траверсе (1754–1831) в 1803 г. и активно пополнялся за счет частных пожертвований. Кабинет прекратил свое существование в 1838 г., судьба коллекций – не известна⁴. Также, в мемуарной литературе есть упоминания о небольшом собрании херсонесских древностей при «Морской офицерской библиотеке» в Севастополе, возможно утраченном в годы Крымской войны⁵.

Рынок антиквариата сложился в Крыму уже на рубеже XVIII–XIX вв. Так, по сведениям английского путешественника Эд.Д. Кларка, посетившего юг России в 1800 г., за несколько рублей в Севастополе можно было купить произведения античности⁶. В начале XIX в. проблема сохранения культурных ценностей Крыма привлекла внимание властей. На основании распоряжения Александра I херсонский военный губернатор (в его административном управлении находилась Таврическая губерния, в состав которой входил Крым) герцог Э.О. де Ришелье (1766–1822) предписал в 1805 г.: «никому из частных путешественников, Новороссийские губернии посещающих, не дозволяемо было собирать могущих находится там древних редкостей»⁷. Однако этот запрет распространялся только на казенные земли⁸. По мнению

---

³ Об этом писали многочисленные путешественники конца XVIII – первой четверти XIX в. Общий обзор см.: *Бертье-Делагард*. 1893. С. 1-9.

⁴ *Тункина*. 2002. С. 190-202.

⁵ *Берг*. 1858. С. 96.

⁶ *Clarke*. 1816. P. 207-208.

⁷ Здесь и далее в цитатах сохранены стиль, орфография и пунктуация подлинника.

⁸ Цит. по: *Стевен*. 1891. С. 33.

исследователя конца XIX века, С.Х. Стевена данное распоряжение не исполнялось и «в это время составлялось много больших частных коллекций монет и древностей»⁹.

Положительные изменения в деле сохранения культурных ценностей Херсонеса начались после создания в 1839 г. Одесского общества истории и древностей (ООИД), которое стало уделять большое внимание памятнику с первых лет своего существования¹⁰. В 1845 г. ООИД обратилось к главному командиру Черноморского флота и портов адмиралу М.П. Лазареву (1789–1851) с просьбой о доставке в музей общества находок, сделанных при открытии древнего захоронения на территории городища. М.П. Лазарев поручил выполнение этой задачи отставному морскому офицеру З.А. Аркасу (1793–1866). В том же году ООИД ходатайствовало перед адмиралом об организации систематических поисков лапидарных памятников и отправке их в музей общества в Одессу. С 1846 г. З.А. Аркас (после очередного обращения ООИД на имя М.П. Лазарева) стал полуофициальным хранителем памятника и исполнителем поручений Одесского общества. Судя по всему, он занимался собиранием лапидарных находок и отправкой их в музей ООИД в соответствии с отношениями 1845 и 1846 г. Кроме того, он пресекал самовольные раскопки на территории городища. В частности, в 1851 г. З.А. Аркас прекратил такого рода деятельность «некоего лейтенанта Шемякина» (М.С. Шемякин, ?–1855), конфисковал его находки и передал их в музей ООИД. Судя по всему, это был не единственный случай, что заставило Общество в том же году обратиться к командиру Севастопольского порта адмиралу С.П. Хрушеву (1791–1865) с просьбой о запрете частным лицам производить раскопки в Херсонесе¹¹.

После основания в 1852 г. на территории Херсонеса киновии, посвященной св. князю Владимиру ее служители подключились к изучению и сохранению памятника. В 1852–1853 гг. настоятель иеромонах о. Василий при участии представителей ООИД осуществил археологические раскопки на территории городища¹². Находки, полученные в результате этих работ, хранились в монастыре, вероятно, как и некоторые вещи, полученные при раскопках 1853 г. А.С. Уварова (1825–1884)¹³. В годы Крымской войны на территории Херсонеса располага-

---

⁹ Там же. С. 36.

¹⁰ Об ООИД см.: Юргевич. 1886. С. 52–58; Тункина. 2002. С. 256–280.

¹¹ Гриневич. 1927. С. 12–15.

¹² Гроздов. 1888. С. 76–77; Тункина. 2002. С. 525–526.

¹³ Тункина. 2002. С. 527.

лись французские части. Артефакты, хранившиеся в монастыре, были вывезены за рубеж¹⁴.

После окончания военных действий, разрушенные монастырские строения были восстановлены, а в 1861 г. киновия получила статус монастыря 1-го класса¹⁵. В 1857 г. настоятель иеромонах о. Евгений (Отмарштейн) обратился в Севастопольскую городскую полицию с просьбой оказать содействие в деле сохранения культурных ценностей Херсонеса: «Встречая неоднократно на Монастырской земле охотников, и видя также неоднократно примеры похищения остатков древностей, не взирая на выговоры продолжающиеся и доселе, покорнейше прошу оную Полицию довести до всеобщаго сведения о запрещении подобных выходовк неблагомыслящих людей и о том, что всякий поступок такого рода будет подводится под статью Церковнаго грабительства и будет доведен до ВЫСОЧАЙШАГО сведения». На документе имеются пометки, вероятно отражающие его движение в структурах городской полиции в период с 16 по 21 октября 1857 года. Судя по сопроводительному письму из полиции и отметкам на обороте отношения о. Евгения, информация была распространена в 1-й и 2-й полицейских частях, а также на Северной стороне г. Севастополя, в течение месяца¹⁶.

С формальной точки зрения угроза рассматривать несанкционированные поиски артефактов на городище как покушение на церковную собственность была серьезной. Согласно «Уложению о наказаниях уголовных и исправительных» (1845) кража церковного имущества квалифицировалась как особый вид уголовного преступления – святотатство (ст. 241). Под это определение попадали и случаи хищения не освященных предметов. Такие преступления считались менее тяжкими, чем воровство предметов культа (ст. 255). Наказание за них соответствовало обычной краже, но совершенной при отягчающих обстоятельствах (ст. 2166) и могло составить от 1 года до 10 лет арестантских рот (ст. 35)¹⁷. Судя по всему, угроза о. Евгения так и не была реализована.

В последующие годы Одесское общество неоднократно пыталось привлечь духовенство к сохранению случайных археологических находок из Херсонеса. Так, в 1861 г. оно просило епископа Таврического и Симферопольского Алексия (Р.И. Ржаницын, 1813–1877) о том, чтобы духовенство сообщало в общество о находках предметов старины, а

---

¹⁴ Иванов. 1912. С. 171.

¹⁵ Анфим. 1877. С. 428.

¹⁶ ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2. Л. 27-27об, 35.

¹⁷ Полное собрание законов. С. 604, 639, 643, 993.

также о передаче дубликатов монет, находимых в Херсонесе в музей ООИД¹⁸. В 1865 г. ООИД обратилось к епископу Алексию с просьбой: «случайно попадающиеся в Херсонесском монастыре древние монеты... пригласить настоятеля монастыря доставлять на рассмотрение общества»¹⁹. В апреле 1868 г. ООИД направило Таврическому и Симферопольскому епископу Гурию (Г.П. Карпов, 1814–1882) ходатайство о привлечении духовных лиц епархии к собиранию сведений о находках древних предметов. Особое внимание предлагалось уделить Херсонесу: «Для истории края и археологии в этом месте драгоценна всякая находка; чтобы тамошнее начальство, по случаю производства там построек, приложило особенное старание к отысканию древних предметов, т.е. монет, сосудов, надписей и т.п.»²⁰.

Важные для сохранения херсонесских находок положения содержатся в официальном извещении ООИД настоятелю монастыря о. Анфиму (Казимиров) от 6 марта 1876 г. о начале раскопок за счет средств Синода. В этом извещении была изложена общая программа исследований и охранных работ на памятнике. Так, надзор за раскопками и «розысками» на городище возлагался на специально уполномоченного члена Одесского общества совместно с настоятелем монастыря. Находки должны были распределяться для хранения между обителью и музеем ООИД. Интерес представляет идея музеефикации остатков базилики, открытой А.С. Уваровым в 1853 г., который предусматривал установку на базы сохранившихся фрагментов колонн. Для сохранения многочисленных архитектурных деталей, происходивших, судя по всему, с разных участков памятника, предполагалось использовать их в качестве строительного материала при сооружении здания «*в виде древней христианской баптистерии*»²¹. Постепенно идея реконструкции культового сооружения трансформировалась в проект постройки помещения для музея христианских древностей Херсонесского городища²². В случае реализации этих проектов создавались условия для концентрации в одном комплексе разрозненных архитектурных фрагментов и предотвращения их утраты. Однако, они не были осуществлены.

С началом в 1876 г. систематических раскопок Херсонесского городища руководители исследований столкнулись с серьезной пробле-

---

¹⁸ Тункина. 2002. С. 533.

¹⁹ ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 9.

²⁰ Там же. Л. 12.

²¹ Там же. Л. 21–21об.

²² Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии Наук (РО ИРЛИ РАН). Ф. 603. № 68. Л. 3–7.

мой краж находок непосредственно рабочими, осуществлявшими земляные работы. Серия инструкций по организации раскопок, разработанных вице-президентами ООИД Н.Н. Мурзакевичем (1806–1883) и В.Н. Юргевичем (1818–1898) отражает основные приемы борьбы с этим злом: угроза полицейского преследования; обращение к религиозным чувствам; увольнение; раздача наградных. Фактически, только последний способ оказался более или менее действенным²³.

Механизм и цель таких краж наглядно иллюстрирует анонимная записка, датированная 17 июня 1879 г. Судя по характерному почерку, ее автором является Мурзакевич, адресована она была, скорее всего, настоятелю монастыря. В тексте речь идет о севастопольском мещанине Буткове, который вступил в сговор с рабочими, нанятыми для производства земляных работ и кем-то из обитателей монастыря для покупки наиболее интересных монет из раскопов. Полученные артефакты предназначались Бутковым для продажи коллекционерам. Вице-президент ООИД решительно потребовал: «Воспретить Буткову приближение к раскопкам, а тем более стачки с рабочими. Наблюдать, если появляется в Монастыре и о поступках его немедленно доносить кому следует; равно и о подобных Буткову лицах»²⁴. В 1881 г. Мурзакевич инициировал расследование обстоятельств приобретения фрагмента мраморной колонны неким «доктором Зеленским». Несмотря на предпринятые куратором раскопок со стороны монастыря о. Иоанном поиски, установить виновных в организации хищения артефакта не удалось²⁵.

Серьезные затруднения возникли у руководителей раскопок в связи с открытием в 1877 г. «Восточной» базилики с мозаичным полом²⁶. Для обеспечения сохранности мозаик весной 1878 г. Мурзакевич распорядился: «Приподнять фундамент той церкви, что с мозаичным полом, но так чтобы над оным мог быть поставлен навес для защиты онаго; или же оградить запирающеюся дверь»²⁷. Остатки комплексов были огорожены «каменной стеною и дверью с замком»²⁸. К сожалению, ограда не помогла и «Отчет ООИД» сообщил о повреждении «открытаго мозаичнаго церковнаго пола... толпою необразованных горожан»²⁹.

---

²³ Об инструкциях ООИД см.: *Шаманаев*. 2005. С. 384–394; 2010. С. 143–149.

²⁴ ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 93–93об.

²⁵ РО ИРЛИ РАН. Ф. 603. № 114. Л. 1–2об.

²⁶ Отчет... с 14 ноября 1880 по 14 ноября 1881. С. 10.

²⁷ ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 88.

²⁸ Отчет... с 14 ноября 1877 по 14 ноября 1878. С. 9.

²⁹ Отчет... с 14 ноября 1881 по 14 ноября 1882 г. С. 8.

Судя по всему, опасности расхищения подвергались и архитектурные детали, полученные при раскопках и собранные на городище: «Самые мраморы, как-то: капители, колонны, базы, карнизы, стенки иконостасов разбиваемые в куски, увозились в Севастополь на домашние надобности, или развозились любителями древностей»³⁰. На зиму 1877–78 гг. часть таких находок была размещена в аллее монастырского сада. Весной 1878 года Мурзакевич писал настоятелю: «Желательно прежние колонны и капители с пьедесталами что в садовой аллее, вернуть на свои места. Опасность от расхищения оных миновала»³¹. Однако, осенью 1879 г. снова: «Замечены многия колонны свежее разбитыми что у церковного фундамента Карантинной бухты». Для предотвращения подобных случаев Мурзакевич предложил нанять ночного сторожа³².

Еще одна попытка противостоять хищениям находок на городище заключалась в распространении информационных листов, обращенных к посетителям Херсонеса. В них содержалась информация о проекте создания музея и недопустимости частным лицам присваивать древние вещи. Отпечатанные объявления передавались через полицию настоятелю монастыря для размещения их в местах производства раскопок³³.

По-видимому, низкая эффективность мер по предотвращению хищений находок и разрушению археологических объектов в Херсонесе со стороны организаторов раскопок заставила их снова обратиться к помощи полиции. Полицеймейстер Севастополя информировал настоятеля монастыря в отношении от 31 июля 1880 года о сложившейся ситуации и предполагаемых мерах для ее изменения. Снова речь шла о том, что посетители монастыря и раскопок собирают и разрушают артефакты: «по уведомлению Вице-президента Императорского Одесского общества истории и древностей, общество постоянно встречает затруднения при археологических исследованиях от разного звания и возраста Севастопольских жителей, которые, посещая монастырь, безотчетно и безрассудно портят встречающиеся там разные предметы и часто тайком с собою уносят, был даже случай взлома кружки, поставленной для сбора добровольных подаяний»³⁴. Полицеймейстер счел нужным отдать распоряжение подчиненным о необходимости пресечения деятельности таких лиц и привлечения их к ответственности. Для организации полицейской охраны городища чиновник предложил разместить при мона-

---

³⁰ Отчет... с 14 ноября 1877 по 14 ноября 1878 г. С. 9.

³¹ ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 88.

³² Там же. Л. 95об.

³³ Там же. Л. 62-62об.

³⁴ Там же. Л. 83-83об., 87.

стыре урядника, для которого просил выделить жилое помещение и предоставить возможность размещения его лошади³⁵.

В ответ на запрос полицмейстера монастырь выразил готовность предоставить нужное жилье, но на более скромных условиях, чем требовалось – без отопления и освещения. Для окончательного решения вопроса настоятель игумен Пахомий (Зверев) запросил Таврического и Симферопольского епископа Гурия, который одобрил предложенный вариант³⁶. По настоянию ООИД уряднику предписывалось: «что бы он посещающим археологические раскопки, не позволял делать какие-либо повреждения открытых предметов, писать всякий вздор на мраморах; не исполняющих сего предавать мировому судье»³⁷. К сожалению, документов, свидетельствующих о том, как долго и насколько успешно урядник осуществлял свои функции, нет.

Видимо, ни объявления, разъясняющие значимость для науки херсонесских находок, ни присутствие урядника, не останавливали любителей «сувениров». В отчете за 1880–81 г. Одесское общество истории и древностей было вынуждено констатировать, что, не смотря на принятые меры «мелкие предметы однако уносятся посетителями тайно, по давней привычке – в память о посещении исторического места»³⁸.

В любом случае, находки продолжали уходить в частные руки. По сведениям собранным Одесским обществом, только в 1882–83 гг. на отечественном и зарубежных антикварных рынках появилась целая серия находок из Херсонеса: золотая монета Кизика неизвестного типа, хорошей сохранности; средневековый золотой перстень; большое количество керамических сосудов; египетская статуэтка; средневековые печати; серебряные пантикапейские монеты; медные монеты местной чеканки и другие предметы³⁹. Случаи постоянного хищения вещей из раскопок получили огласку в местной печати в связи с деятельностью севастопольского «Кружка любителей истории и археологии Крыма». Члены этого объединения обвиняли Одесское общество в неспособности обеспечить сохранность находок. Со своей стороны, ООИД упрекало сотрудников кружка в том, что они занимаются скупкой находок под предлогом их спасения и, тем самым поощряют рабочих продавать предметы из Херсонеса⁴⁰.

---

³⁵ Там же. Л. 83-83об.

³⁶ Там же. Л. 84.

³⁷ Там же. Л. 151.

³⁸ Отчет... с 14 ноября 1876 по 14 ноября 1877 г. С. 9.

³⁹ Императорское Одесское общество истории и древностей в 1884 г. С. 108.

⁴⁰ Сорочан, Зубарь, Марченко. 2000. С. 24.

Таким образом, несмотря на все усилия Одесского общества истории и древностей, монастыря св. Владимира, полиции и военных властей Севастополя, создать эффективную систему предотвращения хищения находок на Херсонесском городище так и не удалось. Как показывают имеющиеся материалы, проблема заключалась в низком культурном уровне посетителей городища, несовершенстве законодательства, а, прежде всего, в отсутствии постоянного надзора за памятником со стороны специализированной охранной службы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анфим.* Историческая записка о Херсонисском св. Владимира монастыре // Записки Одесского общества истории и древностей. 1877. Т. 10. С. 427-430.
- Берг Н.В.* Записки об осаде Севастополя. М.: Тип. Каткова, 1858. Т. 1. 265 с.
- Бертье-Делагард А.Л.* Древности Южной России. Раскопки Херсонеса // Материалы по археологии России. СПб. 1893. № 12. 64 с.
- Государственный архив города Севастополя: Краткий справочник / под ред. В.В. Крестьянникова; сост. Н.М. Терещук, Н.С. Калинина. Севастополь, 2000. 192 с.
- Гриневич К.Э.* Сто лет херсонесских раскопок (1827-1927). Севастополь: Херсонесский музей, 1927. 56 с.
- Государственный архив города Севастополя (ГАГС). Ф. 19. Оп. 1. Д. 2, 10.
- Гроздов А.В.* Историческая записка о Херсонисском св. равноапостольного великого князя Владимира монастыре // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1888. № 5. С. 76-80.
- Иванов Е.Э.* Херсонес Таврический // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1912. № 46. 376 с.
- Императорское Одесское общество истории и древностей в 1884 году // Журнал министерства народного просвещения. 1885. Ч. 238 (апрель). С.107-114.
- Отчет Императорского Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1876 по 14 ноября 1877 г. Одесса, 1877. 36 с.
- Отчет Императорского Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1877 по 14 ноября 1878 г. Одесса, 1879. 32 с.
- Отчет Императорского Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1880 по 14 ноября 1881 г. Одесса, 1882. 34 с.
- Отчет Императорского Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1881 по 14 ноября 1882 г. Одесса, 1882. 32 с.
- Полное собрание законов Российской империи. [2-е собр.]. 1846. Т. 20. Ч. 1. № 19283. С. 600-1010.
- Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии Наук (РО ИРЛИ РАН). Ф. 603 (Н.Н. Мурзакевич).
- Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков: Майдан, 2000. 828 с.
- Стивен А.Х.* Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1891. № 13. С. 33-54.
- Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: «Наука», 2002. 676 с.

- Тур В.Г. Православные монастыри Крыма в XIX – начале XX в. Киев: «Стилос», 2006. 248 с.
- Шаманаев А.В. Документы по истории археологических исследований Херсонеса в Государственном архиве города Севастополя // Документ. Архив. История. Современность. 2004. Вып. 4. С. 251–261.
- Шаманаев А.В. Документы Одесского общества истории и древностей об организации археологических раскопок в Херсонесе в 1870–1880-х гг. // Документ. Архив. История. Современность. 2005. Вып. 5. С. 384-394;
- Шаманаев А.В. Формирование методики археологических раскопок в России: инструкции Н.Н. Мурзакевича и В.Н. Юргевича (1878–1884) // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2010. Вып. 3. С. 143-149.
- Юргевич В.Н. Краткий очерк деятельности императорского Одесского общества истории и древностей // Записки Одесского общества истории и древностей. 1886. Т. 14. С. 52-58.
- Clarke E.D. Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Part the first: Russia, Tartary and Turkey. L., 1816. Vol. 2. 546 p.
- Reid D.M. Whose pharaohs? Archaeology, museums, and Egyptian national identity from Napoleon to World War I. Berkeley; London: University of California Press, 2002. 410 p.

BIBLIOGRAFIJA

- Anfim. Istoricheskaja zapiska o Hersonisskom sv. Vladimira monastyre // Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej. 1877. Т. 10. S. 427-430.
- Berg N.V. Zapiski ob osade Sevastopolja. M.: Tip. Katkova, 1858. Т. 1. 265 s.
- Bert'e-Delagard A.L. Drevnosti Juzhnoj Rossii. Raskopki Hersonesa // Materialy po arheologii Rossii. SPb. 1893. № 12. 64 s.
- Gosudarstvennyj arhiv goroda Sevastopolja: Kratkij spravocnik / pod. red. V.V. Krest'jannikova; sost. N.M. Tereshhuk, N.S. Kalinina. Sevastopol', 2000. 192 s.
- Grinevich K.Je. Sto let hersonesskih raskopok (1827-1927). Sevastopol': Hersones-skij muzej, 1927. 56 s.
- Gosudarstvennyj arhiv goroda Sevastopolja (GAGS). F. 19. Op. 1. D. 2, 10.
- Grozdoz A.V. Istoricheskaja zapiska o Hersonisskom sv. ravnoapostol'nogo veliko-go knjazja Vladimira monastyre // Izvestija Tavricheskoj uchenoj arhivnoj ko-missii. 1888. № 5. S. 76-80.
- Ivanov E.Je. Hersones Tavricheskij // Izvestija Tavricheskoj uchenoj arhivnoj ko-missii. 1912. № 46. 376 s.
- Imperatorskoe Odesskoe obshhestvo istorii i drevnostej v 1884 godu // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshhenija. 1885. Ch. 238 (aprel'). S.107-114.
- Otchet Imperatorskogo Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej s 14 nojabrja 1876 po 14 nojabrja 1877 g. Odessa, 1877. 36 s.
- Otchet Imperatorskogo Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej s 14 nojabrja 1877 po 14 nojabrja 1878 g. Odessa, 1879. 32 s.
- Otchet Imperatorskogo Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej s 14 nojabrja 1880 po 14 nojabrja 1881 g. Odessa, 1882. 34 s.
- Otchet Imperatorskogo Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej s 14 nojabrja 1881 po 14 nojabrja 1882 g. Odessa, 1882. 32 s.
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. [2-e sobr.]. 1846. Т. 20. Ch. 1. № 19283. S. 600-1010.

- Rukopisnyj otdel Instituta russoj literatury (Pushkinskij Dom) Rossijskoj Akademii Nauk (RO IRLI RAN). F. 603 (N.N. Murzakevich).
- Sorochan S.B., Zubar' V.M., Marchenko L.V. Zhizn' i gibel' Hersonesa. Har'kov: Majdan, 2000. 828 s.
- Steven A.H. Dela arhiva Tavricheskogo gubernskogo pravlenija, odnosjashhiesja do razyskanija, opisanija i sohraneniya pamjatnikov stariny v predelah Tavri-cheskoj gubernii // Izvestija Tavricheskoi uchenoi arhivnoj komissii. 1891. № 13. S. 33-54.
- Tunkina I.V. Russkaja nauka o klassicheskih drevnostjah juga Rossii (XVIII – sere-dina XIX v.). SPb.: «Nauka», 2002. 676 s.
- Tur V.G. Pravoslavnye monastyri Kryma v XIX–nachale XX v. Kiev: «Stilos», 2006. 248 s.
- Shamanaev A.V. Dokumenty po istorii arheologicheskikh issledovanij Hersonesa v Gosudarstvennom arhive goroda Sevastopolja // Dokument. Arhiv. Istorija. Sovremennost'. 2004. Vyp. 4. S. 251–261.
- Shamanaev A.V. Dokumenty Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej ob organiza-cii arheologicheskikh raskopok v Hersonese v 1870–1880-h gg. // Dokument. Ar-hiv. Istorija. Sovremennost'. 2005. Vyp. 5. S. 384-394;
- Shamanaev A.V. Formirovanie metodiki arheologicheskikh raskopok v Rossii: in-strukcii N.N. Murzakevicha i V.N. Jurgevicha (1878–1884) // Vestnik Udmurt-skogo uni-versiteta. Istorija i filologija. 2010. Vyp. 3. S. 143-149.
- Jurjevich V.N. Kratkij ocherk dejatel'nosti imperatorskogo Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej // Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej. 1886. T. 14. S. 52-58.
- Clarke E.D. Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Part the first: Rus-sia, Tartary and Turkey. L., 1816. Vol. 2. 546 p.
- Reid D.M. Whose pharaohs? Archaeology, museums, and Egyptian national identity from Napoleon to World War I. Berkeley; London: Un-ty of California Press, 2002. 410 p.

Шаманаев Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург), Институт гуманитарных наук и искусств, департамент «Исторический факультет», кафедра археологии и этнологии, доцент, shamanaev@mail.ru

Artifacts theft and vandalism counteraction in Chersonesos by Odessa Society of History and Antiquities (1840–1880's)

The article is devoted to the problem of the organization destruction and theft of archaeological finds counteraction in Chersonesos in 1840–1880's. The study is based on the documents of Monastery of St. Vladimir in Chersonese and the Odessa Society of History and Antiquities, the personal correspondence from archives. The author examines examples of the artifacts theft and vandalism, as well as forms of opposition by the organizers of the monument excavation, analyzes the reasons for the ineffectiveness of their efforts. It is shown that the problem was created by low cultural level of the visitors of the site, legal loopholes, but mostly by the lack of regular surveillance of the site by a specialized security service.

Keywords: cultural heritage protection, history of archeology, Chersonesos, Crimea.

Andrey Shamanaev, PhD in history, Associate Professor, docent, Ural Federal University (Ekaterinburg), Institute of Humanities and Arts, Faculty of History, department of Archaeology and Ethnology, shamanaev@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

О. Н. КВАСОВ

ДЕФИНИЦИОННЫЕ КАТЕГОРИИ И ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТЕРРОРИЗМА*

В статье рассматривается проблема определения сущности и содержания феномена революционного терроризма в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. Автор понимает терроризм как способ социально-политической борьбы, включающий в себя систематическую эскалацию насилия на микроуровне с целью решить макропроблему. В данном определении за основу берется активная направленность терроризма на насилие. Предложенное определение универсально по своему значению для всех видов террористической преступности, в том числе государственной, и позволяет отделить от них единичные криминальные деяния. На основе социально-деятельностного подхода характеризуются основные элементы террористической деятельности революционеров, предлагается оригинальная версия исторической эволюции терроризма. Многообразие «средств и методов террористической борьбы» объясняется не только обширной разновидностью объектов и предметов, на которые насилие направлено, но и многочисленностью видов и способов политического экстремизма.

Ключевые слова: *террористическая деятельность, революционный терроризм, субъект и объект терроризма, Российская империя XIX–XX вв.*

Несмотря на длительную историю и многочисленность наук, изучающих терроризм, до сих пор не удается выработать оптимальное определение такого способа политической борьбы. Причины этого связывают с политическими и юридическими разногласиями, различием выделяемых дефиниционных элементов и с обширным смысловым содержанием самого явления. В данной статье, автором предпринята попытка конкретизировать историческую эволюцию, сущность и формы проявления российского революционного терроризма XIX–XX вв.

Само слово «террор» и производные от него понятия могут трактоваться в философском, морально-этическом, психологическом, политическом, социальном и прочих смыслах. Но наиболее часто «террор» употребляется в политическом значении слова. В таком случае, он может рассматриваться и как характеристика общественно-политических

---

* Статья поддержана грантом РГНФ № 14-01-00351 «Эволюция террористической деятельности революционеров Европейской России (вторая половина XIX–XX вв.)».

взаимоотношений, основанных на страхе, и как способ, тактика и стратегия политической борьбы («терроризм») организаций и группировок разной направленности.

Границы понятия «терроризм» размыты и нечетки вследствие динамического характера явления, что обусловлено меняющимися социально-политическими обстоятельствами, формой государственного устройства и политической конъюнктурой. Большинство исследователей под «террором» подразумевают политику или направленность действий, ориентированную на преимущественно или исключительно силовое, насильственное решение проблем. Амплитуда использования силовых действий при этом может быть различной – от единичных акций (убийство), нацеленных на опосредованное или персонифицированное давление и воздействие, до массовых репрессивных действий (принятие дискриминационных государственных актов) или полное физическое уничтожение противника. Современные СМИ частым и нередко безосновательным употреблением слова «террор» значительно расширили содержание понятия.

В своем исследовании мы понимаем терроризм как способ социально-политической борьбы, включающий в себя систематическую эскалацию насилия на микроуровне с целью решить макропроблему. В данном определении за основу берется активная направленность терроризма на насилие, что встречается абсолютно во всех его проявлениях, систематичность, заключающую в себе упорядоченное использование террористических актов, что возможно лишь при определенной организованности, и попытку с помощью террора решить основную (глобальную) проблему за счет второстепенных, субъективных факторов: убийство лидеров, искусственная дестабилизация управленческого аппарата, всеобщее устрашение и др. Предложенное нами определение универсально по своему значению для всех видов террористической преступности, в том числе государственной, и позволяет отделить от них единичные криминальные деяния. Основой этого выделения является систематическая организация преступных действий и акцентированное использование их в отношении наиболее уязвимых, «слабых» мест противника. Именно фиксация «систематической организации» преступной деятельности позволила бы избежать двусмысленного толкования, гиперморализма, политической ангажированности и разграничить уголовные и идеологические преступления.

Начало современного активного использования террористического лексикона связано с политическими событиями во Франции конца

XVIII в.¹ Первоначально террор вошел в употребление как политика правящей партии или государства базирующаяся на акцентированном массовом использовании репрессий и насилия против личности или противостоящей антигосударственной группы. Тогда же и в таком же значении появился английский вариант этого слова – «терроризм».

В современном значении эти два понятия, террор и терроризм, принято различать. Террор является инструментом государственной политики и осуществляется в форме массовых репрессий, тогда как терроризм означает некую негосударственную, революционную или другую, но оппозиционную деятельность, как следствие, намного меньших масштабов, но более избирательную и конкретную. Такой точки зрения придерживается большинство современных исследователей феномена терроризма. В то же время, сущностная грань между террором и терроризмом, заключающаяся в веками «апробированном алгоритме управления социумом»², предельно условна. В нашем исследовании эти два понятия используются как синонимичные.

Террористический разгул периода Первой российской революции (1905–1907) породил и массовое злоупотребление этими словами. Терроризм становится обычным, «бытовым явлением», к концу революции его использование все более смещается в сторону характеристики уголовных преступлений, а широта употребления слова – вплоть до кличек животных³. Этому способствовала не только боевая активность революционеров и криминализация терроризма, но и опять же, неопределенность с понятием. В энциклопедическом словаре Брокгауза Эфрона «террором в России» называлась система борьбы против правительства, состоявшая «в организации убийств отдельных высокопоставленных лиц, а также шпионов, и в вооруженной защите против обысков и арестов»⁴. Такое энциклопедическое объяснение было не только неполным и не конкретным, оно было по существу не определено. Однако кроме публицистов, ученых и общественных деятелей, которые не имели четких представлений о терроре, та же проблема была и у сотрудников правоохранительных органов. В нормах принятого 22 марта 1903 г. Уголовного Уложения отсутствовало упоминание терроризма и производных от него слов, а «посягательство на жизнь, здоровье, свободу и неприкосновенность», т.е. основную фор-

---

¹ *Одесский, Фельдман* 1997. С. 40-61.

² Там же. С. 10.

³ *Могильнер* 1997. С. 6.

⁴ *В. В-в. Террор в России...* 1907. С. 753.

му террористического насилия, трактовали только применительно к особе императора и его семье. Неопределенность в категориях, терминах и самих фактах видна по инициированным ДП и другими ведомствами сборам «сведений о жертвах революционного террора», «количестве пострадавших чинов ДП от террористических нападений» и т.п. данных. Результаты и переписка показывают, что каждый раз ведомствам необходимо было конкретизировать и уточнять о чём, какого состава преступления и какие сведения хотят они получить.

Такая содержательная неопределенность терроризма была в интересах как правительства, которое по положениям военно-полевых судов под высшую меру наказания могло подвести, без дознавательных и следственных мероприятий, руководствуясь лишь антитеррористической и охранительной доктринами, огромный спектр уголовных и государственных преступлений, так и в интересах антиправительственных сил, которым от имени Революции позволяло творить беспредел и самосуд.

В терроризме, как форме политического оппозиционного насилия, можно выделить несколько этапов исторического развития. Это, во-первых, тираномахия (монархомахия, тиранид, цареубийство), под которой подразумеваются убийство правителей, глав государств, диктаторов⁵. Известная персонификация и авторитаризм политической власти в Древнем и Средневековом мире, как в определенной мере и сейчас, создает предпосылки для решения политических задач при помощи физического уничтожения первых лиц государства. Для этого не требуются сколько-нибудь многочисленные организации, а достижение цели зачастую приводит к кардинальным политическим последствиям. Моральная ответственность убийцы искупается общественной целесообразностью и пользой этого преступления. Это неоднократно отмечали исследователи, указывая, что к первым известным нам тираномахам можно отнести афинян Гармодия и Аристоклитона, в 514 г. до н.э. покушавшимся на тиранов-братьев Писистратидов. Заплатившие своими жизнями, убийцы были увековечены и канонизированы греческой демократией. Убийство тиранов на века вошло в арсенал политической борьбы как универсальное средство⁶. Трудно отказать угнетаемому народу в праве на насилие, даже великий богослов и философ Фома Аквинский в своем произведении «О правлении властителей» полагал, что в случае злоупотребления властью, народ имеет право при помощи лю-

---

⁵ Рязанов 2006.

⁶ Слинько 2006. С. 9-30.

ных средств убрать монарха. В российской истории примеры тиранцида имелись на всем ее протяжении. В ходе боярских заговоров были убиты владимиристо-суздальский князь Андрей Боголюбский (1174) и царь Лжедмитрий (1606), в ходе дворянского переворота погиб император Павел (1801). В планах государственного переворота декабристов царевубийству также уделялось большое внимание.

Во-вторых, этап индивидуальных покушений на политических деятелей (аттентат), что сопряжено с известной и подчас очень большой ролью «серых кардиналов», регентов, канцлеров и других государственных деятелей, которые от имени правителя осуществляют власть или оказывают большое влияние на политический процесс. Их устранение подчас имеет не менее определяющее значение в политике, а осуществить покушение значительно легче. В российской и мировой истории аттентат активно практиковался в период позднего Средневековья, особенно в XV–XVI вв.

И, в-третьих, последним этапом развития, является, собственно, терроризм как форма деятельности, ориентированная на совершение упорядоченного насилия в отношении противников, что реализуется уже при помощи организации планомерных действий специальных отрядов и боевиков.

Террористические тенденции существовали в политике издревле и маловероятно, что в ближайшем будущем исчезнут. Несмотря на многочисленные и разнообразные антитеррористические мероприятия, количество терактов, жертв и разрушений не уменьшается, более того, очевидна тенденция к увеличению общественной акцентуации терроризма, что, помимо прочего, связано с ростом влияния демократических институтов, на которые пытаются воздействовать и террористы. Современные террористические акции, в своем подавляющем большинстве, призваны оказывать влияние на правительство через общественное сознание. Массовая реакция на теракты, порождающая критику и недоверие власти, более достижима и реалистична для террористов, чем иллюзорная цель дестабилизации сложного государственного аппарата. В основе этой общественной реакции лежит очевидная неспособность государства и правительства обеспечить безопасность граждан. Кроме того, реагируя и принимая меры против терроризма, правительства подчас совершают «двойной террор» по отношению к населению. Ужесточая контроль, вводя новые правовые меры пресечения и расширения полномочий силовых структур, власть вслед за террористами усугубляет конфликтную ситуацию и втягивает в нее новые слои населения, к чему террористы и стремятся.

Целесообразно связывать развитие терроризма современного типа с появлением политических партий в конце XVIII века. Именно партии, с правильно оформленной структурой, организационным механизмом, значительными финансами, общественно значимыми идеями и самоотверженными сторонниками способны организовать планомерные террористические действия. Политические партии отдельно проявляемые акты социальной и политической агрессии в состоянии упорядочить и оформить в виде солидарного движения и деятельности, придав им соответствующие направленность и систематичность, а имеющийся спектр причин индивидуальной агрессии, консолидировать в совокупность революционных факторов. Таким образом, осуществляемая политическими партиями террористическая деятельность становится важным обстоятельством в политическом процессе и борьбе. Происходит институализация преступного политического насилия, его «легитимизация, сопровождающаяся установлением нормативных, сетевых, административных характеристик»⁷. Именно с позиций упорядоченности, а не импульсивности необходимо рассматривать и террористическую деятельность.

Террористические приемы борьбы обладают широким спектром силового воздействия. Возможности в теракте регулировать силу, масштабы и характер нападения создают универсальность эксплуатации террора. Выбор направленности агрессии зависит от многих факторов и обстоятельств. Повлиять на него может образ жизни объекта нападения, предмет конфликта, организационные и технические ресурсы террористов, ожидаемые от теракта результаты и многое другое. Общественный резонанс различных видов террористического воздействия далеко не одинаков. В зависимости от целей террористов и значимости объекта терроризирования, нападение может иметь как индивидуальный характер, так и быть адресованным социальной группе или всему обществу, быть символическим или целесообразным. Анализируя масштабы терроризма, В.В. Витюк и С.А. Эфиров предложили различать непосредственный объект насилия и целевой объект воздействия террористов⁸. В первом случае, это конкретные материальные объекты и граждане, во втором – политические режимы и их структуры, характер социальных, правовых или иных отношений. В свою очередь, доктор юридических наук Ю.С. Горбунов конструктивно замечает, что «объект террористических устремлений имеет сложную структуру и состоит из объекта

---

⁷ Кузина 2009.

⁸ Витюк, Эфиров 1987. С. 55.

воздействия (физическое лицо, их группы или организации, материальные объекты), объекта управления (тот или те, кто может принять решение и совершить действие либо бездействие, необходимые террористам) и объекта посягательства (общественные отношения, охраняемые международным и (или) внутрисоветским правом)»⁹.

Во второй половине XIX – начале XX в. экстремисты использовали физическое, экономическое и морально-психологическое воздействие на объекты терроризирования. К физическому воздействию относят прямое, контактно-силовое давление на объект агрессии с целью его уничтожения или нанесения физического вреда. Упрощенная точка зрения на террор только как физическое воздействие, выделяя в качестве террористических действий меры индивидуального насилия и причинение вреда жизни и здоровью жертвы, значительно сужает понимание терроризма. Как показывает практика, к покушениям на жизнь террористы прибегают лишь после безрезультатных попыток морально-психологического или экономического давления.

Экономическое воздействие подразумевает нанесение материального или финансового ущерба объекту терроризирования. Этот способ обладает важной для террористов возможностью силового регулирования агрессии, позволяет дозировать уровень насилия на объект и использовать его как опосредованное средство воздействия. Многообразие видов собственности дает возможность выбрать наиболее легкодоступные и одновременно значимые объекты для терроризируемого, повреждая или уничтожая которые можно заставить принять условия необходимые преступникам.

Наиболее часто используемым видом воздействия является морально-психологическое давление. Связано это с тем, что физическое и экономическое терроризирование всегда сопровождается морально-психологическими последствиями. Но и как самостоятельный вид воздействия оно часто практикуется. Спектр способов психологического нажима на объект терроризирования настолько широк, что его просто невозможно охватить. Обычно и наиболее востребованными являются вербальные и письменные угрозы, демонстративные и вызывающие акции хулиганства, огульная критика и проч.

Перечисленные виды террористического воздействия осуществляются при помощи ряда целенаправленных силовых мер, которые реализуют одну из террористических стратегий: уничтожение объекта,

---

⁹ Горбунов 2010. С. 37.

парализация деятельности, изменение программы действия или провоцирование неадекватных действий объекта.

Российская революция использовала всевозможные виды и методы силового воздействия на самодержавную власть и общество. Глубокие социальные причины политического столкновения объясняют разнообразие форм революционно-террористической борьбы. Систематизируя революционный терроризм в Европейской России на рубеже веков по наиболее существенным признакам, можно предложить следующую его типологию.

По объекту террористического насилия, профессиональной или социальной характеристике жертв, в партийной литературе часто выделяли полицейский, армейский, тюремный и политический террор.

По общественной сфере реализации различали политический, экономический (аграрный, фабричный, экспроприации) и социальный («безмотивный» или антибуржуазный) террор. Последний тип терроризма постулировали некоторые сторонники анархизма («чернознаменцы»¹⁰), и представлял он собой организационно не оформленную, но постоянно, при всякой возможности осуществляемую физическую агрессию к любым объектам и субъектам буржуазного мира. Политический террор, в свою очередь, подразделяли на «центральный террор» (терроризм против государственных чиновников высшего уровня и собственности), терроризм против местных чиновников и собственности, и против частных (физических) лиц и собственности. В виде исключения, выделяли внутривнутрипартийный террор, задачей которого являлось очищение партийных рядов от предателей и провокаторов, и партийный террор, направленный на деятелей противоположного партийного лагеря. В понятие экономический террор принято включать разнообразные формы его проявления в аграрной и фабричной сферах. Под этим общим термином понимали и теракты, организованные революционными группами, и традиционные формы экономической борьбы крестьянства и рабочих, что естественно вызывало и вызывает путаницу и неопределенность. Стоит учитывать, что «неточное отражение существа революционного движения» в этих понятиях допустимо «лишь для удобства изложения»¹¹ и как форма терминологии современников. Помимо этого, к экономическому террору относили и партийные экспроприации¹², под которыми подразумевалась «насилие-

¹⁰ Течение в российском анархизме, сгруппировавшееся в декабре 1905 г. вокруг журнала «Черное знамя». Лидер – И.С. Гроссман-Рощин.

¹¹ Павлов 1989. С. 21.

¹² Perrie 1982. P. 69-70, 72.

ственная конфискация денежных средств или имущества на революционные нужды»¹³. В условиях революционных потрясений начала XX в., экспроприации получили обширную практику, разнообразнейшее развитие по формам и видам, а также значительно расширили мотивационные основания своего использования.

По субъектности выделяли: партийный, кустарный (не имеющий систематической партийной организации), инициативный (осуществляемый по личной инициативе отдельными революционными представителями) и полукриминальный (псевдореволюционный) террор. В партийном терроре на основании структурно-функционального признака различали центральный (общепартийный), региональный (областной), местный и партизанские действия.

Частым критерием, на основании которого различают террористические проявления, является признак партийности, соответственно разграничивают народовольческий, эсеровский, анархистский, разные виды националистического, социал-демократического терроризм и проч.

Очевидно, что критерием типологии могут являться разнообразные признаки. Представленные типы революционного терроризма имели распространение преимущественно в начале XX в., некоторые из них используются и сегодня, хотя разновидности, арсеналы средств и методов современных террористов значительно расширились.

Террористическая деятельность подразумевает комплекс организационных мер и систему управленческих структур, нацеленных на реализацию партийных программ посредством упорядоченного насилия. Внешне осуществляясь в индивидуальных поступках (террористических актах) и действиях, терроризм представляет собой сложную структурированную деятельность, выполняемую десятками и сотнями боевиков и революционеров. В основании террористической системы можно выделить следующие наиболее важные подсистемы:

— организационно-управленческая, которая осуществляет разработку планов покушения, содержит необходимые структуры и звенья руководства разнообразными функциями и элементами деятельности;

— материально-техническая, включает полное финансовое, техническое и материальное обеспечение подготовки теракта, его осуществление и последующую легализацию участников;

— кадровое обеспечение, отвечает за рекрутирование и подготовку необходимого количества и качества боевиков;

---

¹³ Квасов. 2011. С. 62.

— информационно-разведывательная, осуществляет сбор необходимой информации об объекте нападения и последующее информирование партии и общественности о результатах теракта (комплекс информационного сопровождения);

— боевая часть, представляет собой меры непосредственной реализации боевых планов;

— контрразведка и охранное обеспечение, курирует вопросы конспирации и противодействия правоохранительным органам.

Имея длительный генезис развития, определенную видовую изменчивость, сложную структурную организацию и зависимую от многих факторов результативность, террористическая система приобретает и классические синергетические качества – стремление к автохтонности (самодостаточности), что проявляется в постоянных попытках обособления (как идейных, так и организационных) террористов от общепартийных структур; росте вширь и вглубь, проявляющемся в стремлении расширить масштабы и формы насилия, с чем связывается залог успешности террористической деятельности и что обуславливает рост взаимного насилия («кровавая воронка»); в энтропийном усложнении структуры, что выражается в прямой взаимосвязи количественного и структурного роста террористических организаций с продуктивностью их деятельности, и обратно пропорционально вероятности конспиративных провалов этих организаций.

Конструктивные попытки представить сущность, состав и содержание террористической деятельности отражены, в первую очередь, в работах сотрудников силовых структур и правоведов Ю.С. Горбунова, Н.Д. Литвинова, К.Н. Салимова, С.Г. Барышникова. Научная структура деятельности, предложенная отечественными психологами М.С. Каганом, М.М. Кветным, М.В. Деминым, позволяет достаточно полно охарактеризовать и деятельность террористов. К основным элементам структуры отнесены: субъекты и объекты деятельности, мотивы и цели субъектов, средства и методы достижения цели, активность и результативность деятельности.

Данные два подхода, системный и деятельностный, дают возможность проанализировать все механизмы и процессы террористической деятельности, представить в максимально полном виде её причинность и факторность, проиллюстрировать реальное воплощение тактики и стратегии террористической борьбы. Каждый из элементов деятельностной структуры имеет своё содержание, особые характеристики и качества функциональности, отражает взаимосвязи с другими структурами. Характеристика деятельности позволяет выделить как

единичные (личностные), так и массовые (социальные) процессы, без чего исторический анализ общественных явлений, каковым является терроризм, не может быть полным.

К «субъектам террористической деятельности» относят индивидуальных и коллективных участников, боевые и вспомогательные подразделения, управленческие и организационные структуры разного уровня и подчиненности. Анализ этого элемента конкретизирует участников борьбы, выясняет реальность и обоснованность боевых планов партийных комитетов. «Объектами террористической деятельности» считаются не только жертвы и предметы террористических актов, их социальные, статусные и прочие характеристики, но, в первую очередь, общественные отношения. Имея эмоциональную ангажированность, персонифицированный характер, терроризм скрывает массовые процессы. Акцентируя внимание на этом, специалисты международного права А. Бриллиантов и В. Бурковская обоснованно отмечают, что современный терроризм это, в первую очередь, социальное явление, а различного вида теракты лишь формы его проявления¹⁴. Индивидуально-террористическая деятельность является социальным продуктом, анализ которого имеет большое общественное значение. «Как социальное явление терроризм представляет собой идеологию, политику и социальную практику общественных сил (индивидов, групп и институтов), ориентирующихся на нелегальные насильственные формы изменения общественного и государственного строя»¹⁵, такое представление о терроре поддерживает большинство правоведов и социологов¹⁶. Социологические сведения об объектах террористического насилия позволяют выяснить размах и направленность террористических атак, сопоставить партийные программы с их реализацией, декларируемые комитетами цели и реальное их воплощение, обнаружить соотношение и взаимовлияние политического и социального в партийной деятельности.

Под структурной категорией «мотивы и цели субъектов» понимаются положения партийных программ, а также стратегические и тактические планы комитетов, организаций и подразделений, при помощи которых программы реализуются. Немаловажным аспектом является характеристика индивидуальной мотивации боевиков, их интересов, потребностей и личностных качеств, что позволяет экстраполировать отдельный образ террориста на коллективный портрет.

---

¹⁴ Бриллиантов, Бурковская 2003. С. 105.

¹⁵ Коткин, Заводской 2010. С. 20

¹⁶ Василенко 2002; Дзиев, Иззатдуст, Киреев 2007.

Многообразие «средств и методов террористической борьбы» объясняется не только обширной разновидностью объектов и предметов, на которые насилие направлено, но и многочисленностью видов и способов политического экстремизма. Эта многочисленность различается по материальным и нематериальным средствам, видам оружия, характеру воздействия на объект террористического насилия.

Наряду с указанными понятиями, в современной террорологической и исторической литературе употребляются термины «террористическая кампания» и «террористическая война». Последний термин, понимаемый как «высшая форма политического экстремизма, связанная с формированием террористических армий и экстремистских властных структур в масштабах или отдельных регионов, или целых стран»¹⁷, применительно к российским событиям второй половины XIX – начала XX в. использовать нельзя, так как ни армий, ни региональных властных структур террористы не создавали. Но понятие «террористическая кампания» достаточно точно может обозначить исследуемые события. Оно выделяет отдельные исторические периоды и характеризует в них как единый процесс, активное и целенаправленное использование террористической деятельности, ответные меры и формы противодействия ей власти, и общественную реакцию и отношение к этому противостоянию со стороны населения. Таких террористических кампаний Российская империя пережила две. В 1878–1881 гг. политические потрясения были связаны с реализацией планов народнического терроризма, во вторую кампанию (1901–1911) терроризм осуществляли революционные группы различных партийных платформ. По масштабам деятельности, количеству жертв и участников вторая кампания на два порядка превосходит первую. Кроме того, в начале XX века в революционно-террористических событиях намного более активную роль играли социально-экономические факторы.

За многовековую историю политического насилия были разработаны различные теории тактического применения террористической борьбы. В некоторых из них террор фактически является не средством, а целью борьбы, становясь одним из стратегических методов социального реформирования, что было в мировой истории неоднократно продемонстрировано в форме государственного террора и в многочисленных примерах геноцида и социцида. Обоснование террористического метода борьбы в России предпринималось народниками П.Г. Зайчневским, С.Г. Нечаевым, П.Н. Ткачевым, Н.А. Морозовым, в бунтарских

---

¹⁷ Слинко 2006. С. 9.

утопиях анархистов и максималистов, в партийных программах и публицистике неонародников¹⁸. Позже эти идеи будут углублены теоретиками и практиками мирового терроризма – У. Майнхоф, Х.К. Маригеллой, Ф. Фаномом, Х. Ньютоном, Т. Негри, Э. Че Геварой, команданте Маркосом и др. Тактическое многообразие использования террористических актов и методов борьбы было неоднократно продемонстрировано в начале XX в. в российских революционных событиях. Сейчас это тактическое разнообразие во многом определяет наличие постоянных приверженцев этой формы политического экстремизма.

Наиболее сложной для анализа категорией является «результативность террористической деятельности», что не следует сводить к социально-психологическому «поражающему эффекту террора»¹⁹. Субъективность личной оценки терроризма и его реального значения в политическом процессе очевидна. Частные мнения (обывателей и известных людей) относительно, хотя среди этих мнений есть и компетентные, взвешенные суждения, как противников, так и независимых очевидцев. Убийство императора, покушения на министров и родственников царствующей фамилии по определению и статусу объектов покушения рассчитывались на кардинальные изменения в политике или, как минимум, на глубокий политический и общественный резонанс. Но покушения Г.Д. Леккерта²⁰, М.М. Спиридоновой²¹, Е.А. Измайлович²² и многие другие получили всероссийскую известность и политическое значение только в контексте последующих событий, которые изначально предугадать было невозможно. Большинство терактов представляли собой покушения на чиновников низового или среднего звена, мелкие экспроприации административных и коммерческих учреждений, которые приобрели свое политическое и общественное значение только в

---

¹⁸ Будницкий 2000.

¹⁹ Масалов 2009. С. 14.

²⁰ Член Бунда Г.Д. Леккерт выстрелами из револьвера ранил виленского губернатора В. фон Валя (05.05.1902). Теракт был ответом на репрессии в отношении демонстрантов, имел большое общественное значение и стал важным моментом в истории еврейского социалистического движения.

²¹ Эсерка М.М. Спиридонова смертельно ранила на перроне ст. Борисоглебск губернского советника Г.Н. Луженовского (16.01.1906). Опубликованное откровенное письмо об истязаниях террористки получило не только российскую, но и мировую известность, а сама террористка стала кумиром и символом революции.

²² Эсерка Е.А. Измайлович в Севастополе выстрелами из револьвера тяжело ранила командующего Черноморским флотом вице-адмирала Г.П. Чухнина (27.01.1906). По приказу адмирала без суда и следствия немедленно была расстреляна. Внесудебная расправа возмутила всю страну.

масштабах массового явления и общероссийской тенденции. Поэтому важную информацию могут дать количественные характеристики явления и сравнение динамики террористического и массового протестного движения. Эти сопоставления не только позволяют говорить о взаимовлиянии терроризма и развитии революционного процесса, но и представляют внутреннюю динамику террористической деятельности, позволяют отследить ее видоизменения относительно хода революции. В конечном итоге, учитывая субъективный характер терроризма и его опосредованное влияние на общественный процесс, можно говорить о продуктивности и общественном влиянии этого феномена, опираясь не только на количественные показатели и статистику, но и на анализ политических и общественных тенденций, которые формирует и на которые непосредственно оказывает влияние терроризм.

Представленные в статье понятийные категории не только позволят прояснить сущность российского революционного терроризма второй половины XIX в.л – начала XX в. и говорить о взаимовлиянии терроризма и революционного процесса, но и дадут возможность реконструировать внутреннюю динамику террористической деятельности и отследить ее видоизменения относительно хода революции. В конечном итоге, учитывая субъективный характер терроризма и его опосредованное влияние на общественный процесс, можно будет говорить об эффективности и общественном влиянии этого феномена, опираясь не только на анализ политических и общественных тенденций, которые формирует и на которые непосредственно оказывает влияние терроризм, но и на количественные показатели и статистику.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Артамонов Д.С.* Тираноборческие и террористические идеи в русской политической культуре первой четверти XIX в.: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Саратов, 2006. 20 с.
- Бриллиантов А., Бурковская В.* К вопросу о направлениях унификации законодательств государств-участников СНГ о борьбе с терроризмом и захватом заложников // Уголовное право. 2003. № 1. С. 105-107.
- Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX века). М.: РОССПЭН, 2000. 399 с.
- Василенко В.И.* Терроризм как социально-политический феномен. М.: Изд-во РАГС, 2002. 168 с.
- В. В-в. [Водовозов В.В.]* Террор в России // Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. 2А. Дополнительный. СПб.: Семёновская Типолиитография, 1907. С. 481-934.
- Витюк В.В., Эфирова С.А.* «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М.: Наука, 1987. 318 с.

- Горбунов Ю.С.* Об определении понятия «террор» и «терроризм» // Журнал российского права. 2010. № 2. С. 31-40.
- Дзлив М.И., Иzzatdуст Э.С., Киреев М.П.* Современный терроризм: социально-политический облик противника. М.: Academia, 2007. 672 с.
- Квасов О.Н.* Террористическая экспроприация как форма революционной борьбы в Российской империи начала XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2011. № 3 (9). Ч. 1. С. 61-65.
- Коткин П., Заводской И.* Некоторые аспекты криминологической характеристики личности террориста // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2010. № 2-11. С. 18-23.
- Кузина С.И.* Институализация политического насилия // Философия права. 209. № 3. С. 48-51.
- Масалов А.Г.* Психологические аспекты политического террора // Философия права. 2009. № 6. С. 13-16.
- Могильнер М.Б.* На путях к открытому обществу: кризис радикального сознания в России (1907-1914 гг.). М.: ИЧП «Изд-во Магистр», 1997. 56 с.
- Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Поэтика террора и новая административная ментальность: очерки истории формирования. М.: РГУ, 1997. 204 с.
- Павлов Д.Б.* Эсеры-максималисты в первой российской революции. М.: Изд-во Всесоюзного заочного политехнического института, 1989. 238 с.
- Рязанов Д.В.* Идеи тираниды в политической и правовой культуре России XIX – начала XX века // Правовая культура. 2006. Т. 1. № 1. С. 49-58.
- Слинько А.А.* Политический экстремизм и террористическая война в панораме истории. Воронеж: Научная книга, 2006. 108 с.
- Perrie M.* Political and Economic Terror in the Tactics of the Russian Socialist-Revolutionary Party before 1914 // Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-Century Europe. New York, 1982. P. 63-79.

BIBLIOGRAFIJA

- Artamonov D.S. Tiranoborcheskie i terroristicheskie idei v russkoj politicheskoj kul'ture pervoj chetverti XIX v.: Avtoref. ... dis. kand. ist. nauk. Saratov, 2006. 20 s.
- Brilliantov A., Burkovskaja V. K voprosu o napravlenijah unifikacii zakonoda-tel'stv gosudarstv-uchastnikov SNG o bor'be s terrorizmom i zahvatom zalozh-nikov // Ugolovnoe pravo. 2003. № 1. S. 105-107.
- Budnickij O.V. Terrorizm v rossijskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologija, jetika, psihologija (vtoraja polovina XIX – nachalo HH veka). M.: ROSSPJeN, 2000. 399 s.
- Vasilenko V.I. Terrorizm kak social'no-politicheskij fenomen. M.: Izd-vo RAGS, 2002. 168 s.
- V. V-v. [Vodovozov V.V.] Terror v Rossii // Jenciklopedicheskij slovar'. Izd. F.A. Brokgauz i I.A. Efron. T. 2A. Dopolnitel'nyj. SPb.: Semjonovskaja Tipolito-grafija, 1907. S. 481-934.
- Vitjuk V.V., Jefirov S.A. «Levyj» terrorizm na Zapade: istorija i sovremennost'. M.: Nauka, 1987. 318 s.
- Gorbunov Ju.S. Ob opredelenii ponjatija «terror» i «terrorizm» // Zhurnal rossijskogo prava. 2010. № 2. S. 31-40.
- Dzliv M.I., Izzatdust Je.S., Kireev M.P. Sovremennij terrorizm: social'no-politicheskij oblik protivnika. M.: Academia, 2007. 672 s.

- Kvasov O.N. Terroristicheskaja jekspropriacija kak forma revoljucionnoj bor'by v Rossijskoj imperii nachala HH veka // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov. 2011. № 3 (9). Ch. 1. S. 61-65.
- Kotkin P., Zavadskoj I. Nekotorye aspekty kriminologicheskoy karakteristiki lichnosti terrorista // Vestnik Ural'skogo instituta jekonomiki, upravlenija i prava. 2010. № 2-11. S. 18-23.
- Kuzina S.I. Institulizacija politicheskogo nasilija // Filosofija prava. 209. № 3. S. 48-51.
- Masalov A.G. Psihologicheskie aspekty politicheskogo terrora // Filosofija prava. 2009. № 6. S. 13-16.
- Mogil'ner M.B. Na putjah k otkrytomu obshhestvu: krizis radikal'nogo soznaniya v Rossii (1907-1914 gg.). M.: IChP «Izd-vo Magistr», 1997. 56 s.
- Odesskij M.P., Fel'dman D.M. Pojetika terrora i novaja administrativnaja men-tal'nost': ocherki istorii formirovanija. M.: RGGU, 1997. 204 s.
- Pavlov D.B. Jesery-maksimalisty v pervoj rossijskoj revoljucii. M.: Izd-vo Vsesojuznogo zaochnogo politehnicheskogo instituta, 1989. 238 s.
- Rjazanov D.V. Idei tiranicyda v politicheskoy i pravovoj kul'ture Rossii XIX – nachala HH veka // Pravovaja kul'tura. 2006. T. 1. № 1. S. 49-58.
- Slin'ko A.A. Politicheskij jekstremizm i terroristicheskaja vojna v panorame istorii. Voronezh: Nauchnaja kniga, 2006. 108 s.
- Perrie M. Political and Economic Terror in the Tactics of the Russian Socialist-Revolutionary Party before 1914 // Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-Century Europe. New York, 1982. P. 63-79.

Квасов Олег Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, Воронежская государственная лесотехническая академия, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, kvasovoleg@yandex.ru

Definitions and Conceptual Framework for the Description of Russian Revolutionary Terrorism

The article is devoted to the problem of the phenomenon of revolutionary terrorism in the Russian Empire in the second half of the 19th c. – early 20th c. The author interprets terrorism as a method of political struggle, which implies systematic escalation of violence in micro-level in order to solve a macro-problem. The basis of this definition is terrorism as active choice of violence. This definition works for all ways of terrorist crimes, and enables one to see separate offences. The approach based on the social action helps characterize main elements of terrorist activities of revolutionaries, and an original interpretation of the historical evolution of terrorism is offered. The diversity of 'ways and methods of terrorist activities' is explained not only by the variety of its objects but by numerous types of political extremism.

Keywords: *terrorist activity, revolutionary terror, subject and object of terrorism, Russian Empire of 19-20th centuries.*

Kvasov Oleg Nikolaevich, PhD in History, Senior Lecturer, Department of Philosophy and Humanities, Voronezh State Forestry Academy, kvasovoleg@yandex.ru

ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРА

Д. А. Будюкин

ЦЕРКОВНО-КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ КУПЕЧЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА В РОМАНЕ И.С. РУКАВИШНИКОВА «ПРОКЛЯТЫЙ РОД»

В статье анализируется описание церковно-коммеморативных практик крупного нижегородского купечества второй половины XIX – начала XX в., принадлежащего к официальной православной церкви, в романе происходящего из этой социальной среды писателя И.С. Рукавишника (1877–1930) «Проклятый род». Снижение церковной коммеморативной активности и религиозности используется писателем для демонстрации упадка описываемой социальной группы.

Ключевые слова: И.С. Рукавишников, «Проклятый род», память, коммеморация, коммеморативные практики, храмоздательство, места погребения, Россия, купечество, православие, религиозность, благотворительность.

Одной из основных христианских религиозных практик является молитвенное поминовение живых и умерших¹. Вокруг него строится совокупность практик, включающих вклады и пожертвования Церкви (как денежных средств, так и различных ценных предметов, в том числе с вкладными надписями), основание монастырей, церквей, приделов и часовен и выбор алтарного посвящения, похоронные обряды и обустройство мест погребения. Все эти практики можно охарактеризовать как церковно-коммеморативные. Основная их цель – способствовать спасению души христианина, однако такая забота о спасении является также источником особого символического капитала, повышая престиж и социальную значимость самого вкладчика и его рода путем установления и трансляции памяти о нем. Религиозная и светская мотивации этих практик тесно взаимосвязаны, и провести четкую границу между ними невозможно, но при этом чрезмерное рвение в церковной коммеморации может расцениваться не как польза для души, а, напротив, как пагубная гордость.

Изучение коммеморативных практик различных социальных групп предполагает использование в качестве источника художе-

---

¹ Афанасий (Сахаров) 2007. С. 55, 85.

ственной литературы, которая в современной исторической науке используется все чаще². Наряду с нарративными источниками (мемуарами, дневниками, письмами) она образует опорную базу для анализа рассматриваемой проблемы. Эмоциональная окрашенность информации, содержащейся в литературных произведениях, позволяет показать повседневные и, в частности, коммеморативные практики с точки зрения конкретных людей и в их обыденной жизни³.

Главные герои романа И.С. Рукавишников «Проклятый род» (1911–1912)⁴, дети и внуки «железного старика» Якова (их фамилия в тексте романа не называется), являются представителями крупного русского купечества, принадлежат к господствующей православной церкви и в значительной мере имеют прототипами реальных людей из семьи автора. Изображаемые в романе локации в основном соответствуют реальным объектам нижегородской топографии: так, дом-дворец Макара Яковлевича, который его дети называют крепостью – это украшающий Нижний Новгород и в наши дни дворец Рукавишниковых⁵, в котором вырос автор романа. Отражая хорошо знакомые автору реалии, роман «Проклятый род» является, таким образом, очень ценным источником для изучения церковно-коммеморативных практик представителей описываемого в нем социального слоя. При этом он не очень известен и использовался как источник в основном специалистами по локальной истории.

Текст романа начинается с описания смерти «железного старика». Панихида по покойному была отслужена в его доме [Ч. 1. VII]. В его завещании «никакой душевной лирики не вычитали. Ни на бедных, ни на церкви – ничего». «Кое-кто из семейства даже сконфужены были отсутствием в завещании стариковом пункта о церковных жертвах. Очень уж явно рассчитывало духовенство на многие тысячи; и соборное духовенство, и Покровское, и своего прихода, и Печерское, монастырское. Порешили дать. – А то в глаза смотреть совестно будет. Отчислили на всех сто тысяч. Вдова половину дала. Остальное дети поровну. Федор с Вячеславом за спинами старших ругались. Но их не спросили.

---

² См., напр.: Богданов 2014; Зарубина 2003.

³ Банникова Е.В. 2014. С. 358.

⁴ Рукавишников И.С. 1999. Цитируется по электронной версии: Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова. Рукавишников Иван Сергеевич: Сочинения. URL: http://az.lib.ru/t/rukawishnikow_i_s/ (дата обращения: 27 июня 2014 г.).

⁵ Виноградова Т.П., Давыдов А.И., Краснов В.В. 2007.

Отсчитали и с них» [Ч. 1. IX]. Традиционность заботы о душе в виде завещательных пожертвований в пользу церкви подчеркивается впоследствии в случайно услышанном одним из героев романа разговоре незнакомцев: «А духовную они помимо прямых, стало быть, наследников ох как редко. Дробить не обожают. А что ежели на сторону, так только в монастыри, либо в другие какие святые места. Душе, стало, помин и все прочее» [Ч. 3. VIII].

О месте погребения Якова – склепе на кладбище нижегородского Благовещенского монастыря, ставшем впоследствии семейной усыпальницей «проклятого рода» – читатель узнает значительно позже, уже в третьей части романа. Престижное, но внехрамовое захоронение в склепе на кладбище крупного старинного монастыря, расположенного в центре города, соответствует социальным ожиданиям, связанным со статусом покойного и его семьи, и не является чем-либо особенным. Рассмотрев содержание завещания «железного старика» и место его погребения, мы можем охарактеризовать его внимание к церковной коммеморации как невысокое, направленное только на достижение необходимого с точки зрения референтной группы минимума, а иногда недостаточное и для этого.

Сестра Якова Александра, жених которой умер накануне свадьбы, уделяет внимание церковной коммеморации в связи с этой личной трагедией. Ее малолетний племянник Корнута Яковлевич рассуждает о своих перспективах на наследство от родственников: «Тетя Саша вот еще. Ну, да гроши. И те, поди, по монастырям разойдутся...» [Ч. 1. XL].

Дети «железного старика» в отношении церковной коммеморации в целом следуют его примеру. Только самый младший из них, Корнута, горбатый с детства после падения с лестницы, проявляет серьезный интерес к благотворительности, в том числе осуществляемой в пользу Церкви, и коммеморативным практикам. В споре с братом Макаром он отстаивает важность благотворительности, обосновывая ее своей активной гражданской позицией и необходимостью социальной ответственности обладателей крупного капитала: «Мы, граждане, городу родному должны по мере сил на помощь приходить. И это меньшее, к чему нас долг обязывает. А главный наш долг: послужить отечеству. Вот с больницей справлюсь, тогда... ..Польза будет. Обществу польза. А нам благодарность за исполненный долг» [Ч. 2. V]. Однако сразу обращает на себя внимание то, что важную роль в его мотивации играет получение «благодарности» — орденов и чинов, о которых он мечтал с детства, и Макар сразу же отвечает ему: «Не знаю, как кому, а мне этих

побрякушек не надо». Благотворительная активность Корнута является неотъемлемым элементом его общей социальной активности, в которую входят и коммеморативные практики, в том числе церковные, и политическая деятельность – участие в черносотенном движении.

Вот как словами Корнута автор описывает его храмоздательскую деятельность и связанные с ней проблемы: «Церковь у меня при богадельне. И в честь родни все у меня там братья изображены... то-есть, э-э, святые... Ну, и священномученик Корнут. А с Доримедонтом история. В Санкт-Петербурге я заказывал. Ну, все, как надо. А Доримедонта прислали бритого. Ко мне в церковь его преосвященство приехал, э-э, осмотреть, значит, перед освящением храма. Как, говорит, и почему, э-э, мученик Доримедонт у вас, Корнут Яковлевич, бритый написан и в этом, говорит, неподобающем одеянии? Я, говорит его преосвященство, разрешить того не могу. Ну, я тогда телеграмму в Санкт-Петербург. Почему бритый и в неподобающем одеянии? А из Санкт-Петербурга телеграмма: был, пишут, Доримедонт мученик сенатором, а сенаторы все бритые были. А одеяние, пишут, то тога сенаторская. Я к его преосвященству. Так и так. А его преосвященство: нет, говорит; это, говорит, вольнодумство. Был сенатором, но ввержен бысть в тюрьму. И усечен мечем. А в тюрьме, говорит, у него борода отросла. А потому, говорит, не разрешаю. ... Только у меня в воскресенье освящение храма, а вместо мученика Доримедонта пустое место. И нужен мне к воскресенью Доримедонт с бородой и в подобающем одеянии. Размер два с половиной и полтора, и верх полуциркульный» [Ч. 2. XXIX].

Нарочитый, демонстративный характер коммеморации в данном случае не вызывает сомнений, и оговорка «все у меня там братья изображены... то-есть, э-э, святые», конечно, не случайна. Пытаясь восстановить традицию коммеморативного храмоздательства, купец-благотворитель ее конструирует, причем таким образом, что гордость заведомо преобладает над благочестием. Это дополнительно акцентируется анекдотической историей с иконографией малоизвестного святого, изображения которого вообще встречаются редко, а отдельно, без принявших мученичество вместе с ним святых Трофима и Савватия – практически никогда. При этом описываемая практика вполне соответствует контексту эпохи и вряд ли уникальна. Автор умалчивает о посвящении престола церкви, однако известно, что церкви при благотворительных учреждениях в XIX-XX веках часто посвящались патрональным святым храмоздателей.

Великолепное знание автором повседневности описываемой социальной среды делает роман важным источником сведений о малоизвестных и недостаточно изученных аспектах церковной коммеморации. Так, в связи с похоронами Сергея Горюнова, брата жены Макара Яковлевича Раисы, автор словами матери покойного описывает интересную практику: «Гробик-то белый, глазетовый. А покров-то! Покров золотой. Раиса, дочка-благодетельница на покров не поскупилась. Из покрова того отец протопоп с отцом диаконом ризы праздничные пошьют» [Ч. 2. XIX]. Практика пошива богослужебных облачений из покрова с гроба требует дальнейшего изучения, однако не подлежит сомнению то, что в рассматриваемый период она действительно существовала. Так, в построенную в 1897–1900 гг. Троицкую церковь на станции Омск «подарены были... полное золотое парчовое облачение для священника и дьякона, сшитое из покрова с гроба великой княгини Екатерины Михайловны (1900)»⁶. Имевшую место в средневековой Франции традицию пожертвования церкви, где хоронили умершего, куска драгоценной шитой золотом ткани, покрывавшего гроб во время похоронной процессии, отмечает Ф. Арьес, не описывая последующего использования пожертвованной ткани⁷.

Кризис церковной коммеморации закономерно сопровождается кризисом религиозности. Религиозность в романе, как и в реальной жизни, имеет гендерную и возрастную обусловленность: ею отличаются в основном женщины и пожилые люди. Так, теща Макара вдова Горюнова регулярно посещает церковные службы («у поздней <литургии> нынче <в день Илии Пророка> была» [Ч. 3. XVI]). По поводу умирающего сына Сергея ее материнские переживания выражаются в обращенном к дочери Дорофее высказывании: «Без покаяния умирает. Без покаяния. Церковь заступницу усердную отринув рукой грешной. Пред людьми сын меня опозорил навек. И душу свою погубит. Погубил уж! Погубил уж!» [Ч. 2. XVIII]. Принимая у себя старшую дочь, вдову Макара Яковлевича Раису, «крестное знаменье творила старуха и вздыхала шумно, на диване сидя, и взглядывала на сверкание оклада золотого иконы тяжелой всех святых, под потолком в углу» [Ч. 3. XVI]. Интересно, что культ Всех Святых тесно связан с поминовением усопших⁸, и кладбищенские церкви часто бывают Всесвятскими. В православии

⁶ Лебедева Б.г.; Батурич, Батурина 2012. С. 60.

⁷ Арьес 1992. С. 170.

⁸ Сукина 2006. С. 273.

суббота является днем, избранным Церковью «для воспоминания всех Ее чад, почивших от земных трудов, как тех, кого Она имеет в числе своих святых молитвенников, так и всех остальных, хотя и грешных, но в вере поживших и в надежде воскресения скончавшихся»⁹, что связывает Всесвятский культ с поминальным. В католической традиции день Всех Святых является основным днем поминовения умерших.

Жена Макара Раиса, супружескую жизнь которой трудно назвать счастливой, также находит утешение в религиозности. Однако она сталкивается с неожиданным для читателя затруднением: во дворце Макара, который «велик и прекрасен. <...> И во дворце сто комнат. И зала в два света. И лестница-мрамор – какого нет нигде. И будет дворец тот стоять ровно миллион» [Ч. 1. X], не предусмотрено место для молитвы. Поэтому в результате возникает странная картина: «Комната умывальная зовется также и моленной. Когда, давно уже, церковное стало первым утешением хозяйки дома, потекли в дом иконы, лампадки, благословения жертвовальнице иноков, инокинь, иереев близких и дальних. Негде было в спальном покое мраморном киоты наставить. И нельзя. К стилю не подходит. В умывальную комнатку ставили, развешивали. И давно та комнатка как часовня. И большой беломраморный умывальник, в стенную нишу вделанный, как алтарь часовни той. Но странно, входя в ту часовню и затворяя за собою дверь, видеть во всю дверь то зеркало, тщетно ищущее отразить тело нагое» [Ч. 2. VIII]. Очень интересная сцена, показывающая место сакрального в Макаровом дворце, происходит во время собрания родственников после его смерти: «Но вот <Раиса> повела чуть голову вправо. Еще, еще. И подняла глаза. И остановила. И за взором ее поглядел туда в угол и Виктор. Меж двух амуров голых, толстоногих – лик Спаса. Маленький, строгий, незаметный. И глядя в очи строгие так же чуть качала головой Раиса Михайловна» [Ч. 3. XXVI].

Религиозен и Семен Яковлевич, ставший после смерти «железного старика» руководителем семейного дела. В его доме «иконы близко, в том вон углу. Орехового дерева киот» [Ч. 2. XXVII]. Тем не менее религиозность не помешала ему вступить в греховную связь с не менее религиозной женой брата Раисой во время паломнической поездки к чудотворной иконе [Ч. 1. XXXIX].

И все же для большей части персонажей романа религиозные чувства несвойственны и чужды. Обращает на себя внимание существенная

---

⁹ *Афанасий (Сахаров)* 2007. С. 102-103.

деталь, характеризующая уровень религиозной культуры как представителей «проклятого рода», так и их непосредственного окружения. В комнате Антона Макаровича «на крючке, в середине потолка, вместо лампы висит голубь, святой дух; он большой, деревянный, золоченый. Еще Виктор снял его из алтаря старой лазаревской церкви; поп уступил голубя. Долго голубь висел в церкви, теперь его крылья широко распахнулись под тяжелым серо-красным потолком, и он едва не касается когтями головы Антона, когда тот проходит под ним» [Ч. 2. VIII]. Первый раз пришедшая в «крепость» сестра Раисы Дорофея Горюнова «под потолок на голубя золоченого глядит» [Ч. 2. XXV], не выражая удивления и не задавая вопросов. Новый хозяин семейного дела Константин Макарович (названный здесь Яковлевичем) приказывает убрать голубя [Ч. 3. XI]. Старая экономка прячет его и привозит в усадьбу к Виктору Макаровичу, который выменивает на него у старика-старовера сундуки со старинными предметами для обустройства им дома.

Здесь голубь впервые получает определение словами Виктора: «дароносица хороша была» [Ч. 3. XI]. Это определение ошибочно: дароносица (ковчежец для переноса Святых Даров с целью причащения больных вне храма) не может быть сделана в виде голубя и подвешена к потолку. В действительности голубь – это дарохранильница, стационарный ковчег, в котором Святые Дары хранились в алтаре церкви. Часто встречающийся тип русских дарохранильниц XVI-XVIII вв. выполнен в виде серебряного, медного или деревянного позолоченного полого голубя, подвешиваемого в алтаре храма под сенью над престолом, подобно дарохранильницам, производившимся в XIII в. в мастерских Лиможа¹⁰. Три серебряных дарохранильницы этого типа конца XVII – начала XVIII вв. находятся в собрании музеев Московского Кремля¹¹. Как дарохранильница, так и дароносица являются священными сосудами, вмещающими в себя Святое Тело и Кровь, и тем самым их безусловно запрещено употреблять на житейские нужды. Как гласит 73-е Апостольское правило: «Сосуд златый, или серебряный освященный, или завесу (покрывало), никто уже да не присвоит на свое употребление. Беззаконно бо есть. Аще же кто в сем усмотрен будет, да накажется отлучением». По 10-му правилу Двукратного Собора «те, кои святую чашу, или дискос, или лжицу, или досточтимое облачение тра-

¹⁰ Игошев 2009. С. 143-145.

¹¹ Костина 2003. С. 459-461. Кат. № 389, 390. Сохраненные святыни... 2001. С. 185. Кат. № 59.

пезы, или глаголемый воздух, или какой бы то ни было из находящихся в алтаре священных и святых сосудов или одежд, восхитят для собственной корысти, или обратят в употребление не священное, да подвергнутся совершенному извержению из своего чина»¹². Следовательно, в отношении голубя только поведение Константина можно назвать относительно нормальным – потому относительно, что священный предмет следовало бы передать в церковь, а не убрать с глаз долой.

При этом представители купеческого рода в романе используют в повседневной речи цитаты из богослужебных текстов, что свидетельствует об их глубокой неосознаваемой включенности в традиционную православную культуру. Корнут говорит о своей предполагаемой невесте: «Разве я ее фамилию приму? ... Да ее кличка аки воск от лица огня...» [Ч. 2. X], неточно цитируя молитву Животворящему Кресту и 67-й псалом, входящий в пасхальные песнопения. Даже очень далекий от религиозности Виктор говорит о России словами из ектении: «изводят здесь люди сами себя и друг друга и весь живот свой... или как это повашему» [Ч. 2. XXV]. Принадлежность к православию здесь именно неосознаваемая, ничего сама по себе не говорящая о действительной религиозности, и, если Корнут просто употребляет слова молитвы всуе и не совсем к месту, то Виктор полностью выворачивает их смысл.

Кризис и деградация церковно-коммеморативных практик описываемых в романе представителей крупного русского купечества дополнительно акцентируется особенностями художественного текста романа. Как отмечает В.Ю. Лебедева, «когда в произведении поднимается проблема метафизического распада, часто особая роль отводится организации пространства. Оно структурируется таким образом, чтобы смертность стала его смысловой доминантой. Некропространство показывает, какая сила правит в нем, и, более того, вступает во взаимодействие с персонажами. При этом наблюдается именно взаимное воздействие – не только зона смерти влияет на героев, но и они способны окрашивать окружающий их мир в тона своего внутреннего состояния»¹³. В тексте романа И.С. Рукавишникова смертность обращает на себя внимание сразу, являясь одной из основных характеристик пространства «Проклятого рода».

В романе, в котором образы смерти занимают место, заметное до навязчивости, нигде, ни разу не описываются в настоящем времени

---

¹² Цытин 2004. С. 604.

¹³ Лебедева 2012. С. 41.

чьи-либо похороны. Фрагменты сцен похорон возникают в воспоминаниях героев, развернутая сцена еще не состоявшихся похорон Макара Яковлевича предстает в воображении Корнута – и все. Между тем похороны являются важнейшим обрядом перехода¹⁴, своего рода границей между миром живых и потусторонним миром. Устранение этой границы открывает мир живых присутствию смерти, которое у Рукавишникова материально и ощутимо. «Смерть, задумчивые песни в веках поющая, Смерть медлительная, Смерть-придумщица» [Ч. 2. I] «ходит за стенами» [Ч. 2. VIII], шутит, смеется весело [Ч. 2. IX], «продовывает рожу свою Смерть-скелет» [Ч. 2. X].

Важную роль в конструировании некропространства, в котором существуют герои романа, играет комната Антона, та самая, в которой висит голубь. Это помещение, которому «строитель назначил ... быть кабинетом хозяина-дельца», имеет своеобразный и совершенно не жилой вид (прообраз этой комнаты со всеми характерными особенностями интерьера существует во дворце Рукавишниковых и сейчас). «Она низкая, эта комната. Пол ее квадратный. Десять шагов и десять шагов. Встав на стул, можно достать рукою потолок. <...> Три окна в одной стене, три окна с цельными стеклами. Напротив среднего окна камин, черный, мраморный, и он украшен черною мраморною головой льва. Этот лев злой, зубы его оскалены. Черным мрамором охвачена вся комната снизу до высоты пояса. И только черный камин выступает за эту черту, и единственная дверь, тяжелая, черного дерева, блестящая. Обе створки ее плотно закрыты, и с них смотрят в комнату рожи черных стариков. Над черным поясом мрамора тяжелые алебастровые орнаменты серо-красного цвета, сплошь до потолка. А в углах, близко к потолку, громадные головы львов. Эти львы угрюмые, в крепко сжатых пастях своих они держат гирлянды цветов. А тяжелый серо-красный потолок на серо-красных стенах давит и их, и Антона, потому что серо-красные орнаменты его так крупны, так тяжелы, что могли бы быть в куполе собора. Антон же может дотронуться до них, встав на стул» [Ч. 2. VIII]. Комната сразу же характеризуется автором как склеп (это ее определение повторяется в тексте многократно), и не случайно, что именно в ней Антон впоследствии выстрелит в себя из пистолета и уже не оправится от полученной раны. Кровать Раисы Михайловны дважды названа саркофагом [Ч. 2. VIII; Ч. 3. X]. Дворец-крепость, масштабный и роскошный, весь приобретает черты некропространства – неуютного, холодного, давящего, созданного не для жизни.

---

¹⁴ Геннеп 1999. С. 134-150.

Потомков «проклятого рода» некропространство сопровождает и за пределами родных мест. Младшая дочь Макара Ирочка, страдавшая в подростковом возрасте тяжелым нервным расстройством, а затем увлекшаяся революционной деятельностью и состоящая в противостественной связи со своей подругой Валей, живет в Москве в Мертвом переулке [Ч. 3. IX]. Особенно многочисленные маркеры смертности связаны с Виктором Макаровичем, художником-декадентом, который еще в молодости убежал из дома за границу и тем самым, казалось бы, должен был освободиться от мертвящей власти дворца-«крепости». Но некропространство сопровождает его повсюду и, более того, создается им. В Венеции, «мраморно-мертвом городе на водах» [Ч. 2. XIII], любовница Виктора Юлия говорит ему: «И ты за год мертвый стал. Еще более мертвый» [Ч. 2. XVI].

Унаследовав после смерти отца усадьбу Лазарево, Виктор затевает в ней масштабное переустройство, пытается сделать дом и парк пространством памяти. В соответствии с модными тенденциями своего времени он обращается к традиционной русской культуре, осуществляя в поместье, словами своего друга Степана, свои «мечты ... Эти скамьи дубовые, писанные изразцы, ковры, паникадилы...» [Ч. 3. XI]. Главным его делом становится создание средствами искусства мемориала покойному брату Антону и всему «проклятому роду» – картины «Последний в роде». Чтобы рисовать с натуры, он изготавливает восковую фигуру брата и увешивает стены мастерской фотографиями родственников. На готовой картине «Точно, верно изображен на картине восковой юноша-брат. ... Но сидит юноша не в этой низкой комнате со светлыми стенами. Темный старый дуб, позолота рам. Сидит последний в роде в комнате башни многоугольной. На стенах портреты предков. В бархат, в шелк, в сталь лат одел Виктор родичей своих, по стенам замковой башни развесил портреты» [Ч. 3. XII].

Однако пространство памяти становится некропространством. Виктор «почувствовал душу свою и жизнь свою мертвым прудом, зеленым, заглатывающим, мертвым молчанием отвечающим говору живого леса и свисту-хохоту далекого неба» [Ч. 3. V]. «Второй этаж лазаревского старого дома и торжественно-праздничен, и беззвучно мертв» [Ч. 3. XIX]. Осмотрев мастерскую-мемориал, Степан говорит Виктору: «Бежим из этого склепа!» [Ч. 3. VIII]. В усадебном доме Виктору чудятся летающие нетопыри, и он говорит восковой статуе брата: «Ты, Антошик, счастливый. Не к тебе они. Ко мне налетели. А может быть и к тебе? Как думаешь, братик? Ах, Антошик, что я

вспомнил. Книгу я читал пророка древнего. Слушай, слушай. Вот. “Вы заключили союз со смертью и с преисподнею сделали договор...” <[Ис. 28:15]> Так, Антошик, так. Не про нас ли то...» [Ч. 3. XXXVII]. Семейные узы разрываются, и Корнут Яковлевич в своем завещании оставляет весь свой капитал на Церковь и благотворительность: «Родственникам? Это кому же например? Ни копейки. И никакого такого пункта не будет. Нет у меня достойных родственников» [Ч. 3. XXXV].

Коммеморативная традиция в христианстве базируется на евангельском постулате: «Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы» [Лк. 20:38]. Ее сущность состоит в сохранении живой памяти и в одухотворении потустороннего мира. Живые и мертвые молятся друг за друга и способны друг другу помочь. Распад этой традиции является важнейшим фактором деградации основанных на христианской традиции социальных общностей, и поэтому этнографически точные зарисовки упадка коммеморативных практик и благочестия в романе Рукавишникова становятся маркером упадка и распада купеческой семьи и купечества в целом, показанного как торжество смерти.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аръес Ф.* Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс, 1992. 528 с.
- Афанасий (Сахаров), свт.* О поминовении усопших по Уставу Православной Церкви. М.: Сатисъ, 2007. 330 с.
- Банникова Е.В.* Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода). СПб.: Полторацк, 2014. 440 с.
- Батурич С.П., Батурина Т.В.* Роль благотворительного фонда имени императора Александра III в церковном строительстве в Сибири в период массовых крестьянских переселений в конце XIX – начале XX века // Социогуманитарный вестник. 2012. № 2 (9). С. 59-67.
- Богданов В.П.* Благородное сословие в XVIII – начале XX в.: дворянские образы в русской литературе // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 398-315.
- Виноградова Т.П., Давыдов А.И., Краснов В.В.* «Тайна» дворца Рукавишниковых на Верхневолжской набережной // III Музейные научные чтения «Мир русской усадьбы»: сборник материалов. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2007. С. 89-101.
- Геннеп А.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1999. 198 с.
- Зарубина Н.Н.* Российский предприниматель в художественной литературе XIX – начала XX в. // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 101-115.
- Игошев В.В.* Драгоценная церковная утварь XVI–XVIII веков. Великий Новгород. Ярославль. Сольвычегодск. М.: Индрик, 2009. 728 с.
- Костина И.Д.* Произведения московских серебряников первой половины XVIII века: каталог. М.: ГИКМЗ «Московский Кремль», 2003. 519 с.
- Лебедева В.Ю.* «Машенька» В. Набокова и «Суходол» И. Бунина: поэтика некропространства // Philologos. 2012. № 15 (4). С. 41-46.

- Лебедева Н. История омских храмов: Лучший храм Транссоба – Свято-Троицкая церковь на станции Омск. [Электронный ресурс]
URL: <http://www.omsktime.ru/projects/church/troick.html>.
- Рукавишников И.С. Проклятый род: роман. Нижний Новгород: Нижегородская ярмарка, Покровка, 1999. 624 с.
- Сохраненные святыни Соловецкого монастыря: каталог выставки. М.: ГИКМЗ «Московский Кремль», 2001. 300 с.
- Сукина Л.Б. Князь И.П. Барятинский – донатор Троицкого Данилова монастыря (к вопросу о личности вкладчика второй половины XVII в.) // История и культура Ростовской земли. 2005. Ростов, 2006. С. 271-280.
- Цыпин В., прот. Курс церковного права. Клин: Христианская жизнь, 2004. 704 с.

BIBLIOGRAFIJA

- Ar'es F. Chelovek pered licom smerti. M.: Progress, 1992. 528 s.
- Afanasij (Saharov), svt. O pominoventii usopshih po Ustavu Pravoslavnoj Cerk-vi. M.: Satis#, 2007. 330 s.
- Bannikova E.V. Povsednevnaia zhizn' provincial'nogo kupechestva (na materialah gubernij Urala doreformennogo perioda). SPb.: Poltorak, 2014. 440 s.
- Baturin S.P., Baturina T.V. Rol' blagotvoritel'nogo fonda imeni imperatora Aleksandra III v cerkovnom stroitel'stve v Sibiri v period massovyh kre-st'janskikh pereselenij v konce XIX – nachale XX veka // Sociogumanitarnyj vestnik. 2012. № 2 (9). S. 59-67.
- Bogdanov V.P. Blagorodnoe soslovie v XVIII – nachale XX v.: dvorjanskije obrazy v russkoj literature // Dialog so vremenem. 2014. Vyp. 46. S. 398-315.
- Vinogradova T.P., Davydov A.I., Krasnov V.V. «Tajna» dvorca Rukavishnikovyh na Verhnevolzhskoj naberezhnoj // III Muzejnye nauchnye chtenija «Mir russkoj usad'by»: sbornik materialov. Nizhnij Novgorod: DEKOM, 2007. S. 89-101.
- Gennep A. Obrjady perehoda. Sistematischeskoe izuchenie obrjadov. M.: Izd. firma «Vost. lit.» RAN, 1999. 198 s.
- Zarubina N.N. Rossijskij predprinimatel' v hudozhestvennoj literature XIX – nachala XX veka. // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2003. № 1. S. 101-115.
- Igoshev V.V. Dragocennaja cerkovnaja utvar' XVI–XVIII vekov. Velikij Novgorod. Jaroslavl'. Sol'vychevodsk. M.: Indrik, 2009. 728 s.
- Kostina I.D. Proizvedenija moskovskih serebrjanikov pervoj poloviny XVIII veka: katalog. M.: GIKMZ «Moskovskij Krem'l'», 2003. 519 s.
- Lebedeva V.Ju. «Mashen'ka» V. Nabokova i «Suhodol» I. Bunina: pojetika nekroprostranstva // Filologos. 2012. № 15 (4). S. 41-46.
- Lebedeva N. Istorija omskih hramov: Luchshij hram Transsoba – Svjato-Troickaja cerkov' na stancii Omsk. URL: <http://www.omsktime.ru/projects/church/troick.html>.
- Rukavishnikov I.S. Prokljatyj rod: roman. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskaja jarmarka, Pokrovka, 1999. 624 s.
- Sohrannennye svjatyne Soloveckogo monastyrja: katalog vystavki. M.: GIKMZ «Moskovskij Krem'l'», 2001. 300 s.
- Sukina L.B. Knjaz' I.P. Barjatinskij – donator Troickogo Danilova monastyrja (k voprosu o lichnosti vkladchika vtoroj poloviny XVII v.) // Istorija i kul'tura Rostovskoj zemli. 2005. Rostov, 2006. S. 271-280.
- Cyпин V., прот. Курс церковного права. Клин: Христианская жизнь, 2004. 704 с.

Будюкин Дмитрий Анатольевич, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; boudukin@yandex.ru

The religious commemorative practices of the merchants of the second half of 19th – early 20th c. in I.S. Rukavishnikov’s novel “The Damned Family”

The article deals with the description of religious commemorative practices of the prominent merchants of Nizhnii Novgorod in the second half of 19th – early 20th centuries who belonged to the Orthodox Church, in the novel “The Damned Family” by I.S. Rukavishnikov (1877-1930), the writer who came from this milieu. The depiction of decline of religious commemorative activity and piety is used by the writer to demonstrate the decay of the described social group.

Keywords: I.S. Rukavishnikov, “The Damned Family”, memory, commemoration, commemorative practices, church foundation, places of burial, Russia, the merchants, Orthodoxy, piety, charity.

Dmitri A. Budiukin, PhD, *The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*, Associate Professor, Department of Humanities and Natural Science, Lipetsk Branch; boudukin@yandex.ru

А. А. КУЗНЕЦОВ

РОМАН Н.И. КОЧИНА «НИЖЕГОРОДСКИЙ ОТКОС» – ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НАУКИ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

Статья посвящена использованию художественной литературы как исторического источника по истории высшей школы. Исследуется роман Н.И. Кочина «Нижегородский откос». В романе отражены реалии высшей школы в Нижнем Новгороде в 1920-е гг., представлены образы преподавателей педагогического института. Проблема достоверности сведений романа изучается в статье. Автор приходит к выводу, что роман Н.И. Кочина дает сведения о повседневной стороне жизни историков и гуманитариев, но в ряде случаев они сознательно искажены. И задача историков вместе с литературоведами состоит в том, чтобы силу и убедительность данного недостоверного текста превозмочь пропагандой результатов источниковедческого анализа. В противном случае картина прошлого науки будет существенно деформирована.

Ключевые слова: Н.И. Кочин, исторический источник, художественная литература, Нижегородский педагогический институт, Нижегородский университет, В.Л. Комарович, С.И. Архангельский, В.Н. Бочкарев.

Использование художественной литературы как исторического источника не ново. Произведения, созданные современниками изучаемой эпохи, передают дух и колорит времени, детали повседневности... Беллетристика, посвященная людям и конфликтам прошедших времен, служит мериллом того, как воспринимается та или иная эпоха в последующем времени. Особенности художественного произведения как исторического источника расширяются, если в нем присутствуют уникальные автобиографические переживания, то есть если в нем автор творчески отразил свою жизнь или отдельные ее моменты, передал свои впечатления о людях, с которыми встречался, о событиях, свидетелем (участником) которых был. Автобиографическая художественная литература – это не мемуары в источниковедческом смысле. Это – художественная типизация своего опыта и вплетение его в канву реальности вымысла. По таким произведениям зачастую судят о тех или иных событиях, забывая об изначально творческом вымысле. Осмысление своего опыта неизбежно носит субъективный характер. Со временем на это восприятие влияют оценки других людей. Неучет данных обстоятельств ведет к тому, что авторские впечатления в художественном произведении подаются как критерий достоверности.

Эти нюансы использования беллетристики как исторического источника приложимы и к истории науки и высшей школы. Мало писалось о возможности рассматривать художественную литературу именно как кладезь информации о труде ученого, преподавателя, их профессиональной деятельности. Это объясняется тем, что наука задает тональность в освещении своих представителей. Про представителей высшей школы – воспоминания! Мемории оставляются их учениками, младшими коллегами, в ряде случаев представителями общественных мысли и движения, на которых повлиял социально обращенный труд историка. Поэтому пока еще редко ставятся вопросы использования художественной литературы как источника по истории науки и высшей школы.

В данной статье представлен опыт выявления историографической ценности отдельного романа для изучения развития науки, университета и педагогического института в Нижнем Новгороде в XX в. Вопросы студенческой жизни здесь не разбираются.

Ряд положений этой статьи, историографически ориентированной, изложен ранее¹. Основанием для переноса акцента исследования на становление в Нижнем Новгороде высшего образования стало обнаружение новых источников. Поводом же явились вековые юбилеи нижегородских вузов, приходящиеся на второе десятилетие XXI века. В 1911 г. в Нижнем Новгороде открылось среднее профессиональное учебное заведение – Учительский институт, на базе которого в 1918 г. был создан педагогический вуз. Чуть ранее в том же 1918 г. В.И. Ленин подписал декрет о создании в Нижнем Новгороде университета. Он восходил к Народному университету Нижнего Новгорода, открытому в 1916 г. Преподавательские кадры этих вузов были немногочисленны, а потому совмещали службу в обоих учреждениях до конца 1920-х гг. Занимаясь историей одного вуза, неизбежно исследуешь прошлое другого.

***

Николай Иванович Кочин (1902–1984), выходец из крестьянской семьи, проживавшей по нынешним меркам недалеко от Нижнего Новгорода, принял революционный пафос первых преобразований Советской власти на селе, стал их активным участником (комбед и селькор, вступление в комсомол). На этом поприще поднялся на социальном лифте, хотя он с негодованием воспринял бы такую мотивацию его деятельности. В 1921 г. Кочин меняет стезю комсомольского вожака в селе на изнурительную жизнь студента Нижегородского педагогического института. Затем он с 1924 г. учительствовал в Павлове-на-Оке и

---

¹ Кузнецов 2013. С. 237–256.

Туапсе, начал писать. Оставил произведения, в которых отразил ряд эпохальных моментов Советской истории, в основном, на нижегородском фактическом материале. Честно он описал будни нижегородской деревни в годы военного коммунизма и НЭПа (романы «Девки», «Юность», «Семен Пахарев»), свой тюремный опыт в произведении «Зона», вышедшем уже после его смерти... В нижегородских литературной традиции, «генеалогии» и иерархии Н.И. Кочин считается вторым после Максима Горького прозаиком и классиком советской литературы. Кстати, Горький, высоко оценив очерки молодого Кочина «Записки селькора», подвинул его на написание книги «Кулибин» для серии «Жизнь замечательных людей».

Произведения Кочина отразили многие процессы и события нижегородской истории советского времени (до начала 1930-х гг.), что делает их ценными источниками. К ним надо отнести еще один его роман – «Нижегородский откос»². Данный текст определяется как «роман», хотя «это название едва ли соответствует жанровой природе анализируемого произведения. Для романа как такового здесь недостает... полноты картины, всестороннего анализа действительности... Нельзя назвать «Нижегородский откос» романом и по формальным, структурным признакам... В... произведении нет ни сквозного сюжета, ни специфически романного “сцепления” действующих лиц»³.

Вышедший в 1970 г.⁴ роман; в 2012 г. роман «Нижегородский откос» переиздан) посвящен студенческой поре Кочина, его школярскому опыту. Читателю предлагается картина студенческой жизни в первые годы советской высшей школы. В нижегородском университете в 1919 г. был открыт исторический факультет, просуществовавший до 1921 г., а вот в пединституте с самого начала имелось общественно-экономическое отделение, готовившее кадры и для советской школы, и для культурно-просветительской работы⁵. И в случае с массой преподавателей, представляющих начальный этап нижегородской высшей школы, мы обладаем недостаточной информацией об их профессиональной деятельности и преподавании в первой половине 1920-х гг. Тем более, у нас мало информации историко-антропологического свойства применительно к каждому ученому в указанный период. Этот пробел позволяет восполнить художественная проза Кочина.

---

² Стариченкова 2011. С. 8–9.

³ Кузьмичев 1972. С. 136.

⁴ В предыдущей статье (Кузнецов 2013) была допущена ошибка, согласно которой роман вышел в 1982 г.

⁵ Сапон 2011. С. 5–55.

В ее рамки вписывался опыт селькора Кочина, который вывел себя в образе Семена Пахарева. В 1921 г. на общественно-экономическом отделении пединститута Кочину довелось встретиться с рядом преподавателей, которые составят гордость советской гуманитарной науки. Их автор представил под псевдонимами, которые, чаще всего, прозрачны. Первый опыт их расшифровки был представлен в 1972 г.⁶ Например, Сергей Иванович Астраханский и Василий Леонидович Мошкарлович. В первом случае сразу определяется С.И. Архангельский: фамилия дана герою в географический противовес этимологии фамилии подлинного ученого: Астрахань (Астраханский) – Архангельск (Архангельский). Под Мошкарловичем угадывается В.Л. Комарович.

Роман «Нижегородский откос» был встречен неоднозначно. Кроме положительного интереса, была и отрицательная «рецензия на “Нижегородский откос” Кочина Н.И.» А.М. Лентовского. Её машинопись (47 листов) хранится в архиве Музея Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. А.М. Лентовский был современником и участником описываемых в романе Н.И. Кочина событий. Это обстоятельство позволяет использовать текст Лентовского как средство верификации извлекаемых из романа Кочина сведений о начальной поре нижегородской высшей школы. Например, он указал прототипов героев романа – преподавателей и студентов. Многим из последних он дал расширенные характеристики, что обогащает восприятие романа произведения Кочина. Однако роман отягощен художественным вымыслом, является источником личного происхождения со всеми важными для источниковедения последствиями. Отзыв Лентовского, категорически не согласного с бывшим однокурсником в отражении реалий их студенческого бытия, нацелен на исправление ошибок и, по мнению рецензента, заведомых и умышленных искажений романиста. Одним из подтверждений тому является филиппика Лентовского: «Не менее сложную операцию автор произвел и мне: “Он был сыном почтового многосемейного чиновника, еле перебивающегося с хлеба на воду. Отец присылал ему конторские книги, из которых Леонтий выдирали листы, делал конверты и менял их на овес. Овсяная каша прекрасное блюдо». К чему выдумана сия чушь? Ума не приложу... Никаких конторских книг отец мне не присылал, конверты я не делал и на овес не менял. Да едва ли в то время нашелся такой дурак, чтобы овес решил менять на конверты. Мало этого, оказывается я ловил галок (интересно, каким образом умудрялся это делать?) и угощал ими студенток общежития (здесь

---

⁶ Кузьмичев 1972. С. 130–152.

Кочин меня пощадил и направил продавать галок на рынок), при этом говорил, что это курицы английской породы и присылала их мне мама. (Кочин нашел неприличным, чтобы помогал мне только папа, поэтому добавил еще и маму). Пожалуй, Аркадию Райкину или Олегу Попову не придумать ничего подобного» (Л. 10).

В отрыве от контекста эта сводная – из главы «Кресты» – характеристика персонажа Леонтия Вдовушкина, в котором себя узнал Лентовский, унизительна. Но при ней читаются и другие строки про Леонтия: «богатырь, крепыш... Это была воплощенная доброта. Студентки его эксплуатировали нещадно... Он не мог отказаться, когда его просили, особенно если это были девушки. В нем пылал дух провинциального рыцаря. Прозвище ему дали “Дитя природы”». А история с ловлей галок, если и была придумана или приписана романистом Леонтию, показывает его с той самой рыцарской стороны. Надо было помочь больной пневмонией, усугубленной голодом и холодом, однокурснице Мирре Периферкович из Минска, у которой «родных... всех повесили белополяки». Вот Вдовушкин и предложил разжиться птицами, выдаваемыми за куриц, угостить больную однокурсницу и ее подруг, и попросил товарищей поддержать этот обман. Всё оказывается не так оскорбительно.

Возможно, личное начало в пространном отклике Лентовского выражено сильнее, чем у Кочина. Следовательно, оба текста, связанные отражаемой реальностью 1920-х гг., относятся к источникам личного происхождения, авторы которых ставили своей задачей запечатлеть себя в далёкой эпохе и своё «верное» её восприятие. В столкновении двух субъективных нарративов не всегда можно провести их проверку на достоверность и вывести из «среднего арифметического» истинное положение вещей.

И суть дела заключается не только в личном отношении Лентовского к Кочину и его произведению. Во фразах рецензии, типа, «Моя память обостренно восстанавливает все, что относится к периоду учебы в пединституте и первым годам Великой Октябрьской социалистической революции» (Л. 10), «Картина о показательном уроке совершенно не соответствует действительности учащейся молодежи в советской школе» (Л. 17), «В те годы в институте никто и никогда на зачетах... не пользовался никакими шпаргалками и никому в голову не приходило пользоваться ими. Ведь студенты готовили себя стать педагогами и пользоваться такими приемами считалось в нашей среде недопустимым» (Лл. 19–20), «... все профессора и преподаватели выведены в смешном виде, как люди старой формации, с каким-то старо-

режимным душком, индифферентные к влияниям нового советского времени и совершенно не связаны с бурной жизнью революционного вуза» (Лл. 34–35); «Целым рядом фактов Н. Кочин пыгается опозорить нашу Советскую молодежь того времени, показывая полное расхождение с мнением партийной и литературной общественности страны» (Л. 36) – показывают, что рецензент смотрел на свою и сверстников студенческую юность с высоты опыта в контексте истории советской эпохи, через призму сформировавшихся к 1970-м гг. коммунистических ценностей. Такая «линза» влияла на то, как надо «правильно» интерпретировать историю советского студенчества в 1920-е гг.

Обида Лентовского обусловила его претензии: «Мы не требуем от автора, чтобы изображение профессоров и студентов полностью совпадало с реальными прототипами, и он просто копировал действительность. Но мы вправе потребовать от писателя, чтобы он произвольно не искажал образы людей того времени, не изображал их в унижительном и оскорбительном тоне» (Л. 38). Примечательно, что Лентовский переживает не за людей 1920-х гг., а за их образы, за то, как люди представляются в 1970-е гг., и за то, как эти образы искажены писателем. Возможно, что Лентовский оказался в ситуации, подобной той, что сложилась вокруг критики романа Л.Н. Толстого «Война и мир» участником Отечественной войны 1812 г. А.С. Норовым. Он критиковал Л.Н. Толстого за то, что М.И. Кутузов, прибывший из Петербурга в Царево-Займище, где стояла русская армия, читал роман «Г-жи Жанлис» «Рыцари Лебеда» (ведь военачальник не мог держать перед глазами французскую книгу, воюя с французами). Но после смерти Норова в его библиотеке была обнаружена французская книга с его надписью на французском языке: «Читал в Москве, раненый и попавший военнопленным к французам в сентябре 1812 года»⁷. Учитывая ретроспективное смещение взгляда у романиста Кочина под влиянием его личного опыта в советскую эпоху и у рецензента Лентовского под давлением своего опыта, надо осторожно соотносить их впечатления, чтобы приблизиться к эпохе, осваиваемой памятью двух сверстников и однокурсников.

Подспорьем в решении проблемы – исследование Н.Ю. Стояхиной о трудных первых годах Нижегородского университета, поскольку многие его преподаватели совмещали свою деятельность с обучением студентов в педагогическом институте и наоборот. На это толкало

---

⁷ *Экзитут* 2003. С. 108–139.

бедственное положение с продуктами питания⁸. Зачастую материалы по персоналиям педагогического института лучше отразились в архивной документации университета. И она проливает новый свет на фигуру того или иного деятеля строительства высшей школы в Нижнем Новгороде.

***

Знакомство читателя с Комаровичем и Архангельским происходит в главе «Коллоквиум». Там описано почти невозможное поступление сельского паренька «в посконной рубахе до колен, в залатанных портках и в лаптях с дерюжьими онучами» Семена Пахарева в институт. «Почти невозможного», поскольку экзаменатор – профессор Мошкарлович, «элегантный мужчина» – не хотел видеть полуграмотного парня студентом, но это выяснится потом. А пока что шел экзамен:

«– Я Пахарев.

– Из деревни?

– Из села. Дальнеконстантиновского уезда Нижегородской губернии.

– Там была Симбилейская вотчина графов Орловых... при крепостном праве. Тех Орловых, которые дали России Григория – фаворита Екатерины. Это ваши बारे?

– Да, мой дед при крепостном праве был графский...»

Мошкарлович задавал ему вопросы о Гомере, о Данте, о «Молении Даниила Заточника». Сенька ежился, ерзал на месте... Все в том же индифферентном тоне профессор спросил об Ибсене, о Шекспире, о темных разночтениях в «Слове о полку Игореве»⁹.

Во время экзамена экзаменующийся перечислил нехитрый список прочитанного им, среди которых к пединституту отношения имели «История государства Российского» Н.М. Карамзина, Библия. В итоге экзаменатор вынес приговор: «– Н-да! Лапти. Не знал. Из лыка. Лапти, значит, плетут... Чудеса. Лапотная Россия собралась изучать Гомера. Ну что ж! Пожелаем Вам успешно плести лапти»¹⁰.

Пахарев стал студентом, благодаря Астраханскому. «Он читал в институте курс древней истории и был человеком деликатным, мягким, говорил тихо, робко. Ученик Ключевского, он после окончания Московского университета всю свою жизнь провел за изучением исторических сочинений, знал в совершенстве древние и новые языки и

⁸ Стоюхина 2011. С. 32–35.

⁹ Кочин 2012. С. 15.

¹⁰ Там же. С. 16–17.

на старости лет достиг звания академика. Но в ту пору он был рядовым профессором педагогического института. Астраханский – сын нижегородского священника, знал простонародие»¹¹. Астраханский безуспешно пытался получить ответы на элементарные вопросы по античной истории. Пахарев знал о Нероне, сжигавшем христиан, о Спартаке и братьях Гракхов в невообразимой контаминации с историей борьбы большевиков в подаче Демьяна Бедного¹². Удачнее протекала беседа с профессором народного творчества, который был поражен знанием Пахаревым фольклорного материала.

Астраханский и фольклорист отбили героя от нападок Мошкарovichа: «– Господа, – произнес докторально Мошкарovich. – Он ничего не знает из того, что знаю я. Но я тоже ничего не знаю из того, что знает он. Лапти он плести умеет. Это неоспоримо.

Мошкарovich снисходительно пожал плечами и умолк. Ректор (Зильберов) поглядел на него пристально...

– В науке, уважаемый Василий Леонидович, тоже есть свои лапти... Вы, Сергей Иванович, что скажете?

Астраханский...: – Господа. Он – *tabula rasa*... Но ведь и мы, – продолжал он, – вернее, большинство из нас, извиняюсь, коллеги, вчерашние учителя провинциальных гимназий, возведенные новой властью в срочном порядке в ранг профессоров...

– Да разве в этом дело, – продолжал Астраханский. – Образование – гость. Ум – хозяин. Наши земляки Минин, Кулибин, Горький не имели официального образования. А ведь это гордость отечества. А Ломоносов, парнем рыбачивший в Белом море, наверно, выглядел не лучше, чем этот Пахарев из вотчины графов Орловых...

После этого Зильберов дал слово фольклористу Леонскому.

– Коллеги! – сказал молодой фольклорист. – Я первый раз в жизни встречаю здесь человека, который знает народное творчество лучше меня...

– Это так естественно, – подхватил Мошкарovich. – Никто не может знать песни лучше того, кто их исполняет всю жизнь...

Фольклорист побагровел. Он хорошо знал, что его коллега Мошкарovich считал народное творчество низшим видом искусства»¹³.

Против сцены экзамена протестовал А.М. Лентовский (Лл. 1–3): «никакого коллоквиума для поступления в институт в 1920 г. не было,

---

¹¹ Там же.

¹² *Кочин* 2012. С. 17.

¹³ *Кочин* 2012. С. 20–21.

принимали по представлению удостоверения об окончании средней школы, метрики и справки от сельсовета о социальном положении родителей, и «экзаменатор должен дать оценку поступающему, а здесь замечания, никакого отношения не имеющие к экзамену, но характеризует профессоров с очень отрицательной стороны, как людей весьма и весьма ограниченных и легкомысленных. Едва ли такой умный, опытный и тактичный человек, как профессор С.И. Архангельский, после невразумительных и бессмысленных ответов Пахарева заявит: “Он будущий Ломоносов, Горький, Кулибин, Минин”». На замечание А.М. Лентовского можно возразить воспоминаниями Н.И. Кочина (см. ниже), согласно которым в его время поступление происходило сразу в два вуза – в университет и в пединститут. В университете приём и зачисление, действительно, ограничивались подачей документов, а в институте было вступительное собеседование.

Убедительный текст Кочина, тем не менее, оказывается сомнительным и с источниковедческой точки зрения. Тем более, вымышленность сцены обсуждения очевидна – Кочин не мог там присутствовать. Фамилии участников литературного действия конвертируются в фамилии реальных преподавателей. Фамилия руководителя института – Зильберов – отсылает к А.Н. Зильберману. О Зильберове Кочин пишет в других главах, но уже не упоминает его как ректора: «Профессор Зильберов приехал в приволжский город откуда-то с западной окраины России. Он окончил физико-математический факультет Петербургского университета и философский факультет в Берлинском университете. И преподавал сразу на двух факультетах. На одном – физику, а у филологов – «Введение в философию»»; «Зильберов читал филологам-первокурсникам «Классификацию и методологию науки»»¹⁴. На страницах произведения Кочина описана сцена зачёта по «Классификации...»¹⁵. Разговор о классификации был оригинально построен на предложении экзаменатора просистематизировать почтовые марки. Несмотря на жесткость проверки, студент Пахарев на всю жизнь запомнил разговор о классификации, выведившей на проблему, как научиться мыслить. Отповедь А.М. Лентовского: «Полагаю, в первые годы революции в вузе никто из профессоров заниматься филателией и демонстрировать почтовые марки по курсу “Классификация и методология наук” не будет, и весь этот эпизод сочинен очень неудачно и звучит весьма наивно» (Л. 46) – сама выглядит надуманной. Ведь

¹⁴ Кочин 2012. С. 39, 57.

¹⁵ Кочин 2012. С. 57–61.

профессор мог вынести это увлечение с дореволюционных времен, а нестандартное и творческое использование марок при опросе прибавит вес преподавателю и ныне.

Про реального Зильбермана известно, что он, Александр (Израиль) Наумович (род. в 1885 г. (сведения Н.Ю. Стоюхиной), дата смерти не установлена) – профессор физики, учился на философском факультете физико-математического отделения Мюнхенского университета, получил степень доктора естественных наук в Гейдельбергском университете, имел многочисленные публикации в академических российских и зарубежных изданиях¹⁶. Но он не руководил институтом, лишь заведовал там кафедрой физики¹⁷. В 1924 г. у него в Нижнем Новгороде вышел учебник «Основы физики». Наибольшую известность приобрела его работа, написанная в соавторстве с М.В. Любимовым, Г.П. Сидоренковым, Л.С. Фрумкиным, В.С. Полиным «Лабораторные работы по физике» (Учпедгиз, 1938). На ранних порах преподавательской деятельности в советских вузах А.Н. Зильберман отдал дань философии: он вел в университете семинарий «Логика точных наук», «Введение в гносеологию»¹⁸, то, что сейчас называется современным естествознанием. Видимо, эти же курсы читались им и в пединституте, когда там учился Кочин-Пахарев. По сообщению Стоюхиной, Зильберман, был в числе соавторов учебного издания «Физика в школе. Методический сборник по физике. Вып. 1» (М., 1945). Возможно, что было его посмертное издание.

В педагогическом институте в 1931 г. и в 1932 г. критиковалось увлечение Зильбермана философскими штудиями: «Часть работников скрыто или явно враждебны в отношении марксизма, протаскивают чуждую идеологию при проведении курсов (идеализм в методологии физики на вводных лекциях у Зильбермана...») и как вывод «Ряд работников надо менять при первой возможности: профессора Порхунов и Зильберман – по химии и физике»; «Проф. Зильберман не учел выводов смотра кафедры физики в конце прошлого года. Он уклоняется от признания идеалистических, кантианско-махистских взглядов, развитых в своих научных работах. Игнорирует учение Маркса-Энгельса-Ленина, отрицает кризис современной физики. Пропагандирует идеалистические буржуазные теории. Выдвигает на научную работу лиц, стоящих в

---

¹⁶ Нижегородский государственный педагогический университет... 2011. С. 13; Стоюхина 2011. С. 186.

¹⁷ Стоюхина 2011. С. 186.

¹⁸ Там же. С. 186, 225.

стороне от Институтской общественности. Работа с нашими аспирантами и выдвиженцами поставлена слабо. Теоретически не изучает марксизм-ленинизм, но загрузился преподавательскими часами и халтурно проводит занятия. Недопустимо преподавание Зильбермана в Нижегородском педагогическом институте¹⁹. То есть, Кочин привёл реальные черты прототипа профессора Зильберова. Обусловлено это тем, что А.Н. Зильберман заставил деревенского паренька Кочина думать о постижении окружающего мира посредством Слова: «Он... произнес... то, что, по-видимому, у него накопело: – Для многих важнее слово, чем истина. Власть слов над людьми огромна. Слово и разъединяет людей и сплачивает. Слово и могущественно и презренно. Поэтому надо бережно обращаться со словом, ценить в нем его положительные качества, устранять его недостатки. Слово может быть мудрым, но и глупым, истинным и ложным, кокетливо рядиться в пышность и пустословие и озарять человеческую мысль прозрениями. Словом можно убить, словом можно излечить, вдохновить. И чаще всего им злоупотребляют те, которые от него кормятся. Раздумывая над их словами, следите, не есть ли это процесс пустословия вместо содержательного мышления, мнимая содержательность, словесная эквилибристика». С учётом того, что Кочин стал писателем, работником над Словом, катарсис Пахарева на зачёте у Зильберова стал значимым и поворотным в жизни бывшего селькора. И за это Кочин-Пахарев хранил чувство благодарности, повлиявшей на объективное изображение Зильбермана.

Много внимания Кочин отвёл Борису Васильевичу Миртову, отвечавшему за цикл педагогических дисциплин в вузе²⁰. Он идентифицируется А.М. Лентовским и Н.Ю. Стоюхиной с Борисом Васильевичем Лавровым. Кочин представляет Миртова молодящимся старичком-бодрячком с острыми, закрученными вверх усиками, с блестящим, «как медный таз», черепом, любившим белоснежные стоячие воротнички и фрак и переживавшим из-за малого роста (выразилось в шляпах с высокой тульей и высоких каблуках). Он был одинок, поскольку жена (купчиха с богатым приданым) сбежала «с каким-то кооператором». Может быть, из-за своего одиночества он дарил студенткам свои фото с выспренними надписями.

Лентовский уверен, что подобные «мещанские, пошлые надписи» дарить «не мог Борис Васильевич, да, по-моему, в 20-е годы такие суте-

---

¹⁹ Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. 932. Оп. 1. Д. 44. Л. 46–47; Д. 59. Л. 1–2.

²⁰ *Кочин* 2012. С. 53–56.

неры, вообще, не существовали в пединституте, среди профессоров тем более» (Л. 7). Настораживает сочетание в этих словах уверенности («не мог») и предположительного тона «по-моему», за которым стоит только личное мнение рецензента. Некорректной является и сведение сюжета с дарением фотокарточек студентками к греху сутенерства. «Нижегородский откос» не даёт для этого оснований: чудака-профессор преподносил студенткам фото и всё.

Основное качество Миртова, которым он запомнился Пахареву, — это «мастер высокопарных выражений» («И потом Сенька встречал немало таких мастаков пустой, звонкой фразы и в литературе и в жизни, но все они уступали Борису Васильевичу»), уверенный в своей гениальности и гениальности своего дореволюционного учебника по психологии. Это качество героя Кочин раскрыл через сцену зачёта по «Теории и психологии творчества». На нём Миртов, ценимый студентами за доброту и беззлобие, задаёт вопросы так, чтобы получить ответы в формулировке, озвученной им на занятиях. Этим он и отличается от Зильберова, ценившего в Слове смысл. Сам же Миртов придаёт значение эстетике Логоса. В одной главе два героя разводятся по разные стороны Слова. Такой приём писателя вынуждает с осторожностью принять образ Б.В. Миртова как отражение прототипа.

Б.В. Лавров (род. в 1880 г. в Казани) к 1921 г. имел за плечами непростую биографию. Окончив казанскую гимназию, поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, где под руководством профессора А.И. Введенского проявил интерес к философии и педагогике. В 1904–1918 гг. трудился в Вологодском и Нижегородском Владимирском реальном училищах, Нижегородской гимназии, московской седьмой гимназии и Психологическом институте в Москве (итогом работы стал изданный в 1912 г. в Нижнем Новгороде учебник «Курс психологии (для гимназий и самообразования)»), был председателем педсовета Нижегородской Мариинской женской гимназии и читал лекции на академическом отделении Нижегородского народного университета. В 1912 г. Лавров пережил личную драму: от него, забрав дочь, ушла жена. С 1918 г. он преподавал психологию на биологическом факультете в университете (в пединститут Лавров пришел в 1919 г.), что вызывало раздражение коллег (словесник ведет курс психологии на биофаке), а также этики. Будучи противником проведения в жизнь идеологии «трудовой школы», отвергавшей прежние принципы обучения, Лавров в своей педагогической практике добивался от студентов регулярного посещения лекций, ответа по их записям. Собра-

ние студентов историко-филологического факультета устроило ему в марте 1919 г. обструкцию, хотя за полтора месяца до этого он был назначен (первым) деканом историко-филологического факультета Нижегородского университета. 30 июля 1919 г. губчека арестовала Б.В. Лаврова (причины не выяснены). 13 августа студбюро просило его освободить, что и произошло через две недели. 7 октября Лавров отказался от должности декана факультета²¹.

Этими обстоятельствами и надо объяснять своеобразно трактуемые Н.И. Кочиным в «Нижегородском откосе» факты биографии Б.В. Лаврова в образе Миртова. Его равнодушие к излагаемому на лекциях может объясняться конфликтом со студентами в марте 1919 г. Отчужденность от студенческой аудитории, осторожность красивых суждений могли быть порождены впечатлениями от ареста. При этом есть свидетельство А.М. Лентовского: «Кроме курса психологии Борис Васильевич читал лекции по «Теории художественного творчества». Эстетика – дисциплина специфическая, и в этой области в то время царила идеалистическая точка зрения, и вопросы о прекрасном в художественном творчестве трактовались по трудам Канта, Фихте, Шеллинга, марксистско-ленинская эстетика находилась в зачаточном состоянии. В те времена эстетика включалась в курс философии, а затем – психологии. В Н-Новгороде, кроме Бориса Васильевича, не было специалистов в этой области. Содержание его лекций было далеко не пустым... Так, Борис Васильевич, например, определял художественный образ: “Образ прекрасен сам собой и бесконечностью за ним лежащей дали”, или “чем образ ирреален, тем он более реальный”. Это не пустые фразы, а самые настоящие идеалистические толкования о прекрасном, но, к сожалению, Кочин до поступления... имел очень слабую подготовку по общеобразовательным предметам, поэтому это все казалось непонятным». Лентовский привёл цитаты, определения искусства из книги М.С. Каган «Лекции по марксистско-ленинской эстетике» (1971 г.), рецензии на неё и отмечает: «Борис Васильевич давал более вразумительные определения полвека тому назад и, тем не менее, Кочин представил его лекции как совершенную юмористику» (Лл. 7–8).

Менее реален образ Мошкаревича. Его прототип – В.Л. Комарович (1894–1942): «Исследователь русской литературы Василий Леонидович Комарович родился 1 января 1894 г. в с. Воскресенске Макарьевского уезда Нижегородской губернии в семье врача. В 1912 г. В.Л. Комарович

---

²¹ Стоюхина 2011. С. 16–31, 55, 63–64, 66–67, 225.

окончил первую классическую нижегородскую гимназию и поступил в Петербургский университет на историко-филологический факультет. Окончил его в 1917 г. и был оставлен при кафедре русской литературы. С 1919 по 1921 г. сдавал магистерские экзамены. Педагогическую работу начал с 1920 г. В 1920–1922 гг. читал в Нижегородском университете следующие курсы: «Достоевский», «Расин и его современники», «Пушкин и его время», вел семинары по «Слову о полку Игореве» и «Достоевскому». В 1921–1922 гг. читал в Нижегородском институте народного образования курсы по Гоголю и Пушкину. С 1924 по 1928 г. преподавал в Ленинградском университете и Ленинградском институте истории искусств: вел в них курс по Достоевскому. С 1928 г. занимался исключительно научной работой... и с 1934 г. был ближайшим образом связан с работой Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН»²². В постсоветское время стало возможным говорить и о минорных страницах жизни В.Л. Комаровича. Обратим внимание на «нижегородские» сведения о нем.

В 1920–1922 гг. Комарович преподавал в нижегородском университете на историко-филологическом факультете, был его первым секретарем²³. У него училась Т.А. Крюкова. Она поступила на историко-филологический факультет Нижегородского университета в последний год его существования и подпала под интеллектуальное обаяние Комаровича. По его совету, она поехала вслед за ним в Петроград и поступила на этно-лингвистическое отделение факультета общественных наук университета²⁴. Возможно, Комарович покинул Нижний Новгород по причине закрытия историко-филологического факультета университета, где вел курсы по древнерусской литературе и по русской литературе XIX в.²⁵ («История русского театра второй половины XVIII в.», «История русской литературы Александровской эпохи», семинарий по истории лирики XIX в., семинарий по «Слову о полку Игореве»²⁶). Поэтому работу в пединституте, о которой известно из романа Кочина, Комарович, наверное, рассматривал как работу по совместительству. Можно бы отмахнуться от факта преподавания Комаровича в пединституте, посчитав его выдумкой Кочина, если бы не архивные находки. Долго считалось, что философ А.Ф. Лосев работал только на историко-филологическом факультете Нижегородского уни-

---

²² Крюкова 1960. С. 583.

²³ Молев 2006. С. 5.

²⁴ Решетов 2003. С. 269.

²⁵ Сиренов 2013. С. 7.

²⁶ Стоюхина 2011. С. 226.

верситета в 1919–1921 гг. Но обнаружилось свидетельства преподавания А.Ф. Лосева и в нижегородском пединституте²⁷. Следует ли доверять другим сообщениям романиста?

Казалось бы, указание на то, что Комарович считал народное творчество низшей формой искусства, подтверждается списком его публикаций до 1921 г. – исследования творчества Достоевского, Гейне, Бориса Зайцева, Пушкина, Брюсова²⁸. Но имелась и работа Комаровича «Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд» (1936 г.). В ней он показал себя опытным фольклористом, что неслучайно. «Василий Леонидович Комарович был выпускником историко-филологического факультета Петербургского университета... К древнерусской литературе его приобщил А.К. Бороздин. Лекции А.К. Бороздина касались двух направлений: русская народная словесность и древняя русская письменность. Первое – это исследование фольклора. В.Л. Комарович стал серьезно заниматься этим, и интерес к фольклору навсегда, даже при занятиях летописями, оставался его отличительной чертой... В.Л. Комарович также впоследствии занимался разысканием под “современной формой” первоначальных форм народных преданий и сказаний»²⁹.

В главе «Коллоквиум» Мошкарлович противопоставляет Астраханскому и «фольклористу», который «отслоен» от исследовательского ампула Комаровича. Так Кочин показывает негативную позицию представителей старой школы: от резкого неприятия до понимания того, что выходцы из рабочих и крестьян способны приобщиться к вечным ценностям человечества. Ведь Мошкарлович гнушается наукой плетения лаптей, а Астраханский знает «простонародие». Косвенно это можно подтвердить и мнением Лентовского о том, что образ Мошкарловича в романе далёк от реального Комаровича. К сожалению, это утверждение не сопровождается фактами из преподавания Комаровича или чертами его личности. Неосведомленность рецензента-мемуариста можно объяснить тем, что Комарович мало присутствовал в жизни курса Кочина и Лентовского и не успел оставить о себе впечатлений.

В романе противопоставление усиливается демонстрацией оппонентов в разных ситуациях. Согласно автору, «Мошкарлович происходил из нижегородских дворян, очень образованных. Отец у него был известный окулист, уважаемый в городе. Мошкарлович, уже будучи тридцатилетним, заявил о себе интересными исследованиями о Гоголе

²⁷ См., например: Сапон 2011. С. 42.

²⁸ Крюкова 1960. С. 583–584.

²⁹ Вовина-Лебедева 2011. С. 427–428.

и Достоевском. Одевался он изящно... Произносил свои изысканные речи с чуть-чуть аристократической надменностью... Читал он очень содержательно и очень интересно, но крайне субъективно. Его интересовала человеческая личность, которую он никак не связывал со средой. Он читал курс о Пушкине и вел семинар по нему... Мошкарлович проследил все интимные связи Пушкина и их отражение в лирике... Студенты относились к Мошкарловичу иронически... Никто никогда не мог Мошкарловича вызвать на дискуссию»; «Профессор никогда не мешал инакомыслящим высказываться..., но сам оставался в стороне. Даже одаривать презрением новую поэзию он считал ниже своего достоинства. А ведь чаще всего речь шла о талантливых поэтах: о Маяковском, о Есенине»; «Один раз Мошкарлович подошел к Пахареву и через плечо...: – Осень – рыжая кобыла... – ничевок?

– Это Есенин! Он стоит Пушкина.

– Вон как? Народился гений, но никто не заметил.

Профессор пошел на кафедру и продолжал объяснение стихов, посвященных Анне Керн. С тех пор Пахарев ходил на лекции Мошкарловича все реже..., и то сидел на последней скамейке и демонстративно читал Есенина»³⁰.

Откуда у Кочина были такие сведения о биографии Комаровича – подводила память или автор, чем-то обиженный преподавателем, побулгаковски сводил счеты, или такую трансформацию реальности потребовала логика романа?

Кочин на страницах своих произведений воздавал обидчикам или людям, которых считал непорядочными. Так, в повести написанной в 1963 г., что называется, «в стол», и опубликованной в 2007 г., есть строки: Паня Васютина «материал обработала терпеливо, старательно, обстоятельно и с согласия своего профессора Гуанотвора готовила на этом материале диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук»³¹. Повесть «Путь Савла» «заряжена» критическим настроением по отношению к атеистической пропаганде времен Н.С. Хрущёва в Горьком. Главная героиня Васютина и является носителем этой пропаганды, а потому – её работу по сбору, как сейчас сказали бы, «полевого» материала к диссертации надо рассматривать тоже под углом авторской критики. Эта оценка распространяется и на её научного руководителя.

За его именем с весьма прозрачной и прозаичной семантикой угадывается персонаж горьковской историографии 1930-х–1960-х гг. про-

---

³⁰ Кочин 2012. С. 91–92, 94, 98.

³¹ Кочин 2007. С. 236–237.

фессор Н.М. Добротвор (настоящая фамилия – Александров). Архивные материалы позволяют составить неприглядное впечатление о его моральном облике³². Его «фамилия» в произведении Кочина, отсылающая к телесному низу и физиологическим отправлениям, свидетельствует о неприязни к нему писателя. В автобиографии Добротвора Кочин упомянут: «В первый год пребывания в г. Горьком мной был установлен тесный контакт с местным отделением Союза писателей. У меня установились дружеские связи с Б.С. Рюриковым (литературовед, теперь редактор журнала «Иностранная литература», писателем В.И. Костылевым, Н.И. Кочинным и др... В 1937 г. я приобрел уже некоторый опыт в изучении истории Нижегородского края. Случилось это при следующих обстоятельствах. В г. Горьком жила писательница Вера Жакова, которая по заданию А.М. Горького изучала историю местного края. Она, например, написала очерк о Кулибине, напечатанный в журнале “Горьковская область”. В Москве была создана редакционная коллегия во главе с А.М. Горьким по написанию истории г. Горького. Разработана была программа и существовал конкретный план, по которому, например, писатель Яковлев должен дать “Историю Сормова”, Вера Жакова должна была написать “Историю Н. Новгорода в XIX ст.”. Но В. Жакова весной 1936 г. умерла. И вот тогда редколлегия (ее секретарем был Б.С. Рюриков) поручила мне написать очерк о Н. Новгороде в XIX ст. вместо В. Жаковой. Я в 1938 г. написал эту работу. Но после смерти А.М. Горького расстроилось задуманное издание. И моя работа о Н. Новгороде в XIX ст. (на 5 печатных листах) не была напечатана. Я ее потом использовал, работая над другими темами»³³.

В цитате отразились переплетения судеб разных людей, их замыслов и трудов с биографией Кочина. Он в 1940 г. опубликовал в серии «Жизнь замечательных людей» роман «Кулибин». О нём Добротвор не упомянул – возникает ощущение противопоставления двух произведений о Кулибине – Кочина и Жаковой. Такая сдержанность может объясняться тем, что в 1943 г. Кочин был репрессирован и 10 лет провёл в лагерях. Это впечатление усиливается тем, что известен факт покровительства Горького Кочину: великий писатель благословил молодого земляка на написание романа о Кулибине в серии, им возобновленной. Возможно, что за строками Добротвора и его «срамного» упоминания в произведении Кочина угадывается конфликт.

³² Кузнецов 2011. С. 77–82, 88–89; Не подводя итоги... 2011. С. 91.

³³ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 32. Л. 155–156.

Подтвердить это предположение можно и тем, что в повести «Путь Савла» в более симпатизирующей тональности описан другой профессор Горьковского пединститута. Главная героиня повести, осознав ущербность воинствующего атеизма, идёт за советом к вузовским наставникам. Одним из них был «профессор Кустов», «который читал ей историю партии, был он стар, честен, учён и авторитетен в партии», «но никогда не слышал о Сократе, Паскале, Марке Аврелии, Спинозе». Последнее сомнительно по отношению к выходцу из крестьян 1893 года рождения, побывавшего в австрийском плену, члену Коммунистической партии с 1919 г.³⁴, имевшему образование того же уровня, что и сам Кочин. Думается, что невежество профессора в философских делах – литературный вымысел. В остальном писательская характеристика Кустова не противоречит архивным сведениям о нём. Профессор Василий Павлович Кустов не разделил сомнений девушки, но «она увидела в нём типичного партийца, которых в жизни немало встречала и которые, оставаясь деятельными, хорошими и дельными и даже учёными коммунистами, никогда не только не мучились, но никогда и не останавливались на тех вопросах, которые её мучили»³⁵. Получается, что по отношению к атеистической пропаганде В.П. Кустов – единомышленник Добротвора-Гуанотвора, но автор подал его в более выгодном свете. Подобное можно усмотреть в кочиновском противопоставлении «Астраханский – Мошкарлович».

По отношению к Комаровичу-Мошкарловичу в глаза бросается неувязка: нижегородские дворяне и знаменитый окулист. Так дворяне или разночинцы, что превалирует в образе? В.Л. Комарович – сын врача, родившийся неподалеку от легендарного Светлояра. Каким-то образом семья устроила сына в нижегородскую гимназию. Параллель можно провести с биографией С.И. Архангельского: родился в семье семеновского чиновника, но окончил в 1900 г. ту же, что и Комарович, гимназию³⁶. Образ Мошкарловича, засевавшего в башню из слоновой кости литературной классики, далек от облика Комаровича, знавшего и ценившего Брюсова, Зайцева. Наверняка, ему были знакомы и Маяковский, и Есенин... Есенин и мог стать предметом заочного спора Кочина и Комаровича. В воспоминаниях Кочин отметил в 1973 г.: «Над Есениным я плакал»³⁷. Возможно, Комарович, для которого творчество Есе-

---

³⁴ ГОПАНО. Ф. 932. Оп. 1. Д. 147. Л. 20.

³⁵ *Кочин* 2007. С. 282–283.

³⁶ *Кузнецов* 2009. С. 147.

³⁷ *Кочин* 2007. С. 189.

нина находилось в ряду творений других мастеров стиха «Серебряного века», дал свою оценку поэту, которая расходилась с мнением студента Кочина, что вызвало обиду за своего, «крестьянского», поэта.

Доля литературного вымысла в представлении Мошкаревича в романе подтверждается, её отсутствием в автобиографическом, мемуарном очерке «Как я стал писателем»: «я... поступил сразу и в университет, и в Высший педагогический институт... В университет зачисляли без экзамена даже тех, кто не имел среднего образования. В педагогическом институте экзамены были, но они носили чисто формальный характер. Профессора изо всех сил выбивались, чтобы найти и задать такой вопрос, на который абитуриент смог бы ответить. Но и в этом случае я не был готов. Очень эрудированный и благожелательный С.И. Архангельский (впоследствии академик), специалист по древней истории, был рад, что, упомянув братьев Гракхов, вызвал меня на разговор. Я слышал где-то, что Гракхи защищали крестьян... И я стал клеймить наших помещиков, изнуравших моих предков, объединил Гракхов с Пугачёвым, сделал из обоих большевиков... Но Сергей Иванович просиял, был рад и этой болтовне. И так со всеми предметами, кроме фольклора. Мы долго беседовали с фольклористом. Он испытал меня на загадках, пословицах, народных песнях, на бабьих воплях по умершим... Восхищению его не было предела. После я узнал, что он сказал экзаменационной комиссии, что впервые встретил студента, который знает народное творчество лучше его самого». И ещё: «Как и все, я заучивал каждое стихотворение Есенина наизусть. Я был покорён этим рязанским парнем с тех пор на всю жизнь»³⁸. Из этой цитаты видно, что реалии поступления Кочина в вуз домысливались в «Нижегородском откосе»: и экзаменационный фильтр, и споры в комиссии, и сам Мошкаревич... Возможно, он и не преподавал в пединституте, а работал в университете, где учился Кочин. Но тогда Комарович не мог присутствовать на экзамене в пединституте, а в университете, как пишет Кочин-мемуарист, вступительных экзаменов не было.

Видимо, при(до-)думывание биографии и образа Мошкаревича облегчалось тем, что Комарович недолго общался с курсом Кочина из-за отъезда в Петроград. Может быть, сказалось и то, что В.Л. Комарович в 1928–1934 гг. был репрессирован³⁹. Подобную диффамацию в романе встречаем по отношению к Картузову. Его прототип – М.Н. Кутузов: «Тогда самой актуальной наукой была история... Всех

³⁸ Кочин 2007. С. 37–38, 39.

³⁹ Решетов 2003. С. 294. Прим. 2.

больше будоражил мысль и сердце студентов историк Картузов. Он родился трибуном..., с темпераментом борца и азартом политика. Одевался он с нарочитой демократичностью (рубашка-косоворотка, крестьянские смазные сапоги... Черные как смоль кудри ниспадали до плеч, выразительное, подвижное лицо актера – образ народного вождя старого типа... К этому прибавить надо его отличную натренированность в просторечных выражениях, очень крылатых и очень доходчивых. Книг и конспектов на лекции он не носил, всегда вдохновенно импровизировал. С первой лекции он брал аудиторию целиком в плен. Но держал в этом плену недолго. К концу года в лекторе уже разочаровывались. У него были поверхностные знания, одна политическая фразеология, багаж, почерпнутый из однодневок-газет... На первую лекцию студенты ждали его с нетерпением... И на кафедру не взмошел, а остановился посередине комнаты, оглядел всех властным взглядом.

– Россия – сфинкс, – произнес он. – Вы хотите узнать ее судьбу? Изучайте русскую историю...

Актер был один – он сам... Но когда Пахарев решил записать, содержание лекции ушло..., и, кроме приятного возбуждения, ничего не осталось. Смутно мелькал образ Нестора... Адвокатское красноречие раздражало, выпрениная фразеология обнажала плоскую мысль, особенно это бросалось в глаза после знакомства с Ключевским и Соловьевым... Старшекурсники называли Картузова «соловьем», даже обиднее – «бесструнной балалайкой»... Картузов за всю жизнь написал две брошюры, которые он называл трудами. «Он учен, как Картузов» – это стало крылатой фразой⁴⁰.

Вот биография реального Михаила Николаевича Кутузова. Родился в 1883 г. в семье железнодорожного рабочего. В 1904 г. окончил Елецкую гимназию, в 1908 г. – историко-филологический факультет Московского университета. С гимназических лет находился под надзором полиции из-за близости к социал-демократам, потом – к эсерам. С 1911 г. преподавал в Нижегородском учительском институте. В 1915–1916 гг. был его директором. После февраля 1917 г. вошел в состав Нижегородского комитета партии эсеров. В ноябре 1917 г. стал депутатом Учредительного собрания от Нижегородской губернии. После ареста 5 января 1918 г. Кутузов продолжил преподавательскую деятельность в Нижегородском учительском институте и вел антибольшевистскую агитацию в воинских частях. В августе 1918 г. перешел линию фронта и вошел в состав КОМУЧа, создавал уфимскую директорию. Разочаро-

---

⁴⁰ *Кочин* 2012. С. 50–52.

вавшись, в январе 1919 г. вернулся в Нижний Новгород и был ненадолго арестован ВЧК. В 1919–1936 гг. преподавал в Нижегородском (Горьковском) пединституте. Арестовывался в 1923 и 1930 гг. Арестован осенью 1936 г. и в 1938 г. умер в тюремной больнице⁴¹.

Этих данных о Картузове Кочин не привел, но намекнул на его эсеровское прошлое: трибун, народный вождь. Где уж тут писать труды! В принципе, облик Картузова не противоречит биографическим данным Кутузова. И опять негативный образ, подобно Мошкаровичу! Правда, объяснять его тем, что Кутузов был репрессирован – все-таки некоторое упрощение. Ведь сам Кочин 10 лет провел в заключении⁴².

Лентовский не согласен с тем, что литературный Картузов тождественен прототипу (Лл. 5–6) и даёт последнему такую оценку: «Уровень его знаний был достаточен для того, чтобы вести курс Русской истории студентам первых курсов. Для института иметь такого одаренного методиста, каким был М.Н. Кутузов, было большим преимуществом... М.Н. Кутузов был талантливый педагог, чудесный и оригинальный оратор, обладал необыкновенным даром вести занятия по русской истории выразительно, красочно и просто, не так, как все. Он страстно любил педагогическую работу, прекрасно понимал молодежь и всегда был в состоянии большого оптимизма. М.Н. Кутузов умел занятия проводить интересно и мог увлечь, страстно увлечь слушателей своим предметом».

Автор романа противопоставляет Картузова Астраханскому. Он – неяркий, но аккуратный, эрудированный, скромный и трудолюбивый, знающий иностранные и древние языки. «Его занимала только историческая истина, правда, как он ее понимал... Он не требовал почтительности к себе, но всяк перед ним сознавал свое дилетантство... После записей за Астраханским любое место в книге по разделу истории казалось... вполне знакомым и понятным... Профессор заметил рвение Пахарева и пригласил его к себе. Деревянный домик на окраине города был весь завален книгами и заставлен цветами.

– Есть только одна наука наук – история, – сказал профессор, поливая амариллис, – история мироздания, а значит и природы, и человечества, и его дел: общества, науки, искусства...

Астраханский привил ему любовь к истории и лишил его... надменного отношения к прошлому»⁴³.

⁴¹ Сведения взяты из: *Санон* 2011(а). С. 120–121.

⁴² *Шамигулин* 2012. С. 11.

⁴³ *Кочин* 2012. С. 52–53.

Сведения об Архангельском, почерпнутые из других источников, позволяют говорить, что он наиболее близок к своему литературному воплощению. Но и тут есть неточности. В сцене экзамена он представлен сыном нижегородского священника, «рядовым профессором», учеником Ключевского, в старости достигшим звания академика. Однако Архангельский происходил не из духовного сословия, его отец – семёновский чиновник из обедневших дворян. Профессором он в 1920-е гг. не был, а получил это звание лишь в 1937 г.⁴⁴ В 1924 г. Наркомпрос возражал против присвоения Архангельскому звания профессора⁴⁵. Учеником Ключевского Архангельский себя не называл. Он писал в анкетах, что испытал влияние Ключевского⁴⁶. В 1946 г. 64-летний С.И. Архангельский был избран в члены-корреспонденты АН СССР.

В остальном многие детали, приводимые Кочиным, подтверждаются. Дом С.И. Архангельского по тогдашним меркам тяготел географически к окраине – улица Ошарская. Архангельский разводил цветы. Об этом увлечении писалось ранее⁴⁷.

В портрете Астраханского характерные черты были переданы автором достаточно точно. Лентовский только и смог посоветовать на то, что «нет здесь... образа педагога, чья деятельность в те годы являлась актом высокого творческого труда незаурядного и талантливого человека...» (Л. 4), что «...о нем следовало бы написать не примитивную характеристику, а литературный портрет, какие писал Горький» (Л. 5).

Негативизация прототипов Мошкаревича и Картузова в «Нижегородском откосе» служила для более рельефного изображения Астраханского. В последнем случае источниковая ценность текста Кочина высока. Подобное можно сказать и применительно к другим историкам, выведенным в романе под настоящими фамилиями.

Кочин дает нейтральную характеристику А.П. Мельникову – сыну Мельникова-Печерского: «Историю местного края читал Андрей Павлович Мельников – сын знаменитого нижегородца Мельникова-Печерского, автора романов “В лесах” и “На горах”. От отца своего А.П. Мельников унаследовал безотчетную и неистребимую любовь к старому русскому быту с церквями, кондовыми обычаями, с нечистой силой, с анекдотами из жизни местных чудаков – купцов, помещиков и чиновников... Он говорил о минувшем как о настоящем... И хоть

⁴⁴ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.

⁴⁵ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 9. Л. 20.

⁴⁶ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 9. Л. 5, 13.

⁴⁷ Кузнецов 2012. С. 269–270.

все это было очень далеко от злобы дня, но у этого старика находились слушатели»⁴⁸. Ценность этих строк заключается в том, что ранее сведения о Мельникове охватывали часть его жизни до 1917 г.⁴⁹ Информации о его деятельности после революции мало. Впечатления Кочина о нем важны. Информация, почерпнутая из романа, носит личностный характер. Исследование биографии Мельникова имеет большие перспективы с учетом того, что готовится издание неизвестных ранее работ горьковского историка В.Т. Илларионова, где есть строки, посвященные Мельникову. Данные фрагменты имеют значение и для проверки сведений Кочина.

«В середине 1921 года в Нижнем издан второй том “Материалов по истории революционного движения”..., в котором А.П. Мельников опубликовал “Опись делам историко-революционного архива за 1839–1896 гг.”, и написанную по воспоминаниям и документам статью “К истории революционного движения в Нижегородском крае в 1904–1905 гг.” Андрей Павлович Мельников (родился в 1855 году ст.ст.) представлял собою незаурядную личность. Он был сыном П.И. Мельникова (Андрея Печерского), но этого мало для его характеристики. Называя себя художником, он любил тут же прибавить, что состоял и «чиновником особых поручений при двенадцати губернаторах». Свою жизнь он закончил “сотрудником особых поручений ОГПУ”, что и подтверждал всем своим знакомым предъявлением соответствующего удостоверения. Функцией его последней службы была архивная работа. Нижегородское ОГПУ поручило ему приведение в порядок архивов Нижегородского охранного отделения и Нижегородского жандармского управления. Но А.П. Мельников был и поэтом. До революции он публиковал в США стихи, написанные им на древнееврейском языке, и был автором нескольких книжек беллетристических произведений. В искусстве его особенно интересовала станковая живопись, и его картины находили место на нижегородских художественных выставках. Интересовала его этнография Нижегородского Поволжья, наверное, по унаследованному от отца интересу к народной жизни. Перу А.П. Мельникова принадлежал ряд исторических и этнографических исследований, в частности, книга “К трехсотлетию смутного времени”. В ней содержатся ценные материалы о мордве, татарах и т.д. Нижегородского Поволжья, издревле представляющего крайне сложный этнический конгломерат. Сын талантливейшего в России бытописателя, Андрей Павлович

---

⁴⁸ Кочин 2012. С. 47.

⁴⁹ См., например: Кузнецов 2006. С. 120–121.

Мельников унаследовал от отца, образно говоря, острое художественное зрение и в своей книге-фолианте “Столетие Нижегородской ярмарки”, запоздало изданной в знаменательный 1917 год, увековечил бытовую историю Всероссийского торжества. Перу его принадлежит немало число статей в местной печати. А.П. Мельников – и археолог. В годы нэпа в Нижнем вышла в свет его изящно оформленная книжечка «Нижегородская старина». Однако, он и продолжатель дела П.И. Мельникова по вопросам старообрядчества, правда, несравненно менее активный. В Действиях Нижегородской губернской ученой архивной комиссии он публикует ряд работ: “Из секретной переписки старообрядцев” (1890), “К характеристике быта раскольничьих общин начала XIX века” (1891), “Керженские или дьяконовы ответы”, биографические материалы о П.И. Мельникове, комментирует знаменитый “Отчет” 1854 года, представленный Мельниковым-отцом Министерству внутренних дел о старообрядцах. Мельниковым-сыном, по его словам, написано тысячи две страниц воспоминаний, характеризующих среду, окружавшую его в детстве, в частности, в Петербургский период жизни отца и т.д.»⁵⁰. «В зиму 1919–1920 года в Нижнем, на Большой Печерке..., в подвальном помещении дома № 11, принадлежавшем до революции миллионеру – мукомолу Якову Матвеевичу Башкирову, были “расквартированы” архивы нижегородского охранного отделения и жандармского управления, соединенные в один. Архив имел трех работников: заведующим был Андрей Павлович Мельников, сотрудниками – один глухонемой немец, его фамилия не помнится, и М.А. Шебуев... Но, Андрей Павлович Мельников! Архивы были в беспорядке, представляя собою груды “дел”, не были размещены на фонды, на дела, не существовало описей и т.д. Страшная стужа не только на улице, но и в помещении архива вовсе не позволяла осуществлять какую-либо работу. Архивные деятели проводили свой трудовой день одетыми в пальто, шапки, с варежками и перчатками на руках. В таких-то вот условиях в архиве и появилась в свет “Революционная хроника сормовских рабочих”, первое большое повествование о революционном движении этих рабочих, опубликованная в первом томе “Материалов по истории революционного движения”»⁵¹. Взгляд студента Пахарева и мемуариста Кочина на Мельникова дает представление о Мельникове-человеке.

---

⁵⁰ Фрагмент работы В.Т. Илларионова «Старообрядцы» (готовится к печати А.А. Кузнецовым, Т.А. Шарытиной, М.В. Потатиной).

⁵¹ Фрагмент работы В.Т. Илларионова «Избранные странички из истории Нижегородского краеведения» (готовится к печати А.А. Кузнецовым, Т.А. Шарытиной).

Подобное можно сказать и о Сергее Федоровиче Елеонском (1891–1960), выступающем в романе Кочина под фамилией Леонский (идентификация Н.Ю. Стоюхиной). Памятуя то, что он защитил Семена Пархарева на вступительном испытании, ожидаешь хвалёных эпитетов в адрес фольклориста. Вопреки ожиданиям, ему дается более критическая, нежели Архангельскому, характеристика. (Е)Леонский, «очень эрудированный», «влюбленный в свою науку», преподносил «ее мертво, по старинке, схоластически», не поднимая глаз от конспекта. Поэтому реакцией студентов были либо чтение романов, либо сон на лекциях. На зачетах фольклорист всегда ставил хорошую отметку, невзирая на то, как ему отвечал студент. Но студенчество уважало преподавателя за преданность своей науке, не любя его предмет⁵². Не имея возможности проверить эти сведения Кочина, с учётом того, что положительное впечатление от (Е)Леонского верно, есть основания принять их и обогатить портретную галерею пионеров высшей школы в Нижнем Новгороде. Можно почувствовать «нерв» живого человека за сухими строками биографии С.Ф. Елеонского: урожденный нижегородец окончил в 1916 г. историко-филологический факультет Московского университета и был оставлен для подготовки к учёной степени по кафедре русского языка и словесности, открыл народную повесть XVIII в. «История о французском сыне»; Елеонский – автор историко-литературных и литературно-критических статей, готовил к изданию собрание русских сказок; преподавал в Нижегородском университете и учительском институте, часто отбывая в научные командировки в Москву, Казань, Пермь, Саратов и Уфу; сначала жил в Нижнем Новгороде, а в 1921 г. в селе Гнилицы, откуда добирался на службу на пароходах пригородного сообщения; после закрытия историко-филологического факультета университета он некоторое время преподавал в пединституте, как явствует из романа «Нижегородский откос», а затем переехал в Москву, где работал педагогическом институте; основные научные работы посвящены истории русской литературы XVII–XVIII вв. и отношениям с фольклором. В университете Елеонский читал курс народной словесности, историю русской литературы XVIII в., семинарий по М.Ю. Лермонтову и др.⁵³

В романе ряд страниц посвящен Валентину Николаевичу Бочкареву. Известно, что он начал преподавать в Нижнем Новгороде, когда там открылся народный университет. После 1917 г. он продолжил ра-

---

⁵² Кочин 2012. С. 47.

⁵³ Стоюхина 2011. С. 166–167, 226.

боту в университете и учительском институте. Переписывался с А.К. Кабановым⁵⁴, затем с его коллегой – С.И. Архангельским.

В.Н. Бочкарев (1880–1967), родом из Ярославля, окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1906 г. и был оставлен В.О. Ключевским на кафедре русской истории для научной работы. В 1915 г. защитил магистерскую диссертацию и стал выезжать на преподавательскую работу в Нижний Новгород⁵⁵. Естественно, он оказался в пединституте, где сблизился с Архангельским, годом позже окончившим историко-филологический факультет Московского университета. Свое пренебрежение ценностями нового строя Бочкарев не скрывал, а потому оказался фигурантом по «Академическому делу». В 1930 г. он был арестован в Москве и осужден на исправительные работы. Освободившись в 1932 г., в нижегородских (горьковских) вузах он более не преподавал.

Из художественно-мемуарного осмысления пребывания Бочкарева в Нижнем Новгороде следует, что он воспринимался студентами как кадет и соратник П.Н. Милюкова, который не желал перестраиваться. Отмечено, что Бочкарев был слепым и узнавал солнечный свет по теплу, радуясь ему, имел тонкий слух, что мог слышать даже тихую подсказку, и слуховую память на голоса⁵⁶. В общих чертах образ Бочкарева из романа соотносится с его образом из воспоминаний Н.И. Павленко: «ученик Ключевского профессор Валентин Николаевич Бочкарев. Это был колоритный персонаж: до революции его имя часто мелькало в газетах, поскольку он значился не рядовым членом кадетской партии. После войны профессор сохранил густой бас, но не больше пяти процентов зрения... Как лектор Валентин Николаевич был никаким: контакту со студенческой аудиторией мешало все то же отсутствие нормального зрения... Боясь пострадать за свое “милюковское” прошлое, Валентин Николаевич изо всех сил старался быть ортодоксальным марксистом, без конца цитируя бородатых классиков и педантично исполняя установленные на кафедре требования»⁵⁷. Иначе о Бочкареве начала 1960-х гг. пишет саратовский ученый Н.А. Троицкий: «Но из всех преподавателей МГПИ самое сильное впечатление произвел на меня профессор нашей кафедры Валентин Николаевич Бочкарев. Ученик великого В.О. Ключевского, авторитетный ученый

---

⁵⁴ О А.К. Кабанове см.: Кузнецов, Мельников, Пудалов 2006. С. 160–164; Кузнецов 2010. С. 172–179.

⁵⁵ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 114. Л. 53.

⁵⁶ Кочин 2012. С. 243, 244, 246.

⁵⁷ Павленко Николай. 2011. С. 54.

еще с дореволюционных времен (был членом авторского коллектива знаменитого семитомника «Отечественная война и русское общество» вместе с В.И. Семевским, Н.И. Кареевым, М.И. Туган-Барановским, Е.В. Тарле и др.), Бочкарев казался мне живым памятником истории. Ему было уже 80 лет, он давно потерял зрение, но оставался удивительно бодрым. Его атлетическая фигура, юношеский темперамент, зычный голос, живописная речь незабываемы. А как он читал лекции! – мудро и зажигательно, с легкостью цитируя наизусть летописи, уложения, мемуары»⁵⁸. Как видим, историки Н.И. Павленко и Н.А. Троицкий дают полярное изображение В.Н. Бочкарева.

Однако между впечатлениями, оставленными Бочкаревым, более сорока лет. И, видимо, ни Н.И. Кочин, ни Н.И. Павленко, ни Н.А. Троицкий не знали, что В.Н. Бочкарев пострадал «за милюковское прошлое». Он провел время «в местах, не столь отдаленных», именно, за то, что не скрывал своей неприязни к Советской власти. Показательны замечания в адрес профессора В.Н. Бочкарева, прописанные в конце 1920-х гг. в заявлениях членов партии, работавших в пединституте: «Напр[имер], студенты политпросветочники «спасающиеся» любили приводить как довод слова проф. Бочкарева – «зачем держат это паразитическое отделение [политико-просветительское отделение]»? Студенты уверяли, что это им было сказано на лекции»⁵⁹. Думается, что классовое зрение исказило восприятие Кочиным Бочкарева: он не перестраивался и не скрывал своих взглядов до своего заключения.

Лентовский, опираясь на память и эрудицию, пытается убедить своего и Кочина читателя, что сцены романа с участием Бочкарева вымышлены. Увы, это не подлежит верификации. Зато ценны впечатления Лентовского: «Проф. Бочкарев два–три раза в году приезжал в институт для чтения лекций. Несмотря на свою слепоту, он прекрасно читал лекции. Большие знания, широкая научная эрудиция давали ему возможность всесторонне и обстоятельно разбирать исторические события и великолепно излагать их. Говорил он выразительно, уверенно и обладал всеми качествами ученого историка и трибуна. Документы, архивные материалы и цитаты приводил на память. Зачет по курсу принимал у студентов в одной из аудиторий нижнего этажа. Обычно двое студентов садились за стол, получали в устной форме вопросы и отвечали профессору, сидящему против них за этим же столом. По окончании ответа студент подавал профессору зачетную книжку, ука-

⁵⁸ Троицкий 2006. С. 60–61.

⁵⁹ ГОПАНО. Ф. 932. Оп. 1. Д. 40. Л. 33.

зывает пальцем, где надо расписаться, а затем в учебной части записывали зачет (без каких-либо оценок)» (Л. 17).

***

Рассмотрение художественного текста романа Н.И. Кочина как источника по истории науки и высшей в конкретном хронотопе – Нижний Новгород в 1920-е гг. – позволяет прийти к ожидаемым выводам. Художественное произведение, безусловно, является источником для истории науки и становления высшего образования в губернском городе в начале XX века, но при его использовании надо вносить поправку и на субъективность (как и в случае мемуаров), и на логику самого произведения, и замысел автора. Роман Кочина «Нижегородский откос» дает сведения о повседневной стороне жизни историков и гуманитариев, но в ряде случаев они сознательно искажены. И задача историков вместе с литературоведами состоит в том, чтобы силу и убедительность данного недостоверного текста превозмочь пропагандой результатов источниковедческого анализа. В противном случае картина прошлого науки будет существенно деформирована.

Субъективность романа Н.И. Кочина проявляется и в том, что его воспоминания ориентированы на конкретных людей – однокашников и преподавателей. Личные впечатления автора, претерпевшие определенную метаморфозу под влиянием процесса художественного творчества и, видимо, в связи с авторским желанием воздать героям прошлого по их заслугам, встретило протест со стороны А.М. Лентовского. Он, как прототип и как герой романа, участвовал в реальном процессе и в действии художественного произведения. Ни в той, ни в другой ипостаси реальный Лентовский не видел правды, даже ее толики. Отвергая Слово Кочина, Лентовский в ряде случаев привел свои впечатления от встреч с людьми, ставшими протипами героев «Нижегородского откоса». И в этих живых впечатлениях заключается ценность его строк для изучения становления высшей школы в Нижнем Новгороде.

Выявление и проверка на достоверность сведений, сталкивающихся в противопоставлении текстов Кочина и Лентовского, – неоспорное по процедуре и результатам исследование. Его корректировка возможна при привлечении иных источников – субъективных мемуарий о Бочкареве и Комаровиче, официальных документов ранней Советской эпохи, подверженных влиянию революционных идеологии и настроений. Реконструкция истории становления высшей школы в начале XX в. возможна и убедительна при условии соотнесения всего массива возможных источников. Такой банальный, в принципе, вывод подразумевает восстановление образов прошлого в их рельефной четкости.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Кочин Н.И.* Нижегородский откос. Нижний Новгород: Литера, 2012. 344 с.
- Кочин Н.И.* Путь Савла. Повесть и другие произведения. Нижний Новгород: Дятловы горы, 2007. 320 с.
- Не подводя итоги... Письмо профессора А.Я. Левина А.А. Кузнецову по поводу его статей, посвященных борьбе с космополитизмом в исторической науке г. Горького и биографии Н.П. Соколова (28.09.2011 г.) // Альманах по истории средних веков и раннего нового времени. 2011. Вып. 2. Нижний Новгород, 2011.
- Павленко Николай.* Воспоминания историка // Родина. 2011. № 10. С. 54–55.
- Троицкий Н.А.* Книга о любви (Записки историка). Саратов: Приволжское книжное издательство, 2006. 304 с.

Литература

- Вовина-Лебедева В.Г.* Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2011. 928 с.
- Крюкова Т.А.* Хронологический список трудов Василия Леонидовича Комаровича // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Т. XVI. М.–Л., 1960. С. 583–588.
- Кузнецов А.А.* Новые факты биографии С.И. Архангельского // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2012. Вып. 40. С. 269–270.
- Кузнецов А.А.* «Ошибки космополитического порядка налицо»: к истории одной идеологической кампании в городе Горьком // Альманах по истории средних веков и раннего нового времени. 2011. Вып. 2. Н. Новгород, 2011. С. 70–91.
- Кузнецов А.А.* С.И. Архангельский (1882–1958). Вехи научного пути // *Пирены Анри.* Средневековые города и возрождение торговли / Пер. с англ. С.И. Архангельского. Нижний Новгород, 2009. С. 146–168.
- Кузнецов А.А.* Художественная литература как историографический источник (на примере романа Н.И. Кочина «Нижегородский откос») // Мир историка: историографический сборник. Вып. 8. Омск, 2013. С. 237–256.
- Кузнецов А.А.* Еще раз о биографии нижегородского архивиста А.К. Кабанова // Материалы V Нижегородской межрегиональной архивоведческой конференции. Нижний Новгород, 2010. С. 172–179.
- Кузнецов А.А., Мельников А.В., Пудалов Б.М.* Новые данные о судьбе нижегородского историка А.К. Кабанова // Материалы II Нижегородской архивоведческой конференции. Новгород, 2006. С. 160–164.
- Кузьмичев И.К.* Николай Кочин. Очерк творчества. Горький: Волго-Вятское изд-во, 1972. 160 с.
- Молев Е.А.* Исторический факультет Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского в прошлом и настоящем // Историческая наука в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2006. С. 3–33.
- Решетов А.М.* Тернистый путь к этнографии и музею: страницы жизни Т.А. Крюковой // Репрессированные этнографы. Вып. 2. М., 2003. С. 269–300.
- Сапон В.П.* Кутузов Михаил Николаевич (1883–1936) // Нижегородский государственный педагогический университет: этапы большого пути. 1911–2011. Нижний Новгород, 2011а. С. 120–121.

- Сапон В.П. «Рассадник учительской нивы» (1911–1917 гг.); Новый вуз в новом обществе (1917–1929 гг.) // Век на педагогической ниве. К 100-летию юбилею НГПУ. Нижний Новгород, 2011б. С. 5–55.
- Сиренов А.В. Главная книга В.Л. Комаровича // *Комарович В.Л.* Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 5–14.
- Стариченкова Е.Д. Константиновские дали // Нижегородский музей. Человек. Культура. Общество. 2011. № 22. С. 7–23.
- Стоюхина Н.Ю. Гуманитарное образование в провинции. Нижегородский университет в первые годы советской власти. СПб.: Любавич, 2011. 234 с.
- Шамиурин В.А. Кочинская стезя // *Кочин Н.И.* Нижегородский откос. Нижний Новгород, 2012. С. 5–14.
- Экитут С.А. Битвы за храм Мнемозины: Очерки интеллектуальной истории. СПб.: Алетейя, 2003. С. 108–139.

BIBLIOGRAFIJA

- Kochin N.I. Nizhegorodskij otkos. Nizhnij Novgorod: Litera, 2012. 344 s.
- Kochin N.I. Put' Savla. Povest' i drugie proizvedenija. Nizhnij Novgorod: Djat-lovy gory, 2007. 320 s.
- Ne podvodja itogi... Pis'mo professora A.Ja. Levina A.A. Kuznecovu po povodu ego statej, posvjashhennyh bor'be s kosmopolitizmom v istoricheskoj nauke g. Gor'kogo i biografii N.P. Sokolova (28.09.2011 g.) // Al'manah po istorii srednih vekov i ranego novogo vremeni. 2011. Vyp. 2. Nizhnij Novgorod, 2011.
- Pavlenko Nikolaj. Vospominanja istorika // Rodina. 2011. № 10. S. 54–55.
- Troickij N.A. Kniga o ljubvi (Zapiski istorika). Saratov: Privolzhsкое knizhnoe izdatel'stvo, 2006. 304 s.
- Vovina-Lebedeva V.G. Shkoly issledovanija russkih letopisej: XIX–XX vv. SPb.: «Dmitrij Bulanin», 2011. 928 s.
- Krjukova T.A. Hronologicheskij spisok trudov Vasilija Leonidovicha Komarovicha // Trudy otdela drevnerusskoj literatury Instituta russkoj literatury (Push-kinskij Dom) AN SSSR. T. XVI. M.–L., 1960. S. 583–588.
- Kuznecov A.A. Novye fakty biografii S.I. Arhangel'skogo // Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii. 2012. Vyp. 40. S. 269–270.
- Kuznecov A.A. «Oshibki kosmopoliticheskogo porjadka nalico»: k istorii odnoj ideologicheskoi kampanii v gorode Gor'kom // Al'manah po istorii srednih vekov i ranego novogo vremeni. 2011. Vyp. 2. N. Novgorod, 2011. S. 70–91.
- Kuznecov A.A. S.I. Arhangel'skij (1882–1958). Vehi nauchnogo puti // Pirenn Anri. Srednevekovye goroda i vozrozhdenie trgovli / Per. s angl. S.I. Arhangel'skogo. Nizhnij Novgorod, 2009. S. 146–168.
- Kuznecov A.A. Hudozhestvennaja literatura kak istoriograficheskij istochnik (na primere romana N.I. Kochina «Nizhegorodskij otkos») // Mir istorika: istoriograficheskij sbornik. Vyp. 8. Omsk, 2013. S. 237–256.
- Kuznecov A.A. Eshhe raz o biografii nizhegorodskogo arhivista A.K. Kabanova // Materialy V Nizhegorodskoj mezhtregional'noj arhivovedcheskoj konferencii. Nizhnij Novgorod, 2010. S. 172–179.
- Kuznecov A.A., Mel'nikov A.V., Pudalov B.M. Novye dannye o sud'be nizhegorodskogo istorika A.K. Kabanova // Materialy II Nizhegorodskoj arhivovedcheskoj konferencii. Novgorod, 2006. S. 160–164.

- Kuz'michev I.K. Nikolaj Kochin. Oчерk tvorчestva. Gor'kij: Volgo-Vjatskoe izd-vo, 1972. 160 s.
- Molev E.A. Istoricheskiy fakul'tet Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universite-ta im. N.I. Lobachevskogo v proshlom i nastojashhem // Istoricheskaja nauka v Nizhegorodskom gosudarstvennom universitete im. N.I. Lobachevskogo. Nizhniy Novgorod, 2006. S. 3–33.
- Reshetov A.M. Ternistiy put' k jetnografii i muzeju: stranyцы zhizni T.A. Krjukovoj // Repressirovannye jetnografy. Vyp. 2. M., 2003. S. 269–300.
- Sapon V.P. Kutuzov Mihail Nikolaevich (1883–1936) // Nizhegorodskij gosudarstvennyy pedagogicheskij universitet: jetapy bol'shogo puti. 1911–2011. Nizhniy Novgorod, 2011a. S. 120–121.
- Sapon V.P. «Rassadnik uchitel'skoj nivy» (1911–1917 gg.); Novyj vuz v novom obshhestve (1917–1929 gg.) // Vek na pedagogicheskoy nive. K 100-letnemu jubileju NGPU. Nizhniy Novgorod, 2011b. S. 5–55.
- Sirenov A.V. Glavnaja kniga V.L. Komarovicha // Komarovich V.L. Kitezhszkaja legenda. Opyt izuchenija mestnyh legend. SPb.: Dmitriy Bulanin, 2013. S. 5–14.
- Starichenkova E.D. Konstantinovskie dali // Nizhegorodskij muzej. Chelovek. Kul'tura. Obshhestvo. 2011. № 22. S. 7–23.
- Stojuhina N.Ju. Gumanitarnoe obrazovanie v provincii. Nizhegorodskij univer-sitet v pervye gody sovetskoj vlasti. SPb.: Ljubavich, 2011. 234 s.
- Shamshurin V.A. Kochinskaja stezja // Kochin N.I. Nizhegorodskij otkos. Nizhniy Novgorod, 2012. S. 5–14.
- Jekshtut S.A. Bitvy za hram Mnemoziny: Oчерki intellektual'noj istorii. SPb.: Aletejja, 2003. S. 108–139.

Кузнецов Андрей Александрович, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории средневековых цивилизаций, проректор Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского; nalbuz@mail.ru

The novel “Nizhegorodsky otkos” by N.I. Kochin’s:

A source on the history of science and the higher school in Nizhny Novgorod

Article is devoted to the use of fiction as historical source on history of the higher school. The novel "The Nizhny Novgorod slope" by N. I. Kochin's is under discussion. The novel reflects the life of the higher school in Nizhny Novgorod in the 1920s and presents images of professors and teachers of Nizhny Novgorod institute and university. The problem of reliability of testimonies of the novel is addressed in the article. The author concludes that the novel by Kochin offers some information on the everyday life of historians and scholars in humanities but in some cases, this information is consciously distorted. The task of historians and the historians of literature is to refute the persuasive force of this unreliable text with the propaganda of the results of historiographical analysis, otherwise the image of the past of historical discipline would suffer a serious deformation.

Keywords: N.I. Kochin, historical source, fiction, Nizhny Novgorod teacher training college, Nizhny Novgorod university, V.L. Komarovich, S.I. Arkhangelsky, V.N. Bochkaryov.

Kuznetsov Andrey Aleksandrovich, Dr.Sc. (History), Associate professor, Head of the Department of the History of medieval civilizations, Deputy-Rector of the N.I. Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod; nalbuz@mail.ru

CONTENTS

Anniversary

<i>M.P. Lapteva.</i> Max Weber's ideal-type method as a tool for analysis of civilizations.....	5
--	---

Time – History – Memory

<i>Z.A. Chekantseva.</i> Historical event and time in the context of the 'rhythmic paradigm'.....	14
<i>L.P. Repina.</i> Temporal characteristics of historical consciousness: (on the dynamic component of the "history of memory").....	28
<i>A.G. Vasilyev.</i> Cult of hero and national identity: a study of collective memory in Stefan Czarowski's sociology of culture.....	44

Intellectual history today

<i>O.L. Akopyan.</i> Marsilio Ficino's Astrology and medieval tradition.....	66
<i>I.E. Andronov.</i> Historicism and local method in Tommaso Campanelli's works. 1554-1561.....	89
<i>A.Yu. Seregina.</i> Education and pastoral work of priests within the English Catholic community, 16-17 th cc.: the clergy in the entourage of the Viscounts of Montague.....	108
<i>V.A. Filimonov.</i> H.N. Kareev and M. Korelin: communication in the context of Greek-Roman discourse.....	138
<i>E.A. Vorontsova.</i> M.A. museum as a basic element of informational infrastructure of historical discipline.....	163

History of ideas

<i>A.A. Isserov.</i> A comparison of the declarations of independence in the USA and the countries of Spanish America: a formulation of a problem....	190
<i>R.Yu. Belkovich.</i> Two Wars for Independence: Abraham Lincoln and the Secession Problem.....	218
<i>M.Ts. Arzakanian.</i> The idea of European Army. France and USSR.....	236

In the space of cultural history

<i>I.G. Konovalova.</i> An ancient ethnotoponym on medieval map: "Scythia" by al-Idrisi.....	249
<i>E.N. Kirillova.</i> Age as a relative number: People of different ages in the "Book of the Trades" of Paris.....	268
<i>N.A. Selounskaya.</i> The Space of Unequal Dialogue: witnesses, witches and inquisitors in the 16 th -century Venice.....	281
<i>V.V. Chubarova.</i> The place and role of Poland in Europe as seen by the Poles.....	299
<i>A.V. Shamanaev.</i> Artifacts theft and vandalism counteraction in Chersonesos by Odessa Society of History and Antiquities (1840–1880's).....	327

Problems of terminology

<i>O.N. Kvasov.</i> Definitions and Conceptual Framework for the Description of Russian Revolutionary Terrorism.....	338
---	-----

History and Literature

<i>D.A. Budiukin.</i> The religious commemorative practices of the merchants of the second half of 19 th – early 20 th c. in I.S. Rukavishnikov's novel "The Damned Family".....	354
<i>A.A. Kuznetsov.</i> The novel "Nizhegorodsky otkos" by N.I. Kochin's: A source on the history of science and the higher school in Nizhny Novgorod.....	367

СОДЕРЖАНИЕ

К Юбилею

<i>М.П. Лантвеа.</i> Идеально-типический метод Макса Вебера как инструмент анализа цивилизаций.....	5
---	---

Время – История – Память

<i>З.А. Чеканцева.</i> Историческое событие и время в контексте “ритмической парадигмы”	14
<i>Л.П. Репина.</i> Темпоральные характеристики исторического сознания (о динамическом компоненте “истории памяти”).....	28
<i>А.Г. Васильев.</i> Культ героя и национальная идентичность: изучение коллективной памяти в социологии культуры С. Чарновского.	44

Интеллектуальная история сегодня

<i>О.Л. Акоюн.</i> Астрология Марсилио Фичино и средневековая традиция.....	66
<i>И.Е. Андронов.</i> Историзм и локальный метод в трудах Томмазо Кампеджи. 1554–1561	89
<i>А.Ю. Серегина.</i> Образование и пастырская деятельность клириков в английском католическом сообществе XVI–XVII вв.: духовенство в свите виконтов Монтегю.....	108
<i>В.А. Фильмонов.</i> Н.И. Кареев и М.С. Корелин: коммуникация в рамках греко-римского дискурса.....	138
<i>Е.А. Воронцова.</i> Музей как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки.....	163

Из истории идей

<i>А.А. Исэров.</i> Сравнение деклараций независимости США и стран Испанской Америки: к постановке проблемы.....	190
<i>Р.Ю. Белькович.</i> Две войны за независимость: Авраам Линкольн и проблема сепарации	218
<i>М.Ц. Арзаканян.</i> Идея европейской армии. Франция и СССР.....	236

В пространстве культурной истории

<i>И.Г. Коновалова.</i> Античный этнопоним на средневековой карте: «Скифия» ал-Идриси.....	249
<i>Е.Н. Кириллова.</i> Возраст – величина относительная: люди разного возраста в «Книге ремесел» Парижа.....	268
<i>Н.А. Селунская.</i> Пространство диалога неравных: свидетели, ведьмы и инквизиторы в Венеции XVI века.....	281
<i>В.В. Чубарова.</i> Место и роль Польши в Европе глазами поляков.....	299
<i>А.В. Шаманаев.</i> Противодействие хищениям находок и вандализму на Херсонесском городище.....	327

Проблемы терминологии

<i>О.Н. Квасов.</i> Дефиниционные категории и понятийный аппарат российского революционного терроризма.....	338
---	-----

История и литература

<i>Д.А. Будюкин.</i> Церковно-коммеморативные практики купечества второй половины XIX – начала XX в. в романе И.С. Рукавишника «Проклятый род».....	354
<i>А.А. Кузнецов.</i> Художественная литература как источник по истории науки и высшей школы в Нижнем Новгороде 1920-х гг. (на примере романа Н.И. Кочина «Нижегородский откос»).....	367

CONTENTS.....	398
---------------	-----

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

49 / 2014

Главный редактор
Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1517
Тел. (495) 938-53-91
Web-страница: <http://www.igh.ras.ru/intellect/books/index.htm>
Электронная почта: dialogue.time@yandex.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.

Дизайн обложки И. Н. Граве

Подписано в печать 27. 11. 2014
Формат 60x90 / 16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25. Тираж 600. Заказ №

Отпечатано в типографии Onebook.ru
ООО «Сам Полиграфист»
Москва, Протопоповский пер., д. 6.
Электронная почта: info@onebook.ru
Адрес в интернете: www.onebook.ru
Тел.: +7 495 545-37-10

ISSN 2073-7564
Эл. № ФС 77-53624